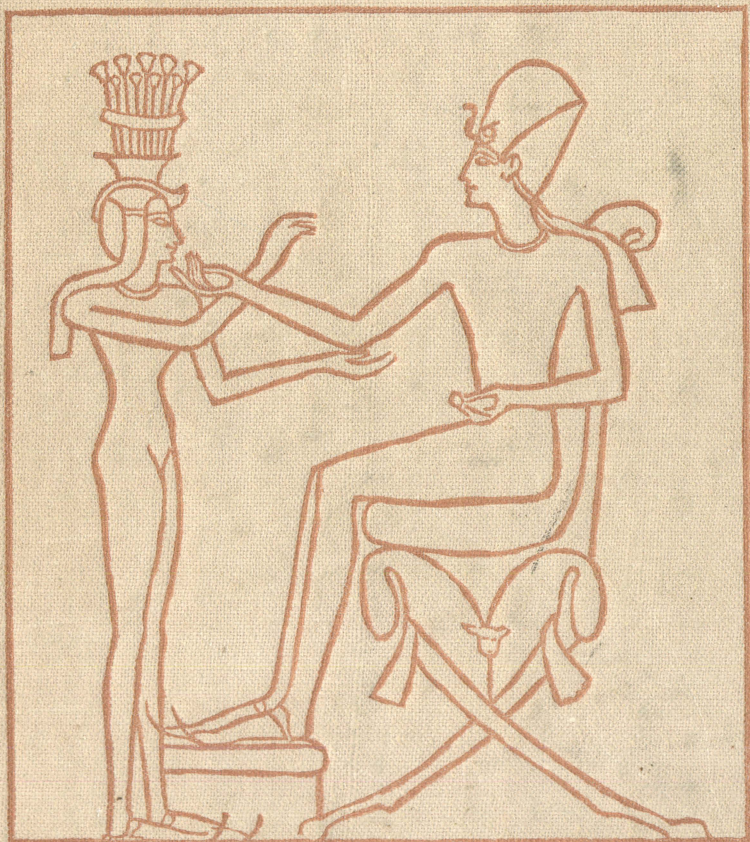

ЗАВЕЩАННОЕ ВРЕМЕНЕМ

Л. ДОЙЕЛЬ

Отредактировал и опубликовал на сайте : PRESSI (HERSON)

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Издательство «Наука»

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л. ДОЙЕЛЬ

ЗАВЕЩАННОЕ ВРЕМЕНЕМ

*Поиски памятников
письменности*

Главная редакция восточной литературы
Москва 1980

L. DEUEL.
Testaments of Time.
The Search for Lost Manuscripts and Records.
N. Y., 1965.

Редакционная коллегия

*А. Н. Болдырев, И. С. Брагинский, А. Е. Глукина, О. К. Дрейер,
И. М. Дьяконов, А. Н. Кононов, А. Д. Литман, В. Г. Луконин,
Ю. А. Петросян (председатель), Б. Б. Пиотровский, В. М. Солнцев,
О. Л. Фишман (отв. секретарь), Е. П. Челышев*

Перевод с английского
Э. А. Маркова

Предисловие, примечания и общая редакция
Я. В. Василькова

Дойель Л.

Д 62 Завещанное временем. Поиски памятников письменности. Пер. с англ. Э. А. Маркова. Предисл., примеч. и общая редакция Я. В. Василькова. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1980.

728 с. с ил. и карт: (Культура народов Востока)

Книга посвящена истории открытия древних рукописей и их дешифровки. В ней рассказывается о поисках и находках древнейших текстов: египетских и греческих папирусов, латинских рукописей, клинописных таблиц, библейской и раннехристианской литературы, текстов народов Центральной Азии и доколумбовой Америки. Книга снабжена иллюстрациями и обширной библиографией.

Д $\frac{70101-021}{013(02)-80}$ 243—79. 0501000000 4+9(М)03+902.9

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Книжная археология», «археология памятников письменности», восстановление литературных текстов и документов», «охота за рукописями» — так определяет Лео Дойель тему своей увлекательной книги, русский перевод которой предлагается теперь вниманию читателей. Книга эта по теме, а также по широте охвата материала во времени (от эпохи Возрождения и завоеваний конкистадоров до 60-х годов нашего столетия) и в пространстве (от Средиземноморья до Центральной Азии и Центральной Америки) вполне может быть признана единственной в своем роде. Древние книги и документы, «охота» за которыми описывается на ее страницах, совершенно различны по своему облику: здесь и глиняные таблички с клинописью, и свитки из папируса и пергамента, и книги-кодексы, по форме приближающиеся к современным, но также являющие удивительное многообразие (одним понятием «кодекс» определяются и пергаменные кодексы античного и раннехристианского Средиземноморья, и центральноазиатские рукописи на бересте и бумаге, и сложенные «гармошкой» центральноамериканские рисуночные книги, использовавшие как материал шкуры оленей и ягуаров или местную «бумагу» из луба фикуса). Весьма широк и диапазон содержания объектов «книжной археологии» — от шедевров поэзии и философии, от древних мифов и священных текстов до интимной корреспонденции и административно-хозяйственных записей. На редкость пестрой толпой проходят перед читателем многочисленные «герои» книги: рядом с образами гуманистов-книголюбов и беззаветно преданных своему делу подвижников науки возникают время от времени фигуры разного рода авантюристов, религиозных фанатиков, искусных фальсификаторов и беспринципных дельцов. Столь же многообразны описанные здесь пути, ведущие к открытиям. Мы читаем и о том, как организованные научными учреждениями археологические экспедиции ведут с заветной целью обнаружить архив или библиотеку планомерные раскопки в развалинах древних городов; как одиночки-энтузиасты предпринимают разведывательные вылазки в дальние страны и увлеченно обследуют книгохранилища старинных монастырей; как ученые совершают выдающиеся открытия в фондах европейских библиотек или даже в стенах собственных кабинетов; как, наконец, агенты музеев и частные коллекционеры приобретают уникальные рукописи на черном рынке древностей у весьма сомнительных посредников.

Эта калейдоскопическая пестрота материала не привела, однако, к распадению повествования на отдельные, не связанные между собой эпизоды. Началами, цементирующими воедино все эти столь различные по времени, месту и характеру действия картины, являются романтика увлеченного поиска, пафос возрождения из небытия сокровищ духовной культуры прошлого. И не раз, в самых разных частях своего повествования, автор искусно передает читателю чувство волнения, неизменно сопутствующее тем «звездным» мгновениям, когда благодаря новооткрытому письменному документу исследователь вдруг может с необычайной живостью и непосредственностью ощутить сокровенный ритм жизни людей давно минувших эпох, испытать сопереживание их тревогам и чаяниям, увидеть их повседневный быт в его самых рельефных и конкретных чертах.

И еще один важный мотив проходит через всю книгу, придавая ей внутреннее единство: это мысль о «взаимозависимости человеческой культуры в масштабах почти всего земного шара», о неразрывности культурных традиций во времени и пространстве, их взаимовлиянии и взаимообогащении. Л. Дойель постоянно подчеркивает, что в наивысших достижениях человеческой цивилизации неизменно сочетаются вклады различных национальных культур, что этнические и языковые барьеры не служат препятствием для распространения «света знания». Согласно первоначальному замыслу ему действительно удалось сделать свою «книгу о книгах» одновременно и «книгой об истории единого мира» (см. Предисловие автора). Читатели, надо думать, по достоинству оценят эту объективную, гуманистическую установку автора.

Не лишним будет, представляя читателям книгу Л. Дойеля, сказать несколько слов и о нем самом. Гражданин США швейцарского происхождения, он окончил Колумбийский университет, а в Цюрихском университете получил ученую степень доктора философии. В 1948—1954 гг. состоял в редакционных советах издательства Колумбийского университета и «Энциклопедии Американа». Некоторое время работал в Женеве, во Всемирной организации здравоохранения. Затем, с 1958 по 1961 г., преподавал на Историческом факультете «Колледжа города Нью-Йорка». В последние годы Л. Дойель приобрел известность как автор научно-популярных книг по археологии. Помимо представляемой вниманию читателей им написаны также книги «Полет в прошлое» (об использовании в археологии метода аэрофотосъемки)¹ и «Конкистадоры без мечей» (об истории археологии Нового Света).

В настоящей книге Л. Дойель, в чем читатель вскоре сможет убедиться сам, проявляет себя человеком редкой эрудиции. Казалось бы, задумав написать столь широкую по охвату материала книгу, он вознамерился

¹ Русский перевод издан в 1979 г.

объять необъятное: ведь не может же один человек быть в равной мере компетентен в истории исследования рукописных памятников столь различных культур, в столь многочисленных научных дисциплинах, проблематику которых он неизбежно должен затрагивать в ходе повествования (археология, палеография, критика текста, дешифровка письменностей и т. д.). Материал, несомненно, придется зачастую брать из вторых и третьих рук; как тут уберечься от недопонимания и серьезных ошибок? Но опасения такого рода в целом оказываются, к счастью, напрасными. Автор демонстрирует навык виртуозного обращения со своими источниками (научной и биографической литературой) и, кроме того, несомненный дар выделять из массы сведений наиболее существенное, улавливать самую суть важнейших проблем в затрагиваемых им областях знания. Выдерживает он в большинстве случаев и критическую объективность, не увлекаясь и не отдавая без достаточных к тому оснований предпочтения какой-либо одной из выдвигавшихся наукой по тому или иному конкретному вопросу теорий.

Число фактических ошибок и разделяемых автором сомнительных мнений в книге минимально. Некоторые из них отмечены нами в примечаниях. Здесь же представляется необходимым сказать о тех отдельных случаях, когда автор отступает от объективности, когда к изложению истории открытий и судеб рукописей примешиваются предубежденность и пристрастность, что несколько омрачает впечатление от книги.

Например, приводя высказывания итальянских собирателей рукописей эпохи Возрождения о варварстве и невежестве монахов заальпийских монастырей, на библиотеки которых во имя «спасения» рукописей гуманисты устраивали время от времени набеги, Л. Дойель справедливо отмечает в этих высказываниях большую долю преувеличения, вызванного не только известным «шовинизмом итальянского Возрождения», но также стремлением гуманистов оправдать в глазах общественности и потомков свои далеко не всегда благовидные операции по изъятию рукописей. Однако в последующих главах он воспроизводит без всяких оговорок рассказы европейских путешественников XVII—XIX вв. о «чудовищном небрежении», с которым якобы хранились рукописи в монастырях стран Восточного Средиземноморья, о полном невежестве монахов, вырывавших будто бы листы из рукописей для хозяйственных нужд, продававших их туркам на пыжи для патронов, предававших бессмысленному сожжению. Между тем очевидно, что эти рассказы преувеличены, если во многом не лживы, а продиктовано это тем же стремлением оправдать скупку рукописей за бесценок, незаконный вывоз рукописей из стран, достоянием культуры которых они являются. Л. Дойель замечает, кстати, что рассказы о печальной участи рукописей в восточных монастырях, например в путевых очерках Кёرزона, как две капли воды схожи с рассказами Поджо и Боккаччо,

но от логического расширения аналогии он воздерживается. Опровергая вымыслы гуманистов, затрагивающие честь германских и швейцарских монахов, он отказывается от комментирования точно таких же вымыслов, порочащих жителей стран Востока, вследствие чего читателю остается только думать, что все эти истории вполне достоверны.

Предвзятость этого рода резче всего проявляется в книге Л. Дойеля в том, как он некритически воспроизводит со слов К. Тишендорфа и его восторженных западных биографов историю открытия знаменитого «Синайского кодекса» (гл. XIII—XIV). Впрочем, от внимательного читателя в этих главах не ускользнут такие черты характера К. Тишендорфа, которые никак не укладываются в идеальный образ, сформировавшийся в пору безудержного его прославления как «автора» выдающейся находки. Мало чести ученому делают, например, слова из его письма к невесте, написанного в те дни, когда он пользовался гостеприимством обитателей Синайского монастыря: «Ты и представить себе не можешь эту свору монахов! Имей я власть и достаточно физической силы, я бы свершил богоугодное дело, вышвырнув всю шайку через стену!» (с. 333). Характерно также, что, впервые заполучив в руки «Синайский кодекс», Тишендорф на следующее же утро предложил монастырскому эконому крупную взятку за посредничество в деле продажи рукописи. Все это говорит о владевшем Тишендорфом нетерпении азарта и о презрении к «неученым» монахам, которое он едва ли умел скрывать. Не удивительно, что и монахи, не оставаясь слепы к этим чертам в характере своего гостя, утаивали от него рукописи, подозрительно относились к нему и к другим бесцеремонным европейским «книголюбам» и отвергали любые денежные предложения с их стороны, предпочитая поднести рукопись в дар «единоверному» русскому царю. Тишендорф платил им за эту скрытность и неуступчивость тем, что постоянно в своей переписке и отчетах обвинял их в «постыдном небрежении», вандализме, невежестве; и здесь он, несомненно, искажал истину. Из его же сообщений явствует, что во время его пребывания в монастыре основная здешняя библиотека находилась в ведении образованного хранителя и имела свой каталог; в другой печатные издания были расставлены в порядке по полкам; в третьей хранились особо ценные книги, с гордостью демонстрировавшиеся гостям. Монахи сами прочли «Синайский кодекс» и показали его посетившему монастырь известному русскому церковному деятелю и ученому, специалисту в области истории восточных церквей Порфирию Успенскому². Кстати, в русской историографической традиции

² Порфирий (Константин) Успенский (1804—1885) — русский церковный деятель, архимандрит (с 1865 г. епископ), исследователь истории Ближнего Востока (особенно восточных церквей). Путешествовал по странам Ближнего Востока в 1843—1846, 1847—1854, 1858—1861 гг.).

именно архимандриту Порфирию, а не Тишендорфу приписывается честь открытия «Синайского кодекса», поскольку Порфирий ознакомился с рукописью еще в 1845³ или 1850 г., когда Тишендорфу были известны только отдельные, «обреченные сожжению» листы. Порфирий как безымянный «русский церковный деятель» упоминается на с. 340 книги Л. Дойеля, где сказано, что он, ознакомившись с кодексом, «не сумел оценить его по достоинству и не удосужился даже выяснить, какие в нем содержатся тексты». Это утверждение неверно. Порфирий был неплохим палеографом и без труда опознавал греческое письмо V в. (по возвращении с Востока он опубликовал копии некоторых страниц рукописных Библий этого времени). Если даже, рассматривая «Синайский кодекс», он и не осознал, что держит в руках древнейшую рукопись греческой Библии, он все же исчерпывающе охарактеризовал ее содержание. В дневнике своего второго путешествия на Синай в 1850 г. (опубликованном в 1856 г., однако за три года до того, как Тишендорф увидел всю рукопись целиком) Порфирий пишет, что посвятил четыре дня изучению «старинной греческой рукописи на белом и тонком пергамене в лист, содержащей часть Ветхого Завета и весь Новый Завет с посланием апостола Варнавы и книгою Ермы»⁴.

Утверждение К. Тишендорфа о том, что он спас кодекс от неминуемого сожжения, выглядит (хотя Л. Дойель убежден в его достоверности) весьма сомнительным: подобного рода драматические рассказы являются, по существу, общим местом в тенденциозных отчетах европейских «охотников за рукописями», побывавших в восточных монастырях (и обвинявшихся потом монахами, как, в частности, Кёрзон и Тишендорф, в незаконном изъятии рукописей). Они относятся к той же категории легенд, что и известный миф о сожжении феллахами древних папирусов ради якобы источаемого сжигаемым папирусом аромата⁵ (запах горящего папируса ничем не отличается от запаха горящей бумаги, но Дойель находит, однако, возможным полусерьезно предположить, что европейцам, видимо, недостает «изощренной чувствительности ноздрей феллахов»). Чем же объяснить живучесть подобных «научных мифов», позволяющую им в наш просвещенный век возрождаться на страницах в целом объективно написанной научно-

³ Так по статье: М. А. Коростовцев, С. И. Ходжаш. Восточная деятельность Порфирия Успенского.— Ближний и Средний Восток. М.—Л., 1962, с. 130, со ссылкой на работу: Порфирий Успенский. Мнение о Синайской рукописи, содержащей в себе Ветхий Завет неполный и весь Новый Завет..., СПб., 1862.

⁴ Второе путешествие архимандрита Порфирия Успенского в Синайский монастырь в 1850 году. СПб., 1856, с. 183.

⁵ См.: В. Г. Борохович. В мире античных свитков. Саратов, 1976, с. 71.

популярной книги? Несомненно, здесь сказывается тот факт, что в сознании западноевропейской научной элиты присутствует поныне своеобразный комплекс вины, чувство ответственности за моральные, а подчас и юридические погрешности ранних поколений собирателей, которые — главным образом в первой половине XIX в. — значительно обогатили рукописными шедеврами библиотеки Европы за счет книгохранилищ колониальных и отсталых стран. Возможность постановки вопроса о правомерности всех этих ранних приобретений заметно тревожит Л. Дойеля. «При всех ли обстоятельствах, — спрашивает он, — предосудительно перемещать произведения искусства или документы из мест их первоначального нахождения? Кто может определить местное или национальное право собственности на предметы древней культуры в том случае, если они прежде были похищены при равнодушной покорности или прямом пособничестве „туземцев“? Следует ли все эти обелиски, Нефертити и Венеры, а также все папирусы возратить в те страны, где они были созданы и где прежде их не умели оценить по достоинству? Должны ли мы опустошить наши музеи?» В бурной полемике по этому вопросу, в которой обе заинтересованные стороны выдвигают свои, противоречащие друг другу трактовки давних событий, ум западного ученого волей-неволей склоняется к более приемлемым для его стороны версиям. И здесь оказываются весьма кстати старые мифы о неминуемой гибели, которая будто бы угрожала рукописям на их родине, не приди им вовремя на помощь «Галахады папируса и пергамена»⁶.

«Синайскому кодексу» в книге Л. Дойеля особенно не повезло. Преубежденностью с некоторой политической окраской отмечен и рассказ о продаже кодекса Советским Союзом Британскому музею (начало гл. XIII). Известно, что шаг этот был вынужденным: развивая стремительными темпами индустриализацию, страна испытывала колоссальное напряжение сил и огромные финансовые трудности. Но решение о продаже кодекса отнюдь не означает, что в «атеистическом государстве» не осознавали его научной ценности. Странной выглядит фраза Л. Дойеля: «При тогдашних обстоятельствах Британский музей был, несомненно, более подходящим местом хранения, чем ленинградская библиотека» (с. 312). Похоже, здесь неискушенному читателю опять намекается на некие «обстоятельства» чисто мифического свойства, мотивирующие необходимость «спасения» рукописи для европейской науки. Ученым же хорошо известно, что ус-

⁶ В последнее время требование возвращения хотя бы части культурно-исторических ценностей в страны, откуда они были вывезены, звучит все более настоятельно; см., например, обращение генерального директора ЮНЕСКО Амаду-Махтара М'Боу и статью Жоржа Фрадьё «Утраченные культурные ценности» в журнале «Курьер ЮНЕСКО» за август 1978 г.

ловия хранения материалов в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в 30-е годы были те же, что и в других крупнейших мировых собраниях. Кстати, все ценнейшие греческие рукописи библиотеки (из которых лишь один «Синайский кодекс» был продан за границу) и сейчас благополучно «здравствуют» в ее фондах.

Сама история «величайшей книжной покупки» излагается в такой последовательности: сначала «король букинистов» А. С. Вольф Розенбах вступил в контакт с советской торговой организацией — Амторгом, но, хотя назначенную цену слишком высокой, на время прервал переговоры. Вскоре он узнал, что кодекс продан Британскому музею. При этом книготорговец был ошеломлен тем, что музей заплатил сумму, более чем вдвое меньшую, нежели та, что была названа ему прежде. Читателю этот факт преподносится как некая загадка: то ли русские поспешно сбавили цену, напуганные отказом Розенбаха, то ли их поведение вообще непредсказуемо — он должен додумывать сам. Истина же, однако, состоит в том, что владельцы кодекса сознательно предпочли уступить уникальную рукопись не «королю букинистов» (т. е., по существу, крупнейшему книжному спекулянту) Розенбаху, а — за значительно меньшую цену — научному учреждению, пользующемуся во всем мире заслуженно высокой репутацией. Нельзя не признать, что советской стороне такой образ действий в этой истории делает только честь.

Возможно, Л. Дойель и неповинен в том, что в ряде мест его книги (как в случае с Порфирием) проявляется неосведомленность в истории русской науки и недооценка, если не игнорирование, ее достижений. Черпая материал из вторых рук, он лишь отражает тенденцию, весьма, к сожалению, распространенную в среде ученых Запада. Одним из проявлений этой тенденции является неверная оценка (с. 410—412) деятельности известного собирателя древнееврейских рукописей А. С. Фирковича (1786—1874). Он представлен читателю как «мошенник, ученый и фанатик» одновременно. Из трех определений верно лишь последнее. Авраам Фиркович был не «ученым» в современном понимании этого слова, а средневекового типа начетчиком с допросветительской идеологией. Называть его «мошенником» и даже «фальсификатором, подобным Симониду», также нет оснований: он не фабриковал рукописей (как это делал в расчете на обогащение Симонид), а лишь снабжал некоторые из них приписками и произвольными датами для подтверждения фактов, которые сам считал истинными. С его точки зрения, типичной для средневекового книжника, эти действия были вполне оправданны и даже похвальны. В пылу полемики, разгоревшейся в 70—80-х годах прошлого века после обнаружения этих приписок, была поставлена под сомнение и подлинность ряда рукописей из знаменитой коллекции Фирковича. Однако впоследствии сами рукописи были признаны все же подлинными. Неверно утверждение Л. Дой-

еля о том, что источники рукописей коллекции Фирковича неизвестны, поскольку он якобы «действовал тайно». Напротив, Фиркович действовал не просто открыто, а порой с большим шумом, именем закона изымая рукописи из синагог с помощью полиции. Другое дело, что на Западе, не слишком хорошо зная географию России, путают Кавказ с Бухарой (с. 411), а Дербент с Крымом (с. 432); только этим, видимо, и порожден вывод о «неопределенности источников». Напрасно сомневается Л. Дойель и в факте посещения А. Фирковичем каирской генизы: по возвращении с Ближнего Востока в Россию Фиркович представил о своей поездке вполне официальный отчет.

Глава XVIII, посвященная рукописным сокровищам каирской генизы, вызывает еще одно возражение. При ее построении автор отбирал факты истории науки в основном по «биографическому» принципу, и в результате на переднем плане повествования оказывается, затмевая собой все остальное, фигура С. Шехтера. Поставив его деятельность в основу всего рассказа о рукописях генизы, автор не удержался от некоторого преувеличения заслуг своего героя. Например, он утверждает, будто «никто другой из ученых-гебраистов его (С. Шехтера.— Я. В.) времени не был достаточно компетентен, чтобы опознать неожиданно появившийся фрагмент из „Премудрости Иисуса Бен Сиры“» (с. 416—417). На основании подобных высказываний у читателя-неспециалиста может сложиться мнение, что С. Шехтер был первым гебраистом своей эпохи, без которого сокровища генизы остались бы непонятыми и не оцененными по достоинству. В действительности фрагмент из Бен Сиры сумел бы опознать любой грамотный гебраист; сам текст был прекрасно знаком многим по изданиям христианской Библии. Величайшая заслуга С. Шехтера состоит в том, что он первый приступил к разбору и систематизации рукописей каирской генизы; но, отдавая ему в этом должное, нельзя забывать, что одновременно с ним работали над памятниками еврейской и еврейско-арабской письменности из генизы и других источников такие выдающиеся специалисты, как М. Штейншнейдер, А. Нейбауэр, Г. Деранбур, А. Я. Гаркави, П. К. Коковцов, молодой еще в те годы Пауль Кале и ряд других. После смерти С. Шехтера продолжали находить и публиковать фрагменты оригинала Бен Сиры Е. Б. (Хаим) Ширман и Бен-Дов. Необходимо, наконец, отметить, что в России работа по систематизации и (частично) публикации рукописей каирской генизы была начата с момента поступления второго собрания Фирковича в 1874 г., а затем планомерно велась на протяжении многих лет (прерываясь лишь на периоды гражданской и Отечественной войн) в преемственной последовательности такими специалистами, как А. Я. Гаркави, П. К. Коковцов, А. Я. Борисов, В. В. Лебедев.

12 Как мы уже говорили, Л. Дойелю удалось создать увлекательное, отмеченное идейным и художественным единством повествование, используя

огромный по объему и самый разнообразный материал. Но автор не ставил перед собой задачи сделать свою книгу энциклопедией «книжной археологии». Рассказ обо всех, даже наиболее важных, открытиях памятников древних письменностей нельзя уместить в рамках одной книги, поэтому Л. Дойелю пришлось производить отбор, принципы которого изложены в авторском предисловии. Предпочтя отдать должное менее известным, хотя и первостепенным по значению находкам (таким, как находка текстов Угарита или рукописей Дуньхуана), Дойель с полным основанием отказался от описания обстоятельств открытия, например, Ниневийской библиотеки: эта месопотамская эпопея прекрасно известна англоязычному читателю научно-популярных книг. К сожалению, этого нельзя сказать о советском читателе; лишь в небольшой мере могут восполнить для него этот существенный пробел популярная книга для юношества Л. Липина и А. Белова «Глиняные книги» (М.—Л., 1952) и некоторые главы переводной книги К. Керама «Боги, гробницы, ученые» (М., 1963).

Мы не можем, однако, сказать с той же уверенностью, по какой именно причине оказались обойдены вниманием в книге Л. Дойеля письменные памятники хеттов. Раскопки археологов, например Г. Винклера, усилия Б. Грозного и других дешифровщиков предоставили бы автору благодарный, изобилующий драматическими эпизодами материал. В книге, где одной из центральных является мысль о взаимодействии и контактах культур, рассказ о хеттских мифологических текстах пришелся бы особенно к месту, поскольку они в некоторой своей части «являются звеном, связывающим древние литературы Ближнего Востока с древнегреческой мифологической и поэтической традицией»⁷.

Немногим более десятилетия прошло с момента выхода в свет книги Л. Дойеля, а данный им в эпилоге оптимистический прогноз будущего «книжной археологии» уже подтвердился новыми выдающимися открытиями. Правда, не найдено пока нового центра, столь же богатого древними письменными текстами, как классические страны «папируса и глины», и важнейшие рукописные находки последних лет сделаны там же — в Египте, Палестине, Сирии.

Начатые в 1963 г. (о чем упоминает Л. Дойель в конце главы «Пещеры в Иудейской пустыне») систематические раскопки крепости Масада

⁷ В. В. Иванов, Очерк истории и культуры хеттов.— К. Керам. Узкое ущелье и Черная гора. М., 1962, с. 202. По счастью о хеттской литературе в популярных изданиях на русском языке можно прочесть немало. Помимо упомянутой книги К. Керама см. также раздел «Хеттская литература» в книге «Поэзия и проза Древнего Востока» (М., 1973) и очерк Г. Г. Гютербока «Хеттская мифология» в книге «Мифологии древнего мира» (М., 1977).

(ставшей последним оплотом и местом гибели участников антиримской войны 66—73 гг. н. э.) дали богатый рукописный материал. Наиболее важной была находка древнееврейского оригинала (гл. 11—44) «Премудрости Иисуса Бен Сиры», т. е. того самого «Экклесиастика», поздний список которого был обнаружен С. Шехтером в каирской генизе. Наряду с библейскими и апокрифическими рукописями в Масаде был обнаружен и кумранский по происхождению текст, что дало ученым повод поставить вопрос об отношениях кумранской общины с наиболее радикальными группами участников антиримского восстания — зелотами и сикариями.

Неутомимые бедуины-таамире — первооткрыватели пещер Иудейской пустыни — в 1962 г. навели ученых на след еще одного интереснейшего рукописного «клада». В окрестностях Иерихона (Иордания) археологи обнаружили в одной из пещер архив папирусных документов на арамейском языке, относящихся к IV в. до н. э. Захоронению их в пещере, как выяснилось, предшествовали драматические события. Александр Македонский, мстя за убийство своего наместника, подверг разрушению город Самарию. В попытке спастись от гнева завоевателя знатные самаритяне бежали и укрылись в пещерах близ Иерихона. Там их в конце концов нашли и перебили воины Александра, но вывезенный и спрятанный ими в пещере городской архив много веков спустя попал в руки ученых. В нем нет литературных памятников, но он имеет первостепенное значение для изучения социально-экономических и политических отношений в Палестине IV в. до н. э. (а это едва ли не самый темный период в истории страны). Еще важнее самарийские документы для изучения истории и палеографии арамейского языка⁸.

Мимоходом и главным образом в связи с их оригинальной переходной формой папирусных кодексов упомянуты Л. Дойелем тринадцать рукописных книг, обнаруженных в 1945 г. неподалеку от городка Наг-Хаммади в Верхнем Египте. Собственно говоря, это целая небольшая библиотека, состоящая почти из пятидесяти отдельных сочинений на более чем тысяче страниц. По содержанию тексты представляют гностическое течение в раннем христианстве и вообще гностицизм — восточное религиозное учение, предшествовавшее, как теперь принято думать, христианству и позднее присоединившееся к нему. Уже при первом знакомстве с зарытыми в землю около 400 г. н. э. коптскими рукописями Наг-Хаммади отмечены были моменты сходства между ними и упоминаемыми у Дойеля «Логиями», оксиринхским папирусом с изречениями Христа, который был опубликован в начале века Гренфеллом и Хантом и рассматривался обычно как ортодок-

⁸ См.: И. Д. Амусин. Находки у Мертвого моря. М., 1964, с. 97—99; он же. Новейшие открытия и публикации рукописей из района Мертвого моря. — Генрих Штоль. Пещера у Мертвого моря. М., 1965, с. 24—26.

сально-христианское сочинение. Сейчас установлено, что оксиринхские фрагменты «Логий» представляют греческий вариант популярного в среде гностиков (и, возможно, представителей других ветвей раннего христианства) апокрифического «Евангелия от Фомы», коптский текст которого найден в Наг-Хаммади. По мере исследования и публикации коптских текстов значение их в глазах специалистов и интерес к ним стремительно возрастали. К 1970 г. об этих рукописях, как свидетельствует изданная в 1971 г. «Библиография Наг-Хаммади», было написано уже более 2400 работ. Исключительная, как признано теперь, ценность коптской библиотеки не ограничивается тем, что она содержит уникальную информацию о христианском гностицизме и об ортодоксальном христианстве раннего периода. Отдельные гностические сочинения из Наг-Хаммади — как, например, «Откровение Адама», датируемое I в. до н. э. или I в. н. э., — восходят ко времени, предшествующему возникновению христианства. Благодаря им ученые теперь в состоянии заполнить лакуны в истории иудаистского сектантства, которая ранее резко обрывалась с того момента, когда «догностическая» секта ессеев, оставившая нам свитки Мертвого моря, была разгромлена римлянами при подавлении иудейского восстания в 60—70-х годах н. э.

Совсем недавно, в 1975 г., в Сирии было сделано открытие, знаменующее собой, по всей видимости, величайший триумф «археологии памятников письменности» в нашем столетии. Одиннадцатью годами ранее Итальянская археологическая миссия Римского университета при поддержке департамента древностей САР начала раскопки холма Телль-Мардих неподалеку от Халеба (Алеппо). Вскоре здесь был открыт большой город, процветавший уже во второй половине III тысячелетия до н. э. В ходе дальнейших раскопок, приносивших одну сенсацию за другой, вышла из небытия высокоразвитая «палеосирийская» городская цивилизация, современная древнейшим цивилизациям Египта, Месопотамии, долины Инда. В 1968 г. по аккадской надписи на базальтовой статуе удалось установить подлинное имя столицы древнего сирийского царства — Эбла (название, встречавшееся ранее ученым в некоторых шумерских и древнеаккадских текстах).

Систематические раскопки позволили выявить основные этапы жизни древнего города (существовавшего с XXIV по XVII в. до н. э.). Неслыханную удачу принесли археологам раскопки одного из секторов акрополя, содержащего остатки царского дворца второй половины III тысячелетия, который в 2225 г. до н. э. был разрушен войсками аккадского царя Нарам-сина. Здесь посчастливилось найти два «архива», содержащие в общей сложности около 16 000 глиняных табличек! Датируются эти архивы 2350—2225 гг. до н. э. Тексты выполнены клинописью на шумерском и на местном, до тех пор неизвестном науке языке, который теперь называют

«палеоханаанейским» или «эблаитом». Дешифровка текстов на «эблаите», по счастью, не поставила перед специалистами тех трудностей, с какими сталкивались ранее (о чем рассказывает Л. Дойель) дешифровщики угаритского письма. Язык Эблы оказался близкородствен уже известным ханаанейским языкам II—I тысячелетий до н. э., особенно финикийскому, а дополнительный ключ к нему дала счастливая находка в дворцовых архивах двуязычных эблаито-шумерских словарей.

Теперь ученые всего мира с нетерпением ждут опубликования богатейшего собрания текстов Эблы. Значение их для науки невозможно переоценить. Не вызывает сомнений, что они произведут переворот в наших знаниях о распространении городской цивилизации на Ближнем Востоке, о социально-экономических и международных отношениях, о древних языках этого региона. Помимо административно-хозяйственных, коммерческих, юридических и дипломатических документов в архивах Эблы обнаружены литературные произведения. Некоторые из них являются неизвестными версиями или переводами на местный язык шумерских мифов (найдена, например, версия прославленного эпоса о Гильгамеше); при этом они на полтысячелетия старше наиболее древних (восходящих к 1800 г. до н. э.) записей этих мифов, сохранившихся на их родине, в Месопотамии! Можно ожидать, что глиняные книги Эблы прольют свет и на древнейший этап становления ханаанейской мифологической литературы. (Напомним, что угаритские мифологические тексты, которым посвящена гл. XII книги Л. Дойеля, моложе текстов Эблы почти на тысячу лет!) Для того чтобы в полной мере оценить богатство архивов Эблы, ученым потребуется, по-видимому, несколько десятилетий. Но уже сейчас ясно, что слава Эблы как сокровищницы древних текстов вскоре затмит славу другого чудом возрожденного из забвения города древней Сирии — Угарита⁹.

Два наиболее «экзотических» региона из числа охваченных повествованием Л. Дойеля — Восточный Туркестан и Центральная Америка — не дали за последние годы новых рукописных находок. До сих пор исследователи многих стран продолжают систематизировать, изучать и публиковать центральноазиатские рукописи, собранные в конце XIX — начале XX в. трудами русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского, английскими экспедициями А. Стейна, немецкими — А. Грюнведеля и А. Ле Кока, французскими — П. Пельо, японскими — К. Отани, русскими — Д. Клеменца (1898), М. М. Березовского (1906—1907), С. Ф. Ольденбурга (1909—1910; 1914—1915) и др. Эти богатейшие фонды до сих пор продолжают раскрывать перед учеными считавшиеся ранее безвозвратно утраченными памятники древних литературных традиций. В ряде случаев на основе материа-

⁹ Подробнее о раскопках Эблы см.: И. С. Клочков. Доселе неизвестная держава. — «Знание — сила». 1977, № 8, с. 54—55.

лов, собранных современниками А. Стейна, ученым удалось возродить целые забытые литературы. Ярким примером этого может служить история открытия письменности и литературы тангутов, народа, населявшего государство Си Ся в Ордосе, на западе Китая и игравшего в XI—XIII вв. немаловажную роль в политической и культурной жизни Центральной Азии. В 1908 г. русская экспедиция П. К. Козлова открыла занесенные песками развалины древнего тангутского города Эдзины (Хара-Хото). Раскопки в Эдзине (главным образом раскопки в 1909 г. так называемого знаменитого субургана, буддийского культового сооружения, в котором накануне взятия города монгольскими полчищами Чингисхана была спрятана осажденными целая библиотека) дали богатейший письменный материал. Экспедиция П. К. Козлова привезла из Хара-Хото несколько тысяч рукописей и древних печатных книг — ксилографов на тангутском языке. В 1914 г. по стопам П. К. Козлова в развалинах Хара-Хото побывал А. Стейн, а впоследствии здесь работали также американская и шведская экспедиции. В результате коллекции тангутских книг появились в научных учреждениях США и стран Западной Европы.

Но долгое время к великой досаде исследователей все эти неожиданно доставшиеся им письменные сокровища оставались немые и не могли повествовать миру о своих творцах. Хотя отдельные образцы тангутского письма были известны и до открытия Хара-Хото, ключ к его чтению был давно и, казалось, безвозвратно, утерян. Дешифровкой тангутской идеографической письменности занимались ученые разных стран (А. И. Иванов — в России, братья Ло — в Китае, Б. Лауфер — в США, и др.), но честь окончательного решения загадки принадлежит выдающемуся советскому востоковеду Н. А. Невскому (1892—1945). Сверяя тексты тангутских переводов с китайскими и тибетскими оригиналами, тщательно изучая открытые в Хара-Хото тангутско-китайский и тангутские толковые словари, Н. А. Невский шаг за шагом, на протяжении полутора десятков лет напряженной работы, возрождал из небытия древний язык тангутов. Он составил первый в мире тангутский словарь, насчитывающий около 6 тысяч иероглифов, дал первые достоверные переводы тангутских литературных текстов. К сожалению, труд Н. А. Невского увидел свет лишь через много лет после смерти автора, в 1960 г. (в 1962 г. удостоен Ленинской премии).

Благодаря открытию Н. А. Невского ученые смогли проникнуть в ранее неведомый мир тангутских текстов. Тангуты переводили на свой язык буддийские и светские произведения с китайского, тибетского, санскрита, уйгурского и других языков, причем некоторые из этих сочинений (как, например, замечательная китайская энциклопедия «Лес категорий», содержащая многочисленные жизнеописания исторических деятелей древнего Китая) не сохранились на языке оригинала. Но была у тангутов и своя национальная литература. Собиравшиеся тангутскими книжниками фоль-

клорные «парные изречения» типа пословиц представляют немалый интерес для науки, поскольку они обнаруживают много черт сходства с пословицами других народов Центральной Азии и отражают добуддийскую культуру тангутов¹⁰. При дворе процветала литературная, официальная поэзия, испытавшая на себе влияние китайских и тибетских образцов. Кодексы тангутских законов, энциклопедия «Море значений, установленных святыми» и другие дидактические тексты являются ценнейшими историческими источниками. Все свидетельствует о том, что в государстве Си Ся недавние кочевники-тангуты добились больших культурных достижений; книжная мудрость, письменное слово ценились у них очень высоко. Автор тангутской оды, например, с гордостью заявляет: «Под небом великим у нас читаются книги свои, и собственный свой этикет», и ставит тангутскую письменную традицию в один ряд с великими древними традициями Китая и Тибета¹¹.

Таким образом, о доселе неведомой тангутской литературе мы знаем уже многое. Но сколько еще предстоит узнать! Чтение тангутского письма, охарактеризованного некогда одним из исследователей как «самая усложненная система, когда-либо изобретенная человеческим умом», до сих пор сопряжено с большими трудностями. Поэтому к настоящему времени изучена лишь малая доля тангутских текстов, найденных в Хара-Хото. Далеко не исчерпаны богатства и других центральноазиатских рукописных коллекций. Продолжается интенсивное изучение рукописей Дуньхуана, одно из богатейших собраний которых хранится у нас в стране, в рукописном фонде Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Здесь уже удалось обнаружить целый ряд считавшихся ранее утерянными произведений китайской литературы. До сих пор появляются время от времени публикации и переводы разноязычных текстов, вывезенных в начале века европейскими экспедициями из Хотана и других древних городов Синьцзяна. В последние годы появились основания надеяться и на пополнение в будущем мирового фонда центральноазиатских рукописей буддийского периода. Явившиеся непосредственным продолжением открытий А. Стейна и его современников, находки советских археологов на территориях Средней Азии (о которых подробнее будет сказано ниже) дали

¹⁰ См. Вновь собранные драгоценные парные изречения. Издание текста, перевод с тангутского, вступительная статья и комментарий Е. И. Кычанова. М., 1974.

¹¹ Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. 1. М., 1960, с. 80. Подробнее о тангутской культуре и истории ее открытия см. в популярных книгах: Е. И. Кычанов. Звучат лишь письмена. М., 1965; Е. И. Лубо-Лесниченко, Т. К. Шафрановская. Мертвый город Хара-Хото. М., 1968.

бесспорные доказательства того, что и южные области советских среднеазиатских республик входили некогда в ареал буддийской письменной культуры.

Дешифровка древних письменностей, которой в книге Дойеля посвящен ряд страниц, за последнее время достигла немалых успехов, превратившись в особую дисциплину со своей отличительной и строгой методикой¹². В связи с этим представляется необходимым прокомментировать здесь и гл. XXIV, описывающую жизнь, приключения и научную деятельность Брассёра де Бурбура. Хотя глава носит в целом биографический характер, в конце ее автор пытается резюмировать современное состояние изучения письменности майя. Мы читаем здесь о «поразительном открытии» Татьяны Проскуряковой, обнаружившей в 1961 г. связь между изображениями на рельефах майя и сопровождающими их надписями. Справедливость требует отметить, что советским ученым Ю. В. Кнорозовым расшифровка письменности майя на основе сравнительного изучения текста и рисунков была предложена еще в 1950 г.¹³ Тем же исследователем вскоре была решена и загадка «алфавита Ланда»¹⁴. В 1963 г. Ю. В. Кнорозов издал монографию, обобщающую результаты его дешифровки¹⁵, а в 1975 г. — полный перевод всех имевшихся иероглифических рукописей майя¹⁶. Деятельность ученого получила широкое международное признание, а в 1977 г. он был удостоен Государственной премии СССР.

Основная ценность книги Л. Дойеля состоит, пожалуй, в том, что она не только увлекает читателя драматическим описанием приключений «охотников за рукописями», но также, заставляя его сопереживать надеждам и стремлениям ученых, приучая следовать ходу исследовательской мысли, исподволь пробуждает в нем интерес и уважение к древним письменным памятникам и даже, может быть, желание посылить содействие благородному делу поисков. Однако, может спросить, ознакомившись с книгой, советский читатель, не ограничен ли ареал возможных находок в силу природных и климатических причин теми районами, которые охвачены по-

¹² О современном состоянии дешифровки письменностей как научной дисциплины наилучшее представление дает книга: Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки. Пер. с англ., нем., франц. и итал. яз. Сост., ред., предисл. И. М. Дьяконова. М., 1976.

¹³ См. Ю. В. Кнорозов. Древняя письменность Центральной Америки. — «Советская этнография». 1952, № 3.

¹⁴ Ю. В. Кнорозов. «Сообщение о делах в Юкатане» Диэго де Ланда как историко-этнографический источник. — Диэго де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М. — Л., 1955, с. 75—85.

¹⁵ Ю. В. Кнорозов. Письменность индейцев майя. М. — Л., 1963.

¹⁶ Ю. В. Кнорозов. Иероглифические рукописи майя. Л., 1975.

вествованием Л. Дойеля? Ведутся ли поиски рукописных книг и документов на территории нашей страны? Отвечая заранее на этот возможный вопрос читателя, скажем здесь несколько слов об отдельных, наиболее значительных и характерных советских открытиях древних рукописных текстов.

Прежде всего надо отметить, что горные и пустынные районы юга нашей страны в физико-географическом и климатическом отношении являются частью или продолжением Центральной Азии и потому для сохранения памятников древней письменности условия здесь столь же благоприятны. А исторически в этих краях существовали древние цивилизации, родственные богатым древними текстами цивилизациям среднеазиатского и центральноазиатского круга. Естественно, что эти области составляют один из наших главных источников рукописей, богатства которого еще только начинают понемногу являться на свет.

История едва ли не самой замечательной находки советского времени на территории нашей страны начинается почти так же, как и истории многих египетских и палестинских открытий, упоминаемых на страницах этой книги. Первым действующим лицом и здесь является пастух, бродящий в горной глуши со своим стадом. По счастью для науки, этого таджикского пастуха, по имени Джур-Али Махмад-Али, отличали любознательность и бесстрашие. Рядом с пастбищем, на вершине 120-метровой скалы, лежали развалины древнего замка. Место это, называемое Муг-Кала или Кала-и-Муг, т. е. «крепость магов» (огнепоклонников-зороастрийцев, каковыми были жители Средней Азии в доисламский период), издавна пользовалось дурной славой. И все же пастуха неудержимо влекло на вершину горы. Не пожалев сил и времени на трудный подъем, он поднялся к развалинам замка. Здесь, к некоторому разочарованию Джур-Али, ему не попало ничего особо таинственного и примечательного, если не считать плетеной корзинки из ивовых прутьев, обтянутой красной кожей. Она была наполовину скрыта землей и каменными обломками. Перевернув корзинку, Джур-Али Махмад-Али обнаружил в ней обрывки шелковистой бумаги с непонятными (не арабскими и не русскими) письменами. Пастух захватил с собой корзинку и один листок, сохранившийся лучше других, а ямку с остальными обрывками засыпал. По дороге домой пастух занес свою находку в чайхану, где ее внимательно изучили мудрейшие из местных стариков. Текст на листке, по их заключению, был из Корана, но прочесть его они не могли. Корзинка была оставлена в чайхане в качестве достопримечательной диковины и украшения. Произошло все это в апреле 1932 г.

Вторым действующим лицом стал секретарь местного райкома партии (в прошлом студент-историк) Пулоти. Его заботами загадочный листок был отправлен в Душанбе, где с него были сняты фотокопии. Одну из них

послали в Ленинград, старейшему иранисту-филологу А. А. Фрейману. Опытный специалист сразу определил, что документ написан скорописью на согдийском языке и по содержанию представляет собой письмо некоему знатному лицу.

В рассказе Л. Дойеля об экспедициях А. Стейна вы встретите упоминания о находке им в Восточном Туркестане согдийских документов. До того как пастух Джур-Али поднялся на гору Муг, все известные согдийские тексты происходили с китайских территорий, где их оставили некогда согдийские купцы и колонисты. Ни одного текста, как считали, не сохранилось в собственно Согдиане, часть территории которой приходилась на современный Таджикистан. Нетрудно понять поэтому волнение и энтузиазм А. А. Фреймана. В июне 1933 г. он уже был в Душанбе, где непосредственно ознакомился с уникальной рукописью, после чего, вернувшись в Ленинград, занялся организацией археологической экспедиции.

В октябре экспедиция приступила к раскопкам на горе Муг, результаты которых превзошли все ожидания. Был найден 81 документ, часть из них на тонкой китайской бумаге, часть на коже, часть на дереве (ивовых палках). Собрание согдийских текстов было признано единственным в своем роде: оно предоставляло ученым богатейшие данные о древнем согдийском языке. Локальная и историческая привязка рукописей придавала собранию значительно большую ценность, нежели та, которой обладали разрозненные согдийские тексты из Китая, найденные ранее А. Стейном. Кроме согдийских здесь были также немногочисленные документы на китайском и арабском языках.

Хотя по содержанию все документы с горы Муг являются деловыми письмами и хозяйственными отчетами, они раскрыли для науки ярчайшую страницу истории Средней Азии в один из переломных ее периодов — во время арабского завоевания. Подобно упоминавшимся выше самарийским документам, свиткам Мертвого моря и, возможно, рукописям преследуемой секты гностиков из Наг-Хаммади, согдийский архив также был захоронен при обстоятельствах, знаменовавших собой финальный акт кровавой исторической трагедии. В 723 г. н. э. замок на горе Муг, называвшийся в ту пору замком Абаргар, стал последним убежищем правителя Пенджикента (а в прошлом и всего Согда) Диваштича, пытавшегося организовать сопротивление завоевателям. Сохранившаяся в архиве переписка Диваштича отражает его отчаянные попытки объединить силы повергнутой арабским нашествием в хаос страны. Однако ему не дано было изменить ход истории. Разбитый в открытом бою и осажденный мусульманами в Абаргаре, Диваштич в конце концов вынужден был сдаться на милость победителя. Накануне капитуляции согдийцы почли, видимо, за лучшее понадежнее спрятать от арабов царский архив. Кутейба, предводитель арабов, принял пленного Диваштича с почетом, но вскоре, убедившись, должно

быть, в том, что ему не удалось сломить независимый дух пенджикентского правителя, предал его мучительной казни — распятию.

Эти события были восстановлены советскими учеными А. А. Фрейманом, И. Ю. Крачковским, В. А. Лившицем, М. Н. Боголюбовым и О. И. Смирновой в ходе их многолетней работы по изучению рукописей из замка на горе Муг¹⁷.

В последние годы на территории советских республик Средней Азии сделан ряд новых находок. Две большие по объему рукописи обнаружены в Мервском оазисе. Одна из них, найденная в 1962 г. (в расписной глиняной вазе под развалинами буддийской ступы) археологическим отрядом под руководством проф. М. Е. Массона, до сих пор, к сожалению, не исследована. Другая, сходная с ней, явилась плодом случайной находки. Ее обнаружил весной 1965 г. бульдозерист, срывавший небольшой холм. Сейчас рукопись подготовлена к изданию М. И. Воробьевой-Десятовской. Она представляет собой уникальный памятник литературы буддийской школы сарвастивадинов, в VI—VII вв. (такова датировка рукописи) распространявшей свое влияние на некоторые районы Средней Азии. Текст рукописи исключительно своеобразен. По существу, это первый известный науке образец буддийской миссионерской литературы, создававшейся с ориентацией на нужды проповеди. Компиляция различных, наиболее важных и доходчивых текстов из буддийского канона местами дополнена своего рода ремарками, пометами, сделанными проповедником «для себя». Пока это самый полный и пространный буддийский текст, найденный в Средней Азии. Остальные рукописи, обнаруженные в ходе раскопок в разных местах, представлены лишь фрагментами.

Несколько позже буддийская рукописная традиция была, очевидно, занесена в районы советской Центральной Азии. В Туве недавно были найдены фрагменты рукописей VIII—IX вв. на тибетском языке. Это несомненно является отражением имевшей место в тот же период экспансии Тибетского государства. Но письменность в районах Центральной Азии, входящих ныне в состав СССР, была известна много раньше. К VII—VIII вв. относятся надписи на скалах и стелах, исполненные «рунической» или «орхоно-енисейской» письменностью. По этим надписям (в основном: эпитафиям представителям знати) специалисты восстанавливают теперь историю еще одного из забытых, но некогда могущественных центральноазиатских государств — Тюркского каганата.

В последние годы появились основания считать, что «тюркская руника» не была первой письменностью, известной кочевникам евразийских степей. При раскопках кургана Иссык на юго-востоке Казахстана в 1969—

¹⁷ Результаты этой работы отражены в кн.: Согдийские документы с горы Муг. Чтение, пер., коммент. Вып. 1—3. М., 1962—1963.

1970 гг. была найдена серебряная чаша с надписью, сделанной не известным до сих пор науке, очевидно алфавитным, письмом. Курган Иссык, прославившийся также находкой в нем «золотого человека» (останков древнего царя, погребенного в полном парадном убранстве), был сооружен скифами-саками в V—IV вв. до н.э. Памятники письма, сходного с «иссыкским», обнаружены были на юге Узбекистана и в Северном Афганистане, т. е. в древней Бактрии, куда под напором других племен приблизительно в середине II в. до н.э. перекочевали саки¹⁸. Наконец, летом 1977 г. в далекой Туве, составлявшей некогда восточную периферию скифского мира, на могильнике Аймырлыг, датирующемся первыми веками до н.э. (периодом, когда культура скифского типа в Туве перекрывается культурой гуннских племен), была найдена (раскопки А. М. Мандельштама) надпись, сделанная на донышке берестяного туюска письмом того же, очевидно, типа, что и «иссыкское». Пускай это пока лишь единичные находки, не дающие достаточного материала для того, чтобы дешифровать древнее письмо. Если письменность существовала еще в скифскую эпоху на огромных пространствах степной зоны Евразии, то при раскопках бесчисленных курганов и могильников, оставленных кочевыми племенами, мы неизбежно найдем и новые ее образцы. Особенно обнадеживает находка надписи на бересте — материал сравнительно очень устойчивый и чрезвычайно широко распространенный. Для сохранения ее на протяжении многих сотен лет вовсе не требуются исключительные условия в виде песков пустыни или вулканического пепла. И на большей части территории нашей страны у людей, умевших писать, этот материал был всегда под рукой. Правда, береста, благополучно пролежав в земле целые столетия, при извлечении на поверхность быстро разрушается; лишь в недавнее время археологи разработали надежные способы ее закрепления и консервации. Будем надеяться, что за первыми, неожиданными находками письменности древних кочевников последуют новые, многочисленные и обильные. О том, что такое научное «чудо» возможно, свидетельствует история одного из величайших триумфов советской археологии: открытия новгородских «берестяных грамот».

Первая из них извлечена была из раскопа на Дмитриевской улице Новгорода 26 июля 1951 г. Можно представить себе волнение археологов, когда, развернув бересту, они прочли века пролежавший в земле текст, впервые услышали как бы живой голос человека древней Руси! Содержание было вполне деловым и будничным: перечислялись повинности различных сел в пользу некоего Фомы. Но уже и эта самая первая грамота дала ценнейшие сведения о системе феодального обложения в Новгороде XIV в.! А затем находки грамот последовали одна за другой. С тех пор из года в

¹⁸ См. К. А. Акишев. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М., 1978, с. 55, 59—60.

год экспедиция, возглавляемая проф. А. В. Арциховским, вела их планомерный, целенаправленный поиск. К настоящему времени число найденных грамот превысило пятьсот, а их последовательная публикация образует уже многотомное издание. Трудно даже перечислить все аспекты жизни древнего Новгорода, о которых рассказали эти берестяные листки ученым. Необычайно обогатили они наши знания об экономике и государственном устройстве, международных отношениях, правовых нормах и культуре древней Руси. Поименно знают теперь археологи некоторые семьи, жившие в новгородских домах и усадьбах, прослеживают историю ряда их поколений, осведомлены об их радостях и горестях, опасениях и чаяниях. От писем деловых и интимных, от записок, которыми обменивались мальчишки-школяры, до «шпаргалки» церковной службы, завещаний и закладных — таков диапазон содержания этих бесценных текстов, в самых ярких подробностях воссоздающих для нас жизнь древнего города. Сбылось предсказание А. В. Арциховского, писавшего при опубликовании самых первых грамот, что берестяные свитки «станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы»¹⁹.

А поток находимых при раскопках грамот не иссякает, а, напротив, открываются все новые перспективы. Уже найдены берестяные грамоты за пределами Новгорода, в других городах: Пскове, Смоленске, Витебске, Старой Руссе. Ничто не исключает возможности открытия их и в других древнерусских центрах. Как пишет археолог В. Л. Янин, «возможности будущих открытий исписанной бересты, по существу, безграничны. И мы уже сейчас знаем, что объем источников будущих историков средневековья спустя каких-нибудь сто лет увеличится в несколько раз. Главным документом, с которым придется иметь дело грядущим исследователям, станет лист бересты, покрытый прожилками и трещинами, покоробленный, подчас безжалостно разорванный, но неизменно порождающий чувство живого соприкосновения с прошлым»²⁰.

Все это весьма интересно, возможно, возразит нам читатель, но ведь речь до сих пор шла о деловых письмах, документах, хозяйственных отчетах, в лучшем случае о религиозных канонических текстах. Но как обстоит дело у нас в стране с находками древних литературных памятников? Есть ли хоть что-нибудь, что могло бы выдержать сравнение с древними мифами, классическими стихами и трагедиями, шедеврами философской и ораторской прозы, об открытии которых на Ближнем Востоке и в песках Египта рассказывает Л. Дойель?

Увы, о «потаенной библиотеке царя Ивана», упоминаемой Л. Дойелем

¹⁹ См.: В. Л. Янин. Я послал тебе бересту... Изд. 2-е. М., 1957, с. 8.

²⁰ Там же, с. 235.

в эпилоге его книги, а точнее, о библиотеке московских государей XVI в., основу которой, по преданию, составляли ценнейшие греческие рукописи, вывезенные из Византии, никаких новых сведений у нас нет. Спорным остается пока даже сам факт ее существования²¹. Но зато в недавнее время достоянием нашей культуры стала другая огромная библиотека, содержащая уникальные рукописные тексты памятников древнерусской словесности. Более 7000 рукописей содержит она, и фонд ее продолжает пополняться. Собрано это рукописное богатство за удивительно короткий срок — всего около четверти века.

Есть в Ленинграде, на Васильевском острове, у Стрелки, старое здание, носящее славное «имя Пушкинского Дома в Академии наук» (А. Блок). А внутри этого здания есть «святая святых», предмет особой заботы и гордости его обитателей — Древлехранилище. Основателем Древлехранилища Пушкинского Дома, человеком, стоявшим у истоков «благородного научного движения по охране и защите памятников национальной культуры»²², по праву называют выдающегося советского археографа В. И. Малышева (1910—1976). Мы ничуть не преувеличим, если поставим этого неутомимого собирателя по ценности сделанного им научного вклада, по самоотверженности и целеустремленности его поиска в один ряд с такими описанными в этой книге подвижниками науки, как Флиндерс Петри, Гренфелл и Хант или А. Стейн. Еще в 30-х годах, будучи студентом ЛГУ, в одиночку приступил он к собиранию рукописей на русском Севере. Для него было несомненным, что здесь, в районах, некогда охваченных старообрядческим движением, хранятся в крестьянских домах, передаются из поколения в поколение оставшиеся от прадедовских времен древние книги. Но не просто было получить доступ к этим местным и семейным реликвиям. Не каждому готовы были показать их крестьяне. Побывавший до революции в одном из районов Севера известнейший русский фольклорист Н. Е. Ончуков сообщал, что у жителей этого района нет никаких рукописных книг. Впоследствии В. И. Малышев, его помощники и ученики собрали в этих местах одну из богатейших рукописных коллекций Древлехранилища. Почему же ошибся Ончуков? Дело, по-видимому, в том, что он ездил по деревням на положении официального лица, в сопровождении пристава (в глазах крестьян воплощения ненавистной «власти антихриста»). Естест-

²¹ Несмотря на попытки отыскать следы этого собрания, проводившиеся, в частности, и археологическими методами, к информации, содержащейся о нем в старой работе С. А. Белокурова «О библиотеке московских государей в XVI столетии» (М., 1898), добавить пока практически нечего.

²² А. М. Панченко. Древлехранилище Пушкинского Дома.— Древлехранилище Пушкинского Дома (Литература 1965—1974 гг.). Составитель В. И. Малышев. Л., 1978, с. 115.

венно, что местные жители не только не показывали ему книг, но и старательно их утаивали.

С огромными трудностями, особенно на первых порах, столкнулся и В. И. Малышев²³. С одной стороны, приходилось вести борьбу с косностью и невежеством некоторых не в меру ретивых местных администраторов, с другой — преодолевать недоверие и подозрительность владельцев книг. Достигнутый в конечном счете небывалый успех во многом был обусловлен особыми личными качествами ученого. Он обладал большим обаянием, был всегда честен и прост в обращении, умел найти общий язык с крестьянами, с уважением относился к их духовным ценностям, а главное — собственным примером упорного, самоотверженного служения интересам народной культуры сумел в конце концов убедить их в чистоте и благородстве своего дела. Когда лед недоверия был-таки сломан, В. И. Малышев стал «своим» человеком во многих северных селах. Об уважении и радушии, с каким относились к нему местные жители, рассказывают теперь истории, похожие на легенды. Но весомым свидетельством того, что в этих рассказах велика доля истины, служат многочисленные территориальные — печорское, мезенское, усть-цильминское и другие — собрания рукописей, переданных крестьянами русского Севера через В. И. Малышева и его последователей в Пушкинский Дом АН СССР.

Первые рукописи поступили от В. И. Малышева в Институт русской литературы (Пушкинский Дом) в 1949 г., который и стал годом основания Древлехранилища. У собирателя появились молодые последователи и ученики. Поиск рукописей принял теперь планомерный, широкомасштабный характер. Были обследованы не только многие новые районы Севера — Архангельской, Мурманской областей, Карельской и Коми АССР — но также Горьковская, Московская области, эстонское Причудье. Со временем включились в работу помимо Пушкинского Дома другие учреждения: Библиотека Академии наук СССР, Ленинградский, Московский, Новосибирский, Уральский университеты, Сибирское отделение Академии наук. Дело поиска древних рукописей стало поистине всенародным, обрело широкую государственную поддержку. И в основе этой планомерной кампании лежат научные принципы полевой археографии, впервые сформулированные В. И. Малышевым. Они предусматривают «первоочередное обращение к тем районам, которые в прошлом были связаны со старообрядческим движением; сплошное и многократное их обследование; обязательную фиксацию местных преданий, фольклорного материала, памятников бытовой

²³ Специально собирательской деятельности В. И. Малышева посвящена статья: А. П а н ч е н к о. Искатель старинных книг.— «Звезда». 1970, № 10, октябрь, с. 142—149. См. также повесть Дм. Жукова «Владимир Иванович» («Новый мир». 1978, № 7).

письменности и т. д., т. е. комплексное изучение культурного ареала»²⁴. Заметьте, как разительно отличается такой планомерный научный поиск от бессистемного, порой хищнического сбора и скупки рукописей, которые многие европейские ученые и коллекционеры на протяжении долгих десятилетий вели в Египте, на Ближнем Востоке, в Центральной Азии.

Собрание Пушкинского Дома, явившееся результатом поистине грандиозной работы, не случайно носит характер совершенно новый, уникальный. Нет здесь недостатка в рукописях необычайно ценных, редких «антиках», таких, как тексты, писанные собственной рукой великого древнерусского писателя протопopa Аввакума и его сподвижника Епифания²⁵, как Галицко-волынское евангелие XIV в., как сборник стихир древнерусского композитора Федора Крестьянина, работавшего в царствование Ивана Грозного²⁶, как списки «Повести о Сухане» или «Слова о погибели Русской земли»²⁷. Но не ими в первую очередь определяется исключительное своеобразие облика собрания. Необычность его в том, что оно является «огромной крестьянской библиотекой», «единственной в своем роде подборкой рукописных книг, составлявших круг чтения русского крестьянина начиная с XVI в.»²⁸. Его материалы дают возможность с исчерпывающей полнотой восстановить судьбу рукописной традиции на русском Севере. Жители этих мест, прежде всего Печоры, не ограничивались тем, что копировали в своих книгописных мастерских (действовавших до XIX в.) произведения, входящие в наследие древнерусской литературы. Они выдвинули из своей среды плеяду талантливых литераторов, давших новые, приспособленные к местным условиям редакции древнерусских памятников, оставивших после себя ряд оригинальных, возникших на местной почве произведений. И заслуга открытия этого «своеобразного слоя русской словесности» также принадлежит В. И. Малышеву²⁹.

²⁴ А. М. Панченко. Древлехранилище..., с. 114.

²⁵ См.: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Издание подготовили Н. Демкова, Н. Ф. Дробленков, Л. И. Сазонова. Л., 1975.

²⁶ См. их фототипическое издание: Федор Крестьянин. Стихиры. Публикация, расшифровка и исследование М. В. Бражникова. М., 1974 («Памятники русского музыкального искусства». Вып. 3). Рукопись была найдена В. И. Малышевым в селе Усть-Цильма в 1955 г.

²⁷ Описание собрания см. в кн.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов). Составил В. И. Малышев. М.—Л., 1965. Исследования наиболее интересных материалов отражены в сб.: Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972.

²⁸ А. М. Панченко. Древлехранилище..., с. 113.

²⁹ Там же, с. 114.

Гордость нашей страны издавна составляют богатейшие собрания рукописей на языках народов Востока. Собрание восточных рукописей в России началось еще в эпоху Петра I. В 1818 г. усилиями президента Академии наук, графа С. С. Уварова и выдающегося востоковеда, академика Х. Д. Френа был основан Азиатский музей. Этому учреждению суждено было оставаться главным отечественным центром по изучению восточных письменностей вплоть до советского времени, когда на его базе возник Институт востоковедения АН СССР. Уже вскоре после основания Азиатского музея его рукописный фонд пополнили (в 1819 и 1825 гг.) две богатейшие коллекции мусульманских рукописей, купленные у французского генерального консула в Алеппо и Триполитании Ж. Л. Руссо. Благодаря этому удачному приобретению собрание сразу же приобрело мировую известность. В 1844 г. по инициативе Х. Д. Френа Министерство финансов издало циркуляр, согласно которому русским консулам за границей (подведомственным в ту пору Министерству финансов) вменялось в обязанность скупать восточные книги и рукописи. Так был открыт новый, действовавший на протяжении более чем полувека источник, из которого собрание постоянно пополнялось уникальными рукописями и целыми их коллекциями (такими, например, как коллекция центральноазиатских рукописей, собранная русским консулом в Кашгаре Н. Ф. Петровским). Поступали рукописи и от православных духовных миссий. Рационально используя скудные средства, ассигновавшиеся правительством, Азиатский музей покупал также наиболее интересные частные коллекции. Пополнялся он и личными собраниями ученых-востоковедов.

Приток поступлений в Азиатский музей резко возрос после присоединения к России Закавказья и Средней Азии, «рынки древностей» которых не были еще к этому времени освоены и опустошены подобно рынкам Ближнего Востока европейскими коллекционерами и скупщиками. С конца XIX в. установилась практика посылки Азиатским музеем специальных археографических экспедиций в районы Средней Азии. Только одна из них — экспедиция в Бухару В. А. Иванова в 1915 г. — приобрела для Азиатского музея более 1000 рукописей! За период с 1880 по 1917 г. фонд рукописей на языках народов мусульманского Востока увеличился вчетверо и насчитывал перед революцией 5200 единиц. В целом же Азиатский музей стал одним из крупнейших рукописных собраний мира, каковым его наследник — рукописный фонд Института востоковедения АН СССР остается и до сего дня ³⁰.

³⁰ Данные почерпнуты из рукописи сборника «Азиатский Музей — ЛО ИВАН СССР. 1918—1968. Справочник — путеводитель», хранящейся в библиотеке Ленинградского отделения института. Здесь содержатся интересные сведения об истории комплектования и структуре всех основных

В советское время собрание Азиатского музея — ИВАН СССР столь интенсивно уже не пополнялось. Сама собой отпала необходимость отправки археографических экспедиций в молодые республики Востока. С первых послереволюционных лет один за другим начали возникать здесь древлехранилища и научные центры, ставящие целью возрождение и сохранение сокровищ национальных культур. Они развернули на местах сбор и изучение памятников древней письменности в невиданных прежде масштабах. Если до 1917 г. рукописи странствовали исключительно в одном направлении: с Востока к научным центрам европейской России, то теперь, через несколько лет, наблюдалось обратное движение. Научные учреждения Москвы и Ленинграда передавали богатые рукописные коллекции растущим исследовательским центрам национальных республик.

За неимением места мы ограничимся в рассказе о развитии древлехранилищ в республиках советского Востока лишь двумя показательными примерами. Ташкентская Публичная библиотека располагала в 1912 г. 231 рукописью. Из-за крайней скудности средств ее фонд комплектовался путем случайных редких пожертвований или покупок единичных рукописей по дешевке». Через сорок лет, в 1952 г., собрание восточных рукописей Академии наук УзССР, ядром которого был в прошлом рукописный фонд ТПБ, насчитывало 13 тысяч томов, в которых содержалось приблизительно 80—90 тысяч сочинений. Благодаря крупным государственным ассигнованиям библиотека с 1918 г. получила возможность приобретать частные собрания, насчитывающие сотни томов. В нее была влита ставшая народным достоянием бывшая библиотека хивинских ханов, переданы рукописи ряда научных учреждений. Сейчас фонд Института востоковедения АН УзССР поражает полнотой, с какой представлены в нем литература и все отрасли науки мусульманского мира за тысячу лет (с 955 года н. э. — до современности). В большом числе выявлены среди рукописей фонда совершенно неизвестные ранее произведения восточных авторов, а также высокохудожественные списки, выполненные крупнейшими мастерами восточной каллиграфии и миниатюры³¹.

Нельзя не сказать и еще об одном республиканском древлехранилище с весьма необычной судьбой — Научно-исследовательском институте древних рукописей при Совете Министров АрмССР, знаменитом Матенадаране. Из всех рукописных собраний на территории нашей страны Матенадаран не знает себе равных по продолжительности своей драматической истории. Достоверно известно, что Эчмиадзинское книгохранилище, рукописи кото-

коллекций уникального фонда. Подготовленный специалистами ЛО ИВАН СССР 10 лет назад, сборник этот, к сожалению, до сих пор не опубликован.

³¹ Фонд описан в издании: Собрание восточных рукописей АН УзССР. Т. I—X. Таш., 1952—1975.

рого стали ядром Матенадарана, было основано в V в. н. э. На протяжении веков Эчмиадзин, как и другие центры Армении, многократно подвергался вражеским грабегам и нашествиям. Только исключительной любовью армян к рукописной книге, в которой они всегда видели воплощение мудрости и неуничтожимой души своего народа, можно объяснить чудо многократного возрождения, спасения и приумножения сокровищ Эчмиадзинского Матенадарана. Но постоянная угроза уничтожения книгохранилища отпала окончательно лишь в 1828 г., когда Восточная Армения была присоединена к России. С этого времени, благодаря усилиям энтузиастов армянской культуры, богатства Матенадарана начинают неуклонно расти. Приводятся в порядок фонды, предпринимаются первые научные исследования письменных памятников. В 1892 г. в Матенадаране уже 3158 рукописей, накануне первой мировой войны — 4660. В 1915 г. сюда поступили 1545 рукописей, спасенных беженцами-армянами из опустошенной войной и погромами Западной Армении. Но наиболее бурный рост Матенадаран пережил и продолжает переживать в советский период. В его фонд вошли армянские рукописи Московского Лазаревского института восточных языков и ряда других собраний. Широко развернулись рационально организованные мероприятия по сбору рукописей. За советское время фонды Матенадарана увеличились более чем вдвое, насчитывая теперь свыше 10 тысяч рукописных книг и около 4 тысяч фрагментов. Таким образом Матенадаран (в 1959 г. преобразованный в Научно-исследовательский институт древних рукописей и переведенный в Ереван, где он размещен в новом, специально спроектированном и оборудованном здании) стал крупнейшим в мире хранилищем армянских рукописей, значительно превосходящим по объему иерусалимское, венецианское, венское и другие собрания.

Со всей возможной полнотой представлена в собрании Матенадарана богатая и самобытная армянская литература в ее непрерывном развитии от V в. н. э. до нового времени. С самого своего зарождения письменная традиция в Армении отнюдь не ограничивалась кругом христианских канонических и богословских текстов. Издревле процветали жанры исторической хроники и летописи. Рукописи Матенадарана знакомят нас с трудами более чем 80 армянских историков и летописцев V—XVIII вв. Важнейшей частью духовной культуры Армении являлась также философия (достаточно упомянуть хотя бы выдающегося философа-неоплатоника V—VI вв. Давида Анахта; около полутысячи матенадаранских рукописей содержат его сочинения и комментарии к ним). Большой интерес представляют многочисленные трактаты, посвященные вопросам права, медицине и естественным наукам, исполненные высоких художественных достоинств произведения духовной и светской поэзии. На протяжении всей своей истории Армения являлась как бы перекрестком цивилизации, и, естественно, в армянской литературе отразилось наследие многих других культур (древнепер-

сидской, греко-византийской, мусульманской и т. д.). Достоянием армянской словесности стали переводы с греческого, арабского, сирийского, эфиопского и других языков. Научную ценность некоторых из них невозможно преувеличить, поскольку оригиналы этих переводов утрачены. Только в армянском переводе V в. сохранилась, например, «Хроника» Евсевия Кесарийского. Искключительно ценны также армянские переводы отдельных утерянных сочинений Зенона, Филона Александрийского, Ириней, Аристиды, Василия Кесарийского, Иоанна Златоуста и других греко-византийских авторов ³².

В последние годы Матенадаран превосходит большинство других древнелехранилищ нашей страны интенсивностью своего пополнения при очень высокой в среднем научной ценности поступающих рукописей. Стремительный рост его фондов, высокий уровень ведущегося в нем научного исследования рукописных материалов имели следствием тот факт, что он стал в глазах и жителей советской Армении, и многих армян, рассеянных волей исторических судеб в различных странах мира, символом духовного возрождения древней нации. Поэтому от частных лиц, проживающих и в Армянской ССР, и за рубежом, в Матенадаран теперь непрерывно поступают приносимые в дар редкие рукописи, а порой и крупные их собрания. В Армении учреждена даже специальная медаль для награждения лиц, дары которых представляют собой существенный вклад в фонд Матенадарана. Путем таких пожертвований в Матенадаран в самое недавнее время поступили подписные миниатюры выдающегося художника армянского «Предренессанса» Тороса Рослина (XIII в.), редчайшие арабские тексты на папирусе IX в. и многие другие рукописные уникамы.

Мы не можем здесь рассказать о древнелехранилищах Таджикистана, Грузии, Дагестана, а также других союзных и автономных республик. Скажем только, что их история в новейшее время отмечена тем же стремительным ростом и столь же возросшим их значением в общем процессе развития социалистических национальных культур.

Таковы важнейшие достижения в поиске и изучении древних рукописей на территории нашей страны. Как же охарактеризовать перспективы новых находок в будущем? Несколько ослаб, но отнюдь не иссяк приток старинных рукописных книг в Пушкинский дом; возможно, еще во многих русских селах древние манускрипты ждут открытия их археографами. Точно так же в республиках Кавказа, советской Средней и Центральной Азии сохраняются кое-где в частном владении рукописи и старопечатные книги, которые, надо надеяться, станут все же известны науке и тогда, возможно, поведают нам много нового об истории и культуре народов Востока. Ар-

³² Более подробное описание рукописных богатств Матенадарана читатель может найти в книге: Г. В. Абгарян, Матенадаран. Ер., 1962.

хеологам предстоят несомненно встречи с сотнями новых берестяных грамот; неизбежны находки новых древних документов и книг в горах и пустынях Азии. Ведь даже в таких археологических «заповедниках», как наша Средняя Азия или Месопотамия, раскопками охвачена пока лишь ничтожная часть возможных объектов! И, быть может, к известным центрам цивилизации с развитой письменной традицией археология в будущем добавит и совершенно новые, ведь перспективы этой науки поистине безграничны!

Повод для оптимизма подает и тот факт, что в нашей стране сейчас движение за сохранение памятников древней письменности охватывает не только научные учреждения, но обрело поистине массовый характер. И жители современного Новгорода, постоянно доставляющие археологам находимые ими при всевозможных земляных работах берестяные грамоты, и крестьяне отдаленных сел, передающие в книгохранилища научных центров заветные дедовские книги, и тот бульдозерист из Туркмении, не пренебрегший вывороченным из земли глиняным горшком с укрытой в нем драгоценной буддийской рукописью,— все они хорошо сознают огромную важность древних текстов для науки. Растет в широких кругах общества интерес и уважение к памятникам прошлого, все реже сталкиваемся мы со случаями неразумного небрежения по отношению к культурному наследию старины. Верховным советом РСФСР принят специальный закон об охране памятников истории и культуры. Будем надеяться, что и издание русского перевода книги Л. Дойеля сколько-нибудь послужит дальнейшему прогрессу в этом направлении.

В заключение хочу выразить свою самую глубокую признательность людям, оказавшим мне огромную помощь при редактировании перевода и написании предисловия: сотрудникам Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР И. Д. Амусину, О. Д. Берлеву, Е. С. Богословскому, М. И. Воробьевой-Десятовской, М. А. Дандамаеву, А. В. Маслову, Л. Н. Меньшикову, Е. Н. Мещерской, К. Б. Старковой, И. М. Стеблин-Каменскому, А. С. Четверухину, И. Ш. Шифману, а также В. В. Бударагину (Пушкинский Дом). Перевод печатается с незначительными сокращениями.

Я. В. Васильков

ПАМЯТИ МОЕГО БРАТА
ГАНСА ДОЙЕЛЯ

«Зачем,— подумал я,— зачем узнал я о существовании этой драгоценной книги, раз мне не суждено ею владеть или ее увидеть! Я устремился бы за ней в жгучую глубь Африки или во льды полярных стран, когда б узнал, что она там. Но я не знаю, где она. Не знаю, хранится ли под тройным запором в железном шкафу ревнивого библиомана или плесневевает на чердаке у невежды. Я содрогаюсь при мысли, что, может быть, вырванные из нее листы служат крышкой для банок с огурцами у какой-нибудь хозяйки».

Анатоль Франс. Преступление Сильвестра Бонара
(Перевод Е. Ф. Корша)

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

История рукописей, благодаря которым мы знаем то немногое, что нам известно о древнем мире, является одной из наиболее интересных глав в летописи устремлений человечества.

Дуглас К. Мак-Мертри [26, 80] *

С тех пор как пять или шесть тысяч лет назад на Ближнем Востоке появилась письменность, сохранности письменных творений человека постоянно угрожала опасность. Причиной гибели могли быть стихия или небрежность человека и его фанатизм. Книги использовали не по назначению, их намеренно жгли или позволяли им гнить. С лица земли исчезали целые цивилизации, а письменное слово, которое одно лишь могло увековечить их культурные традиции и сами имена, поглощалось забвением. В небытие уходили книги и документы не только далеких и забытых народов; то же случилось во все века и во всех культурах, даже после изобретения книгопечатания. Древние иудеи зафиксировали утрату Книги Яшера; исчезла большая часть англосаксонской литературы; есть пробелы в драме елизаветинской поры; сегодня мы обладаем лишь частью работ эллинских и латинских авторов.

В течение долгого времени людей мало интересовали древние тексты. Однако в период раннего Возрождения некоторые ученые-гуманисты начали всерьез заниматься поисками древних документов, а в нынешний век научных исследований благодаря широкому распространению интереса к истокам человеческой культуры каждое открытие утраченных документов приобретает характер археологического триумфа. Поиск документов с неизбежностью стимулировал и чувство ответственности за их сохранность.

Что бы ни руководило учеными — желание найти утраченные произведения классиков или интерес к истокам христианства, к проблеме подлинности Священного писания,

* Здесь и далее цифры в квадратных скобках обозначают: первая — номер цитируемого сочинения по списку литературы, вторая — страницу. Здесь же может быть указан номер тома (римской цифрой). — *Примеч. пер.*

они неминуемо становились на путь поиска погребенных времен текстов. Каждое принесшее плоды усилие порождало новые поиски. По мере того как культурные достижения Египта, Месопотамии и соседних стран «плодородного полумесяца» все больше и больше открывались науке, их почти забытые памятники письменности также начали являться на свет. Дешифровка загадочных писем позволила воскресить неизвестные ранее литературы и целые тысячелетия истории. Временами удавалось ощутить с поразительной конкретностью живую жизнь народа, существование которого было неведомо даже нашим отдаленным предкам. После египтян и ассирийцев с нами заговорили шумеры, хетты, хурриты, митанийцы, ханааняне и многие другие. Вскоре охота за рукописями распространилась на самые глубины Азии и, как мы увидим в дальнейшем, на Новый Свет.

Рассказ о подобном восстановлении литературных текстов и документов и составляет предмет моей работы. Это, кратко говоря, книга о книгах и об ученых, которые искали и открывали утерянные манускрипты, интерпретировали и расшифровывали их. В моем повествовании пойдет речь о попытках, предпринимавшихся в этом направлении начиная уже с эпохи Возрождения. Охота за рукописями, как мне представляется, отражает наш возрастающий интерес к прошлому; так же как и другие антикварные устремления человечества, она ставит целью вновь обрести утраченные плоды человеческой любознательности и мастерства.

Поиск памятников письменности, погребенных под прахом времени,— это, по существу, подлинная детективная повесть, во многом схожая с раскопками наполненных сокровищами гробниц. Нередко, впрочем, будни утомительных, неуверенных поисков сменялись настоящими раскопками со всеми их опасностями и тревогами. Неоднократно рискованные вылазки в чужие страны поставляли материал для подлинно эпических повестей о приключениях ученых.

Открытия утерянных произведений помогли во многом революционизировать нашу цивилизацию и изменили многие наши привычные представления. Для науки открылись совершенно новые горизонты. Извлеченные из праха рукописи дали нам возможность перебросить мост в прошлое, реконструировать нашу историю и оценить дух, разум и гений наших далеких предков. Наше наследство обогатилось произведениями, воплотившими наивысшие достижения древних

в области литературы, научного знания и религии. Эти творения пролили свет на корни наших традиций и институтов, одновременно поставив перед нами новые волнующие проблемы.

Как ни странно, история поиска этих рукописей до сих пор не была изложена, не считая частных, фрагментарных описаний. Например, открытие после второй мировой войны так называемых рукописей Мертвого моря возбудило интерес во всем мире, но ведь находку этих древнееврейских документов, хотя она и замечательна во всех отношениях, никак нельзя назвать уникальной! Именно в надежде привлечь внимание к этой, по непонятным причинам оказавшейся в небрежении области знания, которую можно было бы назвать «книжной археологией», я и написал этот труд.

Несомненно, этот аспект исследовательской работы заслуживает того, чтобы отдать ему должное. Любая погибшая цивилизация, какие величественные памятники ее ни обнаруживались бы в ходе раскопок, может раскрыть свою внутреннюю структуру только в письменных документах. Возьмем ли мы шумеров Месопотамии или миштеков Центральной Америки — всегда и везде только дешифровка текстов открывала возможность реконструировать, возродить прежние культуры.

Насколько бессистемными остались бы наши знания о Египте без Шампольонова ключа к его письменности и без богатого урожая папирусов, собранного в песчаных пустынях вдоль Нила! Глиняные таблички, откопанные в столице Эхнатона в Телль-эль-Амарне, осветили целую эпоху. Самая блестящая среди египетских находок — гробница Тутанхамона — скорее всего никогда не была бы найдена, не будь надписей и текстов, из которых ученые узнали о существовании мальчика-фараона и которые толкнули их на поиски его захоронения. Печати с надписями привели Артура Эванса к открытию Мinoйской цивилизации среди каменных росписей Крита.

Самым памятным эпизодом в карьере Леонарда Вулли, раскопавшего Ур в Месопотамии, была находка серой таблички, исписанной древними клинообразными знаками. Это была короткая запись, но в ней назван был, как писал Вулли, «первый царь той самой династии Ура, которую ученые отвергали как мифическую; и вот передо мной имя его и

имя его сына на современном им документе, доказывающем, что предполагаемый миф был реальной историей...» [37, 92].

Работа, посвященная столь обширной теме, как археология памятников письменности, неизбежно должна быть ограничена тематическими и временными рамками. Основное внимание будет уделено книгам, иными словами, компактными сочинениям вполне определенного содержания и значительного объема, имеющим культурное, историческое или литературное значение. За некоторыми исключениями, я вынужден был, к сожалению, оставить вне рассмотрения обширные фонды важных эпиграфических материалов: надписи на гробницах и камнях, на стенах зданий, на металлических пластинках и глиняных черепках. Более того, я рассматриваю только книги, созданные до появления книгопечатания на Западе. Такие интереснейшие находки, как бумаги Босвелла¹, ранний роман Пруста, мемуары Коленкура² и дневник Анны Франк, остаются вне нашего поля зрения. Главными объектами нашего внимания будут ранние рукописи произведений классических греческой и римской литератур, древнего Ближнего Востока, а также иудео-христианской среды. Заключительный раздел, посвященный воскрешенным текстам Центральной Азии и доколумбовой Америки, замыкает широкий географический диапазон охваченного материала.

Большинство открытий, о которых пойдет речь, были сделаны на протяжении последних ста пятидесяти — двухсот лет. Возрождение, положившее начало систематической кампании по воскрешению литературных текстов, явилось прелюдией проблем и задач, которые встали перед современными охотниками за рукописями. Повсюду в своей книге я в какой-то мере пытаюсь осветить смысл найденных текстов и обстановку, в которой они были созданы.

В круг выбранных мною тем я включил описание образцов различных материалов для письма, многочисленные способы перехода рукописей от владельца к владельцу и столь же многочисленные пути их обнаружения. Иногда я позволял себе отклоняться от основной темы для освещения менее известных аспектов культурных связей, расшифровки письмен, характеристики техники производства книг, изготовления материалов для письма, критики текста, вопросов классической филологии и других связанных с этим вопросов. Даже мошенничество и подделки сыграли выдающуюся роль в изу-

чении рукописей, и время от времени они вынуждают уделять им внимание.

И по теме и по содержанию настоящая работа затрагивает много дисциплин и не может быть четко отнесена ни к палеографии, ни к археологии. Первая, имеющая дело с расшифровкой и с эволюцией и развитием древних письменностей, имеет к нашей теме только косвенное отношение и поэтому не преподносится систематически. Последняя, по крайней мере в ее общепринятом значении, только частично касается материалов и методов, которые будут здесь рассматриваться.

Чтобы избежать повторения всем известных вещей, я опустил разрекламированные археологические удачи, в частности в Месопотамии, в пользу таких менее известных мест, как Дура-Европос, Рас-Шамра — Угарит и Восточный Туркестан. Кроме того, неизбежные ограничения в объеме книги вынудили меня не касаться некоторых известных материалов, обнаруженных в Египте и других местах.

Вряд ли стоит подчеркивать, что пути и средства восстановления погребенных текстов выходят далеко за рамки полевой археологии. Многие «раскопки» проводятся в глухих закоулках разбросанных по всему миру библиотек или в национальных музеях современных шумных метрополий. Волнующий миг открытия может наступить в момент, когда на выгоревший, дважды исписанный пергамен упадет инфракрасный луч. Установление авторства и расшифровка слов и значений — весьма важная, если не решающая стадия большинства открытий. Поэтому охотник за книгами, подобно «кабинетному археологу», может сосредоточиться на работе за своим письменным столом и предоставить экспедиции в чуждадельные страны более непосредливым коллегам.

Не только Катай и Троя, но и другие места имели своих Марко Поло и Шлиманов. И таким людям уделено много места на страницах нашего повествования. Полубиографический подход, может быть, и не охватывает всей исторической правды, но он помогает придать нашему в высшей степени выборочному обзору живую и правдоподобную основу.

Хочу сделать одно предостережение. Я хорошо осведомлен о полемике вокруг такого понятия, как «Возрождение», одной из категорий, вокруг которых здесь сгруппирован материал. «Возрождение» — не что иное, как историографическая конструкция. Выяснение вопроса, является ли Возрождение

скорее «поздним расцветом средневековья», чем пробуждением нового человека, или споры о том, какое место в Возрождении занимает Петрарка, не являются целью этой книги. Известно, что есть люди, которые, подобно Линну Торндайку, объявили запретным даже само слово «Возрождение». Другие сравнительно недавно возродили классическое положение Буркхардта. Историки имеют печальную славу ревизионистов. Прошлогодние банальности легко превращаются в завтрашние умудренные откровения. Перед вами, однако, научно-популярная работа. Она избегает как академических споров, так и непоследовательных сносков (этих спасительных алиби для ученых и мест изложения запоздалых мыслей) и слишком безапелляционных утверждений.

Наконец, следует сказать, что я работал под впечатлением одной и всеобъемлющей мысли: взаимозависимость человеческой культуры в масштабах почти всего земного шара начиная с ее неолитического рассвета. Поэтому я и сосредоточил внимание на общих истоках, заимствованиях, взаимовлияниях, на неразрывности во времени и пространстве, а не на «уникальной» славе Египта, Греции и Израиля и не на схематичных конструкциях взлетов и падений обособленных цивилизаций. Это не означает попытку вывести все проявления цивилизации из одной общей колыбели. Но тем не менее, как давным-давно сказал Уильям Х. Прескотт, существует «одно великое братство народов... связанных друг с другом такой степенью взаимопонимания, которая позволяет самой слабой искре знания, сверкнувшей в одном районе, постепенно распространяться все шире и шире, пока ее вдохновляющий свет не достигнет самых отдаленных уголков» [30, 54]. Эта точка зрения лежит в основе трактовки всех вопросов, обсуждаемых на этих страницах: от способов письма, формы книг и их литературного или религиозного содержания до точек соприкосновения древних цивилизаций, на стыке которых было открыто так много документальных данных. Следовательно, насколько мне это удалось, это и книга о книгах, и книга об истории единого мира.

В работе, охватывающей несколько цивилизаций, континентов и веков и выходящей за рамки простой романтики поисков древних рукописей, рискованность и сложность моей задачи усугублялась тем, что я располагал лишь немногими общими работами, которые могли бы послужить руководством на моем пути. Для получения нужных мне данных я ча-

сто должен был углубляться в дебри специальных журналов, ученых записок, материалов симпозиумов, юбилейных сборников («Festschriften»), исследовательских статей и институтских отчетов, написанных на более чем полдюжине языков. Поскольку ни один эксперт не может быть в равной мере специалистом во всех затронутых здесь областях, я взял на себя смелость вторгнуться во владения многих специалистов, рискуя при этом совершить немало ошибок в суждениях и фактах. Моей целью было утоление собственной любознательности. И я надеюсь, что хотя бы часть моего восторга перед миром книг — живущих, утерянных, возрожденных и еще не родившихся, но уже готовых к этому — передастся моим читателям.

О транскрипции

Я довольно быстро понял, что в транскрипции названий различных местностей и имен собственных, относящихся к Греции, древнему Ближнему Востоку и Центральной Азии, основным грехом является педантизм или, вернее, последовательность. Слишком часто приходится выбирать между озадачивающим количеством вариантов, каждый из которых звучит более или менее правдоподобно. Вместо того чтобы следовать какому-либо одному авторитету или справочному труду, я прежде всего пытался остановиться на общепризнанном и общепонятном варианте. Не изменяя этому правилу, я предпочитал выбирать варианты, используемые теми, о ком я в основном пишу и кого цитирую в своей книге.

Книга I

ПРЕЛЮДИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

I

Поиски Цицерона.

Петрарка

Я, пожалуй, не стану отвергать хвалу, которую ты воздаешь мне за то, что я побудил многих, и не только в Италии, но, возможно, за ее пределами, заняться тем, чем занимаемся мы и что так много веков пребывало в забвении. Действительно, среди нас, посвятивших себя этому делу, я — один из старейших.

Петрарка — Боккаччо [62, 12—13]

В один прекрасный день обеспокоенный отец отправился из Авиньона, чтобы нанести неожиданный визит своему юному сыну, студенту права в средневековом университете Монпелье, на юге Франции. Как и всякий порядочный родитель из средней буржуазной семьи, синьор Петраччо ди Паренцо, юрист по роду занятий, страстно желал, чтобы его отпрыск преуспел в профессии, которую он самовластно, хотя и из самых лучших побуждений, ему навязал. Не проматывает ли его Франческо время и деньги на всякого рода юношеские развлечения, как большинство университетской молодежи XIV, да и многих других столетий? Правда, Франческо был прилежным с детства; он был самым способным учеником, которого когда-либо имел его учитель, малоизвестный итальянский поэт Конвенневоле. Но продвинулся ли Франческо в юриспруденции? Синьору Петраччо было известно, что его сын отнюдь не проявлял большой склонности к праву, и он был твердо настроен не допускать каких бы то ни было глупостей.

Франческо прекрасно знал, что его страсть к наслаждению недавно открытыми шедеврами классической литературы вместо нудного изучения права вряд ли встретит одобрение отца. Предвидя его внезапное появление, он спрятал свои немногие драгоценные копии латинских произведений.

Однако на этот раз отец, войдя в его скромную комнату, к ужасу Франческо, быстро обнаружил припрятанную «контрабанду». Он схватил книги и швырнул их в пылающий камин. Франческо разразился рыданиями. Синьор Петраччо смягчился, бросился к огню и выхватил два обуглившихся тома — «Энеиду» Вергилия и «Риторику» Цицерона. Он вручил их Франческо со словами: «Обращайся к первой, когда тебе нужно дать отдых своему уму, и ко второй как к пособию в твоих занятиях правом». Юноша с благодарностью принял «своих возвращенных товарищей — таких немногочисленных, но столь выдающихся» [61, 44].

Антипатия старшего Петраччо к чтению классиков была обычным явлением для века, который проявлял мало уважения к книгам; такое отношение продержалось многие столетия.

Древняя литература оказалась в небрежении со времен распада Римской империи на Западе. Варварские племена хлынули в гибнущую империю и разрушили библиотеки и центры учености. Между тем церковь, со своей стороны, не проявляла особой любви к книгам язычников — греков и римлян. Живший в VI в. историк франков Григорий Турский сухо отмечает: «Изучение словесности погибло» [54, 534]. Достаточно характерно, что он не выражает по этому поводу никаких сожалений. Наоборот, он призывает верующих: «Да избегнем лживых басен поэтов... чтобы не навлечь на себя осуждение на вечную смерть по приговору господа нашего» [70, 43].

Даже наиболее образованные проповедники «темных веков» имели обыкновение искупать свои случайные прегрешения, выражавшиеся в чтении классической литературы. Св. Августин, перед которым Петрарка благоговел, открыто выражал ненависть к греческому языку и проклинал время, напрасно потраченное им на изучение Вергилия. Папа Григорий Великий, современник своего тезки из Тура, несмотря на происхождение из древнего римского рода, презирал классическую ученость, похвалялся своим невежеством и поощрял иррационализм. В Испании наиболее уважаемым уче-

Гравюра на дереве, изображающая средневекового писца
(Пастушеский календарь. Париж, 1500 г.)

ным был архиепископ Исидор Севильский, один из тех неутомимых компиляторов, которых во множестве породило раннее средневековье. Тем не менее он запрещал своим церковникам и монахам читать кого-либо из древних авторов, кроме грамматиков. Риторические работы Цицерона и Квинтилиана он отвергал как «слишком многословные, чтобы их можно было читать» [51, 27], — яркий пример того, как закопченный горшок обзывает чайник черным. Стоит ли после этого удивляться, что классики были забыты, а много рукописей утеряно?

Однако не все было таким мрачным в средневековом «тысячелетии». Некоторые религиозные общины продолжали

интересоваться произведениями древней литературы, подобно тем каролингским переписчикам VIII и IX вв., которые копировали различных классиков и тем самым способствовали их сохранению для последующих поколений.

К XI в. с ростом торговли и городов, ученость уже не пользовалась дурной славой. Школы при соборах и университеты стали интеллектуальными центрами. Контакты с более передовой мусульманской цивилизацией в Сицилии и Испании привели к появлению на Западе нескольких трактатов Аристотеля и других, в основном научных и философских, работ, переведенных с арабского. Однако ученые сосредоточили свои усилия почти исключительно на теологии. Вследствие этого начавшийся прилив схоластики скорее затормозил, чем продвинул вперед, знание классической литературы. И монастыри, когда-то главные хранители рукописей, стремились уступить другим институтам те крохи интеллектуального усердия, которые они когда-либо вообще имели.

Несколько человек тем не менее читали древних: Иоанн Солсберийский¹, например, Герберт², будущий папа Сильвестр II, и Абеляр³, балансировавший на грани ереси. Но им было доступно весьма ограниченное число произведений. Редко какой автор был известен полностью. Классические тексты появлялись и исчезали, как метеоры. Некоторые, как комета Галлея, внезапно возникали вновь — где-нибудь в далекой Скандинавии или Венгрии. Другие, о чьем существовании нам известно, так как они упоминаются в средневековых документах, впоследствии исчезли навсегда. Автор, читаемый или высоко ценимый в одной части Западной Европы или просто в одном монастыре, мог быть абсолютно неизвестен в другой.

В целом средним векам не доставало того, что мы можем назвать классической традицией — более или менее установленным, сознательно сохраняемым каноном литературных произведений. Едва ли хотя бы один классик участвовал в формировании даже и части потока культуры [38, 435], и люди имели самое смутное представление о писателях и поэтах древности. Некий авторитет приписывал «Илиаду» Пиндару; Гомер и Вергилий с легкостью выдавались за современников и друзей. Знаменитый профессор Болонского университета, с которым переписывался Петрарка, считал Цицерона одним из древних поэтов [62, 35]. В некоторых райо-

нах средневековой Италии легенда произвела Цицерона в великие полководцы, который осадил и взял штурмом укрепленный город, удерживаемый вождем мятежников «Кателлиной» [78, 18—19].

Такова была ситуация, когда на сцене появился Петрарка.

На этих страницах мы чаще встретим зрелого Петрарку, умудренного писателя, чем молодого Петрарку, превосходного лирика, автора «Канцоньере» — его любовных писем Лауре, написанных по-итальянски. Наш Петрарка был прежде всего писателем, творившим на латыни, советником королей и кардиналов, патриотом Италии, автором эпической поэмы «Африка», в которой он Вергилиевым стихом воспел славу всепобеждающему Риму, и заклятым врагом схоластики, астрологии и медицинского шарлатанства. Он положил начало движению, известному теперь как гуманизм, которому суждено было заново сформировать европейскую культуру.

Гуманизм Петрарки подчеркивал роль человека в этом мире и обращался к давно забытым свободам прошлого. В классической древности Петрарка и его последователи нашли идеалы истины и красоты, восстановить которые они побуждали западный мир. Прошлое было ключом к прогрессу. Тот, кто веровал в достоинство и способность человека к совершенствованию, делал ставку на возрождение классической учености. Тот, кто стремился развить свою индивидуальность, кто жаждал стать истинно разумным существом, усвоить соответствующую манеру поведения в общественной и личной жизни, достичь высокого мастерства в искусстве беседы и письма, кто хотел учить и вести за собой людей, — тот должен был читать древних.

Но как можно было ознакомиться с творениями классиков? Только немногие из великих произведений были легкодоступны, некоторые были известны лишь по жалким отрывкам. Петрарка, видимо, не раз испытывал горькое разочарование, наталкиваясь на упоминания о древних шедеврах, очевидно исчезнувших. И тогда он рыдал от бессильного гнева над этими утратами, делом рук «варварских» приемников Рима. «Когда я взываю к любому из прославленных имен, — писал он однажды, — я воскрешаю в памяти преступления последующих темных веков. Как будто их собственное бесплодие само по себе не было достаточно постыдным, они позволили книгам, порожденным неусыпными тру-

дами наших отцов (древних латинян!) и плодам их гения, исчезнуть бесследно! Эпоха, которая сама ничего не произвела, не утратилась промотать наследие отцов» [61, 18]. Стать обладателем хотя бы одной копии произведения какого-нибудь знаменитого древнего писателя считалось исключительной удачей. При этом чаще всего рукопись оказывалась настолько скверной копией, что Цицерон или Ливий вряд ли смогли бы узнать свое собственное творение [62, 25].

Оставалось ли только предаться отчаянию? Каковы были шансы разыскать утраченные произведения? Где можно было надеяться найти достаточно хорошо сохранившиеся рукописи? Эти вопросы пылали в мозгу подающего надежды молодого ученого XIV в. И именно Петрарка, который любил и собирал книги с тех пор, как научился читать, который вкусил запретного плода в Монпелье, стал первым, кто на Западе занялся систематической охотой за рукописями.

После смерти отца в 1326 г. Петрарка получил наконец возможность свободно проявить свои литературные интересы. Он возвратился в Авиньон и сделал попытку привить свои вкусы компании почтенных библиофилов при тамошнем папском дворе, но тех интересовали лишь юридические тексты. Если бы он только жил в древние времена! Но так как это было невозможно, Петрарка принял лучшее из возможных решений: он попытался возродить прошлое.

Одним из способов проникнуть в прошлое были поездки по центрам древней культуры. Петрарка постоянно был в движении — бродячий ученый, исколесивший всю Западную Европу, переезжавший из города в город, каждый из которых рано или поздно, по его словам, становился ему ненавистным. Он поселялся в каком-нибудь городе — Милане, Падуе, Мантуе, Ферраре, Парме, Венеции — на несколько лет, а потом снова отправлялся в путь. Другим средством возродить древний мир были книги, и поиски утерянных книг стали причиной многих странствий. Куда бы он ни направлялся, всюду он искал. Он уточнял слухи, наводил справки, покупал, переписывал, заказывал копии. Время от времени ему удавалось прибрать к рукам то, что было для него «более ценным, чем любые товары, предлагаемые арабами или китайцами» [48, 8].

Во всех этих поисках мысли Петрарки прежде всего занимал Цицерон: Цицерон ввел его в древний мир. Поэтому почти каждая ступень развития гуманизма несет на себе

печать влияния Цицерона. Петрарка не мог остановиться, не познав Цицерона во всей его полноте — стилиста, оратора, философа, свидетеля великого политического кризиса Рима.

Духовная близость этих двух людей, отделенных друг от друга тринадцатью столетиями, вполне понятна. Оба были прежде всего тонко чувствующими, культурными, гуманными литераторами; скорее яркими мастерами синтеза, нежели глубокими мыслителями; скорее поклонниками стиля и крас-

Портрет Цицерона (с античного бюста)

норечия, чем творцами оригинального. Любовь, которую Петрарка испытывал к римскому оратору, побудила его время от времени вступать с ним в «беседу» и создать новый литературный жанр — эпистолярные послания к давно умершему человеку. Задолго до того, как он увидел впервые Лауру, и намного позже того, как ослеплявшая его страсть к ней охладела, Петрарка неустанно разыскивал Цицерона. Спасение всех произведений мастера стало навязчивой идеей, прошедшей через всю его жизнь. Из тех произведений классической литературы, которые ему удалось прочесть, он извлек и составил длинный список работ Цицерона, о которых его современники и понятия не имели. Он щедро тратил время, энергию, деньги на осуществление своей миссии — собрать то, что осталось от классической литературы. Но Цицерон стоял на первом месте.

Петрарка познакомился с влиятельными людьми во всех западных странах и вынудил их помогать себе. Он забот-

ливо поддерживал хорошие отношения с любителями книг во многих городах. Если кому-нибудь в руки попадал редкий экземпляр и Петрарка узнавал об этом, он обычно писал тому письмо, кем бы этот человек ни был. Если обнаруживалось нечто, принадлежавшее перу Цицерона, он становился особенно настойчивым. «Ходят слухи,— писал он как-то,— что под Вашим кровом хранится Цицерон и что у Вас есть много редчайших произведений его гения. О счастье, во сто крат большее, чем счастье Эвандра, принявшего под свой кров Алкида⁴¹! Если Вы сочтете меня достойным, позвольте мне насладиться блаженством в присутствии такого гостя» [61, 69].

Он уговаривает друга: «Если ты любишь меня, поручи не-скольким достойным доверия и образованным людям побродить по Тоскане и порыться на книжных полках монахов и других друзей учености; постарайся отыскать что-нибудь, что сможет утолить, а быть может, только раздражить мою жажду. И хотя тебе хорошо известно, в каких водах я привык ловить рыбу и в каких лесах я люблю охотиться, тем не менее, чтобы ты не ошибся, посылаю с письмом список того, что мне особенно необходимо...» [61, 72—73].

Когда Петрарка брал у кого-нибудь на время ценный манускрипт, расстаться с ним было для него почти невозможным. Как-то он продержал у себя четыре года одну из речей Цицерона под тем предлогом, что не может найти надежного переписчика, чтобы скопировать ее; в конце концов, как он это часто делал, он переписал ее сам. Его розыски рукописей были очень обширны: «Ах, с какими только мольбами я не обращался, сколько я разослал денег не только по Италии, но и во Францию, в Германию, даже в Испанию и Англию — более того, поверите ли? — в Грецию!» [61, 74]. И хотя в Греции, как выяснилось, произведений Цицерона не оказалось, оттуда все же поступила одна греческая рукопись Гомера и позднее шестнадцать диалогов Платона. Источником тяжких страданий для Петрарки было то, что он не смог овладеть греческим языком: большинство греческих авторов так и остались для него лишь тенями. Но знание греческого было в те времена в западных странах редкостью. Только в последние годы жизни Петрарки, когда Боккаччо с помощью калабрийца, знавшего греческий язык, сделал грубый перевод «Илиады», Гомер стал доступным. И хотя сам Петрарка не ступил в эту святую страну, он вдохновил дру-

гих на ее завоевание. В конечном счете спасением греческой классики от забвения Запад также обязан влиянию Петrarки.

Петrarка и сам делал ценные открытия. Стоило ему увидеть на горизонте стены очередного монастыря, как он приходил в сильное волнение и, «немедленно изменив свой путь, направлялся к нему в надежде найти там какие-либо произведения, которые с такой жадностью разыскивал» [55, 34—35]. И он стучался в монастырские ворота, заклиная монастырскую братию оказать ему помощь.

Одну находку, принесшую ему большое удовлетворение, Петrarка сделал незадолго до того, как ему исполнилось тридцать лет. В 1333 г. он отправился в долгое путешествие в Париж и далее на север, в те страны, которые мы сейчас называем Нидерландами и Западной Германией. Он перебирался из монастыря в монастырь, пока в Льеже ему не улыбнулась удача: он обнаружил две речи Цицерона, одна из них — «pro Archia» («В защиту Архия»). Получив разрешение, он скопировал одну и нанял помощника, чтобы переписать другую. Единственным поводом для огорчений было то, что «в этом добром варварском городе у нас были бесконечные заботы в связи с нехваткой чернил, а когда нам удавалось добыть их, они оказывались шафранного цвета» [61, 49]. Но зато Петrarка теперь смог воскликнуть, как римский завоеватель: «Благодаря мне Италия получила их (две утерянные речи)!» [55, 35].

Четырьмя годами позже он в первый раз посетил Рим, где с ужасом увидел, что стены, дворцы, замки превратились в руины. И это никого не волновало. Петrarка с грустью писал своему другу, что знания о древнем Риме нигде так не скудны, как в самом Риме. И эти жалкие римляне пали так низко, что продавали мраморные колонны и скульптуры на юг, в упадочный Неаполь. При таком отношении, предрекал он, все эти прекрасные руины вскоре исчезнут совсем [75, II, 49].

Однако Петrarка, не останавливаясь ни перед какими препятствиями, продолжал искать книги. В течение нескольких дней он приобрел прекрасный текст, а еще дней через десять установил местонахождение других текстов. На обратном пути из Рима он остановился в своем родном Ареццо и здесь обнаружил безнадежно разрозненные фрагменты из

50 Квинтилиана. Вскоре после этого в Мантуе он купил «Есте-

ственную историю» Плиния Старшего. Величайшее открытие его жизни было сделано в Вероне весной 1345 г.: коллекция Цицероновых «Писем к Аттику» и переписка Цицерона со своим братом Квинтом и с Брутом — рукописи, очевидно неизвестные ученым многих поколений, хотя время от времени они, вероятно, попадались на глаза каким-нибудь веронцам. Если бы не копии Петрарки, драгоценная коллекция никогда бы не увидела света, так как другой, столь же полной копии этих рукописей нет, оригинал веронских рукописей давно пропал, он был в плохом состоянии уже тогда, когда Петрарка обнаружил его, как он выразился, «в совершенно неожиданном месте» — по-видимому, в библиотеке собора.

То, что это произошло в Вероне, представляет определенный интерес. Верона была самым богатым римскими древностями городом Северной Италии. Ее привлекательность для Петрарки была очевидной. Здесь родился Катулл⁵; она гордилась большим количеством древних сооружений, самым великолепным из которых был обширный, хорошо сохранившийся амфитеатр, возведенный в I в. н. э. и рассчитанный на двадцать пять тысяч зрителей. Древняя соборная библиотека Вероны, в которой, по-видимому, были найдены письма, была одной из старейших в мире.

Петрарка давно ожидал этих писем. Они проливали свет на личность Цицерона и в то же время на повседневную жизнь угасающей Римской республики, раздираемой гангстерами от политики. Петрарка, несмотря на недомогание, сам переписал Веронскую рукопись и впоследствии не уставал рассказывать друзьям о том, с каким трудом и с какой радостью он делал это [61, 119]. Том, в который вошли копии всех писем, был столь громадных размеров, что не мог уместиться ни на одной полке его библиотеки. Не зная, что еще можно сделать с этим объемистым и тяжелым томом, Петрарка поместил его на полу, где он, как оказалось, стал чем-то вроде источника профессиональной травмы. Однажды, когда Петрарка входил в комнату, его развевающаяся мантия зацепилась за том, который упал и сильно ударил его по голени. На следующий день произошло то же самое, и так повторялось неоднократно. К тому времени, когда Петрарка наконец убрал книгу с дороги, его несчастная нога распухла, в рану, образовавшуюся на ней, попала инфекция. Начались сильные боли, и доктора мрачно предрекали, что он

останется калеккой. Однако несколько месяцев спустя Петрарка был на пути к полному выздоровлению [61, 62—63]. Послания же Цицерона затмили все остальное, чем он владел; он хранил их столь ревностно, что даже никому не давал на время и не позволял копировать.

Верона принесла ему и другие сокровища, наиболее ценными из них были Катулл и Проперций. Вполне вероятно, что все последующие тексты Проперция восходят к копии, переписанной самим Петраркой. Веронский «архетип» был в конце концов утерян.

Открытие Петраркой в Вероне корреспонденции Цицерона было одним из величайших событий в культурной истории Возрождения. Письма явили миру малоизвестный до сих пор облик великого римского оратора, со всеми его слабостями и достоинствами. Пожалуй, такого саморазоблачения европейская литературная сцена не будет знать вплоть до «Исповеди» Руссо [78, 18]. Письма стали одним из наиболее читаемых в эпоху Возрождения произведений, и не только из-за их содержания. Их изящный, но в то же время разговорный стиль революционизировал тот латинский язык, который гуманисты так стремились освободить от средневековых искажений, жаргона и манерной архаизации. Благодаря Цицерону эпистолярный жанр стал едва ли не самым популярным жанром литературы эпохи гуманизма; именно корреспонденция Цицерона вдохновила Петрарку написать свое первое письмо классическому автору, за которым последовали другие, адресованные Варрону⁶, Ливию⁷, Квинтилиану⁸, Горацию⁹ и Гомеру.

Первое «Письмо к Цицерону» Петрарки было, по-видимому, написано в Вероне после прочтения собрания писем, так как оно несет на себе явный отпечаток волнения, вызванного находкой, а также некоторый шок от содержащихся там разоблачений. «Ваши письма, — писал Петрарка Марку Туллию, — я разыскивал долго и усердно, и наконец я нашел их там, где менее всего ожидал найти. Я прочел их сразу, снова и снова с величайшим рвением. И по мере того как я читал, мне казалось, что я слышу ваш собственный голос, о Марк Туллий, рассуждающий о многих вещах, произносящий много горестных жалоб, скитающийся среди многих мыслей и чувств. Мне давно было известно, каким прекрасным наставником были вы для других; наконец, мне довелось узнать, на какой стезе наставляли вы самого себя.

Теперь ваша очередь быть слушателем. Внемлите, где бы вы ни находились, словам совета, или, скорее, печали и сожаления, которые срываются, сопровождаемые слезами, с губ одного из ваших наследников, преданно любящего вас и хранящего в памяти ваше имя...» [62, 239—240]. Далее следуют упреки Цицерону за его многочисленные грехи (они «заставляют меня краснеть за вас»). Чрезмерное тщеславие Цицерона и недостаток твердости характера перед лицом кардинальных проблем современности огорчали Петрарку, который сам был человеком, полным противоречий, но не мог принять человеческих слабостей в том, кто был для него образцом совершенства. На замечательную философию Цицерона пала тень, ибо мастер не всегда придерживался на практике того, что так красноречиво проповедовал. Нравоучительный и довольно самоуверенный тон послания Петрарки не идет ни в какое сравнение с изяществом и легкостью эпистолярного стиля Цицерона. Впрочем, второе «Письмо к Цицерону» было построено более удачно и счастливо возобновило дружбу. Петрарка включил в него интересное отступление, где охарактеризовал отношение своей эпохи к памяти великого республиканца. Вину за пренебрежение к учености и утрату книг Петрарка возлагал, как некогда Петроний¹⁰ — вину за упадок Рима, на «любовь к деньгам, которая придавала нашим мыслям другое направление... Мы вынуждены расточать и губить из-за нашего жестокого и непереносимого пренебрежения плоды и ваших трудов, а также ваших соратников, ибо судьба, выпавшая на долю ваших собственных книг, которую я оплакиваю, постигла и труды многих других блистательных мужей» [62, 250—251].

Затем Петрарка называет книги Цицерона, утеря которых была наиболее прискорбной; среди них «Республика», главный политический трактат Рима; «Похвала философии»; эссе «Забота о хозяйстве», «Об искусстве войны», «Об утешении» и «О славе». Говоря о книгах, дошедших до него, Петрарка выражает скорбь по поводу искажений и громадных пробелов в тексте. Это напоминает, пишет он, кровавую битву, после которой «нам приходится оплакивать павших на поле брани благородных вождей, а также других воинов, искалеченных и пропавших без вести» [62, 251].

Все попытки найти «Республику» («De republica») Цицерона оказались безрезультатными; в конце концов Петрарка прекратил поиски [75, 38]. Но еще в юности у него был трак-

тат «De gloria» («О славе»), который он дал на время своему учителю Конвенневоле. В момент крайней нужды Конвенневоле заложил его, и все попытки Петрарки выкупить трактат не увенчались успехом. Старый учитель, смущенный происшедшим, обещал, что сам выкупит книгу, но к тому времени ее уже не было в Авиньоне. Петрарка никогда не терял надежды вновь разыскать драгоценный манускрипт, но «De gloria» не найдена по сей день.

Современные ученые высказывали сомнения в том, что Петрарка обладал этим произведением Цицерона. Однако нет никаких веских причин не доверять его словам, даже несмотря на то, что трактат так и не был найден. Несколько основных произведений античности дошли до нас в единственных экземплярах, которые с такой же вероятностью могли быть утрачены. Действительно, их шансы выжить были ничтожны, пока Возрождение не набрало силу. И даже после этого только немедленное копирование могло обеспечить их спасение. Многие книги, еще существовавшие в средние века, в конце концов исчезли. До нас дошло значительно меньше книг, чем было уничтожено, причем эти потери продолжались и в эпоху после смерти Петрарки.

Второе письмо Петрарки Цицерону дает нам представление о печальной судьбе книг в его время. Но оно также живо характеризует страстную борьбу Петрарки за кардинальное изменение такого положения. Он был, несомненно, первым из тех, кто «любил мертвые буквы живой любовью и вновь нашел в прахе веков искры вечной красоты» [61, 16]. Он не только вернул нам утерянные и забытые произведения, он установил новый стиль изучения литературы и отношения к ней и заразил своим энтузиазмом других. И он в этом действительно преуспел: возникло целое поколение гуманистов-библиофилов, которое спасло на Европейском континенте почти все, что только можно было еще спасти.

II

Гуманисты в действии. Боккаччо и Салутати

Как франки считали себя трижды блаженными, возвращаясь со святыми мощами из Иерусалима, так и эти новые рыцари Святого Духа, разыскивая не могилу восставшего из мертвых бога, но гробницы, в которых ожидал воскрешения гений древнего мира, испытывали святой восторг, когда потемневшие, покрытые копотью и неразборчивые копии великих произведений греческих и латинских авторов вознаграждали их терпеливые поиски. Дни и ночи проводили они в неустанных трудах... пока ценнейшие сокровища не становились общим богатством тех, кто способен был оценить их по достоинству.

Джон Эддингтон Симондс [70, 96]

Нет ничего более заразительного, чем пример, поданный великим человеком. Еще при жизни Петрарки итальянцы были охвачены лихорадкой поисков неведомой литературы. После его смерти поиски утерянной, спрятанной или находящейся в небрежении классики стали страстью в полном смысле слова.

Среди всех своих современников Петрарка не имел последователя более пламенного, чем Боккаччо, который был лет на десять моложе. Эти двое и сформировали начала гуманизма.

Как и Петрарка до него, Боккаччо, наполовину француз, автор «Декамерона» и один из отцов — основателей итальянской литературы, от своих популярных, проникнутых чувственностью произведений, написанных на тосканском наречии, 55

обратился к научной деятельности, презрев свои ранние творения, которым суждено было прославить его. Петрарка склонил его к поискам рукописей, и в конце концов успехи Боккаччо в этом деле затмили славу Петрарки.

Джованни Боккаччо, незаконнорожденный сын флорентийского ростовщика Боккаччо ди Челлино и неизвестной француженки, родился в 1313 г. в Париже. Еще в младенческом возрасте он был увезен во Флоренцию своим отцом, в то время богатым и уважаемым гражданином. Благодаря связям отца с известным банковским домом Барди юный Джованни в 1328 г. приобрел неплохое положение в Неаполе. Предоставленный самому себе в самом веселом городе Италии, он с удовольствием окунулся в его полную страсти жизнь. Именно здесь он встретил Фьямметту, которая была, возможно, незаконнорожденной дочерью Роберта Анжуйского, короля Неаполя. И именно здесь он нашел темы для своих новелл и стихотворений.

Беззаботное веселье неожиданно кончилось, когда его отец разорился. Боккаччо вынужден был вернуться во Флоренцию, где его ждала нищета. Однако беда оказалась хорошим учителем для подающего надежды поэта и будущего ученого. С этого времени он сосредоточил свои усилия на литературной работе, и через несколько лет некоторые из его наиболее известных книг были завершены. Он мог бы продолжать в том же духе, если бы не встретил Петрарку.

Вероятно, первая их встреча состоялась в «юбилейном»⁴, 1350 г. Петрарка совершал паломничество в Рим, чтобы получить отпущение грехов [53, 150], и Боккаччо приветствовал его у ворот Флоренции — города, который изгнал отца Петрарки. С тех пор они поддерживали тесную дружбу, которая продолжалась до смерти Петрарки. В своем завещании Петрарка оставил своему другу пятьдесят золотых флоринов, чтобы «тот купил себе мантию для занятий и ночных размышлений», причем он говорил, что очень огорчен, оставляя такому великому человеку столь ничтожную сумму [55, 243].

Боккаччо, проживший почти всю свою жизнь в ужасной нищете, щедро одаривал других. Он великодушно делился с другими своим временем, своими знаниями, своими книгами и превратил Флоренцию в центр гуманистической науки. Зарабатывая себе на жизнь утомительным переписыванием, Боккаччо переписал для Петрарки длинные тексты Цицерона и Варрона. Вскоре после того, как они стали друзьями, Бок-

Вид Флоренции (из хроники 1490 г.)

каччо порадовал Петрарку роскошной копией «Комментариев к псалмам» св. Августина и собственноручно переписанной копией «Божественной комедии» Данте. Последнюю великий человек принял с некоторой неохотой, обнаружив, что гораздо легче поклоняться древним, нежели современному сопернику твоей славы.

Однажды Петрарка высказал свое давнее желание прочесть малоизвестное религиозное сочинение, которое он никак не мог заполучить, — «Житие Петра Дамиана». Святой заинтересовал его в связи с тем, что он восхвалял одиночество — тема, к которой Петрарка обращался в «*De vita solitaria*» («Жизнь в одиночестве»). Нельзя ли найти книгу в Равенне, родном городе святого? Боккаччо счел своим долгом поехать в этот город и начать поиски. Ни монахи, ни миряне не знали о существовании какой-либо копии. Наконец один старик привел Боккаччо в свой дом, где хранилась груда грязных, полуистлевших томов. Боккаччо начал рыться в этой заплесневелой куче — и его надежды стали таять. И вдруг, когда он уже почти добрался до самого низа, его взгляд упал на сильно потрепанную книжку — «Житие Петра

Дамиана»². Он радостно извлек ее на свет и сел за переписку, хотя, пробежав наскоро книгу, удивился, что в ней могло заинтересовать Петрарку. Но кто он такой, чтобы ставить под сомнение побуждения Петрарки [61, 67]?

В своем становлении проповедника гуманизма Боккаччо вынужден был преодолевать последствия своего весьма посредственного образования. Тем не менее в зрелые годы его образованность была значительно выше, чем у большинства его современников. Овладев латинским языком, он, поощряемый Петраркой, обратился к греческому и в конце концов намного превзошел Петрарку в знании этого древнего языка. Петрарка был в восторге от его успехов и убедил его перевести Гомера на латынь; это, по-видимому, был первый современный перевод греческого национального эпоса.

Путь был тернистым. Не существовало никаких руководств, почти не было и греческих оригиналов текстов. Компетентные учителя были едва ли не большей редкостью. Петрарка так и не сумел ничего достичь, занимаясь со своим учителем, греком Варлаамом, монахом из Южной Италии, который не питал симпатий к классической учености. Однако Боккаччо прибег к услугам Леонтия Пилата, калабрийца, которому нравилось изображать из себя грека. Сотрудничество Боккаччо с Леонтием было несколько странным. Этот человек был грязным авантюристом. Отнюдь не безупречное знание греческого вряд ли компенсировало его слабохарактерность и дурной нрав. Его внешний вид был столь же отталкивающим: лицо, «покрытое черной щетиной и обрамленное нечесаной, лохматой бородой; изодранная мантия только наполовину прикрывала этого немытого субъекта» [53, 194]. Петрарка, который использовал его в своих розысках, называл Леонтия «большой бестией» (*magna belua*). Но Боккаччо, проявив снисходительность, взял Леонтия к себе в дом и устроил его преподавателем греческого языка в Флорентийский университет. Во имя торжества гуманизма Боккаччо мирился с Леонтием, а впоследствии — со злобными монахами, в чьем владении находились драгоценные рукописи.

После ряда лет напряженной работы Боккаччо завершил перевод Гомера на латинский с греческой рукописи, принадлежавшей Петрарке. По преданию, Петрарка был найден мертвым над экземпляром латинской версии Боккаччо, комментированию которой он посвятил свои последние часы.

Деятельность Боккаччо на ниве гуманизма претерпела серьезнейшее испытание по причине одного из тех религиозных кризисов, которые нередко поражали «новых людей», со страхом и сомнениями престапующих порог средневековья. Потрясенный посланием, полученным в 1362 г. от умирающего монаха, Боккаччо был уже готов сам постричься в монахи, отказаться от всех своих занятий, сжечь свои собственные произведения и раздать свою библиотеку. Петрарка, который, несмотря на свое искреннее благочестие, строил свою жизнь в высшей степени целесообразно — в соответствии со своим талантом и предназначением, был обеспокоен, услышав, о перемене, происходящей с Боккаччо. Понадобилось все его красноречие, чтобы примирить в глазах своего друга религию и гуманизм. «Ни стремление к добродетели, ни мысль о приближающейся смерти не должны отвратить нас от изучения „словесности“, ибо оно, направляемое добрыми намерениями, само пробуждает стремление к добродетели, избавляет нас от страха смерти... Назови мне хотя бы одного из величайших святых, который пренебрегал литературой, и я всегда смогу противопоставить ему образованного человека, еще более святого» [55, 232]. Петрарка настойчиво убеждал Боккаччо искать утешения в служении древним текстам. Призыв был услышан, и с тех пор Боккаччо с еще большим рвением посвятил себя классике, оставив, однако, итальянскую поэзию и свои рискованные новеллы.

В 1363 г. он удалился в Чертальдо, маленький тосканский городок, в котором родился его отец и который он наряду с Флоренцией считал своим родным домом. Хотя ему едва минуло пятьдесят, он, казалось, покорился преждевременной старости, ограничивая себя в радостях плоти и засиживаясь допоздна за работой. Изредка он нарушал свое мрачное уединение, выезжая в качестве посла Флоренции в столь отдаленные места, как Авиньон и Рим.

В 1370 г. он принял предложение друга посетить Неаполь и остался там до 1371 г. Именно во время этой поездки он сделал свои самые замечательные открытия. Это произошло в Монте Кассино, древнем бенедиктинском монастыре. Вознесенный высоко на вершину холма, господствующего над стратегической дорогой, ведущей из Рима в Неаполь, монастырь был на Западе одним из передовых христианских центров образования еще с VI в. Здание его аббатства многократно перестраивалось после опустошительных набегов вар-

варов-завоевателей и природных катаклизмов. Примерно за двенадцать лет до приезда Боккаччо здание было разрушено землетрясением. (Больше всего пострадал монастырь во время второй мировой войны, когда союзники, предположив, что его постройки являются важным опорным пунктом в немецкой «линии Густава», превратили его в пыль.)

Довольно странно, что о приключениях Боккаччо с манускриптами Монте Кассино мы узнаем из приписки, сделанной его учеником Бенвенуто да Имолы среди записей его

Печать монастыря Монте-Кассино
с изображением древней базилики

комментариев к «Раю» Данте. По дороге в Неаполь Боккаччо решил остановиться в монастыре. Дело было зимой, во время декабрьских дождей. Когда он наконец добрался до массивных, хотя частично разрушенных строений [60, 235], то прежде всего заинтересовался библиотекой. «Желая увидеть собрание, — писал Бенвенуто, — которое, как он предполагал, должно было быть превосходным (по составу), Боккаччо учтиво попросил монаха — а он всегда был весьма обходителен в обращении — открыть для него в качестве большой любезности библиотеку. Монах сурово ответил, указывая на крутую лестницу: „Взойдите, она открыта“. Обрадованный Боккаччо поспешил наверх; там он обнаружил, что место, хранящее столь великие сокровища, не имеет ни ключа, ни дверей. Он вошел и увидел траву, выбивавшуюся из щелей в подоконнике, книги и лавки, покрытые толстым слоем пыли. С удивлением он начал открывать и переворачивать страницы сначала одного тома, затем другого и обнаружил много разных томов древних и иноземных произведений. В некоторых из них не хватало нескольких листов; другие были сплошь

изрезаны и изуродованы. Наконец он с грустью вышел из библиотеки. Вернувшись в монастырь, он спросил встретившегося ему монаха, почему эти ценнейшие книги так безжалостно изуродованы. Тот ответил, что монахи, желая заработать несколько сольди, взяли в обычай отрывать несколько листов и делать из них псалтыри, которые они потом продавали мальчишкам. Поля они превращали в амулеты и продавали женщинам». Бенвенуто завершает рассказ сардонической нотой: „Так что, о муж науки, иди и ломай себе голову; создавай книги, которые, быть может, окончат свой век точно так же!“ [70, 97—98].

Бенвенуто да Имола рисует живописную картину того, с чем сталкивались эти пионеры-книголюбы. Даже в колыбели бенедиктинского монашества, пользовавшейся столь высокой репутацией на ниве ученой деятельности, условия хранения книг и обращение с ними были почти варварскими.

Хотя нам известно о визите Боккаччо в Монте Кассино, у нас, к несчастью, нет никаких непосредственных сведений о том, что он оттуда увез. Книголюбы времен Возрождения имели прискорбную привычку скрывать источники получения рукописей и часто оставляли свои находки себе. Очевидно, у них были основания для такой скрытности: она, несомненно, избавляла их от вмешательства конкурентов. Кроме того, было целесообразно оставлять в неведении бывших владельцев относительно истинной ценности манускриптов, взятых у них столь бесцеремонно. Говоря прямо, эти добрые гуманисты были иногда не совсем чисты на руку. Законные владельцы, утверждали они, столь невежественны, что недостойны того, чем владеют, и, для того чтобы придать своему делу мало-мальски законный вид, они изобрели изящную латинскую формулу: «*Si ius violandum est, librorum gratia violandum est*» («Если закон должен быть нарушен, пусть он будет нарушен ради спасения книг») ³. В более поздние времена, используя тот же лозунг, пополняли свои коллекции национальные музеи и любители старины. И так же как самозванные спасители памятников древности Греции и Ближнего Востока, более близкие к нашим временам, итальянцы XIV и XV вв. полагали, что экспроприация древностей из тех мест, где они находились, означает их героическое спасение.

Проведенные недавно библиографические исследования почти не оставляют сомнений в том, что Боккаччо «приобрел» в Монте Кассино один из самых выдающихся манускриптов, 61

открытых в эпоху Возрождения, — рукопись основных частей «Анналов» (книги XI—XVI) и «Истории» (книги I—V) Тацита. В новое время никто до Боккаччо не знал об этом главе римских историков, важнейшем источнике наших знаний о Римской империи от Тиберия до Нерона. Однако после 1370 г. Боккаччо обильно цитирует Тацита. Тем не менее он никому не говорит о своем приобретении, даже Петрарке. И тайна продолжает существовать после смерти Боккаччо. Именно тогда рукопись попала, бог весть каким образом, в руки двух флорентийских гуманистов — Леонардо Бруни и Никколо де Никколи. Поскольку они также предпочитали не распространяться об этом, можно предположить, что они, в свою очередь, похитили манускрипт у наследников Боккаччо. Если это так, то мы можем считать это удачным в своем роде шагом, ибо основная часть библиотеки Боккаччо была уничтожена пожаром в XV в. Примерно через пятьдесят лет после смерти Боккаччо в письме, датированном 1427 г., Поджо Браччолини, одолживший рукопись Тацита у Никколи, уверяет последнего, что хранит свое обещание никому не говорить о рукописи [42, 225]. Это совершенно непохоже на Поджо, который всегда отвергал скрытность в этих делах. Сам он свободно одалживал свои самые ценные рукописи, часто с печальными последствиями. Однако в случае с Тацитом Никколи он, по-видимому, вынужден был соблюдать условия «владельца».

На протяжении долгого времени высказывались различные предположения об открытии рукописи Тацита. Поскольку она, как казалось, была неизвестна вплоть до того момента, когда Поджо сообщил о том, что он читает ее, один английский ученый XIX в. выдвинул нехитрую теорию о том, что «Анналы» были подделаны не кем иным, как самим Поджо. Абсурдность этой теории очевидна. Боккаччо приводил цитаты из «Анналов» еще до того, как Поджо появился на свет. Начальные части произведения (книги I—VI) были открыты в немецком монастыре через полвека после смерти Поджо. Однако, как и многие другие явно ложные теории, «подделка» Поджо время от времени вновь всплывает на поверхность.

В последние годы жизни Боккаччо классическая литература обогатилась произведениями, авторы которых были почти совершенно неизвестны большинству образованных людей средневековья, даже Данте и Петрарке. Его Тацит только

открывает этот список. Никто из гуманистов до Боккаччо не имел возможности прочесть эссе Варрона о латинском языке. Среди других классиков, открытых Боккаччо, можно назвать Марциала, поэта-сатирика, Овидия и его «Ибис», галло-римского писателя IV в. н. э. Авсония и сборник откровенных эротических поэм «Приапея» («Безупречные с точки зрения

corporis, de se ipso in ieiunio. quatuordecim
 p. fœnæ & usu polluat. ætatem magis oppres-
 sit, ignes. Eodem anno. tumine le. æstus
 In comiso. quæ se p. ætatem & quatuordecim
 ætatem ætatem tenu. tumulq; In fœnæ æstus
 mofcuis fœmælib; & æstus ætatem ætatem de
 minuat. p. d. loco ætatem est. donæ Inno
 uos fœtus fœtuescete. Explicia

Отрывок из «Кодекса Тацита» или «Рукописи Медице-ус II» (содержащей XI—XVI книги «Анналов», I—V книги «Историй»), вероятно, полученной Боккаччо в Монте Кассино. Помещенная под один переплет со списком Апулеева «Золотого осла», она хранится сейчас в Лоренцианской библиотеке Флоренции. Список сделан в Монте-Кассино предположительно в XI в. так называемым беневентинским, или южно-итальянским, минускульным письмом

стиха, — говорит о них „Оксфордский классический словарь“, — но отличающиеся исключительной, даже отталкивающей непристойностью», копия которого, сделанная самим Боккаччо и дожившая до наших дней, хранится сейчас в Лоренцианской библиотеке во Флоренции. По иронии судьбы Овидий и «Приапея» касались тех же тем, которые так смаковал Боккаччо во времена своей буйной молодости, когда капризная неаполитанская красавица Фьямметта вдохновила его на создание «Декамерона», предка европейского романа. Для него все это было далеко позади.

Когда Боккаччо услышал о смерти Петрарки, он составил завешание и годом позже, в декабре 1375 г. ушел из жизни. Его смерть побудила канцлера Флоренции заявить, что «оба эти светила нового красноречия угасли» [67, II, 15]. Человеком, произнесшим этот панегирик, был Колуччо Салутати, государственный деятель и ученый, бывший после Петрарки и Боккаччо третьим и самым младшим из великой «флорентийской триады» ранних гуманистов. Он был первым среди многих деловых людей с изысканными манерами — покровителей науки, которые, будучи страстными и богатыми коллекционерами книг, побуждали других разыскивать утерянные рукописи, хотя сами и не участвовали непосредственно в этих розысках.

Салутати был как бы отлит в форму неукротимого римского республиканца. Он перевел на латынь Данте, написал биографию Данте, Петрарки и Боккаччо; он был превосходным стилистом. Хорошо известно замечание, приписываемое Джан Галеаццо Висконти, миланскому властителю, что произведения канцлера наносили больший урон, чем флорентийская армия [70, 76]. Цицеронова латынь была превращена им в оружие дипломатии.

После смерти Петрарки Салутати, только что выдвинутый на высшую должность во Флоренции, обратился к зятю поэта с целью получить доступ к коллекции манускриптов. Петрарка никогда особенно не распространялся о том, какие у него хранятся произведения. Принадлежащие ему рукописи Катулла и Проперция так и не стали доступными; даже существование их среди бумаг покойного подвергалось сомнению. Переговоры тянулись долго, но в конце концов Салутати удалось получить копии около шестидесяти писем Цицерона. В результате (*l'appetit vient en mangeant* — аппетит приходит во время еды) ему захотелось иметь все письма, которые, как ему было известно, Петрарка переписал из Веронского кодекса. Как раз в это время Джан Галеаццо, миланский воитель, получил несколько древних рукописей из только что завоеванных городов Северной Италии. Среди них были пергамены из Вероны. И хотя Милан находился в состоянии войны с Флоренцией, Салутати удалось заполучить копии писем Цицерона. Он продолжал поддерживать отношения даже с врагом, благо в эти счастливые столетия еще не расцвела жестокая разобщенность тотальной войны. Как правило, военные действия не влекли за собой разрыва куль-

турных отношений. Принцы и генералы времен Возрождения могли бы подписаться под словами Людовика XIV, который якобы сказал в подобной ситуации: «Мы воюем с Англией, но не с человечеством».

Когда Салутати стал перелистывать рукопись, он не мог поверить своим глазам. Ни одно из писем не напоминало те, которые он уже видел ранее. Они не были адресованы Квинту⁴, Аттику⁵ или Бруту⁶. Сыграл ли кто-нибудь злую шутку? Наведя справки, он получил ответ на эту загадку. Джан Галеаццо послал ему копию не Веронского кодекса, а совсем другого, «аннексированного» в городе Верчелли. О существовании этих писем даже не было известно. Рукопись из Верчелли содержала еще одно, до сего времени никому не ведомое собрание писем — «Ad Familiares» («К близким»). Салутати был так же счастлив, как Петрарка, когда нашел письма Цицерона. Он назвал рукопись «подарком небес». Он признавался, что чтение писем вызывало у него восторг, подобного которому он никогда не испытывал. Стало возможным еще глубже проникнуть в личность великого римлянина [75, 208]. Тем не менее Салутати жаждал получить остальные веронские письма, которые ему пришлось ожидать столько лет. В конце концов он стал гордым обладателем обоих собраний писем Цицерона [75, 208].

Салутати способствовал также и многим другим открытиям, среди них находке эссе Катона Старшего⁷ «О земледелии». Этот латинский текст был основан на карфагенском трактате, единственном произведении, сохраненном римлянами из всей национальной литературы, когда они безжалостно покорили своих африканских соперников в 148 г. до н. э. Приверженец истинного гуманизма, Салутати был не только собирателем книг, но и критиком и филологом. Например, он доказал, что одно эссе («De differentia»), когда-то приписываемое Цицерону, было фальшивкой. Именно благодаря ему во Флоренцию приехал Хризолор, греческий ученый из Византии, чей труд на ниве просвещения в Италии имел далеко идущие последствия в возрождении классики. Достижения Салутати были, таким образом, достойно увенчаны его большим вкладом в изучение греческого языка. Благодаря его личному посредничеству молодые флорентийские гуманисты получили поддержку и поощрение — прежде всего Леонардо Бруни и Поджо Браччолини, которые учились у Хризолора, а в свое время сделались канцлерами Флоренции.

После Салутати поиски манускриптов приняли широкий размах. Возбуждение достигло апогея, когда была восстановлена связь с раскрепощенной разумной гуманностью, от которой средневековый фанатизм и схоластическая догматика, как утверждалось, наглухо себя изолировали. Наш рассказ был бы незавершенным без краткого напоминания о той полной нравственного подъема атмосфере, в которой совершалось открытие манускриптов. Не было недостатка ни в подлинных драмах, ни в хвастливом пустословии. Радость находок была окрашена чувством безбрежных просторов мира, открывшихся в эпоху Возрождения. Нечто подобное испытывали мореплаватели, пускавшие в плавание по морям, которые еще не были обозначены на карте. Охотники за рукописями, восстанавливающие из небытия погибшие или затерянные континенты человеческого самовыражения, отправлявшиеся в свои экспедиции по всей Европе от Испании до Скандинавии и еще далее — на Ближний Восток, могут рассматриваться как истинные предшественники да Гамы, Колумба, Америкы и Кэбота, точно так же как идеи гуманизма способствовали интеллектуальной готовности мореплавателей к их открытиям. Нам не следует забывать, что и Колумб и Коперник, в своих исканиях отталкивающиеся от классических текстов, сами были истинными гуманистами.

Повсюду на итальянском полуострове не только литераторы и ученые, но и горожане, тираны, церковники и князья были буквально наэлектризованы успехами искателей книг. «Приобретение целой провинции не приносило такого удовлетворения, как открытие произведений малоизвестного или совсем неизвестного автора» [47, I, 69]. Восстановление какого-нибудь трактата Цицерона или Квинтилиана считалось подвигом, уступавшим разве что его созданию. Флорентийский гуманист Леонардо Бруни, узнав от Поджо Браччолини новость о только что открытом манускрипте, быстро набросал приветственное письмо, достойное такого события: «Республика литературы имеет все основания торжествовать не только по поводу произведений, которые Вы нашли, но и по поводу тех, которые Вам еще предстоит найти. Слава Вам за то, что Вы благодаря Вашим настойчивым усилиям являете свету произведения самых выдающихся авторов! Потомки не забудут, что манускрипты, оплакиваемые как навсегда потерянные для человечества, были возвращены ему благодаря Вам. Подобно тому как Камилл⁸ считается вторым основате-

лем Рима, так Вы имеете все права быть названным вторым автором произведений, воскрешенных Вами для мира. Благодаря Вам мы теперь обладаем всеми работами Квинтилиана; до этого мы гордились тем, что имеем только половину их, причем с искаженным и недостоверным текстом. О драгоценное приобретение! О нежданная радость! Неужели я и вправду могу теперь прочесть всего Квинтилиана, который даже в том изуродованном и искаженном виде, в каком он был до сих пор, составлял мое утешение? Я заклинаю Вас послать мне их сразу же, чтобы я мог наконец взглянуть на них до того, как уйду в мир иной» [70, 100].

Дух истинных пионеров разжигал эту страсть, и люди были готовы в любой момент принести любые жертвы, чтобы увеличить человеческое знание и спасти как можно больше любой ценой. Джованни Ауриспа, сицилийский искатель рукописей, вспоминает, как «отдал всю одежду грекам в Константинополе, чтобы завладеть несколькими списками, — поступок, который не вызывает у меня ни стыда, ни сожалений» [16, 41]. А флорентинец Никколо де Никколи, ставший кем-то вроде генерального директора и ведущего представителя охотников за рукописями, продал свои усадьбы, чтобы получить средства для пополнения своей коллекции.

При малейшем намеке на возможную находку гуманист-книголюб срывался с места, хотя чаще всего след оказывался ложным. Уже в преклонные годы Петрарка, услышав, что Леонтий Пилат был убит на обратном пути из Константинополя, поспешил в порт для осмотра вещей убитого, но его надежды найти Еврипида или Софокла не оправдались.

К ученым иногда присоединялись кондотьеры, герцоги, кардиналы и купцы, которые оказывали им содействие и финансировали поиски, хотя они были весьма непостоянны в своей помощи. В поисках трофеев классических муз Европа была прочесана вдоль и поперек. Папы Николай V и Лев X посылали специальных агентов через Средиземное море в Сирию и Малую Азию, а также на север вплоть до Швеции и Дании. Поджо Браччолини бросал вызов стихиям, преодолевал заснеженные перевалы и всходил на горы, чтобы порыться в старой библиотеке заброшенного альпийского монастыря. Это о нем сказал один из его современников (Франческо Барбаро): «Ни жестокий зимний холод, ни снег, ни расстояния, ни плохое состояние дорог не могли помешать ему извлечь на свет памятник литературы» [70, 100].

III

Страстный книголюб. Поджо Браччолини

Эти пионеры, перерывая библиотеки в поисках манускриптов, чувствовали себя так, как будто они освобождали выдающиеся умы древности из плена.

Сэр Ричард К. Джебб [54, 553]

В одном из рассказов о Возрождении швейцарского писателя XIX в. Конрада Фердинанда Майера, «Плавт в женском монастыре», Поджо Браччолини попадает в щекотливые ситуации, пытаясь извлечь двенадцать комедий Плавта из монастыря в швейцарском Аппенцелле. Пикантный эпизод в женском монастыре вряд ли имел место в действительности, хотя Поджо и был, по крайней мере косвенно, вовлечен в поиски утраченных пьес римского драматурга. Однако версия Майера отражает легендарную славу Поджо, этого странствующего рыцаря древних книг.

Поджо Браччолини (1380—1459), сын бедняка из маленького городка Террануова, близ Ареццо, воплотил в себе наиболее характерные черты охотника за рукописями эпохи гуманизма. Поджо, в то время низкооплачиваемый переписчик во Флоренции, привлек к себе внимание Салутати и вскоре был весь поглощен идеями Возрождения. Едва вступив в третье десятилетие своей жизни, он уже занял выдающееся положение в папской курии, отличившись при составлении папских посланий, что не помешало ему резко критиковать злоупотребления церкви. В 1414 г. он стал папским секретарем и почти полвека служил Риму. Когда ему перевалило за семьдесят, он был назначен, как до него Салутати, на пост

канцлера Флоренции. Его репутация неуклонно росла, и он стал одним из самых плодовитых и воинствующих литераторов своего века. Он писал на еще более изысканной латыни, чем даже Петрарка и Салутати, и только Никколи не уступал ему, когда дело доходило до расшифровки трудных латинских рукописей. В греческом он превзошел Боккаччо и сделал ряд переводов с этого языка. Литературные работы Поджо, так же как и его образ жизни, производят современное, даже несколько фривольное впечатление, хотя он ни в коем случае не был тем беззастенчивым эпикурейцем, каким его часто изображали.

Однажды произошел такой эпизод. Поджо попытался скопировать древнюю надпись на камне где-то на окраине Рима, но увлекся разговором с проходившими мимо женщинами. Никколи всегда упрекал Поджо в том, что он обращает слишком много внимания на прекрасный пол, поэтому Поджо поспешил уверить его, что, по крайней мере на этот раз, инициатива исходила не от него. Прекрасным женщинам Рима показалось смешным, что какой-то с виду приличный человек в жаркий летний день пытается очистить замшелый камень; долг рыцарства повелел ему просветить их [76, 142]. Между прочим, этот инцидент рисует нам Поджо как археолога и эпиграфиста. Он первым нанес на карту древние достопримечательности Рима (Гиббон признавал, что он многим обязан обзору Поджо) и совершил с этой целью много поездок по римской Кампании. Он также собирал древние монеты и статуи. Вот характерный случай: когда он в 1429 г. увозил из Монте Кассино сочинение Фронтинана о римских акведуках, он прихватил с собой фрагмент статуи — женский торс, который как раз перед этим был выкопан близ монастыря [76, 143].

Как и у других гуманистов, у Поджо тоже были в жизни мрачные периоды, вплоть до появления «средневекового» презрения к жизни. Но такие провалы были относительно короткими и не помешали ему, уже в почтенном возрасте, жениться на восемнадцатилетней флорентийке знатного рода и произвести на свет восемь сыновей. Как указывает Симондс, он ни в коей мере не был книжным червем; он был человеком, «чьи глаза и ум были открыты окружавшему его миру» [70, 167].

Поджо добился признания как охотник за манускриптами во время своего посещения Монте Кассино в 1407 г. вместе с 69

Леонардо Бруни. Здесь он обнаружил фрагмент из Ливия, *ex vetustissima scriptura* (из очень древнего текста) [41, 225]. Ливий и Монте Кассино знаменуют собой начало и конец его деятельности на ниве поисков, так как его последняя поездка за рукописями вновь привела его в этот древний монастырь. Открытие утерянных книг «Истории» Ливия всегда оставалось навязчивой идеей Поджо. Он объездил всю Италию,

Писец эпохи Возрождения (Франческо Колонна.
Hypnerotomachia Polyphili)

проехал вдоль и поперек Францию, Германию, Швейцарию и почти пять лет провел в Англии. Под его руководством систематические поиски рукописей перешагнули Альпы, и результаты не заставили себя ждать. Однако наибольшего успеха Поджо добился во время Констанцкого собора¹.

Констанц, древний немецкий имперский город, расположенный на берегу озера с тем же названием, близ нынешней швейцарской границы, был избран местом проведения церковного собора; призванного покончить с «великим расколом», утвердить нового папу, провести реформы и искоренить ересь гуситов в Чехии. Живописный город вскоре наполнился толпами людей, прибывших со всего христианского мира.

По переполненной сцене проходили папы, антипапы, кардиналы, один император, принцы в сопровождении целой армии слуг, а вслед за ними шествовали еретики, шуты, куртизанки. Как и следовало ожидать, достигнуть согласия было не так-то просто. Международный съезд затянулся.

Поджо был направлен в Констанц в 1414 г. в качестве секретаря папы Иоанна XXIII, вскоре низложенного собором. Несмотря на свою должность, Поджо, казалось, не проявлял

Средневековая печать
города Констанца (1254 г.)

излишнего беспокойства об исходе борьбы. Он наслаждался развернувшимся перед ним спектаклем, пользуясь своим официальным положением, которое вряд ли требовало от него больших усилий. Это сборище расширяло его горизонты. Более того, туда прибыло много ученых, среди них великий Хризолор, его учитель. К несчастью, он внезапно умер и был похоронен в одной из местных церквей. Было здесь много итальянских ученых, немало кардиналов, большинство из которых входили в церковную делегацию или приехали в Констанц просто так, движимые любопытством. С некоторыми из них Поджо учился вместе во Флоренции.

Итальянцы были немало удивлены, встретив среди чужеземцев людей высокой культуры. Контакты и обмен между людьми науки из разных стран имели неоценимое значение [75, 234], и одним из наиболее важных результатов собора было распространение идей гуманизма по всему западному христианскому миру. До того как Поджо и его сподвижники-гуманисты пересекли Альпы, им даже не приходило в голову, 71

что в этих «варварских» странах кто-нибудь может знать о древней литературе. Но близость Констанца к нескольким прославленным бенедиктинским монастырям и беседы с неитальянскими священниками скоро открыли им глаза. А не может ли быть, что заальпийские монастыри обладают такими древними шедеврами, которые уже недоступны в самой Италии?

Поджо решил убедиться в этом сам. Во время собора он предпринял четыре поездки. Отнюдь не один Поджо занялся разысканиями в этой области, но он был, по-видимому, наиболее подготовленным, учитывая его обширные знания классической литературы. Благодаря опыту предыдущих исследований он сумел превзойти всех других по числу найденных рукописей и расшифровать их; он знал, что искать. Рукописи, которые он не мог взять с собой, Поджо быстро и квалифицированно переписывал. Иногда он поручал эту работу своему собственному переписчику в Констанце [75, 235]. Кроме того, он поддерживал постоянный контакт со своими друзьями во Флоренции и других городах Италии. Они оказывали ему всяческую помощь и щедро одаривали его тем, в чем больше всего нуждался каждый настоящий гуманист, — поддержкой и лестью.

Поджо был идеальным путешественником, способным преодолевать далекие расстояния, несмотря на чрезвычайные транспортные трудности того времени. Увлечшись важным делом, он был равнодушен к неудобствам, терпим к иноземным обычаям. Он впитывал в себя всевозможную информацию и впечатления, а потом писал домой великолепные письма о том, что он видел в чужих краях за Альпами. Нет более живых документов эпохи Возрождения, чем письма Поджо из Констанца. Одним из самых известных является письмо, посвященное процессу и героической смерти Иеронима Пражского, ученика и последователя Яна Гуса, чья поистине сократовская сила духа и защита своих взглядов восхитили Поджо, хотя он и был папским эмиссаром. Совсем в другом, более легком стиле написано пространное письмо о его посещении горячих источников Бадена, швейцарского курорта близ Цюриха, где он увидел приезжих обоего пола, купающихся и резвящихся вместе.

К счастью для Поджо, собор время от времени прерывал свою деятельность. Пока папский престол был свободным, с 72 мая 1415 до ноября 1417 г., услуги Поджо в качестве пап-

ского секретаря не требовались, и он был волен делать то, что ему заблагорассудится. Первое путешествие за книгами, первоначально предпринятое, быть может, в интересах проигранного дела папы Иоанна XXIII, привело его в некогда знаменитое аббатство Ключи во французской Бургундии, в нескольких днях пути от Констанца. Возможно, Поджо отправился в Ключи по совету своих французских коллег на соборе. Здесь в 1415 г. он обнаружил старую рукопись, содержащую пять речей Цицерона. Две из них — «pro Murena» («В защиту Мурены») и «pro Sexto Roscio» («В защиту Секста Росция») — были совершенно неизвестны в Италии. Монахи позволили ему забрать рукопись с собой, хотя она была в отчаянно ветхом состоянии. Поджо не мешкая отправил рукопись Никколи, который вместе со своими соратниками-гуманистами с ликованием принял ее, хотя потом выяснилось, что прочтение и копирование древнего почерка оказалось нелегким делом. Трудности проистекали не только из орфографии и почерка, общего плачевного состояния рукописи, но также из-за того, что в старых рукописях слова и предложения редко отделялись друг от друга. Несмотря на это, речи были в том же году переписаны во Флоренции и начали ходить по Италии [50, X, 568].

В следующее лето Поджо, сопровождаемый несколькими итальянскими друзьями, отправился в аббатство Санкт-Галлен; это аббатство, основанное ирландскими монахами в VII в., находилось недалеко от Констанца. Во времена Поджо Санкт-Галлен пользовался большим авторитетом, и его аббаты были правящими князьями Священной Римской империи. Однако влияние их было в основном политическим. Аббат с внушительным именем Румо фон Рамштейн, живший в XIII в., не умел даже читать и писать [72, 196] — существенное отличие от раннего средневековья, когда аббатство было одним из самых оживленных интеллектуальных центров германского мира и насчитывало среди своих собратьев несколько известных авторов. В те времена аббаты гордились своей библиотекой и постоянно пополняли ее; несколько реликвий от тех лучших дней еще сохранились в аббатстве. Сложилась ситуация, напоминавшая Монте Кассино, за исключением того, что Поджо и его товарищи в отличие от Боккаччо оставили нам отчеты о своих находках. Они прямо, без обиняков, рассказали о том, что увидели в Санкт-Галлене. Один из них, Агапито Ченчи, сказал, что все они рыдали при

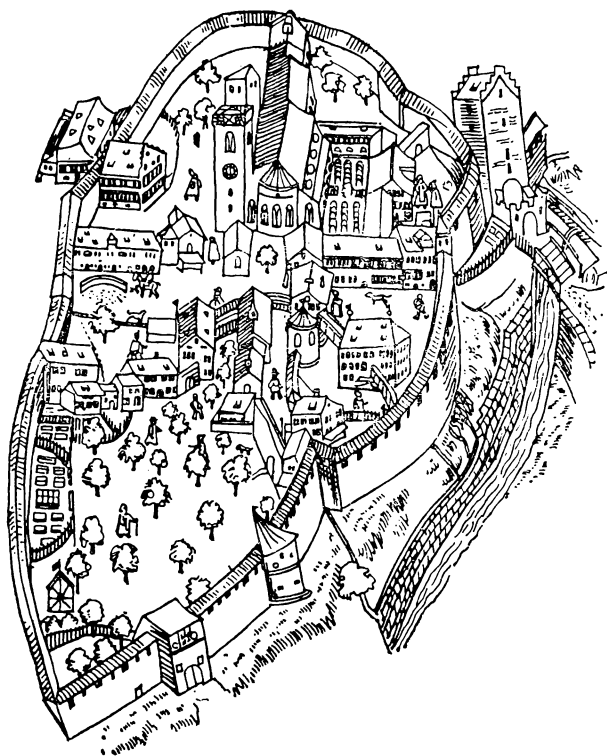
виде этого позорного зрелища, и добавил для ясности проклятие в адрес германских варваров [75, 237]. Письмо самого Поджо является смесью трезвого отчета и гуманистической патетики.

«Монастырь св. Галла, — писал он своему другу Гуарино, также выдающемуся флорентийскому гуманисту, — лежит в двадцати милях от этого города (Констанц). Туда, отчасти ради развлечения и отчасти на поиски книг, так как мы узнали, что в монастыре было большое собрание, мы направили наши стопы. Среди книг библиотеки, слишком большой, чтобы приводить ее каталог, мы обнаружили Квинтилиана, пока живого и здравствующего, хотя и покрытого пылью и грязью от времени и небрежения. Книги, должен тебе сказать, были размещены не в соответствии с их ценностью, а валялись в грязной и мрачной темнице на самом дне башни, в которую, вероятно, не швырнули бы даже самого отъявленного преступника; и я твердо убежден: если бы только кто-нибудь обследовал *ergastula* (темницы) этих варваров, в которые они заточают таких людей, мы могли бы узнать о подобной же счастливой участи многих из тех, по ком давно уже были произнесены надгробные речи...» [70, 99].

Итальянские гуманисты часто называли северян варварами, хотя нет никаких данных о том, что рукописям, хранившимся на итальянском полуострове, повезло намного больше. Но шовинизм итальянского Возрождения устраивало такое подчеркивание варварского отношения к древней учености. Изображая заальпийских обитателей людьми, чуждыми классическому наследию и осквернившими его, итальянцы тем самым присваивали себе безраздельное право увозить в Италию то, что и вообще-то никогда не принадлежало этим неотесанным чужеземцам.

Хотя Поджо и не был так груб, как Ченчи, он в этом отношении не составлял исключения. Тем не менее обычно нелегко определить, где у гуманистов кончается риторика и начинается искренность. Описание Поджо его главной находки — Квинтилиана — следует, по-видимому, отнести к первой. Вот так, в антропоморфическом духе, столь милым сердцу Петрарки, описывает Поджо «замученные» рукописи, которые он спас: «Я воистину верю, что, если бы мы вовремя не пришли на помощь, он (Квинтилиан) неминуемо вскоре погиб бы, ибо невозможно представить себе, чтобы человек столь прекрасный, изысканный, элегантный, вежливый и ос-

троумный смог бы долго выдержать убожество и грязь тюрьмы, в которой я его нашел, и жестокость его тюремщиков. Вид у него действительно был жалок и несчастен, как у приговоренного к смерти преступника, — с косматой бородой и сплу-

Аббатство Санкт-Галлен.
Рисунок эпохи позднего средневековья

танными волосами, всем своим существом протестующий против несправедливого приговора, он, казалось, простирал к нам руки, умоляя римлян (т. е. итальянцев) избавить его от столь незаслуженной судьбы...» [70, 98—99].

Далее в своем письме Поджо упоминает, что он и его друзья извлекли на свет три с половиной книги «Аргонавтики», эпической поэмы Валерия Флакка², и весьма ценные «Ком- 75

ментарии» Аскония Педиана³ к различным речам Цицерона. Копия «Комментариев», сделанная Поджо, в настоящее время является фактически «оригиналом», так как манускрипт, найденный им в Санкт-Галлене, более не существует. Однако в то время наибольшее волнение в Италии вызвал Квинтилиан, находка которого, как мы уже видели, была с ликованием встречена гуманистами. Салутати и другие уже давно и тщето разыскивали его. Один из гуманистов, Гаспарино да Барцизза, даже пытался восстановить те фрагменты, которых не доставало в обрывочной копии Петрарки [75, 236].

Петрарка в свое время обнаружил первую известную нам рукопись, которая была сильно изорвана и содержала едва половину трактата. В своем посмертном письме к Квинтилиану он описывает «разорванное на части прекрасное целое» и «восторг, смешанный с горечью», охвативший его при виде рукописи, извлеченной им на свет. И он пророчески добавляет: «А в то же самое время твой труд, быть может, поконится в чьей-нибудь библиотеке и, что хуже всего, его владелец даже не подозревает о том, какого гостя он приютил под своей крышей. И когда кто-нибудь более счастливый, чем я, обнаружит тебя, быть может, он поймет, что стал обладателем творения величайшей ценности, которое он, если у него достанет мудрости, будет считать одним из своих главных сокровищ» [45, 84].

Предубеждение против «варваров» не мешало, однако, Поджо остаться в хороших отношениях с санкт-галленским аббатством. Одной из привлекательных черт характера Поджо было то, что он не прибегал ко всякого рода дипломатическим хитростям и уверткам. Он не делал попыток скрыться, прихватив с собой ценную рукопись. Вместо этого он добивался разрешения аббата взять ее на некоторое время вместе с другими текстами, чтобы переписать в Констанце. И он, по-видимому, вовремя возвращал их. В противном случае он вряд ли смог бы посетить библиотеки аббатства еще когда-нибудь.

Одновременно Поджо изыскивал другие источники литературных сокровищ. Его внимание снова привлекли швабские и швейцарские монастыри (Рейхенау и Вейнгартен?), находившиеся сравнительно недалеко от Констанца. И после наступления нового, 1417 г., несмотря на зиму и снег, он снова отправился в путь. Кроме Санкт-Галлена он посетил еще несколько монастырей, названия которых остались нам неизве-

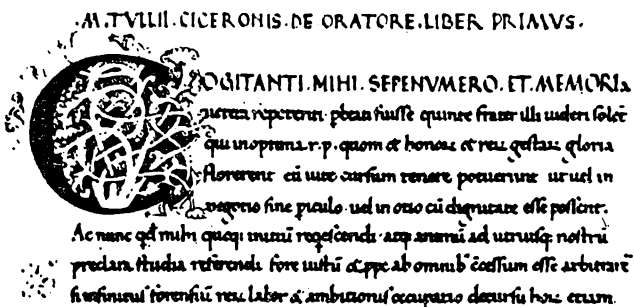
стными. Как и Петрарку, его приводил в волнение один только вид монастыря; перед его мысленным взором вставляли донныне невиданные еще рукописи. Одним из таких монастырей — *eremitarium in viceribus Alpinum* (жилище отшельника в недрах Альп) — был, возможно, Айнзидельн. К другим, как он писал, можно было добраться, «преодолев скалы и расщелины, горные ручьи и леса» [76, 55].

Это путешествие вознаградило его так же, как и предыдущие, принеся много замечательных находок. Однако невозможно сказать, какие находки были сделаны в Санкт-Галлене, а какие — в других монастырях. Среди них была дидактическая поэма «О природе вещей» Лукреция — истолкование философии Эпикура, — которая была забыта так прочно, что ее уже перестали искать. А ведь она высоко ценилась в древности. Некоторые современные специалисты вслед за Цицероном видят в ней больше поэтических достоинств, чем в «Энеиде» Вергилия. Были также обнаружены произведения Аммиана Марцеллина⁴, последнего из выдающихся римских историков, который, по словам Гиббона, был «лишен преубеждений и страстей, так часто влияющих на образ мыслей современника»⁵; наконец, самая длинная из известных нам латинских поэм — «Пуника» Силия Италика⁶, ценное описание жизни древнего Рима и его смертельной борьбы с Карфагеном.

Не успел Поджо летом 1417 г. вернуться в Констанц, как снова собрался в свое теперь уже четвертое заальпийское турне. Леонардо Бруни в приветственном письме по поводу Квинтилиана умолял его прежде всего помнить о Цицероне. И сейчас у него была возможность возродить некоторые из утерянных работ Цицерона. На этот раз путь его лежал далеко от церковного собора, вдоль Рейна в Германию и Францию. Невозможно сказать, руководствовался ли он при этом чужими советами или же доверял собственной интуиции. В одном клюнийском монастыре на Марне, в Лангре, он нашел под грудой мусора рукопись с шестью речами Цицерона [75, 243]. Одной из них была неизвестная ранее «*pro Saesipia*» («В защиту Цецина»). Вскоре после этого в Кёльне, в Германии, он сделал открытие, которым гордился более всего [76, 58], — семь совершенно неизвестных речей столь чτιмого им римлянина.

Сначала в Кёльне его ожидало жестокое разочарование. Поджо не допустили в древнюю соборную библиотеку, соз-

данную при Карле Великом. Однако ему удалось добиться разрешения посетить новую библиотеку — филиал соборной, и здесь он получил полное удовлетворение, обнаружив рукопись Цицерона. Огорчало только то, что рукопись, по-видимому, была скопирована монахинями, — Поджо и его флорентийские соратники приписывали им встречающуюся местами путаницу и неразборчивость текста. Как это часто случалось

В 1428 г. Поджо, опытный писец, великолепным романским книжным письмом, сознательно подражающим более ранним образцам, выполнил список одного из популярнейших в эпоху Возрождения произведений — трактата Цицерона «Об ораторском искусстве»

лось с находками той поры, оригинал манускрипта, обнаруженный и переписанный гуманистами, со временем исчез, и только благодаря копиям Поджо три из этих речей дошли до нас. Одна из трех, «Oratio in L. Pisonem» (речь против тестя Цезаря — Люция Кальпурния Пизона), послужила ключом к открытию других рукописей через триста лет после посещения Поджо Кёльна.

Где-то в пути Поджо наткнулся на любопытную коллекцию латинских надписей явно римского происхождения, многие из которых были копиями давно исчезнувших надписей, и вдобавок к этому обнаружил карту «вечного города», сделанную в VIII в. Эта находка так взволновала его душу любителя древности, что Поджо, носивший одеяние священника, хотя он не имел даже младшего сана, позволил драгоценной карте незаметно скользнуть в широкие длинные рукава своей рясы.

Когда церковный собор наконец покончил с расколом, избрав папу Мартина V, Констанц вернулся в свою прежнюю безвестность. Поджо ожидал от нового папы продвижения по службе, однако его планам не суждено было осуществиться, и он неблагоразумно принял приглашение поехать в Англию в качестве гостя могущественного герцога Бофортского, честолюбивого сына Джона Гентского, которого он встретил во время собора. Эта поездка была наиболее мрачным периодом его жизни. Патрон Поджо обращался с ним надменно и пренебрежительно. Поджо испытывал отвращение к климату и людям этой страны. Англичане, считал он, мало интересуются гуманизмом и его культурой, предпочитая предаваться обжорству. Бодрость покинула его, и он находил утешение в чтении отцов церкви. Тем не менее он с интересом наблюдал за социальными сдвигами в стране, где аристократия постоянно обновлялась благодаря притоку из низших классов. Время от времени он предпринимал разведывательные вылазки в поисках манускриптов, и, по-видимому, в одной из таких вылазок он обнаружил фрагмент из Петрония.

Но стоило Поджо покинуть Англию, как его природное любопытство и живость вернулись. Правда, теперь он изображал поиски рукописей как дорогостоящее и требующее больших затрат времени предприятие, превышающее возможности ученого, не имеющего твердого жалованья. Однако Поджо недолго оставался без дела. Вскоре он снова был в Риме и занял высокое положение.

По дороге в Италию Поджо сделал несколько новых приобретений в Париже и Кёльне. Вероятно, в Кёльне он обнаружил основную часть сатирического романа Петрония, которую он одолжил своему другу, продержавшему ее у себя несколько лет. Фрагмент, описывающий знаменитый пир Тримальхиона и найденный предположительно в Англии, был, по-видимому, похищен и совершенно исчез из поля зрения, пока копия его не была обнаружена в хорватском монастыре в середине XVII в. [43, 178—179]. На таком вот волоске висела судьба драгоценных классических произведений даже в век, когда их умели оценить по достоинству.

Здесь уместно было бы коротко остановиться на предпринимаемых время от времени попытках историков принизить и высмеять важность вклада Поджо и других в дело спасения рукописей. Ценность найденных рукописей преуменьшалась, при этом обычно утверждалось, что рукописи (ведь копии их

делались в средние века!) всегда были отчасти известны и никогда не считались окончательно утерянными. Следовательно, было абсурдом утверждать, что их пришлось «открывать». В этом есть доля правды: действительно, существовала тенденция называть любой найденный манускрипт, неизвестный во Флоренции эпохи Возрождения, открытием [75, 242]. Трудно отрицать некоторое преувеличение в претензиях этих непостоянных по натуре «латинян от Возрождения», многие из которых были людьми несдержанными, тщеславными и высокомерными. Их практика преувеличения своих собственных усилий, их неумеренная лесть по отношению к коллегам, их мелочные склоки и соперничество явно не соответствовали тому классическому достоинству, которым они на словах восхищались. Тем не менее критики забывали, что многие произведения сохранялись в единственном экземпляре, что эти редчайшие рукописи часто были разрозненными и что только благодаря своевременному обнаружению они вообще смогли выжить. Манускрипты исчезали постоянно; многие из тех самых рукописей, которые были обнаружены и скопированы гуманистами, впоследствии были утеряны вновь. Некоторые книги, существовавшие, по имеющимся у нас данным, в средние века и даже в эпоху Возрождения, не дожили до наших дней. Допуская, что термин «открытие» чреват семантической двусмысленностью, мы тем не менее должны признать, что по отношению к Тациту, Лукрецию, Петронию и нескольким трактатам и речам Цицерона — все это было неведомо Петрарке — никакое слово, кроме «открытия», не может адекватно отразить вклад гуманистов в их повторное обретение.

Деятельность Поджо по розыскам манускриптов, направляемая из его штаб-квартиры в папской курии, приняла теперь более сидячий характер. Он разослал разведчиков в Трир (Треве), Утрехт и далекую Португалию на поиски других текстов Цицерона [66, 31]. Его официальные взаимоотношения с приезжающими в Рим церковниками давали ему стратегическое преимущество, поскольку у него всегда была возможность использовать свое влияние в пользу какого-нибудь каноника или настоятеля, если тот, в свою очередь, соглашался рассказать, какие рукописи есть в его епархии, аббатстве или монастыре. Наиболее плодотворными были взаимоотношения Поджо с германским церковником Николаем Трирским (по последним данным, Николаем Кузанским,

выдающимся философом и будущим кардиналом). В 1429 г. Николай прислал такой внушительный список рукописей, что Поджо решил заручиться поддержкой римского кардинала из аристократического семейства Орсини, чтобы обеспечить успех своего предприятия. Все дело заняло некоторое время, не все названия, перечисленные германским священником, были подтверждены, но история закончилась благополучно приобретением текстов комедий Плавта, двенадцать из которых (тут К. Ф. Майер не ошибся) были совершенно новыми. Единственной неприятностью было поведение кардинала, который заявил, что рукопись является его собственностью, и не позволял никому даже взглянуть на нее.

«Я не имел возможности получить Плавта, — с горечью писал Поджо Никколи. — Перед отъездом кардинала я умолял его послать книгу тебе, но он отказался исполнить мою просьбу. Я не понимаю, что ему нужно. Кажется, он считает, что свершил нечто великое, хотя на самом деле он не имеет ни малейшего отношения к открытию книги. Она была найдена другим, он же вновь сокрыл ее. Я сказал ему и его людям, что никогда более не попрошу у него эту книгу, и я сдержу свое слово. Я скорее забуду все, что знал, чем узнаю хоть что-нибудь из его книг» [69, 104].

В конце концов деликатный нажим Медичи заставил кардинала отдать рукопись на некоторое время Никколи для копирования. Таким образом, Поджо был лишен возможности сдержать свое обещание, однако это его не слишком огорчило.

Еще большее крушение надежд Поджо потерпел в деле с так называемым монахом из Хершфельда, германского монастыря близ Фульды, в котором, по слухам, было несколько небольших работ Тацита: «Агрикола», «Германия» и «Диалоги». Еще в 1425 г. были начаты переговоры, с тем чтобы заставить монаха тайно привезти рукописи в Рим, но каждый раз монах появлялся в Риме с пустыми руками. И каждый раз обещал, что в следующий его приезд все будет в порядке. Затем он вообще исчез из виду. Однако тридцатью годами позже гуманистически настроенный папа Николай V, в свое время, как и Поджо, безвестный переписчик по имени Томмазо Парентучелли, отправил в Хершфельд специального посланника и получил наконец эти великие тексты. Кстати, они также являются единственными известными нам копиями этих произведений.

По сравнению с эпизодами, связанными с приобретением Плавта и Тацита, попытки Поджо получить труды Ливия, римского историка, выглядят совсем уж неудачными, если не донкихотскими. Поиски утерянных книг Ливия были для итальянского гуманизма занятием почти столь же целеустремленным и постоянным, как и охота за утраченными произведениями Цицерона. И Поджо, ободренный другими находками, надеялся на успех в поисках Ливия, весьма популяр-

**ΛΑΤΙΝΙΣΤΑΙΣ ΧΡΕΙΣ
ΚΑΤΙΣΤΑΣΕCULARIS ΒΟ
ΝΑ ΟΡΙΝΑΙ ΜΙΚΡΟΤΕΝΔΑ**

Строки из знаменитой Венской рукописи Ливия.
Выполнена в V в. унциальным (т. е. маюскуль-
ным, но с округленными формами) письмом

ного в средние века (хотя и неясно, сколько из его ста сорока двух «книг» было тогда известно). Во времена Поджо для чтения было доступно только около тридцати пяти книг. Петрарка и Салутати предпринимали большие усилия, чтобы разыскать другие труды Ливия, но потерпели неудачу. Однако Поджо имел больше возможностей и был куда более настойчивым. То и дело до его ушей доходили различные слухи. Прежде всего, был человек из Шартра. Затем в 1424 г. в Риме появился датчанин, торжественно утверждавший, что он видел в цистерцианском монастыре Сорё, близ Роскиле, три громадных тома истории Ливия. Он даже давал подробное описание древней рукописи. Поджо сразу развил бурную деятельность. Через Никколи он убедил Козимо де Медичи направить своего агента в Любеке в датский монастырь. Однако тот вернулся с сообщением, что таких книг там не обнаружено.

После этой неудачи Поджо стал более осторожным, но призрак Ливия не давал ему покоя. Время от времени появлялись новые слухи. Как спекулянт на фондовой бирже, он давал себе слово никогда более не ввязываться в эти дела. Но когда другой путешественник, прибывший с севера, сообщил, что он видел все «декады» Ливия в одном датском мо-

настыре, скептицизм Поджо немедленно испарился, чтобы возродиться вновь еще более окрепшим под влиянием очередного разочарования. Он с горечью осудил «этих мошенников» и не захотел больше слушать о Ливии. Когда еще один се-

Рисунок статуи Поджо Браччолини
работы Донателло, установленной
во Флорентийском соборе

верянин подтвердил сообщение своего соотечественника, Поджо открыто назвал его мошенником. Тем не менее история продолжалась, по-видимому питаемая надеждами гуманистов на то, что слухи окажутся правдой. В конце концов папа Николай V вновь послал на север своего посланника.

К этому времени Поджо вернулся во Флоренцию. Чувствуя приближающуюся смерть, он написал на латыни историю усыновившего его города, пересыпанную воображаемыми речами персонажей в классической манере цicerоновского красноречия. Когда Поджо умер, флорентийцы заказали До-

нателло его статую, которая была установлена у собора Санта Мария дель Фьоре. Несколько сот лет спустя, во время перестройки, статуя была случайно перемещена со своего первоначального места и установлена внутри церкви, рядом с двенадцатью апостолами. В этом окружении и поныне является взорам посетителей его живая, полная движения фигура, с точеными чертами лица, напоминающая скорее древнеримского писателя или юриста, чем благочестивого ученика Христа — Джан Франческо Поджо Браччолини, выдающегося любителя древних рукописей [69, 458; 76, 314].

Поджо не был исключением, но он представлял уже новый тип гуманистов, чьи открытия последовали за его находками. Правда, после Поджо было сделано меньше находок и была потеряна та непрерывность, которая породила своего рода эстафету усилий Петрарки, Боккаччо, Салутати и Поджо [66, 35]. Тем не менее в следующем веке было сделано несколько первоклассных открытий. В 1500 г. фра Джокондо Веронский открыл в Париже переписку Плиния Младшего с Траяном, содержащую одно из самых ранних внеевангельских свидетельств существования христианства. Затем в 1508 г., полвека спустя после смерти Поджо и, вполне вероятно, в результате одной из его долговременных договоренностей в Германии, в Италию под покровительством Джованни де Медичи, в недалеком будущем папы Льва X, были доставлены первые шесть книг «Анналов» Тацита. И что более всего удивительно, в 1527 г., когда разграбление «святого города» императорскими войсками нанесло смертельный удар итальянскому гуманизму, германское аббатство Лорш наконец-то явило миру несколько утерянных книг Ливия: первые пять (XLI—XLV) пятой декады.

За сравнительно небольшим исключением, классика, которая была известна ко второй четверти XVI в., особенно если говорить о латинской литературе, является классикой, известной нам сегодня. Очевидно, что потери, к великому нашему сожалению, намного превышают то, что было спасено. После 1527 г. страстная увлеченность гуманизма поисками исчезнувших рукописей возрождалась лишь время от времени. По богатству находки ничто не могло сравниться с открытием в 1713 г. остатков Веронской библиотеки, где за столетия до этого, когда на сцене еще не появился Петрарка, разыскивающий Цицерона, был обнаружен Катулл. В XVIII в. маркиз Сципио Маффеи по настоянию своих друзей взялся соста-

вить путеводитель по Вероне. Не успел он еще как следует углубиться в предварительные исследования, как его заинтересовала судьба некогда знаменитой соборной библиотеки, в

А

IISTATVAQVINTOSITAVVALEADIAOIIACOGI
BISIAMITAIOSIIOSTIACIIEAAIOIOIAA

a

EPI SCOPITANUMINNOCENTII
QUAMNONACIULNOIUMCOG
NATIONACIULNOIUMCOG

б

NISQUIAUDIEVERBUMREGNIETNONIMOLLEGI
VENIEMALURCTAPITQUODSEMINACIUMEST
INCORDECIUS HICEFEQUIIBIUSIUMSEMINACIUM
EST QUMIESTIUPRETETIASEMINACIUMEST
HICEFEQUIVERBUMAUDIECTETAPACIUM

в

SCNOXESTDEQUAESCRIPTUMESTET
NOXUADIESILLUMINACIUM

г

Образцы латинских стилей письма (А): а — строки из рукописи Вергилия V в. («Кодекс Палатинус»), исполненные «упрощенными» (слегка округленными) прописными буквами, восходящими к начертанию букв в надписях на камне; б — «полуунциальное» письмо начала VI в. с появляющимися впервые минускульными буквами, заимствованными, возможно, из начертания букв в граффити и в нелитературных папирусах; в — отрывок из Библии Алкуина, выполненный изящным каролингским минускульным письмом IX в.; г — текст XII в., написанный стилизованным «ломбардским» книжным письмом, появившимся в Италии

которой, по-видимому, Петрарка сделал свои открытия и которая теперь совершенно исчезла из виду. Жан Мабильон, французский ученый-бенедиктинец, примерно за пятьдесят лет до этого безуспешно пытался установить местонахождение библиотеки. Маффеи не был удовлетворен имевшимися к 85

этому времени объяснениями ее исчезновения. Согласно более поздним свидетельствам, казалось маловероятным, что в период раннего Возрождения Джан Галеаццо или какой-ни-

Б

а

б

в

Образцы латинских стилей письма (Б), демонстрирующие все более переходящее в скоропись, неразборчивое письмо, применявшееся в хартиях, буллах и т. п.: а — меровингский дипломатический документ, VII в.; б — булла папы Иоанна VIII от 876 г. н. э.; округленные, размашистые очертания букв восходят к почерку официальных римских документов; в — минускульная рукопись из Равенны, 572 г. н. э.

будь другой завоеватель полностью вывез ее из Вероны. Точно так же не было никаких данных о том, что она была уничтожена вследствие войны или катастрофы. Маффеи решил не успокаиваться до тех пор, пока он не обследует все тайники и глухие закоулки соборного здания, и в этом ему пришел на помощь престарелый каноник Каринелли.

В октябрьский день 1713 г. Каринелли вызвал Маффеи в собор, и здесь, в одной из пристроек, использовавшейся как административное помещение, указал ему стеной шкаф, заполненный архивными бумагами. Каринелли ранее заметил, что в этом шкафу есть верхнее отделение, упирающееся в потолок. Маффеи взобрался наверх, и перед его взором предста-

ла волнующая картина: огромная кipa древних манускриптов. Как все это попало туда, сказать никто не мог. Возможно, они были помещены в шкаф ради их безопасности в преддверии наводнения, а последующая вспышка чумы, смерть и время стерли память об этом сокровище [72, 151—154; 74, 44].

Библиотека, как показала проверка, не содержала каких-либо выдающихся шедевров, но она предоставила в наше распоряжение богатый набор образцов латинского письма в почти не прерывающейся временной последовательности начиная со времен Теодориха (474—526), «варварского» короля, правившего в Вероне еще за несколько лет до основания Монте Кассино. Для Маффей эти рукописи явились первым камнем в фундаменте фактически новой науки — палеографии. Полученные данные отчетливо свидетельствовали о том, что не было различных типов латинского письма, порознь изобретенных и введенных в употребление. Существовала единая цепь развития письма с незаметными переходами от одного типа к другому. Это был новый тезис, и в истории идей он может быть назван одним из первых проявлений эволюционного подхода в науке. По своей полноте и упорядоченности эта непрерывная серия превосходит все данные, введенные когда-либо в обращение более поздними историками, социологами, натуралистами и археологами.

Названия рукописей, найденных Каринелли и Маффей, остались неизвестными, так как, к сожалению, они не сделали их описи, а впоследствии книги были включены в состав церковной библиотеки. Поэтому невозможно сказать, была ли другая знаменитая находка частью клада, обнаруженного Маффей, хотя, по всей вероятности, так оно и есть. В 1816 г. В. Г. Нибур, датско-немецкий историк, обнаружил четвертую книгу «Институций» римского историка Гая⁷. Рукопись представляла собой палимпсест, т. е. была написана поверх другого, написанного ранее и стертого текста; ее пытались сделать более разборчивой при помощи средств, не всегда хорошо проверенных, что дало повод назвать манускрипт «известным мучеником палеографии». Реставрация рукописи Гая была чрезвычайно интересной еще и потому, что его работа считалась погибшей безвозвратно. Предание гласило, что Юстиниан приказал уничтожить все источники своего кодекса законов, и среди них работу Гая. Гиббон всегда отрицал это, и вот теперь он получил весомое тому подтверждение.

На некоторое время палимпсесты стали одним из основных источников новых классических произведений, так как более ранние тексты на «дважды исписанных» рукописных страницах часто оказывались древними сочинениями и их можно было сделать видимыми. Особенно много открытий

NUMINME
SAMPRESSI
QUAMESTIK
FORTUNATY
PUTANDUS
CUISOLVERE
LICEATOMNI

Из утерянного политического сочинения Цицерона «Республика» (Ватиканский кодекс, 5757). Список IV или V в. был обнаружен в начале прошлого столетия итальянским библиографом, хранителем Ватиканской библиотеки кардиналом Анджело Май в палимпсесте, под текстом сочинения св. Августина о псалмах, переписанным в VII в.

такого рода было сделано в начале XIX в. Кардинал Анджело Май и его последователи, например, спасли от гибели большие фрагменты из длинного политического трактата Цицерона «Республика», который столь долго разыскивали Петрарка и Салутати. Все же, за исключением нескольких других, менее значительных находок (в том числе фрагментов из Ливия), предвкушаемому потоку литературных воскрешений из этого источника не суждено было осуществиться.

ственно дополнить классические тексты, извлеченные на свет в эпоху Возрождения. Да и возможно ли, что еще остались тропы, не исхоженные неугомонными охотниками за рукописями в весеннюю пору гуманизма?

До сих пор в этой прелюдии Возрождения к современным открытиям утерянных книг мы в основном касались латинской классики. Прежде чем двинуться дальше, скажем несколько слов о греческих авторах.

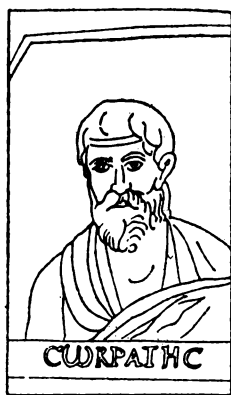
Их «восстановление» началось примерно в то же время и было вызвано к жизни тем же гуманистическим движением. Своим интересом к греческим текстам Возрождение явно отличалось от всех предыдущих средневековых попыток возрождения классики. Все же ранние гуманисты имели смутное представление о греческой литературе и ее величии, не говоря уже о языке. Петрарка был убежден, что греки по всем статьям уступали лучшим римским авторам. И он и Боккаччо категорически отрицали, что Платон был способен изгнать Гомера из своего идеального государства. Их явно недостаточное знание Платона проистекало из невозможности свериться с оригинальными источниками.

Знакомство с греческими классиками гуманисты должны были начинать с самого начала. В течение средних веков на Западе почти ничего не было скопировано, изучено, сохранено, за исключением Аристотеля (проникшего сюда в основном с арабами в XII в., да и то во фрагментах), Платонова «Тимея» (в очень изуродованном виде), басен Эзопа, одной случайной работы Птолемея, нескольких медицинских трактатов и произведений восточных отцов церкви. Правда, кое-кто в средние века изучал греческий, но это не стало традицией. Как правило, даже образованные люди становились в тупик, встречая в тексте цитаты на греческом, и писцы просто заменяли их стандартной формулой: *Graeca sunt, ergo non legenda* («Они греческие, а посему недоступны пониманию»).

В этих условиях греческий язык и литература вынуждены были проникать в Западную Европу в качестве иноземного товара. Наряду с глубоким изучением латинской классики ученые — начиная с Петрарки и Боккаччо — начали жаждать познания греческих корней и образцов. Появление Хризолора стало поворотным пунктом. Именно в это время Леонардо Бруни с истинным энтузиазмом гуманиста писал: «Через семь столетий знание греческого языка было наконец вос-

становлено. Хризолор из Византии... принес нам греческое образование... Я предался его занятиям с таким пылом, что мои ночные сны были заполнены тем, что я узнавал от него днем» [54, 542].

Гуманисты Запада вступили в любовные отношения с греческим языком, по поводу которого Гиббон однажды заметил, что «он может вдохнуть душу в объекты ощущений и сделать

Сократ. Римская мозаика из Кёльна

осязаемыми философские абстракции» [15, VII, 116]. Столь активное изучение греческого привело к усилению притока греческих текстов. Хризолор был одним из первых, привезших с собой выдающиеся произведения греческой литературы.

Многие из греческих книг можно было довольно легко добыть в Константинополе, в континентальной Греции и Малой Азии, а также на островах, поскольку на греческом языке — хоть и на искаженном, но более близком к древнему, чем тосканский к латыни, — еще разговаривали. Кроме того, Византия также переживала период оживления образования и культуры. И снова только часть древних текстов дожила до этих дней, а некоторые из книг существовали в единственном экземпляре. Однако сейчас невозможно сказать, в какой мере приобретения гуманистов были действительно открытиями, а не более или менее обычными покупками. Поэтому нам

Гуарино да Верона или Франческо Филельфо, современников Поджо, уехавших в Константинополь изучать греческий и вернувшихся с грузом рукописей, совершенно неизвестных, по крайней мере в Италии. Рассказывали, что Гуарино поседел, когда часть его груза — греческих книг, — была поглощена морем [70, 102].

Джованни Ауриспа, сицилиец и не новичок в поисках латинских рукописей, сделал для греческой классики столько

αὐτοῦ δὲ ἰδούμεν τὴν αὐτὴν
 πρὸς Ἀρσινόην καὶ τὸν αὐτὸν παῖ
 ρα καὶ τὸν γαμβρὸν τὴν δὲ οὐδὲ
 ἰδούμεν τὸν αὐτὸν ἄρματα οὐ
 τοῦτο μὲν αὐτὸν ὅσον τὸ αὐτὸ
 τὰ μὲν γὰρ αὐτὸν ἀπὸ αὐτῶν αὐτῶν.

Отрывок из хранящейся во Флоренции греческой рукописи с речью Демосфена. Начало XI в.

же, сколько Поджо для латинской. Из Константинополя он прислал Никколи знаменитый «Кодекс Медичи», хранящийся сейчас в Лоренцианской библиотеке во Флоренции и содержащий шесть трагедий Эсхила, семь трагедий Софокла и «Аргонавтов» Аполлония Родосского. Эта рукопись прекрасного письма дала нам единственный сохранившийся архетип двух драм Эсхила [73, 13], а также надежный и авторитетный текст остальных содержащихся в ней пьес. Есть данные, что император Византии Мануил II одарил Ауриспу редкими рукописями, однако, по другим сообщениям, византийцы обвиняли Ауриспу в том, что он «украл у них святыне книги» [75, 264]. Когда в 1423 г. Ауриспа вернулся из Константинополя, он привез с собой корзины, содержащие двести тридцать восемь книг, что было равнозначным, по словам Фойгта, «пересадке целой литературы на новую и плодородную почву» [75, 264]. Однако в отличие от Поджо Ауриспа был скорее торговцем, чем коллекционером, и, по-видимому, вел свои операции с целью получить прибыль. Он и не подумал оставить себе хотя бы одну рукопись для собственного удоволь-

ствия. Его сделки были в лучшем случае подозрительными; греческий посол во Флоренции прямо назвал его мошенником. Несомненно, Поджо имел гораздо больше оснований говорить, что он спас труды, которые в противном случае могли исчезнуть. Среди книг, привезенных Ауриспой, редких было мало.

Одним из величайших даров судьбы человеческой цивилизации принято считать то, что Италия сумела воспринять большую часть греческого наследия до того, как Константинополь и Греция пали под ударами турок. «То, что не было вовремя спасено,— поясняет Фойгт,— исчезло почти полностью под сенью полумесяца» [75, 266]. И все же оттоманский Константинополь в XV в. был, несомненно, намного более цивилизованным, чем большая часть Западной Европы; и еще некоторое время спустя его сокровища греческой литературы превосходили, по-видимому, все то, что имелось в Италии [39, 459]. В течение всего периода турецкого владычества и вплоть до наших дней греческие монастыри сохранили бесчисленное количество ценнейших рукописей.

И хотя Ауриспы и Филельфы тех дней не были скорее всего ни открывателями, ни спасителями греческой классики, их вклад бесценен, так как они помогли проникновению греческой литературы на Запад именно в то время, когда он был наиболее готов воспринять ее. Тем самым они способствовали безмерному расширению классического фундамента гуманизма. Со временем греческая литература полностью акклиматизировалась в Западной Европе, и, когда Николай V начал осуществлять свою программу перевода всех греческих классиков на латынь, Филельфо имел все основания провозгласить: «Греция не исчезла. Она переселилась в Италию, страну, которая еще с древних времен гордо носила имя „Magna Graecia“ („Великая Греция“)» [73, 16]. Таким образом, по мере того как греческая литература теряла под собой почву на Востоке, она становилась объектом изучения и исследования на Западе; увеличившийся поток новых рукописей стал залогом нового расцвета. С тех пор надежда на возрождение угасшего было наследия великой Греции никогда не умирала.

Книга II

ДОЛГОВЕЧНОСТЬ ПАПИРУСА И ГЛИНЫ

КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

IV

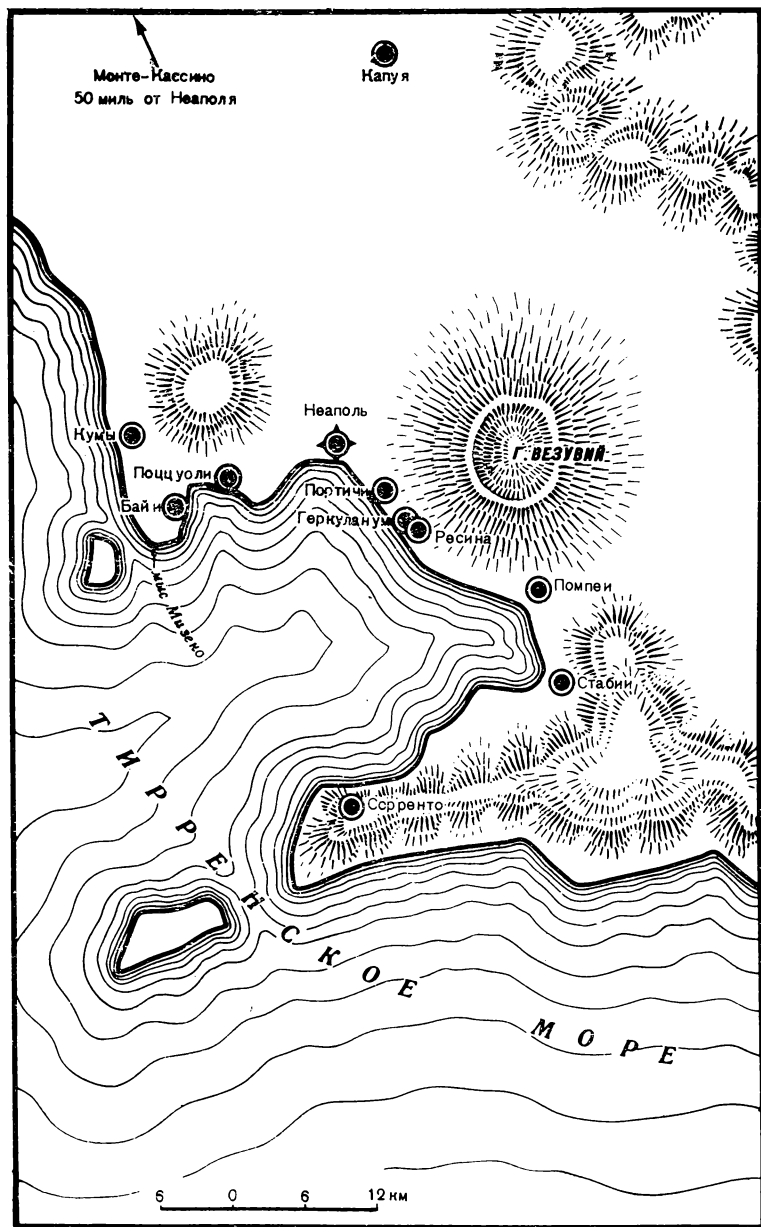
Свитки и вилла

*О книгочий, кому светла
геркуланейских книг зола!
Ты сам не свой. В руке дрожит
листок — фиванских браней весть,
а здесь — о чудо из чудес —
божественнейший Симонид.*

Уильям Уордсворт
(Перевод Л. Васильева)

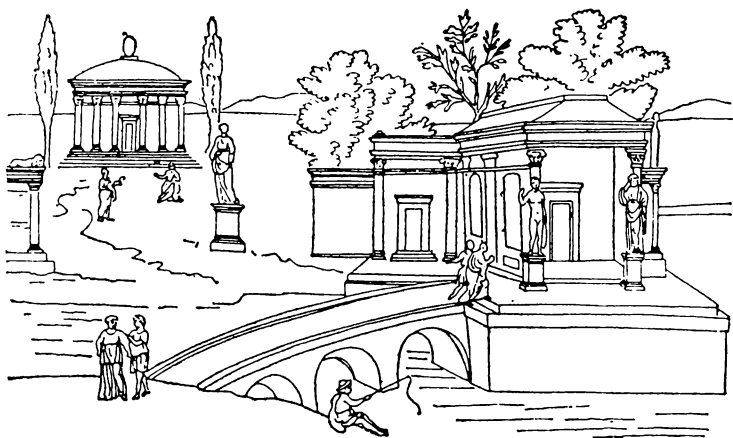
В декабре 1754 г. Королевское общество Лондона в своих «Трудах» опубликовало письмо некоего итальянского художника Камилло Падерни, принимавшего участие в раскопках, проводившихся в то время на окраинах погребенного города Геркуланума. «Пока мы проникли только в одну из комнат...» — писал корреспондент о ходе работ. — По-видимому, это была библиотека, украшенная стенными шкафами, инкрустированными разными породами дерева и завершающимися сверху карнизами — совсем так, как в наше время. Более двенадцати дней я был заточен в этом месте, чтобы вынести найденные там манускрипты, многие из которых были так повреждены, что к ним невозможно было прикоснуться. Тех, которые я сумел вынести, набралось триста тридцать семь, и все они в данный момент не поддаются разворачиванию. Написаны эти рукописи древнегреческим письмом...».

Так ученый мир получил одно из первых указаний на удивительную находку, которая открыла совершенно новые перспективы в возвращении утерянных шедевров. От этой новости учащенно забились сердца любителей классики. Может

дителей олимпиад с ними заговорит Пиндар? Или Софокл подарит им еще одну из своих трагедий, в которых человек принимает удары судьбы с непоколебимым благородством? Не скрывает ли Геркуланум утерянные книги Ливия, поэмы Сапфо?

Йоганн Иоахим Винкельман, немецкий историк искусства, появившийся на сцене четырьмя годами позже, выразил по-

Римское поместье. По рисунку, хранящемуся в Итоне

добные настроения, с надеждой говоря об открытии «таких древних историков, как Диодор, Феопомп и Эфор; очерка Аристотеля о драматических искусствах; утерянных пьес Софокла, Еврипида, Менандра и Алескида; правил симметрии, составленных Памфилием в помощь художникам» [197, 116]. Немногие находки рукописей когда-либо порождали столь напряженные ожидания. И хотя Геркулануму не суждено было оправдать всех возлагавшихся на него надежд, вознаградил он мир щедро.

Только необычным сочетанием физических условий можно объяснить сохранность папирусов в Геркулануме. В течение двухсот лет со времени открытия этой «жилы» в Геркулануме ни в одном из древних городов, раскопанных в Италии, не были найдены папирусы. В Помпеях — городе, значительно больше, чем Геркуланум, пострадавшем от того же извер-

жения и гораздо лучше исследованном археологами, не было найдено ни одного клочка рукописей — только несколько восковых табличек и надписей на свинце. Причина заключается в различии условий их погребения. Геркуланум был затоплен лавиной грязи и жижи, которая быстро затвердела, в то время как Помпеи были засыпаны более тонким и пористым слоем вулканического пепла и лапилли¹.

Возрождение Геркуланума началось за сорок лет до сообщения Падерни, когда крестьянин из маленького городка Ресина на берегу Неаполитанского залива, углубляя высохший колодец на своем участке, наткнулся на мраморные сооружения. Мраморные плиты пользовались тогда большим спросом у строителей и скульпторов, и весть о находке этого прекрасного материала дошла до австрийского офицера, герцога д'Эльбёф, который строил для себя загородный дом возле расположенного по соседству Портичи. Но когда д'Эльбёф увидел эти обломки, он сразу оставил мысль об использовании их для строительства. Вместо этого он купил этот крестьянский участок и начал раскопки [95, 41—42].

К счастью, он сразу же наткнулся на большую постройку — театр Геркуланума, богато украшенный колоннами, статуями и вазами. Большинство из этих находок он перевез в свой новый дом. Однако через несколько лет д'Эльбёф был отозван, и раскопки приостановились до конца 1730-х годов, когда неаполитанский король Карл III, купивший себе дворец в Портичи, приступил к систематическим раскопкам. В ходе раскопок по одной надписи в театре удалось идентифицировать погребенный город. А вскоре неподалеку был открыт другой, больший по размерам город — Помпеи.

Названия «Геркуланум» и «Помпеи» возродили в памяти роковые августовские дни 79 г. н. э., живо описанные в письмах Плиния Младшего Тациту, когда извержение Везувия внезапно оборвало жизнь этих городов. Покрытые и запечатанные вулканическими массами и новым слоем плодородной почвы, они были обойдены историей. О них забыли на много веков. Но, как это ни парадоксально, их внезапная насильственная смерть обусловила их бессмертие, сохранила их угасшую цивилизацию для будущего. По сути дела, в свое время эти города играли сравнительно небольшую роль. Их величайшее историческое значение состояло в том, что они, подобно мальчику-фараону XVIII династии древнего Египта, были отлично забальзамированы, благодаря чему искра жиз-

ни греко-римской эпохи более чем через тысячу шестьсот лет была донесена до изумленных людей нового времени.

Новые открытия оказали глубокое влияние на XVIII в. Можно с полным правом сказать, что если в этом веке было заложено подлинное начало археологической науки, то всеобщий интерес к археологическим открытиям был порожден

Помпейская фреска, изображающая гору Везувий накануне рокового извержения 79 г. н.э. Вулкан тогда считали потухшим. Обратите внимание на растительность на склонах (виноградники)?

впервые воскрешением Геркуланума и Помпей. Волнение, вызванное открытием погребенных городов, в которых время застыло на тысячелетия, было в конце концов новым для этого века. В январе 1751 г. бельгийский литератор писал в «Меркюр де Франс»: «На протяжении последнего десятилетия вся Европа сгорала от нетерпения, ожидая подробных вестей об открытиях в древнем Геркулануме» [195, 1]. В середине столетия склоны Везувия осаждались посетителями. Те, кому

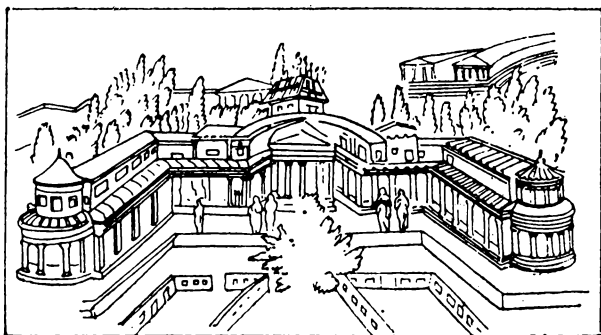
удалось попасть на раскопки, с восторгом рассказывали о настенных фресках («прекраснее, чем Рафаэль»), треножниках, лепных украшениях, статуях, предметах домашнего обихода («так удивительно похожих на наши»), храмах, театрах, зданиях, купальнях, публичных домах, винных лавках и обо всем этом наборе хорошо сохранившихся мелочей, включая вездесущие и часто грубые граффити².

Пожалуй, интерес подогревался завесой секретности, созданной неаполитанскими Бурбонами. Они со всяческими предосторожностями охраняли все предметы искусства, некоторые из которых были объявлены аморальными и упрятаны подальше от глаз. Неаполитанские власти заявили о своем исключительном праве на все публикации о результатах раскопок. Их медлительность в этом породила во Флоренции злорадные разговоры, что все эти неаполитанские открытия не что иное, как обычное для южан надувательство. Уже в 1739 г. один приезжий из Франции обнаружил, что «люди, демонстрирующие древности, замкнуты и очень подозрительны» [169, 684]. Любого образованного иностранца или заезжего художника немедленно подозревали в злом умысле, а иногда им просто не разрешали, как леди Мэри Уортли Монтегю в 1740 г., спуск с факелом в глубокие подземные шахты или осмотр коллекций произведений искусства, собранных в королевском дворце в Портичи. О том, чтобы сделать какие-нибудь зарисовки, не могло быть и речи; даже много позднее, в 1787 г., в этом пришлось на собственном опыте убедиться Гёте и его другу Тишбейну. Чтобы получить доступ к древностям, нужно было быть в хороших отношениях с двором или войти в доверие к неаполитанским «эрудитам» и археологам. Последние, являвшиеся как бы неотъемлемой частью открытия Геркуланума, представляли из себя пеструю смесь ученых-книжников и напыщенных ослов — сварливых, тщеславных мракобесов, преданных бессмысленным интригам академического сословия и готовых в любой момент превратиться в толпу крикливых базарных торговков.

Не удивительно, что точная информация о найденных манускриптах, упомянутых в письме Падерни, с трудом доходила до заинтересованных людей. Можно ли было доверять последним неаполитанским рассказам? Если это и правда, почему так долго мир не может узнать о содержании найденных литературных произведений?

Открытие Падерни начиналось почти так же, как и откры-

тие самого Геркуланума. В 1750 г. в саду отцов-августинцев, на расстоянии нескольких сот ярдов к северо-западу от театра Геркуланума, у старой дороги между Неаполем и Помпеями, копали колодец. Сад был чудесно расположен: на отлогом склоне холма, обращенном к заливу и овеваемом западными ветрами. Стоило рабочим-землекопам пройти через солидный слой лавы, разлившейся здесь во время большого

Роскошная римская вилла. По рисунку в доме М. Лукреция Фронто, открытом в Помпеях в 1900 г.

извержения 1631 г., и лежащий под ним слой затвердевшего туфа, или так называемого паппамонте, как они наткнулись на мраморный обломок. Жители деревни немедленно сообщили об этом королевским чиновникам. Как следствие этого рабочих, занятых в Геркулануме и Помпеях, перебросили сюда, и раскопки возобновились с удвоенной силой.

Используя колодец как выход, землекопы выкопали ходы во всех направлениях. Был выкопан целый лабиринт туннелей — так называемых *cuniculi* (букв. «кроличьи норы») — в некоторых местах на глубине более 100 футов. Вскоре стало ясно, что королевские инженеры наткнулись на древнюю римскую виллу громадных размеров. Сразу оказалось возможным установить местоположение атриума, перистилия и колоннад, которые заканчивались бельведером, упирающимся в Неаполитанский залив. Длина бельведера составляла более 750 футов. Однако размеры были далеко не самой примечательной особенностью сооружения, хотя сами по себе они свидетельствовали о его необычайной роскоши.

Так же как в театре Геркуланума, первый колодец сразу попал в точку. Не успели рабочие как следует продвинуться вперед, как начали ошеломляюще часто находить бронзовые и мраморные статуи. Всего было найдено девяносто статуй, что давало повод говорить о «древнем музее скульптур» [82, 71], которые впоследствии составили гордость Национального музея в Неаполе. Нетрудно представить себе всеобщий восторг, когда на поверхности одна за другой появлялись фигуры танцующих фавнов, спящих сатиров, отдыхающего Меркурия, меланхолическая группа из пяти танцовщиц и многое другое. Достаточно сказать, что некоторые статуи — одни из наиболее известных образцов античного искусства, хотя многие из них скорее всего прекрасные римские копии, нежели эллинские оригиналы.

Собрание охватывает различные периоды — от архаического аттического стиля через классические образцы, достойные Фидия и Лисиппа, бюсты диадохов³ с меланхолическим взором, игривые и реалистически выполненные в эллинистической манере статуи детей и животных до суровых бюстов римских политиканов.

Такая неожиданная удача дала право Амадео Маюри, итальянскому археологу XX в., назвать этот загородный дворец «самой богатой и самой бесценной виллой древнего мира» [153, 74]. Однако не этой, а другой находке суждено было повсеместно прославить виллу и, между прочим, дать ей имя: *Villa dei papiri* (Вилла папирусов). Но на этот раз фантастические масштабы находки открылись далеко не сразу.

Через два года после того, как начались раскопки, рабочие проникли в различные небольшие помещения виллы. В одной из комнат находились бюсты Эпикура⁴, Демосфена⁵, Зенона Сидонского⁶ и Гермарха⁷. Преобладание среди этих скульптур философов эпикурейской школы, по-видимому, указывало на склонности хозяина. Вероятно, среди различных обломков, находящихся в таблиуме (столовой), было впервые замечено несколько предметов странной формы. Они представляли нечто вроде продолговатых цилиндров. Рабочие приняли их, и не без оснований, за куски обуглившегося дерева и, не обращая на них более внимания, отбросили прочь. Побывавший здесь позднее И. И. Винкельман подтверждал, что они напоминали по внешнему виду «угольные брикеты». Только некоторые из них были круглыми. Многие были сплю-

щены. Большинство из них обожжены и морщинисты, как рог барана» [197, 85].

Однако, по мере того как обнаруживалось все больше и больше таких «брикетов» — все примерно одинаковой длины и формы, кто-то неминуемо должен был заинтересоваться ими и поднять один из них для более тщательного осмотра. Было очевидно, что предмет состоит из нескольких слоев, которые разрушались от прикосновения, и был сделан вывод, что это свертки полотна. Несколько человек, однако, решили, что это какие-то рыболовные или охотничьи принадлежности. Нам неизвестно, что дало повод для столь фантастического предположения, но, чем бы эти странные предметы ни были, они вновь были признаны бесполезными и отброшены за ненадобностью. Комната, в которой была найдена целая груда этих предметов, была названа *Bottega del Carbonaio* — лавкой угольщика.

А потом пришло озарение. Возможно, один из свитков случайно разломился на две части [13, 64; 11, 253], или, быть может, искусственное освещение, используемое в подземных галереях, упало на эти предметы под каким-то удачным углом, но кто-то понял, что эти хрупкие потемневшие слои покрыты письменами. Как бы это ни произошло, именно Камилло Падерни досталась заслуга этого открытия. Он первый заявил в ноябре 1753 г. об открытии *molti volumi di papiri* (большого числа папирусов), которые, как он сказал, действительно напоминали уголь и пачкали черным пальцы. Ни один из них, добавлял он, пока еще не был развернут [171, 43].

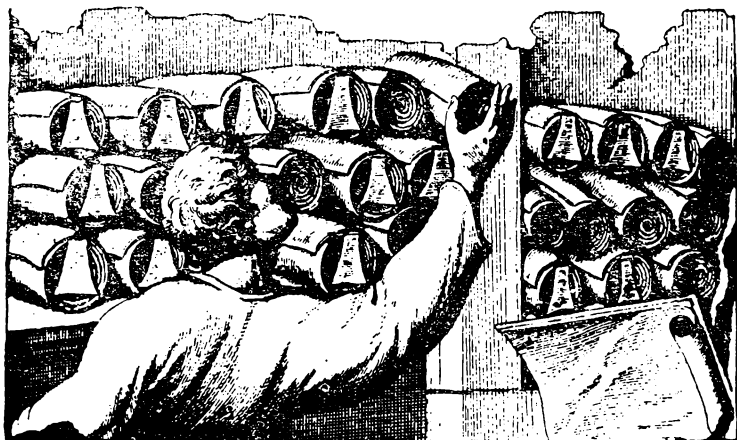
Камилло Падерни, посредственный художник из Рима, в 1750 г. поступил на государственную службу в Неаполе в качестве хранителя коллекции древностей в бывшем дворце д'Эльбёфа в Портичи. Он пользовался единодушной неприязнью своих сотрудников, и о нем отзывались как об исключительно тщеславном невежде. Вполне возможно, что эта нелестная характеристика была отчасти вызвана завистью его соперников при дворе. Винкельман и его наставник в Портичи отец Антонио Пьяджо были в числе наиболее ярких хулителей Падерни. Они появились на сцене уже после того, как свитки папируса были обнаружены и признаны таковыми. То, что они могли рассказать о первом открытии, мало отличалось от версии Падерни, рассказанной от первого лица.

До конца своих дней Падерни продолжал похваляться тем, что благодаря ему одному бесценные манускрипты были спасены от полного уничтожения. И в подтверждение своих претензий он рассказывал захватывающую историю, которая, насколько нам известно, вполне могла быть правдой. Как только он услышал о странных обрубках, разбросанных в одной из комнат виллы, он, по его утверждению, приказал принести к нему в музей несколько их образцов. Почти сразу же он разглядел на них буквы. В порыве возбуждения он бросился в королевский дворец, и, хотя для аудиенции у высочайшей особы время было неподходящее, храбрый Падерни презрел требования этикета и попросил приема у короля, который, к слову сказать, с энтузиазмом покровительствовал археологам. Допущенный в королевские покои, Падерни продемонстрировал свой трофей. Затем он взял острый нож — все ученые содрогаются при одной только мысли об этом — и смело взрезал темную оболочку. Этим залихватским приемом он хотел показать королю, что, вне всяких сомнений, фрагменты письменных текстов находятся внутри этой обуглившейся оболочки. Это также помогло драматизировать значительность находки. Произведя желаемое впечатление, Падерни уговорил короля предоставить ему исключительное право на обработку и исследование всех свитков.

После этого, если верить его собственному описанию, Падерни, вставая с рассветом, провел несколько дней в темных подземных пещерах, непрерывно и в полном одиночестве извлекая папирусы. Он вовсю трубил об опасностях, с которыми сталкивался, трудясь в поте лица при тусклом свете свечей, готовых погаснуть в любой момент. Он заявляет, что подвергался риску заблудиться в лабиринте *cupiculi* (подземных ходов) и не найти дорогу назад, на поверхность. Более того, он мог оказаться погребенным под обрушившимся сводом или даже «задохнуться в собственном поту». Но его стойкость была вознаграждена. Хоть это и должно было показаться нам чудом, он завершил спасательную операцию и собственноручно доставил бесценные манускрипты в музей [136, 51].

На следующий год Падерни снова приехал на раскопки и полностью закончил расчистку помещения, которое, как полагают, действительно было библиотекой. Появившееся в сборнике трудов Королевского общества за декабрь 1754 г. сообщение относилось именно к этому эпизоду.

Под эгидой Падерни с 1752 по 1754 г. были сделаны по крайней мере четыре важные находки, вслед за которыми вплоть до 1759 г. последовало несколько менее значительных. Тайник в библиотеке был, вероятно, самой значительной находкой и содержал, по-видимому, любимые произведения первого владельца виллы. Назначение комнаты,

«Армарий» с папирусными свитками. Одно из наиболее обстоятельных изображений того, как именно древние хранили свои книги в специальных шкафах. В геркуланумской библиотеке свитки содержались, по-видимому, так же. Гравюра, выполненная в XVII в. по римскому барельефу из окрестностей Трира, в настоящее время утерян-
ному

сплошь уставленной по стенам деревянными инкрустированными шкафами, заполненными свитками, не вызывало сомнений. Некоторые из манускриптов еще покоились на полках, другие были разбросаны вокруг. Античные библиотеки время от времени раскапывались и ранее, но ни в одной из них не были обнаружены древние книги.

В целом римская вилла принесла примерно тысячу восемьсот манускриптов, включая фрагменты, представляющие около восьмисот полных свитков. Гораздо большее количество их было, без сомнения, уничтожено еще до того, как было выяснено, что это такое. Другие погибли от грубого обраще-

ния, когда их пытались извлечь из затвердевшей вулканической массы, в которую они были замурованы.

А как обстояло дело с разворачиванием свитков? Оставляло ли хоть тень надежды то тяжкое состояние, в котором они были найдены? Ученые повсюду горели желанием проникнуть в их содержание, но, прежде чем ознакомиться с характером письма и идентифицировать рукописи, предстояло скрупулезно развернуть их. К несчастью, эта проблема так и не была разрешена удовлетворительно. Для того чтобы вновь зазвучали из этих черных, рассыпающихся, обуглившихся обрубков умолкнувшие голоса обитателей Геркуланума, требовалась величайшая осторожность и изобретательность. Но извлеченные из-под земли свитки папируса были чем-то новым. Никто не имел ни малейшего представления о том, как приступить к делу, и большое количество шарлатанов наперебой бросились предлагать свои услуги. В результате их сомнительных фокусов многие уникальные тексты были безнадежно повреждены или уничтожены. Не успели эти древние свитки появиться на свет, как их существованию вновь стала угрожать опасность. Отец Пьяджо, которому еще предстояло сыграть определенную роль в разворачивании свитков, подобрал эти *rovegi papiri* (несчастные папирусы) большим, чья драгоценная жизнь еще могла быть спасена, но которым угрожала наибольшая опасность от синклита врачей, пытавшихся лечить их. «Один давал им настой болиголова, другой прописывал ртуть. Помещенные под увеличительное стекло, они обгорали под солнечными лучами. Кто-то погружал их в кипящую воду, отчего они превращались в грязь, или поджаривал их в печи, пока они не становились похожими на сухари» [238, II, 219].

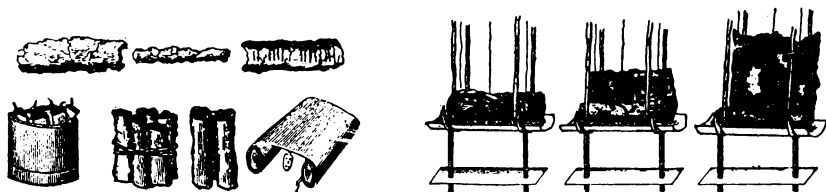
К счастью, монополия, дарованная Камилло Падерни королем, просуществовала не слишком долго. Этот самозванный сэр Галахад святого Папируса⁸ изобрел метод раскрытия свитков в решительном стиле Александра в истории с гордиевым узлом. В большинстве случаев — так, как на спектакле, устроенном им перед королем, — он просто взрезал свитки вдоль, разделяя их на две половины. Затем, начиная с внутренних слоев, последовательно соскабливал слой за слоем, старательно копируя перед этим (и все его старания не стоили и ломаного гроша!) то, что было написано на каждом. Так он добирался до внешней оболочки, так называемой *scorze* — единственной части свитка, пережившей это тяжкое

испытание и потому сохранившейся. За короткое время этот художник — хранитель древностей, применявший столь же решительные меры при снятии со стен фресок, расправился со ста сорока двумя свитками, чему трагическим свидетельством является соответствующее число пустых оболочек. Поскольку сам Падерни никогда не верил в то, что можно спасти больше, чем несколько разрозненных строк, нам остается только вообразить, насколько неряшливо и губительно небрежно были сделаны его копии. К счастью, Карл, добрый король неаполитанский, положил конец этой бойне.

По общему признанию, сей правитель из рода Бурбонов был человеком ограниченного ума и знаний, но он весьма серьезно относился к своим занятиям, а вслед за охотой и ловлей рыбы *scavi* (раскопки) стали его настоящей страстью. Этот грубоватый Нимрод никогда не проявлял какой-либо капризной непоследовательности по отношению к археологическим исследованиям. Рассказывали, что, когда он уехал из Неаполя, чтобы воцариться на испанском троне, он снял со своего пальца кольцо, которое сам нашел в куске лавы в Помпеях; заявив, что оно не является его личной собственностью, он подарил его музею в Портичи. В 1755 г. он основал *Accademia Ercolanese* (Академию Геркуланума), главной задачей которой была подготовка папирусов к изданию и их публикация. Перед этим, однако, он обратил свое внимание на проблему разворачивания свитков. Директор Ватиканской коллекции посоветовал ему послать за отцом Антонио Пьяджо, генуэзским монахом, нанятым в ту пору Ватиканом в качестве переписчика латинских рукописей, а также хранителя коллекции миниатюр, — «единственным в мире человеком, который сумел бы справиться с этим трудным делом» [13, 64]. Пьяджо к тому времени уже имел репутацию механика-изобретателя, а о его искусстве с удивительной точностью копировать любые неизвестные ему письма ходили легенды.

Вначале Ватикан отпустил Пьяджо в Неаполь не надолго, года на два. Однако, когда выяснилось, что без его услуг папирусы обойтись не могут, он поселился под сенью Везувия надолго. После прибытия в Портичи он быстро соорудил приспособление, действие которого излагалось в бесчисленных письмах и археологических отчетах тех лет. Его сравнивали с ткацкими станками, с аппаратом для изготовления париков, с машиной для переплетного дела. Это «чудо техники»

до сих пор выставлено в Национальном музее в Неаполе. Винкельман уверяет, что оно было очень простым, но из его занявшего пять страниц описания действия этого приспособления следует, что оно было довольно сложным. Некий «образованный джентльмен из Неаполя» значительно лаконичнее написал в 1755 г. в Королевское общество, что Пьяджо «сделал машину, с помощью которой он... приклеив к наружной поверхности свитков особые нити, начинает постепенно

Папирусные фрагменты из Геркуланума и изобретенное отцом Пьяджо приспособление для их разворачивания. С современной (1825 г.) гравюры А. де Джорио, выполненной в неаполитанской «папирусной мастерской»

натягивать их, одновременно отделяя слой от слоя инструментом, похожим на инструмент гравера... а потом он прикрепляет к внешней поверхности папируса нечто вроде подкладки... и с помощью некоего спиртового раствора, которым смачивается папирус, постепенно разворачивает его» [13, 64].

Приспособление Пьяджо пришло на смену гильотине Падерни. Но решение это ни в коем случае не могло считаться идеальным, в чем нас пытались убедить Винкельман и более поздние популярные авторы. Если бы это было так, вряд ли время от времени с одобрения неаполитанских властей делались попытки применять менее ортодоксальные методы. Прежде всего производительность этого аппарата была мучительно низкой. Винкельман сообщал, что «четырёх или пяти часов едва достаточно для того, чтобы отделить участок в палец шириной; на участок шириной в ладонь уходит месяц» [197, 114]. Пьяджо потратил четыре года на то, чтобы развернуть и скопировать всего тридцать девять столбцов одного свитка. Правда, вскоре удалось несколько увеличить производительность, но все равно дело продвигалось чрезвычайно медленно. Несмотря на помощь, оказанную Пьяджо, за без малого сорок лет неустанной работы было развернуто 107

всего-навсего восемнадцать свитков разной длины. На ранней стадии Пьяджо, естественно, выбрал наиболее сохранившиеся образцы, которые могли, по его предположению, поддаться комбинированной «химико»-ручной атаке. И при всем этом приспособление, несмотря на все предосторожности, всегда могло еще более разрушить уже поврежденные участки, захватывая через отверстие в слое, находящемся в данный момент на внешней поверхности свитка, слой, лежащий под ним. Ни один из свитков, за которые принимался Пьяджо, не был развернут до конца. Ни один не остался полностью неповрежденным.

В 1802 г. принц Уэльский прислал в Неаполь одного из своих придворных капелланов — преподобного Джона Хейтера. Принц, очевидно, заразился «папирусным психозом» от англичан, побывавших в Геркулануме. Он тоже мечтал об открытии утерянных произведений классиков. За несколько лет до этого он уже начал, следуя примеру сэра Уильяма Гамильтона, английского посла в Неаполе и мужа «той женщины»⁹, платить жалованье Пьяджо и итальянским мастерам, работавшим с папирусами. Теперь на средства принца и с разрешения неаполитанского правительства Хейтер был назначен руководителем работ по *officina dei papiri* (папирусной мастерской). Он не был, строго говоря, серьезным ученым, и большинство его реставраций недостающих отрывков лишены всякой ценности. Но он вдохнул новую жизнь в работу, и в течение четырех лет ему удалось, усовершенствовав технологию Пьяджо, развернуть около двухсот папирусов. Он и его помощники сделали карандашом и в гравировке на меди факсимиле почти половины из них.

Во время наполеоновских войн, в 1806 г., Хейтер бежал с королевской семьей в Палермо. Здесь он продолжил свою работу, издал фрагменты одного латинского текста и сочинил на латыни скучную поэму о Геркулануме, которую посвятил принцу Уэльскому. Вернувшись в Англию, он привез с собой девяносто шесть карандашных копий папирусных текстов, которые оказались исключительно ценными для последующих исследований, когда оригиналы пострадали от продолжавшегося разрушения. Некоторые из оригиналов были, на беду, переданы в Бодлеанскую библиотеку, где были открыты заново известным австрийским исследователем классических текстов Теодором Гомперцем только в 1860-х годах [133, I, 354].

Англия продолжала активно интересоваться папирусами, когда Хемфри Дэви, химик, отправился в Неаполь. Он совершил две поездки, чтобы исследовать физико-химические изменения манускриптов и, если удастся, предложить средства для улучшения их состояния. В ходе своих исследований он пришел к выводу, что обугливание свитков вряд ли произошло из-за воздействия огня или сильного нагрева, как считали

Фрагмент из факсимиле трактата Филодема «О смерти», найденного в числе других папирусных свитков на геркуланумской вилле. Текст, написанный свинцовым карандашом, был выгравирован на медной пластинке по указаниям Джона Хейтера в Палермо между 1806 и 1810 гг.; в 1811 г. передан Оксфордскому университету

все до сих пор, а было скорее вызвано сыростью и недостатком воздуха в месте их захоронения. Дэви, казалось, достиг некоторого успеха в отделении слоев папируса, применяя спиртовой раствор в сочетании с кистью из верблюжьего волоса. В течение двухмесячных экспериментов в Неаполе он смог развернуть, как следует из его отчета, двадцать три манускрипта, большинство из которых считались, очевидно, *disperati* (безнадежными). Но лишь небольшие фрагменты этих текстов поддавались прочтению. Дальнейшие усилия натолкнулись на явное недоброжелательство и придирки со

стороны неаполитанских чиновников, и Дэви решил, что «продолжение работы было бы напрасной тратой общественных средств и угрозой для репутации» [13, 70].

Дэви возлагал большие надежды на химические средства. Если свитки были обуглены, то почему бы искусству химии не осуществить процесс, обратный вызванному естественными причинами? Перечень достойных уважения ученых, приложивших к этому свои руки, и, к несчастью, с негативным результатом, довольно длинен. Среди них был Томас Юнг, физик и врач, известный некоторыми успехами в дешифровке египетских иероглифов. Даже такой гигант, как немец Юстус фон Либих, которому в 1857 г. *officina* вручила шесть фрагментов (кстати, с тех пор навсегда исчезнувших), потерпел неудачу. Эксперименты продолжались до XX в., использовались парафин, альбумин, спирт, глицерин, водяной пар, но все было напрасно. Эликсир не был найден.

В 1903 г. некий Карло Марре, прикомандированный к ватиканским библиотекам, решил было, что он на правильном пути. Но по иронии судьбы свиток № 266, переживший извержение Везувия, сгорел в небольшом пламени. Двадцатью годами позже эксперт с явно неподходящей фамилией Миралья¹⁰ придумал очередной искусный метод, с помощью которого свиток был просто распылен в ничто. Перечень методических разрушителей далеко не исчерпан этими именами [171, 44—45; 147, 309].

Вслед за Падерни с его мясницкими методами наиболее кровавую экзекуцию свиткам, перешедшим ранее в собственность британской короны, устроил немец, д-р Сиклер из Хильдбургхаузена. Этот доктор был одним из тех шарлатанов и мошенников, которые неизменно всплывали на поверхность во времена больших открытий манускриптов. С целью доказать эффективность своих таинственных методов Сиклер предъявил один развернутый фрагмент свитка, полученного якобы из частной коллекции некоего друга, имени которого он не назвал. Предполагается, что этот «образчик товара» был либо похищен из *officina*, либо, что более вероятно, представлял из себя подделку. Но это помогло Сиклеру добиться желаемой цели: парламентская комиссия поверила ему и позволила применить свой столь разрекламированный метод к многострадальным свиткам. Когда комитет палаты общин в 1818 г. решил проверить, как обстоят дела, немецкий доктор успел полностью уничтожить семь свитков и по-

тратить на это около 1200 фунтов. Его обман наконец был обнаружен, и несколько оставшихся свитков, принадлежавших Британии, избежали неминуемой гибели.

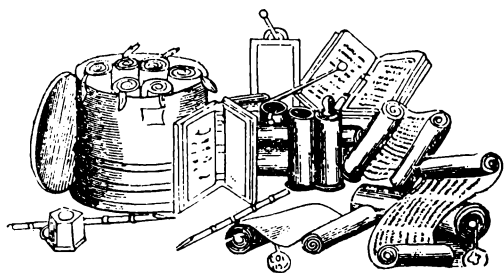
В завершение всех этих утрат значительное количество свитков было раздарено. Георгу IV, тогда еще принцу Уэльскому, было подарено восемнадцать, и мы только что убедились — с какими катастрофическими последствиями. Пережившие эту катастрофу папирусы (между тем еще один свиток непонятным образом исчез) сейчас поделены между Бодлеанской библиотекой и Британским музеем. В 1806 г. неаполитанское правительство преподнесло шесть свитков Наполеону. Один свиток, о котором больше никогда никто не слышал, был подарен голландскому эmissару в Неаполе, другой — командору Портичи. Часть материалов была, по видимому, утеряна, когда Бурбоны в первый раз, в 1799 г., бежали в Палермо, прихватив папирусы с собой.

Расшифровка, копирование, сопоставление, редактирование и издание сравнительно небольшого числа текстов, подающихся прочтению, были столь же чреваты ловушками, как и разворачивание. На это ушло даже больше времени. И к повести о превратностях судьбы геркуланумских свитков добавилась еще одна глава, полная тщетных надежд и разочарований.

Когда в начале 1758 г. в Неаполе появился Винкельман, до культурных центров Европы доходили только слухи и смутные сведения самого общего характера. Он приехал для того, чтобы составить точное представление о природе этих свитков. Винкельман решил прорваться через «папирусный занавес», воздвигнутый неаполитанской манией секретности. Со временем он основательно погряз в местных политических страстях и в конце концов написал свои знаменитые «*Send-schreiben*» («Послания»), скандальную хронику геркуланумской эпопеи, а также одну из первых популярных книг об археологии. Его главным информатором был озлобленный Пьяджо, которого он называл «величайшим в мире *galantuomo* (благородным человеком)» и у которого он столдовался в течение своего четырехнедельного пребывания в Портичи.

Многочисленные анекдоты Винкельмана о трагикомедии ошибок, связанных с прочтением свитков, начинаются с Падерни, который крошил свитки на том основании, что они все равно не принесут ничего, кроме нескольких разрозненных

отрывков. Затем там фигурировал прославленный неаполитанский археолог, который заявил, что все свитки написаны на никому в то время не известном оскском языке. Таким образом, он получал удобное оправдание и освобождение от обязательств по прочтению рукописей! Лишь один взгляд на несколько раскрытых фрагментов мог легко разбить в прах как эту его теорию, так и теорию одного его коллеги, который твердо от-

Набор античных письменных принадлежностей, образцы книг и ящик для свитков. Реконструкция по живописи из Помпей и Геркуланума. Из книги Уильяма Джелла «Помпеиана»

стаивал мнение, что произведения классической литературы издавались в виде квадратных книг, похожих на сегодняшние, а свитки использовались только для коммерческих или административных записей. По его мнению, было бы абсурдом допустить, что древние, будучи столь дальновидными, выбрали для своих книг такую неудобную форму, как свитки.

Эти ученые были подобны противникам Галилея в Падуге, которые отказывались взглянуть через телескоп на спутники Юпитера, поскольку они знали наверняка — независимо от того, что могли там увидеть, — что Галилей должен был быть не прав в сопоставлении с Аристотелем, «метром всех ученых». Поистине, как говорится, не существует идеи настолько абсурдной, чтобы у нее не нашлось поборника в лице какого-нибудь интеллектуала или ученого. Нашим адептом книг квадратной формы был некий синьор Марторелли, который выдвинул свою странную идею в томе о восьмистах страницах, посвященном одной древней чернильнице. Винкельман от души веселился, выставя его на всеобщее по-

смешище. Когда в одном из папирусов был опознан трактат о музыке, Марторелли отнюдь не пал духом. Он заявил, что свиток имеет отношение к какому-то юридическому спору — «возможно, — саркастически замечает Винкельман, — диспуту между городским советом и местным оркестром по поводу церковной и свадебной музыки» [197, 54]. Не удивительно, что при таком преобладании среди неаполитанских академиков людей с подобным уровнем интеллекта мир должен был ждать пятьдесят лет с момента открытия папирусов, прежде чем первый том, в котором было официально обнародовано их содержание, увидел свет. Это так называемое «*Collectio Prior*» («Первое собрание») было завершено в 1850 г.

В это издание были включены девятнадцать довольно иностранных рукописных текстов — лишь малая доля всего возвращенного или скопированного материала. Опус этот был весьма велик по размерам, чего нельзя сказать о содержании, и сейчас он считается бесполезным из-за бесчисленных неточностей. Вдобавок ко всему оригинальные отрывки были буквально погребены под лавиной напыщенных, не относящихся к делу примечаний и «ученых» рассуждений, принадлежавших перу знаменитых членов неаполитанской *Accademia Ercolanese*. Вполне естественно, что критики стали говорить о второй, не менее страшной гибели свитков под словозвержением претенциозной учености. Исследователь классической литературы, живший в Англии в XIX в., комментировал: «Трудно говорить спокойно об извращенности, которую они (неаполитанские *accademici*) проявили, отнесясь к содержанию папирусов как к чему-то такому, что должно скрываться от внешнего мира как можно дольше; о безвозвратно утерянных возможностях из-за небрежного копирования оригиналов, которые вскоре погибли. Некоторые их издания являются собой уникальные образцы педантичного слабоумия» [186, 8].

Пока Пьяджо возился со своим аппаратом, друзья древней литературы жили в напряженном ожидании, гадая, что же именно явится сейчас на свет. Как и у Винкельмана, у каждого были свои любимцы, возрождения которых он так страстно желал. И хотя в конце концов результаты изучения свитков далеко не оправдали ожиданий, некоторые надежды на то, что исчезнувшие шедевры появятся из обуглившихся комков, около трети которых остались не развернутыми и по сей день, не угасали до конца XIX в. Гекзаметр Шиллера:

Im ernstem Museum Liegt noch ein
Köstlicher Schatz seltener Rollen gehäuft

(Все еще лежит драгоценный клад редчайших
свитков в этом мрачном музее) —

как эхо звучал долгие годы. Мадам де Сталь писала — с некоторой долей истерии, — что, находясь подле свитков, она вся дрожит от страха, как бы «дуновением своего дыхания не потревожить пыль веков, в которой, быть может, еще дремлют благородные мысли» [136, 49].

Пробуждение от всех этих мечтаний было довольно суровым. Экстаз вынужден был уступить место чрезмерному романтическому разочарованию. Когда манускрипты были в конце концов отнесены к «третьему или четвертому разряду», «неоригинальным произведениям», сочтены «скучными», «не представляющими собой ценности как произведения философии или литературы», «низкосортными», «ничего не стоящими» [82, 117] — суждения, которые с тех пор преобладают в большинстве учебников и справочников, — общественный интерес к когда-то легендарной геркуланумской библиотеке стал сходить на нет. Один современный писатель прямо утверждает: «Никогда еще столь большое разочарование не постигало терпеливых искателей истины» [124, 178]. Но и в самом деле, были ли усилия и затраты соразмерны с их итогами? Даже Винкельман считал, что все труды над Филодемом¹¹, которому приписывается большинство развернутых вначале больших свитков, были затрачены впустую.

Такого рода перемена во взглядах была, мягко говоря, несомнительной и несвоевременной. Однако появление различных чрезвычайно интересных фрагментов не изменило устоявшихся воззрений. Более того, ученые-классики игнорировали некоторые новые материалы. Изучение геркуланумских текстов стало каким-то не вполне определенным занятием — оно даже не считается отраслью папирологии [171, 40]. На них смотрели как на второстепенный источник, и исследователи древней истории и литературы часто вообще не обращались к ним. Так, в нескольких трудах об Эпикуре не было даже упомянуто открытие значительных отрывков его главного труда — «О природе» — работы, из которой Лукреций почерпнул свои идеи.

Возможно, Геркуланум так и не принес нам шедевров греческой и латинской литературы, которых все ждали, но все

же он дал несколько ценных находок, например, натурфилософию Эпикура, новые отрывки из которой, возможно, еще будут опубликованы. Эта работа, оказавшая громадное влияние на историю западной мысли, состояла из тридцати семи «книг», написанных в нарочито сухом и простом стиле. В геркуланумской библиотеке были, по-видимому, три копии этого труда. Преобладание эпикурейских текстов имеет большое значение для оценки собрания, которое почти исключительно состояло из философских трудов этой школы и не-

Эпикур. Бюст из Британского музея

скольких — ее противников. Среди найденных до сих пор папирусов только с полдесятка фрагментов, посвященных геометрии, выходят за пределы этого круга. Латинские свитки в количестве двадцати четырех штук, по-видимому, добавлены в библиотеку позже — наследником или новым владельцем виллы. Как видим, библиотека была узкоспециализированной. Остается пожалеть, что ее владелец не обладал более широкими интересами, включающими историю, поэзию, драматургию. Но как сокровищница античной эпикурейской мысли библиотека эта бесценна. Разнообразие философских тем, затронутых в трудах, показывает, что эпикурейцы не ограничивались лишь этическими проблемами, как считалось до тех пор; они, подобно Академии и Стое, затрагивали все главные философские дисциплины.

Еще одно интересное впечатление, помогающее избавиться от предубеждения о «безнравственной компании» эпикурейцев, возникает при изучении фрагментов из личных писем Эпикура, которые в дохристианском античном мире имели широкое хождение. Как и послания Павла, они были собраны воедино для распространения среди широко рассеянных по

Восточному Средиземноморью эпикурейских общин. Среди них есть трогательное письмо мудреца к ребенку. Письма характеризуют эпикурейцев скорее как квазирелигиозное братство, чем просто людей, живущих в безмятежном удалении от забот остального мира, удовлетворяя все свои прихоти. Вместе с другими фрагментами письма обрисовывают членов этой школы как людей, охотно принимавших активное участие в политической борьбе тех дней и обладавших немалым престижем в глазах общества. Открывая совершенно новую грань во взглядах Эпикура, одно из обнаруженных писем повествует о ходатайстве Эпикура перед Антипатром¹² об освобождении его ученика, который был арестован. В среде эпикурейских агностических братств личность Эпикура становится смутно похожей на образ спасителя, и произведения и споры его последователей в основном касаются толкования изречений учителя. До известной степени геркуланумские папирусы обогатили наши знания об эпикурейцах точно так же, как рукописи Мертвого моря внесли вклад в наше понимание кумранских сектантов.

Кроме работ самого Эпикура и Филодема библиотека включала утерянные трактаты некоторых других эпикурейских проповедников. Единственным знаменитым стоиком, представленным в ней, был Хрисипп¹³. Кроме этого мы обладаем рукописью о школе стоиков, или Стое. Последняя, как и большинство эпикурейских текстов, за исключением Филодема, стала доступной в пригодном для прочтения виде только в последние десятилетия.

Основная часть библиотеки, примерно две трети, состоит из работ Филодема. Первый свиток, развернутый отцом Пьяджо, представлял из себя обличительную речь, обвинявшую музыку в том, что она расслабляет мужество человека и деморализует общество. (Эта тема была популярна в античности; в наши дни Томас Манн обнаружил некоторую близость к этим взглядам.) Были там и компендии¹⁴ Филодема, каждый из которых охватывал почти аристотелевский широкий круг тем: риторику, логику, эстетику, психологию и теологию. Он даже сочинил эссе о государственном управлении. Вероятно, наиболее ценным в рукописях Филодема является его краткий очерк об учениях греческих мыслителей. Джон Стюарт Милль¹⁵ с удивлением обнаружил в одном трактате предвосхищение современной эмпирической логики [113, 353].

Эти работы эпикурейца носят в основном компилятивный характер, являются скорее интерпретацией и популяризацией, чем порождением оригинального ума. Они могли служить набросками лекций для эпикурейского кружка или школы. Это наиболее вероятно: у нас есть реальные доказательства того, что Филодем был значительной интеллектуальной силой в позднем республиканском Риме. Дискурсивные трактаты Филодема, который обильно цитировал эллинистические произведения III и II вв. до н. э., спасли от забвения многое, в том числе и такие жемчужины, как один неизвестный отрывок из Еврипида. Оставаясь главным источником наших знаний о философии Эпикура и интеллектуальном арсенале Лукреция, геркуланумские папирусы дают нам ценный материал также и о других современных им школах и служат как бы связующим звеном между ранними и более поздними писателями, такими, как Цицерон, Квинтилиан, Сенека¹⁶ и прежде всего Гораций [168, II, 26; 136, 57—59].

До открытия тридцати с лишним прозаических сочинений единственными известными нам литературными работами Филодема были один отрывок, цитируемый у Диогена Лаэртского¹⁷, и около двадцати стихотворений, включенных в древнюю антологию. Являя яркий контраст с его многословной дидактической прозой, эти блестящие стихи представляют собой типичный продукт эллинистической чувственности и изящества, несмотря на случайные срывы в непристойность. Отзвуки этих стихов можно услышать в любовной поэзии Овидия и Катулла [136, 56]. Это был, следовательно, не такой уж безвестный писатель, чье имя случайно оказалось связанным с единственной дошедшей до нас римской библиотекой. Филодем, сирийский «грек» из Гадары, маленького городка близ побережья Палестины, был соотечественником выдающегося эллинистического поэта Мелеагра. Известно, что он поселился в Италии после войн Митридата, около 75 г. до н. э. Цицерон говорит о нем несколько раз, и всегда с большим уважением, за исключением тех случаев, когда он упоминает о Филодеме вкупе с его патроном, бывшим консулом Л. Кальпурнием Пизоном Цезонием, который был тестем Цезаря и одним из наиболее презираемых врагов Цицерона. В этих случаях Цицерон куда более сдержан в выражениях своей почтительности.

Попытки узнать, кто был владельцем виллы и ее библиотеки, вылились в настоящую детективную историю. Не было 117

ни косвенного свидетельства, ни какой-либо надписи, способных дать хоть малейшее указание. А не могла ли сама библиотека дать ключ к этой загадке? Прежде всего был очевиден эпикурейский характер собрания книг. Как только несколько свитков были расшифрованы, явным кандидатом во владельцы стал сам поэт и философ Филодем. Предположение, что он был хозяином виллы, высказывалось неоднократно, даже Винкельманом, но это было маловероятным. Правда, некоторые трактаты Филодема содержали дополнительные пометки, которые вполне могли принадлежать его перу. И кто, кроме автора, мог держать у себя так много копий его работ? Однако в лучшем случае эти свидетельства говорят о том, что Филодем был владельцем или составителем библиотеки, но отнюдь не хозяином одной из самых роскошных вилл, какие мы знаем. Абсолютно немыслимо, чтобы кто-нибудь другой, кроме исключительно богатого римлянина, скорее всего патриция, мог построить и занимать этот сад удовольствий. Пришлый интеллектuala с неопределенными источниками доходов совершенно не подходил для этой роли.

Благодаря речи Цицерона, обнаруженной в Кёльне Поджо Браччолини в XV в., мы знаем, что Кальпурний Пизон был патроном Филодема. Цицерон отзывался об этом аристократе и должностном лице в весьма нелестных выражениях: по сути дела, он пытается обличить его в плохом управлении римскими провинциями и разграблении их. Как и Веррес¹⁸, другой злейший враг Цицерона, и благороднейший Брут, Пизон неплохо поживился в тех землях, где он был проконсулом после своего консульства в 58 г. до н. э. Маг и волшебник судебного красноречия, homo novus, всецело преданный защите нерушимых римских добродетелей, обвиняет Пизона во всех грехах и рисует нам отталкивающий образ неопрятного родовитого римлянина. Тирада Цицерона, казалось бы, не соответствует образу владельца или строителя геркуланумской виллы, человека с безусловно хорошим вкусом, однако большое количество греческих статуй вполне могло быть вывезено Пизоном из континентальной Греции и Византии в качестве военной добычи.

Во всяком случае, точно установлено, что Пизон был другом и покровителем Филодема, что он был богат, любил роскошь и придерживался эпикурейских взглядов. Поскольку в библиотеке были обнаружены пометки, сделанные рукой Филодема, его патрон, естественно, сразу же попадает в поле

зрения. Оба много лет прожили вместе. На основании свидетельств, имеющих в библиотеке, а также исходя из слов Цицерона, мы можем с определенной уверенностью считать, что Филодем некоторое время находился на вилле Пизона в Кампанье, где собирал книги для одного из эпикурейских кружков, которые, как известно, существовали в этот период в городах близ Неаполя; возможно даже, что Пизон имел на вилле свою собственную библиотеку. Правда, все это — косвенные доказательства, но тем не менее виллу называют теперь «виллой Пизона», особенно после тщательных исследований, проведенных Д. Компаретти и Дж. де Петра. Только самые осторожные все еще называют ее «загородной виллой», «виллой папирусов» или «виллой коллекционера-гуманиста».

В 1765 г. основное внимание было перенесено на Помпеи, и отчасти поэтому, а также из-за ядовитых газов, якобы накапливающихся в подземных выработках, раскопки на вилле были прекращены. Люди, занимающиеся папирусами, не были особенно огорчены. Свитков у них было намного больше того, с чем они могли справиться в обозримом будущем. И только значительно позже, когда были окончательно похоронены надежды на драматические открытия из массы всякой всячины, что хранилась в *officina dei papiri*, снова раздалась требованья о возобновлении поисков. Но археологи по-прежнему с большим усердием раскапывали Помпеи, а не Геркуланум. Время от времени предпринимались новые scavi, но ни разу на вилле. В 1902 г. англо-американский археолог Ч. Вальдштейн (Уолстон) организовал международную кампанию за возобновление систематических раскопок в Геркулануме. Он возлагал на нее большие надежды, и проект приветствовался на обоих континентах. Эпикурейская библиотека, как справедливо указывал Вальдштейн, «вряд ли исчерпывающе представляла идеи и жизнь того времени. Не все богатые обитатели геркуланумских вилл были последователями этой школы; и если бы мы попали в библиотеку обычной римлянки или римлянина того времени, то вполне могли бы надеяться найти там произведения классических представителей древней философии и литературы...» [195, 8].

К несчастью, обширным планам Вальдштейна не суждено было осуществиться. Теодор Рузвельт, сделав широкий жест, взялся покровительствовать проекту, уязвив тем самым национальную гордость итальянцев. В 1927 г. Муссолини одоб-

рил план самостоятельной археологической кампании, открыв ее, как подобает, оглушительной речью, но раскопки почти не сдвинулись с места.

Несмотря на всё эти неудачи, было твердо установлено, что вулканическое погребение Геркуланума и его окрестностей способствовало сохранению папирусных манускриптов.

IRAE BERETQVE SUAE
QUALIS AD INSTANTIS
SIGNATVBA F. CLASSESQ
EST FACIES EVANISA LOCI

Среди немногих латинских папирусов, найденных в Геркулануме, было и утерянное стихотворение «De bello Actiасо», посвященное победе Августа над Марком Антонием. Оно написано в начале I в. н. э. и, следовательно, принадлежит значительно более позднему времени, чем греческие рукописи, хранившиеся в библиотеке виллы. Текст написан тонкими «упрощенными» прописными буквами

Сам город Геркуланум, бóльшая часть которого еще не раскопана (на этом месте расположен современный город Ресина), вполне может хранить литературные сокровища. И действительно, в 1870 г. там был найден один свиток, правда не очень ценный [171, 49]. Что касается пространств вокруг города, где когда-то гордо стояли римские виллы, то они большей частью не тронуты — благодатная почва для охотников за классиками античности. И хотя другой стране, далеко от Италии, было суждено исполнить надежды, лелеемые с XVIII в., мольба Уордсворта, приведенная в начале этой главы, быть может, еще найдет свой ответ в неаполитанской «блаженной Кампанье».

V

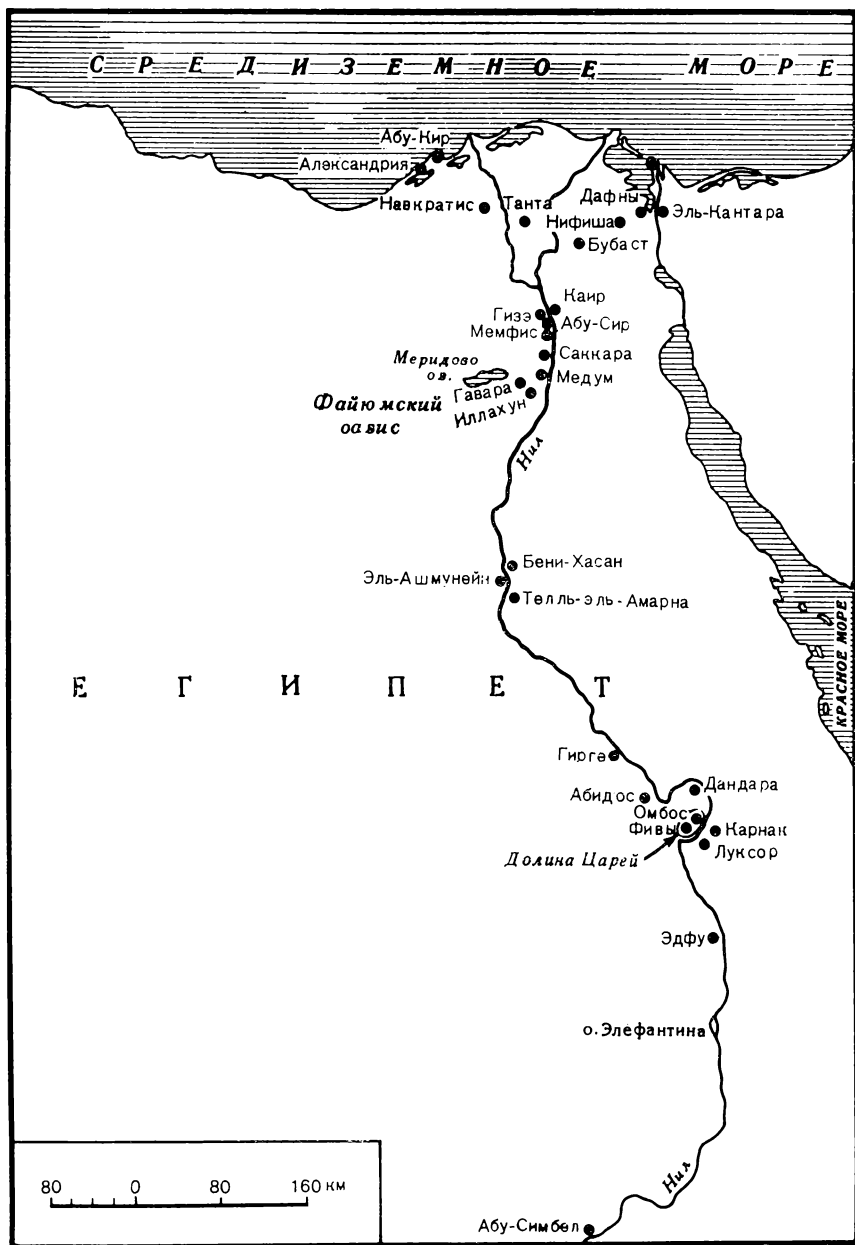
Папирус Египта

*...Когда папирус возвестит
 народам и царям Вселенной,
 как мысль и звук изобразить
 таинственно-нетленно.
 Способна Мудрость оживить
 эпох великих прах,
 и крижаль истории прибить
 на вечности вратах.*

Эразм Дарвин [112, 249]
(Перевод Л. Васильева)

Прошло десять лет после смерти Иоганна Иоахима Винкельмана, еще не были опубликованы первые геркуланумские свитки, когда случай, происшедший в Египте, вновь оживил увядшие было надежды ученых-энтузиастов. Это событие перенесло место действия через Средиземное море в страну, которая благодаря ее климату, а также культурному и политическому прошлому внесла в открытия утерянных книг и документов больший вклад, чем, вероятно, любой другой район мира.

В 1778 г. феллахи наткнулись на пятьдесят папирусных свитков, спрятанных в закопанном сосуде. Сосуд был найден, по их словам, на участке недалеко от Гизы, но заявления местных землекопов и тогда уже считались ненадежными, если не заведомо ложными. Во всяком случае, все говорит о том, что содержимое сосуда происходит из Файюма — большой, изобилующей озерами низменности к западу от нижнего течения Нила, которая в эллинистическую эпоху стала центром греческих сельских поселений. Свитки, кажется, были предложены какому-то торговцу, который решил, что он вряд ли выручит на рынке за эти странные вещи 121

приличную сумму, но, движимый любопытством, согласился купить один из них. Остальные были преданы местными жителями огню, в основном ради приятного аромата, который источает горящий папирус [81, 36]. Об этом аромате вспоминает Роберт Браунинг в своих хорошо известных стихах:

И источает аромат старый,
Тонкий, изъеденный червями саван из Египта,
Который поднимает пыль, когда его развернут!

Кстати, ароматические свойства папируса никогда не были подтверждены. Правда, мы знаем, что древние иногда пропитывали папирус кедровым маслом и что корень папируса использовался египтянами как сырье для благовоний. Может быть, европейцам не хватает изощренной чувствительности ноздрей феллахов? К счастью, европейцы оказались восприимчивыми к другим достоинствам папирусных свитков, которые не требовали их уничтожения.

Единственный уцелевший из пятидесяти свитков какими-то путями попал во владение к кардиналу Стефано Борджиа, который поместил его в своем музее в Веллетри. Это был первый документ такого рода, о котором известно, что он в новое время стал частью европейской коллекции, хотя никому не ведомые обрывки, возможно, попали к одному базельскому профессору двумя столетиями раньше. Свиток был сразу подготовлен к печати датским филологом Николасом (Нильсом Иверсенем) Скоу и был издан в 1788 г. под названием «*Carta papyracea Graeca scripta Musei Borgiani Veletis*» («Папирусный свиток с греческим текстом музея Борджиа в Веллетри»). Ко всеобщему разочарованию, греческий текст, относящийся ко времени царствования распутного римского императора Коммода в конце II в. н. э., содержал всего лишь список крестьян, назначенных для исполнения повинности по надзору за разливом и уходу за каналами на Ниле. Неужели мечтам XVIII в. о литературных кладах снова не суждено было осуществиться? Но, как мы знаем, свиток Борджиа явился лишь многообещающим залогом будущего.

Уже можно было выделить несколько факторов, существенно важных для последующих открытий. Первостепенное значение имело осознание того, что в Египте существовали идеальные условия для сохранности древних текстов, которые, по-видимому, должны были быть здесь в значительно лучшем состоянии, чем тексты, погребенные под пеплом Везувия. 123

Среди них вполне могли оказаться юридические и прочие нелитературные тексты. Однако западные ученые в значительной мере зависели от случайных находок местных жителей, чье невежество — вкупе с недалеко ушедшей от невежества просвещенностью торговцев — чаще мешало, а не способствовало открытию древних манускриптов. Что касается самих рукописей, то можно было предположить, что тексты, погребенные в земле Египта, состоят из полотнищ, листов,

Папирус

обрывков, свитков — и все это сделано из папируса. Что ж это за многоликий материал, которому мы обязаны столь неожиданными встречами с древностью?

Поднимаясь на веслах вверх по реке в Сицилии в 1880 г., Ги де Мопассан, французский романист, отдал дань уважения некоему удивительному зрелищу. «Наконец появился остров, покрытый странными кустами. Хрупкие треугольные стебли тростника высотой в два с половиной — три метра были увенчаны округлыми пучками зеленых нитей, мягких и гибких, как человеческие волосы. Они были похожи на головы существ, превратившихся в растения и заброшенных в этот священный поток одним из тех языческих божеств, что обитали здесь в давно ушедшие времена. Это и был древний папирус. Правда, крестьяне называли этот тростник „рагиса“ („парик“). А дальше шел целый лес трепещущих и шуршащих, изгибающихся и переплетающих свои волосатые головы растений, как будто беседующих друг с другом о неведомых и таинственных событиях. Разве не замечательно, что это удивительное растение, донесшее до нас мысли мертвых, ставшее хранителем человеческого гения, должно было нести

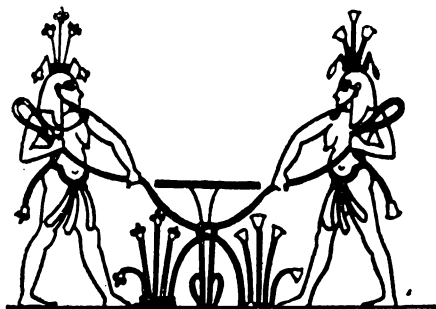
на своем древнем теле гриву густых мягких волос, столь обожаемых поэтами?» [157, 86—87].

Перед нами проникновенное и точное описание зарослей папируса, сравнимое разве что с восхитительными рисунками, рельефами и набросками египетских художников, живших более трех тысяч лет назад. Зрелище это было обычным в древнем Египте. Но обратите внимание: Мопассан вынужден искать подобные пейзажи за пределами Египта. Заросшие тростником болота, которые веками были столь органичной частью египетского ландшафта и самой жизни, почти полностью исчезли в новое время. Тем не менее Египет прочно ассоциируется с папирусом. Иероглифически Нижний Египет, т. е. страна, расположенная в дельте Нила, обозначался папирусом; папирус является символом древней страны на Ниле в той же мере, что и ее пирамиды. Его роль в формировании египетской цивилизации трудно переоценить. Кроме того, из Египта папирус проник в другие страны Ближнего Востока, в классические Грецию и Рим, где он был принят как основной материал для письма после того, как на Ниле он прослужил для этой цели уже тысячи лет. Даже жителям Месопотамии, которые предпочитали писать на глиняных табличках, папирус отнюдь не был неизвестен.

Но Египет не только положил начало использованию папируса как материала для письма, он, по-видимому, был главным поставщиком папирусной «бумаги» на протяжении всей древней истории. В сравнении с папирусом и пергамен, и наша современная бумага использовались совсем недолго, хотя в течение определенного периода все они были в употреблении одновременно. Поэтому было так естественно, хотя вряд ли неизбежно, что Египет стал в конечном счете главным хранителем папирусных документов, которые в этой стране оказались почти столь же долговечными, как каменные монументы. Свитки, которые и вообще-то не отличаются прочностью, попав в сырость, быстро истлевают, а пересохнув, становятся ломкими; как сказал Евсевий, один из отцов церкви, «их пожирали моль и время». Но, попав в благоприятный климат и пески Египта, они обрели невиданную стойкость.

Эти обстоятельства, однако, стали ясными только в последние века. Классические тексты эллинистического, римского и византийского Египта были открыты в громадных количествах, образовав непрерывную летопись целого тысяче-

тия, от походов Александра в конце IV в. до н. э. до завоевания Египта арабами в VII в. н. э. и последовавшего за этим периода. Открытие этих текстов привело к образованию новой науки — папирологии, которая по сей день занимается изучением в основном греческих и латинских папирусов, найденных в Египте. Сильно поврежденные папирусные свитки из Геркуланума не привлекли особого внимания; тот факт, что они дожили до наших дней, был воспринят

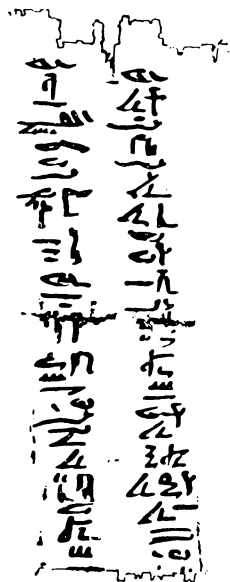
Союз Верхнего и Нижнего Египта символически изображался связыванием лилии и папируса — растений, которым поклонялись, соответственно, на юге и на севере

как редчайшее стечение обстоятельств: песку Египта, а не вулканической грязи Геркуланума суждено было стать великим благодетелем и хранителем. Историки средневековья, изучающие жизнь крестьян или социальные и экономические условия в Западной Европе X в. н. э., могут только завидовать обилию данных, которыми обладают их коллеги, исследующие Египет эпохи Птолемеев II в. до н. э.

Папирус использовался на протяжении всей долгой истории Египта и, вероятно, впервые был применен для письма еще в додинастический период. Старейший известный нам папирус датируется временем I династии, т. е. концом IV тысячелетия до н. э.¹ Но он ничем не заполнен [108, 335]. В 1893 г. швейцарский египтолог Эдуард Навиль приобрел папирус, происходящий, вероятно, из какого-то абусирского храма и предположительно датируемый 2700 г. до н. э. Предполагают, что еще несколько фрагментов папируса из Бер-

линского музея и других мест относятся примерно к тому же периоду.

Папирус — похожее на тростник водяное растение (*Syperis papyrus*) семейства камышовых, родиной которого является Африка. Он до сих пор в изобилии произрастает по берегам рек в тропической части Африки, иногда даже

Фрагмент иератического папируса из Берлинской коллекции. Приписывается VI династии египетского Древнего царства (около 2300 г. до н. э.)

запруживая их течение своими буйными зарослями. Однако в древние времена папирусные чащи тянулись вдоль всего Нила вплоть до дельты. Он несколько отличался от тех разновидностей папируса, которые сейчас встречаются в Сирии, Месопотамии, на берегах Иордана и в Сицилии, хотя они весьма напоминают тот тростник Египта, из которого в древности изготовляли «бумагу».

Древним египтянам папирус служил универсальным материалом для самых различных целей, как бамбук в Юго-

Восточной Азии или агава (*maguey*) в Мексике: он шел в пищу, служил строительным материалом, из него изготавливали одежду, обувь, циновки, лекарства и многое другое. В наиболее распространенном типе колонн в египетской архитектуре можно было распознать условное изображение стебля и бутона папируса; оно достигло гигантских пропорций в гипостильных залах Карнака и, возможно, послужило прообразом колонн греческих храмов. Когда Ксеркс² наводил мост через Босфор, чтобы завоевать Грецию, он использовал канаты, свитые из папирусного волокна. Нил бороздили быстроеходные прочные тростниковые лодки, удивительно напоминающие тростниковые суда озера Титикака и сделанные из пучков папирусных стеблей — так, как делают их сегодня на великих озерах Центральной Африки. Из того же материала была корзина, в которой младенец Моисей был найден в зарослях папирусного камыша. Из папируса можно было изготавливать листы, сворачиваемые потом в свитки, «готовые, — как сказал об этом Эмиль Людвиг³, — запечатлеть на себе мудрость, чтобы затем нести ее по реке времени» [148, 302].

Папирусные листы не были бумагой в современном понимании — тем китайским изобретением, которое попало в Египет в VIII в. н. э., перед тем, как проникнуть в Европу. Благодаря Теофрасту, преемнику Аристотеля в ликее, и Плинию Старшему, римскому естествоиспытателю, погибшему при извержении Везувия в 79 г. н. э., мы довольно хорошо знаем, как египтяне производили папирус. Характерно, что процесс этот за три тысячи лет почти не изменился: следуя описанию Плиния, мы сумели и сами воспроизвести папирусную «бумагу», а в Сицилии даже существует небольшая торговля для туристов, которым продают почтовые открытки и свитки, сделанные из местного папируса.

Сырьем для изготовления «бумаги» служила нарезанная длинными, узкими лентами сердцевина трехгранных стеблей высоких, до 35 футов, растений. Ленты одинаковой длины и качества раскладывались на плоской поверхности в два слоя наподобие решетки: ленты первого слоя — горизонтально, а второго — вертикально. Первый слой образовывал лицевую, второй — обратную сторону листа. Затем под действием давления и нильской воды — иногда, может быть, с добавкой клея — слои превращались в довольно однородную

листы высыхали, их разглаживали с помощью раковин или слоновой кости и, вероятно, отбеливали мелом. Избыток влаги удалялся дополнительным отбиванием. После этого папирус считался готовым к употреблению. Писали на нем тростниковым пером, как правило, только на лицевой стороне.

Обычно около двадцати одинарных листов (как правило, 5—6 дюймов шириной и 8—9 дюймов высотой) склеивали в длинный свиток, на котором можно было написать в несколько колонок довольно большой текст или документ. В

Египетские перья для письма
из тростника и бронзы

таком виде папирус стал удобным стандартизированным предметом торговли. Средняя длина папирусных свитков во времена Греции и Рима составляла примерно 25—30 футов — такого свитка хватало как раз на один из самых коротких диалогов Платона или одно из Евангелий. Но некоторые из древних египетских свитков, как, например, один великолепный экземпляр «Книги мертвых», были намного длиннее. Папирус «Харрис I» в Британском музее, найденный в одной из фиванских гробниц, является самым длинным из существующих. Когда он был развернут, то оказалось, что длина его составляет 133 фута, а ширина — $16\frac{3}{4}$ дюйма. Предполагают, что во времена Византии в Константинополе хранились свитки длиной до 150 футов, на которых умещалась вся «Илиада» или «Одиссея».

Нам неизвестно, когда искусство письма на папирусе было освоено греками. Есть вероятность того, что этот египетский материал попал к ним одновременно с финикийским алфавитом. В самом деле, если судить по термину *byblos* (греческое слово, означающее «папирус»), греки впервые привезли этот товар из финикийско-сирийского порта Гебала (Библа), название которого у них ассоциировалось со словом «бумага». В то же время греческое название книги — *diphthé-*

га, которое означает «кожа», — свидетельствует о том, что сначала для письма использовались шкуры животных. Однако уже во времена Геродота, в век Перикла (V в. до н. э.) папирус стал настолько обычной канцелярской принадлежностью, что историк повествует о случае из прошлого ионийцев, когда из-за нехватки папируса люди вынуждены были использовать для письма шкуры животных, что делали в его время только «варвары». В течение всего классического периода и в эпоху эллинизма папирус оставался основным средством распространения произведений греческой литературы. Книги приняли форму свитков, составленных из отдельных листов (*kollémata*). И только постепенно, во времена раннего христианства — этапы, остававшиеся неясными до недавнего времени, — папирус уступил место пергамену, а свитки — современной формы рукописным книгам в виде сложенных листов; эта форма, вероятно, была заимствована у старинных «записных книжек» (*pugillares*), состоявших из нескольких воощенных табличек, скрепленных шнурами или петлями.

Римляне, как и следовало ожидать, скопировали греков. Они называли папирус *charta* или *carta*, и эти термины, как и слово «бумага», вошли в современные европейские языки в виде слов *chart* (географическая карта) и *card* (игральная карта, карточка). Кстати, латинское слово, обозначающее книгу, являет собой столь же красноречивое историческое свидетельство, что и его греческий двойник. Это слово — *liber* — этимологически ведет начало от латинского слова «кора». Как материал для письма кора использовалась почти повсюду; книги из коры были распространены в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, причем сравнительно недавно. Даже североамериканские индейцы, кажется, использовали кору березы для записей. В историческую эпоху, как свидетельствует Ливий, римские архивы применяли для записи также полотно (*libri lintei*). Что касается книг, то ни их форма, ни материал, из которого их делали, не являются чем-то всегда одинаковым. Книга — это всегда книга, но форма книги постоянно меняется. По сути дела, мы только ради удобства не называем книгой граммофонную или магнитофонную запись или текст на микроплёнке, хотя, быть может, они являют собой «книги» будущего.

130 Ко временам цезарей, когда Египет стал частным владением императора, как ранее он принадлежал Птолемеям,

производство папируса и торговля им стали преимущественно государственной монополией и важным источником дохода. Сырье для производства папируса доставлялось все еще исключительно из Египта. Как писал К. Х. Робертс, английский папиролог, «Египет снабжал папирусом всю Римскую империю от Адрианова вала до Евфрата и от истоков Дуная до Первого порога на Ниле. Папирус использовался Иринеем в Галлии так же привычно, как и Оригеном в Александрии» [112, 251]. Как телеграф, радио, газеты и другие средства информации в век электроники, папирус помогал единению цивилизованного мира.

Сбор урожая папируса в Египте эпохи Древнего царства.
Настенная роспись из гробницы в Мемфисе

С ростом утонченности бывших некогда простыми крестьянами воинов Рима появились тонкие и подчас почти неощутимые различия между разными типами или сортами папируса — некоторые из них лъстиво назывались в честь императоров и их жен. Древние египтяне особо ценили священный папирус, выделанный из сердцевины стебля. Они использовали его для религиозных текстов. Знатоки различали почти столько же видов папируса, сколько существует сортов вин, причем каждый обладал особыми достоинствами, цветом, назначением, ценой, а также шириной и длиной. Некоторые из самых лучших сортов папируса поступали из Себеннита, в дельте Нила, а также из Таниса и Саиса; *Carta Thebaica* из Фив, в Верхнем Египте, также имел солидную репутацию [106, 679—680]. Другие сорта назывались по именам их изготовителей. Самый грубый сорт — *emoretica* («бумага для торговцев») — использовался только как оберточная бумага [11, 135].

В целом латинской литературе на папирусе повезло значительно меньше по сравнению с греческой, поскольку латынь никогда не проникала в Египет достаточно глубоко, разве

что в административных целях в период римской оккупации. Поэтому до нас дошло из Египта ничтожное количество латинских папирусов. Как и в большинстве районов Восточного Средиземноморья, греческий язык остался здесь официальным языком и при Римской империи. Римское правление, возможно, было высокомерным и грабительским, но на нем не лежала лицемерная печать *mission civilisatrice*. Даже последние слова Цезаря были произнесены, вероятно, по-гречески.

Предпочтение, которое римляне отдавали папирусу, сохранялось довольно долго. После так называемого падения Рима Кассиодор, римский патриций-христианин, живший в VI в., восхваляет благородное растение: «И вот поднялся лес без ветвей; эти кусты без листьев; этот урожай в водах; это украшение болот» [106, 672—680]. Как наследница Римской империи, церковь продолжала использовать папирус для своих документов и булл вплоть до XI столетия. Последний датированный документ этого рода происходит из канцелярии папы Виктора II и относится к 1057 г. [112, 251].

Латинские документы римских пап, а также поздние имперские и готские тексты из Равенны оставались единственными известными нам папирусами до 1752 г., когда была обнаружена геркуланумская библиотека. Винкельман и другие комментаторы неизменно ссылались на них как на основные источники, тем более что поначалу никто и не подозревал о существовании египетской сокровищницы. Однако с открытием геркуланумских свитков интерес переместился с латинского на греческий. А после 1778 г. Египет стал, по существу, единственным источником греческих папирусов.

В археологических обзорах стало своего рода догмой, что египтологические исследования начались во времена наполеоновской кампании под сенью пирамид («Сорок веков смотрят на вас»⁴). Действительно, Наполеон основал Национальный институт в Каире, и вслед за этим появились великолепные тома «Description de l'Égypte» («Описания Египта»). Одним из счастливых результатов кампании было открытие «Розеттского камня»⁵. Но такие путешественники XVIII в., как граф Сэндвич, Ричард Покок, Джеймс Брюс и граф де Вольней, были такими же деятельными и пытливыми исследователями египетских древностей, как и французы, которые шныряли по долине Нила десятью годами позже под охраной вооруженных завоевателей. Уже были сделаны попытки расшиф-

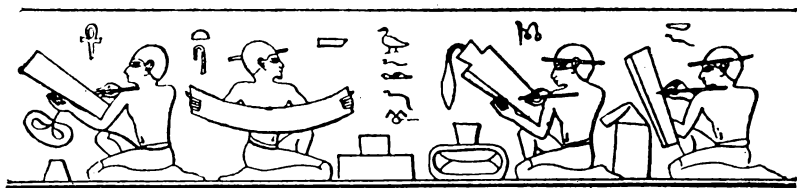
ровать египетские иероглифы, полным ходом шли поиски папирусов. Разумеется, предприятие Наполеона, которое существенно отличалось от предшествующих по организации и финансированию работ, было само по себе свидетельством вновь пробудившегося интереса к древнему Египту.

Нельзя, однако, отрицать, что кампания дала дополнительный импульс, открыв европейский рынок для египетских редкостей — от обелисков до скарабеев, от мумий до папируса. И местные жители, и европейцы начали безжалостные раскопки, наступили золотые дни для всякого рода торговцев и изготовителей подделок — профессий, к тому времени уже процветавших на Ближнем Востоке. Эти люди с привычной и беспринципной легкостью угождали непоследовательным вкусам национальных музеев Европы и богатых коллекционеров, которые, к несчастью, рассматривали папирусы как наименее ценные предметы из своего списка вожаемых древностей. Поэтому с папирусами часто обращались весьма неосторожно. Много свитков, несомненно, закончили свое существование в стеклянных шкафах невежественных частных коллекционеров, чьи скучающие потомки выбросили их или отправили на чердак вместе с акульими зубами, высушенными головами и дряхлым ручным ткацким станком тетешки Джессики.

Мародерство — худший вид археологии — состояло в основном в разграблении древних мумий. Поскольку «оргия грабежей» [79, 8] была направлена на мумии доптолемеевского Египта, большинство папирусов, добытых в течение первых десятилетий XIX в., были написаны египетскими иероглифическими и иератическими письменами, которые, как принято было считать, никогда не поддадутся расшифровке. В этом был твердо убежден Франсуа Жомар, глава французской миссии, вызвавший гнев молодого Шампольона отказом приобрести еще несколько папирусов. Такого рода предубеждения привели к тому, что папирусные свитки не считались ценным источником знаний о древности. Они только удовлетворяли праздное любопытство и, как правило, безнадежно рассеивались по всему свету.

Археологи, сопровождавшие наполеоновскую mission, утверждали, будто они первые осознали тот факт, что египтяне во времена фараонов обладали книгами. Озарение пришло к разносторонне одаренному Доминику Вивану Денону, талантливому рисовальщику, автору любовных стихо-

творений и протее Жозефины. «Я не мог удержаться, чтобы не польстить себе тем, что я первый сделал такое важное открытие, — скромно писал он в своем „Voyage dans la Basse et la Haute Egypte“, — но был в еще большем восторге, когда несколькими часами позже получил еще одно подтверждение своего открытия, став обладателем манускрипта, найденного мною в руке прекрасной мумии... Нужно обладать страстной любознательностью, быть путешественником и коллекционером, чтобы до конца понять всю меру этого

Египетские писцы (роспись из гробницы эпохи Древнего царства) в характерных позах: «Они сидят на земле, рядом стоит ящик для папирусных свитков; полосу папируса, на которой пишут, они держат в левой руке, тростниковое перо — в правой, запасное перо — за ухом» [11, 114]

восторга». Денона при виде этого зрелища охватили мучительные размышления и угрызения совести: «Я чувствовал, что побледнел от волнения; я уже готов был распечь тех, кто, несмотря на мои настоятельные просьбы, нарушил целостность мумии, как вдруг разглядел в ее правой руке, а также под левой рукой папирусный свиток, которого я, быть может, никогда бы не увидел, не потревожь они мумию; мой голос изменил мне; я благословил жадность арабов, а превыше всего — случай, который уготовил мне эту счастливую находку; я не знал, что мне делать с моим сокровищем, и очень боялся, как бы не повредить его; я не осмеливался притронуться к этой книге — самой древнейшей из известных доныне книг; я не решался ни доверить ее кому-нибудь, ни положить ее где-нибудь; всей ваты из моего стеганого одеяла, казалось мне, было недостаточно для того, чтобы сделать для нее достаточно мягкую упаковку. Не излагалась ли в рукописи история этого человека? Не рассказывалось ли в ней о его времени? Может быть, в ней было описано царствование властителя, при котором ему довелось жить? Или в свитке

содержались теологические догмы, молитвы, описание какого-нибудь открытия? Забыв о том, что содержание книг известно мне не более, чем язык, на котором они написаны, я на мгновение вообразил, что держу в своих руках компендий египетской литературы...» [105, II, 247, 248; 81, 48—50].

Нет нужды говорить, что археолог — грабитель могил поневоле — одержал верх над моралистом. В своих путевых заметках Денон не говорит о том, куда он привез свиток, но драгоценная находка вполне могла попасть в Лувр. Можно предполагать, что, когда он пришел в себя после своих сомнений и первоначальных восторженных размышлений и узнал, что свитки, захороненные с мумиями, отнюдь не уникальны, он уступил его какому-нибудь коллекционеру, — такую мысль высказал современный египтолог Джеймс Бэйки. Во всяком случае, нам неизвестно, где он, и мы не можем с уверенностью судить о его содержании, но с большой степенью вероятности можно считать, что свиток являлся одной из версий «Книги мертвых»; в настоящее время мы обладаем большим числом вариантов этой книги.

Когда обычай древних египтян вкладывать папирусные свитки в могилы своих усопших стал общеизвестным, расхищение мумий приняло массовый характер. Эта печальная практика была, вообще говоря, не столь уж новой: феллахи и раньше занимались грабежом могил своих древних предков в поисках так называемого мумиё (смолоподобное вещество, которым пропитаны мумии), долгое время почитавшегося западной медициной панацеей от всех болезней. «Призраки ценности»⁶ были побочным продуктом, заодно прихватываемым феллахами с иссохших трупов.

Удача Денона явилась своего рода прецедентом, поскольку в Европе спрос на такого рода редкости возростал день ото дня. Двадцатью годами позже на сцене появились итальянские авантюристы: Пассалаква, Дроветти и неподражаемый Бельцони. Этим самоуверенным джентльменам не было свойственно уважение к останкам людей, умерших три с лишним тысячи лет назад. Они действовали с апломбом кондотьеров, осаждая свои «археологические крепости» или беря друг друга на мушку пистолета на манер необузданных пионеров американского Запада. Их деятельность включала систематическое и безжалостное ограбление фиванского некрополя.

Джованни Бельцони, наиболее симпатичный из этой компании, откровенно говорил, что все его внимание было сосре-

доточено на извлечении погребальных свитков: «Целью моих поисков было лишение египтян их папирусов; некоторые из их числа я находил спрятанными в груди мумий, под руками, между ногами выше колен, на ногах; свитки были закрыты многочисленными слоями ткани, в которую были завернуты мумии». Деятельный падуанец описывает свои зловещие действия с откровенностью, лишенной какой-либо сентиментальности: «Почти лишившись сил, я стал искать место, чтобы отдохнуть, и, найдя его, попытался сесть; но когда я оперся на тело какого-то египтянина, оно развалилось подо мной, как картонка для шляп; естественно, я попытался опереться на что-нибудь, чтобы поддержать себя, но опора для рук оказалась столь же ненадежной, так что я окончательно провалился и оказался среди разламывающихся мумий, сопровождаемый треском костей, рвущихся тряпок, деревянных ящиков, которые подняли такую пыль, что я вынужден был с четверть часа сидеть неподвижно, пока она не осела». Он продвигается дальше по проходу: «Он был весь забит мумиями, и я не мог сделать и шага, чтобы не уткнуться лицом в какого-нибудь истлевшего египтянина; так как проход был с небольшим уклоном, мой вес помогал мне (он был когда-то силачом в цирке, росту в нем было 6 футов и 6 дюймов); тем не менее я был весь засыпан костями, ногами, руками и черепами, скатывавшимися на меня сверху. Так я продвигался от одной пещеры к другой, и все они были доверху заполнены мумиями, нагроможденными самыми разными способами: некоторые стояли на ногах, некоторые лежали, а другие стояли на голове. Я не мог сделать и шага, чтобы не повредить так или иначе какую-нибудь мумию...» [93, 157—158].

Обладай какой-нибудь изощренный мастер голливудских фильмов ужаса самым богатым воображением, он вряд ли смог бы превзойти этот сценарий. При этом следует иметь в виду, что «Бельзони был светлым ангелом по сравнению с некоторыми из его конкурентов, местных и иностранных» [79, 13]. Учитывая, что магические погребальные свитки должны были облегчить мертвым египтянам переход в другой мир, нельзя не увидеть в этом мрачную иронию: как и пирамиды, свитки способствовали привлечению грабителей, обиравших прах их владельцев.

Когда улеглась пыль, поднятая этими дьявольскими набегами на египетские некрополи, почти никто уже не помнил,

что первый известный на Западе египетский папирус был написан на греческом. Довольно долго непрочитанные иероглифические свитки фиванских мумий занимали умы ученых, но несколько разрозненных находок греческих текстов, если они вообще были идентифицированы как греческие, в начале XIX в. почти не привлекали внимания. Даже такой выдающийся историк эпохи эллинизма, как немецкий ученый Иоганн Густав Дройзен, проявлявший постоянный интерес к папирусам, не смог распознать греческую скоропись на нескольких документах, доставленных в Берлин (он решил, что они написаны на арабском!). Кроме того, преимущественно юридическое и административное содержание известных греческих папирусов поколебало надежды исследователей классической литературы.

В 1809 г. французский священник, аббат Делиль, написал поэму, в которой были следующие стихи: «D'Homere et de Platon, durant les premieres âges/Le papyrus du Nil conservait les ouvrages» («От Гомера до Платона, на протяжении первых веков папирус Нила сохранил эти труды») [171, 96]. Конечно, это была всего лишь поэтическая вольность. Насколько известно, еще никто к тому времени и в глаза не видел греческого классического папируса. Но тем не менее Делиль, поэт меньшего масштаба по сравнению с Уордсвортом, превзошел его как пророк.

В июне 1821 г. англичанин Уильям Джон Бэнкс посетил остров Элефантину на Ниле, в Южном Египте, близ Асуана. Остров уже в те времена был важным центром торговли древностями, и здесь вместе со своим итальянским другом Бэнкс приобрел у торговца ныне прославленный свиток, содержащий выполненную прекрасным письмом II в. н. э. копию семисот стихов из последней (24-й) книги «Илиады». Этот ценнейший манускрипт был приобретен у семьи Бэнксов Британским музеем в 1879 г. Он был почти на тысячу лет старше, чем самая старая из известных в то время копий, но, как оказалось, это была первая ласточка из большого количества гомеровских текстов, которые, к неудовольствию ученых последующих поколений, составили значительную часть всех греческих папирусов. Копий «Илиады» было намного больше, чем копий, очевидно, менее популярной «Одиссеи». Тем не менее в 1820-х годах Гомер Бэнкса был сокровищем, и он оставался редкостью до нового расцвета папирологии, который наступил через полстолетия.

В сущности, все свитки, которые были обнаружены в первой половине XIX в., представляли собой нелитературные документы, относящиеся к повседневным делам. Среди них выделялись бумаги II в. до н. э. из Серапеума, близ Мемфиса, выкопанные феллахами в 1820 г., в которых содержались записи, касающиеся двух сестер-жриц. Эти записи послужили источником для нескольких романов, один из которых был написан французом Брассёром де Бурбур, с которым мы еще встретимся на страницах этой книги.

В целом археологи, теперь появившиеся на сцене, стремились к более значительным объектам: пирамидам, скульптурам, могилам и дорогим *objets d'art*. Поэтому до нас не дошло почти никаких сведений о месте и обстоятельствах обнаружения манускриптов. Более того, стало обычным делом разделять манускрипт на части для увеличения дохода, и части одного и того же свитка рассеивались, подобно умерщвленному Озирису, по всему свету в ущерб научным исследованиям. Затем к середине прошлого века стали появляться все новые и новые папирусы, по крайней мере время от времени. Новые надежды возникли после появления утерянных речей Гиперида⁷, современника Демосфена; фрагмента из спартанского барда Алкмана⁸, приобретенного в 1855 г. Огюстом Мариэттом для Лувра, и, наконец, папируса, получившего впоследствии название «папируса пророчеств» и попавшего в конце концов в Берлин. В нем содержался каталог работ Аристотеля, среди которых упоминалась утерянная «Афинская полития». Впрочем, последняя была открыта пятнадцатью годами позже.

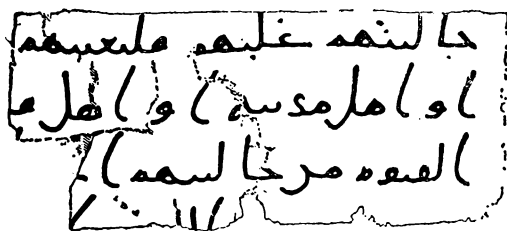
Выдающиеся папирологи, такие, как А. С. Хант и Фредерик Кеньон, датируют новую эру 1877 г., точно на сто лет позже открытия *Carta Borgiana*. Именно тогда, как писал Хант в 1912 г., «были осознаны громадные возможности Египта в этом направлении... и поток, которому тогда было положено начало, с тех пор не прерывался» [132, 81—82]. Эта столь изящная хронологическая линия раздела соответствует открытию в 1877 г. Файюма как источника папирусов. Количество папирусов, затопивших каирский рынок древностей, было просто ошеломляющим. Представители европейских научных организаций страстно боролись за право купить их, но большая часть через одного австрийского торговца попала в частную коллекцию эрцгерцога Райнера Габсбургского, который в 1884 г. поместил их в свой музей в Вене.

Впоследствии эрцгерцог неоднократно пополнял свою коллекцию, и в 1899 г., когда она была передана Императорской Венской библиотеке, в ней насчитывалось около ста тысяч папирусов разной длины — от небольших клочков до солидных свитков. Большинство из них, однако, находились в плачевном состоянии. Почти все папирусы, включая и те, которые были приобретены другими научными учреждениями, представляли из себя документы, т. е. нелитературные тексты: счета, расписки, контракты, разного рода официальные распоряжения, завещания, договоры об аренде, школьные сборники упражнений, гороскопы, письма, записки и т. д. Целые вазы рукописей по содержанию касались исключительно домашних мелочей. Большая часть папирусов относилась к позднему, византийскому периоду, значительное количество было написано уже после победы ислама. Почти треть венских папирусов — вероятно, самая ценная часть коллекции — была написана на арабском языке. Довольно много папирусов было на коптском. Хотя диапазон проблем, охватываемых папирусами, был впечатляющим, ученые того времени уделяли мало внимания социальной и экономической истории древнего мира. Папирусы ценились прежде всего по их литературному содержанию, которое в данном случае расценивалось как весьма посредственное. Кроме того, большое количество и плохое состояние документов превращали сортировку и изучение их в трудоемкое и длительное занятие.

Происхождение папирусов явилось предметом споров среди экспертов. Было известно, что Файюм, в котором, вероятно, была сделана находка 1778 г., дал миру и эти папирусы, но точное местонахождение и обстоятельства, способствовавшие их сохранности, не были известны. Хранитель коллекции Райнера был убежден, что все они были извлечены из недавно открытого древнего архива столицы округа Мединет-эль-Файюм — древней Арсиной, или Крокодилополиса. Однако он был введен в заблуждение относительным единообразием первого венского приобретения, которое, как было позже установлено, действительно происходило из одного источника. Но и при этом условии состояние материалов — беспорядочность, фрагментарность, изорванность, — так же как неофициальный, частный характер и их диапазон, охватывающий несколько столетий (некоторые из них относились к X в. н. э.), бросало тень сомнения на их предполагаемое происхождение. Статья хранителя, опубликованная в Вене, была быстро опро-

вергнута блестящим молодым немецким египтологом Адольфом Эрманом [109, 585—589].

Эрман довольно смело предположил, что все эти документы были найдены в громадных кучах мусора (koms), тянувшихся на целые мили по всему Файюму, да и по большей части остальной территории Египта. Драгоценные документы бесцеремонно выбрасывались заодно со всяким хламом, образуя последовательно чередующиеся слои в этих своеобразных

Арабский документ на папирусе

египетских свалках. К счастью, египтяне не были склонны к сжиганию своих бумаг и мусора. Они оставляли за собой рукотворные холмы, подобные кучам кухонных отходов доисторических поселений. Местные феллахи всегда использовали их как источники богатых солями азотной кислоты удобрений — себах. Нет нужды говорить, сколько бесценных сокровищ было уничтожено вследствие этого. Некоторые палеографы тем не менее продолжали поддерживать тезис об архивном происхождении документов, и они не были так уж не правы: найденные документы вполне могли включать выброшенные за ненадобностью архивы.

Литературные приобретения пока что были намного скуднее, если не считать частей утраченной «Гекалы», идиллического эпоса Каллимаха⁹, изданного Теодором Гомперцем. Но феллахи узнали о ненасытном аппетите европейцев на этот «хлам», и с этого момента этим клочкам бумаги уже не грозило полное уничтожение. Тем не менее неосторожное обращение и явная небрежность вели к тому, что разрушалось больше документов, нежели было когда-либо спасено. И чаще всего никто не записывал, где были найдены те или иные документы и где могли находиться другие части доку-

ментов, что позволило бы воссоединить их. И только со временем к экспертам, в том числе и археологам, пришло понимание того, что нельзя оставлять дело поиска папирусов в руках случайных и невежественных людей. Это положение должно было, однако, измениться, когда У. М. Флиндерс Петри раскинул свою палатку в Файюме в конце 80-х годов прошлого века. Ему предстояло первому начать разыскивать папирусы по всем правилам науки и суждено было открыть еще один источник древних манускриптов. С него начался героический век открытий папирусов.

VI

О чем рассказали саркофаги. Флиндерс Петри в Файюме

Умение консервировать материал... подметить любой мелкий факт; заметить пустяковую деталь, которая может таить в себе большой смысл; воспринять и развить логическую схему; расставить все по своим местам, не упустив ни одного вероятного решения,— все это и есть суть и душа работы, без этого раскопки — тяжелый и бессмысленный труд.

У. М. Флиндерс Петри [165, 5]

Файюм, в котором Флиндерс Петри работал с 1887 по 1890 г., был тогда весьма заброшенным районом Египта. С точки зрения археологии он оставался ничейной землей до тех пор, пока молодой английский археолог не познакомил мир с прошлым Файюма, ставшего благодаря ему главным источником греко-римских папирусов.

Не входя в бассейн Нила, Файюм тем не менее традиционно считался египетской провинцией и интенсивно возделывался в течение почти всей истории страны. По сути дела, он представляет собой обширный оазис (и одновременно глубокую впадину) в Ливийской пустыне, милях в пятидесяти к юго-западу от Каира. Через узкий проход в холмистой гряде, окаймляющей его, он соединяется с Нилом, которому, как и весь Египет, он обязан своим плодородием. В отдаленные времена Файюм был, вероятно, занят большим водным массивом — Меридовым озером, которое постепенно уменьшалось в размерах. Задолго до образования династического

никами, рыбаками и земледельцами, культура которых имела существенные черты сходства с мезолитической и неолитической культурой североафриканской Сахары. Они принадлежали к длинноголовой средиземноморской расе и вместе с родственными племенами западной дельты Нила вполне могли дать решающий толчок, вызвавший к жизни египетскую цивилизацию.

На предварительном этапе работ Петри предстояло доказать, что особое внимание Файюму было уделено фараонами XII династии Среднего царства (2000—1780 гг. до н. э.). Именно эти «фараоны-инженеры», величайшим из которых был Аменемхет III, возвели грандиозные плотины, чтобы сдерживать озеро, поднять плодородие земель и направить воды нильского разлива в оросительные каналы. Некоторые из фараонов перенесли в этот район свою столицу и построили много пирамид в таких соседних поселениях, как Гавара, Кахун и Иллахун (Эль-Лахун) — места первых археологических удач Петри. Когда более чем через тысячу лет Файюм посетил Геродот, над озером все еще возвышались колоссальные статуи, воздвигнутые Аменемхетом III: греческий путешественник был восхищен также «Лабиринтом» — гигантским храмом, размерами превосходящим храм в Луксоре; все это теперь бесследно исчезло. В равной степени Геродот был очарован местным культом — поклонением священным крокодилам, обитавшим в Меридовом озере и олицетворявшим главное божество Файюма — рептилию Собк (Себек, или Сухос).

После Геродота по следам Александра пришли греко-македонские завоеватели, и под управлением основанной ими иноземной династии Файюм пережил новую полосу экспансии и расцвета. С намного большим размахом были возобновлены работы по восстановлению плодородия земель, македонские ветераны и другие эллинизированные пришельцы освоили новые земли и построили около сотни новых городов, носивших знакомые, звучащие по-гречески названия, такие, как Филадельфия, Теадельфия, Евгемерия, Дионисий и Вакхий. Несомненно, Файюм пришелся поселенцам по вкусу. Здесь монотонное однообразие пустынного ландшафта и прибрежной нильской равнины нарушалось холмами с зелеными лощинами и изредка встречавшимися водопадами. Пышно росла олива и плодоносил виноград, так же как в Аттике или Фессалии. Однако столетия спустя, когда порядок, установ-

ленный пришельцами, рухнул, Файюм был предан забвению; оросительные каналы не ремонтировались, и пустыня поглотила большую часть плодородной земли; когда-то процветающие греческие поселения превратились в города-призраки.

Когда Флиндерс Петри начал свои первые раскопки в Файюме, связь с Каиром была плохой, а жизни и имуществу путников угрожали банды грабителей-бедуинов. Как это уже стало обычным для позорной практики управляемой французами египетской Службы древностей (*Service des Antiquités*), многообещающие с точки зрения археологии участки были отданы на откуп торговцам *antikas* (древностями) или *sebakh* (удобрениями), которые с разрешения или без такового в поисках удобрений рылись с незапамятных времен в кучах мусора заброшенных городов. Это были те самые люди, которые извлекли на свет божий большинство из папирусов, переправленных в Европу после открытия столетием раньше *Carta Borgiana*.

Петри, ставший выдающейся фигурой в египтологии XIX в., прибыл в Египет в 1881 г., не имея ни малейшего намерения производить раскопки. Он вообще не собирался посвящать свою жизнь археологии. Однако, будучи занят изучением конструкции пирамид и тщательными их обмерами, он стал свидетелем раскопок, производимых французами у пирамид в Гизе. Недалеко от Сфинкса он увидел команду солдат, взрывавших согласно данному им приказу гранитные руины древнего храма, — уничтожать было легче, чем восстанавливать. Запущенность и варварское отношение к древностям настолько потрясли его, что он испугался: не исчезнет ли большинство из них на протяжении нескольких поколений? «Год работы в Египте, — писал он впоследствии, — вызвал у меня ощущение, что я нахожусь в доме, охваченном огнем, — настолько быстро шло разрушение» [166, 19]. Именно там и тогда он решил выступить в роли «спасителя».

И более всего Петри хотел бы видеть спасенными небольшие, кажущиеся незначительными предметы и вещи, без которых было почти невозможно воссоздать жизнь и цивилизацию на Ниле на протяжении трех или четырех тысячелетий, предшествующих рождению Христа. «Вполне возможно, — предупреждал он археологов-неофитов, предвкушавших немедленное вознаграждение своих усилий, — что в иных местах вам попадется пустык, не стоящий на рынке древностей и 6 пенсов; однако сами стены, планировка, глиняные

черепки и результаты обмеров могут принести именно те сведения, о которых уже годами мечтают историки» [166, 36]. Была отчаянная потребность в какой-то методике поисков, в дотошной технике раскопок. По мнению Петри, сито было куда более подходящим инструментом по сравнению с лопатой, и такое прозрение делает его Коперником современной археологии.

Петри был выдающейся личностью даже среди других знаменитостей викторианской эпохи. Рядом с ним, никогда не обучавшимся в высших учебных заведениях, напыщенные обладатели университетских степеней выглядели дилетантами; со временем он получил почетные титулы от дюжин академий и был назначен руководителем первой в Англии кафедры египтологии при Лондонском университете. Он отличался исключительной независимостью суждений, но явно не был склонен к общению с чиновничьим племенем и нередко отпускал ядовитые замечания, которые, разумеется, достигали ушей его коллег. К сожалению, ему явно не хватало официальной поддержки, которая в лучшем случае была эпизодической. Всем тем, что ему удалось достичь, он был обязан своему исключительному аскетизму и суровой экономии. Его первый проект — изучение пирамид — по всем расчетам должен был стоить как минимум 1300 фунтов; он обошелся ему в 300 фунтов. Он почти ничего не тратил на себя, питался и спал в таких условиях, которые наверняка посрамили бы первых христианских отшельников египетской пустыни.

Чарлз Брэстед, сын американского египтолога, вспоминал о своем посещении вместе с отцом одного из объектов раскопок в Египте. Там они встретили Петри, которому тогда был сорок один год, «человека с веселым лицом, добрыми глазами и мальчишеской живостью. Его одежда вполне соответствовала ходившей по всему свету молве о нем — настолько она была не то что небрежна, а нарочито неряшлива и грязна. Он был совершенно неопрятен, одет в грязные, все в лохмотьях рубашку и брюки и изорванные вконец сандалии на босу ногу. Одной из его многочисленных причуд была потребность в том, чтобы его помощники стремились превзойти его собственную небрежность и чтобы он мог гордиться тем, как он сам и его люди могут „плевать на трудности“ в полевых условиях. Он держал их на такой жестокой диете, что выдержать ее могли только люди с железным здоровьем; но и о

них было известно, что время от времени они тайком покидали лагерь, дабы утолить голод, разделив с местными феллахами их пресный хлеб и бобы — пищу изысканную по сравнению с их собственной» [94, 75].

Хотя Петри редко удавалось получить разрешение на раскопки наиболее ценных объектов, именно он в той или иной мере является основоположником науки о египетских древностях. Возможно, он доставил директорам музеев сравнительно немного предметов, представляющих для них интерес,

Погребальный портрет из Гавары.
Вошенная доска

но зато он вписал совершенно новые главы в рассказ о прошлом людей, обитавших в долине Нила, пролив свет на все периоды, начиная с неолита и двух первых династий, считавшихся некогда мифическими, до римской и византийской эпох.

Первые значительные раскопки из его «семидесяти лет в археологии» Петри предпринял зимой 1883/84 г. в Танисе, в восточной части дельты Нила, и именно тогда он впервые соприкоснулся с папирусами. Даже сегодня трудно поверить в то, что в этом сравнительно влажном районе Египта могли сохраниться какие-либо документы. Но Петри всегда был готов к неожиданностям, и когда в одном из разрушенных зданий он наткнулся на кучу мусора, то не поленился нагнуться, чтобы взглянуть на нее повнимательнее. Перед его удивленным взором предстало какое-то письмо, написанное «изысканными греческими буквами», однако так же внезапно, как эти буквы появились, они и исчезли при самом легком

прикосновении. Здание, которое он обследовал, носило на себе следы пожара. И снова разрушение привело к сохранению, так как в погребе Петри обнаружил обгоревшие остатки «корзины, полной знаний». «В нише под лестницей, ведущей в погреб, было пять корзин со старыми папирусами. Хотя многие из них полностью погибли от огня, превратившись в белый пепел, содержимое одной корзины было только обуглено; осторожно подкопав землю под драгоценной черной массой, я поднял ее наверх и со страхом и благоговейной радостью отнес домой. Десять часов ушло на то, чтобы благополучно отделить рукописи друг от друга — скрученные, сдавленные, вмятые одна в другую и все такие хрупкие, какими могут быть только обгоревшие папирусы; одно движение или одно резкое прикосновение — и рукопись погублена. В конце концов мне удалось отделить более ста пятидесяти документов; теперь, тщательно обернутые по одному и положенные в жестяные коробки, они благополучно отправились в путь... Немного больше воздуха при горении, немного меньше осторожности при раскопках, обработке, упаковке и распаковке — и этих документов не стало бы. Конечно, при обычной системе, когда организация раскопок возлагается на надсмотрщиков-арабов, от подобных находок не остается и следа» [167, 33—35].

Это было типично для Петри — работать с величайшей осторожностью, почти не полагаясь на помощь наемных работников и на ходу создавая методы консервации. Тексты оказались весьма ценными, хотя из числа написанных на греческом лишь немногие имели какое-нибудь значение. Они датировались довольно поздним временем. Но среди египетских папирусов был каталог иероглифических символов и соответствующих им иератических, или скорописных, знаков, размещенных параллельными колонками. Документ, по-видимому, был пособием для обучения системам египетского письма. Это был первый найденный документ такого рода, и он оказался для филологов просто бесценным. Другой обуглившийся папирус пролил свет на древние географические концепции египтян и на административное деление страны на номы.

Петри не был сколько-нибудь обескуражен, когда в начале 1887 г. Служба древностей предложила ему обследовать Файюм. Правда, археологи считали, что Файюм не оправдает затрат; вот уже двадцать пять лет ни один из археоло-

гов не отваживался ехать туда. Но что касается Петри, то он, хотя ему и приходилось ранее испытывать разочарование, всегда усматривал в новом объекте вызов и открывающуюся благоприятную возможность; и действительно, отсутствие романтического ореола и неизученность этого района еще более содействовали успеху Петри. Однако, когда он уже готовился к отъезду, удовлетворение, которое он испытывал, «было несколько отравлено известием о том, что один из наиболее хитрых арабских торговцев укатил в Файюм с разрешением на раскопки...» [166, 81].

Главной целью Петри в Файюме были пирамиды. В отличие от лучше сохранившихся пирамид в Гизе об этих решительно ничего не было известно. До сих пор не было принято ни одной попытки узнать, когда они были построены и кем. Помогут ли ему эти пирамиды — для Петри всегда излюбленные памятники Египта — приподнять завесу, окутывающую Файюм?

Ему не понадобилось много времени, чтобы опознать в пирамидах постройки XII династии. А его раскопки пирамиды Аменхета III и определение местоположения погребальной камеры — образец высшего искусства и изобретательности в египтологии. Он начал с Мединет-эль-Файюма (древнего Крокодилополиса), в котором обследовал остатки древнего храма; затем он перебрался в Гавару. Здесь его внимание также было сосредоточено главным образом на местных пирамидах, но он обнаружил и другой, «менее всего ожидаемый... источник интересных данных» — прославленные теперь портреты умерших, выполненные на воске на крышках саркофагов с мумиями. Вместе с фресками Геркуланума и Помпей эти портреты являются наиболее живыми и выразительными произведениями греко-римской живописи из тех, которыми мы обладаем. Местное кладбище, казалось, представляло собой неиссякаемый источник вошедших панелей: иногда в течение двадцати четырех часов на свет появлялось до пяти портретов.

Однажды, когда местный мальчик только что сообщил о находке очередного портрета, прибыла группа посетителей. Сообщения Петри в лондонские журналы о ходе работ сделали его исследования достоянием гласности. Уже в течение первого десятилетия его долгой карьеры он стал среди своих коллег-археологов живой легендой. Они изучали его методы исследования так же, как и его открытия, они убеждали его

распространить свои теории на эволюцию и взаимосвязи всего древнего Ближнего Востока. Группа, прибывшая в этот день в лагерь, расположенный в пустыне, состояла из трех выдающихся немцев: «Шлиман, невысокий, круглоголовый, круглолицый, в круглой шляпе, с круглыми вытарашенными глазами в очках, бодрейший человек, педантичный, но всегда склоняющий голову перед фактами. Вирхов, спокойный человек с привлекательным лицом и прекрасной седой бородой, который, однако, пытался интриговать в Каире по поводу

ΩΝ ΓΛΩΣΣΑ ΤΟ ΥΣΤΕΡ Ο ΣΑΝΗΡ ΣΗΜΑΙΝΕΤΩ ΕΙΣ Ω ΚΟΣΙΝ ΣΑΙΕΝΟ

Фрагмент списка «Илиады» II в. н. э., выполненного унциальным письмом того же типа, что и письмо «Папируса Петри» из Гавары, очевидно, превосходящее стиль библейских кодексов IV в. на веллуме, особенно «Ватиканского» и «Синайского»

моей работы. Швейнфурт (этнолог)...» [166, 81]. Все трое проявили живейший интерес к работе англичанина, но Шлимана Петри по случайному стечению обстоятельств мог порадовать особого рода находкой.

Она была сделана при необычных обстоятельствах, когда Петри раскапывал греко-римское кладбище в Гаваре. Это была мумия молодой девушки, чья голова покоилась на греческом свитке, написанном превосходным унциальным письмом II в. н. э. Папирус содержал значительную часть второй книги «Илиады». Более достойным удивления, чем сам текст, снабженный примечаниями, который в действительности дал мало что нового гомеровской текстологии, было место, где находился свиток. Арчибальд Генри Сейс, оксфордский ориенталист и основатель хеттологии, которого Петри уполномочил опубликовать все найденные им рукописи, был уверен, что свиток отражает тонкий литературный вкус мумифицированной предшественницы теннисоновской принцессы. В приложении к отчету Петри «Гавара, Биакхму и Арсиноя» (1889) он писал, дав некоторую волю фантазии: «Свиток был погребен вместе с леди, чьей собственностью он являлся. Череп

мумии принадлежал юной и привлекательной особе, явно относящейся к греческому типу, с чертами лица одновременно изящными, точеными и интеллигентными... Череп и папирус сейчас находятся в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета вместе с локоном черных волос неведомой Ипатии (череп позже был передан Южно-Кенсингтонскому музею)» [163, 24].

Скорее всего греческая красавица ни разу не прочла этот свиток. Погребение греческих рукописей вместе с мумиями имело вовсе не такой рациональный смысл. Вероятно, греческие поселенцы в Египте просто переняли, еле улавливая суть, что обычно бывает при заимствовании ритуалов, древний египетский обычай снабжать умерших копией «Книги мертвых», но содержание текста к этому времени для них уже не имело значения. В противном случае, как заметил один современный папиролог, «самой наивной нашей доверчивости трудно было бы допустить, что хоть кто-нибудь мог выбрать в качестве спутника в загробную жизнь речь Исократы „Против Никократа“, которая была найдена между ног одной из мумий» [175, 253]. Ученых часто удивляло, почему в явно неразграбленных саркофагах находили лишь части свитков, и должно было пройти немало времени после раскопок Петри в Файюме, прежде чем они поняли, что эти фрагменты, точно так же как и целые свитки — безотносительно к их содержанию, могли служить целям погребального ритуала.

Что бы ни означал этот обычай, был открыт фактически неисчерпаемый источник греческих папирусов, и со временем другие могилы должны были также явить первоклассные образцы. Свиток с «Илиадой» был наиболее эффектным из папирусов, найденных в Гаваре. Сейс упоминает примерно о четырехстах пятидесяти фрагментах, в большинстве своем являвшихся различными актами, списками налогоплательщиков и другими юридическими документами. Многие из них были просто-напросто занесены в этот район движущимися песками. Петри и его сотрудники высказывали предположение, что эти разнообразные документы являлись частью какого-то общественного архива, в течение веков развеянного ветром и погребенного в пустыне, но гораздо более вероятно, что они попали сюда просто из соседних куч мусора. Даже Петри все еще не воспринимал залежи мусора как сокровищницы папирусов.

В Гаваре были найдены по крайней мере два необычных литературных фрагмента, часть неизвестного исторического труда о Сицилии. Любопытна не столько содержанием, сколько способом своего захоронения серия византийских папирусов, датированных 512 или 513 г. и имеющих отношение к продаже двух монастырей. Они были тщательно свернуты, связаны вместе и помещены в кувшин, точно так же как свитки Мертвого моря и другие многочисленные документы древности. Папирусы Гавары убедительно доказали, что Файюм богат древними документами. В дополнение к этому они дали новую информацию о различных путях, какими подобные тексты могли сохраняться: главным образом в заброшенных зданиях, в могилах вместе с мумиями, в глиняных сосудах и просто в песке. Но этим, как мы еще увидим, далеко не исчерпывались все их потенциальные источники.

В следующем сезоне, 1889/90 г., Петри сосредоточил свою деятельность в Гуробе, вблизи от восточного прохода в Файюм. Именно здесь его ожидала самая богатая находка, открывшая новую эру в поисках папирусов и положившая начало новой науке — папирологии.

Еще работая в Гаваре, Петри заинтересовался Гуробом, когда местные жители принесли ему оттуда бусы и украшения. Он сразу почувствовал, что разрушенный город таит в себе много интересного, так как во времена XVIII династии (1480—1200 гг. до н. э.)¹ он поддерживал тесные связи с чужеземцами из Восточного Средиземноморья. В оправдание своих надежд он нашел финикийскую «Венеру» и деревянную фигуру хеттского арфиста, но наибольшее впечатление на него произвело большое количество ваз, которые он, выдвинув смелую гипотезу, назвал эгейскими. Открытия Эванса в Кноссе десятью годами позже подтвердили правоту Петри. Летопись контактов между Грецией, Критом и Египтом в один миг была продлена в прошлое более чем на тысячу лет. Появилась возможность датировать Критскую цивилизацию путем сравнения ее памятников с эгейскими (или «минойскими») предметами искусства из Египта эпохи Среднего и Нового царств. Уже одно это явилось вехой в археологии Ближнего Востока и выявляло новое звено в хронологии незафиксированных во времени цивилизаций. Петри в своем отчете о раскопках впервые ввел ныне полностью признанный термин «эгейский». Однако, как он вынужден был со свойственным ему сарказмом отметить в своей автобиографии,

«несколькими годами позже Рейнак и Эванс спорили друг с другом, кто из них первым употребил термин „эгейский“...» [166, 101].

Не без сожаления Петри перешел наконец из погребенного под песком древнего египетского города к соседнему поселению птолемеевской эпохи с его обширным кладбищем, расположенному в северной части Гуроба. Однако, каким бы незначительным оно ни казалось, пренебречь им было нельзя

Четыре рисунка, демонстрирующие эволюцию украшений мумий в эллинистическом и римском Египте. Чисто египетский стиль птолемеевской эпохи постепенно уступает место смешанному; в конечном счете, на мумии появляется портрет

из-за поставленной задачи исчерпывающего археологического обследования данного района. Первая проверка подтвердила пессимистические настроения Петри. Остатки материальной культуры не шли ни в какое сравнение с таковыми эпохи фараонов. Упадок был очевиден даже в том, как при Птолемах хоронили мертвых, которые были погребены на краю пустыни. «Их мумии, — писал Петри в своих заметках, — лишены амулетов или украшений, все они превратились в черную пыль, их картонажи (картонные футляры) чрезвычайно условны и неинтересны, не имеют имен, а гробы их чудовищно примитивны; лишь некоторые из них поднимаются до гротеска, другие же таковы, что их устыдился бы житель тихоокеанских островов. Вместо носов — длинный треугольный выступ, глаза обозначены двумя зарубками в

доске, рот — третьей. У некоторых нос не выделяется над поверхностью доски; у других глаза раскрашены белой и черной краской в ужасной попытке хоть как-нибудь украсить саркофаг. Внутри этих чрезвычайно грубых ящиков находились изящные по сравнению с ними картонажи». Однако тут же, вслед за этими удручающими словами, Петри добавляет: «Но то, что было никчемным во времена Филадельфа, сейчас — сокровище» [167, 135].

Когда Петри обследовал картонажи, или футляры для мумий, он подлинным чутьем исследователя заметил, что они образованы не слоями ткани, как во времена фараонов, а листами папируса, некоторые из которых хранили на себе следы текста. С этого момента начинается история Золушки. Эти захудалые безымянные покойники одарили мир самыми древними из известных до сих пор греческими рукописями.

Профессор Сейс, которому Петри вновь поручил их издание, был весьма взволнован. Откопанные классические папирусы, по его словам, были «такого почтенного возраста, о котором самый оптимистически настроенный ученый не осмеливался и мечтать» [164, 34].

Картонажи долгое время использовались в качестве внутреннего футляра для мумий. Греческие поселенцы в этой погребальной практике вновь скопировали египтян, но они — с большой пользой для нас — упростили этот процесс. Вместо того чтобы обертывать мумии полотном, они использовали для этой цели выброшенные за ненадобностью листы папируса, которые смачивались и плотно прикладывались к голове, ногам, груди, плечам мумии. Поверх мокрых листов накладывался толстый слой штукатурки, которая затем окрашивалась более или менее яркой краской. Вначале листы папируса склеивались друг с другом, но, к счастью, от этой практики позже отказались. Дело в том, что без клея мумии оказались более долговечными, так как клей привлекал насекомых и они поедали склеенный папирус слой за слоем, оставляя после себя только штукатурку.

Петри смог отделить картонажи от тридцати мумий. К счастью, большинство папирусов из Гуроба были без клея, но состояние их было ужасным. Удивительным само по себе было уже то, что некоторые из них после двухтысячелетнего пребывания в могиле вообще смогли пережить то обращение, которому они подверглись. В тех местах, где папирус был

обращен текстом к штукатурке, буквы исчезали под химическим воздействием извести.

Откуда появились эти папирусы? Их физическое состояние подсказывало ответ. Прежде всего большинство документов были фрагментами разных текстов, и приобретались они древним гробовщиком, по-видимому, как мусор. Возможно, этим материалом его регулярно снабжал мусорщик, собиравший их в разных местах. Часто футляр одной мумии или даже нескольких мумий был сделан из обрывков одного и того же текста, которые можно было сложить вместе [164, 34]. В одном случае, например, эти фрагменты оказались частными и официальными бумагами колониста, из которых удалось восстановить его карьеру. В отдельных случаях длинный документ шел в дело целиком, особенно когда его использовали для того или иного более ровного участка тела. Затем, если улыбнется счастье, «его можно было извлечь в таком виде, как будто более чем двухтысячелетнее погребение не нанесло ему ни малейшего вреда» [165, 28].

Когда все папирусные саваны были собраны, Петри посвятил себя задаче распрямления затвердевших кусков — делу отнюдь не легкому, которое не всегда заканчивалось удачей. Так же как и со свитками Геркуланума, пришлось много экспериментировать. Петри главным образом рассчитывал на смачивание папирусов. Позже был отработан более удовлетворительный способ пропаривания и химического воздействия. Петри сумел обработать большое количество отрывков, которые можно было прочесть. После окончания сезона он взял их с собой в Англию и вручил Сейсу, который на лето перебрался в свой старый колледж в Оксфорде. Сейс пригласил профессора Джона Пентланда Махаффи из Дублина, изучавшего историю Птолемея, разделить с ним эту волнующую работу во время долгих летних каникул 1890 г. Некоторые фрагменты не были еще раскрыты, но большинство было готово для предварительной сортировки, после которой могла начаться главная работа по дешифровке. Начертания букв были неизвестными, тексты принадлежали к периоду, до сих пор не приносившему палеографических находок. Предстояло определить содержание текстов, а затем в конечном счете попытаться идентифицировать их. Идентификация являлась величайшим вызовом, и она же таила в себе величайший сюрприз для исследователей классики. Если выяснялось, что фрагмент относится к какому-либо утерянному или неизвест-

ному науке произведению, возникала гигантская проблема определения авторства [152, 551—552] — проблема часто неразрешимая.

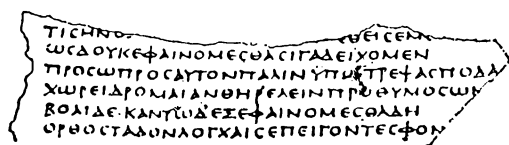
И Махаффи и Сейс с умилением описывали счастливые недели этого оксфордского лета. «Мало кому из современных ученых,— писал Махаффи,— выпадало счастье проводить такие дни, какие провели мы вдвоем в Оксфорде в долгие каникулы 1890 г., погружаясь на целый день, пока светило солнце, в эти неотчетливые и отрывочные записи, обсуждая по вечерам найденные нами бессвязные данные и их возможное значение. Постепенно проявились куски какого-то Платонова диалога — теперь установлено, что это был „Федон“; потом страница из трагической поэмы... и вместе с ними много юридических и официальных документов с датами, которые удивили нас и заставили призадуматься...» [151, 11].

Отрывок из аттической трагедии в триста стихов оказался одной из грандиознейших загадок. Письмо было трудным для понимания, и расшифровка продвигалась медленно. Сначала фабула казалась неясной. Стиль, однако, напоминал Еврипида. Впрочем, напоминал не настолько, чтобы быть в этом уверенным. Вот если бы ученым удалось «привязать» этот сюжет! Вдруг Махаффи сказал Сейсу: «У меня появилась идея: пойдем в библиотеку!». Так они и сделали. «Через несколько минут, — позже писал Сейс, — он показал мне цитату из утерянной трагедии Еврипида „Антиопа“, в точности совпадающую с одной из строк, которые мы копировали. Отрывок был идентифицирован, и давно утерянная реликвия великого афинского поэта была снова в наших руках» [181, 279]. Этот эпизод, кстати, служит яркой иллюстрацией того, каким образом происходит обычно идентификация утерянных произведений. Такие сцены повторялись довольно часто.

Утерянная «Антиопа» цитировалась Платоном в диалоге «Горгий». В античные времена эта трагедия считалась одним из лучших творений Еврипида. Так называемый Лонгин, метр античной литературной критики², ссылаясь на один отрывок пьесы как на образец «величественной краткости». Мифологическая по теме, пьеса описывает спасение плененной Антиопы двумя ее детьми, которые наказывают ее угнетательницу — подлую Дирке. Дирке привязывают к рогам дикого быка, как это изображено в знаменитой эллинской мраморной скульптуре, находящейся сейчас в Национальном музее в Неаполе. Основываясь на знакомом сюжете, Сейс и Махаф-

фи были уверены, что папирус, найденный Петри, содержит части последнего акта, в котором молодые герои Амфион и Зет пришли к соглашению с мужем Дирке, Ликом, и воцарились на престоле в Фивах.

«Федон», хотя эта работа Платона и была уже известна, с точки зрения палеографии был находкой первого ранга. Он

Отрывок из утерянной трагедии Еврипида. Факсимиле Берлинского папируса с текстом «Меланиппы»

ΘΕΩΝ ΠΕΡΙΘΥΓΑΔΕΥΕΤΑΙ ΤΗΝ
 ΙΑΝΑΡΧΕΙΝ ΝΟΜΜΗΑΝ ΑΛΚΗΝ
 ΧΡΗΣΙΛΑΥΤΗΝ ΔΕΙΣΕΑΥΤΗΝ ΣΥΛ
 ΛΕΓΕΣΘΑΙ ΚΑΙ ΛΟΡΟΙΣ ΕΣΘΑΙ ΠΑΡΑΚΕ
 ΛΕΥΣΕ ΑΠΙΤΕΥΣΙΝ ΔΕ ΜΗ ΔΕΝ ΙΑΜΩ

Выполненный в III в. до н.э. список Платонова «Федона», обнаруженный Петри в Гуробе. Восходя к столь раннему времени, он, возможно, не сильно отличается от рукописей времени великих греческих классиков

был написан аккуратным лапидарным письмом, весьма близким к надписям на камне IV в. Махаффи и Сейс утверждали, что он мог быть написан рукой уроженца Аттики, возможно даже при жизни Платона, и был взят с собой переселенцем, покидающим родную Грецию.

«Федон» и «Антиопа» были самыми яркими из литературных папирусов, найденных Флиндерсом Петри. Но значительный интерес вызывал также и другой фрагмент, в котором описывается состязание между Гомером и Гесиодом.

Один из коллег Махаффи приписывал его к «Музейону» Алкидаманта, софиста IV в. до н. э. Одна из версий поэмы была известна со времен императора Адриана (который цитируется в ней), со II в. н. э., и считалась оригиналом до тех пор, пока за двадцать лет до находки Петри молодой немецкий ученый в двух блестящих статьях, являвших собой образец филологической детективной работы, не оспорил эту точку зрения. Руководствуясь несколькими намеками в тексте, он предположил, что это произведение было известно задолго до времен Адриана. Затем он смело заявил, хотя ему и недоставало решающих доказательств, что настоящим автором был золиец Алкидамант, живший за четыреста лет до Адриана. Папирус III в. до н. э., найденный Петри в Файюме, подтвердил его предположение. «Редко случается, — писал критик в 1892 г., — чтобы ученый в этой области получил такое неожиданное подтверждение правильности его теории и тем самым доказал, что она базировалась на столь глубоком знании и проницательности» [156, 49]. Этим немецким ученым был Фридрих Ницше.

Среди других замечательных отрывков в коллекции Петри был, конечно, фрагмент «Илиады». Казалось, это был «жалкий обрывок... содержащий только окончания строк одной колонки и начала соседней, всего тридцать пять окончаний и начал, но этого было достаточно, чтобы узнать строки одиннадцатой книги „Илиады“, причем пять или шесть строк из них не содержались ни в одном из известных нам вариантов текста». Поскольку это была, несомненно, самая древняя из когда-либо обнаруженных копий отрывка из «Илиады», ей суждено было породить бесконечные споры о достоверности традиционного текста, который дошел к нам от александрийских критиков более позднего времени.

После памятного лета 1890 г. Сейс, основные интересы которого были связаны с языками Ближнего Востока, а не с греческой литературой и палеографией, с разрешения Петри передал всю ответственность за редактирование и публикацию папирусов Махаффи. Многие годы спустя Сейс с легкой грустью вспоминал те дни интеллектуального восторга, когда они, казалось, вновь переживали времена Возрождения: «В эти дни, как и тогда, на свет появлялись все новые утерянные фрагменты классической литературы вместе с копиями существующих сочинений, но эти копии были на столетия древнее рукописей, уже известных нам». Как они наслаждались, 157

закопавшись по уши в этих текстах, пока не наступало время обеда, когда они «за десертом и вином в профессорской могли обсудить свои открытия и надежды с другими учеными! Это было прекрасное время, но, как и всему прекрасному, ему слишком быстро пришел конец» [181, 279].

Деревянная табличка, какие издавна употреблялись египтянами для идентификации мумий. В данном случае, однако, надпись сделана по-гречески

Для Флиндерса Петри, Сейса и Махаффи непреходящей радостью было сознавать, что они участвовали в первом крупном открытии древнегреческих папирусов. В их распоряжении были литературные тексты III, если не IV столетия до н. э., быть может написанные при жизни Демосфена или Еврипида. Теперь наконец можно было изучить особенности раннего эллинистического письма. Даже те греческие тексты, которые донесла до нас традиция, стали известны в копиях, созданных на тысячу лет раньше старейших традиционных текстов. Среди них были отрывки произведений, приписываемых величайшим именам классической литературы и считавшихся безвозвратно утерянными. Чтобы опубликовать основную часть находок, потребовалось четыре толстых тома, и эти тома даже не смогли вместить все греческие папирусы, не говоря уже о других языках. И все же находки Петри среди погребального убранства Гуроба знаменовали собой лишь преддверие возрождения исчезнувшей было древней литературы.

VII

Торговля папирусами.

Уоллис Бадж

Папирусы возбудили не меньший интерес, чем в свое время черепки. И мы имеем поэтические произведения, которые можно сравнить с Гермесом Олимпийским и Возничим Дельфийским; и у нас есть новые истории, не уступающие историям, ставшим известными благодаря раскопкам Трои, Микен и Крита.

Фредерик Дж. Кеньон [141, 13]

Фредерик Дж. Кеньон служил младшим помощником в Британском музее уже несколько месяцев, когда в январе 1890 г. его внезапно пригласили в хранилище рукописей. Перед ним стоял стол, на котором лежали папирусные свитки. Папирусы были только что раскрыты опытным техническим специалистом. Что он мог сказать о них? С первого взгляда материал казался совершенно незнакомым. Скоропись, хотя и явно греческая, была необычной и почти совершенно неразборчивой. Кеньон решил, что некоторые из свитков могли быть исторического содержания, другие, вероятно, были литературными произведениями. Кеньон сумел произвести должное впечатление на своих руководителей, и они передали ему свитки (и листы). На следующий год — одновременно с книгой Сейса и Махаффи «Папирусы Флиндерса Петри» — Кеньон опубликовал их. И этот год, 1891-й, стал annus mirabilis (годом чудес) папирологии. В то время как рукописи Петри, составлявшие покровы мумий, были слишком коротки для того, чтобы полностью восстановить античную

трагедию, папирусы Британского музея дали миру почти целые произведения.

Список литературных открытий возглавляют четыре текста, изданные музеем в течение 1891—1897 гг. Это были «Афинская полития» Аристотеля, «Мимы» Герода (Геронда)¹, поэмы Вакхилида² и новые речи Гиперида.

Как только трактат Аристотеля был опубликован, его возможный источник возбудил огромное любопытство. Неужели какой-то счастливчик откопал старую библиотеку? Или, быть может, повторилось и было превзойдено в Египте

††††† †††††
††††† †††††
††††† †††††
††††† †††††
††††† †††††
††††† †††††
††††† †††††
††††† †††††
††††† †††††
††††† †††††
††††† †††††
††††† †††††

Отрывок из речи «В защиту Евксениппы» Гиперида, современника и соперника Демосфена. Папирус из Британского музея

чудо Геркуланума? Однако, кроме слухов, не было никаких сведений, а служащие Британского музея отказывались указать на источник текстов. Вместо этого они заявляли, что «не надо ждать ответа или требовать его... Вполне вероятно, что из этого источника придет еще много текстов, и если это так, то руководство Британского музея поступит в высшей степени недальновидно, открыв этот возможный источник будущих сокровищ» [139, 176]. Естественно, эта таинственность раздражала многих, и не в последнюю очередь египетскую Службу древностей в Каире. Она также в избытке порождала различные подозрения. Однако, вне всякого сомнения, служащие Британского музея имели все основания к тому, чтобы хранить упорное молчание. Должны были прой-

ти годы, прежде чем можно было обнародовать факты. Человеком, который сделал это, был Эрнст Альфред Томпсон Уоллис Бадж, выдающийся ориенталист, многие годы связанный с музеем, в котором он состоял хранителем отдела египетских и ассирийских древностей.

В известном смысле новые находки, с которыми Бадж был так тесно связан, воскрешали флибустьерские дни ранних охотников за папирусами, возрождая прискорбной памяти сомнительную практику местных грабителей могил и ловких дельцов. Были здесь даже проникнутые романтикой «плаща и кинжала» эпизоды в стиле набегов Бельзони на сокровища египетских гробниц. Но это неизбежный аспект археологии: открытия не всегда следуют путями прогресса и не всегда совершаются рафинированными методами. Наоборот, незаконные раскопки обычно стимулируются успехом научно организованных поисков.

Европейские учреждения поступили бы безрассудно, не реагируя на предложения местных кладоискателей и дельцов. Даже Флиндерс Петри и ему подобные, раскапывая папирусы, в то же время покупали свитки и документы у феллахов. Собственно говоря, именно таким путем Петри приобрел прославленный папирус с текстами о налогах, который он передал для дешифровки молодому британскому ученому Бернарду Пайну Гренфеллу. Гренфелл и его коллега Артур Сёрридж Хант в последующие годы тоже покупали папирусы. Спустя много времени после того, как раскопки папирусов стали вполне законченной отраслью из числа наиболее сложных археологических дисциплин, несколько выдающихся приобретений были сделаны по неофициальным, коммерческим каналам.

В 1880-е годы Египет был заполнен туристами, археологами-любителями и другими людьми, чьи вожделения к погребенным сокровищам этой страны не знали предела. Вот на такой сцене появился Уоллис Бадж.

Уоллис Бадж, которого Британский музей раз шестнадцать направлял на Ближний Восток для покупки рукописей, умел заключить выгодную сделку и, как правило, весьма свободно толковал букву закона, регулирующего вывоз древностей. Вследствие этого он испортил отношения не только со Службой древностей в Египте, руководимой французами. Турецкие власти в Месопотамии, так же как и британские чиновники, управляющие Египтом, по слухам, с неодобрением

смотрели на его деятельность. Но «все делали это», а Бадж более изобретательно и успешнее, чем другие. Он умел находить общий язык с местными жителями и, когда возникала необходимость избежать нежелательных контактов с бдительными чиновниками, вполне мог рассчитывать на какого-нибудь Ахмеда в Египте или не менее находчивого сына Тигра (Хасана) в Месопотамии. И всегда находилось несколько высокопоставленных особ, готовых помочь ему выбраться из затруднительного положения или миновать западню.

У него было много врагов, особенно среди других агентов и представителей соперничающих европейских организаций, не исключая его сограждан — англичан. Завидуя его успехам, они в любой момент могли донести на него властям и обвинили его также в тайном соглашении со Службой древностей, в получении крупных барышей и бесстыдной эксплуатации невежества местных жителей. На последнее обвинение он находчиво ответил: «Это результат явной недооценки местных жителей, которые, как хорошо известно всем, кто имел с ними дело, весьма сообразительны в защите своих интересов. Правда заключается в том, что они пытались обращаться со мной так, как они это делают со всеми, а когда они убеждались, что это не приносит успеха, они меняли свои планы и начинали доверять мне» [96, II, 327].

Бадж, как было правильно сказано, имел за всю свою жизнь только одну страсть, и этой страстью был Британский музей. Ради музея он даже готов был лишиться древний Ближний Восток его памятников прошлого. И хотя кое-кто может с неодобрением смотреть на методы, которые он иногда применял, следует признать, что он с бескорыстным усердием содействовал вящей славе музея. Кроме того, он был убежден, что трудится ради высших интересов науки. И действительно, эта страсть Баджа никому не принесла ущерба. Многое из того, что должно было безвозвратно погибнуть, было сохранено и стало доступным для ученых всего мира. Более того, Бадж был не просто похитителем и изворотливым скупщиком; он принимал также деятельное участие и в настоящих открытиях.

Странно, что Бадж так никогда и не стал подлинным героем популяризаторов археологии. И тем не менее спасение и приобретение утерянных текстов Аристотеля и Вакхилида — это крупнейшие достижения, которые стоят в одном

ряду с открытиями Боккаччо и Поджо. Действительно, Бадж, как и энтузиасты эпохи Возрождения, был в большой степени движим тем же пылом, той же дерзновенной, обаятельной предприимчивостью и той же любовью к словесности. Подобно величайшим из гуманистов, он был и филологом, и путешественником, и дипломатом. В нем было также что-то от человека елизаветинской эпохи с его разносторонностью и жизнелюбием. Грубоватый, непостоянный, первоклассный рассказчик, полный энергии, нетерпимый к притворству и

ΧΕΙΡΑΓΓΕΛΙΟΝ ΤΩΝ ΠΡΟΦΗΤΩΝ
 ΙΝΑ ΠΕΚΚΕΔΕΝΟΤ
 ΤΗΝ ΑΔΕΛΤΗΝ ΟΙΟΥΣΤΑ
 ΠΑΡΤΡΟΝ ΟΥΣΤΑ ΑΓΓΗ
 ΘΕΩΔΕΤΟ ΕΙΚΟΝΟΥΣ
 ΑΥΤΑ ΦΟΙΝΙΚΟΤΡΙΧΑ

Фрагмент из папируса с текстом Вакхилида, написанного около середины I в. до н. э., почти в то же самое время, что и геркуланумские свитки
 Филодема

праздности, обладавший внушительной комплекцией, он был неповторимой личностью среди людей науки. В компании своим коллегам-ученым он предпочитал солдат и деловых людей, и, хотя он добился выдающегося положения в востоковедческом языковедении, ему суждено было стать ученым — искателем приключений в полном смысле этого слова [189, 69].

Бадж родился в 1857 г. в Корнуолле. Его предки издавна служили в Ост-Индской компании, и его детство было наполнено скорее рассказами о Востоке, чем воспитанием вкуса к классике. Когда ему еще не было двадцати, он по собственной инициативе занялся древнееврейским, для того чтобы изучить «Книгу царств» в оригинале. Когда Джордж Смит, пионер изучения месопотамских текстов, прочел свой знаменитый доклад об ассирийском описании всемирного потопа (основанный на клинописных табличках, найденных в Ниневии), который глубоко повлиял на развитие науки о Ветхом завете, молодой Бадж был буквально потрясен. Его познакомили с доктором Самюэлем Берчем, в то время ведущим

ориенталистом Британского музея, и с этого момента путь Баджа был предreshен. Берч позволил ему скопировать несколько ассирийских текстов, хранящихся в музее, заинтересовал подающим надежды ассириологом Гладстона и позаботился о том, чтобы Баджу была предоставлена в Кембридже стипендия «студента-заочника». Вслед за тем Бадж получил стипендию от колледжа Христа и несколько академических премий. Будучи еще студентом, в возрасте двадцати одного года, Бадж написал свою первую книгу — «Ассирийские заклинания», в которой рассматривались магические тексты. Через несколько месяцев за ней последовала другая. Профессор Баджа вначале с неодобрением отнесся к публикации еще не оперившегося юнца, но вскоре признал мастерство молодого человека в интерпретации клинописи. Эти книги были только началом в последовавшем за ними длинном списке трудов. Действительно, их поток был столь обилен, что Бадж, вполне возможно, превзошел в смысле количества некоторых из самых плодovitых авторов популярной беллетристики. В конце концов у него набралось что-то около ста тридцати работ, перечень которых занял в «Кто есть кто» вместе с биографической справкой об авторе целую страницу, образовав самую обширную статью в этом томе.

Несмотря на такую плодотворную литературную деятельность, которой хватило бы на несколько человек, Бадж находил время для проведения многочисленных раскопок в Месопотамии, Египте и Судане. Он действовал с присущей ему энергией, почти полностью игнорируя при этом современную научную методику раскопок. В 1883 г. по рекомендации Гладстона он был направлен в восточный отдел Британского музея. Его продвижение было быстрым, несмотря на то что зависть некоего коллеги заставила его до поры до времени отказаться от ассириологии. Но он так же быстро освоился и с египтологией, избрав своей специальностью изучение иератических текстов. К 1893 г. он стал главой отдела, которым успешно руководил вплоть до ухода на пенсию в 1924 г.

Бадж внес выдающийся вклад в египетскую археологию, когда в 1887 г. сумел, руководствуясь смутными слухами, найти клинописные таблички, выкопанные, как предполагалось, какой-то крестьянкой в Верхнем Египте. Благодаря своим познаниям в ассириологии он, наперекор всеобщему мнению, убедительно доказал, что эти таблички были подлинными записями, представляющими собой переписку меж-

ду фараонами Египта и чужеземными властителями или вассалами во II тысячелетии до н. э. Верный своему обычаю, он немедленно организовал покупку восьмидесяти двух бесценных глиняных документов из Телль-Амарны для Британского музея.

Годом позже, в декабре 1888 г., Бадж не спеша ехал местным поездом, направляясь вверх по течению Нила в Асьют и останавливаясь по дороге в разных селениях, в том числе в Маллави, примерно в 185 милях к югу от Каира, раннехристианском центре, где в предыдущем году он приобрел коптские и греческие «магические» папирусы. На этот раз он решил попытаться выяснить у местных жителей источник этих религиозных текстов. Его переправили через реку и привели к невысокой холмистой гряде, где он увидел много прекрасных, высеченных в скалах древних гробниц эпохи поздних фараонов (XXVI династии). На одном из склонов холма ему показали два ряда гробниц римско-византийской эпохи, по-видимому IV или V в. н. э. Из этих гробниц в дополнение к «магическим» папирусам было извлечено большое количество мумий. Бадж сразу обратил внимание на нижний ярус гробниц, которые остались нетронутыми, так как «огромные кучи камней и песка преграждали доступ к ним». Он питал определенные надежды на то, что в этих гробницах нижнего ряда содержатся ценные древности.

Бадж был здесь только проездом. У него не было ни времени, ни возможности вести раскопки. Не было у него к тому же ни снаряжения, ни разрешения на раскопки. Кроме того, он не мог не признать, что права первооткрывателей принадлежат местным жителям, коптам, которые привели его на это место. Он предложил, чтобы они испросили разрешения от Службы древностей на вскрытие гробниц. Бадж писал в своей автобиографии: «Они наотрез отказались сделать это, объяснив, что не доверяют этому учреждению!» Из сказанного можно сделать вывод, хотя Бадж и хранит об этом молчание, что они боялись, как бы оповещение Службы древностей не привело к появлению других людей — может быть, профессиональных археологов или даже конкурентов-торговцев. К тому же Службе древностей было дано право задерживать наиболее ценные предметы, объявив их национальным достоянием.

Законные требования египетских властей, казалось, совершенно не волновали Баджа. Вместо этого он находит решение, 165

устраивающее и его и коптов: они начинают расчистку подступов к гробницам и проникают в них, а он обещает выкупить половину всех находок, обнаруженных ими в этих скалах. Если же эта затея не принесет ничего, достойного внимания, он обязуется оплатить пятьдесят процентов расходов на расчистку песка и камней, преграждающих доступ к гробницам. Заключив джентльменское соглашение, Бадж отправился дальше [96, 149]. Однако мысль о затеянных им раскопках не давала ему покоя. Правильно ли он сделал, доверившись своей интуиции? Довольно долго его местные компаньоны не могли сообщить ему ничего утешительного. Они решили отложить все операции по расчистке до прихода лета, хотя в это время все археологические работы обычно прекращаются. Но они чувствовали, что знойное, расслабляющее время года как нельзя более подходит для успешного выполнения их задачи, так как «сильная жара обычно парализовала энергию инспекторов Службы древностей и содержимое гробниц оставалось на произвол судьбы» [96, 150].

В сентябре Бадж получил известие, что в гробницы наконец сделан проход. Но сообщение местных землекопов сопровождалось ставшим уже привычным для археологии Ближнего Востока досадным рефреном: в гробницах уже успели побывать до них — правда, не в нынешние времена. Грабители безжалостно обчистили гробницы еще в древности, оставив явные признаки своего набега на мумии, которые были бесцеремонно разломаны на куски и разбросаны повсюду. Копты написали, что никаких папирусов до сих пор найти не удалось. Однако поиски продолжались, и в ноябре 1888 г. Бадж получил известие, что в одном из раскрашенных ящиков было обнаружено несколько свитков значительной длины.

Бадж договорился с коптами, что они встретят его, когда его корабль, направлявшийся через Индийский океан и Красное море, прибудет в апреле 1889 г. в Порт-Саид. Здесь в соответствии с планом Бадж и его партнеры встретились. «Мы обсудили, — рассказывает Бадж, — покупку всех этих папирусов, и они назвали свою цену. Папирусы должным образом были доставлены в Англию, и попечители Британского музея приобрели их. Немедленно некоторые любители совать нос в чужие дела обвинили меня в напрасной трате средств музея на покупку папирусов за „безрассудно большую цену“, а другие заявили, что я обманул „бедных туземцев“ и ограбил их, заплатив за папирусы меньше, чем они

стоили. На самом деле, местные жители получили больше, чем просили, и были полностью удовлетворены. Они поддерживали со мной деловые отношения, по крайней мере в течение еще двадцати лет, пока у них оставалось хоть что-нибудь, что можно было продать» [96, 150].

Копты из Маллави поддерживали деловые отношения и с другими людьми. Когда Фредерик Кеньон принялся за расшифровку и переписку текстов, он обнаружил, что несколько бесценных отрывков «Афинской политики», главной находки из всего числа папирусов, отсутствуют. Но даже если копты вели честную игру с Баджем, никому, конечно, не суждено узнать, какие именно тексты они нашли в этих скальных гробницах; сами местные жители не могли прочесть их. Точно так же никто не смог бы с уверенностью сказать, какие тексты были извлечены из этих гробниц или же как именно они были найдены. И все же музей имел все основания быть довольным результатами третьей «закупочной миссии» Баджа 1888—1889 гг. Подробный перечень, представленный на рассмотрение попечителям, среди прочего включал в себя: двести десять клинописных табличек и фрагментов из Куянджика (Ниневии); тысячу пятьсот табличек и сорок девять круглых печатей из Абу-Хаббы и Дера в Месопотамии; три свитка папируса, исписанных с обеих сторон греческими письмами (на оборотной стороне оказалась копия произведения Аристотеля); различные свитки папируса, содержащие части «Илиады», магические тексты и т. д.; три иероглифических папируса и пятьдесят две арабские и древнесирийские рукописи из Мосула и его окрестностей.

Когда Бадж в соответствии с инструкциями Британского музея на следующий год вернулся в Египет, чтобы развернуть поиски отсутствующих фрагментов трактата Аристотеля, весь Египет бурлил, взбудораженный новостью об этом выдающемся открытии. Служба древностей была разгневана тем, что еще одно сокровище ускользнуло у нее меж пальцев. И хотя Британский музей воздерживался от разъяснений того, каким образом он стал обладателем «литературной находки века», официальные лица в Египте не сомневались, что Уоллис Бадж имеет какое-то отношение к этому делу, и они не преминули выразить ему свое неудовольствие и установили тщательное наблюдение за его деятельностью.

Некоторые коллеги Баджа, не так хорошо информированные, высказывали другие мнения. К своему удивлению, Бадж 167

встретился с джентльменами, которые настаивали на том, что это они идентифицировали греческий текст утерянного произведения. «Другие заявляли, что нашли папирус сами и продали его местным жителям, которые продали его мне, и не один археолог лично уверял меня, что сам вручил папирус попечителям» [96, 148]. Вариации этих историй время от времени продолжают всплывать в литературе, но, с тех пор как Бадж нарушил молчание, а Кеньон и Британский музей подтвердили его роль в этом приобретении, им можно не придавать ни малейшего значения.

В попытках обнаружить недостающие фрагменты Бадж предпринял длительные поиски в деревнях по обоим берегам Нила. Наконец его привели к одному человеку в Асьюте, с которым он быстро пришел к соглашению. Оставалась проблема вывоза фрагментов из страны. О том, чтобы Служба древностей дала разрешение на вывоз, не могло быть и речи. Кроме того, Бадж находился под неусыпным наблюдением. Однако он недолго искал выход из положения. «В конце концов я купил набор прекрасных фотографий Египта, сделанных синьором Беато, которые могли быть использованы для выставки в египетской галерее Британского музея. Разрезав (!) папирус на части, я поместил их между фотографиями, упаковал в несколько ярких бумажных оберток мадам Беато и отправил пакет в Лондон заказной бандеролью» [96, 154]. Последовало несколько недель напряженного ожидания. И когда Бадж был уже готов отправиться в Месопотамию, он получил телеграмму, в которой ему сообщали о прибытии пакета и с невинным видом подтверждали, что его «содержимое в точности соответствовало тому, что ожидали получить» [96, 154].

Итак, к этому времени Бадж сумел добыть для Британского музея некоторые из ценнейших документов, когда-либо вывезенных из Египта: папирусы Аристотеля и Герода; свиток Ани, прекрасно сохранившуюся украшенную копию «Книги мертвых»; часть табличек из Телль-эль-Амарны. Не удивительно, что музей отправил его в новые полевые экспедиции с подробными инструкциями приобретать всевозможные рукописи. Прибыв в 1892 г. в Египет, он был сердечно встречен местными кладоискателями и торговцами, которые обнаружили, что связи с музеем для них одновременно и прибыльны и приятны. Из Каира Бадж направился в небольшие города и деревни Верхнего Египта, посещая торговцев, собирая

информацию и осматривая места небольших раскопок, которые местные жители производили по его инициативе. В 1892 г. на старом кладбище близ современного Меира, где предположительно был найден Аристотель, Бадж вместе со своими друзьями из Маллави принял активное участие в раскопках, в результате которых он смог увезти с собой немало обрывков греческих папирусов; некоторые из них были датированы, но ни один не имел серьезной значимости. После этого в течение нескольких лет число находок сократилось, и казалось, что Баджа покинуло его бывшее везение и что источники папирусов его местных друзей постепенно иссякают.

В ноябре 1896 г., когда Бадж встретился со своими местными коллегами в Каире, чтобы получить несколько греческих рукописей, к нему явился один человек из Меира. Он не принимал участия в предыдущих операциях Баджа, но был хорошо осведомлен о репутации англичанина и заявил, что у него есть для продажи папирусный свиток. Вот как описывает это Бадж: «Он открыл коробку и извлек из нее свиток светлого папируса со многими оторванными от него фрагментами, и, когда конец папируса был развернут, я увидел на нем несколько колонок, написанных греческим унциальным письмом. Я не настолько знал греческую литературу, чтобы идентифицировать текст, но все же достаточно для того, чтобы понять, что передо мной литературное произведение и что оно написано в конце II в. н. э. Было ясно, что я должен сделать все от меня зависящее, чтобы приобрести его для Британского музея. Но я и виду не подал, что документ меня интересует, и мы оба продолжали разговаривать о чем угодно, кроме папируса, потягивали кофе и покуривали кальян, пока гость не стал увязывать свою коробку, чтобы уйти. Тогда, сделав вид, что я вспомнил о папирусе в последнюю минуту, я вновь заговорил о нем и попросил человека назвать свою цену. Когда я начал с ним торговаться, он оказался „твердым“ и „сухим“, как говорят местные жители, и по сравнению с тем, сколько я платил за греческие папирусы в предыдущие годы, его цена казалась просто абсурдной» [96, 346].

Во время последующего разговора Бадж должен был пустить в ход все ловкие приемы бывалого торговца на восточном базаре. Он решил, что не уйдет, пока не гарантирует себе получение этого папируса. Но он не хотел, чтобы теперешний владелец папируса понял это. У Баджа не было 169

при себе требуемой суммы, и он должен был убедиться, стоит ли папирус этих денег, прежде чем «ударить по рукам». Поэтому он сначала попросил у владельца разрешения скопировать несколько строк, чтобы отправить их в Лондон и получить согласие на уплату требуемой суммы. Хитрость заключалась в том, что он, дожидаясь ответа из музея, как бы закреплял за собой право на приобретение этого манускрипта. Бадж продолжал свои попытки завоевать доверие этого человека, поглощая вместе с ним одну за другой бесконечные чашечки кофе — общепринятое средство «смазывания» социальных контактов на Ближнем Востоке. В ходе разговора он выяснил, что свиток был найден в саркофаге, извлеченном из большой гробницы, одном из многих захоронений в холме, расположенном близ Меира. Папирус, по словам человека, лежал между ногой мумии и стенкой саркофага. Затем египтянин стал рассказывать о других предметах, найденных им в гробнице, часть из которых он, по-видимому, прихватил с собой для распродажи на рынке древностей. Бадж знал, «что лучшим способом облегчить заключение какой-либо трудной сделки является вручение суммы за какую-нибудь другую покупку наличными», и несколько предметов тут же перекочевало из рук в руки. «Вид наличных денег произвел на него должный эффект» [96, 347], и теперь можно было возобновить переговоры о более важном объекте — папирусе. Наконец договорились о цене, но Бадж вынужден был признаться, что не сможет уплатить до тех пор, пока не будет уполномочен на это музеем.

Теперь, однако, «представление» устроил египтянин. Рассердившись, он собрал свои вещи и был готов уйти. Бадж испугался. «Я почувствовал, — писал он, — что с моей стороны было бы громадной ошибкой позволить ему уйти, поэтому я сказал ему, что мог бы выложить приличную сумму из своего кармана в качестве залога при условии, что он отдаст папирус на сохранение моему местному другу в Каире до моего возвращения из Верхнего Египта... Он согласился... После этого я отправил копию нескольких строк греческого текста директору библиотеки в Лондон и запросил инструкций...» [96, 348].

В ожидании ответа Бадж совершил обычную поездку по Нилу, чтобы посмотреть, в каком состоянии другие его предприятия. Вернувшись в Каир, он нашел письмо из музея с просьбой выкупить папирус, который, как подразумевалось

в сообщении, обладал значительной ценностью. Но возникли новые осложнения. Человек из Меира показал фрагменты другим экспертам, один из которых решил, что он узнал в них утерянные поэмы древнего классического автора. Один английский ученый, без определенной цели живший тогда в Каире, подтвердил это и стал похвалиться повсюду в городе своим необычайным открытием. Огласка повысила стоимость и привлекательность свитка, который стал теперь желанным для многих. Его владелец понял, что даже та «абсурдная» сумма, которую он запросил у Баджа, была чересчур скромной, и забрал свиток у друга Баджа, на чье попечение он был оставлен.

В этот момент Бадж вновь появился на сцене, готовый заплатить то, что был должен, и забрать папирус. Вместо этого человек из Меира настаивал на возвращении задатка, заявляя, что он более не хочет иметь дело с Баджем. К тому же он намекнул, что Служба древностей знает якобы о существовании манускрипта и запугивает его. Бадж был вне себя. Он не мог подвести Британский музей. Он спорил, льстил, умолял. Как мог этот человек только подумать о том, чтобы не продавать ему свиток, когда фактически он уже продал его?! Бадж был неумолим, и в конце концов его настойчивость заставила египтянина отступить: «Просидев в его доме вместе с ним два дня и две ночи, к вечеру третьего дня мы пришли к соглашению, и я вернулся в Каир с папирусом» [96, 351]. Нам неизвестно, была ли при этом заплачена более высокая цена, чем было оговорено вначале.

Опасная операция по вывозу манускрипта из страны под самым носом у Службы древностей, минуя железнодорожную охрану, морскую милицию, таможенных чиновников, переносит нас в знакомую область приключений. Для Баджа к этому времени подобного рода международная авантюра была более или менее обычным делом, одной из многих операций, осуществленных им в промежутках между такими занятиями, как написание книг о коптской церкви, о словаре иератических текстов, о религии древнего Египта и планирование новой выставки в вавилонском зале Британского музея. Но в спокойном сообщении Баджа о результатах этой миссии проскальзывает нотка гордости: «Двумя неделями позже я лично вручил папирус директору библиотеки... Папирус содержал сорок колонок текста од Вакхилида, великого лирического поэта, творившего в первой половине V в. до н. э.

Эксперты пришли к выводу, что копия была сделана в середине I в. до н. э. Сэр Ричард Джебб (выдающийся исследователь классической литературы) сказал мне, что, по его мнению, это приобретение стоит всех моих других приобретений для музея, вместе взятых! Произведения Вакхилида были до того момента почти совершенно неизвестны, за исключением нескольких разрозненных фрагментов» [96, 355].

Заслуживают того, чтобы сказать о них несколько слов, и четыре крупнейших приобретения греческих папирусных рукописей из Египта, сделанные Британским музеем в 1890-х годах. Эти тексты представляют четыре различные области — историю, поэзию, риторику и фактически неизвестный до тех пор мим. Среди них наибольший интерес вызвал трактат Аристотеля. Наконец-то Египет подарил миру полное произведение, к тому же принадлежащее одному из гигантов классической мысли. По меньшей мере двенадцать столетий это сочинение было скрыто от взоров, и вот они здесь — три развернутые, длинные, желтоватые ленты папируса, выставленные на стенде Британского музея под горделивой табличкой: «Уникальное произведение Аристотеля „Афинская политика“». Чернила казались совершенно свежими. Менее понятной, однако, была греческая скоропись I в. н. э., не похожая на обычное унциальное письмо, применявшееся для литературных произведений, и обнаруживающая руку непрофессионального переписчика. Трактат был написан на обратной стороне финансового отчета некоего греческого колониста, управляющего Дидима. Отчет этот сам по себе представлял немалый интерес для экономической истории Египта в начальный период римского владычества. Нам неизвестно, почему этот выдающийся текст, освещающий расцвет и упадок афинских политических институтов, был написан на обратной стороне местного административного отчета. Скорее всего это было сделано самим управляющим или членом его семьи либо кем-то из его друзей и предназначалось для чтения в узком кругу. Так можно было бы объяснить необычный факт использования обратной стороны уже бывшего в употреблении папируса.

То, что автором текста является Аристотель, сегодня считается бесспорным. Но как случилось, что именно ему приписали утраченное классическое произведение? В поврежденной рукописи не было ни титульного листа, ни какого-либо свидетельства об авторстве. Когда Британский музей получил

рукопись, быстро установить автора и смысл текста не удалось. Почерк был очень труден для понимания, так как с подобным начертанием букв палеографам почти не приходилось встречаться. Несколько отрывков были сильно затерты или покрыты слоем грязи. Прежде всего следовало осторожно развернуть крошащиеся свитки — работа, требующая большого мастерства. После этого ученый мог приступить к медленному и кропотливому процессу расшифровки текста. Тот факт, что написанное не соответствовало ни одному из дошедших до нас текстов, еще более усугублял сложность работы, хотя каждая незнакомая строчка заставляла в приливе надежд и сомнений учащенно биться сердце исследователя.

Идентифицировать «величайшую литературную находку многих столетий» [139, 176], так же как и другие тексты, содержащиеся в полученной музеем партии, выпало на долю Фредерика Дж. Кеньона. Этой работе суждено было немедленно вознести его к вершинам славы. Кеньон впоследствии вспоминал, как один из текстов «после довольно мучительной, сложной расшифровки его мелкого и очень беглого почерка» оказался, по-видимому, неизвестной работой по истории Греции. «Еще в Оксфорде мне приходилось слышать о существовании двух небольших фрагментов утерянной „Athenaion Politeia“ („Афинской политики“), идентифицированных Бергком в Берлине в 1885 г. и опубликованных Бласом. Это уже придавало поискам определенное направление, и через несколько дней работы подозрение превратилось почти в уверенность, так как удалось идентифицировать одну из ранее известных цитат из этого труда. В первых числах февраля я был полностью убежден в том, что передо мной лежит рукопись, содержащая именно этот столь желанный трактат, кое-где, несомненно, поврежденная, но все-таки представляющая основную его часть» [21, 45]. Действительно, из пятидесяти восьми отрывков, цитируемых Плутархом, в спасенном тексте было обнаружено пятьдесят четыре [168, I, 134].

Произведение это представляло необычайный интерес, и не только тем, что оно открывало нам Аристотеля как серьезного ученого-историка с осмотрительно-индуктивным складом ума, совершенно непохожего на ту карикатуру, в которую превратили «этого философа» Фрэнсис Бэкон и другие в пылу своего антисхоластического усердия. Это был единственный 173

уцелевший из ста пятидесяти восьми подобного рода трактатов, которые Аристотель — возможно, с помощью своих учеников — составил на основе различных конституций в форме гигантского по масштабам исследования, посвященного области, которую можно определить как сравнительную теорию управления. Подход был строго историческим, с гораздо меньшим антидемократическим уклоном, чем это можно было ожидать. В коротком, мастерски сделанном обзоре трактат прослеживает эволюцию афинского правления со времен Дракона³, проливая свет на некоторые малоизвестные до сего времени институты. И, что самое главное, ученые, изучающие греческую историю, вынуждены были пересмотреть традиционную точку зрения, согласно которой Аристотелевы утверждения расходились в толковании афинской истории со взглядами Фукидида или Геродота. Среди утерянных греческих книг, обнаруженных в Египте, трактат Аристотеля выделяется также тем, что он один из немногих, дошедших до нас почти в полном виде [168, 134].

«Афинская полития» — произведение, обладающее самостоятельной ценностью независимо от того, кто был его автором. То обстоятельство, что оно почти наверняка принадлежало Аристотелю, прибавило ему очарования, но вряд ли эта работа могла добавить что-либо еще к облику ее автора, хотя и осветила новую грань его личности. Совсем иначе обстояло дело с загадочным Геродом (или Герондом), который до того был известен только по имени. Собственно говоря, даже правильное написание его имени оставалось спорным. И вот египетские папирусы донесли до нас восемь его «Мимов», представляющих собой вид жанровой поэзии в ямбическом метре (scazon). Эти произведения открыли нам фактически новый жанр греческой литературы и принесли Героду посмертную славу. Действительно, некоторые ученые склонны были отдать пальму первенства тексту Герода по сравнению со всеми другими литературными открытиями, обнаруженными в песках по берегам Нила. Кеньон, например, заявил, что «среди всех других подарков, доставленных нам папирусами, нет ни одного, который бы столь явно обогатил наши знания о греческой литературе, введя в обиход новые концепции» [141, 7].

Папирус Британского музея, содержащий юмористические скетчи Герода, сохранился удивительно хорошо. Шесть мимов
174 дошли до нас почти полностью. Сюжеты их были далеки

от возвышенных тем великих трагедий или поэм Гомера, они вообще были лишены поэтического великолепия, но недостаток пафоса с лихвой восполнялся очаровательным реализмом. В них запечатлены сцены каждодневной жизни некоего древнего средиземноморского города, их можно было читать и наслаждаться ими, не обладая особой подготовкой в области классической литературы. Как и произведения Петрония,

ΟΥΤΟΣ ΕΙΣΑΝΘΡΩΠΟΣ ΕΙΣΤΕΝΑΙ
 ΑΝΘΡΩΠΟΥΝΤΙΝΟΝ ΚΑΝΕΥΣΕΙΝ
 ΑΥΤΟΝ ΔΕ ΚΑΙ ΓΡΑΜΜΑΤΩΝ ΔΕ ΤΗΝ
 ΕΚΟΥΣΑΡΘΟΝΤΗΣ ΑΝΤΙΣΤΕΙΝ
 ΕΠΙΣΤΑΣΕΩΣ ΚΑΙ ΡΗΤΟΡΙΚΗΣ
 ΠΡΩΜΗΝΕΤΙΝ ΚΑΤΗΡΑΝΤΙΝ
 ΓΕΡΜΑΝΤΟΝ ΚΑΙ ΤΕΚΝΑ ΜΑΤΕΡΟΣ
 ΕΝΤΑΥΘΑ ΚΑΙ ΝΕΚΤΕΤΡΑ ΜΕΝΙΣΤΟΙ
 ΑΠΟΛΛΟΝΑΙ ΕΥΤΟΥΤΟ ΦΗΜΙ ΚΑΙ ΜΑΤΕΡ

Фрагмент папируса с текстом «Мимов» Герода — одна из наиболее выдающихся находок греческих литературных текстов конца XIX в., сделанных в Египте при участии Баджа. Британский музей

они балансируют на грани непристойности, но стилистически выдержаны довольно строго. Заглавия говорят сами за себя: «Сводня», «Сводник», «Дамские угодники», «Ревнивая любовница». Центральными персонажами их почти неизменно выступают ветреные женщины. В «Сводне» молодую женщину, чей муж отбыл в длительное путешествие в Египет, посещает пожилая приятельница. После взаимного обмена любезностями посетительница «утешает» молодую женщину, намекая на многочисленные соблазны Египта — страны, чьи женщины под стать трем богиням Париса. Но стоит ли расстраиваться? Здесь, дома, тоже есть желанные мужчины. Вот, например, прославленный молодой атлет, пятикратный победитель Пифийских игр⁴, который страстно желает познакомиться с молодой госпожой. Устроить встречу не составит труда. Однако в конце концов целомудрие торжествует: молодая женщина твердо сопротивляется всем убеждениям сводни-дилетантки.

Вероятно, самым занимательным из мимов является «Школьный учитель», где вконец измученная мать жалуется

на своего непутевого сына, которого она собирается отдать на воспитание в руки сурового поборника дисциплины. Сын загонит ее раньше времени в могилу: он отказывается учиться, водится с городскими подонками, играет в азартные игры, терроризирует всех соседей и исчезает из дому на несколько дней подряд. Отец тоже не знает, что делать с мальчишкой. Школьный учитель, тронутый мольбами женщины, тут же начинает обрабатывать мальчика ремнем из воловьей кожи. Мальчик пронзительно кричит, обещая исправиться. Мать побуждает учителя продолжать в том же духе, а он сопровождает свои действия громкими нравовыми наставлениями.

В противоположность Героду оды Вакхилида, этого «кеосского соловья», были чистейшим порождением золотого века классической лирической поэзии. Вакхилид не был ни Пиндаром, ни Симонидом⁵, о которых так мечтал Уордсворт, но его часто почти приравнивают к ним. Он публично состязался с Пиндаром, а Симонид был его дядей по матери и наставником в поэзии. Более того, император Юлиан, как и многие другие, предпочитал его прозрачное очарование туманной напыщенности Пиндара. И вот множество стихотворений Вакхилида, всего около тысячи двухсот строк, было извлечено из земли. Теперь ученые и почитатели классики могли наслаждаться изяществом, хорошим вкусом, элегантною простотой и утонченным мастерством греческого поэта V в. до н. э. По общему признанию, Вакхилид был второстепенным поэтом, из тех, как отмечал «Лонгин», кому никогда не возвыситься до таких олимпийских высот и не низвергнуться так круто, как Пиндару или Софоклу. Ему не поклонялись избранные, но он был доступен многим. Действительно, Кенъон считал его наиболее легким для чтения среди греческих поэтов, и его поэзию — отличным введением в изучение греческой лирики.

Такие же достоинства стиля, легкость и меткость характеризуют Гиперида, аттического оратора, который был для его современника, а иногда и врага Демосфена тем же, кем был Вакхилид для Пиндара. То, что Гиперид также пользовался большим уважением, убедительно подтверждалось тем, как его часто цитировали в древности другие. Как и о Цицероне, о нем можно сказать, что ему больше удавались различные юридические уловки при выступлении в роли обвинителя или защитника, нежели пышный, высокопарный стиль оратора — государственного деятеля. Воскрешение Гиперида

относится к наиболее интересным и вместе с тем к необычным в папирологических изысканиях. Еще в эпоху Возрождения, когда было восстановлено так много классических произведений, Гиперид, напротив, был утерян. Лишь одна копия его речей дошла до XVI в. в библиотеке Матьяша Корвина, короля Венгрии. Но когда в 1526 г. Будапешт был осажден турками, библиотека была разрушена и рассеяна. Затем фрагменты, возможно, той же копии появились в описи книг епископа Трансильвании в 1545 г., после чего все остатки наследия Гиперида исчезли. И все-таки Гиперид в конечном счете вернулся к жизни: его речи были первыми находками утерянных литературных текстов в Египте. Открытие это было делом совершенно случайным.

В 1847 г. два англичанина, А. К. Харрис и Джозеф Арден, путешествовали по Египту. По-видимому, независимо друг от друга они оба приобрели фрагменты папируса. Арден, купивший папирус непосредственно у арабов, совершил лучшую сделку, так как его папирус был в отличном состоянии и содержал сорок девять длинных колонок. Покупка Харриса была частью того же свитка. Через несколько лет оба папируса были опубликованы. Они состояли из трех частей: речи в защиту Ликофрона и Евксениппа и речь против Демосфена — последняя, к несчастью, сильно повреждена. Девятью годами позже из другого источника появилась почти полная копия надгробной речи Гиперида в память о павших в Ламийской войне⁶, которую «Лонгин» относил к числу лучших его творений. Эта копия, полученная другим англичанином, преподобным Х. Стобартом, была записана неуклюжим почерком школьника на обороте гороскопа.

Другие части того первоначального свитка, львиную долю которого приобрели Харрис и Арден, продолжали появляться внезапно при весьма необычных обстоятельствах. Торговцы, по-видимому, оставили себе части папируса для того, чтобы изготавливать фальшивые свитки, которые они затем продавали легковым туристам. Фокус заключался в том, что брались малоценные папирусы, склеивались друг с другом, а к внешнему концу этого свитка приклеивалась часть настоящего старого папируса. Создавалось впечатление древнего свитка, развернутого только частично. Несколько таких фальшивок появилось в Лондоне и Париже, и в одной из них на полоске подлинного папируса содержалось прямое указание имени Гиперида. Другие фальшивки помогли восполнить несколько

пробелов, хотя много большее число отрывков было, несомненно, утеряно или разрознено покупателями. Открытие текстов Гиперида составляет один из самых волнующих эпизодов истории манускриптов. Оно также показывает живучесть этого автора, на котором Египет, даже до наступления эры великих открытий папирусов, заработал больше, чем на любом другом авторе древности.

Надежда найти другие произведения Гиперида явно противоречила здравому смыслу. И все же в составе крупной покупки Британского музея, результаты которой были опубликованы в 1891 г., оказалась еще одна его речь, на этот раз против Филиппида, характеризующая Гиперида как более убежденного патриота по сравнению с ультра националистом Демосфеном, который проявил малодушие после роковой битвы при Херонее⁷. Эта политическая речь особенно важна для нас и потому, что она освещает малоизвестные детали исторических событий после триумфа македонцев.

В то время, когда была приобретена речь против Филиппида, Лувр заполучил еще одну из важнейших работ: последнее из спасенных до сих пор произведений Гиперида — речь с требованием осуждения Афиногена, одно из наиболее ярких его выступлений. Дело, о котором идет речь, было особо интригующим и дало возможность великому адвокату продемонстрировать все свое мастерство и с помощью искусных аргументов «похитить обвинительный приговор» в такой ситуации, когда апелляция к букве закона была заведомо неудачной. Как все великие адвокаты, Гиперид был безупречным постановщиком судебных спектаклей. «Лонгин» рассказывает об одном примере из утерянной речи в защиту Фрины, который вполне мог бы произойти в современном неаполитанском суде. Когда Гиперид испугался, что присяжные не проявят сочувствия к его привлекательной клиентке, он научил ее, как позффектнее продемонстрировать свое обаяние, чем сломил сопротивление суда и выиграл дело.

Шесть имеющихся в нашем распоряжении речей, к настоящему времени в большей своей части восстановленных, дают хорошее представление об искусстве Гиперида, его неотразимой убедительности, ясности, изысканности и почти галльском духе. Гиперид в частной жизни слыл бонвиваном и повесой и таким образом очень удачно дополнял Демосфена с его увещеваниями пророка и самодовольством. Возможно,

178 Гиперид был более слабым оратором — хуже чувствующим

стиль, но более естественным, более солидным, но менее риторическим, не таким страстным и напыщенным, но с большей изобретательностью и здравым смыслом. Тем не менее его речи красноречивы в своем роде. Они открывают человека и время, в котором он жил, показывают скрытые моменты общественной и политической жизни Афин IV в. до н. э. Они принадлежат истории точно так же, как литературе. И они по праву занимают свое место среди наиболее ценных произведений, возвращенных к жизни Египтом.

VIII

Жемчужины в кучах мусора.

Гренфелл и Хант

А не будет ли целесообразнее и в конечном счете, может быть, и экономичнее отправиться прямо к источнику и самому откапывать папирусы, вместо того чтобы покупать их из вторых или третьих рук, поощряя тем самым незаконную торговлю?

Артур С. Хант [129, 359]

Археологические кампании Петри в Танисе и Гуробе уже дали нам первое представление о научных раскопках папирусов. Но как бы ни были замечательны находки Петри, они были скорее делом случая, а не результатом хорошо продуманного поиска. Для этого блестящего археолога папирусы вряд ли были чем-то бóльшим, нежели приятными, но все же второстепенными результатами раскопок. И если мы не польстились чрезвычайно плодотворным махинациям Уоллиса Баджа, причислив и их к «археологии», то ни одним опытным археологом до того времени еще не предпринималась экспедиция с определенной целью поисков древних текстов, скрытых в песках Египта.

Всему этому суждено было измениться с появлением в Египте двух молодых оксфордских ученых, Бернарда Пайна Гренфелла и Артура Сёрриджа Ханта, которые четверть века возглавляли научную папирологию. Их работы в Файюме, Оксирихе и дома, в Оксфорде, открыли новую эру в возрождении классических манускриптов, так как они разработали специальный метод для поисков папирусов. Друзья

180 в равной мере были хорошими археологами и дешифровщи-

ками. В 1897 г., когда им обоим было еще по двадцати с небольшим лет, они открыли для мира так называемые «Логии» — самое древнее к тому времени свидетельство о жизни Христа.

То, что принесло Гренфеллу и Ханту всемирную известность, начиналось весьма скромно. Инициативу проявил Фонд (позднее Общество) исследования Египта — организация, которая до этого в основном поддерживала археологические исследования Египта эпохи фараонов. Руководителям Фонда надоело полагаться в поисках утерянных рукописей только на слепой случай, особенно учитывая публикации Британского музея в 1891 г. и достижения Флиндерса Петри. Призывало к немедленным действиям также и то обстоятельство, что в 1890 г. местные жители предприняли в широких масштабах поиск папирусов, главным образом в Сокнопэи-Незус, на самой западной окраине Файюма, в результате чего каирский рынок был буквально наводнен различными материалами нелитературного характера.

В действиях Фонда исследований Египта не было ничего необычного или в корне нового. Вызывает удивление только то, что западные организации и ученые так долго не могли прийти к этому. Возможные участки раскопок быстро сокращались: в Египте стремительно расширялась зона земледелия, а участники самодельных «раскопок» истребляли в гигантских масштабах ценные информативные данные и вещественные материалы. Даже когда феллахи узнали о доходе, который можно было извлечь из папирусов, их грубые методы раскопок приводили к уничтожению половины обнаруженных хрупких свитков. Бесцеремонные торговцы и охотники за сувенирами также внесли свою лепту в разрушение и уничтожение рукописей.

Все эти соображения тяготели над Фондом, когда он решил субсидировать проект археологического поиска папирусов. Для раскопок был, естественно, избран Файюм, где прославился Флиндерс Петри. Файюм пользовался репутацией места, давшего огромное количество текстов, к тому же ему угрожало намечавшееся в ближайшем будущем расширение обрабатываемых земель. Фонд получил разрешение исследовать северо-восточный район, и к концу 1895 г. экспедиция была готова начать работы. Для руководства предварительными раскопками были избраны Дэвид Джордж Хогарт и двадцатипятилетний Бернард Пайн Гренфелл. Специ-

альностью Хогарта была Юго-Западная Азия, в частности хеттские надписи, и он вскоре оставил папирологию. (Позднее он руководил знаменитыми раскопками в Каркемише, где ему помогали Т. Э. Лоуренс и Леонард Вулли).

Несмотря на свою молодость, Гренфелл был вполне подготовлен к тому, чтобы взять на себя руководство. Он с отличием сдал экзамены в Оксфорде и собирался специализироваться в экономике, когда публикация «Афинской политики» Аристотеля привлекла его внимание к греческим папирусам. Написав очерк о них, он получил стипендию на два года для поездки за границу и зимой 1893/94 г. принял участие в раскопках в Коптосе, в Верхнем Египте, под руководством Флиндерса Петри. Он начал учить арабский язык и присутствовал при покупке Петри греческого папируса нелитературного содержания, который впоследствии предоставил ему возможность продемонстрировать свое искусство издателя. Со временем он самостоятельно приобрел недостающую часть этого папируса и ряд других текстов.

С самого начала работ в Файюме Гренфелл стремился включить в группу исследователей своего друга со студенческих лет Артура Сёрриджа Ханта, который был младше его на два года. Хант, так же как ранее Гренфелл, по окончании Оксфорда получил статус стипендиата и изучал латинские рукописи в испанских библиотеках, но Гренфелл сумел убедить его присоединиться к нему в Египте. Таким образом, как сказал один из панегиристов Ханта, «потеря для латинской палеографии превратилась в приобретение для папирологии» [83, 327].

В январе 1896 г. Хант последовал за Гренфеллом в Файюм, положив начало союзу, который один их немецкий коллега называл *schöpferische Einheit* (творческий союз). В 1926 г. в некрологе своему другу Хант трогательно писал об их отношениях: «Наверно, не часто складывалось более тесное и гармоничное научное сотрудничество между людьми, чем то, каким было наше в 1896—1908 гг. Зимой в нашем египетском лагере мы редко видели еще какого-нибудь европейца; летом большую часть издательской работы мы делали в одной комнате. Мы обсуждали проблемы, возникающие при раскопках, трудности дешифровки и интерпретации, обменивались для сравнения копиями папирусов; то, что писал один, проверял другой» [129, 362]. Собратья по науке прозвали их 182 «Оксфордскими Диоскурами» и «созвездием Близнецов па-

пирологии». И в самом деле, определить индивидуальный вклад каждого из них в общую работу невозможно. Призыв Ханта на военную службу во время первой мировой войны или затяжные болезни Гренфелла не вносили существенных изменений в их работу и, разумеется, нисколько не приуменьшали ее тщательности и выдающегося мастерства. Их совместные труды, особенно по дешифровке, идентификации, изданию и переводу своих находок, достигли редкого совершенства и высшей степени точности.

Они были совсем несхожи по интеллекту и темпераменту, но именно в силу этого гармонично дополняли и обогащали друг друга. Результатом этого была величайшая компетентность. Гренфелл был открытым, пылким, отзывчивым человеком. В обществе, в колледже, на кафедре, во время научных встреч он чувствовал себя в своей стихии. Он никогда не мог отказать, если его приглашали выступить с речью, и его таланты быстро получили всеобщее признание. «Великолепной проницательности, способности к систематизации и ясно-му изложению массы сложнейших данных сопутствовали энергия, энтузиазм и ум, живой и критический» [86]. Но в том, что касалось критического подхода, внимательного взвешивания доказательств и доводов, тщательной дешифровки, палеографического микроанализа и проверки источников, Хант, по-видимому, превосходил Гренфелла. Во все, за что бы ни брался Хант, он привносил сдержанную рассудительность, свойственную основательной, трезвой, трудолюбивой и глубокой учености. Это был малообщительный и несколько застенчивый, но очень деликатный и добрый человек. Потомок старинной эссекской семьи, он был благовоспитанным англосаксом, верным своему обществу и своей церкви, преданным высоким идеалам и скромным. Те, кому довелось узнать его ближе, находили, что это человек, нежно любящий близких, с некоторой легкостью в характере и весьма остроумный версификатор. Один из друзей вспоминал о нем как об «идеальном ученом, прекрасном обликом и манерами» [83, 335].

Кампания 1895/96 г. в Файюме была организована в небольших размерах; целью ее было определение возможности систематических раскопок, и она послужила отличной школой для молодых ученых. В древнем Каранисе, где впоследствии производила раскопки экспедиция Мичиганского университета, и в Вакхии они имели достаточно возможностей оценить 183

важность поселений городского типа для их отрасли археологии. Египтологи, интересовавшиеся храмами и гробницами, вообще-то с пренебрежением относились к невзрачным «жилым» районам, считая их малоперспективными. В густонаселенном Египте большая часть поселений была обитаема постоянно, по крайней мере до арабского вторжения, и было маловероятным, чтобы от эпохи первых фараонов уцелело что-либо значительное и ценное.

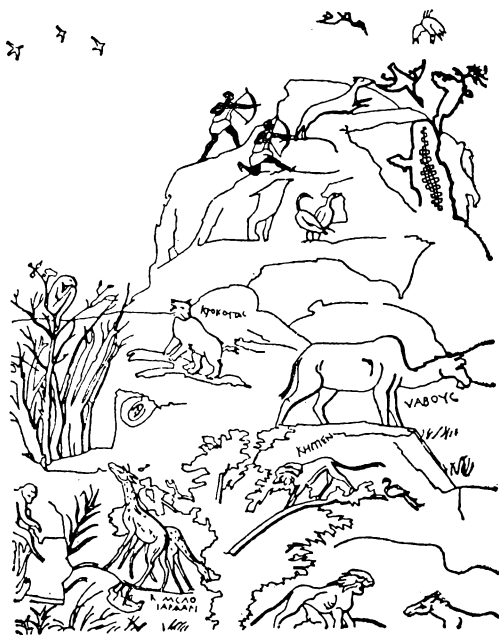
Однако в отношении классических папирусов птолемеевского, римского и византийского периодов положение было совершенно иным. Эти городища, особенно находящиеся на краю пустыни, могли бы оказаться самыми богатыми хранилищами. Никто, правда, не знал, каковы наиболее благоприятные условия для сохранения и обнаружения папирусов на этих объектах. Случилось, однако, так, что в Файюме археологи познакомились со всеми вероятными видами сохранения папирусов. Для того времени одним из излюбленных объектов для искателей папирусов был всякий дом, покинутый внезапно, но сохранившийся более или менее нетронутым. Здесь, спрятанные в кувшинах или каким-либо другим образом, могли сохраниться неповрежденные свитки. К сожжению, таких домов было мало, и вероятность сделать богатые находки в потайном погребке, как произошло у Петри в Танисе, была ничтожно мала.

Вначале Гренфелл и Хант избрали объектом поисков целые свитки и поэтому сосредоточили внимание на усадьбах. Столько же внимания уделялось и могилам, поскольку любая из них могла быть местом упокоения греческого колониста, похороненного вместе с неведомым шедевром. Имелись также папирусные погребальные ящики на ранних птолемеевских кладбищах, причем принадлежали они такому времени, что вполне могли содержать фрагменты, относящиеся к величайшему периоду греческой литературы. Возможно, из-за этой ориентации на птолемеевский период первая файюмская экспедиция была не столь плодотворной, какой она могла быть. Было обнаружено довольно много документов, но, по словам Ханта, «результаты, хотя и были ободряющими, отнюдь не произвели большого впечатления... Однако мы приобрели полезный опыт, который пригодился нам в будущем, а результаты оказались достаточными, чтобы оправдать новую попытку» [133, 121].

184 Таким образом, когда Гренфелл и Хант отправились

в следующую экспедицию зимой 1896/97 г. надежды были не слишком радужными. Местные жители вполне могли к этому времени уже разграбить все подчистую. Не слишком ли запоздали ученые?

Фонд исследования Египта снова финансировал раскопки. Так как Файюм на этот раз не вполне оправдал ожидания,

Пустынный ландшафт в древнем Египте.
По мозаике из Палестины (Италия)

было решено обратиться за разрешением производить раскопки где-нибудь в другом месте. Выбор пал на границу пустыни на западе Нильской долины, где физические и климатические условия казались благоприятными для сохранения папирусов. Здесь также существовали некогда многочисленные городские поселения греков. Департамент древностей разрешил производить раскопки в пределах девяностомильной полосы непосредственно к югу от Файюма и до Минии. Решение сконцентрировать усилия на крайнем юге выделен-

ной территории принадлежало Гренфеллу, и его археологическое чутье оказалось безошибочным: он выбрал городище древнего Оксиринха, в то время частично занятое группой из нескольких хижин, носящей название Бехнеса (Футух-эль-Бахнаса).

Столица этого древнего района, или нома, расположенная приблизительно в 120 милях к югу от Каира, у Бахр Юсуфа (западного рукава Нила, орошающего также Файюм), никогда не привлекала путешественников. Там нет ни величественных зданий, ни свидетельств монументальной Рамсесов, ни высеченных в скалах мавзолеев, ни разрушенных дворцов царей-вероотступников. Оксиринх находится далеко в стороне от паромов и поездов, направляющихся из Каира в Фивы, и не рекомендуется современным туристам как место, заслуживающее остановки. Интенсивные раскопки, проведенные здесь со времен Гренфелла и Ханта, усугубили мрачный вид останков покинутого города, создавая впечатление, будто упадок его был довершен окопной войной и минированием. Но именно здесь был открыт папирологический Клондайк. Как сумел Гренфелл предугадать все это?

Оксиринх был назван греками по имени рыбы *oxyrhynchus*, которую местные жители считали священной, так же как жители Файюма считали священными крокодилов. Название дало Гренфеллу указание на то, что здесь жили греки. Кроме этого, об Оксиринхе было известно очень мало. Он не играл какой-либо роли в истории, но, судя по размерам территории, занятой его руинами, и по тому, что он обладал статусом провинциального центра, он должен был иметь и значительное население с довольно высоким культурным уровнем. Представители его зажиточных эллинизированных высших кругов могли в свое время владеть греческими литературными текстами, возможно даже целыми библиотеками.

Был и другой стимул для работ в этом месте. Ни один из папирусов, появлявшихся до тех пор на рынке древностей, не вел свое происхождение из Оксиринха. Это могло указывать либо на то, что там не было папирусов, либо на то, что за последнее время феллахи не совершали набегов на древности этого города. Последнее предположение вполне правдоподобно: немногие оставшиеся там обитатели подвергались постоянной опасности со стороны бедуинов-грабителей из прилегающей пустыни и едва ли думали о чем-нибудь другом, кроме бегства отсюда. Полуразрушенные остатки четы-

рых красивых мечетей указывали на сравнительно недавний исход большей части обитателей Бехнесы.

Оксиринх привлекал также тем, что он был оплотом раннего христианства и в нем было много монастырей (с десятью тысячами монахов и двенадцатью тысячами монахинь) и церквей. Это было одно из немногих имевшихся об этом месте сведений. А раз так, то не могли ли сохраниться здесь фрагменты христианских текстов на греческом языке, более ранние, чем старейшие из известных в то время рукописей Нового завета? «Быстрое распространение христианства в районе Оксиринха сразу после официального признания новой религии (в IV в.), — писал Гренфелл, — указывало на то, что в предшествующие века гонений оно уже приобрело сильное влияние» [115, 1025].

Ожиданиям Гренфелла суждено было осуществиться в большей степени и быстрее, чем он когда-либо смел надеяться. Фонд исследования Египта решил, что Гренфелл и Хант должны присоединиться к Флиндерсу Петри в Оксиринхе. Петри намеревался исследовать древнее египетское кладбище, а Гренфелл и Хант занялись поисками зарытых папирусов. Однако после нескольких пробных раскопов Петри решил, что это место не обещает ему многого, и переместился в Десбаше, в 40 милях к северу. Гренфелл и Хант остались одни и впервые могли работать совершенно самостоятельно. Они начали с греко-римского кладбища, но не нашли ни одного из столь желанных покровов мумий или еще более редких погребальных свитков. Все было ясно: могила за могилой были давно уже разграблены, а несколько нескрытых могил находилось во влажной почве, которая, конечно, разрушила, возможно, погребенные в ней папирусы.

Тем временем исследователей ожидали волнения другого рода. Бедуины имели обыкновение наносить Оксиринху ночные визиты. Странствующие короли пустыни следовали своим естественным склонностям, которые, как они утверждали, были одобрены самим создателем, чтобы добавить к их жалким средствам существования некую толику, заимствованную у немного более богатых собратьев. Деревенские жители обычно робко покорялись, но однажды ночью грабители попытались проникнуть в хижину исследователей, находившуюся за пределами деревни. На этот раз, к удивлению и негодованию бедуинов, они были обстреляны местной охраной и спешно бежали. «Их испугали отнюдь не древние, заряжа-

ющиеся с дула ружья наших достопочтенных стражей. Просто бедуины, достаточно хорошо зная темперамент феллахов, не ожидали встретить сопротивления» [115, 1025].

После трех недель бесплодных раскопок на кладбище Гренфелл и Хант решили совершить атаку на «город». Как и все другие, они полагали, что папирусы, доставляемые феллахами, были найдены в основном в жилищах, а не на кладбищах, поэтому логично было исследовать древние дома Оксиринха. Однако первые впечатления были далеко не обнадеживающими. Гренфелл тщательно исследовал длину и ширину городища — приблизительно квадратная миля. Видны были только жалкие контуры нескольких бывших зданий. Вокруг них все представляло «сплошные развалины, в которые превратился город в результате тысячелетнего использования его в качестве источника камня и кирпичей» [115, 1026]. Здания были разрушены, и песок, казалось, едва ли скрывал что-нибудь существенное. Даже тщательные поиски, которые могли занять годы, вряд ли обнаружили бы папирусы. Оставались только холмы мусора — стены песка и отбросов высотой футов в семьдесят, пересекавшие вдоль и поперек город и его окрестности. Они содержали отходы столетий, если не тысячелетий.

Производить раскопки папирусов в мусоре казалось почти призрачным поражением. Несмотря на значительное количество папирусов, полученных через феллахов с 1877 г., возможности, предоставляемые этими свалками, едва ли приходили на ум европейцам. Теперь, однако, Гренфеллу и Ханту предстояло показать, что холмы мусора были важнейшим источником древних текстов, и папирология пошла буквально по стопам полевой археологии.

Редко какой документ сохранялся неповрежденным. Многие материалы, с которыми обошлись так непочтительно, были разорваны или случайно обожжены, и только при определенных специфических обстоятельствах выброшенный таким образом папирус сохранялся от полного уничтожения. Там, куда добиралась вода, поднимавшаяся во время ежегодных разливов, папирус просто гнил. Особенности образования конкретного холма и его состав были решающими для сохранения иписанных листов или свитков. Во многих случаях, например, временная заброшенность соседнего поселения приводила к образованию сверху защитного слоя. Со временем Гренфелл и Хант научились определять вероятные

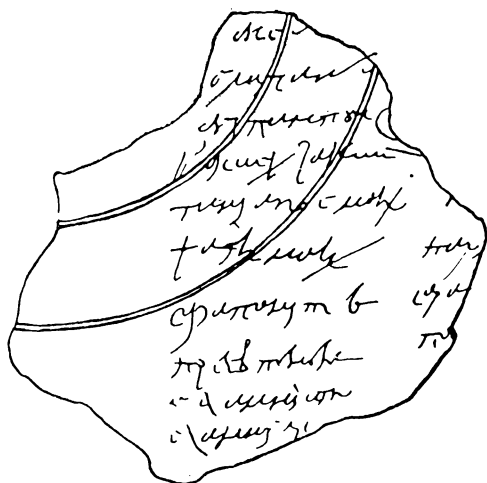
места захоронения папирусов по стратиграфии рукотворных холмов. Один из перспективных видов наслоений, называемый местными жителями «афш», состоял из почвы, смешанной с соломой или ветвями, — в таком слое почти наверняка папирусы сохранялись на протяжении веков. Гренфеллу и Ханту это напоминало поиски золота: «золотоискатели следуют кварцевой жиле, в то время как искатель папирусов должен придерживаться слоя или жилы афша...» [122, 24].

Как правило, папирусы обнаруживались чаще в более или менее горизонтально расположенном слое, а не рассеивались по всей толще холма. Кроме того, папирусы из различных слоев обычно относились к различным временным периодам; смежные слои скорее всего были близко связаны по времени. Холмы Оксиринха разделялись на три главные группы — римские, византийские и арабские, и их можно было отличить по расположению относительно городища. От более раннего, птолемеевского периода не было обнаружено почти ничего.

Нужно было проложить траншеи, чтобы развернуть работы со сколько-нибудь серьезным размахом, а это требовало больших расходов времени и рабочей силы, что оксфордские исследователи могли себе позволить лишь в очень умеренных пределах. Кроме того, чтобы хрупкие тексты не пострадали или не исчезли под одеяниями землекопов, с последних нельзя было спускать глаз. Следовало также сортировать обрывки в соответствии с местом их нахождения, для того чтобы в дальнейшем облегчить соединение разорванных папирусов и определение их датировки и содержания. В Оксиринхе, как и на многих других городищах, было скорее исключением, чем правилом, то, что папирусы выдерживали разрушительное воздействие времени и людей: в подавляющем большинстве мусорных куч не удалось вообще ничего обнаружить. Археологические раскопки совершенно непохожи на вскрытие набитого золотом банковского подвала. Романтическому воображению рисуются открывающиеся на каждом шагу сказочные сокровища, однако в действительности происходит скорее нечто совершенно противоположное. При раскопках в поисках папирусов, как и во всем остальном, признавался Гренфелл, «больше неудач, чем находок» [116, 1030].

Тем не менее молодые ученые нашли, что жизнь в пустыне имеет «очарование, каким обладают лишь немногие другие поприща». Однако они не романтизировали ее трудности. Оба были англичанами, принадлежавшими к высшему классу, и 189

ценили комфорт и чистоту. Но страстное увлечение античной литературой перенесло их в знойные песчаные пустыни Востока, где они «стояли целыми днями, полузадушенные и ослепленные особо едкой пылью древнего мусора, почти всегда смешанной с не менее раздражающим песком пустыни; пили воду, которую даже водопроводные станции лондонского Ист-Энда вряд ли рискнули бы поставлять своим

Греческий остракон из Египта, покрытый знаками скорописи. Черепки, дерево и другие материалы, помимо папируса, широко использовались для кратких записей нелитературного содержания

потребителям, и непрерывно следили за рабочими, которые, как вы ни тешьте себя уверенностью в обратном, украдут, если только будут иметь возможность и решат, что игра стоит свеч» [115, 1030].

11 января 1897 г. началось первое решительное наступление на свалки Оксириха. Прохладным утром Гренфелл и Хант двинулись из своей хижины в сопровождении приблизительно семидесяти рабочих и мальчишек, которые были немедленно поставлены копать траншеи. Для раскопок был избран низкий холм около древнего храма, и почти тут же в большом количестве появились обрывки папирусов; неко-

торые из них были подозрительно длинными, почти целыми. Вначале были найдены материалы нелитературного характера, среди них частные письма, контракты и другие юридические документы. Но затем было обнаружено несколько фрагментов, отчетливо написанных унциальным письмом, свидетельствующим об их религиозном или литературном содержании.

Через несколько дней Хант начал сортировать папирусы. Он был немало удивлен, обнаружив среди клочков, собранных на второй день, греческое слово «сучок» (*kaiphos*), написанное унциальным письмом на поврежденном папирусе, содержащем около двадцати строчек. Измятый кусок, размерами менее 6×4 дюйма, казалось, был из записной книжки (листок был нумерован), составленной, как современная книга, из страниц, а не в виде свитка. Папирусная книга сама по себе была новинкой. Казалось, эта форма должна характеризовать ее как скромный документ нелитературного характера. Однако греческое слово *kaiphos* почти сразу напомнило Ханту хорошо известное место в Евангелиях о сучке и бревне («Евангелие от Матфея», 7, 3—5; «Евангелие от Луки», 6, 41). Внимательное чтение подтвердило предположение Ханта: это действительно был стих из Евангелия. Но на этом сюрпризы не кончились. Дальнейшее исследование обнаружило на листке восемь изречений, каждое из которых начиналось формулой: «Иисус сказал». Однако только три из них были идентичны в своей основе стихам в Новом завете. Три изречения, приписываемые здесь Иисусу, были совершенно неизвестны, а два других были слишком серьезно повреждены, чтобы их можно было понять. Вот одно изречение (5, 2—9), не имеющее новозаветной аналогии, которому суждено было всю жизнь вдохновлять Ханта (оно появляется в одном из его стихотворений): «Иисус сказал: где бы ни были двое, и вот с ними бог, и где бы ни был один, я говорю, я с ним. Подними камень — и там ты найдешь меня, рассеки дерево — и я там» [120, 2].

Этот клочок, который стал затем известен под названием «Логии», был, пожалуй, самой сенсационной из числа сделанных за все времена находок столь скромного размера. Вызванные ею теологические дискуссии породили в последующие годы огромное количество статей и монографий. Прежде всего «Логии», или «Речения Иисуса», переписанные примерно в 200 г. н. э., отодвинули начало христианской

истории почти на сто пятьдесят лет назад. До этого самыми ранними письменными свидетельствами жизни Христа были знаменитые Ватиканский и Синайский кодексы. И вот триста лет, отделяющие земную деятельность Христа от самого раннего из дошедших до нас упоминаний о нем, оказались внезапно сокращены наполовину¹.

Но больше всего умы людей занимало необычное содержание текста на этом листке. Три неизвестных изречения, приписываемые Иисусу, казались некоторым столь же достоверными, как и слова Иисуса в Евангелиях. Не представлен ли ими какой-нибудь утерянный популярный сборник, первоначально ходивший наравне с Евангелиями еще до того, быть может, как последние удостоились своего исключительного, канонического статуса? Или же «Логии» были остатком произведения более древнего, чем так называемые синоптические Евангелия? Не послужили ли они в дополнение к Марку источником «Q» (от немецкого *Quelle* — «источник, ключ») для Матфея и Луки?² Таково было предположение нескольких немецких ученых. Однако другие ученые усматривали в них близость к апокрифическим Евангелиям евреев и Петра или к Евангелию Двенадцати. Некоторые теологи под впечатлением, в частности, стиха пятого, приведенного нами выше, утверждали, что здесь прослеживается менее живая, менее яркая традиция, чем традиция канонических Евангелий. Они усматривали в «Логиях» отголоски «философской интерпретации» учения Христа, провозглашающей существование «имманентного бога». Этот взгляд получил определенное подтверждение, когда Гренфелл и Хант нашли еще один относящийся к «Логиям» текст в Оксирихе в 1903 г. Тогда, быть может, «Логии» были пропитаны сектантским духом? Не были ли они еретическими?

Полемика продолжалась долгое время и оставалась не завершенной до тех пор, пока полвека спустя на берегах Нила — и снова в Верхнем Египте — не была сделана другая находка. Речь идет о находке утерянных гностических книг, целой библиотеки, спрятанной в кувшинах в Хенобоскионе (Наг-Хаммади). На этот раз открытие было сделано местными жителями, так что за достоверность всех подробностей его нельзя поручиться. Это произошло вскоре после окончания второй мировой войны, приблизительно в то же время, что и находка рукописей Мертвого моря, слава которой не совсем заслуженно затмила открытие в Наг-Хаммади. Когда же

наконец удалось изучить коптские тексты и подготовить их научное издание, французский ученый-библеист А.-Ш. Пюэш обнаружил, что неканонические откровения Христа из «Логий» содержатся слово в слово в этой еретической литературе и, возможно, были заимствованы оттуда³. Установление еретического происхождения «Логий» могло, конечно, восприниматься как тяжкое потрясение. Однако тот аргумент, что не все слова Христа содержатся в Новом завете и кое-какие высказывания, хотя бы частично, сохранились в других религиозных произведениях, до сих пор остается неопровергнутым.

Находка «Логий» стала триумфом систематических поисков греческих папирусов и привлекла всеобщее внимание к дальнейшим работам Гренфелла и Ханта. В глазах общества это было основанием археологии папирусов. И Гренфелл и Хант стали знаменитостями в ученом мире, осыпавшем их почестями. Через несколько месяцев после возвращения в Оксфорд они опубликовали научное издание «Речений Господа Нашего» с факсимиле манускрипта. Фонд исследования Египта распространил брошюру, в которой оповещал о принятом решении создать греко-римское отделение исключительно для поисков греческих папирусов в Египте и их изучения. За этим последовала серия монографий, регулярно издаваемых Гренфеллом и Хантом, а к 1908 г. в Оксфорде была основана первая кафедра папирологии, которую возглавил Гренфелл. Впоследствии его сменил Хант.

Вот так «Логии» положили начало. Они создали вокруг молодых ученых благоприятную атмосферу всеобщей симпатии и побудили их к дальнейшим усилиям. Предположение Гренфелла, что Оксирих принесет христианские тексты, получило веское подтверждение. И в самом деле, на следующий день после находки фрагмента «Логий» Хант обнаружил лист из списка «Евангелия от Матфея», также датируемый первыми десятилетиями III в. Столь ранняя дата означала, что эти отрывки были написаны до признания христианства в Римской империи. Гренфелл предполагал, что они являлись остатками христианской библиотеки, владелец которой, возможно, погиб при гонениях Диоклетиана, после чего от его книг постарались побыстрее избавиться [115, 1028].

Время от времени обнаруживались и другие христианские тексты, но они отнюдь не составляли основную часть находок. Делом жизни Гренфелла и Ханта было возрождение

классических произведений, и к этому мы сейчас опять вернемся, оставив рассказ о восстановлении христианских рукописей для другой части этой книги.

В оставшееся время первой кампании в Оксиринхе Гренфелл и Хант решили производить работы быстрее и с большей интенсивностью. Количество рабочих было увеличено до ста десяти. Наиболее эффективной рабочей единицей считалась пара, состоящая из взрослого рабочего и мальчика; добыча каждой такой «команды» хранилась и упаковывалась отдельно. За исключением четырех опытных рабочих из Файюма, землекопы набирались на месте, и исследователи быстро поняли, как им повезло, что они имели дело с «неопытными» рабочими, не ведающими о рыночной цене античных находок. Несомненно, местные жители удивлялись нелепой страсти иностранцев к клочкам старой, грязной бумаги.

Рабочий день продолжался около одиннадцати часов, и под конец среди рабочих осталось больше подростков, чем взрослых мужчин, потому что ими было легче руководить и они были честнее. Казалось, вся молодежь окрестностей требовала принять их на работу. «Некоторые из претендентов были столь малы, что, казалось, совсем недавно оставили свои колыбели, если только им была ведома такая немыслимая роскошь». Гренфелл тепло вспоминает одного такого сорванца, едва восьми лет от роду, но самого проворного из всех, «каким-то чудом умевшего различать наиболее подходящие слои почвы и находить в них папирусы» [115, 1030].

Укрепив силы для нового наступления на тот же холм, где были найдены «Логии», Гренфелл и Хант двинули теперь фалангу рабочих на его северную часть. И то, что началось как скромный ручеек, превратилось в настоящий поток. Поскольку сортировка, упаковка и транспортировка требовали осторожности и аккуратности, исследователи оказались в счастливом затруднении, не зная, как справиться с неожиданными богатствами. Вскоре у них кончились упаковочные ящики. В конце концов пришлось выделить двух рабочих, которые целый день занимались только изготовлением жестяных ящиков для хранения папирусов. Но и при этой подмоге через десять дней они едва справлялись с наплывом материала. И так продолжалось почти постоянно. Однако находки в этих отвалах составляли лишь крупицу того, что в них было когда-то: столь многое было безнадежно уничто-

жено, разорвано или сожжено. Как правило, нижние слои не приносили ни единого клочка. По-видимому, в этих слоях свитки постигла та же участь, что и всю бумагу в большинстве других стран, кроме Египта.

Судя по последующим работам в Оксирихе, первая кампания лишь сняла сливки, и в этом видно влияние Гренфелла. В проведении раскопок не было предельной аккуратности и тщательности. В принципе любое предприятие, преследующее единственную цель — получить возможно большее количество папирусов в кратчайшее время, должно было нарушить каноны научной археологии. В этом отношении раскопки, проведенные намного позднее Мичиганским университетом в Каранисе, знаменовали собой громадный прогресс. Но кто может порицать этих пионеров за технические ошибки или за стремление извлечь максимум из подвернувшегося им счастливого случая? Было одно место на отвале, например, «где, просто разрыхлив поверхность ногой, можно было обнаружить свиток» [115, 1028]. Зачем же делать шахты и прокладывать траншеи в сомнительные глубины, если в верхнем слое можно было переходить от одной золотой жилы к другой?

Как объяснить тот факт, что в трех типах холмов (римских, византийских и арабских) такое обилие свитков обнаруживается в одних и тех же слоях? Наиболее правдоподобным было предположение, что эта масса папирусов происходила из местных архивов. Вот как объясняет это Гренфелл: «В римский период в Египте был обычай тщательно сохранять в архивах в каждом городе всевозможные документы, имеющие отношение к управлению и взиманию налогов в стране; даже частные лица имели обыкновение посылать в эти архивы письма, контракты и другие документы, которые они хотели сохранить, точно так же как мы посылаем подобные документы адвокату или банкиру. Конечно, через какое-то время, когда документы были больше не нужны, требовалось проводить чистку, и, очевидно, старые папирусные свитки помещались в корзины или на плетеные лотки и выбрасывались как мусор» [115, 1028]. Такой обычай, странным образом напоминающий еврейскую практику погребения книг в генизе (своего рода «книжном чулане»), оказался благодеянием для папирологов. Это еще раз подтверждает банальную истину археологии, состоящую в том, что подчас разрушение и небрежение становятся залогом сохранности

там, где усерднейшие старания людей сохранить что-либо заведомо обречены на провал.

Добыча из этих архивов была и в самом деле значительной. От раннего римского периода (I и начало II в. н. э.) дошло содержимое целых корзин. Изредка свитки все еще находились в своих плетеных вместилищах. Папирусы позднего римского и византийского периодов отличались необычной длиной и документальной ценностью. Более чем через два месяца, в середине марта, в византийских отложениях была сделана величайшая в количественном отношении находка. Гренфелл и Хант вскрыли холм с «толстым пластом, состоящим почти сплошь из папируса». Шесть пар рабочих немедленно были переведены на это место, и теперь стало проблемой, как достать в арабской деревне достаточно корзин, чтобы перенести папирусы от холма. Добыча этого дня составила тридцать шесть корзин, полных до краев. Можно представить радость Гренфелла и Ханта, когда они опустошили корзины и нашли много свитков в отличном состоянии, некоторые из них по 10 футов длиной. Корзины нужны были и на завтрашний день, поэтому большую часть ночи ученые провели, раскладывая папирусы. Наутро они опять были вместе с рабочими, и вчерашнее повторилось, «так как еще двадцать пять корзин было наполнено прежде, чем место опустело» [115, 1028].

Гренфелл и Хант остались еще на один месяц. Но они были убеждены, что прощупали самые многообещающие места. Когда дело дошло до упаковки папирусов для отправки паромом, им пришлось наполнить двадцать пять больших ящиков, весом почти в 2 тонны. Продолжить их разворачивание и сортировку предстояло в Оксфорде, а изучение и конечная публикация материала должны были занять годы. Первый том папирусов Оксиринха был опубликован через одиннадцать месяцев после возвращения ученых в Англию (25-й появился в 1959 г. при поддержке ЮНЕСКО), но и через четверть века несколько ящиков все еще не были открыты. Однако первый том содержал достаточно сюрпризов, несмотря на то что ни один текст не был полным, как, например, трактат Аристотеля, о котором шла речь выше.

Гренфелл и Хант выбрали сто пятьдесят восемь текстов приблизительно из тысячи двухсот документов, находившихся в довольно хорошем состоянии, которые они могли изучить после возвращения из первой кампании в Оксиринхе.

Самым ценным был фрагмент из утраченного стихотворения, которое почти наверняка может быть приписано Сапфо. Он содержал двадцать более или менее поврежденных строк, шестнадцать из которых были довольно разборчивы и допускали возможность удовлетворительной реконструкции. Ода, вероятнее всего, была посвящена брату Сапфо Хараксу, который после странствий на чужбине морем возвращался домой на Лесбос. Это был только первый и, возможно, не лучший из нескольких фрагментов Сапфо, обнаруженных затем в папирусах. «Тем не менее Сапфо — это Сапфо», — говорил Хант. Эти строки несут несомненный отпечаток «простодушной прямоты и непринужденной выразительности, столь характерных для поэтессы» [13, 283]:

Нереиды милые! Дайте брату
Моему счастливо домой вернуться,
Чтобы все исполнилось, что душою
Он пожелает.
Чтоб забылось все, чем грешил он раньше,
Чтоб друзьям своим доставлял он радость
И досаду недругам (пусть не будет
Век у меня их!).
Пусть захочет почести он с сестрою
Разделить. Пускай огорчений тяжких
Он не помнит. Ими терзаясь, много
Горя и мне он
Дал когда-то. К радости граждан, сколько
Он нападок слышал, язвящих больно!
Лишь на время смолкли они — и тотчас
Возобновились.

(Перевод В. В. Вересаева)

К этому мы можем прибавить фрагмент, написанный гекзаметром, который можно приписать Алкману, спартанскому поэту VII в. до н. э., достойному стоять рядом с Сапфо. Он воскрешает в памяти процессию грациозных девушек, изображенную на фризе Парфенона:

Мы пришли к великому храму Деметры, девять нас,
Все девы, облаченные в красивые одеяния,
В красивые одеяния, в сверкающие ожерелья
Из резной слоновой кости, сверкающей, как [снег]
[20, 13].

Авторство нескольких других поэтических отрывков установить не удалось. Большой прозаический отрывок был частью принадлежавшего, вероятно, Аристоксену (ученику Аристотеля) трактата о метрике с примерами из неизвестных произведений. Другой фрагмент, представляющий некое историческое сочинение, в хронологическом порядке излагает события греческой и римской истории с 355 до 315 г. до н. э.

Сапфо в окружении преданных учениц.
С аттической вазы из музея в Афинах

Два столбца из утерянной комедии очень напоминают Менандра, афинского мастера «новой» комедии. Кроме того, эта первая подборка включала выдержки из уже известных произведений некоторых великих авторов античности, что способствовало их критическому изучению и установлению подлинности традиционных текстов. Большая часть «Оксириха I», как был назван первый том, состоит из разнообразных документов нелитературного характера — от искового заявления цеха рабочих до месячного счета повара за мясо и акта о расторжении помолвки. Последующие тома в оксиринхской серии выявили значительно больше считавшихся до этого утерянными текстов. Список авторов, представленных в этих томах, был бы очень похож на указатель к истории греческой литературы.

В первом сборнике Гренфелл и Хант заявили: «Маловероятно, что мы найдем еще одну поэму Сапфо, еще менее вероятно, что мы натолкнемся на другую страницу из „Логий“».

Это предсказание, к счастью, оказалось ошибочным. Ученые были ближе к правде, когда добавили: «Но у нас нет оснований полагать, что будущие сюрпризы будут гораздо менее волнующими, чем предыдущие» [120, 6]. У Гренфелла и Ханта мог возникнуть соблазн остаться дома и посвятить себя изданию манускриптов. Материалов одной кампании было достаточно, чтобы поглотить их энергию на годы вперед. Однако следующие десять лет, вплоть до 1907 г., когда здоровье Гренфелла сильно пошатнулось, они производили раскопки в Египте каждую зиму, деля время между активной работой и более созерцательным изучением найденного. На обоих поприщах они проявили выдающиеся способности.

IX

Снова в Оксиринхе

...Краса Елены на челе Египта.
Шекспир

С 1898 до 1902 г. Гренфелл и Хант снова работали в Файюме. Оксиринх принес громадное количество документов римского и византийского периодов, но ученые особенно стремились найти материалы более ранней, птолемеевской эпохи. Файюм, предположительно богатый папирусными оболочками мумий, был самым подходящим местом для поисков. Кроме того, Оксиринх был настолько истощен, что, казалось, мог и не оправдать еще один полный рабочий сезон.

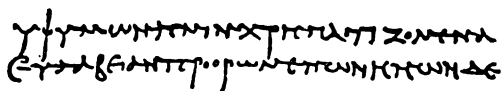
Ни одно из мест раскопок в Файюме не вознаградило, впрочем, ученых столь же щедро, как Оксиринх, пока они не избрали своим объектом Тебтунис (Урум-эль-Барагат), расположенный в южной оконечности великой впадины. Эти раскопки были организованы Калифорнийским университетом на средства, завещанные миссис Фебой А. Херст. Тебтунис был выбран потому, что он, как и Оксиринх, лежал несколько в стороне от оживленных дорог, в труднодоступном районе, вследствие чего он тоже почти не пострадал от местных кладоискателей. Этот объект отличался, однако, от Оксиринха бóльшим разнообразием: помимо мусорных холмов здесь были дома, дворцы, коптская церковь и кладбища — и все это требовало изучения. Среди различных предметов, извлеченных на свет археологами, было множество скарабеев, бус и амулетов из могил Среднего и Нового царств эпохи фараонов. На каждом шагу попадались свидетельства местного культа божества — крокодила, и было даже обнаружено одно из его святилищ. В разрушенных зданиях Тебтуниса было

найдено несколько прекрасно сохранившихся греческих свитков, но среди них было мало ценных литературных находок. И снова внимание исследователей привлекло местное кладбище птолемеевской эпохи. Оно было довольно обширным, и ученые надеялись обнаружить большое количество оболочек мумий III в. до н. э. Но вскоре выяснилось, что здесь тоже успели поработать грабители. Кроме того, влажность и соль причинили значительные повреждения. Тем не менее было спасено от полной гибели около пятидесяти покровов мумий.

Все же до поры до времени затея с Тебтунисом казалась скорее провалом. Картина резко изменилась благодаря тому, что впоследствии расценивалось как наиболее эксцентричное из всех открытий папирологии. Большой сюрприз — даже более удивительный, чем картонажи Петри, — ожидал исследователей. И они едва не прошли мимо него. В это время они продолжали раскапывать птолемеевское кладбище, которому, казалось, и конца не видно. И вот наконец они добрались до участка, расположенного рядом с кладбищем и предназначенного для захоронения крокодилов. Для Египта в этом не было ничего странного, но ученые испытывали досаду: что было толку в этих диковинных мумиях, могли ли они заметить человеческие останки, при которых вполне могли оказаться папирусные свитки или погребальные покровы?! Раздражение англичан было столь заразительным, что ему поддались и местные рабочие. Одна из его вспышек, описанная Гренфеллом и Хантом, вошла в историю: «Захоронения большого птолемеевского некрополя... содержали во многих случаях, как выяснилось, одних крокодилов. И вот 16 января 1900 г. — день, запомнившийся нам уже потому, что он принес нам двадцать три раннептолемеевские мумии с папирусными картонажами, — один из наших рабочих, возмущившись тем, что вместо ожидаемых саркофагов он обнаружил уложенных в ряд крокодилов, изломал одного из них в куски. И тут открылось, что эта тварь была обернута листами папируса» [121, 6].

В конце концов и с вновь проснувшимся энтузиазмом были выкопаны тысячи останков крокодилов «самых различных размеров — от совершенно взрослых особей длиной в 13 футов до крошечных крокодилчиков, только что вылупившихся из яйца, не считая многочисленных бутафорских мумий, в которых после вскрытия обнаруживался кусок кости или несколько яиц» [119, 600—601]. Из большого количества выко-

панных мумий только около двух процентов имели при себе папирусы. Впрочем, эти твари были не только обернуты листами папируса, но и оказались «нафаршированы» целыми свитками. Для того чтобы соответствующим образом обмотать и наполнить крокодила приличных размеров, требовалось изрядное количество папируса, и практически все эти листы содержали греческие тексты. К сожалению, они были сильно повреждены, однако удалось спасти много больших по объему и ценных, хотя в основном нелитературных по содержанию документов. Датировались они главным образом

Прошение птолемеевской эпохи, датируемое 163—162 гг. до н.э. Греческая скоропись в палеографическом отношении весьма примечательна обилием лигатур

серединой II в. до н. э. Благодаря крокодилам Тебтуниса палеография уверенно распространила свои знания на II в. до н. э. Эти папирусы были высоко оценены в последующие годы благодаря содержащимся в них документальным данным об экономической, социальной и политической истории птолемеевской эпохи, а также в связи с их большим вкладом в изучение эллинистического права.

В штаб-квартире экспедиции Гренфелла и Ханта культ крокодила пережил своего рода возрождение: крокодил стал фигурой символической. Э. Дж. Гудспид, гость из Америки, сообщает, что это священное животное попадалось на глаза в любом уголке лагеря. Даже его палатка удостоилась чести приютить под своим кровом несколько мумий детенышей крокодилов. Во время его пребывания в экспедиции был выстроен целый «крокодилий дом» [114, 1069].

В 1902 г. Гренфелл и Хант еще раз рискнули выехать за пределы Файюма. Целью был Эль-Хибе, на берегу Нила, где феллахи незадолго до того нашли несколько оболочек птолемеевских мумий. Раскопки в этом месте велись два сезона, и снова под покровительством Фонда исследования Египта. Собранный «урожай» папирусов был примечателен возрастом

находок (III в. до н. э.) и тем, что в их числе оказалось несколько необычных, в частности фрагмент, приписываемый Еврипиду, а также отрывки из неизвестной комедии и эпической поэмы.

После Эль-Хибе ученые вновь обратились к Оксиринху, проведя там свои последние пять сезонов в Египте. Раскопки на других объектах, должно быть, убедили их в том, что они серьезно недооценили потенциальные возможности Оксиринха. Кроме того, видимо, благодаря огромному количеству папирусов, вывезенных отсюда Гренфеллом и Хантом в первый год их работы, ни местные жители, ни европейцы не потрудились обследовать эту местность вторично. Только один большой холм, поверхностно исследованный двумя учеными в 1897 г., привлек внимание местных жителей как раз перед возвращением Гренфелла и Ханта. Новые находки в Оксиринхе хотя и оказались впечатляющими, но уже никогда не были столь обильны, как в первом сезоне. Когда Гренфелл и Хант окончательно расстались с Оксиринхом, они прекрасно понимали, что он ни в коей мере не открыл им всех своих сокровищ. За ними последовали другие ученые, не англичане, главным образом немцы и итальянцы: Оксиринх казался неисчерпаемым. Даже в 1922 г. Флиндерс Петри, к тому времени уже патриарх египтологии, нашел там несколько сот фрагментов, среди которых были отрывки из иудейских гимнов II или III в. н. э. [171, 138].

«Оксфордским Диоскурам» не пришлось сожалеть о своем возвращении в Оксиринх. Каждый сезон был в целом удачен и полон сюрпризов. В течение 1903/04 г. были найдены новые фрагменты «Логий», а в сезон 1904/05 г. обнаружилось такое множество документов, что это напомнило «самые счастливые дни раскопок в 1897 г.» [118, 13]. Среди сюрпризов этого сезона были иудейские и сирийские тексты, а также деревянные вошенные таблички для письма, известные еще со времен раскопок в Помпеях. Были найдены отрывки утерянного «Энея» Еврипида. Даже самое беглое перечисление находок в Оксиринхе не может обойтись без упоминания о такой важнейшей находке, как «Следопыты» Софокла, одной из утерянных «сатировских драм» (устраивавшихся перед началом представления греческих трагедий), которая была столь успешно реставрирована в Германии, что ее удалось поставить на сцене, или о нескольких драгоценных фрагментах произведений поэтов Алкея¹ и Ибика (Ивика)². 203

Найдены были также пространные фрагменты Каллимаха, которого прежде считали всего лишь педантичным и брюзгливым александрийским академиком и в котором теперь открылся поэт немалой оригинальности. Публикация в 1959 г. в 25-м томе оксиринхской серии нескольких лирических стихотворений, принадлежащих, по-видимому, Симониду, «самому желанному» из всех греческих поэтов, показывает, что поток открытий еще не иссяк.

Представление сатировской драмы.
С помпейской стенной росписи

Другой замечательной находкой в Оксиринхе была биография Еврипида, написанная Сатиром³. Были найдены также до обидного жалкие остатки так называемых *sillyboi* (табличек с названиями сочинений, когда-то прикреплявшихся к рукописным свиткам) с надписями «Женские мимы Софрона⁴» (произведение, так никогда и не найденное) или «Полное собрание произведений Пиндара». Разочарование, принесенное этими находками, отчасти было компенсировано различными фрагментами и отрывками, не принадлежащими к большой литературе, но тем не менее не лишенными определенной ценности, как, например, краткий латинский конспект утерянных книг Ливия, написанный на обратной стороне христианского текста, или, скажем, список победителей Олимпийских игр. Этот список сам по себе не был бы столь

примечательным, если бы не помог историкам искусства уточнить спорные даты создания ряда классических статуй, изображающих атлетов V в. до н. э. Новые хронологические данные помогли опровергнуть мнение некоторых экспертов, в том числе немецкого ученого Адольфа Фуртвенглера. Теперь стало, в частности, очевидным, что творческий расцвет скульптора Поликлита относился к более раннему периоду, чем считали до этого. Это, в свою очередь, позволило установить приблизительные даты жизни современника Поликлита — Мирона, создателя «Дискобола». Вдобавок к этому список помог более точно датировать оды Пиндара и Вакхилида, в которых они прославляли олимпийские триумфы атлетов. Что касается самого Вакхилида, стало ясно, что он прожил по крайней мере на шестнадцать лет больше, чем полагали до того [133, 126]. Среди атлетов называется кулачный боец со странным именем Антроп (Anthropos). О нем также упоминает Аристотель, но, поскольку слово anthropos по-гречески означает просто «человек», его ранее считали фигурой чисто символической. И вот теперь, примерно через два с половиной тысячелетия после его смерти, реальное существование этого человека было наконец установлено.

Два последних сезона в Оксирихе были самыми плодотворными с точки зрения литературных находок. Однако Гренфелл и Хант в 1905 г. решили было, что они в основном исчерпали этот источник погребенных сокровищ. Действительно, оставалось как будто бы мало подходящих объектов, относящихся к римскому и ранневизантийскому периодам, и, кроме того, было хорошо известно, что после IV в. н. э. интерес к греческой литературе в Египте резко упал. Тем не менее в докладе Фонду исследования Египта после возобновления работ в декабре 1905 г. отмечается: «Судьба... как показали события, поберегла наиболее ценные подарки к пятому сезону (1905/06 г.), результаты которого превосходят даже итоги первых раскопок в Оксирихе в 1897 г.» [118, 8]. Сознывая, что им вряд ли удастся предпринять еще одну экспедицию, ученые удвоили число рабочих и планировали обследовать возможно большую территорию. Они рассчитывали тщательно прочесать даже заведомо малообещающие слои отходов, относящиеся к поздневизантийскому периоду.

Одной из первых находок был еще один христианский текст на греческом языке. Это был лист тонкого пергамента (не папируса) из некоего утерянного Евангелия, описывающего

апокрифический эпизод: посещение Иисусом Иерусалимского храма. Отчасти в манере сократического диалога Иисус вовлекает некоего фарисея в дискуссию о понятии чистоты, в ходе которой выдвигает положение о внутренней чистоте, противопоставляемое бессмысленным и формальным церемониям очищения. Гренфелл и Хант были потрясены «изошренным литературным стилем, образностью, энергичностью языка, содержащего слова, отсутствующие в каноническом Новом завете, а также свидетельством любопытного знакомства — то ли действительного, то ли показного — с топографией храма и иудейскими церемониями очищения» [118, 9]. После этого христианского пролога к экспедиции первое место среди находок заняла поэзия, в том числе несколько благодарственных гимнов, принадлежавших могучему таланту самого Пиндара.

В нескольких случаях в Оксиринхе попадались большие партии документов, явно принадлежавшие одному частному лицу или одному архиву и поэтому грудой сваленные в одном месте. Но ни одна из таких находок не содержала сколько-нибудь ценных литературных фрагментов. Разве нельзя было предположить, что целая библиотека или какая-нибудь коллекция книг могла быть выброшена точно таким же образом? Тайная надежда на это никогда не оставляла обоих друзей. «И вот 13 января, — писали они в отчете несколько месяцев спустя, — нам наконец посчастливилось сделать открытие такого рода. Незадолго до заката мы добрались на глубине примерно 6 футов от поверхности до места, где в III в. н. э. кто-то вытряхнул целую корзину папирусных свитков с литературными текстами. В исчезающем свете дня невозможно было извлечь находку полностью, и на ночь у этого места была поставлена надежная охрана; на следующее утро остальное было благополучно выкопано. Перед тем как выбросить на свалку, папирусы, по обыкновению, разорвали на куски, но среди сотен мелких обрывков была пара сердцевин папирусных свитков, содержащих каждая по десять-двенадцать колонок, ряд фрагментов — по пять-шесть и довольно много — по одной-две колонки в каждом. Процесс комбинирования разрозненных кусков оказался, естественно, делом долгим, и до сих пор нам хватило времени только на то, чтобы составить связный текст и прочесть примерно половину найденных рукописей...» [118, 10].

206 Находка литературных текстов, выброшенных целой мас-

сой, была сама по себе довольно удивительной, а ведь среди них имелись два ценных поэтических фрагмента из утерянных произведений первоклассных древних авторов. Особый интерес представляли примерно триста строк «Пеанов» Пиндара, о которых до сих пор не было известно ничего существенного. Это было самое большое лирическое произведение, найденное в Египте со времен открытия текстов Вакхилида, и оно отнюдь не уступало по своей ценности всей обширной подборке образцов творчества этого поэта. Менее напыщенные, чем другие произведения Пиндара, «Пеаны» характеризуют его как автора, более приятного для чтения, «более человеческого, менее зависимого от мифа и не столь темного в выражениях» [120, 12]. С тех пор «Ода Дельфам» стала одним из широко известных образцов классического наследия. Второй важнейшей находкой был достаточно большой отрывок трагедии Еврипида «Гипсипила», давший возможность ученым-классикам определить фабулу трагедии. Кроме этого были найдены фрагменты стихотворения Сапфо и малоизвестных «Мелиамбов» (сатирических стихотворений) Керкида.

В прозаических манускриптах также не было недостатка; в частности, одно новое историческое произведение, подобно «Афинской политике» Аристотеля, произвело неизгладимое впечатление на ученых-классиков и историков. Это был отрывок примерно в шестьсот строк, описывающий период эллинской истории с 396 до 394 г. до н. э. Как изложение исторических фактов, он мог быть сопоставлен с Фукидидом⁵, труд которого он, очевидно, был призван продолжить, и Ксенофонт⁶, с которыми он иногда имеет и расхождения. Это произведение, широко известное под названием «Oxyrhynchia Hellenica», породило горячие дебаты по поводу возможного автора, продолжающиеся по сей день. В настоящее время основным претендентом считается Эфор⁷.

Эти находки отмечают лишь основные вехи одного из плодотворнейших сезонов Гренфелла и Ханта, который Кеньон приравнивал к сезону 1891 г. по важности сделанных открытий. Это сравнение удачно еще и потому, что, как и в 1891 г., в 1905 ценные папирусы были получены также и из другого источника. Наиболее важной была находка рукописи Менандра, обнаруженной в могиле близ Афродитополиса Густавом Лефевром, французским ученым, сотрудником Каирского музея. Рукопись содержала значительные по размерам отрывки

из пяти утраченных комедий Менандра, пьесы которого послужили образцами для Плавта и Теренция, через них — для Мольера и так далее, вплоть до авторов постановок текущего сезона на Бродвее.

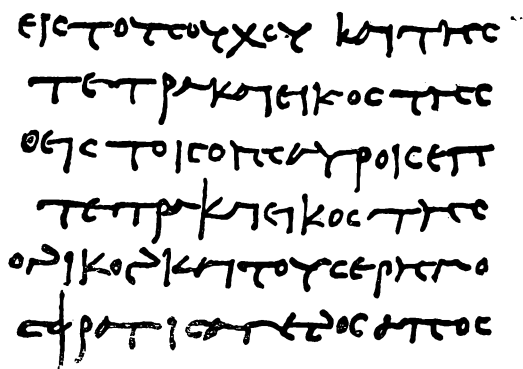
Когда в 1906 г. Гренфелл и Хант оставили свою активную деятельность в области полевых исследований, охота за папирусами достигла своего совершеннолетия, а систематическое изучение греческих папирусов превратилось в науку. К тому времени Оксирих приобрел славу сказочно богатого — в сравнении с ранее известными — источника папирусов.

Благодаря таким первопроходцам, как Петри, Бадж, Гренфелл и Хант, Египет, древняя страна чудес, фараонов, чумы и пирамид, мог теперь добавить к этому списку еще и папирус. Неоценимая важность исписанных клочков, поступавших в научные учреждения в громадных количествах, не подлежала сомнению. Оpozнание на этих истрепанных комках бумаги строк, составляющих славу мировой литературы, и обилие новых данных о древней цивилизации создавали новую атмосферу в изучении классики. «Папирусы влили свежую кровь в жилы классической науки», — заявил немецкий ученый Адольф Дейссман. Дж. А. Поуэлл, его английский коллега, подчеркнул, что 1891 год не только дал миру громадное количество новых материалов, увеличивших запас наших знаний о классике, но и явился началом «новой эпохи в изучении Греции» [168, 5].

Теперь открывалось множество новых направлений для научного поиска. Например, постепенное накопление папирусов, охватывающих целое тысячелетие, позволило проследить эволюцию греческого языка и его письма. Эта палеографическая летопись — более обширная, чем все латинские рукописи Вероны, доступные маркизу Маффеи, — наглядно демонстрировала происхождение унциального и минускульного письма из греческих прописных и строчных букв. Лингвистический анализ также пролил свет на эволюцию византийской идиоматики и даже обнаружил некоторые сходения с современным греческим. В первом приливе энтузиазма ученые, естественно, сосредоточили свое внимание прежде всего на открытых литературных фрагментах. В их руках было доказательство того, что многие из утерянных произведений имели хождение в Египте и, следовательно, вполне могли воскреснуть из небытия [175, 254]. С пониманием этого пришли новые представления о проникновении, широте

распространения и продолжительности эллинистического влияния на Ближнем Востоке.

Если судить по тем данным, которыми мы располагаем сейчас, вряд ли есть такой греческий писатель, чьи произведения в то или иное время не читали бы в Египте. Но некоторые авторы и определенные темы пользовались большей популярностью, чем другие. Философией, например, в Египте, по-видимому, слишком серьезно не занимались, по крайней мере в провинции. Платон, правда, был в числе авторов,

Факсимильные строчки официального распоряжения на греческом языке. Птолемеевский Египет,

III в. до н. э.

которых переписывали чаще всего, но его диалоги, вероятно, ценились скорее как литература, чем как метафизика или эпистемология. Труды Аристотеля почти не встречались, за исключением «Афинской политики», которая была произведением историческим, а не философским. Произведения других выдающихся греческих авторов, таких, как Эсхил и Аристофан, лишь изредка встречаются на папирусах. Можно предположить, что Эсхил казался не столь привлекательным из-за своего тяжелого, возвышенного стиля, а Аристофан, возможно, был слишком уж увлечен местными афинскими коллизиями и персонажами, являвшимися мишенью его сатирических стрел, чтобы египтяне могли с легкостью усваивать смысл его произведений.

Существенно пополнились наши знания о греческой драме значительными образцами Менандровой «новой» коме- 209

дии, обнаруженными в ныне знаменитом «Каирском кодексе», а также на папирусах, найденных в Оксирихе и в других местах. К тому времени из творчества Менандра не было известно ничего, кроме нескольких цитат (одна из них в Новом завете!). Теперь появлялась возможность получить представление о его мастерстве, которое древние ценили наравне с мастерством Платона и Еврипида. Следовало ожидать, что в эллинистическом Египте этот автор, обладающий таким легким и непринужденным стилем, встретит теплый

ΜΑΤΑΤΟΔΕΚΥΜΑΙΝΑ
ΝΕΙΡΙΔΙΤΕΝΑΓΓΕΛΛ
ΤΕΝΒΑΝΝΕΑΝΠΟΛΥΤΑ
ΑΞΟΥΣΙΜΠΥΡΟΦΔΕΑΙΟΙ
ΞΕΤΟΝΟΕΝΤΑΔΕΑΛΓΗ
ΑΑΜΕΕΕΛΛΑΔΑΝΓΑΓ
ΓΝΥΤΕΜΕΝΤΕΤΡΑΟ

Отрывок из «Персов» Тимофея. Папирус выполнен неровным «лапидарным» письмом. Конец IV в. до н. э.

прием. За несколько лет до этой находки Кеньон, комментируя Гиперида, пророчески заметил (1894 г.): «Есть два автора, о которых большинство ученых могут сказать, что утрата их наиболее удивительна и что восстановление их можно считать наиболее вероятным. Один из них — Менандр, второй — Гиперид. Встречи с Менандром мы все еще ожидаем, а Гиперид — это уже первая жатва нового урожая» [143, 532—533].

Пожалуй, наиболее интересным после Менандра открытием в области драмы было произведение Тимофея Милетского⁸, нечто вроде музыкального либретто, озаглавленного «Персы», которое не только знакомит нас с новой формой искусства, но и является, вероятно, самым древним (IV в. до н. э.) греческим манускриптом литературного содержания, обнаруженным в Египте. Он был найден в 1902 г. немецким египтологом Людвигом Борхардтом в солдатской могиле в

Абу-Сире, к северу от прохода в Файюм. Находка Тимофея — хорошая иллюстрация увлекательной напряженности, присущей охоте за папирусами, благодаря которой наряду с прославленными именами греческой литературы появляются на свет имена, менее всего известные и менее всего ожидаемые. В качестве других примеров можно привести Герода и беотийскую поэтессу Коринну, старшую современницу Пиндара, которая писала стихотворным размером, присущим только ей.

Лирическая поэзия благодаря пескам Египта обогатилась весьма существенно. До того времени ученые не располагали ни одним более или менее обширным собранием произведений кого-либо из греческих лириков. Поэтому не приходится удивляться тому восторгу, который вызвали открытия рукописей Вакхилида, Пиндара, жемчужин Сапфо и др. Находки, сделанные в Оксирихе, помогли также вернуть миру сицилийского поэта Ибика (Ивика), известного по балладе Шиллера. Было найдено сорок его строф, в четыре раза больше того, что было известно до тех пор.

Среди известных произведений, древнейшие копии которых были найдены в Египте, ничто не могло сравниться по популярности с творениями Гомера, в особенности с «Илиадой». Эпос о Троянской войне оставался своего рода греческой Библией на протяжении эллинистической, римской и ранневизантийской эпох, и количество найденных списков просто ошеломляло своим изобилием, что заставило кроткого Ханта сделать святотатственное замечание: «Громадная популярность этого барда подвергала терпение археолога одному из наиболее тяжелых испытаний. На его глазах извлекается из земли еще один крупный фрагмент литературного текста, и он на какое-то мгновение теряется в догадках, какое же новое сокровище удалось ему обнаружить, но можно ставить десять против одного, что это опять всего-навсего старик Гомер» [132, 85]. На ранней стадии исследования папирусов Кеньон отмечал, что вслед за Гомером по количеству найденных текстов шел Демосфен, а за ним — Платон. Эсхил и даже Софокл легко уступали Еврипиду, вслед за которыми шел еще и Менандр. Наряду с Демосфеном популярностью пользовались такие ораторы, как Исократ⁹ и Лисий¹⁰, а также Гиперид. Однако произведения Эсхина¹¹ попадались очень редко. Среди историков ведущее положение занимали Фукидид и Ксенофонт. Геродот, как ни странно, был почти

неизвестен. (Более позднее специальное исследование, однако, не подтвердило тезиса о явной непопулярности Геродота.) У лирической поэзии было относительно меньше почитателей, хотя все произведения Пиндара, Вакхилида и Сапфо были, по-видимому, в постоянном обращении.

Согласно приблизительной оценке, сделанной Кеньоном в 1919 г., в Египте к этому моменту было найдено около девяти сот двадцати папирусов литературного содержания. Из них около пятисот семидесяти текстов были известны нам ранее. Если исключить из этого числа около ста библейских и патристических текстов и примерно двести семьдесят гомеровских, то остается только двести папирусов, содержащих известные произведения, против трехсот пятидесяти папирусов с неизвестными текстами [141, 3]. Вывод о том, что большая часть манускриптов (не считая произведений Гомера и христианских текстов) представляет утраченные тексты, был убедительно подтвержден в ходе более тщательных исследований, проведенных американским ученым Чарлзом Генри Олдфатером в 1922 г., а также в более позднее время (1945, 1952 гг.) итальянкой Лаурой Джаббани и Роджером А. Пэком из Мичигана. Олдфатер установил, что Египет владел обширнейшим наследством греческой литературы, раза в три превышающим то, что сегодня есть на Западе. Поскольку основная часть найденных папирусов, как, например, оксиринхские, относится к первым векам христианства, можно с уверенностью сделать вывод, что каждый из древних (классических) текстов имел хождение на протяжении этого периода. Действительно, в течение всей римской эпохи египтяне располагали практически всеми произведениями греческой литературы. Разрушение основной библиотеки в Александрии во время похода Цезаря, по всей вероятности, не имело решительно никаких последствий, вопреки распространенному мнению, для происшедшей в конце концов утраты большинства классических литературных памятников.

В прошлом часто утверждали, будто практически все, что не дошло до нас, было утеряно уже ко времени первых веков христианства. Когда грамматик того времени цитировал, например, пьесу Еврипида, то он, как принято было думать, заимствовал эти строки скорее из антологии избранных отрывков, а не из оригинала. Подобные неверные представления были опровергнуты открытиями папирусов. Более того, если египетская провинция могла похвастать таким изобилием

греческих литературных произведений в сравнительно позднюю эпоху, то насколько же больше этих книг и многих других должно было иметь хождение в крупных городских центрах империи с грекоязычным населением: в Александрии, Эфесе, Антиохии, Афинах, да и в самом Риме?

Дали ли нам литературные папирусы какую-нибудь разгадку причины упадка греческой литературы, так же как они представили свидетельства ее популярности и долговечности?

ΠΑΙΔΕΣΕΜΟΙ ΑΓΕΤΗΛΕΜΑΧΩ
ΖΕΥΞΑΟΥΦΑΡΙΑΤΑΓΟΝΤΕΣΙΝΑ
ΩΣΕΦΙΘΟΙΔΑΡΤΟΥΜΑΛΛΕΝ
ΚΑΡΠΑΛΙΩΣΔΕΖΕΥΞΑΝΥΦΑΡ
ΑΝΔΕΓΥΝΗΤΑΜΗΝΣΙΤΟΝΚΑΙ
ΟΥΑΤΕΟΙΑΕΔΟΥΣΙΔΙΟΤΡΕΦΕ
ΑΝΔΑΡΤΗΛΕΜΑΧΟΣΠΕΡΙΚΑΛ
ΠΑΡΔΑΡΑΝΕΣΤΟΡΙΔΗΣΠΕΙΣΙΣ
ΕΣΥΦΡΟΝΔΑΝΕΒΑΙΝΕΚΑΙΝΗ

Фрагмент «Одиссеи» из собрания Британского музея. I в. н. э. В противоположность резкому, угловатому письму птолемеевской эпохи написание отражает более легкий, округлый стиль римского письма

Сегодня считается твердо установленным, что по крайней мере в Египте сокращение числа списков греческих литературных произведений и спад в их обращении начались сравнительно поздно. Не пытаюсь выделять первопричины, можно все-таки констатировать, что уменьшение числа греческих литературных текстов стало заметным со времени официального признания христианства в IV в., т. е. в период, совпадающий в Среднем и Верхнем Египте с серьезными экономическими трудностями, резким сокращением и массовым запустением обрабатываемых земель. Это не значит, что нам следует согласиться с Гиббоном и его концепцией «триумфа варварства и христианства». Цивилизация и грамотность не просто вымирали. Как справедливо отметил А. С. Хант, «благонамеренный человек был склонен, должно быть, к тому, 213

чтобы сменить Сапфо на псалмы и удовлетворить свой аппетит к истории и героическим романам житиями святых и мучеников!» [132, 84]. Последняя глава в истории греко-римского Египта — отнюдь не краткий миг. «Кодекс Менандра», например, а также стихотворения Сапфо и Пиндара — ни одно из этих произведений не сохранилось до средних веков —

Маски греческой трагедии

были обнаружены в византийских отложениях VI и VII вв.; греческий язык продолжал оставаться разговорным языком еще в период арабского владычества. Вполне возможно, что между старым и новым существовали связующие звенья, как, например, физические сочинения, написанные на греческом уже после арабского завоевания. Эти работы, основываясь на произведениях Аристотеля, предвосхищают в то же время учения арабских философов и их последователей — европейских схоластов [175, 261].

Возрожденные учеными тексты представляют пока лишь малую долю от огромной массы древнегреческой литературы, бывшей в обращении в Египте эллинской эпохи. Греческая лирическая поэзия, не считая нескольких примечательных исключений, остается в забвении. Из всех жанров более всего посчастливилось драме. Однако, если учесть, что из ста тринадцати предполагаемых пьес Софокла до нас дошло только семь, а из девяноста двух пьес Еврипида — только восемнадцать и не сохранилось ничего, достойного упоминания, от творчества многих других драматургов, которых древние ценили почти наравне с этими двумя, как, например, Агафона, известного нам потому, что он фигурирует в Платоновом «Пире», пробел остается просто огромный.

Eupolis, atque Cratinus, Aristophanesque poetae Atque alii...

(Евпол, и Кратин, и Аристофан — поэты, а также другие...)

Этот латинский стих, перечисляющий мастеров «старой» комедии, напоминает нам, что мы не располагаем почти ничем из их творчества; исключением является, быть может, Аристофан (с одиннадцатью комедиями, да и то, возможно, не самыми лучшими). Равные ему Евпол и Кратин известны нам только по нескольким до обидного скудным фрагментам. А другие? Предполагают, что других было около ста семидесяти, подавляющее большинство которых нам вообще неизвестно. То же самое можно сказать о «новой» комедии, досократовской философии, произведениях Демокрита и таких выдающихся историков, как Гекатей¹² (которому многим был обязан Геродот) и Феопомп¹³. От последнего нам остался едва лишь один параграф (если только мы откажемся приписать ему фрагменты исторического содержания, найденные в Оксирихе).

Потери латинской литературы, в количественном отношении по крайней мере, столь же значительны, хотя они, быть может, и не заслуживают такой глубокой скорби. Тем не менее велись увлеченные поиски недостающих книг Ливия. А кто не дал бы царский выкуп за мемуары Адриана, несмотря на их превосходную «реконструкцию», сделанную Маргерит Юрсенар?

Каковы же, однако, перспективы на будущее? До сих пор ничто не может идти в сравнение с золотым десятилетием Гренфелла и Ханта в Оксирихе, а с момента начала первой мировой войны систематические поиски папирусов в значительной мере утратили воодушевлявшую их энергию, если не считать нескольких эпизодических предприятий, принесших весьма скромные результаты. И опять наиболее впечатляющие находки, подобные открытию в Хенобоскионе, были сделаны совершенно случайно. (Никому по сей день не известно происхождение пьесы Менандра «Ворчун», единственного полного драматического произведения из найденных в Египте, которая была приобретена у торговца Мартином Бодмером, швейцарским коллекционером, и впервые опубликована в 1958 г.) [155, 7]. И все же количество папирусов, так же как и собрание текстов в университетах Европы и Западного полушария, продолжает расти.

Одно время возможности литературных открытий в Египте казались безграничными. Оксирих показал, что могут дать раскопки: Менандр, Аристотель, Гиперид и Вакхилид были, разумеется, великолепными находками. Мусорные хол-

мы выглядели неисчерпаемыми. Мумифицированные крокодилы, футляры мумий, кувшины, наполненные папирусами, продолжали поставлять ценнейшие отрывки. Но дело тормозило войны, увеличивались ставки местных рабочих, финансирующими организациями овладели сомнения, египетское законодательство блокировало вывоз папирусов из страны, ученым, таким, как Гренфелл и Хант, не удалось вырастить достойных преемников, и горстке папирологов не осталось ничего другого, как разбираться в обширных залежах найденных ранее папирусов у себя дома. «Археология камня» снова взяла в Египте верх над «бумажной» и достигла вершины успеха в открытии Картером гробницы Тутанхамона в 1922 г. Ни одна папирусная находка 20-х годов не могла сравниться с полной сокровищницей усыпальницей юного фараона. Однако папирология остается одним из форпостов современной науки, и возрождение интереса к открытиям папирусов, возможно, уже не за горами. В тот самый момент, когда за Египтом твердо закрепилась репутация единственной страны, способной сохранить в своих недрах папирусные и пергаменные рукописи с текстами утерянных произведений классической литературы, другие районы, например Южная Палестина, Северная Месопотамия, Малая Азия, кандидатуры которых прежде отменялись или даже никогда не подвергались обсуждению, стали рассматриваться как возможные источники древних текстов. Никто не может сказать, что принесет с собой будущее и где могут быть обнаружены трагедии Агафона или энциклопедическое исследование императора Клавдия об этрусках, хотя Египет, несомненно, остается одним из самых вероятных районов. Еще во время работы над этой книгой даже ее автор был убежден, что Европа, за исключением Геркуланума, не могла сохранить в своей пропитанной влагой почве древние манускрипты. И вот в январе 1962 г., в могиле, обнаруженной при строительстве дороги к северо-западу от Салоник, были найдены частично обгоревшие (благодаря чему они и сохранились), но поддающиеся прочтению папирусы. Это единственные полные папирусные рукописи, когда-либо найденные на территории Греции, и, кроме того, они как будто превосходят по древности все греческие документы из Египта. Вполне вероятно, что они написаны еще до рождения Александра. Согласно предварительным сообщениям, содержание их составляют орфические¹⁴ религиозные мифы [154, 5].

Х

Книга без обложек

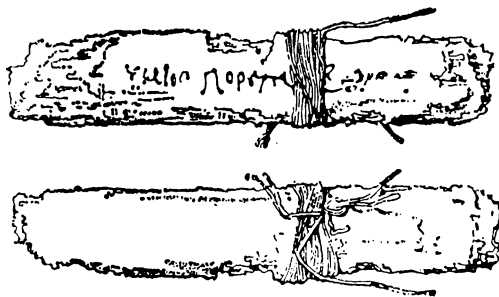
Частные письма, написанные очевидцами без специального на то умысла и раскрывающие такие обстоятельства, которые знакомят нас с интимной стороной важных событий, и есть подлинная история; их рассказ намного убедительнее формального повествования с заранее обдуманном замыслом.

Гораций Уолпол
(Из письма сэру Джону Фенну [172, 9])

«Хотя это многим может показаться парадоксальным, но я осмелюсь сказать, что нелитературные папирусы обладают для историка большей ценностью, чем литературные. Мы радуемся... когда земля Египта приносит нам древние книги или их фрагменты, особенно когда книги эти — утраченные литературные сокровища. Но с научной точки зрения подлинным сокровищем, скрытым в песках Египта, является не столько древнее искусство и литература... сколько вся эта древняя жизнь, реальная и осязаемая, ожидающая случая снова быть явленной миру» [104, 39]. Человеком, написавшим эти когда-то звучавшие еретически слова, был Адольф Дейссман, немецкий теолог. Именно он сделал больше других для того, чтобы привлечь внимание к нелитературным папирусам, которые в таком изобилии обнаруживались при раскопках и до той поры вызывали у исследователей классической древности в основном раздражение. Новая строка Сапфо или сцена из исчезнувшей комедии Менандра — вот что было целью их устремлений. Грубовато написанное письмо греко-египетского крестьянина-арендатора, выражающее его досаду на сборщика налогов, или выполненный скорописью договор на обучение раба вызывали снисходительное к 217

себе отношение. Литературные фрагменты публиковались, как правило, очень быстро. Мелочи повседневной жизни, составлявшие содержание более девяноста пяти процентов общего числа папирусов, могли подождать.

Адольф Дейссман был молодым преподавателем в небольшом протестантском университете, когда в начале 1890-х годов ему довелось ознакомиться в Гейдельбергской библиотеке с факсимильным изданием Берлинской коллекции папирусов. С внезапностью, типичной для самых простых, но одновременно революционных открытий, беглое чтение грече-

Свернутые и снабженные надписями
на внешней стороне папирусные письма из Египта

ских документов навело его на мысль о новой оценке нелитературных папирусов. Понимание по-настоящему пришло к нему в процессе решения одной из самых загадочных проблем Нового завета. Теологов и филологов уже давно удивлял греческий язык, которым был написан оригинальный текст Нового завета. Синтаксис, стиль, значение слов, да и множество самих слов настолько явно отличались от аттического диалекта, используемого авторами классической литературы и их более поздними подражателями, что, казалось, это едва ли не другой язык. Этот странный, обладающий очевидным своеобразием диалект чаще всего именовался «библейским» или «новозаветным греческим». Некоторые называли его «древнееврейским греческим», вполне правдоподобно объясняя странности языка семитскими корнями христианской религии, а также тем, что Христос и апостолы, слова которых

218 воспроизводит этот священный текст, говорили на арамей-

ском диалекте. В свете этих воззрений язык Нового завета отражал приспособление другого языка к мышлению и языковым навыкам людей чуждой культуры, никогда не владевших греческим языком достаточно хорошо. Ярким примером пренебрежительного отношения классициста к этому якобы гибриднему языку-посреднику является саркастическое высказывание Фридриха Ницше: «Довольно странно, что бог счел необходимым выучить греческий язык для того, чтобы общаться с человеком, и при этом выучил его так плохо» [168, 138]. Другой немецкий ученый более благочестиво нарек греческий язык Нового завета «языком святого духа» [110, 330].

Таково было состояние вопроса в тот момент, когда молодой Дейссман решительно отринул как осмеяние этого языка, так и гипотезу о его боговдохновенности. Он заявил, что не существует такого явления, как библейский греческий язык. Язык Павла и евангелистов, в сущности, идентичен тому, на котором говорило грекоязычное простонародье, населявшее Восточное Средиземноморье. Средством выражения в нелитературных папирусных документах выступал живой, разговорный греческий язык того времени, неизбежно отличавшийся по стилю и словарному фонду от формального, величественного языка литературной традиции. Народный язык, с презрением отвергавшийся эллинистическими авторами, был как вполне подходящий воспринят Священным писанием. Христианство могло стать мировой религией, только выбрав повседневный, разговорный язык цивилизованного мира. Заявление Дейсмана произвело почти такую же сенсацию, как идентификация «линейного Б» с догомеровским греческим, сделанная Майклом Вентрисом¹ примерно пятьюдесятью годами позже.

Обыденным языком нелитературных папирусов и Нового завета (а в значительной степени и «Септуагинты»²) был так называемый койне³, который, обладая свежестью, выразительностью и теплотой, прекрасно отвечал духу христианской проповеди и скромности быта ранней церкви. Среди примерно десяти процентов «экзотических» слов в греческом словаре Нового завета (из общего числа около пяти тысяч) почти все так или иначе имели аналогии в папирусных документах. Прослеживались параллели также в особенностях структуры предложений и грамматики. Это открытие привело к новому пониманию текста подлинника, которому сужде-

но было решающим образом повлиять на все последующие переводы Библии.

Специалисты в области классической филологии могли усматривать в «новозаветном греческом», разумеется, лишь ухудшенный вариант греческого языка Платона и Демосфена. Чтобы произвести решительный переворот в изучении и греческого языка, и Нового завета, потребовался теолог, являющийся одновременно специалистом по греческой филологии и относящийся с постоянным интересом к исторической обстановке древнего — греко-римско-византийского — христианского мира.

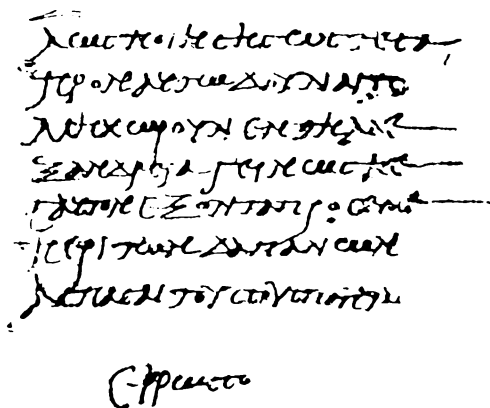
Впрочем, известный «дейссманизм» уже существовал и до того, как на сцене появился молодой немецкий теолог. Даже *Carta Borgiana*, папирус конца XVIII в., обнаружил перед учеными, разбавившими его текст, определенные языковые схождения с Новым заветом. А в 1863 г. английский священнослужитель, епископ Лайтфут, высказал, как говорят, следующую мысль: «Если бы только нам удалось найти письма, которые обыкновенные люди писали друг другу, не заботясь о литературном стиле, мы получили бы величайшее подспорье для понимания языка Нового завета в целом» [168, 137]. Но это были лишь отдельные искры, вылетающие, если можно так выразиться, из филологического подполья. Они не могли в то время воспламенить общественное мнение настолько, чтобы эти идеи начали разрабатываться систематически. Традиционный взгляд на природу «новозаветного греческого» по-прежнему не оспаривался. Даже после заявления Дейссмана любая «секуляризация» Библии рассматривалась многими церковниками как святотатство.

Дейссман в отличие от своих предшественников сумел внятно растолковать всем то, что подсказывала ему его блестящая интуиция. Приглашенный вскоре возглавить кафедру в Берлинском университете, он получил всеобщее признание как ведущий немецкий теолог, второй после Гарнака, и остался горячим поборником большой ценности нелитературных папирусов. По этому вопросу он написал много книг, важнейшей из которых является книга «Новые данные о Новом завете». Английские и американские университеты наперебой приглашали его для чтения лекций. Хотя он не меньше других был потрясен открытием так называемых «Логий», утерянных высказываний Христа, а также рукописей Евангелий, более древних, чем все известные до тех пор, и хотя

он был культурным европейцем, глубоко понимающим важность возрождения древних классических текстов, он продолжал настаивать на том, что ни одна из этих эпиграфических жемчужин не может сравниться по своей ценности с нелитературными папирусами. Дейссман был как бы верховным жрецом этой доктрины. Его точка зрения сейчас принята всеми, хотя и с оговорками, признающими наличие в греческом языке Нового завета отдельных «семитизмов». (Сам Дейссман допускал возможность того, что «Евангелие от Матфея» первоначально было написано по-арамейски).

Свидетельство того, что ранние христиане вращались в греко-римском мире и говорили на его вселенском языке, было для Дейссмана едва ли не откровением. Сценой, на которой осуществлялась миссия Христа, был обычный мир простого человека Востока, жившего в эпоху Римской империи. Эти картины, весьма существенные для понимания первоначального христианства, воскрешались нелитературными папирусами, которые благодаря их обыденности обрели ценность, идущую много дальше их чисто христианского содержания. То были поистине «краткие и простые летописи бедноты» древнего мира. Главным достоинством и очарованием этих документов было то, что они писались не для публики. Они были совершенно свободны от аффектации, лицемерия и искусственности, присущих замыслам с более осознанной литературной направленностью. Они звучат искренне, особенно письма, которым, быть может, недостает изысканности и эпистолярного мастерства Плиния Младшего⁴, лорда Честерфилда⁵ или Рильке⁶, но которые заслуживают большего доверия и приятно непосредственны. Как собрание документов, свидетельствующих о безымянной истории эпохи, нелитературные папирусы являются пределом мечтаний исследователя. Их многообразие не поддается классификации: они «столь же многосторонни, как и сама жизнь» [104, 36]. Стало обычной практикой делить их на официальные и частные документы, хотя между ними не всегда можно провести четкую границу. Официальными бумагами считают различные юридические документы, как, например, квитанции об уплате налогов, земельные описи, акты о купле-продаже, договоры об аренде, документы о займах, прошения, закладные, договоры о сотрудничестве, брачные контракты, заявления о разводе, свидетельства о смерти, инвентарные списки, обвинительные заключения и правительственные указы. Огромное

количество магических текстов и гороскопов образуют отдельную группу. Существуют также различные записи для частного или личного употребления, школьные упражнения (некоторые из которых являются копиями утерянных литературных произведений), дневники, записки и самое очаровательное из всего этого — множество писем.

Нижняя часть типичного для эллинистического Египта папирусного письма. В письме содержится просьба о присылке лекарств из Александрии.

I в. н. э. Хранится в Британском музее

Почти любой обрывок папируса приносит новые данные о стране, эпохе и людях. Вот несколько примеров, демонстрирующих нам страсти, слабости человеческой натуры, ссоры, затруднения, добродетели и шутки мужчин и женщин древности. Один человек сообщает о дурном сне, в котором на него напал беглый раб. Другой рассказывает о мошеннике, который обманом лишил его мать заработанных ею денег. Судья выносит приговор преступнику: «Мне кажется, что у тебя душа не человека, а зверя или, вернее, даже хуже, чем у зверя» [192, 19]. Или в одном из оксиринхских документов некий человек сообщает, что, вернувшись в Александрию, он обнаружил, что его дом и дом его друга подверглись обыску и что имели место массовые аресты высокопоставленных лиц. По-видимому, стук в дверь в предрассветный час не является изобретением современного полицейского государства.

Другой вечный мотив звучит в переписанном школьником педагогическом нравовании: «Старайся, мальчик, если не хочешь, чтобы с тебя спустили шкуру» [192, 4]; еще один — в солдатской просьбе о переводе из теперешнего места службы — какого-то богом забытого аванпоста на Красном море.

Частные документы нередко перемешаны с официальными сообщениями. Один папирус из Эль-Хибе может служить источником сведений о превосходно организованной местной

2011.07.22

Имя «Птолемей» в демотической и иероглифической передаче

почтовой службе, а список бедняков одного городка свидетельствует, что зажиточным горожанам вменялось в обязанность содействовать облегчению участи их менее удачливых собратьев. В одном из многих оксиринхских папирусов, касающихся религиозных вопросов, человек излагает свои условия сделки с божеством: «Знай, что я не намерен вообще обращаться на бога внимание, если мне сначала не вернут моего сына» [85, 243]. Другой выражает свои «религиозные» взгляды еще откровеннее: «Раз боги меня не пощадили, то и я не пощажу их» [85, 243]. В противоположность этому встречаем благочестивое утверждение верующего: «Не кто иной, как Зевс, ниспосылает нам хлеб наш насущный» [112, 18].

Как и последний пример, много отрывков в различных папирусах напомнят нам Евангелия. Даже не будучи связаны с ними идейно, они все же обнаруживают ту же нравственную силу, ту же живость и вводят персонажи, которых мы, казалось, уже встречали: римского префекта, хозяина постоялого двора, мытаря, ростовщика, вора, повесу, а также толпу солдат, крестьян, писцов, ремесленников и рабов. Но эти ассоциации едва ли стоит учитывать при оценке значения египетских документов для изучения раннего христианства. Существует громадное количество фрагментов канонической и неканонической христианской литературы (гимны, проповеди, апокрифы, утерянные Евангелия), и некоторые тексты

нелитературного содержания также проливают свет на христианскую традицию, как таковую.

Впрочем, одна из наиболее известных крупиц информации, почерпнутой из папирусов, имеет по отношению к христианству характер лишь косвенного свидетельства. Она содержится в юридическом тексте 88 г. н. э., где цитируются слова римского префекта, обращенные к преступнику: «...ты заслужил кару... но я отдам тебя в дар толпе и тем покажу себя более милосердным, чем ты» [175, 265]. Это сразу же напоминает нам евангельский эпизод с Вараввой, который был освобожден Пилатом таким же образом. «Выдача осужденного человека народу» была, как выясняется, обычной римской практикой.

Другое косвенное свидетельство содержится в папирусе, в котором говорится о предпринятой в 104 г. н. э. римской переписи населения. В нем приводится указание властей о том, что для переписи люди должны вернуться в города, где они живут постоянно. Мы знаем из «Деяний апостолов» и «Евангелия от Луки», что Мария и Иосиф отправились перед рождением Христа в Вифлеем, подчиняясь требованию властей в связи с приближающейся переписью. Так снова подтверждается историческая достоверность деталей Нового завета. Кроме того, датированные папирусы позволили установить, что римские переписи проводились каждые четырнадцать лет, что помогло уточнить предполагаемый год рождения Христа⁷.

Значительное количество документов из различных частей Египта отмечает распространение христианства; определенная сдержанность в некоторых несомненно христианских записях, возможно, свидетельствует о преследованиях. Наиболее наглядное свидетельство римских гонений на христианскую веру, в особенности в период правления императора Деция, дают так называемые *libelli* — удостоверения, выдаваемые имперскими властями каждому из ранее подозревавшихся после того, как он принял участие в языческих жертвоприношениях. В одном таком заявлении, поданном в 250 г. н. э. в Оксирихе неким Аврелием Гайоном, написано следующее: «Я всегда имел обыкновение приносить жертвы, я совершаю возлияния и почитаю богов в соответствии с божественными установлениями, и сейчас в вашем присутствии я принес жертву и сделал возлияние, а также вкусил жертвенной пищи вместе с Таос, моей женой, Аммонием и Аммонием, моими сыновьями, и Теклой, моей дочерью, от

имени которых я выступаю, и я прошу вас заверить мое заявление...» [143, II, 318].

Некоторые документы касаются организации и становления церкви (один ветеран римской армии в IV в., например, завещает половину своего имущества святой церкви); возникновения монашества; частных дел приверженцев истинной веры в Египте. Все это обогащает наше представление о новой религии.

Другую категорию образуют многочисленные документы, свидетельствующие о притягательности, какой обладали в глазах египтян не только многочисленные мистерияльные культы, но и христианские ереси, как, например, гностицизм⁸ — принадлежащая ему обширная литература была открыта в последние десятилетия. Несколько папирусов отражают нарождающийся воинственный дух и нетерпимость христианства, столкнувшегося лицом к лицу с пользующимся популярностью соперником — манихейством, дуалистическим верованием персидского происхождения. Такие темы, как религиозная жизнь греко-римского Египта, можно развивать на материале папирусов до бесконечности. То же можно сказать об образовании, положении женщин, роли иудеев, греческой колонизации, если назвать только несколько тем, по которым были написаны монографии.

И все же, несмотря на обилие документов, собственно политическая тысячелетняя история эллинизированного Египта освещена в папирусах сравнительно слабо, поскольку они были в основном написаны с позиций обычного человека и его повседневной жизни, а не с точки зрения деятельного политика или политического летописца. Однако некоторые свидетельства, содержащиеся в документах, поднимаются до значения «исторических». Вот взятые наугад примеры: по одному из папирусов удалось установить, что в 170 г. до н. э. Селевкиды из Сирии предприняли удачное вторжение в Египет и сместили царя из династии Птолемеев. Частные бумаги местного администратора II в. н. э. проливают дополнительный свет на восстание евреев, происшедшее в конце правления Траяна. Восстание распространилось на Египет и потребовало военных мер против «иудеев-безбожников» [175, 277].

Данные, затрагивающие политическую жизнь римского периода, довольно многочисленны. Особый интерес представляют указы жителям Александрии, изданные в 19 г. н. э. Гер-

маником и отражающие его беспокойство по поводу тех божеских почестей, которые воздавались ему во время его пребывания в Александрии, — честь, которой по правилам мог быть удостоен только царствующий император Тиберий. Германик с полным на то основанием боялся противопоставить себя императору и тем самым подвергнуть риску свое положение престолонаследника. И в самом деле, вскоре после этого он умер при таинственных обстоятельствах⁹. Прославленный указ императора Каракаллы «*Constitutio Antoniana*», изданный в 212 г. н. э., в котором даровалось гражданство фактически всем жителям (*peregrini*) римских доминионов¹⁰, теперь можно было прочесть в почти полной его версии. От периода правления Диоклетиана¹¹ дошли данные о его отчаянной попытке реформировать финансовую и административную структуру разваливающейся империи. Некому чиновнику в Египте стало известно о предстоящей девальвации, и он ловко обезопасил себя от инфляции, дав посреднику распоряжение «спешно тратить все имеющееся италийское серебро на приобретение от моего имени любых товаров по любой цене» [175, 273].

Когда же дело доходит до описания не столь острых ситуаций или долговременных тенденций, папирусы становятся куда более красноречивыми. Их неразрывная последовательность создает словно живую картину прошлого. По словам Ф. Дж. Кеньона, ценность нелитературных папирусов состоит «не столько в выявлении новых фактов первостепенной важности, сколько в накоплении мелких деталей, которые, будучи сами по себе ничем не примечательны, взятые в совокупности, образуют фундамент, на котором творчески мыслящий историк может основывать свои выводы» [146, I, 7].

На базе этой обширной, веками накопленной документации для современных историков не составило труда восстановить в полном объеме административную структуру египетской провинции на каждом этапе птолемеевского и римского правления. Практически все данные для этого были получены из папирусов. Из них мы узнали, что абсолютизм Птолемея, по крайней мере в период царствования первых правителей, способствовал возрождению богатства и процветанию Египта. Были созданы денежная и банковская системы, построенны государственные зернохранилища, установлены государственные монополии (в «Налоговом папирусе», изданном

Гренфеллом в 1896 г., подробно рассказывается о монополии на масло). Государство установило постоянные цены и контролировало производство и продажу зерна. Римляне превратили систему Птолемея в откровенную эксплуатацию. Около 60 г. н. э. местный сборщик налогов докладывал, что население шести деревень Файюма, «когда-то многочисленное, сократилось до нескольких человек, потому что одни сбежали, не имея средств к существованию, а другие умерли, не оставив после себя родственников» [84, 77].

Приблизительно к середине III в. н. э. упадок Египта стал более чем очевиден. Греческие поселения были повсеместно покинуты (что, кстати, способствовало сохранению мусорных куч и всякого рода остатков), ирригационные каналы высохли, крупные землевладельцы вытеснили независимых крестьян и низвели их до положения рабов, налогоплательщики сбежали, денежная система утратила свою экономическую основу. Проводившаяся государственными деятелями политика грубого вмешательства только ускорила разруху: назначенное лекарство оказалось более губительным, чем сама болезнь.

Из всех документов эллинизированного Египта ничто так не освещает всю эту калейдоскопическую картину, как бесчисленное множество контрактов. Длинная серия их начинается древнейшим из всех греческих папирусов Египта — брачным контрактом, составленным в 312—311 гг. до н. э. («В седьмой год царствования Александра, сына Александра, четырнадцатый год сатрапии Птолемея [Птолемея Сотера, умерший в 305 г. до н. э.], в месяце диос. Брачный контракт Гераклида и Деметрии») [134, I, 3—5]. Завершают серию контракты, написанные уже после арабского нашествия. Но к этому времени греческий в Египте был уже умирающим языком.

Количественное и тематическое богатство этой категории папирусов привело к развитию целой отрасли исследований папирусов, известной под названием «юридическая папирология». Греко-египтяне имели обыкновение скреплять почти каждое соглашение или сделку письменным договором. Этим объясняется столь большое количество документов, касающихся браков, разводов, усыновлений, завещаний, обязательств, найма актеров или профессиональных наставников для обучения детей и многого другого. Один юридический документ даже оговаривает, что вдова по требованию будущей

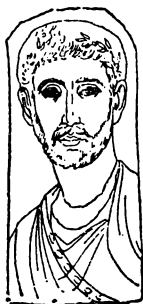
свекрови должна бросить своего ребенка. Другой документ касается найма виноделом музыкантов для игры во время приготовления вина — ясно, что не с целью развлечения рабочих, а для того, чтобы давилщики винограда давили его ногами в нужном ритме и не лодырничали [193, 14]. Договор о принятии в ученичество содержит специальный параграф, учитывающий естественное стремление мальчика прогуливать занятия и ограждающий интересы мастера: «Если мальчик прогулял несколько дней в течение срока своего ученичества, его отец обязан приводить ученика после окончания срока на такое же количество дней, в противном случае он уплачивает штраф в размере одной серебряной драхмы за каждый день» [134, 4]. Такого рода документы, несмотря на всю свою обыденность, воскрешают для нас атмосферу древности.

Можно очень много рассуждать о том общечеловеческом, что объединяет нас с греческими колонистами и местными египтянами, жившими две тысячи с лишним лет назад. Однако нелитературные папирусы также показывают нам в специфических, конкретных деталях многосторонность и изменчивость, уникальный характер и разнообразие исторической обстановки эллинистического Египта. Изорванные, пожелтевшие клочки не оставляют нас равнодушными, когда из них мы узнаем, что даже в 359 г. н. э. была предпринята одна запоздалая попытка восстановить прерванные торговые отношения с Индией [175, 270]; что в одном из районов поля с зерновыми культурами приходилось огораживать сетями для защиты от газелей или что через одно-два поколения греческие поселенцы в Файюме переняли местный культ священных крокодилов и заключали браки между братьями и сестрами. Стоит ли и говорить о том, что они пользовались бутылками с горячей водой в качестве грелки — точь-в-точь как наша бабушка в Канзас-Сити, страдающая артритом?

Хотя ученых и увлекла кропотливая интерпретация египетских документов, содержание многих папирусов оказалось ясным и легкодоступным пониманию даже рядовых наших современников. Наиболее живые из этих документов — письма, вознаграждающие читателя непосредственным ощущением драмы человеческого существования двухтысячелетней давности. Человек, забытый своей родней, вероятно, через несколько лет после смерти, в своих письмах вновь возвращается к жизни. Мы как бы видим блеск в его глазах, становимся свидетелями его тревог, его боли, его гордости. Вот он от-

правляется проверять, как трудятся его рабы; ссорится со своим соседом из-за прав на воду; сжимает в объятиях своего сына или делает ему замечание. Тайнство языка, творимое при посредстве лишь нескольких символов, быть может, дает нам наиболее приближенное представление о бессмертии.

Отнюдь не все письма написаны людьми незначительными. Вот, например, прославленные папирусы Зенона, выкопанные местными жителями в развалинах одного из городов Файюма в 1915 г., после того, как немецкие археологи не

Погребальный портрет из Файюма

смогли найти там ничего ценного. К сожалению, участники противозаконных раскопок поделили добычу между собой, почему документы и оказались рассеянными по различным египетским, европейским и американским научным учреждениям. Однако большая часть папирусов оказалась в Италии, где во Флоренции в 1917 г. была начата их публикация. Она тотчас же была расценена как событие первостепенной важности. Особую ценность этим папирусам придает их возраст: они датируются второй половиной III в. до н. э. Более того, поскольку эти папирусы происходят из частного архива одного лица, они характеризуются редкой цельностью и полнотой. В письма повсеместно вкраплены мелочи политического характера, благодаря которым нам удалось проникнуть даже в придворную среду и в ближайшее окружение трона. Некоторые из этих данных помогли ученым реконструировать хронологию раннептолемеевского Египта [89, 129]. Пожалуй, ни одна другая коллекция египетских нелитературных документов не была столь широко исследована и освещена в ли-

тературе. Кроме писем этот архив содержит большое количество частных и деловых документов, которым М. И. Ростовцев посвятил выдающуюся монографию. Корреспондентами Зенона были самые разные люди — от царского министра Аполлония до крестьян-арендаторов, мелких чиновников и свинопасов. Вот, например, как колонист выражает свой протест угнетателю-бюрократу: «Что до меня, то притесните и арестуйте меня, если сможете. Я постараюсь постоять за себя, но позвольте вам сказать, что вы — чудовище. Чем больше к вам проявляют почтения, тем более хищным вы становитесь. И так говорю не только я, но и все в нашем городе — так вы здесь популярны!» [168, 133]. Каждый, кому выпадало на долю сталкиваться со злоупотреблениями властью со стороны мелких тиранов и страдающих манией величия крупных начальников, не может не посочувствовать этому человеку!

Владелец этого частного архива был карийским греком из юго-западной части Малой Азии. Зенон достиг богатства и положения в обществе, будучи кем-то вроде мажордома при Аполлонии, первом министре Птолемея II (Филадельфа). Первый документ, датированный 260 г. до н. э., показывает нам Зенона совершающим поездку в Сирию по поручению министра и, возможно, самого царя. После 256 г. до н. э. его деятельность сосредоточивается на Филадельфии, новом греческом городе в Файюме, где он управлял обширными поместьями, подаренными Аполлонию царем. Благодаря его многочисленным обязанностям как управляющего этими землями — посев новых культур, руководство массой работников, повседневные столкновения со множеством всевозможных людей и проблем — мы получаем правдивую картину жизни этого цветущего форпоста эллинизма в Файюме. Энергия, с которой заброшенная земля в течение нескольких лет была преобразована в плодородные поля и сады, показательна для пионерского духа греческих колонистов. Аполлоний и Зенон активно содействуют внедрению новых культур — от винограда и фруктовых деревьев до роз и чеснока. Породность домашнего скота улучшилась. Как тут не вспомнить Джонни Эпплсида и таких сельскохозяйственных «революционеров» XVIII в., как «репа» Таунсхенда и Роберта Бейквелла. Поднимается новый город, толпами прибывают люди, оседают, создают семьи. Строятся школы, гимназии и дворцы. Всюду кипучая деятельность, становление, жизнь. Журчащая вода течет по новым каналам и орошает девственные земли. Аполло-

ний, несмотря на свою занятость царскими делами в Александрии, продолжает уделять внимание Файюму. Он пишет Зенону: «Посади сосны, если возможно, выше трехсот, но ни в коем случае не меньше, по всему парку, а также вокруг виноградника и оливковых рощ, ибо это дерево весьма красиво и послужит ко благу царя» [84, 47].

Как источник сведений о торговле и тому подобном папирусы являются «полной чашей» [168, 128]. Зенон состоял в постоянной переписке также со многими чиновниками, судьями, торговцами и местными ремесленниками. Сохранились письма от них, иногда адресованные даже не самому Зенону. В этих документах перед нами проходят люди различных рас, из Малой Азии, Сирии — Палестины, Северной Африки, Эфиопии. В них упоминаются разнообразные религиозные культы. Поднимаются вопросы торговли, причем предоставляемые ими данные существенны не только для Египта, но и для других стран. Обсуждение тарифов и обменных курсов денег приносит новые сведения о финансах. И так до бесконечности. «Возьмите наугад любое письмо, — писал современный комментатор, — и вы обязательно наткнетесь на колоритную фигуру, имя или эпизод» [168, 130].

Какой историк не придет в восхищение от описания дорожного сундука для одежды, принадлежащего Зенону, или роскошного стола Аполлония? В одном письме рассказывает о крестьянах, которые отказались получать за свои продукты что-либо, кроме твердой валюты. В другом обсуждается продажа рабынь. Папирус № 440 из итальянской коллекции сообщает нам, что те, кто добровольно брал на себя заботу о пропитании священных кошек, освобождались от других государственных повинностей. Между всем этим попадает немало писем более личного характера, хотя нам так и не довелось узнать, был ли Зенон женат и была ли у него своя семья. Но нам известно о его отце, оставшемся в Карию, и о его братьях в Египте. Неожиданно выяснилась вот такая сугубо личная деталь: его любимая собака погибла, зарезанная кабаном во время охоты. Зенон заказал поэту эпитафию для надгробного камня на могиле своего четвероногого друга [179, 107].

После смерти Птолемея II Аполлоний также исчезает. По-видимому, новый царь сместил его с высокого поста и лишил всех его поместий. Зенон, однако, продолжал жить в Филადельфии в качестве самостоятельного землевладельца и пер-

вого гражданина процветающего провинциального города. И вот более чем две тысячи лет его бумаги таились в руинах заброшенного города, пока феллахи не выкопали их в поисках себаха, предназначенного, быть может, удобрить те самые поля, которые некогда стараниями Зенона стали плодородными.

Столь полное собрание папирусов, как архив Зенона, является редким исключением. Пожалуй, нет ни одного, который мог бы сравниться с ним по охвату тем, возрасту, а также обилию данных. Такую богатую подборку исторических документов можно встретить разве что в архивах некоторых итальянских купцов эпохи Возрождения.

Значительно скромнее по масштабам несколько серий документов, найденных в Тебтунисе на мумиях крокодилов и написанных примерно столетием позже. Из их числа несколько документов имеет отношение к некоему Менхесу, который во II в. до н. э. занимал важно звучащую должность *kotogrammateus*, т. е. писца, в городе Керкеосирисе, в Файюме, а одновременно, по всей видимости, являлся тайным агентом центральных властей. Довольно много его документов было найдено и опубликовано Гренфеллом и Хантом в издании Калифорнийского университета. Менхес — менее впечатляющая фигура, чем Зенон, и некоторые из его бумаг бросают тень на его порядочность; они наверняка не были предназначены для сохранения. Для того чтобы вновь получить назначение на свой пост, который оказался для него, должно быть, весьма прибыльным, Менхес дал несколько взяток. Затем в течение его нового срока службы ему пришлось немало хлопотать по делу местного разбойника (и сына этого разбойника), который, будучи подозреваемым в убийстве, тем не менее не был арестован. Менхес — вероятно, родственник этого преступника — в конце концов обратился за советом к высокопоставленному чиновнику, живущему в другом городе. Из последующего письма, впрочем, ясно, что он, по-видимому, пришел к какому-то соглашению с этим плутом, который в благодарности предупреждает Менхеса о предстоящем визите инспектора казначейства и советует ему «привести в порядок свои приходные и расходные книги». Другие документы в коллекции Менхеса завершают картину города, в котором законности, как таковой, фактически не существовало.

Кстати, посещения правительственных инспекторов, по-видимому, были постоянным источником тревожений для сель-

ской и храмовой администрации. Папирусы не оставляют сомнений в том, как именно отделялись от этих опасных визитеров: увлекательная комедия Гоголя «Ревизор», вероятно, разыгрывалась в древнем Египте неоднократно. Необходимо было прежде всего иметь друзей в других поселениях района, которые предупредят о предстоящем визите правительственного агента и тем самым дадут время на то, чтобы привести в порядок отчетность. Одно письмо из Тебтуниса свидетельствует о подобной услуге, даже, пожалуй, о более значительной, вряд ли продиктованной только дружескими чувствами. Среди прочего в нем говорилось: «Да будет тебе известно, что прибыл инспектор по храмовым финансам и что он намерен нагрянуть в твоё владение. Тебе не стоит волноваться по этому поводу: я тебя выручу. Так что, если у тебя есть время, дописывай свои отчеты и приезжай ко мне, ибо он весьма суровый малый. Если тебя что-то задерживает, пришли отчеты мне, и я все улажу, так как мы с ним стали друзьями. Если у тебя денежные затруднения и нет под рукой нужных сумм, напиши мне, и я тебя выручу, как в прошлый раз. Я спешу написать тебе для того, чтобы ты раньше не встретился с ним; я за тебя все улажу до того, как он прибудет к тебе. У него инструкции всех строптивых отправлять под стражей к верховному жрецу» [121, II, 315].

Посещение совсем другого рода, также увековеченное папирусами Тебтуниса, стало знаменитым. Речь идет о намерении одного путешествующего римского сенатора остановиться в Файюме — обязательном пункте маршрута всякой развлекательной поездки по Египту благодаря священным крокодилам и Лабиринту Гавары. Письмо подтверждает красочные описания Геродота и Страбона. Однако ценность письма заключается отчасти и в том, что оно свидетельствует о почестях, воздаваемых в птолемеевском Египте римскому политическому деятелю. Очевидно, римское влияние на Египет в то время было уже ощутимо, хотя оставалось еще более ста лет до фактического подчинения Египта Риму, последовавшего за битвой при Акции. Само письмо являет собой образец обдуманного низкопоклонства по отношению к посещающим Египет «особо важным персонам». Оно было отправлено из Александрии через несколько посредников некоему Гору, секретарю высокопоставленного правителя района. Гор известен нам также по его переписке с Менхесом. Папирус гласит: «...Люций Меммий, римский сенатор, занимающий

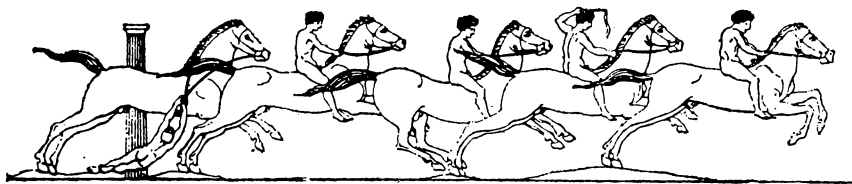
высокое и почетное положение, совершает поездку с ознакомительной целью из Александрии в арсиноитский ном, чтобы ознакомиться с местными достопримечательностями. Надлежит принять его с особой пышностью и позаботиться, чтобы в соответствующих местах для него был приготовлен ночлег и чтобы причалы там были в надлежащем порядке. Пусть на причалах вручают ему, как гостю, дары, перечисленные ниже, обеспечьте меблировку покоев, лакомство для Петесуха и других крокодилов, все необходимое для осмотра лабиринта, а также для жертвенных обрядов — словом, приложите все усилия для того, чтобы гость остался доволен, явите все свое усердие...» [121, I, 128].

Мы не знаем, был ли удовлетворен римский патриций оказанным ему приемом и экзотическими зрелищами. Скорее всего, как большинство небрежных туристов, он понемногу скучал и почти наверняка с неодобрением взирал на странных богов упадочных египтян и на готовность, с которой их господа, греческие поселенцы, перенимали поклонение этим богам. Вероятно, он бормотал себе под нос что-нибудь о благодетельности римского аскетизма и старого доброго здравого смысла его крестьянских предков. Вернувшись домой, он, быть может, составил впечатляющий отчет о своем «познавательном» путешествии по союзным Риму странам, тем самым увеличив свой политический капитал. Что же касается Гора, лица, ответственного за прием иностранца, то, может быть, этот сын Египта презрел всю помпезность и парадность, заготовленную для туристов, и разглядел-таки в римском политикане властолюбивого, лишенного чувства юмора варвара.

Туризм был в Египте процветающей индустрией задолго до появления компании «Томас Кук и сыновья» (и даже до Александра и его полководцев). Примерно в 100 г. н. э. один любознательный путешественник отнесся к своей задаче настолько серьезно, что пересек всю страну, поднявшись вверх по Нилу до южного форпоста египетской цивилизации — Сиены (современный Асуан). Он также предпринял поездку через пустыню, чтобы посетить оазис Сива, местопребывание оракула Юпитера Аммона. Добравшись до святилища, он выцарапал на камне имена своих друзей, чтобы бог не забывал о них.

Древние (Геродот, например) называли египтян самым религиозным народом, подразумевая под этим, вероятно, их

крайнее идолопоклонство. Новоприбывшие поселенцы довольно быстро усвоили тот же образ мыслей. Папирусы греко-римского периода дают нам массу примеров многообразия религиозного опыта и практики египтян. В них встречается бесчисленное множество заклинаний, заговоров, магических формул, прорицаний. К местным богам обращались по любому насущному вопросу, так же как древние китайцы к своим гадательным костям. Например, в одном оксиринх-

Скачки. Рисунок на греческой вазе

ском папирусе содержится просьба к Серапису Гелиосу, благодетельному богу, «ответить на четыре вопроса: подходящее ли сейчас время для покупки раба? Можно ли мне жениться? Следует ли заключать договор с таким-то? Суждено ли ему уехать из этого города?» [193, 13]. Все это более или менее стандартные вопросы, с которыми письменно обращались к богам. Пожалуй, больший интерес представляют упоминания о больших религиозных празднествах, в особенности описание в папирусе Зенона праздника в честь богини Исиды.

Папирусы проливают свет и на более обыденный, но значительно реже отмечаемый в источниках аспект цивилизации — досуг египтян. Когда дело доходило до развлечений, эти люди прекрасно разбирались в том, что позволит им отвлечься от дневных трудов и забот, тирании выше- и нижестоящих, власть имущих и ненасытных богов. Если судить по оксиринхским папирусам, скачки верхом и на колесницах были чуть ли не всеобщей страстью. Процветали и множились самые разнообразные клубы. В Тебтунисе был найден отчет своего рода клуба «любителей пообедать» с перечислением его членов и указанием дополнительных заказов на хлеб, вино и украшения [193, 14]. Атлетический клуб носил причудливое название «Почтенный гимнастический клуб кочевников под императорским покровительством», хотя к кочевникам он

имел примерно такое же отношение, какое некоторые американские клубы со столь же экзотическими названиями имеют к «краснокожим индейцам» и «дервишам Аравии». Императорское покровительство этот клуб заработал, подарив императору Клавдию золотую корону в честь победы, одержанной им в Британии. Все это выясняется благодаря документу, в котором говорится о присвоении в 194 г. н. э. звания члена клуба кулачному бойцу по имени Герминий, за что последний отвалил клубу кругленькую сумму в сто денариев [193, 15].

Те, кто надеется найти в общественной жизни этих средиземноморских народов, живших около двух тысяч лет назад, своего рода квазиюнгянские¹² архетипы, не будут разочарованы. Аналогии с современными обычаями настолько поразительны, что нет нужды их подчеркивать. Возьмем самое обычное приглашение, посланное из Оксиринах во II или III в. н. э.: «Херемон приглашает Вас пообедать за столом у бога Сераписа, в Серапеуме завтра, 15-го, в 3 часа» [193, 15]. Не хватает только «прошу сообщить Ваше согласие». Серапеум, местный храм синкретического греко-египетского бога, стал, очевидно, чем-то вроде общественного центра, как любая современная церковь в американском захолустье.

Музыканты и другие представители развлекательных жанров были почти обязательными для каждого уважающего себя устроителя приема, и поэтому письма, содержащие заказы на подобного рода услуги, встречаются в больших количествах. Например, в 237 г. н. э. отцы файюмского города Вакхия отправили своему доверенному лицу письмо с просьбой прислать к наступающему празднику двух танцовщиц. В другом случае, в 182 г. н. э., когда для увеселения компании были наняты музыканты, игравшие на кастаньетах, произошла трагедия. Восьмилетний сын раба, не допущенный вследствие своего возраста и социального положения на это представление, наблюдал за ним, взобравшись на лестницу. Чтобы лучше увидеть, он попытался взобраться повыше, сорвался и разбился насмерть. О прискорбном инциденте говорится в докладе губернатору (стратегу) оксиринхского района — факт, из чего следует, что даже жизнь раба все же считалась подлежащей какому-то учету.

К наиболее трогательным и искренним документам относятся письма, касающиеся личных взаимоотношений, таких, как брак, дружба, любовь, отношения родителей и детей.

Вот, к примеру, письмо Илариона своей жене Алис, которую он называет, по египетскому обычаю, «сестрой», каковой она вполне могла быть на самом деле. Иларион, по-видимому, уехал в Александрию в поисках работы, оставив дома беременную жену с ребенком: «Иларион к Алис, сестре своей, с сердечными приветствиями, а также к моим дорогим Берозу и Аполлонариону. Знай, что мы до сих пор в Александрии. Не беспокойся, если я задержусь в Александрии, когда все

Портрет из Файюма

остальные вернутся. Прошу и умоляю тебя заботиться о малыше, а как только мы получим заработанные деньги, я вышлю их тебе. Если — да будет так! — ты родишь ребенка и если это будет мальчик, пусть он живет; если родится девочка, подбрось ее. Ты передала через Афродисия: „Не забывай меня“. Как я могу забыть тебя? Поэтому я прошу тебя не беспокоиться...» [134, I, 295].

Это, безусловно, нежное письмо, каким бы жестоким нам ни казался освященный веками обычай отделяться от нежеланного ребенка. Есть также множество нежных писем от жен, как, например, письмо человеку, участвовавшему в войнах Цезаря, в котором его жена пишет, что она «постоянно не спит, снедаемая день и ночь только одной тревогой» за его жизнь; затем она умоляет его не подвергать себя излишним опасностям. Отнюдь не являя собой образчик патриотизма, письмо демонстрирует женский здравый смысл и заботливость, когда она советует ему: «Но ведь ты тоже можешь поступать точно так же, как наш стратег (местный губернатор), 237

который большую часть работы сваливает на исполнителей» [81, 295].

С другой стороны, существует бесчисленное множество документов и писем, посвященных разводам; в одном из них, например, дама-христианка изливает свою душу по поводу оскорбительного поведения ее мужа-безбожника, который, подобно какому-нибудь антиклерикально настроенному французу XIX в., особенно раздражался ее частыми посещениями церкви; однажды он даже захлопнул перед ней ворота «дома божьего». Встав перед храмом, он закричал на нее: «Зачем ходишь в церковь?», добавив к этому «много оскорбительных выражений гнусавым голосом». Что еще можно было ожидать от подобного чудовища? Многострадальная дама с грустью заключает: «Он все твердил: „И месяца не пройдет, как я заведу любовницу“. Видит бог, так оно и случилось» [134, I, 293—294].

Наиболее прочувствованными были письма, которыми обменивались друг с другом отцы и сыновья, что свидетельствует об особой близости их отношений, чему древние придавали первостепенное значение. Одно по праву знаменитое письмо, нацарапанное маленьким нагловатым мальчишкой корявым почерком, со множеством грамматических ошибок, представляет собой яркий пример юношеского цинизма: «Теон к Теону, своему отцу, с приветом. Это было так мило с твоей стороны, что ты не взял меня с собою в город! Если не возьмешь меня с собой в Александрию, я больше не напишу тебе ни одного письма, не буду разговаривать с тобой, никогда больше не пожелаю тебе здоровья. Если ты и вправду едешь в Александрию, я не подам тебе более руки и не буду с тобой здороваться. Вот что случится, если ты не возьмешь меня. Мама сказала Архелаю: „Он ужасно меня огорчает, пусть убирается!“ О, это было так мило с твоей стороны — послать мне подарок! Такая прелесть — огрызки какие-то! Двенадцатого, когда ты отплывал, им удалось обмануть нас. Пошли за мной, умоляю тебя. Если не пошлешь, я не буду есть, не буду пить. На том прощай! Молю о твоём здоровье» [120, I, 119].

Переписка между «дражайшим отцом» и «дражайшим сыном» встречается в оксиринхских текстах в большом количестве. Сыновья, однако, чаще полны уважения и покорности, в то время как отцы дают им такие, например, советы: «Старайся не раздражать никого из домашних, думай толь-

ко о своих книгах и больше ни о чем, посвети себя учению, и оно вознаградит тебя» [120, III, 531]. Одно из самых трогательных писем было отправлено Апионом, примерным сыном, который был призван на службу в императорскую армию, где ему дали новое, латинское имя. Он спешит уведомить свою семью в Филадельфии (городе Зенона) о прибытии в Италию после перехода через штормовое Средиземное море, а также о предстоящем повышении в чине. Письмо было послано из римской морской базы в Мизене, на берегу Неаполитанского залива, откуда Плиний Старший отправлялся на спасение жертв Везувия. Письмо гласит: «Апион к Эпимаху, своему отцу и господину, с сердечными приветствиями. Прежде всего выражаю надежду, что ты здоров, постоянно благополучен и процветаешь вместе с моей сестрой, ее дочерью и моим братом. Хвала богу Серапису за то, что он спас меня, когда я был в опасности на море. Сразу после прибытия в Мизен я получил от Цезаря мои дорожные деньги, три золотых. Со мной все в порядке. Заклинаю тебя, мой отец и господин, написать мне несколько строк прежде всего о своем здоровье, во-вторых, о здоровье моего брата и сестры, в-третьих, чтобы я мог поцеловать написанное твоей рукой, ибо ты хорошо воспитал меня, вследствие чего я надеюсь быстро продвигаться по службе, если пожелают этого боги. Передай от меня привет Капито, а также моему брату и сестре, и Серенилле, и моим друзьям. Посылаю тебе свой маленький портрет, нарисованный Евктемоном. А мое новое имя — Антоний Максим. Молюсь о твоём здоровье...» [134, I, 305].

Женщины в колониальном обществе играли большую роль. Некоторые, вероятно, даже получали весьма основательное образование. Обнаружено значительное количество писем от матерей, хотя они и не столь многочисленны, как письма от отцов, и далеко не все из них написаны писцами. В письме II в. до н. э. мать выражает удовлетворение тем, что ее сын овладел языком коренных жителей Египта, что, как она надеется, принесет ему определенные финансовые выгоды. Письмо представляет интерес не только как свидетельство заботы женщин о том, чтобы их дети получили должное образование; оно также показывает, что греческие переселенцы отнюдь не чуждались коренных жителей и легко поддавались ассимиляции. Однако не все матери могли гордиться карьерой своих сыновей. Одно письмо II в. н. э., найденное в деревне Каранис, в Файюме, было написано блудным

сыном, который сообщал своей матери, что из-за постигших его несчастий ему стыдно возвращаться домой: «Я хожу в лохмотьях. Пишу, чтобы сообщить тебе, что я наг. Я прошу тебя, мать, быть снисходительной ко мне. Ведь я понимаю, что все это сделал я сам. Я получил урок, который заслужил. Мне известно, что я согрешил. Я получил весточку от Постума, который видел тебя в арсиноитском номе и рассказал тебе все без утайки. Разве ты не знаешь: по мне лучше стать калекой, чем сознавать, что я остался должен кому-нибудь хотя бы пару грошей» [134, I, 317—319].

Иногда сын, боясь сурового гнева отца, прибегал к известному способу — апеллировал к более нежному материнскому сердцу, как, например, в этом, замечательном своим бесстыдством отрывке: «Когда ты получишь мое письмо, будь добра, пришли мне 200 драхм... Я истратил все деньги... Пишу тебе, чтоб ты знала об этом. Пришли мне толстый шерстяной плащ и кошелек, пару обмоток для ног, пару кожаных плащей, немного оливкового масла, умывальный таз, о котором ты говорила, и пару подушек. И еще, мать, пришли мое месячное содержание, и поскорее... Приходил ко мне отец и не дал мне ни гроша, ни кошелька, ничего. А они все насмеваются надо мной, говоря: „Его отец — солдат и ничего не дал ему“ ...Так что я прошу тебя, мать, пришли мне все, что я просил, не оставляй меня...» В приписках на полях, во всем остальном неразборчивых, без конца повторяется: «Пришли мне... пришли мне» [192, 6—7].

Полную противоположность этой плаксивой мольбе составляет письмо человека, до которого дошел слух, что брату его недостает сыновней преданности. Он пишет ему: «Мне сообщили, что все вы доставляете множество хлопот нашей почтенной матушке. Будь добр, мой возлюбленный брат, не огорчай ее ничем и, если кто-нибудь из наших братьев станет перечить ей, надавай им затрещин. Потому что ты остался теперь за отца... И не обижайся на мое письмо за эти упреки: мы должны почитать нашу мать как богиню, особенно такую хорошую мать, как наша. Я написал тебе об этом, брат, так как знаю, как ласковы к нам почтенные наши родители...» [192, 8—9].

Семейные письма, подобные этим, столь личные и столь непосредственные, как бы возвращают этих людей к жизни через бездну веков. Когда в такую семью приходит смерть, мы глубоко сочувствуем их человеческой драме, их безысход-

ному горю, хотя, разумеется, при смерти близкого родственника характеры людей могут проявляться по-разному. Вот пример сурового выговора, сделанного одним «добрым самаритянином» двум бессердечным братьям: «Я очень удивлен тем, что вы так бесчувственно уехали, не взяв с собой тело своего брата: вы забрали все, что он имел, и после этого уехали. Отсюда я вижу, что вы приезжали не ради покойного, но ради его имущества» [168, 143—144]. Вряд ли что может превзойти по силе сопереживания и здравому смыслу следующее письмо: «Ирена к Таоннофису и Филону, с приветом. Я горевала и плакала по благословенному так же, как прежде, — по Дидиму; я совершила все, что подобает в таких случаях, и точно так же поступили все мои домочадцы: Эпафродит, Термуфион, Филион, Аполлоний и Планра. Но разве можем мы что-либо изменить? Поэтому утешьтесь. Желаю вам счастья» [120, I, 115].

Такой стоической силы духа явно недостает другому письму, которое выражает соболезнования иного рода: «..Что ты страдал, как праматерь Ева, как Мария; и, пока жив бог, о мой господин, ни одной праведной женщине и ни одной грешнице не пришлось выстрадать столько, сколько страдал ты; и, однако, грехи твои суть ничто. Но будем славить господа нашего, ибо это он дает и он берет к себе; но будем молить бога, чтобы он дал им упокоевание и удостоил тебя блаженства с ними в раю, когда он станет судить души человеческие, ибо пришли они в лоно Авраама, и Исаака, и Иакова. И вот увещаю я тебя, мой господин, не держать горя в душе своей и не разрушать своего счастья, но молить бога о ниспослании тебе его благословения, ибо у бога есть много всяких даров и он может вернуть скорбящим хорошее расположение духа, если они жаждут получить благословение от него; и мы уповаем, что господь через это горе ниспошлет радость тебе и господину, твоему брату...» [134, I, 168].

Сравнение языческого письма и второго, куда более многословного, отражающего появившееся к тому времени христианское мировоззрение, показывает коренные изменения, происшедшие в греко-римском Египте. Поистине конец был уже близок.

Эти несколько примеров свидетельствуют о разнообразии содержания нелитературных папирусов, хотя они явно не подтверждают фактами или по меньшей мере вообще никак не затрагивают концепцию Карлейля¹³ о роли великих лю-

дей в истории, да и все концепции истории, характерные для школьных учебников. В них практически нет великих злодеяний, совершенных суперменами, или роковых решений, принимаемых приспособленцами, обладающими второразрядными талантами, но зато перворазрядным честолюбием. Если хотите, эти обыденные документы показывают, что для подавляющего большинства людей «история» вершилась на совершенно другом уровне, до которого редко снисходили герои. Эти документы принадлежат той «высшей реальности», которую Гёте приписывал крестьянскому хозяйству, сравнивая его с фантомами возникающих и рушащихся империй. Они повествуют не о барабанном бое и громах, не о батальонах и династиях, а о безымянных массах, занятых своим повседневным тяжким трудом, о крестьянине, пекаре, ремесленнике, изготовляющем подсвечники, молодой матери, ветеране войны, управляющем поместья и местном продажном политикане. Эти забытые голоса доносят до нас реальную обстановку борьбы за существование и добывания средств к жизни в суровом мире. Здесь мы сталкиваемся лицом к лицу с бюрократией, юридическими институтами и принуждением под эгидой закона, религиозной практикой, методами землепользования, экономическими потрясениями, рабством, общественными классами, вмешательством государства, поведением людей в обществе и в частной жизни в многогранном социальном и экономическом мире Египта на протяжении тысячи лет. Благодаря этим документам мы можем заново переписать его историю — в большинстве своем анонимную, представляющую взгляд изнутри, историю, питаемую почти непрерывной летописью, посредством которой сменяющие друг друга поколения говорят о себе сами вместо того, чтобы быть обреченными безгласности как некий «человеческий материал» поверхностных абстракций политических, военных и «философствующих» историков.

Папирусы неизмеримо углубили понимание историками, не говоря уже о палеографах, филологах и теологах, жизни эллинистического и римского Египта. Эпоха эллинизма долгое время оставалась в полном забвении, занимая незавидное положение между сверкнувшей ярким метеором карьерой Александра и появлением римских цезарей. Со времени заката фараонов о Египте было известно мало, за исключением нескольких упоминаний у Геродота (жившего до Александра Великого), а также у Страбона¹⁴, Диодора Сицилийского¹⁵

и Плутарха¹⁶. Почти все, что мы сегодня знаем, было собрано нами по крупицам из этих вновь обретенных документов.

К числу наиболее ревностных исследователей в области экономической и социальной истории принадлежал Михаил Иванович Ростовцев, русский эмигрант, который позднее преподавал в Йельском университете и стал одним из выдающихся историков XX в. Ему принадлежит почетное место среди тех, кто вернул эллинистической эпохе подобающее ей по праву положение, так как именно эллинизм впервые выступил с проповедью идеи мирового сообщества с его койне, т. е. мировым языком; именно эллинизм вызвал к жизни далеко идущие по своим последствиям начинания в области права, политики и экономики. Без эллинистического периода вряд ли была бы возможна Римская империя. Другой современный ученый, деятельность которого мы рассмотрим более детально позже, Аурел Стейн, посвятил несколько своих ранних работ выяснению, по данным папирусов, структуры римской администрации в Египте.

В римскую эпоху Египет, возможно, и был тихой заводью, но египетские документы осветили перед нами весь обширный мир Средиземноморья, о котором другие источники сообщали мало или вообще ничего. Тысячи фрагментов составили картину, обладающую такой точностью и полнотой, что, говоря словами Ростовцева, они «когда-нибудь явят нам почти полное представление о том, что представляла собой жизнь» в эллинистическом и римском Египте [179, 100].

ДРЕВНИЙ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

ХІ

Древнейшие книги мира

Современный мир получил наследство от древнего Египта, как и от Греции, по двум различным каналам. Во-первых, имела место прямая историческая преемственность... Но, во-вторых, осуществлялось своего рода запоздалое усвоение культурного наследия, и здесь Шампольон и его преемники сыграли по отношению к Египту такую же роль, как ученые Возрождения по отношению к Греции.

Алан Х. Гардинер [231, 53]

Папирусы греко-римского Египта вызвали начиная с последней четверти XIX в. огромный интерес, и уже плохо осознавался тот факт, что эти документы в конце концов были оставлены чужеземными пришельцами, причем поздними. В представлении широкой публики папирология с ее профессурой, международными конгрессами, научными журналами, методологическими трактатами и специальными коллекциями занимается почти исключительно текстами на классических языках. Однако папирусы на греческом и латинском языках составляют лишь небольшую часть многоязычных свидетельств культурной жизни Египта на протяжении более пяти тысяч лет. Наряду с греческими и иногда латинскими текстами были найдены папирусы, написанные на арамейском, древнееврейском, пехлеви (среднеперсидском), сирийском, ливийском, многих малоазиатских, коптском, эфиопском и арабском языках. Одной из диковинок были обрывки готских текстов — возможно, самые ранние существующие образцы германской письменности, которые подтверждают

предание о том, что римляне использовали на Ниле солдат-варваров с севера — факт, известный читателям романа Чарлза Кингсли «Ипатия».

Фрагменты арамейского (справа), сирийского (сирского, или сиро-арамейского; вверху слева) и древнееврейского (внизу слева) папирусов, найденных в Египте. Таковы многоязычные свидетельства культурного разнообразия и политических судеб Нильской долины, климат которой способствовал сохранению не только египетских по происхождению, но и неегипетских документов

Папирус с персидским текстом,
найденный в Египте

Однако к тому времени, когда появились все эти документы, великая цивилизация Египта процветала уже около трех тысячелетий. И в обширном наследии, оставленном Египтом, далеко не последнее место занимает папирус как материал. Использование папируса для письма было, как мы видели, египетским нововведением, и папирус изготовлялся из местного египетского растения. Мы не знаем точной даты, когда

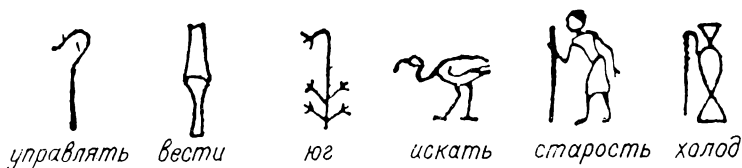
начали использовать для этой цели папирус, но, по современным данным, это произошло еще в эпоху додинастического Египта, примерно в 3100 г. до н. э.

Обитатели берегов Нила были, следовательно, грамотны все это время, гораздо дольше, чем любой другой народ, исключая, может быть, шумеров Месопотамии. В отличие от месопотамской египетская письменная культура оставалась фактически неизменной и в христианскую эпоху и закончилась только с приходом арабов и с постепенным отмиранием древних систем письма, рисуночной иероглифики и ее скорописных разновидностей — иератического и демотического письма. Однако коптский язык, последняя форма коренного египетского языка, просуществовал до XVII в. и все еще используется сегодня в обрядах коптской христианской церкви.

Как только копты восприняли модифицированный греческий алфавит, они быстро утратили навык чтения и письма с использованием древней письменности. Сохранились только самые смутные представления о значении этих странных символов. К сожалению, даже и эти представления оказались окончательно запутанными в описаниях классических авторов, которые, начиная с Платона и Фалеса¹, отражали непременное уважение греков к почти сверхъестественной, по их представлениям, мудрости египтян. Утерян был ключ к многочисленным надписям на руинах храмов и обелисках. Утрачена была вся, до последнего памятника, древнеегипетская литература. Скептики даже сомневались в том, что египетское письмо, если не принимать во внимание религиозные заклинания, вообще использовалось в каких-либо целях, кроме чисто утилитарных. То, что Египет имел литературу в современном смысле этого слова, литературу удивительной жизненности, духовной силы и разнообразия, казалось невысказанным еще сто пятьдесят лет назад.

В Европе многочисленные предположения о значении пиктограмм высказывались еще со времен немецкого ученого-иезуита Афанасия Кирхера, жившего в XVII в., но проблема казалась неразрешимой. Конечно, полностью исламизированные египтяне смотрели на реликвии своих языческих предков едва ли не с отвращением и бесцеременно разрушали все творения рук «идолопоклонников», попадавшие им на глаза. И мы можем быть уверены, что они не делали различий между отдельными видами папирусов, будь они написаны на греческом или на египетском, иератическим или де-

мотическим письмом. Граф де Вольней, путешествуя по Египту и Сирии перед французской революцией, слышал об аутодафе, совершенном над тремястами «написанными на неизвестном языке» и обнаруженными местными жителями близ Дамьетты свитками, которые местный шейх приказал немедленно уничтожить. Вот история еще более мрачная, чем сопутствовавшая спасению греческой *Carta Borgiana*, и столь же показательная. На этот раз, однако, сожжение не имело

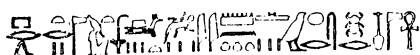
Иероглифические символы, передающие различные понятия
(идеогаммы)

даже целью приятно пощекотать ноздри феллахов [171, 70].

Вряд ли европейцы уделили какое-то внимание египетским папирусам раньше, чем греческим, хотя время от времени некоторые случайные находки могли попадать в частные коллекции, чтобы оказаться забытыми и покрыться пылью. Сообщалось, что в Италии находился «*pezetto di papiro scritto con lettere egiziane*» (кусоч папируса, исписанный египетскими буквами), но он тоже был потерян [171, 68]. Если судить по их отчетам, лишь немногие путешественники в Египте демонстрировали знакомство с чем-либо кроме массивных монументов, расположенных над поверхностью земли: пирамид Гизэ, залов Карнака и скальных гробниц Долины царей. В известном смысле новые препятствия были созданы находками в Геркулануме и *Carta Borgiana*, которые привели к тому, что люди начали отождествлять папирусы с греческими памятниками письменности — предубеждение, которое с тех пор было характерным для работ по папирологии.

Однако с приходом Наполеона египетская письменность — на камне, остраконах (черепки и обломки известняка), дереве и не в последнюю очередь на папирусах — стала попадать на глаза французским ученым на каждом шагу в ходе их исследований. Мы уже упоминали о волнении, охватывавшем

Ф. Жомара и В. Денона, а также других исследователей, когда они созерцали каллиграфию и украшения на извлеченных ими погребальных свитках. Это было началом потока папирусов с египетскими и другими письменами, хлынувшего в Европу. В последующие десятилетия этот поток значительно усилился благодаря бесцеремонным операциям Бельцони и генеральных консулов западных держав в Александрии, как, например, Бернардо Дроветти, ветерана наполеонов-

Три основных вида египетского письма. Сверху вниз: иероглифическое, иератическое и демотическое. Демотическое, наиболее упрощенное и курсивное из трех, появилось, вероятно, только в позднединастическую или птолемеевскую эпоху. Иероглифическое письмо было дешифровано раньше других. До сих пор оно ставит перед учеными значительно меньше трудностей, чем его скорописные варианты

ской кампании, который работал в пользу Франции, Генри Солта, агента Англии, Джованни д' Анастаси, армянина, работавшего на Швецию, и Жана Франсуа Мимо, действовавшего для Сардинии. В результате их усилий были заложены основания коллекций в Париже, Лондоне, Риме, Флоренции, Турине, Берлине, Лейдене и в других местах.

Но все чудеса Египта и его забытые тексты, о которых сначала поведали французы в роскошно изданных томах и которые стали явью после прибытия груженных древностями кораблей, скорее сделали еще более волнующей, нежели разрешили, загадку цивилизации, считавшейся древней еще до того, как ахейские воины разграбили Трою.

Все мы достаточно хорошо осведомлены о том, как благодаря главным образом изобретательности и решимости одного человека, Жана Франсуа Шампольона, завеса была на-

конец приподнята. Если сравнить «завоевание Египта» Шампольоном с кампанией корсиканского авантюриста, последняя покажется шутовской и нелепой. Его гению археология обязана одним из своих драматических триумфов — броском в прошлое на целое тысячелетие, который стал возможен, поскольку был подобран ключ к жизни, истории, мысли и религии древнего Египта. Монументальным достижением Шампольона была расшифровка иероглифов, в чем неоценимую помощь оказал Розеттский камень, один из трофеев Наполеона. Решение иероглифической головоломки позволило возродить неизвестные книги и тексты — в сущности, целую литературу. Оно открыло значительную эпоху в истории человечества, дотоле таившуюся в молчании. Однако по сей день обнаружена лишь небольшая часть когда-то, по-видимому, обширной литературы [222, 24].

От расшифровки египетских систем письма к полному овладению языком вела извилистая дорога, которая даже сегодня пройдена еще не полностью. В конце концов египетский язык претерпел огромные изменения за три или четыре тысячи лет, и язык ранних династий начала III тысячелетия до н. э. не так-то легко было понять людям Среднего царства тысячью годами позже, точно так же как письмо этих последних с трудом давалось людям XVIII династии во второй половине II тысячелетия до н. э., не говоря уже об их потомках. Однако был достигнут феноменальный прогресс: ученые составили словари египетского языка, а тексты прочитывались с возрастающей достоверностью.

Шампольон не только дешифровал письменность, но и был первым исследователем египетских текстов. Он издал первую грамматику давно уже мертвого языка, с пророческим рвением служил делу египетских папирусов и в одиночку вел борьбу с позицией, которую представлял, в частности, Франсуа Жомар, пессимистически смотревший на возможность прочтения иероглифов. (Жомар считал также, что фактически все папирусы являются копиями одних и тех же погребальных текстов). Особенно возмущен был Шампольон, когда Жомар посоветовал французскому правительству воздержаться от дальнейших покупок. Именно из-за Жомара ресурсы папирологии Парижа были превзойдены в других центрах, как например, Турине и Берлине — в последнем благодаря настоятельным усилиям Александра фон Гумбольдта. До своей преждевременной смерти в возрасте сорока одного года

Шампольон изучил все папирусы, к которым он мог получить доступ во Франции и Италии, и совершил открытия, не уступающие по своему значению его первому достижению. В результате то, что прежде относили к числу забавных курьезов, превратилось теперь в ценные документы, на основе которых оказалось возможным реконструировать одну из наиболее древних цивилизаций. Среди этих текстов были литературные произведения, потерю которых никто даже не оплакивал, так как мир ничего не знал об их существовании.

Шампольон предпринимал многочисленные путешествия для того, чтобы скопировать папирусы, как только он узнавал об их существовании. С 1824 по 1826 г. он путешествовал по Италии и привел в порядок в Ватикане по предложению кардинала Анджело Май быстро растущую египетскую коллекцию. Он посетил также Флоренцию и другие города. В неаполитанской «*officina dei papiri*» большую боль ему причинило состояние рукописей из Геркуланума. Он был убежден, что ученые, которым были доверены обуглившиеся свитки, были излишне небрежны, потому что считали, как и Жомар, что эти документы прочесть невозможно. «В противоположность этому я утверждаю, — писал он, — что при достаточной настойчивости мы вскоре из этих тысячи семисот манускриптов смогли бы извлечь значительное число литературных сокровищ...» [241, I, 559]. Но он берег свою энергию для египетских папирусов. Наиболее результативные его исследования были проведены в Турине, столице королевства Сардинии, которое незадолго до этого приобрело партию египетских «трофеев» Дроветти, ранее отвергнутую представителями властей в Париже.

Созерцание таких богатств, по признанию самого Шампольона, привело его в состояние транса. Его понимание египетского языка росло не по дням, а по часам. На каждом шагу папирусы раскрывали ему неизвестные аспекты истории и культуры Египта. Одно из его наиболее замечательных открытий касалось так называемого «погребального ритуала», или «Книги мертвых» (как впоследствии назовет ее немецкий египтолог Рихард Лепсиус), которая не была столь подчинена стандарту, как было принято думать, но существовала в различных версиях разной длины и содержания.

Многие дни он провел, переписывая эти прекрасно сохранившиеся сокровища, а затем, к своему удивлению, услышал, что на чердаке Туринской академии хранится еще больше

Иероглифические					Иерогли- фические книжные	Иератические			Демоти- ческие

Таблица, характеризующая эволюцию некоторых египетских иероглифов и их скорописных эквивалентов. По г. Мёллеру (1919 г.)

египетских рукописей, однако из-за их поврежденного состояния они были «ни на что не годны». Только в результате проявленной им большой настойчивости ему было позволено взглянуть на них. «Войдя в эту комнату, которую я впредь буду называть колумбарием истории, я был ошеломлен. Передо мной был стол длиной метра в три, покрытый во всю ширину слоем фрагментов папирусов толщиной по крайней мере сантиметров в пятнадцать... Я не могу описать все, что чувствовал, когда исследовал эти останки мировой истории. Даже самое уравновешенное воображение было бы возбуждено, ибо кто может сдерживать свои чувства, прикасаясь к древнему праху столетий? Я впал в транс. Никакой отрывок

из Аристотеля или Платона не является столь красноречивым, как эти папирусные холмы!.. Я мог смаковать даты, о которых история утратила всякие воспоминания, и имена богов, которым не воздвигали алтарей уже более пятнадцати веков...» [241, 526]. Примерно в таком духе было выдержано все его письмо к брату Фижаку.

Но не все эти пыльные фрагменты освещали серьезные исторические вопросы. Они также показали ему, по его словам, «что от великого до смешного всего один шаг... Рядом с правительственным указом Рамсеса Великого или другого выдающегося руководителя... я видел фрагменты египетских карикатур, изображение кошки, держащей в лапе пастушеский посох, как будто она охраняла уток, или обезьяны, играющей на флейте... Вот погребальный текст, на обороте которого запечатлелась печать мирских забот в виде акта о торговой сделке; там остатки рисунков, чудовищная безнравственность которых несколько поколебала мое представление о безмятежности и мудрости Египта» [241, 527].

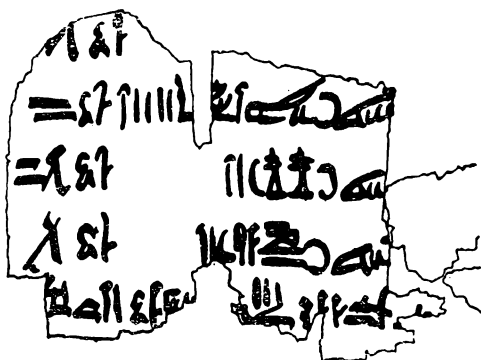
После шока, вызванного тем, что египтяне оказались столь же склонными к порнографии или по крайней мере к безудержной чувственности, как и более поздние жители Помпей и Геркуланума, Шампольон быстро пришел в себя. Скорее всего, убеждал он себя, в те отдаленные дни щепетильное египетское правительство конфисковало эти «грязные картинки».

Этим Шампольон вернул себе свой прежний энтузиазм. Теперь он сообщал своему брату о находке, которая с тех пор стала рассматриваться как важнейший источник по египетской истории, — о туринских списках царей, которые он датировал по крайней мере XIX династией (XII в. до н. э.)²: «Я смог извлечь из праха двадцать кусков этого драгоценного манускрипта, каждый из них не более одного-двух пальцев шириной, которые, однако, содержали более или менее усеченные имена семидесяти семи фараонов... Только Египет мог дать нам документы такой удивительной древности. Ты поймешь, что возраст Лагидов (Птолемеев) и даже персов начинает вызывать у меня жалость — все это принадлежит лишь вчерашнему дню в сравнении с тем, что я держал в руках последние восемь дней» [241, 528].

Учитывая тогдашнее неуверенное и отрывочное знание Шампольоном древнеегипетского языка, мы можем считать почти чудом, что он столь много узнал из папирусов в немногие годы жизни, оставшиеся ему после первой дешифровки

иероглифов. К счастью, Шампольон мог погрузиться в приливную волну египетских папирусов, как раз в то время поступавших в Европу.

У французского частного коллекционера М. Салье в Эксе (Прованс) оказались во владении несколько ценных папирусов (позднее приобретенных Британским музеем), среди которых Шампольон опознал восторженную поэму, повеству-

Фрагмент из туринских списков египетских царей, выполненных иератическим письмом. В первоначальном, неповрежденном виде папирус содержал хронологию и имена трехсот фараонов с указанием продолжительности их правления

щую о приписываемой Рамсесу II победе при Кадеше над народом, имя которого Шампольон прочел как Scheta и в котором увидел скифов. Гораздо позже было установлено, что в действительности это были хетты, о которых ранее почти ничего не было известно. Государство хеттов было одной из величайших империй древнего Ближнего Востока.

Со временем Шампольон наконец ступил на египетскую землю и там обратил внимание на копию поэмы о Рамсесе, высеченную на стене Рамессеума в Фивах. Именно тогда он взялся за лопату и раскопал здание древней храмовой библиотеки в Карнаке.

Поток египетских папирусов, вероятно, никогда уже не был столь обильным, как в первой половине XIX в. Он значительно ослабел после экспедиций грабителей могил в Фиван-

ский некрополь и разграбления руин храмов и во второй половине века был всего лишь стружкой по сравнению с размахом поисков греко-римских папирусов, относящихся к более позднему времени. Залежи иератических и иероглифических документов в мусорных кучах встречались крайне редко. Поэтому раскопки — независимо от того, проводились ли они местными любителями или европейскими профессионалами, — прибавили сравнительно немного. Только демотические тексты, написанные египетской скорописью, которая не могла появиться ранее эры Птолемеев³, обнаруживались в довольно больших количествах. Но хотя эти тексты и дополняли греческие источники, в целом они имели небольшое значение для нашего познания доэллинистической египетской цивилизации. Более того, если не принимать во внимание более или менее организованных вылазок, предпринимаемых людьми вроде Бельцони и Дроветти, можно сказать, что обнаружение египетских папирусов было полностью предоставлено случаю. В отличие от классических папирусов их не искали сколько-нибудь систематически, и даже сегодня нет каталога множества египетских папирусов, рассеянных в коллекциях по всему земному шару. Большое количество их, хранящихся в различных, пользующихся солидной репутацией научных учреждениях, все еще ждет прочтения и опубликования [170, I, 51].

Благодаря случайному характеру этих находок, как правило сделанных местными жителями, мы почти ничего не знаем о местах и обстоятельствах обнаружения большинства даже самых ценных египетских текстов. Говорят, что папирусы М. Салье были приобретены у египетского моряка. Больше не известно ничего. И даже в этом нет полной уверенности. Англичанка миссис Д' Орбиней купила единственную копию знаменитой «Сказки о двух братьях» у какой-то неизвестной личности в Италии примерно в 1850 г.

Только в редких случаях у нас есть конкретные факты, как, например, о папирусе «Большой Харрис», одном из манускриптов, приобретенных в середине XIX в. А. К. Харрисом, английским путешественником и жителем Александрии, удивительную коллекцию которого его дочь продала Британскому музею в 1876 г. «Большой Харрис», или «Харрис I», длиннейший среди известных египетских папирусов (133 фута), был, по заслуживающим доверия сведениям, выкопан феллахами недалеко от Фив. «Большой» или «Великий Хар-

рис», кстати, вполне заслуживает свой эпитет не только благодаря длине, но и из-за превосходной сохранности, прекрасного иератического письма и содержания: это панегирический перечень деяний Рамсеса III, несмотря на тенденциозный характер, принесший ценную историческую информацию. Арабы извлекли его из скальной гробницы за храмом Меди́нет-Абу. Рассказывали, что, когда могилу открыли, она оказалась заполнена мумиями, оскверненными еще в древности. Перечень состоял примерно из двадцати свитков, но Харрис не смог купить их все, и остальные, к несчастью, рассеялись, так что теперь этот перечень не полон. Кажется, правда, что различные папирусы, сообщающие о разграблениях могил в XI в. до н. э., и среди них «Аббот», также были взяты из этого места.

Происхождение столь же знаменитого «Харрис 500», также находящегося в Британском музее и представляющего собой что-то вроде антологии египетской литературы Нового царства, менее определено. Больше известно о его дальнейших злоключениях. При покупке его Харрисом он был полным, но часть его погибла в результате какого-то взрыва в Александрии. По слухам, Харрис скопировал весь текст до катастрофы, но местонахождение его списка установить так и не удалось. В результате мы, вероятно, навсегда лишились каких-то сведений о нескольких произведениях египетской литературы [81, 160].

Судьба была более благосклонна к одному из самых популярных произведений египетской светской литературы — истории Ун-Амуна, отправившегося в неудачную торговую поездку в Сирию. Это сочинение дошло до нас полностью⁴. В 1891 г. несколько феллахов разбили лагерь в Эль-Хибе, где несколько лет спустя производили раскопки Гренфелл и Хант. Ночь была холодной, и они решили разжечь костер. Так как им требовалось топливо, которое, как известно, в пустыне является чуть ли не роскошью, они стали искать случайные куски дерева. К счастью, поблизости из песка торчала прекрасная, сухая, как порох, палка. При ближайшем рассмотрении оказалось, что это исписанный свиток. В 1890-х годах феллахи хорошо знали цену фрагментам древних текстов, которые можно было обратить в сумму, достаточную для поддержания огня в нескольких кострах.

Так рассказ Ун-Амуна о путешествии попал к торговцу древностями и вскоре после этого был приобретен, несомненно

за цену, возросшую на несколько сот процентов, профессором В. С. Голенищевым⁵ из Санкт-Петербурга, который к тому времени уже внес ценнейший вклад в дело возрождения египетской литературы.

Среди профессиональных археологов, сделавших важные находки иероглифических папирусов, заслуживает почетного упоминания молодой, страдавший чахоткой шотландский археолог Х. А. Райнд; впрочем, знаменитый математический «Папирус Райнд» был куплен им у торговца. И снова Флиндерс Петри без труда захватывает инициативу. В Кахуне и Гуробе, около фаяюмских пирамид, он обнаружил папирусы, относящиеся к Среднему и Новому царствам. Папирусы XII династии из Кахуна содержали письма, отчеты, медицинский трактат по гинекологии и величественный гимн Сезострису III (XIX в. до н. э.), написанный при жизни фараона. Он дошел до нас как «самый ранний известный образец поэзии, демонстрирующий твердую строфическую структуру» [212, 207], и обнаруживает «параллелизм элементов» и эффектные метафоры, столь знакомые по библейским стихам. Хвалебные строфы, обращенные к монарху, принадлежали к распространенным формам египетской литературы. Эти, старейшие из дошедших до нас, являются непревзойденными. Читатель может получить представление о гимне по одной из шести составляющих его строф:

О, как велик владыка города своего!

Он — это солнце, а «малые» — лишь тысячи прочих людей!

О, как велик владыка города своего!

Он — как канал, что сдерживает берегами воды во время разлива!

О, как велик владыка города своего!

Он — как прохладная комната, дающая всякому мужу поспать до рассвета!

О, как велик владыка города своего!

Он — как защитная стена из меди Синая!

О, как велик владыка города своего!

Он — как убежище, ибо рука его хватает врагов без промаха!

О, как велик владыка города своего!

Он — как оплот, укрывающий боязливых от врагов его!

- О, как велик владыка города своего!
 Он — как прохладная осенняя тень летней
 порой!
- О, как велик владыка города своего!
 Он — как теплая стена дома в пору зимы!
- О, как велик владыка города своего!
 Он — как гора, ограждающая от бури в пору
 ярости небес!
- О, как велик владыка города своего!
 Он — как богиня Сахме для врагов,
 преступивших рубежи его!⁶

Несколько схожий с этим панегирик был найден Петри в 1896 г., когда он раскапывал погребальный храм царя XIX династии Меренптаха (Мернептаха), сына и наследника Рамсеса II. На этот раз текст был написан не на папирусе, а высечен на стеле. Памятник получил большую известность, так как содержит первое и единственное упоминание об Израиле («Израиль опустошен, нет его потомства») [211, III, 616—617] в египетских записях времен фараонов.

Старейшими памятниками египетской литературы эпохи Древнего царства являются надписи, высеченные на камне, а не записанные на папирусах, хотя папирус в те времена уже был в ходу. Эти надписи отнюдь не были ограничены по объему, чего можно было ожидать, учитывая способ их исполнения. На самом деле, собранные и изданные, они составляют два огромных тома, насчитывающие в общей сложности более чем тысячу страниц. Собрание это известно под названием «Тексты пирамид», так как эти надписи были скопированы со стен камер шести пирамид V и VI династий (примерно 2450—2250 лет до н. э.)⁷. Но, как и многие другие тексты на египетском языке, особенно религиозного или литературного характера, они могут восходить ко времени начала Древнего царства (примерно 2800 лет до н. э.), если не к прото- и додинастическому периоду. Некоторые формулы, найденные на стенах пирамид, отражают гораздо более примитивную ступень культуры, как, например, «каннибальский» гимн Унаса, который описывает ловлю богов арканом. Подобно позднейшим египетским погребальным текстам, надписи состоят из большого числа гимнов, молитв и заклинаний, цель которых — облегчить покойному путешествие в загробный мир. Это делает их прямыми предшественниками текстов на сар-

кофагах (характерных для Среднего царства) и так называемой «Книги мертвых», которая получила распространение в период Нового царства и обычно записывалась на папирусном свитке, вкладываемом в саркофаг вместе с умершим как своего рода *passé partout*⁸. Расшифровка и перевод архаических текстов пирамид считаются одним из триумфов египтологии.

Эти книги на камне, несмотря на их большие размеры, были полностью погребены в течение почти четырех тысяч лет. Открытие их произошло совершенно неожиданно. Археологи долгое время пренебрегали сильно разрушенными и, казалось, не предвещавшими интересных находок маленькими пирамидами в районе Саккары (около ступенчатой пирамиды Джосера), в которых был отчетливо виден упадок по сравнению с постройками IV династии в Гизе. Но на последнем году своей жизни Огюст Мариэтт, в то время глава египетской Службы древностей, приказал вскрыть их. Работой руководил Масперо, который в январе 1881 г. примчался к постели умирающего Мариэтта, чтобы сообщить ему о необычайной находке: стена за стеной, даже потолки, покрытые иероглифами зеленоватого цвета. Сам Мариэтт всю жизнь считал, что существование надписей в пирамидах, что бы ни говорил Геродот о пирамиде Хеопса, совершенно невероятно.

Эти надписи бесценны для изучения эволюции египетской религии. Будучи столь древними, они все же обнаруживают несомненные черты, унаследованные от гораздо более древней эпохи. К тому времени, как эти тексты были высечены в пирамидах, они уже подверглись интенсивной модификации, и, если верить современным ученым, древние копировщики «испытывали затруднения и едва понимали тексты, бывшие у них перед глазами» [215, 18]. Хотя многие из них, подобно «Книге мертвых», с нашей точки зрения, почти лишены смысла (возможно, их содержание и в самом деле немногим более чем тарабарщина), встречается довольно много отрывков, обладающих суровой, первобытной силой. Масперо, который обнаружил и опубликовал эти тексты, сказал, что они «отличаются многословием, обилием благочестивых банальностей, неясных намеков на дела мира, но среди всего этого мусора есть несколько отрывков, полных движения и неукротимой энергии, в которых поэтическое вдохновение и религиозное чувство все еще заметны сквозь завесу мифологических вы-

ражений» [239, XIII, 5229]. Мы не должны забывать, что эти надписи на стенах являются «древнейшим сводом религиозных текстов — в сущности, древнейшей Библией мира» [80, 161]. Как и сама Библия, они полны туманных мест и не блещут возвышенной этикой.

Среди всех египетских папирусов «Книга мертвых» попадает почти столь же часто, как «Илиада» Гомера среди греческих папирусов. У египтологов это обстоятельство, возможно, точно так же вызывает досаду. Тем не менее в том, что касается искусства каллиграфии, украшений и иллюстрирования, мы не знаем в Египте других столь же прекрасных манускриптов. И они являются гордостью выставок в любом музее, так как, хотя это и звучит парадоксально, гораздо более древние египетские папирусы в целом сохранились лучше и исполнены гораздо более мастерски, чем греческие документы. Значительная часть содержания «Книги мертвых», однако, вызывает недоумение. Это суровое суждение нельзя относить исключительно за счет того, что у современного человека отсутствует понимание религиозных чувств древних.

Прежде всего следует помнить, что не существует какой-то конкретной «Книги мертвых», как то представлял себе Шампольон. Тексты эти имеют различный объем и структуру. В них повторяются, конечно, стандартные куски текста, ощутимо использование общих источников (некоторые ученые прослеживают их происхождение до I династии), но едва ли можно говорить о каноне, существующем для других религиозных сочинений Востока. Даже самые прекрасные погребальные свитки выглядят довольно беспорядочными компиляциями, причем некоторые существенные главы в них опущены, а другие отрывки бессмысленно повторяются. Нет ни последовательности; ни единообразия. Встречается очень много ошибок. Большинство этих свитков скорее всего были изготовлены для продажи и написаны беззастенчивыми литературными поденщиками-профессионалами. Мошенники, возможно, могли вносить в текст свежую струю собственного агностицизма, но они явно надували своих клиентов, путь которых в мир иной тем самым подвергали опасности. Вдобавок к этому позднейшая мода роскошно украшать погребальные свитки привела к сокращению текста. В манере современных иллюстрированных журналов рассказ должен был быть безжалостно урезан, чтобы уступить место привлекательным рисункам. Как заметил один современный египтолог:

«Чем лучше рисунки в „Книге мертвых“, тем хуже текст» [97, 26].

Но даже и текст, добросовестно исполненный, идеал, о котором лишь могли мечтать заказчики, оставался в лучшем случае сомнительным по своему смыслу. Перехитрить богов умышленным многословием и нелепыми формулами, чтобы быть допущенным к вечной жизни на прекрасных берегах небесного Нила, — вот цель, которая преследовалась. Как явствует из того, что получило неудачное название «Негативной исповеди» («Я не сделал зла людям; я не обращался плохо с животными; я не грешил в храме; я не хулил богов; я не заставлял никого плакать; я не убивал» [254, 4—5]), средний египтянин 1500 г. до н. э. хотел действовать наверняка. Таковы типичные приемы ритуала, обычно встречающиеся там, где к власти пришло сильное жречество. Продажа индульгенций на Западе и использование водяных молитвенных мельниц на Востоке — аналогичные явления.

Следует признать, однако, что «Книга мертвых» отражала глубоко моральное самосознание и представление о вечной справедливости и воздаянии. Весь список грехов, приведенный в «Негативной исповеди», сам по себе является моральным кодексом, который можно сравнить с предписаниями «Десяти заповедей» и «восьмеричного пути» Будды, сформулированными гораздо позже. И как «Тексты пирамид», от которых она в конечном счете ведет свое происхождение, «Книга мертвых» содержит стихи неподдельной религиозной страсти и поэтической возвышенности, и среди них прежде всего гимны Осирису и другим божествам.

Есть достаточно оснований считать, что «Тексты пирамид» и их прямые потомки вплоть до «Книги мертвых» являются древнейшими существующими книгами. Египтологи, однако, обычно относят это утверждение к «Папирусу Присс», рукописи Среднего царства, приобретенному в Египте в 1839 г. французским археологом Эмилем Присс д'Авенном. Место находки точно неизвестно, хотя француз считал вероятным, что продавший ему папирус феллах, которого он нанял при раскопках кладбища в Фивах, просто взял его из могилы царя XI династии, которую тогда вскрывали.

По сравнению с «Книгой мертвых» «Папирус Присс» является понятным текстом известного (или приписываемого) авторства. В отличие от текстов пирамид и саркофагов он написан на папирусе и ближе подходит к нашему обычному

представлению о внешнем облике книги. Согласно самому тексту, авторами двух трактатов были люди Древнего царства, III и V династий соответственно, царские советники, которых звали Кагемна (Кагемни) и Птаххотеп. Эти люди являются историческими лицами. Это утверждение до сих пор ничем не опровергнуто, следовательно, два нравоучительных трактата, содержащиеся в «Папирусе Присс», вполне могут относиться к началу III тысячелетия до н. э., что отделяет их от Аристотеля на столько же времени, сколько отделяет Аристотеля от нас.

Оба трактата — трактат Кагемни гораздо короче второго — типичны для дидактических работ, бывших в моде в течение всей истории Египта. Этим трактатам находятясь довольно близкие параллели в Ветхом завете, особенно в «Притчах Соломоновых» и апокрифическом «Экклесиастике». Говорят, что эти благоразумные, несколько прозаические советы писались, по обычаю, стареющим отцом (иногда даже царем) в наставление сыну. Относительным обилием дошедших до нас образцов этого жанра мы обязаны тому, что его переписывали школьники — не столько для удовольствия, разумеется, сколько потому, что это было стандартным упражнением.

Нет конца этим здравым отеческим советам, которые даже болтовню Полония⁹ превращают в образец лаконичности. Проповедуется уважение к собственности, воздержанность, скромность и все другие подобные добродетели. Даются советы не повторять неприличные слова, не доверять удаче, уважать старших, иметь веселое выражение лица на празднествах. Должным образом перечислены положительные стороны женитьбы, но дается строгое предостережение против женщин: «Если ты хочешь делить дружбу свою с каким-либо домом, куда ты вхож как господин, или как брат, или как друг, в какое бы место ты ни входил, остерегайся приближаться к женщинам. Место, где они находятся, дурное. Из-за этого тысячи погибли...» [222, 59]. Заключительная часть рисует розовое будущее сына, который последует этим превосходным советам. Он будет преуспевать и приобретать вес в мире. А в должное время он, в свою очередь, передаст поучение отца своим детям. Однако некоторые афоризмы, приписываемые царям, уравнивают утилитарный темперамент Птаххотепа хорошей дозой зрелого пессимизма в отношении человеческой природы и «трагического смысла жизни».

Более высокого морального звучания достигают произведения более поздних авторов, например Аменемопе, приобретенное Уоллисом Баджем для Британского музея еще в 1888 г. [213, 63], но ждавшее публикации (1922—1924) около тридцати пяти лет. После опубликования этот египетский трактат привлек к себе большое внимание. Бадж первым заметил его сходство с библейскими «Притчами Соломоновыми». Однако на точные параллели, которые не могли быть случайными, указал Адольф Эрман. «Почти каждому стиху в „Притчах“ — от стиха 17 главы XXII до стиха 14 главы XXIII — соответствует стих в египетском нравоучительном произведении» [231, 67]. Довольно много изречений, по существу, одинаковы в египетском трактате и его библейском двойнике. Начальный стих соответствующего раздела «Притчей» в древнееврейском тексте выглядит так: «Приклони ухо свое, внимай словам моим и обрати сердце свое к почитанию их». У Аменемопе читаем: «Дай уши твои, слушай сказанное мною, обрати сердце свое, чтобы понять это» [231, 68]. Тщательное изучение Аменемопе даже позволило Эрману исправить одно туманное место в Библии. Слово, ранее переводившееся как «превосходные вещи», всегда считалось сомнительным. Предлагаемая древнееврейская альтернатива — «в прошлом» (*shilshôm*) или, как предложили на полях древнееврейские писцы, «офицеры» (*shalîshîm*), но оба чтения не имеют большого смысла. Это слово, как мы знаем теперь, — «тридцать» (*shelôshîm*), ссылка на количество глав у Аменемопе, которым соответствуют тридцать наставлений в соответствующем древнееврейском тексте [231, 69].

Не многие ученые будут отрицать почти полную идентичность древнееврейских и египетских наставлений, но кто кого скопировал? Та точка зрения, что языком оригинала был древнееврейский, подкрепляется сильным проникновением семитских слов в Египет примерно во время написания Аменемопе его трактата, а также этическим и монотеистическим направлением мысли Аменемопе. Параллельно с лингвистическим влиянием, как утверждают, должны были передаваться также представления и идеи. Однако трактат Аменемопе основан на давней традиции дидактической литературы, которая, как мы видели, восходит к Древнему царству и нашла литературную форму задолго до того, как на сцене появились евреи в качестве некоего племени из Аравийской пустыни. Ни один египтолог, как подчеркнул Алан Х. Гардинер, не согла-

сится «с подобной точкой зрения, которая недостаточно учитывает постоянно возрастающую тенденцию к монотеизму, явную во всех египетских произведениях послеехнатоновского времени¹⁰» [231, 70]. Однако этот спор в основном теряет свой смысл, как только мы преодолеем националистические заблуждения в нашем понимании древних цивилизаций Ближнего Востока. Египет не развивался в изоляции и сам по себе. Даже Греция является кульминационным моментом тысячелетнего развития, а не уникальной, изолированной фазой средиземноморской культуры. С незапамятных времен страны Восточного Средиземноморья свободно обменивались формами искусства, религиозными представлениями, легендами и божествами, точно так же как расово-генетическим и лингвистическим фундаментами. Средиземноморские народы постоянно и жадно заимствовали друг у друга, и в конечном счете они владеют общим культурным наследием. Нелепо ожидать, что они могут предъявлять друг другу обвинения в «плагиате».

Близки по духу назидательной литературе несколько других типов литературных произведений, среди них письма и поучения, поощряющие профессию писца. Эти «пропагандистские» тексты распространялись в период Нового царства и своей сохранностью обязаны тому, что были удобны для копирования школьниками и подающими надежды писцами. Повторяющейся темой является так называемая «Сатира на ремесла», которая имеет параллель в «Экклесиастике» («Премудрости Иисуса, сына Сирахова»).

В «Почении Ахтоя» отец, записывающий своего молодого сына в царскую школу писцов («школу книг»), советует ему максимально использовать представившуюся ему возможность, которая освободит его от тяжелой работы, характерной для других ремесел: «Смотри, нет должности, свободной от руководителя, кроме (должности) писца, — сам он руководитель!.. (Но) не видел я ваятеля с поручением и золотых дел мастера, чтобы он был послан. Но видел я медника за работой его у отверстия печи его, причем пальцы его, как у крокодила, а он более смраден, чем рыба икра».

В таком же духе далее перечисляются профессии за профессией. Не будь солдатом, крестьянином, земледельцем, мясником, пекарем или парикмахером — они изнуряют себя день и ночь, а их награда — сломанная спина, урожай, уничтоженные бедствиями, долги и конфискация собственности.

«Видел я побои, видел я побои. Обрати же сердце твое к писаниям! Видел я освобожденного от повинностей его. Смотри, нет преизбытка писаний! Да заставлю я тебя полюбить писания более, чем свою мать, и да покажу красоту их перед тобой, ведь она больше красоты должности всякой...»¹¹ Только писец имеет благородную профессию, сопряженную с минимальным риском для здоровья и комфорта. И как бы ни было скромно его происхождение, профессия поднимает его над его классом и может даже привести на порог могущества. Короче говоря, школьник несет в своем ранце печать ви-зи-ря, жезл маршала, может быть, даже скипетр. И в древнем Египте сохранились предания о таких головокружительных карьерах. Дорога к власти шла не через меч, но через перо. Писцы командовали армиями, и каждый век появлялись образцовые писцы, достигавшие известности и славы [213, 61]. Высшие чиновники весьма любили, чтобы их изображали в обычной позе писца. Уважение египтян к письменности и учению напоминает нам отношение к ним китайских мандаринов. У обоих древних народов это уважение достигло размеров культа и, вероятно, способствовало развитию менее приятных побочных явлений социального чванства и интеллектуального бесплодия.

Тексты наподобие «Поучения Ахтоя» служили излюбленными учебниками, но все их увещевания и представляемые ими примеры для подражания часто не оказывали должного воздействия. Согласно Эрману, копии, сделанные учениками, часто были выполнены очень небрежно. О папирусе, содержащем великую поэму о битве при Кадеше, Эрман сказал, что, если бы у нас не было также других копий ее текста, позволивших исправить бесчисленные ошибки, значительная часть поэмы осталась бы не прочитанной из-за полной неразборчивости [222, 43].

Небольшая поэма эпохи XIX династии дает достаточно убедительное свидетельство того, что некоторые мечтающие о профессии писца (и не обязательно самые неодаренные из них) не добились своего, поддавшись лени и соблазнам большого города. Заблудшему ученику выговаривают:

Мне говорят, что ты забросил книги
И отдаешься удовольствию.
Ты ходишь с улицы на улицу;
Каждый вечер запах пива,

Запах пива отпугивает людей от тебя.
Это ведет твою душу к гибели... [239, 5344].

Эта короткая зарисовка легкомысленного поведения дает нам представление о большом жизнелюбии египтян. Древние народы Нила любили жизнь; их несомненно частое обращение к мыслям о смерти не имеет того нездорового или мрачного оттенка, который мы связываем с цивилизацией Месопотамии, например, или древней Мексики. Смерть означала для египтян просто с надеждой ожидаемое продолжение земного существования в вечности. Конечно, время от времени то здесь, то там высказывалась мысль, что радости земной жизни более реальны, чем грядущие. Во всяком случае, мудрый человек стремится к тому, чтобы его короткое существование было полным во всех отношениях. Философия *sapre diem* — веселись сегодня, так как завтра ты умрешь, — популярная тема египетской литературы.

У египтян, живших в стране, где постоянно случались стихийные бедствия, была своя доля невзгод. Для большинства жизнь была отнюдь не легкой, о чем ясно говорится в «Сатире на ремесла». Встречаются случайные намеки на социальный протест и даже на классовую борьбу. Во времена национальных кризисов, таких, например, как политический развал Древнего царства, мы слышим голоса муки и отчаяния, — например, в «Лейденском папирусе I», в котором знаменитый Ипувер, пророк, появляется перед царем и рассказывает ему (чтобы царь сам «испробовал (хоть) немного от несчастья») о разрухе вокруг него. Значительная часть этого произведения, очевидно, выражает, недовольство некогда преуспевавшего аристократа старого закала социальными переменами. Объектами его презрения являются выскочки и «разные понаехавшие проходимцы». В папирусе содержится живое описание анархии («...земля вертится подобно гончарному кругу»), в которую впал Египет, по крайней мере с точки зрения старого желчного аристократа: «Большие и малые (говорят): „Я желаю, чтобы я умер“... Воистину: детей знатных разбивают о стены». Убийство и грабеж стали обычным делом, повсюду вспыхивают мятежи: «Человек видит в сыне своего врага». Добродетельные ходят в лохмотьях, благородные голодают, в то время, как драгоценности «...висят на шее рабынь... Руководимые стали собственниками рабов». Знакомый рефрен: подонки, парвеню разъезжают в «роллс-ройсах» и 265

едят в самых модных ресторанах. Хуже того, понаехали чужестранцы («эти уж и вовсе недочеловеки!») и захватили лучшие должности.

Пылкая декламация разрешается, однако, видением светлого будущего. Иеремия становится Исайей, и здесь можно увидеть истоки, быть может, первого свидетельства появления веры в Мессию. Ипувер поднимается до пророческого красноречия, возвещая о приходе царя-спасителя: «...Он приносит прохладу страдающему от жары. Говорят, он пастырь для всякого. Нет зла в его сердце. Если уменьшится его стадо, то он проводит день, чтобы собрать его, (хотя) и огонь был бы в сердце их». «...Да разбил бы он грех, протянул бы руку против него!.. Где же он (даже) сегодня? Разве он спит?»¹²

Фрагменты стихов указывают на удивительно широкий диапазон египетской литературы, которая, несмотря на сильную религиозную направленность, экспериментировала с новыми светскими формами, включая застольную песню и любовную лирику. Триумфальные песни, прославляющие деяния царей, составляют самостоятельную категорию. Даже религиозные гимны выходят за рамки стандартных формул поклонения, обнаруживают восхищение окружающим реальным миром и его проявлениями. Уже в эпоху XII династии (2000 г. до н. э.) можно услышать жалобу о том, как трудно стало находить новую тему, чтобы писать о ней: «Вот если б смог я найти неизвестные слова, изречения и высказывания на новом языке, в которых не выражалось бы того, что было не раз сказано, — только не изречения, ставшие избитыми, сказанные еще предками!» [222, 109].

Бедно представлены только эпос и драма, но даже в этом случае пробел можно объяснить скорее превратностями передачи текстов, чем изначальной узостью круга произведений в этих жанрах. Сохранилось несколько отрывков из пьес в жанре «страстей»; они регулярно ставились в честь Осириса в таком нильском Обераммергау¹³, как Абидос или Эдфу. А описание битвы Рамсеса при Кадеше, ошибочно называемое «Поэмой Пентаура», по имени переписчика, носит эпический характер, хотя и не может сравниться со «Сказанием о Гильгамеше» или «Илиадой». Глубина чувства, восхищение красотой и животворными силами природы прекрасно воплощены в большом гимне богу солнца Атону, который приписывается самому царю-отступнику Аменхотепу IV (Эхнатону). Но

даже этот, быть может, прекраснейший образец египетского поэтического гения отнюдь не является единственным. Несколько более ранних гимнов, посвященных Амону-Ра, поднимаются почти до равных высот.

По сравнению с этими торжественными, патетическими песнями египетская любовная поэзия является квинтэссенцией легкости, обаяния и нежности. Ничего подобного этому нет в древней литературе вплоть до греков. Библейская «Песнь песней» в какой-то степени повторяет присущую этой поэзии восточную чувственность, но лишена ее почти александрийской гибкости и изящества. Хотя буквальные переводы не могут передать настроение и изысканность этих стихов, современные ученые нашли, что они напоминают остроумие и меланхолию романтических стихов Гейне [231, 77]. Большинство стихотворений были написаны, по-видимому, где-то к концу периода Империи, между 1300 и 1100 гг. до н. э. Вполне вероятно, они должны были сопровождаться музыкальным аккомпанементом [264, 187] — может быть, лютни. Обратите внимание на изящество отрывка из папируса «Харрис 500»:

Ласточки я слышу голос:
«Брезжит свет, пора в дорогу!»
Птица, не сердись,
Не брани меня!
Милый у себя в опочивальне.
Радуетя сердце,
Говорю я другу: «Не уйду!»
И рука моя в его руке.
Для прогулок выбираем оба
Уголок уединенный сада.
Стала я счастливейшей из женщин.
Сердца моего не ранит милый.

(Перевод В. Потаповой)

Если египтяне вполне могут считаться создателями лирической любовной поэзии, то литературная летопись становится еще более красноречивой, когда дело доходит до таких форм повествовательных произведений, в которых они наиболее ярко проявили себя,— сказки, короткого рассказа, приключенческого романа. Многие из их фантастических историй напоминают сказки «Тысячи и одной ночи». Но, несмотря на элемент сверхъестественного в содержании некоторых из этих

произведений, они стали важнейшим источником наших знаний о египетской жизни, обществе и политической истории.

Один из великих сюрпризов египтология преподнесла в 1852 г., когда французский ученый виконт Эммануэль де Руже, которому г-жа д'Орбиней доверила свой недавно приобретенный папирус, опубликовал статью, озаглавленную «Заметка о египетском иератическом манускрипте, написанном в правление Меренптаха», в которую была включена народная сказка. Это была первая публикация такого рода, и она открыла новую сторону в замечательно богатой и разнообразной литературе Египта. Что еще удивительнее, этот рассказ отнюдь не бледнел даже при сравнении со сказками братьев Гримм и Ганса Христиана Андерсена, хотя и написан он был более трех тысячелетий назад. Это была «Сказка о двух братьях», рассказ такой человечности и столь живо обрисовывающий характеры персонажей, что по сей день доставляет наслаждение читателям. Среди величайших его достоинств — осязаемые детали повседневной жизни египетских простолюдинов периода Нового царства. Многие элементы сказки напоминают позднейшие истории других народов, отдельные сюжеты и характеры которых явно обнаруживают свое египетское происхождение. Еще одним достоинством рукописи г-жи д'Орбиней является то, что он не поврежден и вышел из мастерской опытного писца, имя которого известно. Несомненно, это один из самых прекрасных из дошедших до нас иератических папирусов [264, 168]. Даже имя владельца папируса удалось восстановить. Согласно колофону на оборотной стороне, труд принадлежал египетскому наследному принцу, который позднее правил под именем Сети II.

Первая часть истории трогает своей простотой, но во второй половине появляется так много мотивов, связанных с магией, что впечатление, по крайней мере с эстетической точки зрения, снижается. Вначале мы знакомимся с двумя братьями, Анупу и Батой, которые живут под одной крышей и вместе обрабатывают землю. Все идет хорошо, пока жена Анупу не становится причиной их ссоры. Почти в стиле жены Потифара ¹⁴ она пытается соблазнить Бату. Однажды, когда Бата зашел домой с поля за семенами, она предложила ему: «Идем положим вместе час. На пользу будет это тебе — я сделаю тебе красивую одежду!» [254, 24]. Однако предложение неверной жены было отвергнуто, и она начинает мстить своему свояку, обвиняя его перед Анупу с «женским ковар-

ством» в том самом преступлении, в каком была виновата сама. Разъяренный старший брат намеревается убить Бату. Предупрежденный королями, обладающими даром речи, Бата бежит, преследуемый по пятам Анупу. К счастью, вмешивается бог солнца, сотворив между ними реку, кишашую крокодилами, и таким образом Анупу удержан от братоубийства. В конце концов с безопасной дистанции Бата смог убедить брата в своей невиновности, после чего Анупу возвращается

Один из наиболее поздних известных нам иероглифических текстов, папирус IV в. н. э.

домой и убивает вероломную жену. Остаток истории содержит чудо за чудом и ряд волшебных превращений, которые направлены на то, чтобы привести Бату, а вместе с ним и его верного брата к самому трону. В конечном счете Бата становится отцом будущего фараона.

«Сказка о двух братьях» ознаменовала только начало открытия египетской беллетристики. Она относится также к наименее древним из такого рода произведений, большая часть которых датируется Средним царством, возможно, самым продуктивным периодом египетской светской литературы. Папирус «Харрис 500» содержит два прекрасных произведения. Одно из них рассказывает, как Джхути (Тахути), полководец Тутмоса III, взял Иоппу (древняя Яффа) хитростью, напоминаящей одновременно троянского коня и «Али Бабу и сорок разбойников». Джхути был историческим лицом, и сохранились его меч и подарок от его благодарного царственного властелина. Рассказ о его подвигах вполне может быть основан на подлинном случае.

Совершенно далека от реальности другая сказка в папирусе «Харрис 500» — прекрасный рассказ «Обреченный ца- 269

ревич», который полностью происходит в царстве сверхъестественного, но рассказан с замечательным искусством и держит читателя в постоянном напряжении. Флиндерс Петри, который, как и Масперо, Эрман и другие, издал собрание египетских литературных текстов, называет «Обреченного царевича» «историческим словарем элементов повествовательной литературы» [81, 158]. Использованы все освященные веками приемы, включая царскую дочь, запертую в замке отцом, но использованы эти приемы с большим искусством и, насколько мы знаем, впервые. Пришел ли царевич к гибельному концу, как было предсказано его родителям до его рождения, и как произошла катастрофа, мы узнать не можем, так как заключительная часть папируса Харриса разрушена.

«Папирус Салье I» содержит рассказ, также представляющий необычайный исторический интерес, и хотя это довольно фантастическая история, она может содержать элементы правды. Она переносит нас во времена гиксосов — чужеземных азиатских царей, правивших в дельте Нила. Действие рассказа относится ко времени начала египетской войны за освобождение. По-видимому, для Апопи, гиксосского правителя, князь Фив был как бельмо на глазу. Апопи из всех сил старался спровоцировать князя на войну, которую он, со своей стороны, наверняка хотел представить как чисто оборонительную. Поэтому он направил энергичный протест против гиппопотамов, которые содержались как священные животные в фиванских бассейнах и которые, как он заявил, своим плесканием мешали ему (за 350 миль!) спать по ночам. Умышленное оскорбление, направленное, несомненно, на религиозные чувства фиванцев, достигло цели. Апопи добился войны. Насколько нам известно, он одержал в ней победу: до нас дошел проломленный череп его противника, фиванского князя, который находится сейчас в Каирском музее. Однако военные действия вспыхнули вновь, и в конце концов наследники фиванца вытеснили гиксосов из Египта. Это событие знаменовало подъем великой XVIII династии и начало Империи, когда египтяне обрушились на азиатов с местью.

История Ун-Амуна, найденная в Эль-Хибе, звучит столь правдиво, что египтологи еще не решились, является ли она фактом или художественным вымыслом. Предполагают, что это был приукрашенный отчет о путешествии Ун-Амуна, чиновника при храме Амона-Ра в Фивах, совершившего поездку в Сирию, чтобы закупить кедровое дерево для восстано-

ления церемониального барка, и перенесшего настоящую цепную реакцию бедствий. Они описаны с большой правдивостью и юмором. Бедный Ун-Амун, который, как говорит Артур Вейгэлл, «не был путешественником», напоминает требовательного эффенди, странствующего по базарам Ближнего Востока. Язык рассказа простой и ясный, видно умение автора описывать события и людей. Есть, например, краткое описание местного властелина в одном сирийском портовом городе, которого посетил Ун-Амун, не превзойденное в литературе этой ранней эпохи: «Я нашел его сидящим в верхней комнате, со спиной, обращенной к окну, в то время как волны великого моря Сирии бушевали за его затылком» [213, 70].

И снова большая ценность рассказа заключается в многочисленных упоминаниях о жизни тех времен. Мы получаем ясное представление о расколе страны в рамсесовском Египте с его автономными князьками на севере и поднимающимся могуществом фиванского жречества. Затруднения Ун-Амуна в Сирии были, несомненно, обязаны упадку египетского престижа и силы в этих краях. В Сирии — Палестине, около современной Хайфы, мы встречаем только что прибывших захватчиков (возможно, из Сицилии), что можно поставить в связь с миграционным движением сметающих все на своем пути «народов моря» и филистимлян, занявших палестинское (т. е. филистимлянское) побережье. Из рассказа мы узнаем интересные дополнительные подробности об экспорте папируса из Египта, когда сирийский правитель требует в качестве уплаты пятьсот листов.

В истории Синухе (Синухета) мы встречаемся с прототипом приключенческого романа. Действие рассказа, который считается прекраснейшим произведением египетской художественной литературы, происходит в эпоху Среднего царства, в реалистической обстановке. Как и история Ун-Амуна, он переносит нас в Сирию, куда добровольно удалился Синухе. Популярность этого рассказа в древнем Египте подтверждается сравнительно большим числом найденных фрагментов. Некоторые отрывки даже вошли в повседневный язык. Нам известно, например, что моряков, посланных царицей Хатшепсут, приветствовали в иностранном порту точно таким же образом, как некогда варвары приветствовали Синухе; все равно как мы сказали бы шутя путешественнику: «Простите, вы случайно не доктор Ливингстон?» Историю Синухе поме-

щали даже в некоторые могилы для развлечения покойного.

Еще один рассказ в духе Эдгара Аллана По, на этот раз из эпохи Рамессидов, переносит нас прямо в египетскую гробницу. В одной сцене царевич играет в шашки с призраками умерших — классический «леденящий душу» эпизод, которым, однако, далеко не исчерпываются все прелести этого рассказа.

Так за последние полтора века из пыли веков поднялась египетская литература, обнаружив древнюю цивилизацию, питавшую огромное уважение к письменности и литературе. Несколько произведений религиозного или светского характера в течение веков пользовались общенациональной популярностью. Классическая литература, как и в древнем Китае, ценилась очень высоко. Более того, египтяне сознательно и постоянно пытались проследить литературные традиции до гораздо более раннего времени и заново переоценить их в духе своеобразного возрождения. Восстанавливались или вновь обнаруживались более древние работы. В самой «Книге мертвых» утверждается, что в нее якобы был включен один текст, «найденный» в эпоху I династии. Другая такая находка была будто бы сделана царевичем Хордедефом, сыном Хуфу (Хеопса), в правление Менкаура [213, 80], примерно за тысячу пятьсот лет до составления «Книги мертвых».

Поэтому нет ничего удивительного в том, что герой одной древней египетской истории предвосхищает примерно на три тысячелетия наших современных египтологов в своих поисках «утраченного» манускрипта. Эта приключенческая история сохранилась в демотической копии птолемеевских времен, которая сейчас находится в Каирском музее. Она излагает сказание о царевиче Сетна (Сетме Хамуас), сыне Рамсеса II и жреце Птаха в Мемфисе, который был ревностным исследователем древних свитков. Сетна был прославлен в египетских легендах за свои исследования в оккультных науках. Статуя этого царевича с высеченным на ней его именем находится сейчас в Британском музее.

В сказании говорится о том, что Сетна охотился за книгой по магии, предположительно написанной самим богом Тотом. После долгих поисков он ухитрился найти свиток папируса в склепе в Мемфисе, где он вступил в состязание с духами покойного. Он проиграл, но, несмотря на предостережение, забрал желанный манускрипт и не откладывая в долгий ящик принялся за его изучение. Вскоре, однако, мертвец

начал преследовать его, и царевич дошел до грани безумия. В конце концов его царственный отец Рамсес посоветовал ему вернуть книгу мертвецу и искупить свой грех — разграбление могилы. Сетна обещал перенести в гробницу мумии жены и сына покойного из их могил в Коптосе. Итак, охота за рукописями оказалась неблагодарным, если не опасным занятием. Хотя Сетна и должен был сменить Рамсеса на престоле, он умер раньше своего отца, который пережил тринадцать сыновей. В конце концов Меренптах, четырнадцатый в череде сыновей, унаследовал трон.

Современным охотникам за манускриптами и грабителям могил повезло больше, хотя некоторых из них как будто тоже преследовали демоны. Каждый из них, однако, внес свой вклад в осуществление египетского пророчества многовековой давности, содержавшегося в недавно обнаруженном папирусе: «Что касается тех ученых писцов, кто жил подобно богам... их имена будут существовать вечно, хотя сами они ушли в небытие... и все их родственники забыты. Они не сделали себе медных пирамид с надгробными плитами из железа... Они сделали папирусный свиток жрецом, творящим (заупокойную?) молитву, письменную доску — любящим сыном; книги поучений были их пирамидами, тростниковое перо — их ребенком, а каменные поверхности — женой... Более полезна книга, чем резная стела или прочная могильная стена... Человек разлагается, тело его — прах, и все его родственники вымерли, но писания заставляют его имя жить на устах чтеца. Книга полезнее, чем дом строителя или погребальная часовня в песках Запада...» [263, 123].

XII

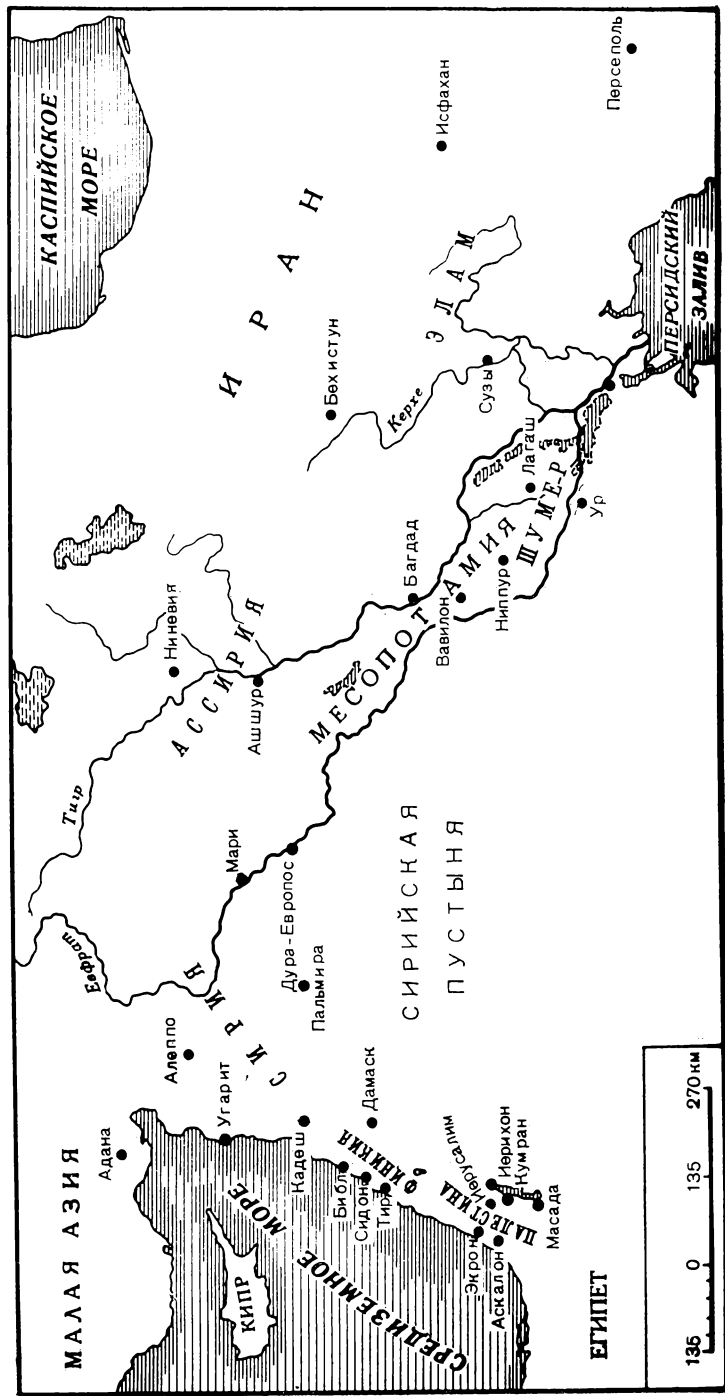
Библия ханаанеян

И ты, сын человеческий, возьми себе кирпичину, и положи ее пред собою, и начерти на ней город, именно Иерусалим.

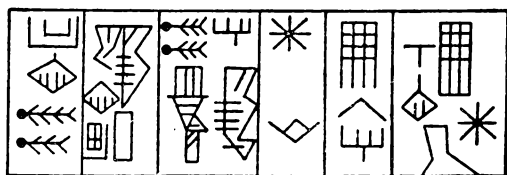
Иезекииль, 4, 1

Незадачливый Ун-Амун, египетский чиновник, которого мы сопровождали в его рискованной миссии в Сирию, вручил местному князю груз в пятьсот свитков или листов папируса. Эта деталь в полуисторическом рассказе доказывает, что сирийцы II тысячелетия до н. э. умели писать, нуждались в материале для письма и потребляли для этого большое количество папируса. В другом месте рассказа Ун-Амуна правитель Библа (Гебала), известного сирийского города на берегу Средиземного моря, посылает за дворцовыми отчетами, ведущимися на свитках, чтобы проверить сделку, ранее заключенную египтянами с его отцом и дедом. Что случилось с этими сирийскими архивами? Ответ на этот вопрос прост и удручающ. Ни один папирусный свиток почтенного возраста никогда не был обнаружен на неегипетской земле. Должно ли это означать, что вероятность сохранности каких-либо значительных сирийских документов очень мала? Это отнюдь не обязательно. Сирийцы и другие цивилизованные народы Восточного Средиземноморья, очевидно, использовали папирус, но, как и сами египтяне, они писали и на других материалах, включая металл, кожу животных, черепки, дерево и камень. И прежде всего «они писали на глине» [218] — материале гораздо более прочном, чем папирус, пергамен или бумага.

Долгое время, правда, в Сирии и Палестине вообще не находили ни длинных, ни коротких текстов ни на одном из

материалов. Для ориенталистов и ученых-библейстов это было особенно огорчительным, так как длинная полоса земли — место обитания ханаанеян, финикийцев и евреев и одновременно связующее звено между Египтом и Месопотамией — играла существенную роль в истории древнего Ближнего Востока. Ее литература могла бы пролить свет на ту культурную и религиозную среду, с которой столкнулись израильтяне, когда они пришли в Ханаан.

Раннешумерская надпись на глиняной табличке, датируемая примерно 3000 г. до н. э. Форма клинописных знаков выдает их пиктографическое происхождение

В течение всего XIX века, когда соседние Египет и Месопотамия столь щедро одаривали мир документами и утерянными литературными произведениями на папирусе и глине, фактически ничего не было извлечено из земли Сирии. За отсутствием доказательств некоторые ученые мужи с легкостью сделали вывод, что письменная культура на этой территории в бронзовый век была неизвестна. Были еще экстремисты из немецкой «либеральной» школы библеистики (называемой школой «Вышей критики»), как, например, Юлиус Велльгаузен, которые настаивали, что евреи не обладали письменностью по меньшей мере до их «века царей», — тезис, который должен был означать, что все библейские книги были составлены позднее.

Аргументы Велльгаузена и другие, схожие с ними, отчасти потеряли убедительность с появлением телльэльмарнских табличек, найденных в Верхнем Египте в 1887 г., которые содержали переписку фараонов XVIII династии (около XIV в. до н. э.) с их сирийскими вассалами. Написанные на аккадском, международном языке того времени, эти клинописные записи показали, что сирийские правители

использовали писцов. Папирус Ун-Амуна, найденный в 1890-х годах, добавил новые свидетельства. Однако до 1929 г. из самой Сирии не поступало никаких достойных внимания материалов, которые могли бы существенно поклевать тезис Велльгаузена. В этом году в результате случайной находки на побережье Северной Сирии французские археологи обнаружили ханаанскую храмовую библиотеку из глиняных табличек XIV или XV в. до н. э. Сразу же стало очевидным, что Сирия — Палестина имела развитую литературную традицию задолго до прихода евреев. Из содержания сирийских табличек вскоре стало ясным, что они представляют совершенно новую главу литературы, являясь, как сказал Сайрус Х. Гордон, один из ведущих американских ученых в этой области, «важнейшим вкладом... со времени расшифровки египетских иероглифов и месопотамской клинописи в прошлом веке» [233, 104].

В марте 1928 г. крестьянин, вспахивавший свое поле вблизи Минет-эль-Бейды (Белой Гавани) в Северной Сирии, наткнулся на каменную плиту. Подняв тяжелое препятствие, он попал в хорошо распланированное подземное помещение. В конце прохода была сводчатая погребальная камера. Следуя освященной веками практике, крестьянин разграбил могилу. Драгоценные изделия, которые он немедленно сбыл на рынке древностей, так никогда и не были обнаружены.

Тем временем новости о находке — с неизбежными украшениями — распространились со сверхъестественной быстротой. В несколько дней они дошли до французского губернатора территории, который, в свою очередь, известил Службу древностей Сирии и Ливана в Бейруте, тогда возглавляемую Шарлем Виролло, известным востоковедом. Виролло сам посетил место находки, а затем послал помощника для предварительного обследования. Из разграбленной могилы не было извлечено ничего особо интересного. Исполнительный ассистент собрал несколько черепков, а также зарисовал подземный склеп. Этот материал был отослан в Париж на исследование Рене Дюссо, хранителю восточных древностей в Лувре. По случайному стечению обстоятельств Дюссо хорошо знал район Минет-эль-Бейды. За несколько лет до этого он занимался историко-географическим изучением Сирии и был поражен расположением гавани с прекрасным естественным заливом, окаймленным известняковы-

ми скалами, прямо напротив «вытянутого пальца» Кипра. Не был ли это Левкос Лимен, описанный древними греческими географами, чье название было точным эквивалентом нынешнего арабского? Дюссо был почти уверен в том, что Белая Гавань в древности играла важную роль в заморской торговле и навигации Восточного Средиземноморья. Вполне вероятно, что этот порт был также узловым на исторической дороге, связывавшей Малую Азию с Сирией — Палестиной и Египтом, а также с другой дорогой, из Месопотамии, которая соединяла Персидский залив со Средиземноморьем. Здесь сходились три континента. Ее близость к кипрским медным копьям вполне могла дать ей своего рода монополию. Как могли искусные мореходы минойского Крита и Финикии обойти такое удобное место?

Подобные мысли не могли не появиться у Дюссо, когда он увидел материал, только что прибывший из Минет-эль-Бейды. Он вспомнил также о случайных находках клинописных печатей на близлежащем холме Рас-Шамра (Головка Фенхеля), названном так в наше время из-за растущих там сильно пахнущих трав. Ходили также упорные слухи, что по соседству местные жители собирали золотые предметы. Виролло и его ассистент уже обратили внимание на сильное сходство гробницы с неазиатскими минойско-кипрскими и микенскими сооружениями. Взгляд на рисунок напомнил Дюссо о могилах, раскопанных Артуром Эвансом¹ в Кноссе, на Крите. Керамические фрагменты выдавали кипрское и микенское происхождение и относились, возможно, к XIII в. до н. э. Все эти данные не оставляли сомнений в том, что какое-то время во II тысячелетии до н. э. Минет-эль-Бейда находилась под сильным микенским влиянием. Ни одно микенское поселение еще не было обнаружено на Азиатском материке, если не считать «ионийского» берега, хотя «эгейские» изделия, найденные Петри в Египте в 1880-х годах среди предметов периода Нового царства, свидетельствовали о широком распространении микенских элементов.

Дюссо был обрадован таким доказательством микенского проникновения на сирийское побережье, и его вовсе не обескуражили скромные результаты пробного раскопа. Он убедил французскую Академию надписей и изящной словесности развернуть широкую кампанию, чтобы поспеть до того, как грабители и торговцы древностями начнут свои част-

ные операции. Дюссо был теперь уверен, что могила не была отдельным случайным погребением, а являлась частью более обширного микенского или эгейского кладбища, связанного с некогда процветавшей метрополией. Если бы только можно было определить местоположение этого приморского города! Он уже надеялся, что Холм Рас-Шамра сможет раскрыть секрет.

Парижское начальство действовало быстро. Ровно через год после находки местного жителя полностью снаряженная французская экспедиция начала работу около Белой Гавани, милях в восьми к северо-западу от сирийского города Латакия. Раскопки этого многообещающего места были доверены молодому эльзасскому археологу Клоду Ф.-А. Шефферу из Доисторического музея Страсбурга. Он выбрал своим ассистентом Жоржа Шане, археолога из Аргонны, который, как и Шеффер, до этого специализировался на доистории Западной Европы. Как только отряд Шеффера к концу марта 1929 г. достиг Минет-эль-Бейды и разбил лагерь, началось широкое обследование района. Шеффер не сомневался: здесь был большой некрополь, как и предвидел Дюссо. Но совершенно неожиданно оказалось, что почва насыщена самыми разнообразными остатками материальной культуры. Это было большим сюрпризом: Сирия, как считалось до этого, была полностью обследована археологами. Кроме того, весь район был буквально истоптан пришельцами и завоевателями в течение тысячелетий — условие, явно не благоприятствующее сохранению изделий человеческих рук.

Изобилие предметов, выкопанных теперь французами, наводило на мысль, что этот район имел многочисленные связи с главными ближневосточными цивилизациями последней половины II тысячелетия до н. э., которую американский египтолог Дж. Г. Брестед однажды удачно назвал эрой «первого интернационализма».

Шеффер и Шане раскопали изящные минойские и микенские вазы, лежавшие бок о бок с огромными местными кувшинами, «достойными собратьями кувшинов из сказки об Али Бабе». В нескольких местах они наткнулись на большие, «очень натуралистически выполненные» [257, 764] фаллосы. Примерно в центре захоронения, где до сих пор встречались только кости животных, а не человека, французы обнаружили клад статуэток и других драгоценных из-

делий, исполненных с большим мастерством; среди них были изображения финикийских, египетских и минойских божеств. Когда золотая пластинка с изображением обнаженной богини любви Астарты сверкнула среди окружающих ее изысканных ювелирных изделий, Шеффер телеграфировал в Париж, перефразируя Шлимана: «Сокровище Минет-эль-Бейды найдено».

Хотя и обрадованные неожиданными находками, французские археологи стали в тупик перед задачей идентификации культуры, к которой принадлежал этот сирийский некрополь. Пожалуй, могилы свидетельствовали в основном об эгейском (т. е. неазиатском) влиянии. С другой стороны, обнаружились явные признаки элементов своеобразной местной культуры и черты египетского и хеттско-анатолийского происхождения. Никакое удовлетворительное решение этой загадки не представлялось возможным до тех пор, пока не был раскопан город, которому некрополь должен был принадлежать. Не окажется ли он просто колонией микенских торговцев и моряков? Древний морской порт предстояло еще найти.

Знойное сирийское лето было в разгаре, когда Шеффер решил перенести работы завершающих недель первой кампании в Рас-Шамру, примерно в полумиле от залива, в глубь страны. Это был холм, на который уже обращал внимание Дюссо. Возвышенность высотой в 65 футов образовывала на вершине большой прямоугольник, площадью примерно 3000×1960 футов. Холм очень удобно располагался между двух журчащих ручьев, у места их слияния, но геологически он, казалось, не соответствовал топографии прибрежной равнины. Это мог быть курган или холм, подобный теллям Месопотамии, поднявшийся до нынешней высоты в результате длительного обитания людей, время от времени прерываемого разрушением и полной заброшенностью. Это предположение было подтверждено не только почти сразу сделанной находкой довольно крупного города, связанного с некрополем Минет-эль-Бейды, но и впоследствии, когда Шеффер проник в самый нижний слой, который ясно указывал на неолитическое поселение, современное месопотамскому Телль-Хассуну VI—V тысячелетий до н. э. (палеолитические остатки на окружающей равнине свидетельствуют о том, что *homo sapiens* скитался здесь еще со времени появления первых людей в Сирии).

Всего в холме было пять основных слоев, которые в ходе нескольких раскопок помогли проследить эволюцию города и выявить его политические и культурные особенности. Второй снизу слой (IV), как и самый нижний (V), принадлежал к неолитической эпохе, примерно к 4000—3500 гг. до н. э. Он содержит эльбейдский тип керамики, характерный для месопотамских городищ этого времени. В слое III появляется совершенно новый элемент, возможно обязанный приходу семитической народности аморитов, которым предстояло образовать господствующую этническую группу в Сирии и которые стали известны как ханаанеяне, или финикийцы. Не намного позднее, в III тысячелетии до н. э. отмечено египетское проникновение. Есть, например, вотивные статуи, поднесенные фараонами (и, может быть, их сирийскими женами), некоторые с иероглифическими надписями. Картина становится более сложной во II тысячелетии, во время наивысшего расцвета города, когда при «строителях империи» Нового царства, в основном при Тутмосе III, вся Сирия была завоевана Египтом. Борьба за власть, развернувшаяся на Ближнем Востоке с упадком Нового царства, столь точно изображенном в дипломатической переписке из Телль-эль-Амарны, оставила следы в виде хурритских, митаннийских, хеттских и ассирийских набегов. В XIV в. Рас-Шамра, вероятно, на короткое время подчинилась хеттскому правителю Суппилулиуме, после чего вновь утвердился Египет. Окончательный упадок наступил с высадкой «норманнов древности» — загадочного «народа моря», о котором иногда думают, что это были филистимляне, занятые в то время приобретением более прочного плацдарма вдоль побережья Южной Палестины. Возможно также, что последний удар был нанесен ассирийскими завоевателями в XII в.² Что касается микенцев и минойцев, то, вероятнее всего, их влияние ограничивалось в основном торговлей и культурой. Эти европейские купцы, по-видимому, основали богатую иностранную колонию в Рас-Шамре II тысячелетия, которая была своего рода древним Шанхаем.

Но исторической судьбе Рас-Шамры предстояло еще выясняться в течение ряда лет. Для первого проникновения в холм, в мае 1929 г., Шеффер избрал самую высокую точку на стороне, выходящей на гавань, где, как он думал, стоял царский дворец. Кроме того, ходили слухи, что именно на полуразмытом склоне внизу были найдены печати. Едва 281

землекопы Шеффера сняли тонкий слой почвы, как появились стены большого здания (позднее оно оказалось культовым святилищем). Зола и сажа пристали к разрушенным блокам и теперь пачкали руки землекопов. Бронзовый кинжал и гвозди, изогнутые под воздействием сильного жара, поведали о том, что здание было уничтожено пожаром. Различная утварь и египетские статуи помогли определить возраст — примерно XIII в. На одной гранитной статуе, подаренной фараоном, была иероглифическая надпись, что позволило отнести ее к периоду египетской имперской экспансии эпохи Нового царства. Статуя была посвящена богу «Сету Цапунскому». Стало очевидным, что крепкие связи с Египтом существовали уже много лет. Позднее французы заметили, что большое число египетских изображений было умышленно изуродовано, что, весьма вероятно, является признаком упадка египетского влияния и международного разлада.

На этой, ранней стадии раскопок данные о прошлом города были, естественно, неполными. Но можно было быть уверенным, что у Рас-Шамры была долгая история и она была чем-то большим, чем просто эгейской или микенской колонией. Поскольку в то время не было подтверждающих данных из других источников, недостающие звенья предстояло найти с помощью лопаты. И тут археологов постигла неожиданная удача. Шеффер и его люди производили раскопки широким полукругом вокруг так называемого дворца. На восточной стороне они раскопали другое, довольно большое здание, по обеим сторонам которого, как потом оказалось, находились большие храмы Баала и Дагона. Внутри здания было много маленьких помещений одинаковых размеров, сгруппированных вокруг центрального внутреннего двора. Шеффер решил вначале, что эти камеры служили кладовыми. Но 14 мая 1929 г. он нашел в углу одной из камер, среди пепла и камней, глиняную табличку с клинописной надписью. Сомнений не было: здесь была библиотека.

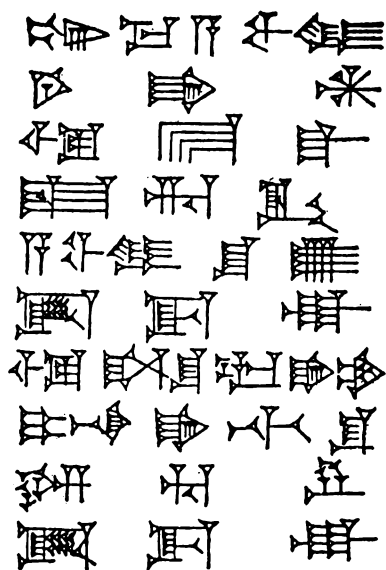
Перед этой находкой бледнели все роскошные погребальные камеры, великолепные ювелирные изделия, статуи, рельефы и предметы искусства. Вот наконец они, дюжины глиняных табличек из древней сирийской земли. Одни были сложены одна на другую в определенном порядке; несколько других оказались вмурованы в стены — может быть, как

строительный материал. Нужна была особая осторожность при извлечении табличек, так как огонь и другие неблагоприятные условия сделали их крайне хрупкими. После успешного окончания этой деликатной операции французские археологи могли быть уверены, что обнаружили подлинное сокровище Рас-Шамры. До конца сезона было извлечено более пятидесяти табличек, значительное число их было выявлено и в последующих экспедициях, ежегодно снаряжаемых до 1939 г. и возобновившихся в 1948 г. В 1953 г. при раскопках царского дворца Шеффер нашел главный дипломатический архив.

Ни Шеффер, ни его ассистент Жорж Шане не были востоковедами, и с дешифровкой табличек приходилось ждать до их прибытия в Париж. К счастью, Шарль Виролло, который собирался уйти в отставку со своего поста в Бейруте, оказался под рукой, чтобы изучить их. С первого взгляда казалось, что все таблички были идентичны с табличками Ассирии и Вавилонии. Однако даже беглый просмотр, сделанный опытным человеком, обнаружил неоспоримые признаки этнического и культурного разнообразия, следы завоеваний, колонизаций и космополитической мешанины ведущего заморскую торговлю порта. Идентификация гавани по-прежнему оставалась спорной. Все надеялись, что глиняные таблички помогут разгадать ее историю и в то же время прибавят что-либо к нашим знаниям о критическом периоде, когда сталкивались и гибли великие империи, «морские народы» совершали набеги на побережья, а такие «окраинные» народы, как евреи, финикийцы и арамейцы, на короткое время утвердили свою независимость.

В ходе этого первоначального ознакомления Виролло обнаружил таблички, почти идентичные табличкам из Телль-эль-Амарны. Они относились примерно к тому же времени и, подобно им, содержали дипломатическую переписку. Кроме того, имелись письма официального или частного характера, отчеты о налогах, храмовые записи, трактат по ветеринарии (о лечении лошадей), судовой реестр, напоминающий лондонский Ллойд, записи о торговых сделках и всевозможные другие административные документы. Большая часть этого материала нелитературного характера была на аккадском («вавилонском») языке и легко могла быть прочитана. Тесные связи с месопотамской цивилизацией еще раз были подчеркнуты шумерскими юридически-

ми и религиозными текстами, столь же почитаемыми и изучаемыми в сирийском городе, как и в Ниневии или Вавилоне,— и это более чем через тысячу лет после того, как шумерский язык перестал быть живым языком. Кроме того, было большое число списков слов (синонимов), двуязычных

Фрагмент из «Законов Хаммурапи»
(II тысячелетие до н. э.), записанных
слоговой вавилонской клинописью

табличек, словарей и т. п., призванных помогать писцам и способствовать ученикам в изучении литературной композиции и всевозможных употребительных художественных средств. Неуклюже написанные упражнения указывали, что «библиотека» была школой писцов, а также высшим учебным заведением для жрецов наподобие тех, что существовали при египетских и месопотамских храмах.

По мере появления нового материала во время позднейших раскопок не осталось сомнения, что жители средиземноморского прибрежного города были подлинными полиглотами, хотя основные семито-месопотамские корни местной

культуры продолжали проявляться со всей энергией. Со временем в библиотеке были обнаружены тексты на хеттском, египетском и хурритском языках, а также несколько записей, выполненных кипрским письмом. Всего было насчитано восемь языков. Шарль Виролло, первый оценивший содержание и характер табличек, заметил: «Поистине как будто все цивилизации Востока, а также Запада во II тысячелетии назначили друг другу свидание в этой точке сирийского побережья» [267, 4].

Однако, как бы ни были интересны и богаты сведениями эти разнообразные тексты, их затмил другой вид глиняных табличек, составлявший огромное большинство ежегодных находок. Внешне неотличимые от остальных, эти таблички, казалось, были написаны начисто исчезнувшим письмом, если не на забытом языке. Хотя они тоже состояли из клинообразных знаков, вырезанных на влажной глине слева направо, Виролло вскоре заметил, что сходство с месопотамским письмом было лишь поверхностным. Вместо пятисот с лишним слоговых символов, требуемых для передачи шумерского, вавилонского или ассирийского клинописного текста, количество знаков в этих табличках было сокращено до ничтожно малой величины — примерно двадцать семь при первом подсчете, позднее было установлено, что их тридцать. Ни один из этих весьма простых знаков не имел двойника в традиционной клинописной слоговой азбуке.

Виролло знал основной принцип эпиграфики: любое письмо, которое может обойтись столь немногим числом элементов, должно быть алфавитным. Внезапная встреча с алфавитом столь раннего периода, когда, как предполагалось, он еще не был изобретен, была ошеломляющей. Ни один ученый не подозревал о существовании клинописного алфавита во II тысячелетии. Правда, египтяне ввели псевдоалфавитные («акрофонические») детали в свою письменность, но они не смогли довести дело до конца и вынуждены были сохранить свои составные, слоговые, идеографические и детерминативные (вспомогательные символы для передачи значения) знаки. Вдобавок существовало еще загадочное синайское письмо, обнаруженное в 1908 г. Петри в наскальных надписях Синая³. Некоторые считали, что это было приспособление семитского письма к египетским алфавитным знакам, что в 1930 г. было еще недоказанной гипотезой. Только за несколько лет до того другой французский

археолог обнаружил в Библе саркофаг с финикийской алфавитной надписью некоего царя Ахирама, о времени правления которого велись долгие споры. Старейшим надежно установленным алфавитным документом, найденным в 1868 г.,

1		a	16		m
2		o(u)	17		n
3		u	18		s
4		b	19		s,
5		g	20		e
6		d	21		g
7		h	22		n
8		n	23		f
9		x	24		z
10		h	25		q
11		h	26		r
12		f	27		s
13		y	28		z
14		k	29		t
15		l	30		t

Клинописный алфавит Рас-Шамры с обозначением фонетических эквивалентов. К настоящему времени ученым удалось опознать около тридцати знаков

был Моавский камень с надписью, выполненной древним «еврейским» письмом, воздвигнутый царем Моава Мешей в IX в. до н. э. Долгое время существовало единое мнение, что финикийский алфавит, ставший алфавитом Запада, появился ненамного раньше моавской надписи.

286 Телеграфное сообщение Шеффера в Париж о новом алфавите взволновало ученых всего земного шара и принесло

Шефферу, в его сирийский лагерь, поздравления по радио и в письмах из Англии и Америки [259, 513]. Ориенталисты всего мира признали, что таблички, найденные в Рас-Шамре, содержат древнейший из известных алфавитов. Возможно, он был гораздо старше табличек, если судить по совершенству письма и тому факту, вскоре ставшему известным, что писцы Рас-Шамры уже приспособили его к другому, чужеземному языку — хурритскому. Со времени находок в Рас-Шамре две таблички, написанные справа налево, в палестинском стиле, были выкопаны в Палестине [202, 187]. Занятно, что один такой образчик после этого был обнаружен и в Рас-Шамре. Эти две таблички являются дополнительным доказательством того, что клиновидный алфавит не был изобретен в ночных бдениях гением-одиночкой из Рас-Шамры, как считали некоторые эксперты, но вполне мог иметь предшественников по всей ханаанской земле, которая до прихода евреев, по-видимому, отличалась поразительным культурным единством.

Но и гордый титул «древнейшего алфавита» продержался не очень долго. Другие фрагменты с неклиновидными алфавитными письменами, обнаруженные позднее в Сирии — Палестине, оказались еще древнее. В сущности, они, вероятно, предшествуют синайским надписям, которым они как будто родственны. Однако самый ранний список алфавитных букв, известный ныне, пришел из Рас-Шамры и является клинописным. Шеффер нашел его там через двадцать лет после первых раскопок, причем и на этот раз его ожидал сюрприз: последовательность знаков в этом алфавите была практически та же, что и у того, происходящего от финикийского алфавита, которому обучают в наших начальных школах. Следовательно, мы можем предположить, что финикийский и клинописный алфавиты с их соответствующими значениями согласных развивались совместно или взаимосвязанно. Возможно также, что финикийский алфавит появился первым, как склонны утверждать ученые в настоящее время. Вклад ханаанеян состоит не столько в том, что они изобрели то или иное письмо, сколько в том, что где-то во II тысячелетии до н. э. они развили принцип алфавитного письма и довели его до логического завершения⁴. Это, несомненно, является одним из величайших достижений человечества.

Но как было научиться читать это новое письмо? Когда 287

появились таблички с алфавитной письменностью, никто не мог быть уверен, на каком они языке, особенно в связи с тем, что Рас-Шамра была многоязычным прибрежным поселением. Тогда ученым не приходило в голову, что ханаанско-финикийские поселения простирались столь далеко на север, к Анатолии. Первой мыслью Виролло было приписать эти тексты минойцам — киприотам или даже митаннийцам. Загадка вполне могла оказаться неразрешимой. Перед учеными лежали древние тексты, написанные неизвестными знаками. Лишь немногие из них имели, если вообще имели, хотя бы отдаленное сходство с клиновидными слоговыми знаками. Никто не мог сказать, на каком языке они были написаны. Знание языка древних киприотов и минойцев было крайне неопределенным. И не было обнаружено какой-либо билингвы наподобие тех, которые сыграли основную роль в дешифровке других письменностей. Алфавитный список был найден, как мы отмечали, гораздо позже. Была ли вообще какая-нибудь надежда на дешифровку? И если да, то каким путем следовало идти?

Ученые долго утверждали, что неизвестная письменность на неизвестном языке не может быть дешифрована. Однако, будучи высказано в такой неконкретной форме, это утверждение является сомнительным и уязвимым. Многие зависят от значения слова «неизвестный», особенно в термине «неизвестный язык». С семантической точки зрения есть несколько степеней «неизвестного». Это утверждение может просто означать тавтологически, что «неизвестный» язык не может быть известным. «Неизвестный» язык, однако, может быть родствен известному (происходящему из общего корня) языку, либо «неизвестный» язык нерасшифрованного текста может оказаться более или менее знакомым, когда он станет доступным для прочтения. В последнем случае, как еще раз было доказано расшифровкой Вентрисом и Чэдвиком «линейного Б», которое было всего лишь древней формой ахейского греческого, успех в конце концов неминуемо придет. Если количество символов ограничено, как в алфавите, шансы намного увеличиваются. Другой способ — разгадка секретных кодов криптографами. И действительно, частично используя эти способы, трое ученых, немец и два француза, пришли к разгадке.

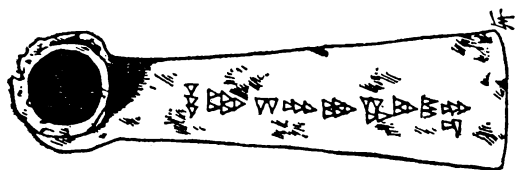
В отличие от Артура Эванса, который всю жизнь утаивал 288 критские глиняные таблички, надеясь расшифровать их все

самостоятельно, Шарль Виролло тщательно переписал все алфавитные тексты из Рас-Шамры и на благо коллег опубликовал их в апреле 1930 г. в востоковедном журнале «Сирия», издателем которого был Рене Дюссо. Виролло в известном смысле был поставлен в невыгодное положение тем, что можно назвать в духе Пиквика слишком большим знанием. Он был в Белой Гавани и в Рас-Шамре, непосредственно изучил археологические памятники и, возможно, был чрезмерно поражен микенско-минойскими чертами, столь заметными в первых находках в некрополе Минет-эль-Бейды. Разумным предположением было связать появление странной письменности с агрессивными гостями, вторгшимися в среду обитания коренного населения Сирии, которое, согласно всем свидетельствам, до этого времени вполне обходилось традиционной клиновидной слоговой азбукой. Кроме того, Виролло, возможно, не примирился с тем, что главное прибрежное поселение в северной части Сирии может быть приписано финикийцам или ханаанеянам. Возможно также, что на него повлияла с энтузиазмом поддерживаемая в то время теория о том, что наш алфавит в конечном итоге был эгейского (квазигреческого), а не азиатского финикийского происхождения.

Тем не менее именно Виролло предложил первый ключ, который его коллеги, профессор Ганс Бауэр из университета в Галле и отец Поль (позднее Эдуард) Дорм, успешно применили. Первой ниточкой был алфавитный характер письменности. Затем Виролло заметил в тексте вертикальные линии, которые, весьма вероятно, служили словоразделителями. Очевидно, этот язык состоял из довольно коротких слов, редко превышающих три-четыре буквы. Эта особенность исключала вероятность того, что язык был греческий или «микенский». К этим общим соображениям Виролло добавил одну, более конкретную деталь.

По счастливой случайности сразу же после извлечения глиняных табличек Шеффер обнаружил у подножия лестницы в «библиотеке» клад из семидесяти четырех бронзовых орудий и инструментов. Пять бронзовых топоров имели надписи теми же алфавитными символами. Длина надписей менялась, но несколько символов, если не слов, повторялось. Виролло нашел также более длинное слово — из шести букв — в начале таблички, которому предшествовало, по всей вероятности, слово из одной буквы. Последнее, предпо-

ложил Виролло, соответствует французскому «á» (английскому «to») или аккадскому «ана», видимо использовавшемуся в эпистолярном обращении или в формуле посвящения. Кроме того, более длинное слово, общее для обоих документов, было, возможно, именем лица — быть может, владельца «библиотеки». (Оказалось, что это титул верховного жреца). Еще одно слово повторялось на двух топорах. Оно состояло из четырех букв, и Виролло решил, что оно обозначает название предмета — «топор» — на каком бы языке

Один из найденных в Рас-Шамре топоров с надписями, при помощи которых удалось дешифровать дотоле неизвестную алфавитную клинопись

это ни было. Виролло правильно понял эти слова. С замечательным предвидением он заявил: «Если бы можно было собрать все слова в различных восточных языках, которые обозначают «топор», несомненно, удалось бы прочитать это слово на топорах из Рас-Шамры. При отсутствии билингвы определения этих четырех букв, возможно, будет достаточно для расшифровки всех остальных текстов» [266, 307].

Пока Виролло спокойно работал в Париже в намеченных им направлениях, Дорм из библейской школы в Иерусалиме, находившейся под руководством французов, и Ганс Бауэр в Галле приняли вызов. Оба они были опытными ориенталистами и филологами и работали также с шифрованными кодами. Дорм, служивший во время первой мировой войны во французской разведке в Салониках, был награжден за успехи в расшифровке вражеских секретных донесений. Хотя трудно установить приоритет в научных открытиях, когда три человека работали одновременно в схожих направлениях и каждый в какой-то степени использовал успехи других, обычно считается, что Бауэр первым разработал гипотезу, согласно которой неизвестный язык был северо-западным или просто западным семитским диалектом,

родственным ханаанскому и тесно связанным с еврейским. Как бы то ни было, он заявил об этом в короткой статье в ежедневной берлинской газете «Фоссише Цайтунг» 4 июня 1930 г.

Расшифровка была сделана Бауэром прямо-таки молниеносно. Он сам с гордостью приводит эти даты: 22 апреля он получил в Галле номер журнала «Сирия». Менее чем через неделю, 27 апреля, дешифровка была в основном закончена, и 28 апреля Бауэр уведомил Рене Дюссо о своем успехе. 15 мая он отослал свое предварительное сообщение в «Фоссише Цайтунг». Ганс Бауэр (1878—1937) в то время был одним из ведущих немецких исследователей восточных языков. Он владел китайским и малайским, но специальностью его была семитская семья языков, включая арамейский, аморитский, аккадский и другие ее разновидности. Он написал несколько грамматик арамейского и древнееврейского языка. По его собственному заявлению, недавнее изучение синайской письменности подготовило его к работе над сделанными Виролло копиями алфавитных документов из Рас-Шамры [206]. Естественно, он склонился к семитскому толкованию.

Бауэр знал, что его предположение о западносемитском характере языка было по крайней мере сомнительным, но считал, что эта версия стоит проверки. Краткость слов наводила на мысль о типичной безгласной передаче семитского текста. С первого взгляда у него появилось интуитивное ощущение того, что это был семитский язык. Бауэр занялся анализом частотности употребления некоторых букв, предположив, что это позволит обнаружить семитские особенности языка. Западные семитские языки имеют три существенных признака: префиксы, суффиксы и однобуквенные слова, которые все должны быть представлены определенными согласными (и еврейским «алифом») в различных комбинациях. Бауэр принял допущение о наличии соответствующего свойства в языке Рас-Шамры и на этой основе начал определять и анализировать префиксы, суффиксы и однобуквенные слова в табличках, а также приравнивать уже известные западносемитские фонетические значения к соответствующим клинописно-алфавитным знакам. Второй шаг был решающим и потребовал гораздо больше изобретательности, чем может показаться сейчас, когда мы знаем решение. Прежде всего, хотя выбор и был не так велик, чис-

ло букв, которые могли встречаться в этих трех категориях, было все еще значительным. Бауэр выписал эти буквы. Префиксы в западносемитском языке использовали «алиф», «й», «м», «н», «т» и иногда «б», «х», «к», «л», «в». Суффиксы включали «х», «к», «м», «н», «т» и, вероятно, «в» и «й». Однобуквенные слова состояли из «л» и «м» и иногда «б», «к» и «в». Сравнение этих категорий показало, что три буквы — «к», «м», «в» — встречаются во всех трех. После этого приравнивание семитских букв и клиновидных знаков Рас-Шамры стало вполне возможным. Задача еще более упростилась, когда три буквы были сведены к двум — «м» и «в», которые использовались чаще других. Наконец, Бауэр получил возможность выбрать из двадцати семи клиновидных знаков (позднее было установлено, что на самом деле их тридцать) два, которые, вероятно, были эквивалентами «м» и «в». Путем нескольких похожих рассуждений он дошел до альтернативы для «н» и «т», которые были общими для префиксов и суффиксов [207, 306]. Но что было делать с ними дальше?

Предположения Виролло пришли на помощь Бауэру. Однобуквенный символ для предлога «к» соответствовал в семитском языке «л». Как только знак «л» был установлен, Бауэр начал действовать в духе алгебраических уравнений, где «икс» — неизвестное — является функцией известных величин. Чтобы определить «м», Бауэр прибег к семитскому слову «млк», означающему «царь». Весьма вероятно, что это слово встречалось часто. С этого времени немецкий филолог начал искать трехбуквенное слово, первая буква которого в клинописном алфавите была бы «м/в», вторая — «л», а третья неизвестна. Метод оказался плодотворным. Бауэр определил «м» (а также «в») и «к». С этого момента дело пошло быстрее, так как угаданные слова помогали определить значение различных букв. Два знака, повторявшиеся в тексте, напоминавшем список следующих друг за другом имен (как в библейской генеалогии), дали ему «бн», означающее «сын». Имя известного семитского бога Баала (семитское «бл»), которое, как следовало ожидать, должно было упоминаться в текстах, теперь было обнаружено сравнительно легко. И так далее. Через три дня Бауэр был убежден, что расшифровал двадцать букв наверняка и четыре — с большой степенью вероятности [206]. В его статье в «Фоссише Цайтунг» были приведены имена несколь-

ких финикийских божеств и фонетические термины числительных.

Однако он сделал несколько ошибок. Две буквы были определены неправильно из-за приписывания еврейского произношения слова «топор» — «грзн» — четырем символам на бронзовых орудиях, отобранных Виролло. Как было показано позже, на диалекте Рас-Шамры это слово произносилось как «хрсн». Две неправильные буквы легко могли вызвать беспорядок в алфавите, состоящем из столь небольшого числа символов. Фактически Бауэр прочитал правильно семнадцать букв. Это было большим достижением, хотя и не позволило еще прочесть тексты Рас-Шамры.

Летом 1930 г. отчет Бауэра в «Фоссише Цайтунг» привлёк внимание человека, которому предопределено было стать одним из крупнейших специалистов века в области библейской археологии. Американец У. Ф. Олбрайт, который тогда, в начале своей карьеры, был занят раскопками в Телль-Бейт-Мирсима, вблизи Иерусалима, живо интересовался раскопками в Рас-Шамре и со временем сделал несколько первых английских переводов алфавитных клинописных текстов [204, 15—20]. Он знал о том, что Дорм работает над копиями Виролло, и сообщил ему о заметке в немецкой газете. На основе открытий Бауэра Дорм исправил одну свою ошибку (он спутал «н» и «т»). Продолжив работу, он правильно истолковал двадцать знаков и великодушно сообщил об этом Бауэру. Бауэр, в свою очередь, включил их в усовершенствованный вариант своей расшифровки — так называемый «Алфавит 5 октября 1930 г.» [227, 21].

С этого момента инициатива опять перешла к Шарлю Виролло. Ставший к тому времени профессором Сорбонны, Виролло, хотя и медленнее, пришел к аналогичным заключениям [220, 2]. Теперь он исправил ошибки, сделанные Дормом и Бауэром (например, две неправильные согласные в слове «топор»), установил три альтернативных значения «алифа» (в древнееврейском языке есть только одно), окончательно установил тридцать знаков в алфавите Рас-Шамры и завершил дешифровку. Виролло также успешно сделал первые полные переводы. Впоследствии он стал официальным издателем документов из Рас-Шамры.

Была ли уверенность в том, что интерпретация алфавита правильна? Когда Виролло начал издавать связные и разумительные переводы текстов, большинство сомнений рас-

сеялось. Для тех, кто нуждался в более строгом доказательстве, были другие подтверждающие данные. Некоторые таблички, например, содержали имена несемитских хурритских богов, совершенно неожиданных в этом контексте. Отдельные списки городов на месопотамском аккадском языке, с одной стороны, и в новой алфавитной клинописи — с другой, хотя и не идентичные и не в одинаковой последовательности, содержали совпадающие названия. Аккадское слоговое произношение, кстати, также помогло реконструировать возможное произношение языка Рас-Шамры, оставшееся неопределенным из-за манеры писать без гласных. Самое точное доказательство было представлено другим списком, в котором приводилось количество сосудов вина, привезенных в Рас-Шамру несколькими (вассальными?) городами. После каждого названия города шло соответствующее количество, написанное алфавитом Рас-Шамры. Если эти фонетические значения числительных были правильными, они составили бы сумму в сто сорок восемь сосудов. Оказалось, что сумма, записанная на аккадском языке, была «I me'at 48 Dug Geštin» — «148 сосудов вина» [226, 86].

Пока в 1930 г. проводилась работа по дешифровке, Клод Ф.-А. Шеффер и Жорж Шане начали вторую кампанию, в сопровождении жены Шеффера. На этот раз организаторами были Академия надписей, Лувр и французский Департамент просвещения. Дополнительные фонды позволили Шефферу нанять двести пятьдесят местных рабочих [260, 99], и он смог выкопать значительное количество клинописных табличек. Объявление о вновь открытом алфавите обратило внимание всего мира на новую экспедицию. Все глаза были устремлены на этот город в Северной Сирии, до сих пор известный под современным арабским названием мыса, на котором он находился, — Рас-Шамра (точнее, Рас аш-Шамра) или под именем близлежащей гавани Минет-эль-Бейда. С самого начала холм Рас-Шамра представлялся Шефферу и его коллегам местом, где когда-то существовал древний город несомненно большого размера и значения — вероятно, городской центр весьма обширного города-государства.

Шеффер тогда еще не знал, что ученые уже давно интересовались названием одного города, до тех пор не получившим убедительного объяснения, — Угарита. Оно было упомянуто в египетской «Поэме Пентаура» (Пентовера),

датируемой временем Рамсеса II, чей сомнительный военный триумф над хеттским войском она восхваляла. Шесть упоминаний об этом городе было в табличках из Телль-эль-Амарны. В одном из амарнских писем царь Тира сообщал Аменхотепу IV: «Угарит, царский город, был разрушен огнем. Половина города была сожжена, другой половины больше нет» [22, 164]. Это вполне могло быть ссылкой на разрушительное землетрясение. Другое письмо сообщает, что город подпал под влияние хеттов, заклятых врагов фараона. Дополнительная информация об Угарите была обнаружена в клинописных архивах хеттов в Богазкёе и в письмах Хаммурапи. Через несколько лет записи из Мари, аморитского центра в Северной Месопотамии, принесли новое свидетельство. Все эти данные указывали, что Угарит был влиятельным ханаанским городом, расположенным, вероятно, на побережье Сирии, в районе, горячо оспариваемом хеттской и египетской империями.

В отличие от других ханаанско-финикийских городов, как, например, Библ, Бейрут, Аккра, Тир и Сидон, Угарит, кажется, исчез с исторической сцены во время смертельной борьбы и упадка двух великих ближневосточных империй и начала набегов «народов моря» около 1200 г. до н. э. Что случилось с ним? Сирия была тщательно исследована археологами и другими учеными, и шансы найти какие-либо следы этого города были весьма малы. Рас-Шамра тогда еще не появилась на сцене. Собственно говоря, во время первой экспедиции Шеффер был уверен, что обнаружил древнее название Рас-Шамры, когда иероглифическая надпись на уже упомянутой египетской votивной стеле была прочитана как посвящение Баалу Цафона. Казалось вполне очевидным, что статуя была поднесена египтянами богу-покровителю города, называемого Цапуну (или Цафон). Некоторое время авторы французских публикаций придерживались этой точки зрения.

Но У. Ф. Олбрайт, профессор университета Джонса Хопкинса в Балтиморе, отнюдь не был в этом убежден. Его острая проницательность, которая еще раз драматически проявилась на раннем этапе восстановления свитков Мертвого моря, заставила его усомниться в выводе французских коллег. В 1931 г. в небольшом примечании к научной статье на другую тему он несколько раз подчеркнул тот факт, что Рас-Шамра была по всем данным «городом весьма значи-

тельным», в то время как город под названием «Цафон» (в действительности мифологическое название ханаанского Олимпа)⁵ нигде ни разу не был упомянут. Как могло быть, чтобы крупный городской центр, подобный этому, не был назван в древних записях? С другой стороны, была местность, игравшая значительную роль во всевозможных документах II тысячелетия,— Угарит, город, местонахождение которого все еще не было определено. Олбрайт заявил: «Идентификация с Угаритом, упоминаемым в клинописных и египетских надписях II тысячелетия, кажется весьма вероятной». Он обещал коснуться этого вопроса в будущей публикации, которая так никогда и не появилась.

Причина этого была проста. Через год в статье [204, 19] о текстах Рас-Шамры Олбрайт заявил, что таблички, недавно расшифрованные Виролло, делают дальнейшие усилия по идентификации Угарита ненужными. Появились новые данные: несколько колофонов, приложенных к алфавитным документам, содержали название «Угарит». В одном из них имелась дата: 3-й год правления «царя Угарита» по имени NGMD.

С этого времени название Угарит стало еще более известным, чем Рас-Шамра, и употреблявшийся там язык — предположительно западносемитский (место его в более широком понятии семитской группы языков все еще обсуждается) — обычно называли угаритским. Любая хорошо укомплектованная университетская библиотека с тех пор постоянно вносит новые наименования в каталог под рубрикой «Угарит», и к настоящему времени мы видим такие новые области исследования (назовем лишь часть из них), как угаритология, угаритская филология, угаритская мифология, грамматика и эпиграфика. В существующих программах большинства теологических семинарий угаритский язык в значительной степени заменил арабский в качестве лингвистической основы для изучения древнееврейского языка Ветхого завета [270, 41]. И этот язык, и местность были полностью неизвестны каких-то тридцать пять лет назад.

В каталоге исследований, связанных с Угаритом, угаритская литература вполне может оказаться наиболее значительной темой. Чтобы понять ее значение, следует принять во внимание, что до 1929 г. ученые безоговорочно полагали, будто вся литература высокообразованных ханаанян и финикийцев была безвозвратно утрачена [205, 185]. Сохрани-

лось несколько фрагментов, приведенных Евсевием в IV в. н. э. со слов финикийского историка по имени Филон из Библа. Но приведены они были в полемических целях. Еще менее достоверными были отрывки из произведений полубогендарного финикийского поэта Санхуниатона, приведенные Филоном. Замечательно было то, что глиняные таблички Угарита представляли утерянную литературу, написанную на утерянном языке забытыми письменами, но еще значительнее были те научные выводы, на которые наталкивало ознакомление с их содержанием. Серьезные ученые долгое время сожалели о том, что мы ничего не знали о религиозных представлениях, культах, ритуалах и поэзии ханаанеян, которые, несомненно, пролили бы свет на происхождение некоторых библейских книг, особенно позднего периода, как, например, Псалмов, книги Иова и некоторых из Пророков. До какой степени древние евреи находились под влиянием ханаанских образцов?

С другой стороны, не относились ли более ранние библейские книги к доханаанским и, следовательно, довольно древним еврейским преданиям? Знакомство с ханаанскими текстами, возможно, обнаружило бы заимствования, по крайней мере столь же обширные, как заимствования древних евреев из египетской и месопотамской литературы. Ни одно из этих ожиданий ученых не было обмануто, даже несмотря на то, что в горячке открытия было, по-видимому, провозглашено значительное число сенсационных параллелей и взаимосвязей, которые не удалось потом подтвердить. Эти чрезмерно претенциозные заявления напоминали первую реакцию, вызванную свитками Мертвого моря. Рене Дюссо в своем резюме угаритских находок (R. Dussaud. *Les Découvertes de Ras Shamra — Ugarit et l'Ancien Testament*, 1937) попытался идентифицировать Фарру, отца Авраама, и возвести раннюю историю израильтян к ханаанским преданиям [244, 18—19]. Утверждали также, что большая часть угаритских мифов возникла на крайнем юге Палестины, miles в четырехстах от Рас-Шамры, в Негеве. Это также не может быть доказано. Несмотря на такие преувеличения, основанные на неправильном чтении трудных текстов, ханаанские мифологические и религиозные тексты принесли много ценных сведений.

Ханаанские ритуалы и мифы были известны только со слов авторов Ветхого завета, которые заявляли, что прези-

рают это «идолопоклонство», хотя, однако, давно уже высказывалось предположение, что древние евреи обязаны им больше, чем хотели бы в этом признаться. Теперь наконец ханаанейн можно было выслушать непосредственно. То, что они могли сказать, имело существенное значение не только для ученых, изучающих Библию и сравнительную историю религий. Перед людьми предстала впечатляющая мифология, которая вполне могла сравниться с мифологией греков. В некоторых легендах звучали эпические нотки, напоминающие «Сказание о Гильгамеше» и «Илиаду». Более того, их тематика, система образов и выбор слов пролили свет на неясности в древнееврейской и гомеровской литературе. Мифологические тексты ханаанейн помогли объяснить развитие европейской трагедии и комедии из ритуалов — в виде драматического действия, — прославляющих смерть и воскресение бога растительности [232].

Если судить по безупречной форме, в которой эта давно утерянная литература была написана где-то в первой половине XIV в. до н. э., ее истоки были намного более древними. С точки зрения лингвистики близкое родство языка этой литературы с древнееврейским обещало существенно продвинуть вперед наше знание библейского словаря и прояснить древнееврейские слова, которые были неправильно поняты или имели сомнительное значение. Некоторые отрывки из Ветхого завета, точный смысл которых ускользал от ученых, оказались дословными заимствованиями у ханаанейн. Это же относилось к метафорам, эпитетам и мифологическим намекам, смысл которых до сих пор был туманным и теперь получил разъяснение с помощью ханаанских соответствий. В случае искажений и замен, сделанных современными критиками и переводчиками Библии, угаритское словоупотребление часто могло быть использовано для контроля. Во многих случаях, когда ученые предложили остроумные изменения в словах и значениях, угаритские источники указали, что традиционный текст был ближе к оригиналу.

Более старое, политеистическое ханаанское учение и монотеистическое, «бог вдохновенное» древнееврейское Писание тесно связаны и в то же время в значительной степени противоположны: ханаанская литература оказала существенное влияние на иудаизм и одновременно вызвала ожесточенный антагонизм с его стороны. Древнееврейская рели-

гия, какой бы уникальной по духу она ни была, созрела, по крайней мере до некоторой степени, в ханаанском окружении и не может быть до конца понята в отрыве от него. Более того, сам Ветхий завет достаточно свидетельствует о том, что суровые нормы, установленные его учителями, редко соблюдались большинством израильтян (многие из которых были покоренными прозелитами), в то время как местные, ханаанские культы находили в их душе живой отклик. Библия полна примеров того, как массы израильтян, а иногда даже их цари принимали ханаанское идолопоклонство в качестве неофициальной магии, существовавшей бок о бок с их национальным культом Яхве. Более того, ханаанская религия могла содержать зачатки монотеизма.

Из угаритских текстов отчетливо видно, что ханаанская религия середины II тысячелетия до н. э. была откровенно натуралистической. Целью ее было объяснить и контролировать великие силы природы: жизнь — смерть — воскресение, дождь и прежде всего плодородие. В духе первобытных религий природные явления олицетворялись антропоморфными божествами, и, как и во всех культурах сравнимого уровня, от Китая до древней Европы и Мексики, в изображениях богов и обрядах господствовала откровенная эротика. Каковы бы ни были эстетические достоинства угаритской мифологии, а они были значительны, угаритская религиозная поэзия первоначально мыслилась не как искусство, но как ритуал для того, чтобы умиротворить богов и обеспечить нормальное течение плодородного цикла (годового или семилетнего). Религия была в основном функциональной, и человеку отводилось известное место и доля ответственности в общем порядке вещей. Смертный состоял в задушевном общении с природой и отнюдь не был в ней пассивным чужаком. Ритуалы людей были эффективным средством, помогавшим богам одерживать победы в их битвах. В этом свете мы и должны рассматривать такие религиозные обычаи, как храмовая проституция обоих полов, скотоложество и приношение в жертву детей, бывшие частью многочисленных обрядов в честь плодородия, которые древние евреи находили столь отвратительными, хотя они и сохранили некоторые пережитки их, как, например, «прохождение через огонь», эвфемизм человеческого жертвоприношения, а также почитание изображений и даже в определенной форме храмовую проституцию.

Вера ханаанеян, возможно, вообще не имела этического измерения. В самом деле, боги многочисленного ханаанского пантеона, подобно богам Олимпа (между ними есть и «семейное» сходство), вели себя так же скандально, похотливо, завистливо и даже кровожадно, как и некоторые из их двойников среди людей. Как у Гомера, коварство считалось одной из самых замечательных черт характера. «Девственная» богиня Анат, ханаанская Диана, была кровожадной садисткой и наилучшим образом проявила свое неистовство, защищая своего возлюбленного Баала, молодого выскочку, который был готов занять место верховного бога, даже несмотря на то, что это угрожало ее отцу, ханаанскому сверхбогу, кроткому Элу, который, по-видимому, страдал старческим слабоумием:

И дева Анат объявила:
«Бык⁶, мой отец, согласится,
Ибо я швырну его, как овцу, на землю,
Пропитаю кровью его седые волосы,
Запекшейся кровью — его бороду,
Если не даст он Баалу дом, как у богов,
Двор, как у сынов Ашеры» [247, 204]⁷.

Притязания Баала на собственный дом были, как сказал Сайрус Гордон, мифологическим прецедентом строительства храма Яхве в Иерусалиме. «Оба сообщения органически связаны идентичностью мотивов и установок. В обоих случаях претензии бога возрастают до того, что он более не мыслит для себя достойного существования без собственного дома... Времена изменились: пришел Израиль, а раз Израиль высоко поднял голову среди прочих народов, то и культовые требования к богу Израиля соответственно поднялись... Библейские и угаритские указания о строительных материалах (ливанский кедр, покрытый металлом) также связывают мифический и исторический дома соответственно Баала и Яхве» [247, 205—206]. Существует много таких любопытных параллелей между угаритскими и древнееврейскими текстами, начиная с самих имен ханаанских богов: Баал и гораздо чаще Эл, или Элохим, выступают синонимами древнееврейского Яхве, который также разделял многие божественные атрибуты со своими языческими тезками [270, 8]. Некоторые ученые нашли даже упоминание о самом Яхве (в форме YW) как об одном из ханаанских божеств.

Основная тема победы над хаосом, столь отчетливо выраженная в угаритской литературе, является центральной и в Библии. Она обусловила библейский взгляд на историю, моральный порядок и божественное правление [237, 10]. Торжество Яхве, как и Баала, заключалось в установлении космического равновесия. Как и Баал, Яхве связан с бурей и дает знать о себе сотрясениями земли, темными тучами, молниями и громом. «Тот, кто восседает на облаках», — описание Баала, перенесенное евреями на Яхве [237, 8]. Было отмечено, что, судя по образному стилю и интонациям, 29-й псалом, возможно, первоначально был гимном ханаанскому богу, перенятым почитателями Яхве. Значительная часть 104-го псалма, несомненно, основана на ханаанской мифологии и может быть понята только в ее свете. Кроме того, когда 48-й псалом упоминает вопреки всякой географической реальности о святой горе Сион в глубинах Севера (древнееврейское Цафон), становится ясным: Цафон был Олимпом ханаанского пантеона на дальнем Севере, излюбленной резиденцией Баала. Одним из врагов Баала был Левиафан — семиглавая гидра, общая для угаритской и греческой мифологии, — которого Баал убил, как и Яхве в Ветхом завете.

Существует также сходство в религиозных обрядах, литургии и институтах. В ханаанском Угарите был и свой «первосвященник», и своя «святая святых». Еврейская пятидесятница имела ханаанский прообраз. Кроме того, близкую аналогию можно усмотреть в древнееврейской системе жертвоприношений и в церемониях очищения. Празднества и святыне дни, как, например, Новый год, день искупления и праздники урожая с их сельскохозяйственными ассоциациями (включая поедание незаквашенного хлеба), имели предшественников в ханаанских традициях [223, 130].

По всем признакам угаритские тексты являются развитием общего сирийского наследия при значительном месопотамском влиянии. Ветхий завет в роли враждебного критика или беспристрастного наблюдателя отражает те аспекты ханаанской религии и общества, с которыми израильтяне соприкоснулись во время их пребывания в Палестине. Однако тот факт, что Угарит был частью более широкой ханаанской цивилизации, не умаляет местного литературного развития в ее северном аванпосте, которое подняло фольклор до поэтического уровня, невзирая на его ритуальное происхождение или предназначение. Ханаанские тексты, хо-

тя и написанные в виде эпических поэм, напоминают стиль, ритм и систему повторов библейского стиха. Ближе всего к ним триумфальные песни Мириам и Деборы. Тематически некоторые ханаанские легенды и мифы близко совпадают с греческими и римскими, чем подчеркивают связи между древним Ближним Востоком и классическим миром. Наша банальная манера отделять Грецию от ее восточной прародины и сентиментально преувеличивать ее уникальные черты и новшества не позволяет нам открыто взглянуть на очевидные факты. Здесь перед нами широкое поле для исследований. Отнюдь не самой незначительной заслугой литературных находок в Угарите является то, что они привели к исследованиям в этом направлении [234, 89—99].

Общий характер ханаанской религии яснее всего обнаруживается в угаритской версии мифов о великом Баале. Однако из-за фрагментарности имеющихся у нас табличек единство и последовательность мифов (в стиле некоторых современных романов «новой волны») остаются спорными. Тем не менее мощная основная тема ясна. Она неизменно описывает восхождение Баала на царство среди богов, его борьбу за власть с соперниками — бесплодными силами Яммом⁸ (Посейдоном — Океаном) и Мотом⁹ (Гадесом). Временные неудачи и конечная победа драматически воспроизводят цикл смерти и воскресения, увядания и расцвета. Баалу оказывает помощь пылкая Анат, к которой Эл, изгнанный наподобие короля Лира, обращается, и не без оснований, с упреком:

О дочь моя, знаю, что ты необузданна,
Ибо нет среди богинь сдержанности.

[247, 204].

Всего у нас есть около дюжины поврежденных табличек, повествующих о полной превратностей карьере Баала и действенной роли Анат в качестве его подруги и сестры-возлюбленной. Различные эпизоды оживлены жестокими битвами, душераздирающей картиной истребления человечества, интригами, обманом и политической силой среди богов, буколическими пиршествами (причем вино поглощается в астрономических масштабах), примирениями и снова битвами. Баал может быть убит; милостивый Эл, отец богов, знает, что он снова воскреснет.

Во сне всемилостивого бога милосердия,
 В видении создателя всех созданий
 Небеса дождем изливают масло,
 Речные русла наполнились медом.
 Всемилостивый бог милосердия ликует,
 Он ставит ноги на подножку трона,
 Он улыбается и смеется,
 Он возвышает голос и восклицает:
 «Да воссяду я и отдохну,
 Чтобы душа успокоилась в моей груди,
 Ибо жив Алийян Баал,
 Существует правитель, владыка земли»
 [254, 140]

В этих строках звучит надежда: благоговение перед лицом диалектических процессов природы и вера в вечное возвращение искупителя — царя изобилия [247, 212—213].

Другим жанром угаритской литературы являются легенды о смертных героях. Были обнаружены два основных фрагмента эпических поэм о Керете и Аккате, которые могли быть историческими персонажами. Но эпосы поглотили так много элементов ханаанской мифологии, что их считают частью религиозной литературы. Они выражают тот же интерес к плодородию и ритуалам, однако в центре внимания стоят земные, точнее, полубожественные царственные персонажи. К счастью, эти фрагменты содержат также достоверные картины ханаанской жизни. Доминирующим в обеих поэмах является желание обеспечить себе мужское потомство. Как и в случае с Авраамом, бог объявляет человеку о предстоящем осуществлении его династических устремлений еще до того, как имела место биологическая предпосылка счастливого события. Смертные так же просто принимают у себя богов, как в греческой легенде об Амфитрионе¹⁰. И хотя окончания эпосов не найдены, развязку почти наверняка должно составлять чудесное омоложение или оживление героя.

Легенда о Керете (KRT) записана на трех обломанных табличках с колофоном, упоминающим угаритского царя XIV в. Она рассказывает о подобном Иову сирийском правителе, который потерял свою семью и с тех пор живет в печали. Мы видим, как он удаляется во внутренние покои, проливая, как это свойственно всем эпическим героям Средиземноморья, обильные слезы:

Слезы его падают,
Как шекели, на землю.
Постель его промокла от слез,
И он засыпает, рыдая.
Сон овладевает им, и он лежит;
Дремота, и он откидывается назад.
И во сне его спускается Эл,
В видении его отец человека.
И он приближается к царю Керету с вопросом:
«Чем так мучим Керет, что он рыдает,
Возлюбленный сын Эла, что он плачет?..»
[254, 143].

Затем Эл приказывает Керету искать в далеком Удуме (Эдоме?) прекрасную дочь могущественного царя Пабела, которая родит ему детей. Получив наставление, Керет, чтобы подкрепить свои любовные притязания в глазах будущего тестя, собирает большую армию. По дороге он отдает дань уважения святилищу Ашеры, верховной богини, и обещает ей щедрое подношение, если его миссия увенчается успехом. Прибыв в Удум (для вящей убедительности с армией в несколько миллионов человек), Керет просит выдать за него царевну,

Чистота которой подобна чистоте Анат,
Красота которой подобна красоте Ашторет,
Белки глаз которой — чистота лазурита,
Зрачки которой — отблеск черного янтаря
[254, 144].

Пабел не хочет отдавать свою дочь, но вынужден уступить под давлением буйного войска Керета, которое угрожает разрушить страну.

Все идет хорошо у Керета. В должное время вырастают у него прекрасные сыновья и дочери. Но он не сдержал обещания, данное богине Ашере, и к концу рассказа Керет ослабевает, а одновременно по божественному предопределению страна и ее народ приходят в упадок и беднеют. Собственный сын царя поднимается, как второй Авессалом, против него и приказывает ему отречься от власти. Поврежденная табличка заканчивается сценой, когда Керет призывает на своего мятежного сына проклятие богов. Возможно, была еще одна табличка, в которой гнев богини в конце концов смягчался

и к Керету возвращалась прежняя сила, а к его стране — процветание [233, 99].

В сказании об Акхате боги и люди общаются между собой более свободно. Когда этот текст был найден, его назвали «Эпосом Даниила» (или Дан'эла), отца героя, но одна из начальных строк, расшифрованная позднее, делает первое название более вероятным. Дан'эл вполне может быть отождествлен с тем Даниилом, о котором пророк Иезекииль говорит несколько раз как о мудром и святом человеке и которого он даже упоминает в связи с ханаанским городом Тиром. Угаритский Даниил принадлежит к людям праведным и богобоязненным, подобно Керету в расцвете сил, который «разрешает дело вдовы, выносит решение по делу сироты». Столь же ревностно он исполняет и свои обязанности жертвователя по отношению к богам. Наконец, Баал вступает перед Элом за несчастного человека, «который не имеет сына, как его братья». Итак, Даниилу предстоит получить сына. Когда божественные посланцы приносят ему благую весть, он вне себя от радости. Счастлирое событие должно быть отмечено в самом расточительном стиле, с празднествами, продолжающимися семь дней. Еда и вино раздуются свободно, и всем обеспечено развлечение.

Сын Даниила, Акхат, растет, став отцу дорожке зеницы ока. Однажды, во время выезда царского двора за пределы города, Даниил видит Кушар-Хасиса (точное соответствие Гефесту — Вулкану), бога ремесел, божественного кузнеца. Даниил приглашает бога в свой дом и приказывает жене приготовить какое-то особое блюдо, получив за это от него могучий лук в качестве подарка для Акхата. Однажды, охотясь как-то со своим новым оружием, Акхат встречает девственную богиню Анат, которая видит чудесный лук и хочет его получить. Но Акхат не поддается уговорам, несмотря на обещания сказочного богатства. Вместо этого он довольно дерзко предлагает, чтобы богиня отправилась к Кушар-Хасису и заставила его сделать для нее другой лук. Анат настаивает и даже обещает юноше вечную жизнь. На такое предложение Акхат реагирует с презрительным недоверием. Как может простой человек получить бессмертие? Здесь поэма отражает пессимистическое отношение к судьбе человека, которое уже было выражено в «Эпосе о Гильгамеше». Акхат не принимает всерьез такое абсурдное обещание. Он не сомневается, что старость со временем придет к нему, его

волосы побелеют. Он дерзко отвергает предложение богини и, добавляя оскорбление к обиде, спрашивает, зачем женщине оружие, предназначенное для мужчины, для воина. Это было последнее, непростительное оскорбление, переполнившее чашу. Анат изображает на лице вымученную улыбку, тем временем уже планируя свою месть. Она обращается с

Анат, свирепая ханаанская богиня,
изображенная на египетской стеле

жалобой прямо к своему отцу Элу и устраивает ему очередную истерику. Как обычно, он уступает ей. Затем она нанимает убийцу для осуществления своего плана. В тексте, носящем следы переделок, есть намек, что она имеет в виду своего рода мнимое убийство и собирается вернуть Акхата к жизни после того, как получит желанный лук. Но ее наемник портит все дело, и убитого героя пожирает гриф прежде, чем он мог быть оживлен.

Смерть Акхата вызывает катастрофическую засуху. Сестра Акхата правильно истолковывает печальный знак и уведомляет своего отца, который отправляется на поиски тела сына, чтобы похоронить его. Он связывает грифов с убий-

ством и просит помощи у Баала. Хищные твари умерщвляются одна за другой для того, чтобы Даниил мог осмотреть их внутренности, но ни в одной нет следов Акхата, и Баал милостиво возвращает птиц к жизни. Наконец подстрелена мать грифов, и — увы! — именно она сожрала плоть и кости Акхата. Даниил берет останки сына и хоронит их. Затем он возвращается во дворец, где проводит семь лет в трауре и плаче.

Пугхат, дочь Даниила, тем временем обнаружила убийцу своего брата, который, будучи под хмельком, похвалялся своим отвратительным преступлением. На этом текст обрывается, но мы можем быть уверены, что убийца получает справедливое возмездие и боги возвращают Акхата его отцу — на время по крайней мере, как Прозерпина была возвращена ее матери Деметре.

Клинописные таблички содержат другие ханаанские мифы и легенды. Одно космогоническое описание рождения богов имеет форму своего рода либретто, дополненного сценическими указаниями. Другое повествование, о влюбленном боге луны Йарихе, воздевающем к богине Никкаль, начинается, подобно «Энеиде» и другим западным эпосам, словами: «Я воспеваю Никкаль» [233, 96].

Ханаанская литература на глиняных табличках из холма Рас-Шамра расширила горизонты наших знаний о древнем Ближнем Востоке. В том, что она раскрыла перед нами ханаанские корни Ветхого завета, состоит только один из ее многих выдающихся вкладов. Эти тексты не только ценны для науки как прототипы, но прекрасны и сами по себе как литературные произведения.

Несколько теологов, изучив угаритскую мифологию, признались, что шокированы неистовством и порочностью ханаанской религии. Они сочли ее грубой формой политеизма, «мерзостью язычества», искоренение которой древними евреями в Палестине было благочестивым и богоугодным делом, хотя, к несчастью, и не доведенным до конца. Этот взгляд, кроме того, что он сомнителен морально, игнорирует тот факт, что иудаизм и во время заимствования от этой более примитивной религии, и во время борьбы против нее находился под ее влиянием. Многие prerogatives Яхве были первоначально prerogatives Баала или Эла; Даниил Праведный был ханаанянином, а не древним евреем. Точно так же дух, если не функции пророка вполне могли быть знако-

мы ханаанеянам. Поэтому мы должны относиться к ним с гораздо бóльшим уважением, так как, несмотря на свою незрелость, ханаанское учение является законным предшественником иудейско-христианской традиции. То, что древний народ, изобретший алфавит, теперь может говорить с нами через посредство своей литературы, является достойным основанием для радости¹¹.

Книга III

ЭПОХА ПЕРГАМЕНА

НОВЫЙ ЗАВЕТ

XIII

Тишендорф в поисках «подлинного» Нового завета

И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает.

Исход, 3, 2

В начале 1930-х годов распространились слухи о том, что Советское правительство собирается распродать ценные древности и шедевры искусства. Советская Россия нуждалась в твердой валюте, чтобы покупать на Западе машины и технику. Несколько американских дельцов и коллекционеров начали переговоры с советской торговой организацией — Амторгом. Знаменитый Абрахам С. Вольф Розенбах, король букинистов, почувствовал, что он стоит на пороге самой выгодной в своей жизни сделки. Он мечтал приобрести рукопись, которую даже этот желчный космополит расценивал как «важнейшую, самую сенсационную и дорогую из всех известных миру книг» [337, 367]. Привыкший оперировать в своих сделках шестизначными числами, он все же сказал большевикам, что запрошенная ими цена чересчур высока. Но дверь для переговоров оставалась открытой, и Розенбах надеялся, что сможет добиться компромиссного решения. Тем временем колоритный сенатор от штата Техас Гарри Л. Дарвин тоже начал переговоры с русскими. Он хотел приобрести древнюю рукопись для церкви, к которой сам принадлежал, — методистской епископальной церкви Юга [292, 39].

И тут грянул гром. Через два дня после рождества 1933 г. Британский музей объявил о том, что приобрел у Советского Союза «Синайский кодекс» за самую высокую сумму, когда-либо уплаченную за рукопись,— 100 000 фунтов стерлингов, более чем полмиллиона долларов по тогдашнему обменному курсу (но более чем вполровину меньше той суммы, которая была запрошена у Розенбаха, как заявил этот ошеломленный джентльмен корреспонденту «Нью-Йорк Геральд Трибюн»).

Так завершилась длительная и тайная торговая операция, считающаяся по сей день величайшей книжной покупкой на протяжении всей мировой истории. Несмотря на разочарование Америки, христиане во всем мире могли теперь утешиться тем, что библейская святыня была вызволена из атеистического государства. Для попечителей Британского музея это приобретение казалось, вероятно, делом богоугодным и одновременно благотельным для науки. Призыв к сбору средств на покрытие расходов, связанных с этой покупкой, был встречен с таким энтузиазмом, что вскоре затраченная сумма была перекрыта с лихвой, и правительство Макдональда, обязавшееся внести в кассу музея сумму, равную собранной — «один фунт за каждый собранный фунт»,— смогло сохранить для казны довольно приличную сумму¹.

Интерес к древнему кодексу был подогрет потоком статей, появившихся в ежедневных газетах, а также пылких и не всегда достоверных отчетов в воскресных приложениях. Как только манускрипт был выставлен на всеобщее обозрение в музее, мимо застекленной витрины потянулся бесконечный поток людей, желающих взглянуть на него. По словам сэра Фредерика Кеньона, игравшего главную роль в приобретении рукописи, реакция людей «доказала еще раз приверженность англоязычных наций к Библии» [305, 1]. С точки зрения такого утонченного литератора, как Олдос Хаксли, этот поток свидетельствовал о свойственном человечеству фетишизме: «Если вы рассматриваете идолопоклонство как благо, тогда вы от всей души должны приветствовать приобретение кодекса. Я склонен рассматривать идолопоклонство как явное зло» [298, 303].

Лейбористская «Дейли Геральд» зашла так далеко, что назвала весь этот бум «самой вульгарной показухой самых вульгарных богачей» [292, 39]. Независимый американский 311

«Нейшн» в несколько более ироническом духе нашел, что, вообще говоря, все должны быть удовлетворены: «Кремль... обменявший реликвию „опиума народа“ на пятьсот десять тысяч добрых христианских монет — приличную сумму, которая поможет индустриализации России... Рамсей Макдональд, доказавший своим друзьям-консерваторам, что даже лейбористский премьер-министр отнюдь не варвар, и, наконец, коммунисты, для которых козырем явится фигура лейбористского премьера, одной рукой покупающего Библию IV в., а другой урезающего пособия XX».

Однако, если отвлечься от политических страстей, мало кто мог отрицать, что речь идет об одном из великолепнейших образцов каллиграфического искусства IV в. н. э. При тогдашних обстоятельствах Британский музей был, несомненно, более подходящим местом хранения, чем Ленинградская библиотека². По возрасту и достоверности только хранящийся в Риме «Ватиканский кодекс» как библейский текст мог сравниться с «Синайским». По сути дела, «Синайский кодекс» был и остается самым полным и самым древним текстом Нового завета.

Уникальная, малоизвестная романтическая история его открытия до сих пор является одним из самых увлекательных эпизодов в летописи поисков человеком письменных памятников своего прошлого. В Лобеготте Фридрихе Константине фон Тишендорфе, искателе древних истин, романтика обрела поборника, столь же настойчиво идущего к своей цели, как и его соотечественник и несколько более молодой, современник Генрих Шлиман. Его карьера, так же как и карьера Шлимана, была весьма яркой и феноменально успешной. Исследования тоже привели его на Восток. В ходе своих приключений он, так же как и Шлиман, на опыте убедился в культурной деградации, административной коррупции, интриганстве и мошенничестве, характерных для Ближнего Востока в период османского правления.

Для Шлимана, раскапывающего холмы, библией был Гомер, тогда как все усилия Тишендорфа, теолога по профессии, были сконцентрированы на собственном Библии, в частности на Новом завете. В отличие от Шлимана Тишендорф ни в малейшей степени не был склонен к преклонению перед мифами. Он был прежде всего объективным и критически настроенным ученым, который пытался разгадать

С тех пор как ученый-классик Фридрих Август Вольф сформулировал «гомеровский вопрос» и тем способствовал основанию в конце XVIII в. современной науки филологии, Германия практически захватила монополию в критическом изучении древней литературы. Вольф отрицал существование Гомера и приписывал авторство двух величайших эпосов нескольким поэтам. Его доводы базировались на исключительно точном и, можно сказать, революционном анализе дошедших до нас текстов. Его метод был развит последующими поколениями немецких ученых.

Несомненно, филологические и исторические исследования (эти две науки некоторое время занимались фактически одним и тем же) немецких ученых вошли в число наиболее выдающихся достижений XIX в. и способствовали тому, что название «Германия» стало неразрывно ассоциироваться с блестящей и скрупулезно добросовестной ученостью. Именно в это время немецкий поэт мог скорбеть по поводу того факта, что его возлюбленная нация столь богата мыслями (*gedankenreich*), но бедна духом деятельности (*tatenarm*) — призыв, к которому его соотечественники, к несчастью, не остались глухи.

Однако наибольшие лавры немецкая наука пожала тогда; когда инструмент, выкованный и отточенный на поприще филологии, был применен к теологии. Так появились специальные дисциплины по изучению Библии под названием «Высшей критики» и «Низшей критики», занимающиеся тщательным изучением соответственно содержания и текста Священного писания. Как и все на свете, эти дисциплины не были созданы на пустом месте, а восходили к Абеяру³, и Спинозе⁴, может быть, даже к Оригену⁵ и св. Иерониму⁶.

Критика Библии часто отождествляется с агностицизмом и с скептицизмом и рассматривается как смертельная атака на христианские традиции. Действительно, немалое число критиков XIX в. анализировали библейский текст с целью оспорить его традиционно приписываемое авторство, время и место возникновения, пути его передачи, собирания воедино и канонизации. Знаменитое имя Юлиуса Велльгаузена⁷ ассоциируется с искусным расчленением в духе Вольфа Ветхого завета на несколько частей, для каждой из которых предполагались различное авторство и среда создания. Другие зашли так далеко, что объявили причисление апостольских

документов к евангельским текстам результатом фальсификации. Для них христианская доктрина была не чем иным, как «синкретической» комбинацией различных эллинистических культов и философских учений, короче, «александрийским виногретом», говоря непочтительными словами Нормана Дугласа.

Молодой Тишендорф с самого начала протестовал против таких тенденций в библейской критике. Но, отвечая рационалистам и позитивистам, он не пошел по пути обскурантизма. Поскольку большинство критических споров в период его студенчества были посвящены текстуальным разночтениям в Новом завете и содержащимся в нем противоречиям, Тишендорф, еще будучи студентом, обратил внимание на эти проблемы. Он оставил помыслы о пастырском поприще и, хотя время от времени выступал с проповедями, считал, что гораздо лучше сможет служить богу, посвятив свою жизнь творческому изучению священных текстов. Еще до посвящения в сан он твердо поставил перед собой цель — доказать подлинность Евангелий и восстановить первоначальную евангельскую редакцию священных текстов.

Выполнение этой задачи отнюдь не превратило его в типичного немецкого профессора, ведущего, подобно Иммануилу Канту, замкнутую упорядоченную жизнь. Наоборот, в своих поисках он совершил множество поездок в крупные европейские библиотеки и, более того, пережил в высшей степени рискованные приключения на Ближнем Востоке. Преисполненному серьезности теологу, выходцу из скромной мелкобуржуазной среды, пришлось превратиться во вполне светского находчивого путешественника, заводившего ради успеха своих поисков дружбу с высокопоставленными деятелями церкви, саксонскими королями и русскими великими князьями. Ему пришлось усвоить все тонкие уловки дипломатии.

Уже к тридцати годам он обрел международную известность. Однажды, когда он, будучи еще молодым, был представлен одному из своих зарубежных коллег, тот решил, что существуют два Тишендорфа. Стоящий перед ним молодой человек просто не в состоянии был выполнить такую работу, которая легко могла обеспечить прочную репутацию нескольким умудренным годами и опытом зрелым ученым. Король Пруссии на приеме сравнил его с Александром фон Гумбольдтом. Тишендорф, по словам короля, как и Гум-

больдт, просто не мог не совершать открытия во всем, за что только он ни брался.

Константин Тишендорф родился в 1815 г. в семье врача в маленьком саксонском городке Ленгенфельде. Будучи одним из лучших учеников своего класса в гимназии близлежащего районного центра, города Плауена, он заложил в себе уже тогда основы отличного знания греческого и латинского языков, а также произведений древних авторов. Когда он приступил к изучению теологии в Лейпцигском университете, ему пришлось к классическим языкам добавить древнееврейский, арамейский, сирийский и коптский. Здесь он вскоре отличился, написав по-латыни удостоенные премий эссе о св. Павле и Христе. В течение года Тишендорф преподавал в одной частной школе под Лейпцигом, возглавляемой человеком, который впоследствии стал его тестем. Уже тогда он был поглощен подготовительными исследованиями для своего критического издания греческого текста Нового завета, которое ему на протяжении жизни довелось выпускать в восьми различных версиях. Научное предисловие к первому изданию принесло двадцатипятилетнему молодому человеку назначение, *venia legendi*, на теологический факультет Лейпцигского университета.

Но молодой ученый, хотя к этому времени он уже был влюблен и помолвлен, не собирался предаваться *gemütlich* (безмятежному) и респектабельному существованию, как подобало «герру профессору». Скопив некоторую сумму, а также воспользовавшись помощью своего брата и скептически настроенного саксонского правительства, 30 октября 1840 г. он направился в Париж. Ему предстояло провести пять лет вдали от родины.

Непосредственная цель путешествий Тишендорфа была проста и продиктована здравым смыслом, однако она ошеломила почтенных представителей старшего поколения ученых, которые либо просто не задумывались над этим, либо не обладали энергией и самоуверенностью Тишендорфа. Они были также лишены его палеографической одаренности, ибо он был в равной мере знатоком как в поисках ценных документов, так и в расшифровке и датировке их.

Когда Тишендорф начал работу над изданием греческого текста Нового завета, он понимал, что древнейшие документы IV, V и VI вв. намного превосходят по своему значению более многочисленные манускрипты X и последующих

веков, которые послужили основой для прославленного греческого текста Нового завета, составленного Эразмом Роттердамским, а также для переводов его на разговорные языки, как, например, версии Лютера и короля Якова (Джеймса) I. Греческий Новый завет Эразма (первое издание, 1516 г.) был во многих отношениях сделан довольно небрежно, при полном, разумеется, незнании с элементарными методами критики, выработанными наукой лишь в XIX в. В том, как великий гуманист произвел отбор рукописных источников, не было никакой системы; он не выяснил как следует их происхождение, возраст и степень достоверности, не проверил с должной тщательностью, в какой мере они расходятся и дополняют друг друга, что помогло бы устранить имеющиеся в тексте ошибки. И что совсем непростительно, для того чтобы заполнить пробел в греческом оригинале и в то же время поспеть к сроку, установленному его издателем, печатником Иоханнесом Фробеном из Базеля, он сделал обратный перевод одного отрывка с латыни на плохой греческий. К несчастью, Эразм одновременно вызвал к жизни и новую традицию, стремившуюся провозгласить как его греческое издание, так и в еще большей степени сделанные с него прославленные переводы на разговорные языки непогрешимыми.

Однако еще в XVII в. несколько ученых собрали и сопоставили разночтения, обнаруженные ими в рукописях Нового завета, число которых неуклонно росло, включая уже некоторые тексты на коптском и готском языках. В то же самое время была сделана попытка составить перечень и классифицировать все имеющиеся в европейских странах манускрипты, а также оценить их относительную достоверность. Когда в XIX в. пальма первенства в библейских исследованиях перешла преимущественно к немецким ученым, появилось сомнение в правильности общепринятого мнения, согласно которому сопоставление возможно большего количества рукописей позволит восстановить на их основе первоначальный апостольский текст. Тишендорф всей душой принял эту новую точку зрения. Он считал теперь важнейшей задачей сосредоточить внимание на текстах, относящихся к первым пяти векам христианства. Он убедительно доказывал, что только таким путем можно добраться до текста более раннего, чем официально «утвержденный» византийский Новый завет, который он считал не более чем производной, фаль-

сифицированной версией. Но когда он приступил к работе над своим вариантом греческого текста, то с удивлением обнаружил, что в области филологического изучения и толкования тех немногих древнейших евангельских документов, которые тогда были известны науке, сделано, за редкими исключениями, ничтожно мало. Что, если изучение этих древнейших евангельских текстов, а также тех, которые еще могут появиться, покажет, что Евангелия создавались при жизни поколения, современного Иисусу и его ученикам, и что сохранившиеся наиболее ранние версии доносят до нас подлинное слово апостолов? Требовалось, во-первых, тщательное изучение небольшого количества имеющихся древних текстов и, во-вторых, поиски новых, быть может, еще более древних и более полных рукописей.

Наконец Тишендорф нашел себе задачу по плечу. Его удивительные достижения убедительно доказали, что великие открытия редко являются делом случая, но почти неизменно удаются только подготовленному уму.

Перед тем как в 1840 г. уехать из Лейпцига, он составил перечень древнейших рукописей Нового завета, имеющихся по его сведениям, в европейских коллекциях. Первую остановку он сделал в Париже, где находилось несколько из этих редчайших документов, прежде всего «Кодекс Ефрема (Сирина)» и «Кларомонтанский кодекс». Тишендорф уделил основное внимание «Кодексу Ефрема», палимпсесту, т. е. рукописной книге, с которой более древний текст был стерт, а вместо него написан новый. Это был трактат жившего в IV в. церковного деятеля Ефрема, скопированный в XII в. поверх более древнего, относящегося к V в. текста Нового завета. Буквы первоначального текста были соскоблены пемзой, после чего пергамен был тщательно вымыт и отмочен. Это была обычная практика средневековых монастырей, поскольку пергамен был дорог и относительно редок. Для того чтобы изготовить приличных размеров книгу-кодекс, требовалось немалое стадо крупного рогатого скота или овец. Поэтому редко используемые или устаревшие тома часто вновь пускались в дело, подобно тому как в наши дни лишние или бракованные книги, а также запрещенные издания превращаются в макулатуру для повторного использования. И так же как в наше время, новый текст далеко не всегда оказывался более ценным, чем предшествовавший.

В периоды поздней античности и средневековья (когда наряду с пергаменом вошел в употребление значительно более дешевый материал — бумага) палимпсесты, как мы видели, были широко распространены. По самой своей природе они нередко таят большие загадки и сюрпризы. Для палеографа-гурмана палимпсесты — подлинные деликатесы среди прочих рукописей. Разумеется, далеко не все они были сразу распознаны как палимпсесты. Вероятно, еще много их лежит неузнанными в подвалах библиотек.

Что касается «Кодекса Ефрема», то на нем сквозь текст XII в. смутно проступали какие-то бесцветные и стертые письмена, что впервые было замечено в XVII столетии. Установить возраст древнего текста по нескольким коротким отрывкам, содержание которых палеографы реконструировали лишь предположительно, было по тем временам делом почти невозможным. Химическая обработка пергамена в 1834 г. практически не дала результатов, и, по единодушному мнению специалистов, «Кодекс Ефрема Сирина» был признан безнадежным. Прочитать его текст никому никогда не удастся. Именно этим объяснялось то, что саксонское правительство субсидировало честолюбивый проект никому не известного Тишендорфа без всякого энтузиазма, тем более что до него другой лейпцигский профессор, пытавшийся разрешить эту загадку, признал свое поражение. Когда молодой Тишендорф по прибытии в Париж посетил хранителя Национальной библиотеки, чтобы получить разрешение на исследование рукописи, его выслушали с добродушным скептицизмом. Как мог он надеяться на успех в «разрешении одной из важнейших и сложнейших загадок науки» [273, 110—111], когда здесь потерпели неудачу прославленные специалисты? Однако, просиживая над рукописью день за днем, с утра до позднего вечера, Тишендорф все же добился своего. У него не было каких-либо приспособлений для оптических исследований, доступных сегодня ученым, — ультрафиолетовых лучей, поляризованного света, кварцевых ламп, которые во многих случаях превращают прочтение палимпсеста в детскую игру, если только исследователю знакомы язык и система письма. Но Тишендорф обладал великолепным зрением, превосходным знанием древних унциальных писем и непобедимым оптимизмом молодости. Он заметил, что, если держать пергамен против света, задача значительно упрощается.

Через два года работа была закончена. Она принесла ему славу одного из величайших светил палеографии. В январе 1843 г. он с удовлетворением держал в руках печатное издание восстановленного им текста. Тишендорф также поработал над «Кларомонтанским кодексом», унциальной рукописью новозаветных посланий. Кроме того, он перерыл библиотеки в Утрехте, Лондоне (где хранился замечательный «Александрийский кодекс» V в.), Оксфорде и Кембридже. После завершения своей работы в Париже, где он пробыв в общей сложности двадцать семь месяцев, Тишендорф продолжил свои скитания, посетив Страсбург, Базель, Лион, Марсель и Северную Италию, где имелись ценнейшие рукописи Нового завета. Он побывал в библиотеках Венеции, Милана, Турина, Модены и Флоренции. Но основной его целью был Рим, где в папской библиотеке хранился самый древний и самый полный из всех известных тогда библейских кодексов — «Ватиканский кодекс», который до того времени не был еще по-настоящему введен в обиход библейской текстологической критики. По мнению Тишендорфа, этот греческий кодекс, написанный прописными буквами, превосходил достоверностью и точностью все исчисляемые сотнями более поздние рукописи, написанные строчными буквами. Возможность изучить и скопировать этот кодекс дала бы ему неоценимое подспорье в его усилиях по восстановлению первоначального греческого текста.

Тишендорф изложил свой план папе Григорию XVI во время личной аудиенции (парижский архиепископ и саксонское правительство снабдили его рекомендательными письмами) и был приятно удивлен, обнаружив, что глава церкви сочувственно относится к его предприятию. Папа любезно сравнил работу молодого протестанта с трудами св. Иеронима и предупредил его, что он, подобно известному отцу церкви, должен философски отнестись к тому, что его усилия могут встретить непонимание и даже подвергнуться нападкам со стороны единоверцев-христиан. При этой же встрече папа произвел его в кавалеры ордена «Северной Звезды», и это было первой из бесчисленных наград, посыпавшихся на Тишендорфа, который, как говорили впоследствии, слишком уж гордился этими знаками отличия, а также чересчур широко использовал свои связи с сильными мира сего — государственными деятелями и членами королевских семей.

Однако вскоре его ватиканский проект столкнулся с непредвиденным препятствием в лице кардинала Анджело Май, который прежде открыл трактат Цицерона «О государстве», разгадал тайны ряда классических палимпсестов, но был одновременно и ученым-библеистом с немалыми претензиями и весьма сомнительными достижениями. Как раз в это время он готовил собственное издание «Ватиканского кодекса». Тишендорфу было дано на ознакомление с кодексом только шесть часов, но он с пользой употребил это время, скопировав несколько наиболее интересных отрывков.

Наконец, исчерпав запасы рукописей в Европе, Тишендорф в марте 1844 г. пустился через Средиземное море в плавание к иным берегам. План, которым он руководствовался, и на этот раз был смел и прост: «„Кодекс Ефрема“ как и подавляющее большинство древнейших греческих документов, украшающих библиотеки Европы, пришел с Востока, вернее, из тех стран Востока, где впервые расцвела христианская ученость. Разве нельзя допустить, что там, прежде всего в монастырях с их библиотеками и укромными тайниками, до сих пор погребены ценнейшие сокровища литературы? Поскольку мы располагаем лишь очень малым числом древних документов, на которых может быть основано восстановление апостольского текста, я считаю своим долгом убедиться, действительно ли наши возможные источники уже исчерпаны тем материалом, который могут предложить нам европейские библиотеки» [333, 2—3].

Это смелое предприятие — поиски новозаветных рукописей в монастырях Ближнего Востока — увенчалось исключительным успехом; однако нельзя сказать, чтобы это была первая подобная попытка. Задолго до Тишендорфа перспектива найти предполагаемые эпиграфические сокровища этих мест волновала воображение путешественников и ученых. Порожденные возникшим в эпоху Возрождения интересом к утерянной классике, предположения о погребенных на Востоке сокровищах высказывались еще в XV в. Поэтому авантюрные предприятия с исследовательскими целями отнюдь не были редкостью. В Париж, Ватикан и даже Москву время от времени доставлялись морем разнообразные научные материалы, и надежда на замечательные открытия никогда не угасала. Путешественники, посетившие в XVII и XVIII вв. монастыри горы Афон в подвластной туркам Греции и св. Марии Дейпары в Египте, пространно рассказывали о боль-

ших собраниях христианских текстов, которые они там видели, причем некоторые из их числа «восходили ко временам св. Антония» [13, I, 494—495]. Но эти сообщения часто сопровождались сетованиями по поводу плачевного состояния манускриптов и их недостижимости. Даже в это время местные монахи стремились охладить пыл исследователей и неоднократно сознательно наводили их на ложный след. К сожалению, скрытность церковников была обратно пропорциональна их заботе о сохранении собственного наследия.

Джон Ковел, один из первых английских ученых, занявшихся поисками в восточных монастырях, слышал в 1677 г., что в одном греческом монастыре были сожжены «все книги гуманитарного содержания» [283, 12]. На горе Афон и повсюду в других местах ему приходилось видеть, писал он, «целые груды рукописей... отцов церкви и других ученых авторов... они были сплошь покрыты пылью и грязью, многие истлели и разрушились» [13, 494]. Таких сообщений было вполне достаточно для того, чтобы побудить других взяться за поиски с удвоенной энергией.

Вскоре после этого Роберт Хантингтон, ставший впоследствии епископом Рафо, посетил Нитрийскую пустыню в Египте и приобрел там для Бодлеанской библиотеки несколько сирийских текстов среднего достоинства. Хорошо поработали для Ватиканской библиотеки два двоюродных брата — сирийцы Иосиф и Илия Ассемани, которые в начале XVIII в. прочесали Египет, Палестину и Сирию, но своими дерзкими операциями, по-видимому, встревожили монахов.

На протяжении почти столетия неоднократно предпринимавшиеся европейскими эмиссарами усилия по большей части оказывались бесплодными. К концу XVIII в. другой англичанин, Уильям Джордж Браун (1768—1813), странствовавший по Малой Азии, Армении, Египту, Сирии и Персии и убитый на пути в Тегеран, также заинтересовался ставшими теперь легендарными монастырями Нитрийской пустыни, расположенной к северо-западу от Каира. В своих «Путешествиях» (1799) он повествует: «Я все время спрашивал о рукописях и в одном из монастырей увидел несколько книг на коптском, сирийском и арабском языках. На арабском были сочинения св. Григория и Ветхий и Новый заветы. Настоятель сказал мне, что у них есть около восьмисот томов, но наотрез отказался расстаться хотя бы с одним из них; больше мне ничего не удалось увидеть» [283, 10].

Наконец, в 1801 г. значительное оживление вызвала неожиданная находка Эдварда Даниэля Кларка. Это была великолепная Платонова рукопись с острова Патмос. Угасшие было надежды вспыхнули вновь. С развитием коптской и сирийской филологии основными объектами сделались, естественно, библиотеки египетских монастырей. В этих поисках англичане благодаря своему политическому влиянию имели перед другими значительное преимущество и на протяжении нескольких десятилетий наслаждались лидерством, подкрепленным целым рядом крупных предприятий. Большинство своих усилий они сосредоточили на монастырях Нитрии, где некогда обосновались первые христианские монахи и где из соцветия примерно трехсот шестидесяти некогда процветающих монастырей горстка уцелела до этих дней.

В числе англичан, посетивших восточные библиотеки в начале XIX в., первым следует назвать Роберта Кёрзона, впоследствии барона Зуч. Он родился в 1810 г. и впервые ступил на землю Египта, когда ему только исполнилось двадцать три года. Он поставил перед собой конкретную цель — поиски в монастырях погребенных там книг. В его маршруте помимо Египта значились Палестина, Сирия и Греция. Впоследствии он написал одну из самых очаровательных книг путевых заметок — «Посещение монастырей Леванта»⁸, — которая часто переиздавалась (в 1916 г. с предисловием Дэвида Дж. Хогарта). Эта книга дает также классическое для всех времен описание злоключений и гибели книг. Кёрзон собрал в Парэме (Сассекс) прекрасную коллекцию рукописей, которая должна была иллюстрировать историю и развитие письма. Но еще более важно то, что его подробное описание возбудило аппетиты других исследователей. Он положил начало формированию непревзойденной коллекции коптских рукописей в Британском музее.

Живое повествование Кёрзона вызывает в памяти уже знакомые нам обстоятельства, с которыми на западноевропейской почве сталкивались Боккаччо и Поджо. Вот он, сопровождаемый полуживыми от голода монахами, входит в заброшенную квадратную башню. Здесь, «в большом сводчатом помещении с открытыми, незастекленными окнами, на полу лежали... от сорока до пятидесяти коптских манускриптов. Некоторые из них прочно прилипли к полу, пролежав там, вероятно, много лет...» [283, 126]. В монастыре Карака-

ла, на горе Афон, Кёрзон, когда они вошли в полуразвалившуюся келью, собрался с духом и попросил настоятеля подарить ему найденный там отдельный лист пергамена, покрытый древними унциальными буквами.

«Конечно! — воскликнул игумен. — Но зачем он вам?» Мой слуга предположил, что, может быть, он пригодится для того, чтобы накрыть несколько горшков с джемом или ваз с вареньем, имевшихся в моем хозяйстве. «О, — сказал игумен, — возьмите еще» — и, не долго думая, схватил толстый том «Деяний» и «Посланий» in quarto и, вытащив нож, отхватил из конца пачку листов толщиной в дюйм прежде, чем я успел остановить его. Это был, как потом оказалось, «Апокалипсис», завершавший книгу и очень редко встречающийся в ранних греческих рукописях «Деяний»: этот том был написан в XI в. Мне следовало, вероятно, убить *книгоубийцу* за это ужасающее кощунство, но его великодушие заставило меня простить ему этот грех, так что я завладел «Апокалипсисом» и спросил, не может ли он продать мне что-нибудь из книг, поскольку увидел, что они не представляют для него особой ценности. «Malista, конечно, — ответил он, — сколько вам нужно? Они мне ни к чему, а я сейчас как раз нуждаюсь в деньгах, чтобы закончить свои постройки, так что буду рад извлечь из них хоть какую-нибудь пользу...» [283, 366].

Проверяя сведения, добытые им в Каире, Кёрзон сумел пробраться через люк в старый погреб для масла при одном из нитрийских монастырей, откуда впоследствии другие путешественники вывезли драгоценный груз. И вот совершенно несправедливо Кёрзон был потом обвинен монахами в том, что он ограбил их, похитив заботливо хранимые рукописи. Такого рода клевета была, очевидно, их излюбленным способом обелять свои собственные грехи. Тишендорфу предстояло столкнуться с аналогичной ситуацией.

По пятам за Кёрзоном в 1838 г. в Нитрию приехал Генри Тэттем, архидьякон Бедфордский. Действуя от имени Британского музея, он завладел, как потом говорили, «львиной долей добычи» в виде более чем четырехсот томов. На этот раз целью поисков были не утраченные греческие или латинские произведения, а евангелические и теологические тексты. Кстати, Тэттем был выдающимся специалистом в области арабской и коптской филологии, причем занимала его преимущественно лексикография. Среди груза рукопи-

сей, привезенных им в Англию, его преподобие Уильям Кьюртон открыл древний сирийский вариант Евангелия. Названная по его имени «Кьюртоновской сирийской», эта рукопись Британского музея явилась одним из самых значительных открытий библеистики в период, предшествовавший находкам Тишендорфа.

Несомненно, успех английских первооткрывателей добавил Тишендорфу энергии в его стремлении осуществить свои замыслы. Однако, поскольку он был лишен собственных средств, не в пример какому-нибудь английскому аристократу, и не имел мощной поддержки Британского музея, ему пришлось искать себе щедрых единомышленников и покровителей. К счастью, саксонское министерство просвещения, наконец-то осознав значение его достижений, расщедрилось и предоставило ему средства для «набега» на Ближний Восток. Пришли на помощь также банкиры Франкфурта и Женевы и старшие коллеги из Бреслау. Тишендорф принял эти известия «со слезами радости на глазах» [273, 12], как писал он своей будущей невесте из Венеции в ноябре 1843 г.

Путешествие из Ливорно на валком французском почтовом пароходе «Ликург», в течение которого он жестоко страдал от морской болезни, лишь ненадолго выбило его из колеи. Вскоре после прибытия в Александрию — город, особо дорогой сердцу исследователя раннего христианства, хотя он и стал ныне безликим многоязычным портом Средиземноморья (или был таковым до тех пор, пока Кавафи, Форстер и Дюрэл не воскресили его бывшего очарования), — он продолжал свой путь, отплыв на барке вверх по Нилу, в Каир. Из позднейших описаний деяний Тишендорфа (серьезного биографического исследования, впрочем, нет и поныне) явствует, что с самого начала он наметил себе главной целью монастырь св. Екатерины на Синайском полуострове. В некоторых популярных рассказах — а часть их исходит от самого Тишендорфа — содержится намек на то, что сразу же по высадке в Александрии он верхом на верблюде помчался по стопам Моисея — правда, с большей скоростью — через прибрежные земли Красного моря к подножию святой горы. При этом подразумевается, что им все время владело сверхъестественное предчувствие встречи с сокровищами, ожидавшими его на Синае. Это, однако, не подтверждается фактами. Монастырь той же св. Екатерины в Каире и главным образом различные коптские монастыри в Нитрийской пустыне

отнюдь не в меньшей мере занимали его воображение, суля надежды на грядущие великие открытия.

Маршрут разведывательной поездки Тишендорфа предусматривал также посещение Мар Сабы на Мертвом море, Лаодикеи, Патмоса и разных других пунктов в Сирии и Малой Азии, а также горы Афон и, разумеется, Константинополя, где, если верить упорно ходившим слухам, вместе с другими легендарными и неизвестными документами во дворце Серай («Сераль») хранился как будто древнееврейский текст «Евангелия от Матфея» — книги, представляющие собой, вероятно, остатки сокровищ византийских библиотек и созданного в эпоху Возрождения Будапештского собрания Матьяша Корвина. Тишендорфу действительно удалось получить из различных источников множество манускриптов, а также купить у посредников немало рукописей, неизвестно где найденных, но всему этому предстояло поблекнуть перед его неожиданной удачей на Синае.

В Синайском монастыре в Каире в ответ на расспросы о манускриптах ему посоветовали посетить монастырь св. Екатерины, «где он смог бы найти множество великолепных образцов» [332, I, 78]. Таким образом каирские монахи надеялись избавиться от назойливого иностранца. Одновременно они послали своей братии на полуострове предостережение о ненасытном пристрастии гостя к пергамену. Но этот маневр привел к обратным результатам и оказал Тишендорфу услугу, обратив его внимание на монастырь св. Екатерины. От Тишендорфа было не так-то просто отделаться, и он убедил каирских монахов открыть деревянный стеной шкаф, случайно попавшийся ему на глаза. Немало времени ушло на то, чтобы подобрать ключ, но, когда он был найден, обнаружилось изобилие древних текстов, хотя, как это часто бывало, они оказались в отчаянном беспорядке, брошенными на произвол судьбы. Было ясно, что монахи не имеют ни малейшего представления об их содержании, возрасте и даже о языке, на котором они написаны.

В другом шкафу, на этот раз в часовне каирского женского монастыря, оказалось еще больше пергаменных рукописей, и Тишендорф с удовлетворением отметил, что, какие бы предостережения ни нашептывали ему с самого начала профессиональные пессимисты на родине, он стоит на пороге волнующих открытий. Кроме того, он уверился в том, что способен перехитрить монахов и священников, которые де-

монстрировали явное нежелание разрешать чужеземцам даже поглядеть на их рукописи. Как беспечные, но своеправные и ревнивые родители, они не могли спокойно относиться к проявлениям внимания со стороны чужаков к их заброшенным детям. Казалось, эти полуграмотные монахи никогда бы и не вспоминали о существовании древних, истлевающих рукописей, но стоило только иностранному гостю выказать к ним хотя бы малейший интерес, они заявляли, что рукописям этим нет цены. У Тишендорфа это часто вызывало отчаяние и отвращение, иногда он поддавался на обман, но со временем обрел должное самообладание, которое вкупе с совершенно необходимой искусственностью в левантинской дипломатии позволяло ему вывозить рукописи из таких мест, которые его коллеги считали безнадежными или недоступными.

Еще в Каире ему не раз приходилось слышать о том, что где-то здесь за семью печатями утаивается фантастически богатая библиотека. Предполагали, что она находится в ведении коптского архиепископа Александрии (который, как и его предшественники на протяжении ряда столетий, несмотря на свой титул, постоянно проживал в Каире). Тогдашнему коптскому патриарху было уже за девяносто, но при этом он оставался весьма подвижным, обаятельным и легкомысленным человеком. Тишендорф добился приема у старого джентльмена, изящная болтовня которого напомнила посетителю салонные разговоры дам парижского света. Когда наконец Тишендорф упомянул о своем желании ознакомиться с содержимым «секретной» сокровищницы манускриптов, патриарх поинтересовался, зачем ему это понадобилось. Тишендорф объяснил, что он поставил перед собой задачу восстановить первоначальный текст Евангелий и что для этого ему необходимо свериться с древними документами, которые «по возможности максимально точно воспроизвели бы то, что вышло из-под пера самих апостолов». Этот аргумент, однако, не произвел на патриарха впечатления. С каменным лицом он заявил: «В конце концов у нас есть все, что нам нужно. Есть евангелисты, есть апостолы. Чего еще нам желать?» [332, 82]. Тишендорф понял, что идея текстуальной критики Библии за все девяносто с лишним лет, очевидно, даже не приходила ему в голову.

Еще до этого мнение коптского архиепископа о посетителе упало весьма низко, когда он попросил Тишендорфа про-

честь отрывок из греческой книги. Произношение Тишендорфа на языке Софокла ужаснуло старца. Как бы там ни было, Тишендорф и его панегиристы, по-видимому, придерживались мнения, что причиной произведенного им ложного впечатления явилось невежество архиепископа в классическом греческом языке. Они нисколько не сомневались в том, что произношение, которому обучали в германских гимназиях и которое сильно отдавало Hochdeutsch (верхненемецким диалектом), звучало совершенно аутентично древнегреческому.

В апреле 1844 г. Тишендорф из Каира отправился в Нитрийскую пустыню, где когда-то существовало несколько сот монастырей — до тех пор, пока приливная волна ислама не поглотила их и христианское рвение коптов не угасло. Тишендорф провел розыски в нескольких таких монастырях. Довольно быстро он понял, что среди многочисленных помещений монастыря нет комнаты, «ограждающей от назойливых визитов монахов лучше, чем библиотека» [332, I, 124]. В некоторых монастырях библиотеки загонялись на чердак какой-нибудь башни. Там манускрипты лежали грудой, или были разбросаны по полу, или напиханы как попало в плетеные корзины. На полу помещения в изобилии валялись обрывки и фрагменты рукописей.

В первых двух монастырях Тишендорфу не удалось найти греческих текстов. Были обнаружены только коптские и арабские рукописи, хотя и почтенного возраста. В третьем монастыре он видел сирийские документы, а также нашел несколько ценных эфиопских фрагментов. Монахи этого нитрийского монастыря, у которых совсем недавно англичане увезли несколько манускриптов, уплатив «весьма скромную сумму», отнеслись к немецкому ученому крайне подозрительно, всячески подчеркивая, что они жестоко уязвлены тем, что они характеризовали как «британское плутовство», из-за которого они лишились своих сокровищ. Подозрительность монахов превосходила их алчность, и Тишендорфу не удалось уговорить их продать хоть что-нибудь, несмотря на самые щедрые условия оплаты. Однако в неожиданном приливе восточной щедрости они без всяких возражений позволили ему взять несколько полуистлевших листов пергамента с описанием сбора винограда коптами в VI—VII вв., которые Тишендорф извлек из очередной, покрытой пылью груды. Эта удача, однако, не прошла для него даром: у него «не-

сколько дней болело горло от пыли, поднявшейся в знойном воздухе» [332, 125].

В мае 1844 г., после двенадцатидневного пути с караваном через пустыню, Тишендорф добрался до монастыря св. Екатерины. Он располагался на высоком песчаном плато, примерно в четырех тысячах пятистах футах над уровнем Красного моря, среди поистине героического ландшафта, образуемого крутыми гранитными скалами, над которыми возвышается Джебель Муса—гора, где, согласно спорному преданию, господь продиктовал Моисею десять заповедей. Монастырь представляет собой циклопических размеров четырехэтажную крепость, сложенную из громадных валунов и поставленную здесь в начале VI в. императором Юстинианом для того, чтобы служить убежищем окрестным монахам от грабителей-бедуинов. В то время здесь и образовался единый большой монастырь (имя св. Екатерины закрепилось за ним много позже), поглотивший рассеянные вокруг поселения отшельников и уже существовавший небольшой монастырь при часовне неопалимой купины, построенной в IV в. св. Еленой, матерью Константина Великого.

Несмотря на то что географически гора Синай расположена в центре пустынного, чуть ли не лунного ландшафта, она является как бы местом встречи трех величайших в мире монотеистических религий. Она считается святой землей каждой из них, но особенно иудаизма, поскольку здесь пролегал путь израильтян, скитавшихся в поисках земли обетованной, и здесь же Моисей принял от бога заповеди. Мусульмане поклоняются горе, так как на одной скале близ вершины виден след копыта верблюда, который с этого места доставил пророка на небеса. Монастырь в его теперешнем виде красноречиво свидетельствует о своем многогранном культурном и религиозном наследии. Он назван в честь Екатерины, христианской святой из Александрии, принявшей мученичество во время гонений императора Максимилиана и, по преданию, похороненной на этом месте. Одна из его двадцати двух часовен построена, как гласит легенда, на том месте, где господь явил себя Моисею в неопалимой купине. Посетителей этой часовни просят снять перед входом обувь.

Только в последние годы, после того как в 1958 г. объединенной экспедиции Принстонского, Мичиганского и Александрийского университетов было разрешено произвести полную опись и сделать цветные фотоснимки, Запад получил

некоторое представление об уникальных шедеврах искусства, хранящихся в стенах монастыря св. Екатерины. Его коллекция икон, насчитывающая более двух тысяч экземпляров, не имеет себе равных в мире. Мозаика VI в. «Преображение Христа» в апсиде базилики превосходит все мозаики Равенны⁹ и считается «одним из самых выдающихся творений византийского гения»¹⁰.

Тем, что удалось сохранить так много произведений живописи — вопреки константинопольскому императору-иконоборцу Льву III, приказавшему в 728 г. уничтожить все иконы в его империи, — монастырь св. Екатерины обязан одному из бесчисленных парадоксов истории — происшедшему ранее завоеванию этого района мусульманами. Несмотря на тенденцию европейских историков представить победоносных солдат Мухаммеда козлами отпущения в деле опустошения христианских центров — начиная с Александрийской библиотеки, ислам часто способствовал сохранению культурных богатств и спасал христиан от их же единоверцев.

Как вскоре заметил Тишендорф, монастырь св. Екатерины хранил остатки духа веротерпимости: в его стенах наша ла приют мечеть, о происхождении которой рассказывают немало противоречащих друг другу историй. Согласно одной версии, она была построена самим пророком; другая, записанная Тишендорфом, гласит, что монахи воздвигли ее, чтобы смягчить гнев завоевателя, султана Османской империи Селима I (1512—1520), когда они не сумели вылечить одного молодого греческого монаха, к которому властелин питал нежные чувства. Но это романтическое объяснение опровергается тем фактом, что о существовании мечети источники упоминают за два столетия до описываемых событий. В равной мере можно сомневаться и в ходячем мнении, что монастырю удалось спастись единственно благодаря уважению арабов к маленькой мечети. Безусловно, ее присутствие вряд ли помешало бы им разрушить или использовать для своих целей остальные постройки. Как бы то ни было, другие монастыри и церкви тоже оставались не тронутыми в течение веков арабского и турецкого владычества, даже без ограждающей близости минаретов. Правда заключается в том, что сосуществование христианских и мусульманских храмов было выражением веротерпимости, гораздо более свойственной средневековой арабской цивилизации, чем западному миру.

Тишендорфу и его людям пришлось довольно долго кричать перед неприступными стенами, чтобы привлечь к себе внимание. Их пустили внутрь только после того, как его рекомендательные письма, переправленные через стену в корзине, привязанной к веревке, были тщательно изучены и признаны действительными. Братия спросила, есть ли у него рекомендация от настоятеля главного отделения монастыря в Каире, но Тишендорф мудро ответил, что забыл взять ее с собой. Он опасался, что, если они заранее узнают о его пристрастии к древностям, это может осложнить поиски. Теперь монах спустил сверху другую корзину, в которую на этот раз сел сам посетитель, и затем, словно лыжник в современном подвесном подъемнике, он был поднят вверх по стене к небольшому отверстию.

«Как удивительно приятно,— писал Тишендорф в своих популярных путевых заметках „Reise in den Orient“ („Путешествие на Восток“),— оказаться внезапно перенесенным из безлюдной пустыни с ее нескончаемым песком и скалами в эти гостеприимные стены, в маленькие опрятные дома, очутиться среди серьезных бородатых людей в черных рясах» [332, I, 218]. Тут же настоятель провел Тишендорфа в уютные комнаты и назначил молодого грека прислуживать ему. Грек был одет в короткую полосатую тунуку и с ходу ошеломил Тишендорфа вопросом, не приходилось ли ему во время своих странствий бывать на Солнце и на Луне. Будучи, очевидно, слегка помешанным, этот «синьор Пьетро», как называла его братия, был упрятан в монастырь своими огорченными родственниками. И каждый день он трогательно ждал их приезда. Несмотря на свои причуды, он был необыкновенно смысленным и говорил кроме родного греческого на итальянском, французском, а также немного на английском, немецком и арабском языках. Тишендорф вскоре понял, что он был самым живым и остроумным из восемнадцати обитателей монастыря.

Соседом немецкого ученого был брат Грегориос, величавый, добродушный, библейского вида старец, который за сорок лет до этого был мамлюкским генералом, известным своей жестокостью.

Более всего Тишендорф сблизился здесь с недавно прибывшим библиотекарем Кириллом, который был переведен сюда из монастыря на горе Афон из-за разногласий с патриархом.

В этой выглядевшей как мираж религиозной крепости было на что посмотреть. Через некоторое время Тишендорф научился разбираться в лабиринте домов, залов, мастерских, келий, часовен, лестниц, горбатых, как «американские горы», переулков, балконов и балюстрад — в скоплении, образовавшемся за тысячу четыреста лет строительства и приводящем в отчаяние своей запутанностью, как настоящий средневековый город. Он замечал роспись на стенах, резьбу по дереву, мозаичное панно, в сопровождении синьора Пьетро через подземный ход ходил на прогулки в восхитительный, хорошо орошаемый сад вне стен монастыря, где выращивались овощи и сладкие фрукты и ряды стройных темно-зеленых кипарисов четко вырисовывались на фоне неба. В саду также находился погребальный склеп, оссуарий, где хранились рассортированные кости умерших — ребра с ребрами, руки с руками, черепа с черепами. Трупы сначала высушивались благодаря сухому климату пустыни, а через несколько месяцев разламывались и раскладывались по отдельным кучкам. Только скелет св. Стефана, умершего в 580 г. н. э., был оставлен нетронутым и в соответствии с его предсмертным желанием был установлен в полном одеянии, как часовой, у входа.

Но прежде всего гостя интересовали рукописи. Кирилл оказывал Тишендорфу помощь и, по-видимому, доверял ему. Он сам первым повел борьбу во имя некоторого порядка против торжествующего хаоса, составив первый каталог. При этом он не возражал, если кто-либо пользовался книгами — что и у нынешних библиотекарей вызывает иногда приступ профессиональной нервной болезни, — хотя это и могло временно расстроить порядок, который он навел в библиотеке. Тишендорфу было позволено уносить рукописи к себе, чтобы без помех копировать их и составлять свой собственный перечень. Кириллу все эти хлопоты доставляли даже удовольствие: ведь больше ни один человек в монастыре не выказывал ни малейшего интереса к книгам. Время от времени он преподносил Тишендорфу каллиграфически оформленный листок с каким-нибудь стихотворением на новогреческом языке, сочиненным в его честь.

Путевые заметки Тишендорфа о Востоке, изданные в двух томах вскоре по возвращении в Лейпциг и написанные в обычном, отчасти популярном, отчасти гиперболическом стиле, свойственном заметкам путешественников середины 331

прошлого века,— хотя эти читались интереснее большинства других,— были весьма сдержанными во всем, что касалось его палеографических занятий на Синае; причины этой сдер-

Схематический план окрестностей горы Синай, сделанный паломником XV в. Из «Книги скитаний» Жака де Верона (1420 г.). Монастырь св. Екатерины изображен в нижней части схемы, часовня стоит на вершине горы, на которой Моисею были «дарованы» Заповеди; слева от часовни расположена мечеть

жанности мы вскоре узнаем. Но в частных письмах и записях Тишендорф отводил душу, рассказывая о своем восхищении богатством коллекции и унынии, вызванном плачевным состоянием, в котором он нашел ее, несмотря на первые усилия Кирилла. Он начал испытывать презрение к мона-

хам, беспечно пренебрегавшим своим истинным богатством — христианскими текстами — ради глупых будничных забот и механического, вымученного воспроизведения наполовину непонятной литургии. Он писал своей невесте: «Вот уже семь дней, как я прибыл в монастырь св. Екатерины. Ты и представить себе не можешь эту свору монахов! Имей я власть и достаточно физической силы, я бы свершил богоугодное дело, вышвырнув всю шайку через стену...» [326, 39].

Когда он начинал наводить справки о каких-нибудь важных рукописях, ответы были обычно уклончивыми, часто заведомо ложными и противоречащими друг другу. Даже от Кирилла было мало толку. Ему ничего не стоило заявить, что он понятия не имеет о существовании тех или иных пергаменных рукописей, которые, по слухам, видели другие монахи.

По счастью, Тишендорф в том сыщицком розыске, который он учинил в книжном и рукописном собраниях, был полностью предоставлен самому себе. В монастыре св. Екатерины было, собственно, три библиотеки, совершенно не связанные друг с другом и размещавшиеся в трех отдельных помещениях. Меньшая содержала в основном печатные издания, хранящиеся на полках. На дверях собственно монастырской библиотеки, расположенной на первом этаже, красовалась греческая надпись *ιατρειὸν ψυχῆς* (название, начертанное, согласно Страбону, на стене одной древнеегипетской библиотеки в Фивах), т. е. «аптека духа» или «санаторий души». Тишендорф сухо прокомментировал этот факт: «Насколько мало остальные обитатели пустыни, люди образцового здоровья, нуждаются в городских аптеках, настолько же мало среди монастырской братии слабых душ, нуждающихся в помощи этой „аптеки духа“» [330, 79].

Третья библиотека служила также в качестве склада священных одеяний, сосудов и тому подобного. Кроме того, она содержала также Библии, литургические и патристические тексты и пополнялась в прошлом книгами, поступавшими сюда по завещаниям покойных синаяских архиепископов. Здесь хранилось также роскошнейшее, великолепно украшенное унциальное письмо Евангелие VII или VIII в., высоко ценившееся даже монахами и уже привлекавшее внимание путешественников, ранее посещавших монастырь. Хотя его значение с точки зрения текстуальной критики было

ничтожным, Тишендорф ценил его эстетические достоинства весьма высоко.

По примерному подсчету Тишендорфа, здесь было около пятисот рукописей, главным образом на греческом, но также некоторое количество на арабском, сирийском, армянском, грузинском и старославянском языках (совместная американо-египетская экспедиция, субсидированная Фондом для изучения человека, впоследствии обнаружила примерно три тысячи триста рукописей на двадцати языках, из них более двух третей на греческом [271, 11]). По содержанию рукописи были почти без исключения теологическими, включая списки Библии, требники, патристические и литургические тексты. Они свидетельствовали о том, что было время, когда и в монастырских кельях велись серьезные богословские занятия. Некоторые рукописи когда-то принадлежали, по видимому, соседним монастырям, которые были покинуты или разрушены. Тишендорф содрогался при одной мысли о том, сколько их было безвозвратно утеряно вследствие «постыдного небрежения». Он держал в своих руках манускрипт, буквально «кишавший откормленными белыми клещами». А другой, «прижатый к каменной стене, слипся и затвердел до такой степени, что вполне мог сойти за окаменелость» [330, 80].

Ни один из исследованных до сих пор Тишендорфом томов и отдельных листов не представлял большого интереса для библейских штудий. Здесь не было практически ничего, что помогло бы восстановлению текста Нового завета времен раннего христианства. И тут, как в хорошем приключенческом романе, случилось непредвиденное. Тишендорф, рассеянно блуждая по главной библиотеке, случайно остановил взгляд на корзине, стоящей посреди зала. Она была заполнена старыми рукописями на пергамене, и, когда Тишендорф поспешил к ней, чтобы проверить ее содержимое, Кирилл, по случайности оказавшийся здесь, заметил, что две груды подобного материала в такой же стадии разложения уже были преданы огню [331, 23]. Эта партия предназначалась для той же цели. Однако Тишендорф все же решил поближе взглянуть на рукописи. Перед ним были исписанные каллиграфическим унциальным письмом пергаменные страницы, содержащие по четыре колонки текста. Это был список греческого Ветхого завета — «Септуагинты»¹¹, который, судя по стилю письма, показался Тишендорфу самым

древним из всех, которые ему довелось видеть: «Я изучил все старейшие греческие рукописи в европейских библиотеках, и изучил их тщательнейшим образом, с целью заложить основы новой греческой палеографии. Некоторые из них, например часть Ватиканской Библии, я скопировал собственноручно. Пожалуй, никто не был так знаком с древним написанием греческих букв, как я. И все же мне не приходилось видеть рукописи, которую можно было бы счесть более древней, чем эти синайские листы» [333, 3].

Не было сомнений, что этот манускрипт не уступал по возрасту, а следовательно, и по своему значению для науки перлам среди библейских рукописей Европы — унциальным кодексам Рима, Парижа, Лондона и Кембриджа. Он насчитал сто двадцать девять листов пергамена. Все они были из Ветхого завета, хотя только из одной его части. Поскольку Тишендорф в основном интересовался греческим Новым заветом, он, вероятно, испытал кратковременное разочарование. Но это отнюдь не умалило значения его открытия, которое могло привести к находке новых — возможно, даже неизвестных ранее — фрагментов «Септуагинты». По целевшей части кодекса нельзя было сказать, входил ли в него Новый завет, хотя все говорило за то, что рукопись прежде была много больше по объему. И какие-то части ее уже были преданы огню.

Учитывая судьбу, уготованную содержимому корзины, Тишендорфу не составило труда получить разрешение на то, чтобы взять себе сорок три листа. К сожалению, он еще не научился держаться с беспристрастностью опытного скупщика. Его восторг по поводу неожиданной находки, часть которой стала теперь его собственностью, недвусмысленно отражался на его лице. Какая великолепная награда за нудное высиживание месяц за месяцем над вычитыванием выцветших палимпсестов; за внесение в списки практически каждого клочка древних библейских рукописей в европейских библиотеках и утомительные поездки через весь континент в поисках этих клочков; за жизнь в дешевых гостиничных номерах вместо женитьбы и спокойной жизни в собственном доме; за выпрашивание средств и обхаживание хитрых чиновников, строгих архивариев, уклончивых священнослужителей и продажных комиссионеров! Мог ли двадцатидевятилетний ученый, только что совершивший то, что некоторые потом называли «открытием века», скрыть свои эмоции?

Монахи осознали ценность обрывков, которые они намеревались сжечь и часть которых они в своей щедрости от невежества только что отдали иноземцу. Теперь никакие доводы Тишендорфа не могли убедить настоятеля отдать ему оставшиеся восемьдесят шесть листов, хотя, как заметил Тишендорф, почтенный старец не вполне понимал, что он, собственно, оберегает. Однако Тишендорфу разрешили просмотреть оставшиеся листы, и он составил перечень их содержания, а также скопировал одну страницу с тремя колонками Исайи и первой колонкой Иеремии. Он умолял Кирилла по-лучше заботиться о листах, отобранных у него, и быть наче-ку, если вдруг обнаружится любой подобный материал. Ти-шендорф также намекнул, что он, возможно, еще вернется в монастырь. В его мозгу уже теснились всевозможные проекты. Каким образом ему овладеть листами, которые в последнюю минуту ускользнули из его рук? Может ли он рассчитывать на поддержку извне? Не обратиться ли к рус-скому царю, который, как патрон греческой православной церкви и покровитель христианских учреждений на Ближ-нем Востоке, пользовался большим почетом со стороны си-найских монахов? Под давлением обстоятельств палеограф уже готов был превратиться в изворотливого политика. Од-но он решил твердо: никто не должен знать о происхожде-нии страниц «Септуагинты», которые он привезет с собой в Европу. Все, что он скажет,— это что они были найдены «в египетской пустыне или неподалеку оттуда». Это не было ложью, хотя позже его и обвинили во лжи. На самом деле это было правдой... только в соответствии с освященной го-дами заповедью дипломатии Талейрана: хотя он и говорил правду, и ничего, кроме правды, это была не вся правда.

XIV

«Синайский кодекс»

Тишендорф вернулся в Лейпциг в январе 1845 г. Он приехал в Европу не прямо из Синая, а сперва снарядил в Египте еще один караван и после ряда опаснейших приключений, которые вовлекли его даже в племенную междоусобицу, добрался в конце концов до Святой земли. Мы не последуем за ним в его паломничестве к монастырям Палестины и Сирии и в пространном описании его скитаний, доведших его до самого Константинополя. В некоторых местах повторялась та же история с подозрительностью и скрытностью монахов, и точно в таком же жалком состоянии были монастырские библиотеки, в которые ему удавалось попасть только после многих мытарств и нервотрепки. Тем не менее его настойчивость и инстинкт палеографа позволили ему приобрести несколько ценных рукописей, из которых, впрочем, ничто не шло в сравнение с сорока тремя страницами из Синая. Он прибыл в Лейпциг, тяжело напряженный греческими, сирийскими, коптскими, арабскими и грузинскими документами, которые передал все без исключения в библиотеку Лейпцигского университета в знак признательности правительству за помощь в его исследованиях. Материал был каталогизирован как «*Manuscripta Tischendorfiana*». Среди них было три греческих палимпсеста. Уникальные синайские фрагменты были помещены отдельно под тем названием, которое их открыватель дал им в честь саксонского курфюрста,— «Кодекс Фридриха-Августа». Тишендорф немедленно приступил к подготовке литографического факсимильного издания кодекса, к которому прилагался также комментарий.

По возвращении после более чем четырехлетнего отсутствия тридцатилетний ученый, чья репутация палеографа и текстолога-библиста теперь окончательно упрочилась, был приглашен на должность адъюнкт-профессора Лейпцигского университета. Теперь Тишендорф мог жениться, обзавестись семьей. Он приступил к регулярному чтению лекций в университете и к изданию открытых им текстов. Новое издание преческого Нового завета вобрало в себя многое из этих свежих материалов и знаменовало собой новую веху в критике Библии. Поглощенный своей работой и семейными делами, Тишендорф, казалось, покончил со своими странствиями. Но в периоды больших университетских каникул он неизменно оказывался в непосредственной близости от старинных библиотек, в частности в Цюрихе и Санкт-Галлене, в Швейцарии, в местах, равно привлекавших и палеографическими ценностями, и красотами природы. Но где бы он ни был, ему не давала покоя мысль о листах, оставленных им в Синае. Тишендорф никому не говорил о них, так как не хотел, чтобы кто-нибудь другой завладел ими. Он во что бы то ни стало должен найти способ приобрести их. Только как заставить монахов св. Екатерины изменить свое отношение?

Тишендорф вспомнил о Прунер-бее¹, враче египетского вице-короля, с которым он подружился в Каире. Прунер-бей занимал высокое положение, имел обширные связи, можно было быть уверенным, что он будет действовать осмотрительно. Тишендорф попросил его связаться с синайскими монахами и предложить им приличную сумму за пергамены «Септуагинты». Но Прунер смог только сообщить о постигшей его неудаче. «Со времени вашего отъезда из монастыря,— писал он,— монахи вполне оценили сокровище, которым владеют. Чем больше им предлагаешь, тем крепче они держатся за рукопись» [333, 5]. Было ясно, что ехать надо Тишендорфу самому. Даже если ему не удастся выкупить оставшиеся фрагменты, он мог бы скопировать их, а затем издать, чтобы сделать достоянием западной науки. Тишендорф посвятил в свою тайну саксонского министра просвещения, и тот предоставил ему субсидию для организации поездки.

Тишендорф покинул Европу в середине января 1853 г. и прибыл в монастырь св. Екатерины в начале февраля. Его приняли по-дружески. Кирилл, все еще заведовавший библиотекой, казалось, был рад встрече. Но все расспросы о гре-

ческих пергаменах были безрезультатны. Кирилл категорически заявлял, что понятия не имеет о том, что случилось с фрагментами, которые Тишендорф извлек из мусорной корзины и столь настойчиво вверял его попечению. Тишендорф твердо верил в искренность библиотекаря и поэтому пришел к выводу, что рукописью как-то распорядились без ведома Кирилла. Он подозревал, что она скорее всего уплыла в Англию или в Россию. Однако кое-что случайно прояснилось, когда он просматривал в библиотеке один сборник житий святых. Он обнаружил обрывок листа «не более чем в полладони» [333, 6], использовавшийся в качестве закладки. Листок содержал несколько стихов (одиннадцать строк) из 23-й главы «Книги Бытия». Поскольку это была начальная часть Библии — «Первая книга Моисеева», тем самым подтверждалось, что этот экземпляр греческого Ветхого завета первоначально был полным. Но, как вынужден был с грустью заметить Тишендорф, «большая часть уже давно была уничтожена» [331, 25].

Постигшая его неудача не помешала Тишендорфу сделать во время краткого пребывания на Ближнем Востоке несколько ценных находок рукописей. В этот раз он привез домой шестнадцать палимпсестов — старых сирийских и арабских пергаменов, а также значительную коллекцию караимских текстов, принадлежавших иудейской секте времен раннего средневековья. Кроме того, он приобрел много греческих, коптских, иератических и демотических папирусов. К маю он уже снова был в Лейпциге.

Он был готов в любой момент услышать о появлении большей части спасенной им «Септуагинты» в какой-нибудь европейской библиотеке или частной коллекции. Но годы шли, а ничего подобного не происходило. Тишендорф надеялся, что сможет вынудить предполагаемого владельца восьмидесяти шестиллистов нарушить молчание, когда в 1854 г. он опубликовал отрывки из Исаяи и Иеремии, скопированные им в монастыре со страниц, которые монахи отказались отдать ему. Отрывки появились в его собственной серии — «*Monumenta sacra inedita*» («Неизданные священные памятники»), — которую он основал специально для опубликования открытых им рукописей и любых других иным способом недоступных текстов. В примечании к отрывку из Ветхого завета он ясно дал понять, что рукопись, послужившая источником, найдена им, а не кем иным. Шло время. Очевидно, 339

но, его предположение было безосновательным: никто не спешил похвастаться обладанием восьмьюдесятью шестью страницами. Как узнал Тишендорф несколькими годами позже, одному русскому церковному деятелю, посетившему гору Синай, монахи показывали заветную рукопись, но он в тот момент не сумел оценить ее по достоинству и не удостоился даже выяснить, какие в ней содержатся тексты².

В последующие годы Тишендорф был занят обширными исследованиями в связи с седьмым критическим изданием Нового завета. Но Восток уже жил в его крови, и «мысль о новых путешествиях и исследованиях», признавался он, никогда не оставляла его; он «отказывался рассматривать свои первые две поездки как подводящие какой-либо итог его миссии» [332, I, 7]. Те, кому довелось побывать на Востоке, отмечал он, уже никогда не могли забыть его. Его надежды вновь ожили, когда один английский ученый, направленный британским правительством в поездку по Ближнему Востоку с целью приобретения памятников древности, намеренно исключил монастырь св. Екатерины из своего маршрута, заявив: «Что касается горы Синай, то после пребывания там столь выдающегося палеографа и критика, как д-р Тишендорф, не говоря уже о визитах многих других ученых, вряд ли можно рассчитывать найти там что-нибудь стоящее, чего не заметил бы их наметанный глаз»³.

Но на этот раз Тишендорф хотел предстать перед хитрыми монахами Синая, обладая прочными позициями. Как Лэйярд и Мариэтт, проводившие как раз в это время буквально революционные археологические раскопки в Месопотамии и Египте, он понял, как много значит, учитывая закоснелость турецких чиновников и невежество местного населения, политическая поддержка, дающая иностранным ученым силу и авторитет для успешного проведения их экскурсов в прошлое. Саксонский король пользовался сравнительно малым авторитетом во владениях хедива⁴, но покровительство прусского правительства могло быть очень полезным. В достигшем уже преклонного возраста Александре фон Гумбольдте, обладавшем значительным влиянием при берлинском дворе, он нашел друга и единомышленника. Однако прусский министр просвещения проявлял значительно меньший энтузиазм. Тогда Тишендорф вновь вернулся к мысли заручиться поддержкой русского царя, который имел несравненно большее влияние в Леванте. К

его значительному политическому авторитету присовокуплялся еще и ореол благодетеля, так как он был главою русской и защитником интересов греческой церкви. Разве не царь был преемником бывших византийских императоров и властелином Третьего Рима в Москве? Кроме того, синайская монашеская община в течение нескольких столетий пользовалась субсидиями царя. Тишендорф знал, как наилучшим образом использовать эти обстоятельства.

Осенью 1856 г. он вручил русскому послу в Дрездене меморандум для императорского министра народного просвещения Авраама Норова⁵. Расписав, не жалея красок, свои достижения в деле открытия утерянных рукописей, Тишендорф далее заявлял: «Это драгоценное наследие тех веков, когда ученость настолько же процветала в монастырских кельях, насколько сейчас не может найти достойных наследников, по моему мнению, является священным достоянием всех образованных людей. Какую духовную жатву уже собрала Европа с заброшенных темных закоулков восточных монастырей благодаря тому, что важнейшие средневековые пергамены, в особенности греческие, удалось переправить в центры европейской культуры и науки! Но еще много этих документов, больше, чем мы обычно себе представляем, по-прежнему ожидают открытия, пребывая в первоначальных своих хранилищах. В особенности это относится к области греческой литературы и византийской истории...» [333, 7—8].

А. С. Норов был человеком «удивительной эрудиции», он сам совершил несколько путешествий на Восток. Он настолько был захвачен проектом Тишендорфа, что приехал в Лейпциг, чтобы обсудить с ним все планы, и даже выразил желание присоединиться к нему на одном из участков маршрута. Достоинства предложения Тишендорфа произвели впечатление и на императорскую Академию в Санкт-Петербурге, которую попросили высказать по этому поводу свое мнение. Однако консервативное русское духовенство не было склонно возлагать на немца-протестанта представительство перед их единоверцами в Леванте. К тому же А. С. Норов оставил свой пост. Однако бывший министр сохранил доступ к царской семье и склонил на свою сторону брата царя — Константина. Со временем царица Мария Александровна и вдовствующая императрица также были вовлечены в маленький заговор.

Между тем Тишендорф вступил в переговоры и с саксонским правительством, которое выразило готовность взять на себя расходы, если русские откажутся финансировать экспедицию. Получив определенную независимость, Тишендорф мог теперь действовать более смело. Он отправил в Санкт-Петербург фактически ультиматум с просьбой сообщить ему решение по его петиции — либо то, либо иное. Немедленно Норов и еще один приближенный великого князя Константина телеграфировали, что теперь ему не придется долго ждать, что поддержка императора будет обеспечена в самом ближайшем будущем. Вновь обратились к императрице, которая в тот момент собиралась вместе с царем отправиться поездом в Москву. На другой вечер были отданы распоряжения снабдить Тишендорфа необходимыми средствами (куда входила как стоимость дорожных расходов, так и значительная сумма на приобретения). Все это в золотой русской валюте было выдано Тишендорфу императорским посланником в Дрездене. Деньги были переданы без каких-либо письменных обязательств. От Тишендорфа не потребовали даже и расписки. «Таким образом, проект был скреплен императорской щедростью как дело, основанное на полном доверии» [333, 10].

По завершении седьмого издания греческого Нового завета, на что ушло три года непрерывной работы, Тишендорф вновь пустился в плавание к берегам Египта. На этот раз он не задерживался в Нильской долине, а напрямик проследовал в монастырь на горе Синай. Прием, оказанный ему в монастыре, был совершенно непохож на предыдущие. Теперь он прибыл от имени его величества императора России, и с ним обращались с должным почтением и уважением. В его честь был поднят русский флаг. На этот раз он попал в монастырь отнюдь не с помощью подъемного приспособления, а был проведен через расположенную на уровне земли небольшую дверь, которая открывалась лишь в редких случаях для особо почетных гостей. Настоятель, по-видимому хорошо осведомленный о миссии гостя, произнес по случаю его прибытия краткую речь с пожеланиями успеха в поисках новых подтверждений божественной истины. Как впоследствии заметил Тишендорф, «его сердечное благопожелание сбылось помимо его ожиданий» [331, 27].

Была ли речь настоятеля приправлена драматической иронией, как казалось Тишендорфу и более поздним не-

мецким авторам, или она отражала искреннее желание монахов исполнить любое пожелание гостя, быть может, в надежде на соответствующее вознаграждение со стороны русских — у нас слишком мало данных, чтобы уверенно судить об этом. Что бы там ни происходило за сценой — допуская даже возможность того, что монахи играли с Тишендорфом в кошки-мышки, — видимый ход событий нам совершенно ясен. Тишендорф еще раз просмотрел все монастырские собрания рукописей. Через три дня он убедился, что ранее ничто в них не ускользнуло от его внимания. Оставалось разве что скопировать несколько отрывков. Он решил не спрашивать прямо о судьбе рукописи Библии, слишком хорошо зная, каков будет ответ. Раз ему не удалось обнаружить каких-либо ее следов во всех трех библиотеках, он еще больше укрепился в мысли, что она была увезена из монастыря св. Екатерины. На четвертый день своего пребывания там он решил в конце недели вернуться в Каир.

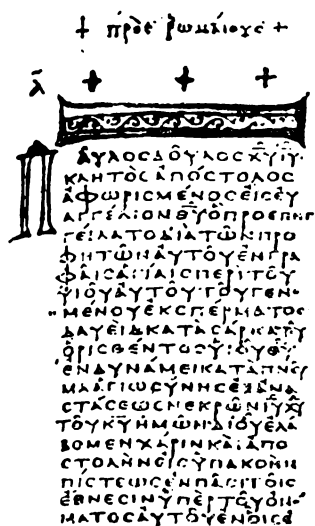
В этот день Тишендорф, сопровождаемый монастырским экономом, молодым добродушным афинянином и учеником Кирилла, который называл его своим «духовным сыном», предпринял восхождение на близлежащий холм и спустился в расположенную за ним долину. На обратном пути зашел разговор о тишендорфовских изданиях греческого текста Ветхого и Нового заветов, копии которых он подарил монастырю. По возвращении, когда день клонился к закату, эконом пригласил Тишендорфа к себе в келью, чтобы немного подкрепиться. Едва они вошли и начали потягивать финиковый ликер, изготавливаемый в монастыре, эконом вернулся к их прежнему разговору. «А я тоже читал „Септуагинту“ — греческую Библию, переведенную Семьюдесятью»⁶ [331, 27]. Сказав это, он пересек комнату, взял с полки громоздкий предмет, завернутый в красную ткань, и положил его перед гостем. Тишендорф развернул ткань — и перед ним предстали те же самые унциальные буквы IV в., те же листы с четырьмя колонками, как и в «Кодексе Фридриха-Августа». И здесь были не только те самые листы, которые лет пятнадцать назад Тишендорф выудил из корзины, а много, много больше.

Помимо восьмидесяти шести страниц Ветхого завета, которые он видел ранее, здесь было еще сто двенадцать листов, а также величайшее сокровище, главная цель всех 343

его устремлений — по всей видимости, полный Новый завет. Столь полного текста не давали ни Александрийский, ни Ватиканский кодексы. Он пересчитал страницы: их было триста сорок шесть. Он просмотрел текст, чтобы убедиться, все ли Евангелия, все ли Послания были на месте. То, что он сейчас исследовал, было уникальным текстом Нового завета, сохранившимся во всей полноте с эпохи, столь близкой действительному времени его создания. Мог ли он поверить своим глазам, когда в конце текста Нового завета заметил «Послание Варнавы»? Это было сочинение апостольского ученика, которое впоследствии, при составлении канона, было после долгих колебаний исключено из текста Нового завета. Большая часть его считалась утерянной, и до нас дошли только отдельные фрагменты в скверных латинских переводах. Тишендорф с трудом сдерживал свою радость. Но на этот раз он решил действовать осторожно, чтобы не возбудить подозрения монахов и снова не упустить свою добычу. Между тем в келье эконома собрались другие монахи, и среди них Кирилл. Они могли засвидетельствовать полное бесстрашие, с которым немецкий профессор просматривал объемистый манускрипт. Не зная досконально содержания этих листов пергамента, они просто не способны были, решил Тишендорф, оценить по достоинству их значение. Он небрежно спросил, можно ли ему взять листы в свою комнату для более детального изучения, и разрешение было дано с легкостью. В более позднем изложении этой истории он попытался опразить чувства, охватившие его, когда он наконец остался один: «Здесь, наедине с самим собой, я мог дать волю своему восторгу. Я знал, что держу в своих руках самое драгоценное из существующих библейских сокровищ — документ, чей возраст и значение превосходили возраст и значение всех рукописей, с которыми мне доводилось знакомиться за двадцать с лишним лет изучения своего предмета...» [331, 27—28].

Он начал составлять полную опись содержания этих трехсот сорока шести страниц. Помимо двадцати двух книг из Ветхого завета, в большинстве своем полных, преимущественно пророческих и поэтических по содержанию, здесь были также и части библейских апокрифов. Новый завет был вообще без пробелов. Когда он перелистал его и прочел «Послание Варнавы», в его мозгу мелькнула мысль: а не может ли здесь оказаться еще один бесследно исчезнув-

ший текст, так называемый «Пастырь» Гермы? Он почти устыдился ненасытности своих надежд перед лицом уже столь щедро дарованной благодати. Затем взгляд его упал на лежащий перед ним довольно выцветший лист. Заголовок гласил: «Пастырь».

Начало «Первого послания к римлянам» по «Ватиканскому кодексу», одной из двух древнейших и лучше других сохранившихся унциальных рукописей греческой Библии. Она была написана на пергамене в конце IV в., примерно в то же самое время, что Тишендорфов «Синайский кодекс», и на несколько десятилетий раньше, чем каллиграфически более совершенный «Александрийский кодекс»

Было восемь часов вечера. О том, чтобы лечь спать, не могло быть и речи. Хотя лампа давала только тусклый свет и было довольно прохладно, Тишендорф засел за переписку «Послания Варнавы» и спасенной части «Пастыря» Гермы.

Рано утром следующего дня он послал за экономом. Дав понять, что располагает изрядным количеством золота, он предложил уступить ему рукопись в обмен на щедрое де-

нежное пожертвование, причем двойное: как монастырю, так и лично эконому. Последний, как вынужден был признать Тишендорф, «поступил благоразумно, отвергнув его предложение» [333, 14]. Тогда Тишендорф объяснил, что он просто хотел скопировать рукопись. Против этого эконом не возражал. Но как это было сделать? Манускрипт содержал около ста двадцати тысяч строк, написанных трудным для чтения александрийским письмом. Работа заняла бы по крайней мере год. Тишендорф не был готов к тому, чтобы задержаться в монастыре св. Екатерины на такой долгий срок. Может быть, монахи позволят взять кодекс в Каир, где ему окажут помощь? Братия соглашалась на это практически единодушно, если не считать старца Виталия, хранителя церковной утвари (скевофилакс), ведавшего библиотекой, совмещенной со складом, откуда рукопись, по всей вероятности, и была первоначально извлечена. Была и еще одна трудность: настоятель Дионисий, которому принадлежало последнее слово, за несколько дней до этого уехал в Каир, чтобы вместе с настоятелями других синайских монастырей избрать нового архиепископа, который должен был сменить недавно умершего столетнего архиепископа Константина.

Тишендорф решил последовать за настоятелем в Каир, взяв с собой письма от Кирилла и эконома, в которых они горячо поддерживали его план. В Каире он поспешил в Синайский монастырь, где собрался синод настоятелей, и к вечеру разрешение на доставку манускрипта в Каир было получено. За рукописью в Синай был отправлен бедуинский шейх. Через десять дней манускрипт с «дромадерским экспрессом», скорости которому значительно прибавили щедрые посулы Тишендорфа, прибыл в Каир. Договорились, что Тишендорф будет брать для копирования каждый раз по одному «кватерниону», т. е. по восемь страниц. Ему предстояла необъятная работа, которую, кстати, дальнейшее развитие событий лишило всякого смысла. Два месяца проработал Тишендорф в своей комнатке в «Отель де пирамид», не дающей никакого спасения от нескончаемого шума и гама каирской улицы.

Чтобы ускорить дело, он нанял двух живущих здесь немцев, получивших некоторое классическое образование, — врача и аптекаря. Под его наблюдением они приступили к работе. Но с каждым шагом трудность стоящей пе-

ред ними задачи становилась все очевиднее. Помимо того, что многие места в рукописи совершенно выцвели, в ней была еще тьма поправок — около четырнадцати тысяч, — внесенных целым рядом «редакторов» уже после того, как текст был полностью записан. Некоторые страницы содержали более сотни таких исправлений. К тому же сам текст был написан несколькими почерками, и каждому были присущи своя манера, свои особенности. Над рукописью поработало по меньшей мере шесть «редакторов», и большинство из них, по-видимому, сделали это не менее тысячи лет назад.

Когда была скопирована почти половина тома, Тишендорф, к своему ужасу, узнал, что из-за неосторожной фразы, сказанной им представителю германского консульства, тайна стала известной только что прибывшему английскому ученому. Более того, англичанин получил доступ в монастырь, где хранился кодекс, и, не тратя времени даром, стал предлагать монахам деньги. Тишендорф, прибывший в монастырь вскоре после англичанина, на какое-то время совершенно потерял самообладание. Однако настоятель успокоил его, сказав: «Мы скорее преподнесем рукопись императору Александру в качестве подарка, чем продадим ее за английское золото» [330, 117]. .

Столь благородная идея, разумеется, тотчас нашла отклик в душе хитрого Тишендорфа, который, как он сам сознавался, «был в восторге от такого проявления веры и рассчитывал воспользоваться им в будущем» [330, 117]. С особой настойчивостью принимается он теперь убеждать синопольских монахов в величии этого шага, который отразил бы их преклонение перед царем как заступником православной веры. Раздражение, которое он испытал из-за появления соперника-англичанина и из-за разглашения его тайны, побудило его публично объявить о своих новых открытиях. Как победоносный генерал, он составил коммюнике о своем триумфе, отослал его министру народного просвещения Саксонии, а в середине апреля 1859 г. опубликовал в научном приложении к «Лейпцигер Цайтунг».

Мысль о том, что манускрипт следует преподнести царю, очевидно, показалась синопольской братии весьма соблазнительной. Но тут возникли неожиданные осложнения. На преподнесение столь ценного подарка, как библейский кодекс, требовалось разрешение каирского архиепископа, од-

нако митрополит православной преческой церкви в Иерусалиме был настроен против вновь избранного архиепископа и отказывался посвящать его в сан. Вдобавок к этому избрание должно было быть утверждено турецким правительством и египетским вице-королем. Обе инстанции затягивали решение дела. Следовательно, назначение архиепископа пока не могло рассматриваться как вполне законное, в связи с чем он отказывался взять на себя ответственность за решение судьбы кодекса. Однако он намекнул, что в случае, если его высокие полномочия будут подтверждены, он не будет возражать против передачи кодекса царю.

Тишендорф сумел ловко вмешаться в конфликт по поводу избрания нового архиепископа. Он выступал уже не как простой проситель. На этот раз он дал понять монахам, что, будучи посланником царя, он постарается употребить все свое влияние на его православное величество, чтобы склонить дело в их пользу. Монахи были весьма обеспокоены затянувшимся епископальным междуцарствием, которое внесло в их общину апатию и беспорядок. Когда Тишендорф услышал о прибытии в Иерусалим великого князя Константина, он прервал работу и нанял судно, которое доставило его и еще троих человек в Яффу. С этого момента он стал постоянным компаньоном брата царя во все время пребывания в святой земле. Позже он отправился в Смирну и на Патмос и по дороге туда приобрел несколько ценных рукописей, которые отправил в качестве подарка царю Александру.

Вернувшись в Каир, Тишендорф узнал, что избрание нового архиепископа так и не было подтверждено из-за упрямого нежелания иерусалимского митрополита. В конце концов все еще не вступивший в должность архиепископ сам пришел просить Тишендорфа, авторитет которого значительно возрос благодаря его отношениям с великим князем, использовать все его возможности в защиту интересов общины. Тишендорф с радостью согласился выполнить возлагаемую на него миссию, учитывая, как он без обиняков отметил, «тесную связь между их и моими собственными интересами» [333, 21]. Впрочем, во время пребывания в Константинополе его интересы сразу вышли на первый план.

В лице русского посла в Высокой Порте князя Лобанова Тишендорф нашел преданного союзника, который радушно приютил его в своем загородном доме на берегу Босфо-

ра. И здесь Тишендорф стал проявлять все больше беспокойства по поводу своих дел. «Ожидать месяц за месяцем конца монастырской свары — это никоим образом меня не устраивало» [333, 22]. И он нашел решение. Он составил искусный документ и убедил русского посла подписать его. В этом документе русское правительство предлагало, учитывая тот факт, что формальное облечение властью архиепископа все еще ожидало подтверждения, отправить библейский кодекс в Санкт-Петербург во временное пользование. Он будет считаться собственностью монастыря вплоть до того момента, когда его официально преподнесут царю. Если в силу каких-либо непредвиденных обстоятельств акт дарения не состоится, манускрипт, безусловно, будет возвращен монастырю. С таким документом на руках Тишендорф вновь отправился морем в Египет. По его возвращении монахи горячо благодарили его за те усилия, которые он предпринял, чтобы решить дело в их пользу, и подписали документ, разрешающий ему забрать кодекс во временное пользование в Санкт-Петербург, «чтобы скопировать там насколько возможно точно» [331, 31].

Наконец он получил возможность вернуться в Европу со своим драгоценным грузом — «богатой коллекцией древних греческих, сирийских, коптских, арабских и других манускриптов, среди которых, как алмаз в короне, сверкала „Синайская Библия“» [331, 31]. По пути Тишендорф, который обожал монархов любой национальности, выкроил время, чтобы продемонстрировать свои трофеи императору Францу-Иосифу в Вене, а несколькими днями позже и своему собственному повелителю, саксонскому королю Иоганну. Затем он продолжил свой путь и прибыл в Царское Село, царскую резиденцию близ Санкт-Петербурга, где преподнес рукопись их величествам. Тишендорф использовал предоставившуюся возможность для того, чтобы внушить императору мысль о необходимости «издания этой Библии, которое было бы достойно как самой книги, так и императора и которое явилось бы одним из величайших предприятий в области критики и исследования Библии» [331, 31]. Кто именно должен стать во главе предприятия, подразумевалось само собой. Тишендорф получил приглашение остаться в Санкт-Петербурге для выполнения этой работы, но он отклонил приглашение, мотивируя отказ личными обстоятельствами, а также тем, что в Лейпциге он будет распола-

гать гораздо большими полиграфическими возможностями.

Подготовка факсимильного издания кодекса в четырех томах заняла три года. Эта работа оказалась одной из труднейших задач, когда-либо поставленных перед собой Тишендорфом, и, по-видимому, в конце концов она подорвала его здоровье. Надо было, например, изготовить адекватные греческие литеры для различных стилей написания унциальных букв, а также для значительно более мелкого шрифта исправлений, сделанных в тексте, которые следовало включить в факсимильное издание. Тишендорф собственноручно измерял расстояние между каждым двумя буквами, чтобы достичь максимально возможного подобия. Поскольку текст рукописи был нечетким и частично выцветшим, фотокопирование при тогдашнем уровне фототехники было неосуществимым. (Впоследствии, в начале XX в., кодекс был сфотографирован гарвардским профессором Кэрсопом Лейком и его супругой, а затем опубликован издательством Оксфордского университета — Новый завет в 1911 г. и Ветхий завет в 1922 г.). Кроме того, следовало разобраться в чтении всех содержащихся в тексте исправлений и включить их в свою копию. Затем нужно было вычитывать корректуры. Когда вся эта работа была проделана, целый вагон тяжелых томов — тридцать один ящик с тысячью двумястами тридцатью двумя фолиантами общим весом около 60 тонн — был отправлен в Санкт-Петербург, где книге предстояло выйти в свет в ознаменование тысячелетнего юбилея русской монархии осенью 1862 г. Издание было озаглавлено следующим образом:

CODEX BIBLIORUM SINAITICUS PETROPOLITANUS,

Спасенный из мрака под покровительством
Его Императорского Величества императора Александра II,
доставленный в Европу и изданный
к вящему благу и славе
христианского учения трудами К. Т.

В посвящении своему блистательному патрону Тишендорф подчеркивал уникальность манускрипта, большое значение которого, «с надеждой провозглашаемое его открывателем с самого начала, было блестяще подтверждено... Нет другого подобного документа, который мог бы представить более веские доказательства своего древнего благородного проис-

Ἄ ἈΡΧΗ ΤΟΥ ΕΥΑΓΓΕΛΙ
 ΟΥ ἸΟΥ¹¹ ΚΑΘΩΣ Ε
 ΓΡΑΠΤΑ ΕΝ ΤΩ ΝΑ
 ΙΑΤΩ ΠΡΟΦΗΤΗ
 ΙΔΟΥ ΕΓΩ ΑΠΟΣΤΕ
 ΛΩ ΤΟΝ ΑΓΓΕΛΟΝ ΜΟ
 Υ ΠΡΟ ΤΟΥ ΠΡΟΣΩΠΟΥ
 ΟΣ ΚΑΤΑΣΚΕΥΑΣΕΙ
 ΤΗΝ ΟΔΟΝ ΤΟΥ
 ΦΩΝΗΣ ΟΩΝΤΟΣ Ε
 ΤΗ ΕΡΗΜΩ ΕΤΟΙΜΑ
 ΣΑ ΤΗ ΤΗΝ ΟΔΟΝ ΚΥ
 ΕΥΘΙΑΣ ΠΟΙΕΙΤΕ ΤΑ
 ΤΡΙΒΟΥΣ ΑΥΤΟΥ ΚΑΙ
 ΓΕΝΕΤΟ ΙΩΑΝΝΗΣ
 Ο ΒΑΠΤΙΖΩΝ ΕΝ ΤΗ

Страница из тишендорфовского печатного факсимильного издания «Синайского кодекса», «Евангелие от Марка» (1, 1—4)

хождения. Преподобные отцы восточной и западной церкви, жившие в древнейшую пору христианства, свидетельствуют о том, что в их эпоху церковь черпала слово божие из документов, весьма сходных с этим» [333, 39—40].

С этого момента награды и почести посыпались на Тишендорфа дождем. Император России даровал ему и его потомкам дворянство. Папа, получив экземпляр факсимильного издания, лично выразил ему свои поздравления и восхищение. Один знаменитый английский ученый приветствовал его такими словами: «Я бы с большим удовольствием нашел этот синайский манускрипт, чем Кохинур⁷ английской королевы» [331, 32].

Однако великий триумф Тишендорфа был омрачен злобными нападениями на его честность и на ценность его находки. В определенном смысле приключенческий роман продолжался. Правда, продолжение его носило скорее характер плутовского романа — с появлением на сцене мошенника, изобретательного грека Симонида. Новый акт драмы заключался в схватке между величайшим палеографом века и чело-

Вид горы Афон в северо-восточной Греции — средоточия православных монастырей, издавна славившихся своими рукописными собраниями

веком, который мог бы с полным правом претендовать на не менее высокий титул в своей менее похвальной профессии изготовителя поддельных рукописей. По иронии судьбы как ученый, так и плут носили византийское имя Константин.

Симонид родился, вероятно, в 1824 или 1819 г. (позже он называл 1815 г.) на небольшом эгейском острове Симэ. С раннего возраста оставшись сиротой, он был воспитан дядей — настоятелем одного из монастырей на горе Афон. Здесь он овладел искусством каллиграфии и имел возможность копировать различные древние тексты. Он, безусловно, приобрел удивительные познания в области использования различных материалов для письма в древние времена, различных стилей письма и особенностей языка. После смерти своего наставника он появился в Афинах, где продал греческому правительству несколько пергаменов, которые он, очевидно, прихватил в качестве сувениров в гостеприимном монастыре. Он обнаружил, что спрос на рукописи велик, а запасы его иссякают, и решил заняться их пополнением.

Вскоре он произвел сенсацию, предъявив рукописи, происходящие якобы из никому дотоле не ведомого центра учености, расположенного не где-нибудь, а на безвестном островке Симэ. По ним можно было составить впечатление, что предки Симонида в XIII в. предвосхитили все технические достижения середины XIX в., включая паропровод. Другой манускрипт представлял его предполагаемого автора, греческого монаха из позднего средневековья, изобретателем фотографии. Эти документы, явно вызывавшие к эллинскому патриотизму и ловко преподнесенные их открывателем греческому государственному деятелю Мустоксидису, почти с самого начала вызвали подозрения. Мустоксидис, будучи сам ученым, заявил, что это подделка. Однако созданная из ученых комиссия медлила вынести окончательное решение. Каким образом, вопрошали они, столь молодой человек, как Симонид, имеющий такие пробелы в образовании, мог создать подобные искусные подделки?

Между тем Симонид благоразумно проследовал в Константинополь. Здесь он получил право на ведение археологических раскопок в районе старого ипподрома. И через необыкновенно короткое время он появился вновь с бутылкой, набитой рукописными страницами. К несчастью для него, кто-то видел, как он во время обеденного перерыва сам же закапывал ее в землю. Вездесущему симейцу пришлось снова пуститься в странствия. Он неожиданно возникал в разных местах Леванта, от Александрии до Одессы. На некоторое время, имея на то веские причины, он вернулся на гору Афон, а затем решил облагодетельствовать плодами своего замечательного таланта Англию и Германию. Почему он избрал эти страны? Потому ли, что считал англичан и немцев наиболее легковверными по части древностей, или они были щедрее других, когда дело доходило до уплаты больших сумм во имя удовлетворения страсти к старым пергаменам? Во всяком случае, эти две страны были наиболее активными центрами палеографических исследований. Они являлись богатейшими рынками сбыта рукописей. То, что среди ученых в этих странах были весьма проницательные люди, Симониду было, по-видимому, тоже известно. Но он был готов рискнуть.

В Германии он предложил палимпсест давно утерянного «Урания» — эллинистической истории египетских царей. Старший коллега Тишендорфа, лейпцигский профессор Вильгельм Диндорф, заявил, что манускрипт подлинный. 353

Одна берлинская ученая коллегия согласилась с его мнением и рекомендовала приобрести рукопись. Единственным, кто отнесся к этому скептически, был Александр фон Гумбольдт. В последнюю минуту Диндорф показал несколько страниц текста Тишендорфу. Тишендорф тут же распознал подделку и телеграфировал свое мнение в Берлин. Угроза компрометирующего разоблачения и скандала позволила Симониду сохранить свою свободу, но он был глубоко уязвлен вмешательством Тишендорфа. Открытие «Синайского кодекса» предоставило ему возможность реванша. Но теперь роли переменялись. Теперь он уже не отказывался от того, что прежде изготовлял поддельные рукописи. Наоборот, в сентябре 1862 г. Симонид неожиданно признался в том, что именно он изготовил целиком весь кодекс, который Тишендорф привез с Синая. Симонид сочинил запутанную историю, которая должна была объяснить, зачем он изготовил рукопись, не собираясь якобы вводить кого-либо в заблуждение относительно ее возраста.

Потрясающее разоблачение вызвало замешательство, и кое-где, особенно в Англии, ему поверили. Пресса восприняла скандал с восторгом. «Кто же обманщик и кто обманутый?» гласил заголовок газетной статьи, разоблачающей немецкого ученого. Возможно ли, вопрошал автор статьи, чтобы в Синайском монастыре, где высокообразованным англичанам не удалось обнаружить чего-нибудь стоящего, Тишендорф смог извлечь столь ценные пергамены из груды хлама?.. И кто он в конце концов такой, этот Тишендорф? Кто он в сравнении с его выдающимися соотечественниками Диндорфом и Лепсиусом, которые оба были позорно обмануты Симонидом? Не выглядит ли дело таким образом, что Тишендорф не устоял перед соблазном увидеть свое имя прославляемым по всей Европе, чего бы это ни стоило?

Некоторые из этих мнений были подхвачены врагами Тишендорфа в Германии. Ему же все дело казалось дурной шуткой. То, что Симонид мог написать этот кодекс, выглядело столь же правдоподобно, по словам Тишендорфа, как если бы кто-нибудь заявил: «Это я построил Лондон, или я поместил гору Синай на то место в пустыне, где она сейчас находится» [333, 46—47].

Однако окончательно опровергли выдумку Симонида внутренние свидетельства самого текста. Синайский манускрипт был написан по меньшей мере тремя различными почерками,

не считая множества почерков, наличествующих в поправках, которыми были представлены различные стили письма, последовательно датируемые веками с IV по XII. Ни на горе Афон, ни где-либо еще не существовало такого унциального документа или подборки документов, откуда это можно было бы скопировать. Другой греческой версии фрагментов «Послания Варнавы» вообще не было. Сама рукопись имела пометы, свидетельствующие о том, что она в VII в. находилась в Кесарии (Палестина). Кроме того, как можно было иначе объяснить тот факт, что до нас дошла только примерно половина рукописи, тогда как фрагменты ее появлялись в переплетах, сделанных несколькими веками раньше? Как было отмечено впоследствии в посвященной «Синайскому кодексу» публикации Британского музея, «невероятность этой истории настолько очевидна, что не нуждается в доказательствах» [277, 9].

Симонид никогда не пытался написать хотя бы одну страницу таким унциальным библейским письмом, каким был написан кодекс. Кроме того, его уличали и во всевозможных противоречиях. Например, он утверждал, что видел весь манускрипт целиком в Синае в 1852 г., забыв о том факте, что Тишендорф заполучил сорок три страницы восемью годами раньше.

Между тем над рукописью разыгралась еще одна буря. На этот раз оспаривалась не столько подлинность кодекса, сколько его значение. Вкратце дело заключалось в том, что на рукопись ополчились русские православные священники, объявившие ее еретической. «Если бы аутодафе до сих пор было в моде, — с негодованием писал Тишендорф, — рукописи грозило бы сожжение на костре, которого она уже однажды избежала благодаря счастливой случайности» [333, 49]. В полемической брошюре, написанной русским архимандритом Порфирием Успенским — тем самым человеком, который до этого видел рукопись в монастыре св. Екатерины, — указывалось, что в «Синайском кодексе» Христос не предстает ни сыном девы Марии, ни сыном бога. Не упоминает рукопись и о вознесении Христа. Это было серьезное обвинение, и оно потрясло Тишендорфа, поскольку ставило под угрозу его заветную цель — опровергнуть скептицизм радикально настроенных немецких теологов. К счастью и по крайней мере к своему собственному удовлетворению, он сумел показать, продемонстрировав немалую филологиче-

скую и экзегетическую⁸ проницательность, что интерпретация русского священнослужителя была ошибочной. При этом он опирался на живших в IV в. отцов церкви св. Евсевия и Иеронима и даже на традиционные версии Евангелий от Луки и Марка. Бывший русский министр А. С. Норов, сторонник Тишендорфа, энергично парировал нападки его противников. Православный митрополит Москвы также выступил в защиту кодекса, и Успенский признал свою ошибку. В 1863 г. Тишендорф ответил своим критикам более развернуто, выпустив трактат, озаглавленный «Нападки на Синайскую Библию», в котором он высказал следующее наблюдение: «Великие достижения в науке редко свершаются без противодействия. Поистине то, что они вызывают споры, можно считать одним из их отличительных признаков» [329, 3].

Как же обстояло дело с предполагаемым подношением кодекса царю? Архиепископский кризис в синайской общине затянулся на годы и в конце концов вылился во внутреннюю междоусобицу, которая окончилась лишь смещением в 1867 г. выбранного кандидата и единогласным избранием его преемника. Только в 1869 г. передача рукописи русскому монарху была оформлена официально. Предложенные царским правительством 9000 рублей были приняты синайскими монахами, которые поспешили скрепить «дар» подписанным по всей форме документом. Рукопись наконец была водворена в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга. С новым архиепископом Тишендорф поддерживал дружескую переписку. 15 июля 1869 г. прелат писал ему: «Как вы знаете, этот прославленный манускрипт с текстом Библии теперь уже преподнесен достойнейшему императору и самодержцу всея Руси в знак нашей и всех синайских монастырей вечной благодарности» [331, 8]. Впоследствии, однако, у новых поколений монахов вошло в привычку с горечью говорить об этой сделке Тишендорфа, и почти каждый автор, который с той поры побывал в монастыре св. Екатерины, возвращался домой с рассказами, выставлявшими Тишендорфа в неблагоприятном свете [287, 241—242].

В статье в январском номере журнала «Нэшнл Географик» за 1964 г. драматически заявлялось, что ее автор, Джордж Х. Форсайт из Мичиганского университета, и его коллеги по недавно завершенной экспедиции в монастырь св. Екатерины разрешили вековую «детективную тайну ученого мира», похитил ли Тишендорф кодекс (который, говорят, он

нашел в 1844 г.!) или честно купил его у монахов. Приговор гласил: Тишендорф был вором! На основании чего Форсайт и его коллеги пришли к этому потрясающему и, как они утверждают, окончательному заключению? Они заявили, что нашли новые доказательства. Совершенно случайно они натолкнулись на письмо, написанное по-гречески самим Тишендорфом в 1859 г., в котором он обещал вернуть рукопись, как только закончит свою работу. Профессор Колумбийского университета Игорь Шевченко, палеограф экспедиции, перевел письмо. «Теперь оригинал и английский перевод письма, — пишет автор в статье, — висят на стене библиотеки, не сопровождаемые никакими комментариями. Впрочем, никаких комментариев и не требуется» [285, 91]. Действительно, не требуется. Хотя письмо и не было воспроизведено в статье, тот факт, что Тишендорф подтверждал взятие им кодекса лишь на время — а получение на время подразумевает возвращение одолженного предмета, если только потом не будут выдвинуты другие условия, — ни в коей мере не является открытием. Это полностью соответствует фактам, как их излагал сам Тишендорф. В 1859 г., когда Тишендорф открыл «Синайский кодекс», рукопись была на время отправлена в Каир, чтобы ее там могли скопировать. И немецкий теолог подписал свое обязательство с полной искренностью, как бы там он ни надеялся на то, что рукопись в конце концов будет подарена царю. И пока акт дарения не был оформлен официально, рукопись оставалась на положении одолженной. Если бы дарение не состоялось, манускрипт, несомненно, был бы возвращен. Точно так же нет, разумеется, никакой юридической или логической необходимости в том, чтобы одолженный предмет не был в конечном итоге передан непосредственно новому владельцу.

В чем же причина проявления такого озлобления со стороны синайских монахов? Для них «Синайский кодекс» стал символом уязвленной гордости — синайским Аламо⁹ или Эльзас-Лотарингией¹⁰. Если бы только монахи раньше вот так же беспокоились о своем кодексе, вместо того чтобы позволять ему истлевать, оставляя на долю постороннего человека спасение его разрозненных остатков! Совершенно естественно, что они изменили свое мнение, как только осознали уникальность сокровища, от которого прежде отказались. И вместо того чтобы признать свою вину, они сделали своей мишенью покойного Тишендорфа. Однако любые заяв-

ления монахов св. Екатерины о том, что они якобы всегда знали цену своему кодексу (несмотря на тот факт, что еще в 1857 г. они даже понятия не имели, что обладают полным Новым заветом) и соответственно бережно хранили его, не нуждаются в свидетельстве Тишендорфа для того, чтобы быть полностью опровергнутыми. Убедительные доказательства противного дает сама рукопись, а также разрозненные ее фрагменты, время от времени являвшиеся на свет в отдельных переплетах. Несколько таких фрагментов обнаружил русский архимандрит Успенский, а также другие уже после Тишендорфа, например египтолог Генрих Бругш.

Точно так же тщетны были попытки опровергнуть сообщение Тишендорфа ссылками на то, что пергамен, мол, очень плохо горит. Разумеется, вовсе не недостаток топлива побудил монахов швырнуть страницы рукописи в корзину, с тем чтобы предать их огню. Они хотели просто избавиться от них как от ненужного хлама, независимо от того, много ли тепла они дадут при сгорании. Упадок монастырских библиотек по всему Ближнему Востоку и Греции служит подтверждением этой печальной истории. Стоит только почитать Роберта Кёрзона, чтобы получить представление о том, каким образом уничтожались рукописи в монастырях Леванта. Целые собрания гibli, заливаемые дождем. Другие истощались от продажи рукописей туркам, которые использовали их для изготовления патронов. Майор Макдональд, англичанин, посетивший монастырь св. Екатерины во времена Тишендорфа, независимо от него сообщал о склонности монахов сжигать ненужные и изорванные рукописи¹¹.

Точно так же как в истории с «мраморами Элджина»¹², которые были вывезены в Англию из афинского Парфенона, спор о законном владельце кодекса неоднократно разгорался вновь. Спор этот, по-видимому, действительно не может быть решен со всей определенностью, поскольку для него нет юридических прецедентов и нет соответствующих международных норм. При всех ли обстоятельствах предосудительно перемещать произведения искусства или документы из мест их первоначального нахождения? Кто может определить местное или национальное право собственности на предметы древней культуры в том случае, если они прежде были похищены при равнодушной покорности или прямом пособничестве «туземцев»? Следует ли все эти обелиски, Нефертити и Венеры, а также все папирусы вернуть в те страны, где

они были созданы и где прежде их не умели оценить по достоинству? Должны ли мы опустошить наши музеи?

В свете этого мы не можем, в частности, быть уверены в праве собственности монастыря св. Екатерины на «Синайский кодекс», поскольку он, во-первых, и туда попал скорее всего из какого-то другого источника (Кесария? Александрия?). Во-вторых, рукопись была официально передана ее тогдашними владельцами царю за приличную сумму и к полному удовлетворению монахов. Что касается роли Тишендорфа в этой сделке, то среди известных нам фактов нет ни малейшего указания на какую-либо некорректность в его поведении. Мотивы его действий были самыми достойными. И ему одному мы обязаны тем, что уцелевшая часть не была брошена в огонь, как все остальное. Немецкий ученый не только спас кодекс от физического уничтожения, он также вложил немало труда и знаний для того, чтобы ввести его в обиход библиистики. Для восстановления апостольского текста кодекс оказался поистине бесценным.

XV

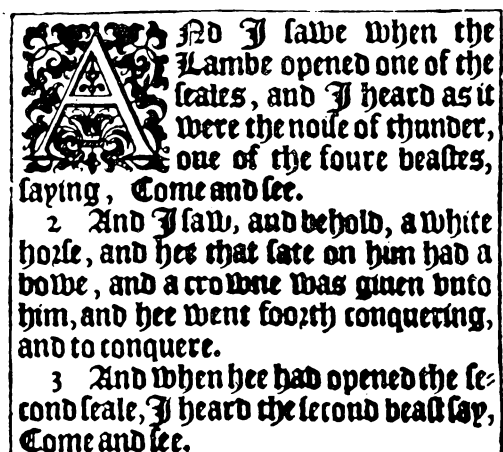
Две ученые дамы в Леванте

Велик был ужас наших друзей при одной только мысли о том, что дамы отправились одни в столь продолжительное паломничество. «И вы думаете, им удастся вернуться обратно? Ведь они отправляются к мусульманам и варварам», — говорили некоторые из тех, кто знал о нашем намерении. Но что давало им к этому повод?

Агнес С. Льюис [308, 1]

Английская книготорговля никогда еще не знала такого триумфа, каким ознаменовался выход в свет «Исправленного Нового завета» — нового английского перевода, выполненного под руководством ведущих специалистов. Издательства Оксфордского и Кембриджского университетов, совместно участвовавшие в предприятии, были буквально завалены письмами. Еще до выхода книги из печати только один из издателей получил уже заказы на более чем миллион экземпляров. За сигнальный экземпляр предлагали до 5000 фунтов [305, 87]. С двенадцатым ударом часов в полночь с 16 на 17 мая 1881 г., во вторник, началась доставка книги на склады. Вскоре лондонская улица Патерностер Роу была запружена повозками, в которых развозили книги, и бурлящей толпой, не могущей сдержать своего любопытства¹. Между тем партии переплетенных книг уже выгружались в американских портах. В одно и то же время в Нью-Йорке и Филадельфии типографиями было выпущено восемьсот тысяч томов, а две чикагские газеты перепечатали полный текст, часть которого была передана из Англии по телеграфу.

«Исправленный Новый завет» (за которым через три года последовал «Исправленный Ветхий завет») был достижением, венчающим целую эпоху в изучении Библии. Работа над ним была стимулирована прежде всего открытиями Тишендорфа. Благодаря ему ученые уверились в том, что восстановление древних текстов Писания стало наконец возможным. Усилия

Фрагмент из «Библии короля Якова» или
«Утвержденной версии» 1611 г., «Апокалипсис»
(6, 1—3)

Тишендорфа в этом направлении, казалось, обрели завершение с изданием им греческого Нового завета (основанного частично на открытом им «Синайском кодексе») и уж тем более после знаменитого издания в 1881 г. Нового завета на греческом языке, сделанного двумя английскими теологами — епископом Бруком Фоссом Весткоттом и профессором Ф. Дж. А. Хортом. Весткотт и Хорт также играли ведущую роль в подготовке выходящей теперь в свет «Исправленной версии», в которой отразились результаты критического изучения Библии в XIX в. и все сделанные к этому времени рукописные открытия.

Был ли тем самым подведен итог поискам «лучшей» Библии, подлинного Нового завета? Многие авторитеты, считая, что древний текстовый материал, по всей вероятности,

уже исчерпан, утверждали, что дело обстоит именно таким образом: на будущее оставалось уточнить только ряд мелких филологических частных. Однако «Исправленная версия» сразу же возбудила острую полемику. Одни настаивали на том, что лучшей Библией всех времен является так называемая «Утвержденная версия» короля Якова I, другие же, напротив, заявляли, что имеющийся критический аппарат был использован неудовлетворительно и неполно. Подобные дискуссии разгорались в Германии, да и во всех других странах, где выходили в свет новые переводы Библии. Лишь немногие чувствовали, что библейская текстология стоит на пороге новой эры. Так же как и раздававшимся примерно в то же время заявлениям о том, что человечество до конца познало законы физики и математики, этим самодовольным оценкам вскоре предстояло быть опровергнутыми революционными открытиями.

За выходом в свет «Исправленной версии» Библии последовало более чем полвека впечатляющих находок рукописей. В должное время эти открытия нашли отражение в ряде новых переводов, в нескольких изданиях греческого Нового завета и, наконец, в 1961 г. «Новой английской Библии (Новый завет)», которая, в свою очередь, в один прекрасный день уступит свое место другому изданию.

Первое значительное добавление к имеющимся библейским манускриптам со времен открытий Тишендорфа — и это произошло опять на Синае — явилось результатом усилий двух энергичных, много путешествовавших дам из Кембриджа (Англия) — сестер-близнецов Агнес Смит Льюис и Маргарет Данлоп Гибсон. Они входят в когорту других замечательных британских леди, таких, как Мэри У. Монтэгю, Эстер Стэнхоуп, Гертруда Белл, Фрейя Старк и Кэтлин Кеньон, внесших свой столь героический вклад в наши знания о Ближнем Востоке.

Дочери шотландского стряпчего Джона Смита из Ирвина (Эйршир), они потеряли мать через две недели после своего рождения. У них были схожие интересы и способности, но старшая, миссис Льюис, несомненно, играла главенствующую роль в их совместных научных трудах. Обе вышли замуж за ученых, и обе уже через несколько лет овдовели. Они получили превосходное образование и не уступали любому тогдашнему ориенталисту с университетской подготовкой.

362 К чести патриархального академического мира той викто-

рианско-эдуардовской поры, следует сказать, что эти леди удостоились в нем безоговорочного признания как выдающиеся ученые. В 1915 г. Королевское Азиатское общество наградило их золотой медалью, а А. Льюис стала почетным членом университетов в Галле, Гейдельберге, Дублине, а также Университета св. Андрея.

В Кембридже, где муж А. Льюис, Сэмюэл Сэвидж Льюис, был библиотекарем колледжа «Корпус Кристи» и пользовался репутацией крупного знатока древностей, сестры имели возможность встречаться с выдающимися местными и приезжими учеными. В своих бесчисленных путешествиях на Кипр, в Грецию, Египет, Сирию и Святую Землю они не раз встречали на своем пути многих из современных им археологов, теологов и других специалистов по древнему Востоку. Они в равной степени были известны дельцам, торговавшим предметами старины, и греческим настоятелям и архиепископам от Афин до Асуана. Превосходное знание современного греческого языка послужило для них ключом, открывшим перед ними двери православных василианских² монастырей. В этом отношении сестры обладали явным преимуществом перед Тишендорфом, чья неудача с александрийским епископом запомнилась надолго и чьи грубоватые, тевтонские манеры были, возможно, одной из причин превратностей и разочарований, сопровождавших его затянувшиеся поиски. Женский такт и терпение помогали этим немолодым дамам одинаково успешно вести дела с греками, бедуинами и левантинцами. На суровой земле пустынного монастыря св. Екатерины они устраивали в саду приемы для посетителей и своих монастырских хозяев. Если непреклонный и уверенный в своей правоте Тишендорф плохо скрывал презрение к явному нежеланию монахов обнаруживать свои сокровища и порицал их подозрительность по отношению к европейцам, разыскивающим утерянные рукописи, то сестры в таких ситуациях проявляли снисходительность и доброту.

Имея в виду предшествующих посетителей монастыря св. Екатерины, А. Льюис писала: «По-видимому, некоторые образованные люди, посещавшие восточные монастыри, привыкли думать только о достижении своей выгоды, не считая нужным особенно скрывать это от монахов, которым они не предоставляли никакой информации ни о своей работе, ни о ценности тех или иных рукописей, они обращались с монахами, по существу, так, как если бы те были незна- 363

дежно глупыми людьми, каковыми их и считали некоторые путешественники. То, что этот источник осложнений не просто плод фантазии, подтверждает слышанный нами в Каире рассказ о поведении одного молодого англичанина, который пришел в коптскую церковь и угрожал перепуганным священникам страшными карами от имени британского правительства за то, что они отказывались продать понравившееся ему серебряное кадило прекрасной работы.

Меня не оставляет мысль о том, что какой-нибудь из наших соотечественников, получивший в наследство древние монеты и другие предметы, значение которых он в силу своего образования понимал бы весьма смутно и поэтому позволил ознакомиться с ними паре экспертов, повел бы себя точно так же, как эти монахи, если бы вдруг обнаружил, что один из этих джентльменов делает обильные записи для публикации, воспринимая владельца этих богатств лишь как человека, который должен обеспечить его кофе и канцелярскими принадлежностями, и уезжает, не удостоив владельца ни единым словом о результатах своих исследований. Если же он нашел бы, что тот, другой, полон обыкновенной человеческой симпатии и готов сообщить ему все, что представляет для него интерес, чтобы он мог, и не вкусив особой премудрости, все же извлечь из своего достоинства подлинное наслаждение, — тогда для него было бы только естественным открыть свои тайные сундуки и явить их содержимое взору своего благородного гостя» [309, 72—74].

Не удивительно, что при таком подходе с их стороны двери библиотек широко распахивались перед сестрами, не проявлявшими ни малейшего намерения приобрести рукописи или увезти их в Европу, если только они не продавались свободно имеющими на то право торговцами. Когда, например, каирские купцы предложили им как-то великолепные листы древнего кодекса, который, как они заподозрили, являлся собственностью монастыря, они уведомили об этом полицию и законных владельцев рукописи. Поэтому монахи ничего от них не утаивали. Наоборот, они предлагали их вниманию такие сокровища, о существовании которых и не подозревали предыдущие визитеры.

Так начиналась новая эра в охоте за рукописями. Главной целью сестер было сделать эти бесценные документы доступными для современных исследований. Они не придавали особого значения приобретению рукописей и были вполне удов-

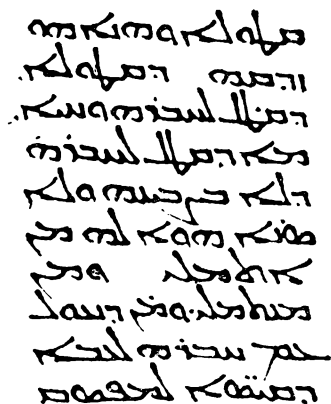
летворены, если видели, что нынешние владельцы должным образом заботятся об их сохранности. Весьма характерным для такого нового стиля является то, что сестры очень много сделали для восстановления и пополнения синайских библиотек. Они также потратили много времени и энергии на составление каталогов.

Посещение горы Синай было для А. Льюис давней мечтой, которую породили восторженные рассказы ее будущего деверя, путешествовавшего в Синай и Петру еще тогда, когда А. Льюис была совсем молода. Последующая поездка в Грецию и гостеприимство, проявленное деятелями церкви и монахами, воскресили в ней желание предпринять такое путешествие. Однажды она действительно собралась в дорогу и уже достигла полуострова, но болезнь спутника вынудила ее вернуться. Потом она вышла замуж. После смерти мужа в 1891 г. она решила предпринять наконец эту поездку вместе со своей сестрой.

По собственному признанию А. Льюис, ее тогда мало занимали библиотека монастыря св. Екатерины и тамошние рукописи. Но позже, в том же году, после публикации сирийского текста «Апологии Аристиды», открытого молодым кембриджским ориенталистом Дж. Ренделом Харрисом в монастыре св. Екатерины в 1889 г., она до такой степени заинтересовалась этим, что решила изучить сирийский язык, разновидность арамейского. Овладела она им быстро благодаря своим знаниям родственных языков — арабского и древнееврейского. Затем в результате случайного знакомства сестер с женой д-ра Харриса он услышал об их предстоящей поездке в Синай и об увлечении миссис Льюис сирийской филологией. Он позвонил им по телефону и поощрил их к поискам сирийских текстов, «решительно высказав убеждение, что в числе хранящихся в монастырской библиотеке рукописей, выполненных ранним эстрангело (сирийским письмом), может найтись еще много интересного» [286, 7]. Он также взялся обучать их сложному искусству фотографирования рукописных страниц, с тем чтобы они могли привезти домой фотокопии всех значительных находок.

Вот таким образом паломничество в Синай, задуманное как поклонение святым местам, постепенно превратилось, к изумлению сестер, в научную экспедицию. И вместе с этим пришло крепнущее день ото дня понимание того, что им предстоит открыть нечто значительное.

«В течение нескольких недель, — рассказывает А. Льюис, — меня преследовало видение столь живо описанного мне д-ром Харрисом темного чулана, в котором стоят два таинственных сундука, набитых рукописями; в чулан этот можно получить доступ лишь в том случае, если сумеешь умилистить владеющих им почтенных отшельников» [309, IV]. Кстати, существование этого тайника для хранения рукописей,

Выполненный письмом эстрангело (эстрангела) отрывок из рукописи «Пешитты», сирийской версии Библии. «Второзаконие» (19, 2)

известного Ренделу Харрису, который, правда, не смог ознакомиться с его содержимым, так и осталось тайной для Тишендорфа.

Накануне отъезда сестер, когда друзья собрались, чтобы пожелать им счастливого пути, некоторые из гостей высказывали разного рода шуточные предположения о предметах их будущих открытий. Наибольший восторг вызвало упоминание о «Диатессароне» — давно утерянном собрании четырех Евангелий, относящемся ко II в. На замечание о том, что их, как женщин, могут не допустить в греческий монастырь, сестрыотреагировали совершенно спокойно. Во время предыдущего путешествия по Греции им свободно разрешали посещать различные греческие монастыри, и они с очарова-

тельной наивностью писали, что «общение с их обитателями было приятным и забавным» [286, 5]. После этого путешествия А. Льюис опубликовала книгу «Картинки жизни и природы Греции» (1883), которая была впоследствии переведена на греческий язык и принесла ее автору репутацию филэллинки. Это вместе с беглым владением новогреческим языком и теплыми рекомендациями от вице-канцлера Кембриджского университета обеспечило сестрам радушный прием в монастыре св. Екатерины.

Настоятель и библиотекарь Синайского монастыря были рады побеседовать с иностранками, тем более что разговор велся на греческом языке. В ответ на вопрос, что бы они хотели увидеть в монастыре, А. Льюис, удивляясь собственной смелости, сказала: «Все ваши древнейшие сирийские рукописи» [309, VI]. Через несколько минут ее желание было удовлетворено. Дам привели в дальний темный чулан, и здесь они увидели ящики, заполненные рукописями. Когда штук шесть или восемь кодексов было извлечено на свет для более тщательного осмотра, внимание миссис Льюис привлек самый невзрачный из их числа. Дальнейшее лучше всего описано ею самой:

«Рукопись имела отталкивающий вид, поскольку вся была покрыта грязью, и почти все страницы ее слиплись, так как никто их не перелистывал, вероятно, с тех пор, как в монастыре столетия назад умер последний сирийский монах. Я до этого еще ни разу сама не видела палимпсеста, но отец часто рассказывал нам удивительные истории о том, как старые монахи, когда пергамен стал редкостью, а бумага еще не была изобретена, соскабливали со страниц своих книг написанное ранее и писали что-нибудь другое прямо поверх старого, и как по прошествии веков старые чернила оживали под воздействием обычного воздуха и прежние слова праступали вновь, и как таким вот любопытным образом обнаружился текст Платона.

Я сразу увидела, что рукопись содержит два текста, причем оба записаны тем самым древним письмом эстрангело, которое я прежде изучала; что поверх первого были написаны жития святых великомучениц, снабженные датой, которую я прочла как 1099 г. после Александра, т. е. 697 г. н. э., и что первоначальный текст составляли Евангелия. Они были написаны в две колонки, одна из которых неизменно выступала на поля более позднего текста, так что многие слова без

труда можно было прочесть, и каждое из них явно принадлежало священному повествованию. Я обратила на это внимание сестры и для пущей убедительности указала ей также, что на каждой почти странице сверху стоял заголовок — Евангелие или от Марка, или от Луки» [309, VII—VIII].

Остальное время сестры провели за фотокопированием трехсот пятидесяти восьми страниц палимпсеста, часть из которых приходилось отделять одну от другой, держа их над кипящим чайником. Среди найденных тогда сестрами арабских и сирийских манускриптов наиболее интересным был палестинско-арамейский сборник библейских текстов для публичного чтения в церкви, написанный на языке Христа и апостолов. Это был второй из открытых документов такого рода; первый и до тех пор единственно известный находился в Ватикане. Третий был найден в Синае Ранделом Харрисом годом позже.

Самой ценной находкой был, безусловно, палимпсест, впоследствии известный под несколькими названиями: «Сирус Синаитикус», «Синайский сирийский» или «Сирийский палимпсест». (В его колофоне содержался подзаголовок: «Евангелие по отдельным [авторам]», что, очевидно, должно было отличить его от «Диатессарона», наиболее распространенной в то время «сводной» версии Евангелий.) А. Льюис, по-видимому, сразу осознала уникальность своей находки, иначе она не настаивала бы на фотографировании всей рукописи, несмотря на то что сестра и библиотекарь Галактеон отговаривали ее от этого. Однако А. Льюис еще не была тем вполне сформировавшимся знатоком древнесирийской письменности, каким она стала впоследствии, и поэтому право окончательного суждения было оставлено за ее кембриджскими друзьями, которым она покажет пленку по возвращении.

В Кембридже поздней весной — время окончания учебного года — две дамы столкнулись с некоторым скептицизмом; вообще, заставить кембриджских светил ознакомиться с фотокопиями оказалось не просто. Некоторые ни о чем, кроме каникул, не думали и собирались в дорогу; другие уже уехали. В конце июля сестрам пришлось пойти на хитрость: они пригласили к ленчу чету Беркитт. Перед поездкой Ф. Беркитт обучал А. Льюис чтению текстов, написанных на эстрангело, и вот теперь она показала гостям привезенные ею фотографии. Он сразу же увлекся ими и попросил раз-

решения взять около дюжины фотографий домой для более детального изучения. Через два дня от г-жи Беркитт пришло следующее письмо:

Харви Роуд, 12

Дорогая г-жа Льюис!

Фрэнк находится в состоянии сильнейшего возбуждения. Вчера вечером он переписал часть палимпсеста и сейчас ходил с ним к д-ру Бенсли, и они обнаружили, что это копия «Сирийского Кьюртона». Вы ведь знаете, существует только один экземпляр! Можете вообразить ликование Фрэнка! Он заскочил на минутку, чтобы оповестить меня, и снова убежал к Бенсли. Я решила, что это важно для Вас, и тотчас села писать письмо.

Всей душой Ваша

А. Персис Беркитт [309, 11].

Так было открыто древнее сирийское Евангелие, ранее известное лишь частично по Кьюртоновской рукописи, которую архидьякон Тэттем нашел в монастыре св. Марии Дейпары в Нитрийской пустыне в 1842 г.; рукопись была доставлена в Британский музей, где ее идентифицировал д-р Кьюртон, чьим именем она и была названа. Кьюртон, кстати, верил в то, что его рукопись содержит подлинный текст Евангелий, «как он был изречен самим божественным основателем нашей святой веры, дабы сообщить нам благую весть о спасении» [282, 93]. Эта точка зрения никогда не пользовалась широкой поддержкой. Но и в наши дни такое же исключительное значение иногда пытаются придать тексту Матфея из «Синайского сирийского».

Даже будучи переводами, вероятно, самыми древними преводами греческого Нового завета, древние сирийские Евангелия, дошедшие до нас в двух неполных списках, имеют величайшую ценность. Дальнейшие исследования вскоре показали, что эта версия, хотя она скорее всего воспроизводит тот же перевод, что и кьюртоновская, явно превосходит последнюю возрастом и точностью. В силу этого она признана и более авторитетной.

Изучение фотокопий показало, что синайская рукопись содержит куски, отсутствовавшие в Кьюртоновской, как, например, значительная часть «Евангелия от Марка». На это конкретно указал уже Роберт Л. Бенсли, который вместе

с Ф. Беркиттом идентифицировал рукопись. Бенсли был в ту пору ведущим специалистом Кембриджа в этой области и по случайному совпадению планировал новое издание кьюртоновского текста. По словам М. Гибсон, в день, когда он просматривал фотографии синайского манускрипта, он пришел в такое волнение, что забыл об обеде, на который был приглашен. В основном по его настоянию было немедленно принято решение о необходимости произвести полный филологический разбор раннего, «нижнего» текста рукописи. Предстояло снова ехать в Синай. Профессор Бенсли, невзирая на начавшуюся болезнь, с энтузиазмом встал во главе предприятия. (Он умер вскоре после возвращения в Англию.) В Синае с ним работали его более молодые коллеги — Ф. Беркитт и Р. Харрис. Бенсли и Беркитта сопровождали их жены; сестры, естественно, тоже входили в состав экспедиции. Для того чтобы мужчины втроем смогли разобрать и набело переписать текст манускрипта, потребовалось сорок дней.

В 1894 г. результаты этого труда были опубликованы издательством Кембриджского университета в книге Р. Л. Бенсли, Дж. Р. Харриса и Ф. К. Беркитта «Четвероевангелие по Синайскому палимпсесту»; предисловие написала А. С. Льюис. В книге содержалось примерно четыре пяты «нижнего» текста. Тот факт, что чтение остальной части еще не было установлено, побудил А. Льюис совершить еще одно путешествие в Синай, на этот раз в обществе только своей сестры. Дополнительный материал вместе с переводом всего текста на английский был опубликован А. Льюис в 1896 г. Теперь она сама уже стала вполне сформировавшимся специалистом в области древнесирийской письменности и в 1910 г. осуществила полное издание древнесирийских Евангелий, дополненное вариантами по рукописи Кьюртона. М. Гибсон, неуклонно совершенствуясь в сирийском языке, оказывала ей неоценимую помощь.

Между тем литература о «Синайском сирийском» быстро разрасталась; появились статьи, лекции, монографии. Ведущие ученые континента, особенно в Германии, такие, как Велльгаузен, Цан и Нестле, внесли в это свою лепту. Все авторитеты в целом сходились во мнении по поводу возраста первоначального текста — конец IV или начало V в. Однако споры о времени создания этой версии Евангелий продолжают и поныне. Она явно предшествовала сирийскому Новому

завету V в., известному под названием «Пешитта», но неясно, появилась ли она раньше или позже загадочного «Диатессарона», о котором известно, что он имел хождение в Сирии во второй половине II в. На этот счет также до сих пор нет единого мнения. Тем не менее для критики библейского текста было бы чрезвычайно важно установить дату этого весьма раннего перевода Нового завета, который, несомненно, предшествовал по времени большинству имеющихся греческих текстов. Тогда он мог бы служить пробным камнем для многочисленных версий и «семейств» библейских манускриптов.

Старые сирийские Евангелия принесли много сведений о словоупотреблении и других особенностях исчезнувшего греческого оригинала, на котором они основывались. В этом смысле они вряд ли уступают какому-либо другому переводу, из греческих же унциальных и минускульных рукописей сравниться с ними могут лишь немногие, если, конечно, не принимать во внимание замечательного «Арабского кодекса» — палимпсеста, найденного в монастыре св. Екатерины в 1950 г. профессором Азизом Суриалом Атийей, арабским ученым, участвовавшим в организованной американцами экспедиции на гору Синай. Этот палимпсест насчитывает (что является рекордом!) два арабских, один греческий и два сирийских слоя, причем древнейший сирийский слой, вне всякого сомнения, представляет еще одну очень древнюю версию Евангелий на сиро-арамейском языке [271, 27].

Исключительную ценность древней сирийской версии придает, пожалуй, главным образом тот факт, что она теснейшим образом связана с Антиохией, колыбелью апостольского христианства, откуда св. Павел отправился в свое великое паломничество. Представляется весьма вероятным, что потребность в переводе евангельских текстов в антиохийских общинах могла возникнуть довольно рано. Если дело обстояло именно так, возникает вопрос, был ли такой перевод идентичен синайско-кьюртоновскому тексту, полностью отличался от него или, что более всего вероятно, являлся его более ранней версией. Кроме того, древние сирийские Евангелия занимают особое место среди всех известных переводов еще и потому, что они написаны на арамейском диалекте, близкородственном галилейской разновидности того же языка, на которой изъяснялся Христос. Тот факт, что до наших дней дошли только два таких текста, из которых синайский 371

является старейшим и более полным, придает открытому А. Льюис кодексу значение одной из величайших находок рукописей Нового завета.

Детальная характеристика текста «Синайского сирийского» выходит за рамки задач, поставленных нами в этой книге. Но, во всяком случае, текст этот впервые представил новые данные, которыми сразу были поставлены под сомнение как некоторые определенные Весткоттом и Хортом различия между отдельными «семействами» новозаветных текстов, так и сравнительные достоинства этих «семейств». «Синайский сирийский» уже нельзя относить к числу так называемых «западных» текстов, которые прежде рассматривались как наименее достоверные. Многие из его специфических чтений (или вариантов) свидетельствуют как будто о том, что он древнее некоторых унциальных греческих рукописей. Либо мы должны пересмотреть наше представление о «западном семействе», либо все деление на определенные «семейства», принятое Весткоттом — Хортом и их предшественниками, нуждается в изменении. Несомненно, проблема ранних вариантов Нового завета является куда более сложной, чем она казалась в 1880 г.

Во многих частностях «Синайский сирийский» ближе к Синайскому и Ватиканскому кодексам, чем к традиционным «западным» вариантам. Так, например, в стихе 25-м I главы «Евангелия от Матфея» «Синайский сирийский» опускает слово «первенец»³. Еще более важным представляется знаменательное отсутствие последних двенадцати стихов «Евангелия от Марка»; вместо них на той же рукописной странице начинается «Евангелие от Луки». В имевшей большое значение статье, написанной в 1894 г., Рендел Харрис указывал, что синайский палимпсест особенно интересен своими лакунами («не столь уж нелепо будет сказать, что этот текст богат именно тем, что он опускает») [293, 655]. Все опущенные места — это, как правило, те самые куски, о которых критики и раньше говорили, что они скорее всего интерполированы. Фридрих Бласс, немецкий теолог, объявил синайский палимпсест, быть может с несколько преувеличенным энтузиазмом, «почти пробным камнем, на котором можно проверить, что на самом деле принадлежит перу каждого из четырех евангелистов» [311, VI].

Как и «Синайский кодекс», рукопись А. Льюис не избежала скрытых подозрений в ереси. Особенно поразительным

было то место «Евангелия от Матфея» (1, 16), где содержались слова: «Иосиф, с кем обручена была Мария-дева, родил Иисуса, называемого Христом». А. Льюис, по ее собственному признанию, «сначала была просто потрясена» и даже чуть было не пожалела, «что обнаружила столь еретический документ» [309, 102]. За этим открытием последовала затянувшаяся на несколько месяцев острая дискуссия на страницах почтенного научного журнала «Экэдеми». В конце концов большинство, включая А. Льюис, успокоилось, когда было высказано мнение, что слово «родил» предполагает не порождение в физическом смысле, а просто «официальную фиксацию преемственности». Было признано, что еретические истолкования этого места в конце концов сводятся на нет утверждениями, содержащимися в других местах того же палимпсеста, главным образом следующим: «По обручении матери его Марии с Иосифом прежде, нежели сочетались они, оказалось, что она имеет во чреве от Духа Святого».

XVI

Неуловимый «Диатессарон»

...И которого лист не вянет.
Псалом 1

Нередко случается, что один клочок рукописи, невзирая на свои ничтожные размеры, вызывает бурю восторгов. В одной из предыдущих глав мы упоминали «Логии» — изорванную страницу из папирусной книжки, выкопанной Гренфеллом и Хантом в Оксирихе и сразу же после ее обнаружения наэлектризовавшей всех исследователей раннего христианства. Нечто подобное произошло с «Папирусом Нэша», который в течение долгого времени оставался самым древним еврейским манускриптом с текстом Ветхого завета. В один ряд с этими двумя рукописями можно поставить другой фрагмент, по содержанию также относящийся к Священному писанию, но выполненный на пергамене, а не на папирусе. Он представлял собой отрывок из так называемого «Диатессарона», древней «гармонии», или согласованного единого текста, построенного на материале четырех канонических Евангелий.

Перед тем как ему вновь появиться на свет, «Диатессарон» уже в течение почти столетия был предметом яростных споров. Какова была его форма? На каком языке он был первоначально написан? Может ли он служить свидетельством древности и подлинности Евангелий? Одно только было ясно: если существовал некий «Диатессарон», составленный в середине II в. н. э., то все четыре Евангелия должны были получить свою окончательную форму по меньшей мере несколькими десятилетиями ранее. Открыть столь ранний текст стало теперь важнейшей задачей библеистики. До тех пор, пока в 1933 г. не был найден крохотный фрагмент «Диатессарона»,

эти поиски несли на себе налет донкихотства. В период своего наибольшего успеха они были связаны с одним из выдающихся археологических предприятий 1920-х годов. И эти поиски снова приводят нас в области, лежащие за пределами Египта.

В ходе событий, явившихся прямым следствием первой мировой войны, когда союзники оказались вовлеченными в «полицейские акции» против арабов в северных областях Месопотамии и Восточной Сирии, британские войска были размещены в одной пустынной местности в верховьях Евфрата, неподалеку от скопления туземных лагуд, носившего название Салахийя (Салихийя). Капитан Мэрфи, командир пиаев, выбрал для размещения покрытый руинами участок, расположенный на легко обороняемом обрывистом мысе, с трех сторон окруженном рекой и пересохшими руслами — вадди. Как и многие другие местности Плодородного Полумесяца, участок хранил явные следы обитания в прежние времена. Его покрытые песком руины были окружены производящими внушительное впечатление стенами, которые, учитывая естественное расположение участка, указывали на то, что здесь была крепость. Но древнее наименование ее было неизвестно, и по всему было видно, что ее еще не касалась лопата археолога.

Мэрфи приказал своим людям копать в пределах городской стены траншеи и землянки. Именно тогда он наткнулся на большой зал у северо-западной стены. Мощные ветры пустыни уже частично освободили зал от массы песка, под которым он некогда был погребен. Взглянув на стены, он увидел ярко раскрашенные фрески, изображающие диковинное скопище восточных богов и поклонявшихся им людей. Он был удивлен не менее, чем собиратели жевательной смолы в Юкатане, набредшие в глубине тропических джунглей на великолепные расписанные святилища майя. Капитан Мэрфи, исполненный сознания долга, послал рапорт о своем открытии, а также зарисовки британским властям в Багдаде. Как раз в это время американский египтолог Джеймс Г. Брэстед, приехавший на Ближний Восток в научную командировку от Восточного института Чикагского университета, проездом оказался в Багдаде. Гертруда Белл, руководившая тогда археологическими работами в Месопотамии, убедила его исследовать фрески, действуя от имени британского верховного комиссара. Вот таким образом этот древний укрепленный город

и стал известен современному миру. Брэстед вскоре сумел идентифицировать его по надписи на одной из больших фресок. Это был Дура-Европос — название, которое ныне в истории искусства и культуры Ближнего Востока окружено магическим ореолом.

Дура никогда не был чем-либо большим, нежели второстепенным пограничным сторожевым постом, и ему далеко до той славы, которой овеваны названия более древних ассирийских, вавилонских и шумерских поселений, расположенных в долине Тигра и Евфрата (как ни странно, популярная литература по археологии уделяла ему пока мало внимания), хотя во многих отношениях он оказался отнюдь не менее замечателен. И не потому, что он как город мог иметь в древности сколь-нибудь существенное значение, но благодаря его поразительной сохранности и сложным, до сих пор недостаточно изученным проявлениям его культуры. Он представил нам достоверное и пока что не имеющее себе равных свидетельство того, как взаимодействовали на Ближнем Востоке многообразные культурные влияния на протяжении шести сотен лет после завоеваний Александра. Этот город достиг расцвета почти тысячу пятьсот лет спустя после падения Угарита в XII или XIII в. до н. э. Но он свидетельствует о своей космополитической эпохе столь же достоверно, как и тот, более древний сирийский город. Здесь тоже встретились Восток и Запад. Дура, как мы скоро увидим, вполне заслужил свой несколько банальный титул «Помпеи сирийской пустыни».

Он был основан в 300 г. до н. э. на месте более древнего поселения (отсюда его первая часть названия «Дура» — ассирио-вавилонское слово, соответствующее европейскому «город», «бург») македонским чиновником Никанором по поручению Селевка Никатора и был назван Европосом в честь родного города Селевка в Македонии, который был, по-видимому, также родиной некоторых из его первых колонистов. Город, вероятно, создавался как звено в цепи военных укрепленных пунктов вдоль стратегической дороги империи Селевкидов. С этой точки зрения он занимал великолепное положение, находясь примерно на полпути между столицей Селевкидов Антиохией в Сирии и Селевкией-на-Тигре (близ современного Багдада), в месте, где была удобная переправа через Евфрат. При Селевкидах город представлял собой в основном поселение-колонию македонских солдат. После завоевания Дуры во второй половине II в. до н. э. или в начале I в. до н. э. парфяна-

ми, иранскими родичами персов и мидийцев, стало расти значение его как поселения на караванном пути, пограничной крепости и гарнизонного города. С этого времени он становится процветающей перевалочной базой, через которую проходила караванная торговля Пальмиры.

В парфянский период иранцы и в особенности представители ряда семитских народностей смешались путем брачных союзов с укоренившимися здесь греко-македонскими семьями. Хотя в городе по-прежнему говорили по-гречески и сохранялась греческая культура, благодаря двум основным этническим компонентам — семитскому и иранскому — происходило неуклонное сближение с Востоком. В I в. н. э. это был процветающий город, и большинство его самых красивых и больших храмов датируется этим периодом. Когда Дура в 164—165 гг. н. э. был завоеван римлянами (до этого он на короткое время был взят Траяном примерно в 117 г.), золотым дням его пришел конец. Оккупированный римскими колониальными войсками, он служил теперь базой для операций против парфян. Во время солдатского бунта в 244 г. н. э. здесь был убит римский император Гордиан III. Вскоре после этого сасанидский царь Шапур, организатор мощного персидского наступления, взял город в ходе своего марша на Антиохию. Несмотря на контрнаступления римлян и победу Аврелия над Зенобией, царицей Пальмиры, римские солдаты, очевидно, уже больше не занимали Дуру. В период римского владычества было построено мало зданий, если не считать святилищ новых культов, которые здесь, как и повсюду в военных городках на границах Римской империи, плодились как грибы. «Дура был при смерти еще до того, как его прикончили Сасаниды» [323, 31]. Очевидно, город был покинут жителями где-то после середины III в. н. э., поскольку ни одна из тысяч найденных при раскопках монет не датируется позднее чем 256 г. н. э. Все это выяснилось в ходе ряда археологических кампаний, проведенных одна за другой в промежутке между двумя мировыми войнами.

Миссия Брэстеда была недолгой. Собственно говоря, еще по пути в Салахийю он услышал о том, что англичане собираются эвакуировать оттуда свои войска. Так что у него оставался один только день на то, чтобы обследовать развалины и фрески до того, как район будет уступлен арабам. «Это была самая большая по объему работа, когда-либо сделанная археологом за один день», — сказал Джотэм Джонсон,

американский археолог, принимавший участие в раскопках, проводимых под руководством М. И. Ростовцева в Дуре десятью годами позже [299, 374].

Перед выводом британских войск в распоряжение Брэстеда была предоставлена большая команда солдат под начальством сержанта. В анналах археологических полевых работ это был не первый пример того, как помощь военных во многом способствовала успеху раскопок. С их помощью Брестед расчистил и сфотографировал несколько больших фресок, делая заметки обо всем, что он обнаруживал. Но даже столь короткое пребывание в Дуре раскрыло перед Брестедом все значение этого города и имело следствием создание им новаторского исследования «Восточные истоки византийской живописи», которое «явилось изысканнейшей археологической сенсацией» [323, 374].

Вернувшись с бурлящего Ближнего Востока, Брестед выступил с докладом о своем открытии во французской Академии надписей и изящной словесности в Париже. Как раз тогда этот район был намечен к включению во французскую подмандатную территорию в Сирии, и французы решили развернуть в Дуре крупную археологическую кампанию. Экспедицию возглавил бельгиец Франц Кюмон, член Академии, известный своими работами по манихейству и другим тайным культам древности. В помощь Кюмону был придан отряд французского иностранного легиона. За два сезона он сделал замечательные находки, среди которых наиболее сенсационными были, пожалуй, тексты на пергамене. Хотя прочтение их само по себе дало некоторые интересные данные — это были главным образом деловые записи на арамейском, сирийском, пахлави (пехлеви) и греческом языках, — сама находка документов вызвала переполох в ученом мире по двум веским причинам. Во-первых, давно уже стало фактически догмой, что если не брать в расчет Геркуланума с его герметической изоляцией, то нет больше места за пределами Египта, где могли бы сохраниться древние тексты, написанные на непрочных материалах. Отдельные находки, как, например, куски веллума (вид тонкого пергамена), открытые в Авромане (Курдистан) в 1909 г., обычно не принимались во внимание. Во-вторых, как только было установлено, что один из клочков веллума, найденный в Дуре, был покрыт письменами в самом начале II в. до н. э., традиционная версия о том, что первым ввел в употребление пергамен царь Пергама Эвмен II, боров-

шийся с египетским эмбарго на папирус, утратила всякую достоверность как по хронологическим, так и по географическим соображениям. Впрочем, на протяжении некоторого времени мало что из находок привлекало такое же внимание, как живописные изображения пальмирских богов на стенах храма, которым Дура и обязан своим случайным открытием. К сожалению, вскоре после отъезда Брестеда роспись возбудила ярость кочевников-арабов, которые, следуя заповеди Корана, безжалостно изуродовали или разрушили лица.

Экономический кризис 20-х годов сделал невозможным ни для французской Академии, ни для сирийского правительства субсидировать какие-либо дальнейшие работы, и Кюмон после двух сезонов был вынужден прекратить раскопки. Когда об этом узнал Ростовцев, он обратился к своим французским коллегам и получил их согласие на то, чтобы привлечь американские фонды с целью возобновления раскопок в Дура. С этого момента Йельский университет, дружески сотрудничая с французской Академией надписей, стал основным организатором десяти последовательных ежегодных экспедиций (1928—1937). Общее руководство было теперь в руках М. И. Ростовцева, которому умело помогали многие французские и американские археологи, особенно профессор К. Хопкинс из Йеля.

То, что наметилось уже при первых раскопках Кюмона, было теперь полностью подтверждено в ходе крупных франко-американских работ. Сокровищница найденных здесь предметов ремесла и искусства сочетала в многообразии своих черт элементы македонской, греческой, арабской, парфянской, пальмирской, римской и даже индийской и анатолийской культур. В Дура составилось то сочетание различных творческих сил, которое преобразило Ближний Восток после прихода Александра и подготовило расцвет нового мира — возрожденной сасанидской Персии, Византии и ислама, в свою очередь внесших свой вклад в культуру европейского средневековья и Возрождения. Нужен был именно такой археолог, как М. И. Ростовцев с его тонким историческим чутьем, чтобы выявить степень значимости и оттенки всех этих многообразных течений в искусстве, архитектуре и религии Дуры. Здесь, указывал М. И. Ростовцев, ученые могли впервые осознать роль Месопотамии как места встречи трех великих цивилизаций, о которых археология до тех пор почти ничего не могла сказать: греко-иранской цивилизации парфян, греко-

семитской — Вавилонии, Сирии и Финикии и греко-анатолийской — Малой Азии [323, 9].

В начале своей карьеры М. И. Ростовцев увлекся Помпеями (он посвятил им свою студенческую дипломную работу), и этот интерес никогда не угасал на протяжении всей его долгой жизни. Как и в случае с Помпеями, археологическая ценность Дуры намного превосходит его политическое или культурное значение в древности. В обоих городах руины и различные предметы, найденные в них, отлично сохранились.

СУХАΡΙΣΤΩ ΤΗ
ΤΥΧΗ ΔΟΥΡΑ

«Я зываю (или: «обращаюсь с благодарностью») к Фортуне города Дуры». Эта первая надпись, обнаруженная экспедицией Йельского университета на главных воротах Дуры, явилась добрым предзнаменованием для группы американских и французских ученых, возглавлявшихся М. И. Ростовцевым

«Этот город, насколько он до сих пор раскопан, лежит перед нами почти полностью невредимым» [323, 3]. И к тому же Дура был настоящим музеем настенной живописи, благодаря которому ученые могли проследить эволюцию древнего искусства фресковой живописи и развитие его на Ближнем Востоке. Как и в Помпеях (и Геркулануме), сумма полезной информации здесь резко возрастает за счет многочисленных надписей, вездесущих граффити и дипинти (грубые надписи и рисунки, нацарапанные на стенах), которые проливают так много света на жизнь и мировоззрение человека.

После почти десяти лет раскопок американские ученые были озадачены полным отсутствием в Дура христианских и иудаистских мест поклонения. Это казалось еще более удивительным, если принять во внимание популярность всякого рода религиозных культов в римскую эпоху, распространенность в этот период христианства, рвение, с каким евреи в Сирии и Месопотамии насаждали свою веру, и терпимость, с которой к ним относились. Было выдвинуто несколько сложных

объяснений. Но затем ход дальнейших раскопок показал, насколько ложное мнение могут создать аргументы *ex silentio* (от умолчания). Во время кампании 1931—1932 гг. было обнаружено относящееся к III в. помещение для собраний христианской общины с купелью, которая теперь перевезена в Йельскую галерею изящных искусств. Это помещение считается древнейшей из существующих церквей; по нему ясно видно, что оно развилось из домашнего святилища в резиденции богатого частного лица.

В следующий сезон были сделаны еще более поразительные открытия. В их числе была синагога, перестроенная в 245 г. н. э. на пожертвования богатых членов еврейской общины. Эта находка принесла Дуре, пожалуй, больше славы, чем любая из сделанных ранее. Помещение было украшено серией великолепных фресок, иллюстрирующих эпизоды из Ветхого завета и Талмуда. Не считая мозаик в Палестине и некоторых еврейских украшений на стенах катакомб Рима и в Александрии, эти фрески были, по существу, единственными выдающимися образцами еврейских произведений искусства и древностей того периода. Более того, они находятся в явном противоречии с известным запретом (Исход, 20, 4) создавать кумиры и изображения. Очевидно, в эллинистическое и римское время этот иконоборческий тезис получил более либеральную трактовку. Однако спрос на подобную живопись возник никак не ранее III в. н. э.

По меньшей мере столь же замечательной, как и синагога, была другая находка, сделанная в 1933 г. Мы уже упоминали о том, что в Дуре, как и в Египте и Геркулануме, сохранились древние письменные документы. Кюмон обнаружил большое количество текстов, нарушив почти полную монополию Египта на эти драгоценнейшие из археологических объектов. Он нашел закладные, контракты, акты и другие документы. На любопытном кожаном щите (так называемый скутум) описаны по-гречески странствия его владельца. Ростовцев питал большие надежды на то, что может быть открыто еще много рукописей, возможно литературного содержания. И он не был разочарован. Ростовцев и его помощники были удивлены тем фактом, что большинство найденных до сих пор документов было обнаружено в одном секторе у западной стены города. Вскоре они откопали первый папирус на одном из участков, уже исследованных Джотэмом Джонсоном, а Кларк Хопкинс, возглавлявший в этом году полевые работы, по счастью рас-

копал помещение, которое оказалось как будто бы канцелярией римского префекта.

А затем, в марте 1933 г., Хопкинс, производя раскопки у крепостного вала к северу от пальмирских ворот, недалеко от еврейской синагоги и христианской церкви, поднялся наверх с фрагментом греческого пергаменного свитка, который «один уже обеспечивал Дуре археологическое бессмертие» [299, 374]. Как оказалось, это был отрывок из Нового завета III в., выполненный четким некурсивным письмом, «не без некоторого изящества и энергии» [307, 4], и содержащий только пятнадцать строк, четырнадцать из которых можно было свободно прочесть. Основываясь на его состоянии и месте обнаружения, группа исследователей из Йеля смогла реконструировать судьбу этого обрывка: «Его скомкали в руке и выбросили, как клочок ненужной бумаги. Но он сразу упал или был занесен впоследствии в большую насыпь из земли, золы и мусора, которую римский гарнизон соорудил вдоль внутренней стороны западной стены города в ходе подготовки к осаде. Здесь он был огражден от воздействия стихий разными материалами, насыпанными сверху и вокруг него, слоем сырового кирпича, которым была покрыта насыпь, и песком пустыни, в конце концов засыпавшим весь город» [307, 3]. Солдаты Рима в ожидании нападения персов возвели эту громадную насыпь для того, чтобы укрепить западную стену на той единственной стороне города, которая не была достаточно защищена самой природой. Насыпь была сооружена в 254 г. н. э. или позже, но не позднее 257 г. Таким образом, мы располагаем по крайней мере одной достоверной датой, вернее, тем, что логики назвали бы *terminus ad quem* («верхний предел», т. е. предел, позже которого данный документ никак не мог быть написан). Как то было и со стенами Фемистокла в Афинах, построенное в спешке фортификационное укрепление, для возведения которого без разбору использовались любые подручные материалы, оказалось находкой для археологов.

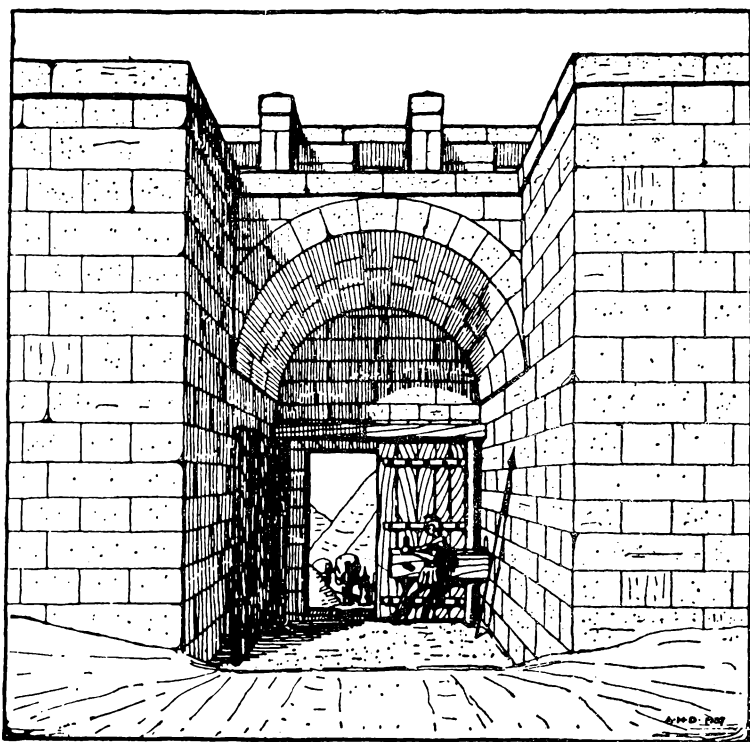
Что касается происхождения собственно текста на пергамене, то изобретательные йельские ученые отважились сделать весьма вероятное предположение: что он мог происходить из христианского святилища, раскопанного ими в прошлом году. «Вполне вероятно, — писал Карл Х. Крелинг, идентифицировавший текст, — что свиток, которому принадлежал наш фрагмент, использовался при богослужениях в святили-

ще. Вероятность этого подкреплялась тем фактом, что участок, на котором был обнаружен фрагмент, находится на расстоянии только двух городских кварталов к северу от церкви, разрушенной, чтобы сделать возможным возведение насыпи, в которой и был обнаружен пергамен. Поэтому дата построения церкви (как было доказано, она, по-видимому, построена между 225 и 235 гг. н. э. — Л. Д.) может быть принята в качестве приблизительной даты написания нашего фрагмента, который, вероятно, был частью свитка, заказанного основателем церкви. Если это так, то копия была сделана примерно в 222 г., и, хотя, разумеется, мы не располагаем никакими данными, указывающими на то, где мог находиться ее архетип, очень соблазнительно предположить, что этим местом была Эдесса (ведущий христианский центр того времени в Северной Месопотамии. — Л. Д.)» [307, 6—7].

На основе первого впечатления было решено, что пергамен из Дуры относится к концу главы 15 «Евангелия от Марка», стихам 40—43, включающим и знаменитый эпизод, в котором Иосиф Аримафейский ходатайствует о выдаче тела Христа. Дальнейшее изучение показало, что этот краткий отрывок содержит материал, взятый из всех четырех Евангелий. Другими словами, речь идет о том, что ученые, изучающие Новый завет, называют «гармонией»; это сводное повествование, по кускам составленное из всех канонических описаний жизни Христа. Предложенная Крелингом идентификация данного фрагмента с Татиановым «Диатессароном» была, каким бы неожиданным и удивительным ни казался этот факт, безоговорочно принята учеными всего мира. Хотя пергамен и был до обидного кратким, его появление оказалось эпохальным событием в изучении Нового завета — совершенно несоразмерно его малой величине и неказистому виду.

Но все это скорее лишь последняя глава (если только в будущем не будет добавлено новых), а вовсе не полная история загадочного и неуловимого произведения христианской литературы, которому отводится столь значительная роль во всех исследованиях ранней истории Нового завета.

«Диатессарон» представлял собой сводное жизнеописание Христа, составленное Татианом, творившим во II в., апологетом, ассирийцем по происхождению, долгое время жившим в Риме, где он был учеником Юстина¹. Вследствие обвинений в ереси он был вынужден уехать из Рима и вернулся на свой родной Восток, где позже склонился к гностицизму. Вероят-

Реконструкция боковых ворот эллинистического Дура-Европос

но, Татиан написал «Диатессарон» по-гречески во время своего пребывания в Риме, а затем сам же перевел его на сирийский. Во всяком случае, «Диатессарон», явившийся на свет где-то в 150—170 гг. н. э., был впоследствии принят как более или менее официальная версия Евангелий сироязычными церквями и скорее всего вытеснил все соперничающие тексты. Затем, в V в., он был осужден церковью, сурово преследовался и уничтожался и был заменен «Пешиттой». То, что «Диатессарон» был широко принят, видно из экзегетических писаний сирийских теологов, которые предпочитали основывать свои комментарии на версии Татиана, а не на четырех «отдельных» Евангелиях.

Название книги греческое и означает «На четыре» или «По четырем»; это музыкальный термин, подчеркивающий природу данного произведения как «гармонии», т. е. связанного повествования, составленного из наиболее существенных мест в текстах четырех евангелистов своего рода «методом клея и ножниц». Евсевий в IV в. назвал эту книгу «какой-то лоскутной мешаниной из Евангелий» [303, 222].

То, что первые три Евангелия — от Матфея, от Марка и от Луки — являются синоптическими, т. е. обнаруживают значительное сходство и совпадение в содержании, композиции и словесном оформлении, достаточно хорошо известно. Наличие между текстами Евангелий столь близкого сходства и псевдодублирования (даже тройных повторений) объясняется, по-видимому, тем фактом, что трое состоят в определенной генетической связи друг с другом (Марк считается старейшим из них), а также тем, что в ранней церкви эти евангельские писания наравне с другими, впоследствии утраченными или объявленными неканоническими, циркулировали отдельно друг от друга². Кроме того, последующие списки каждого из Евангелий, включая «Евангелие от Марка», заимствовали друг у друга, тем самым уже склоняясь к известной степени «гармонизации». Все это указывает на вероятность того, что ранние поколения христиан мало заботились о буквальной точности евангельских текстов. И в более позднюю эпоху Иероним имел основания жаловаться на то, что текстов было столько же, сколько и списков. Следует также иметь в виду, что отдельные Евангелия существовали еще до того, как появился Новый завет. Христиане в то время знали только одну Библию — Ветхий завет. Бедные общины, как правило, могли позволить себе иметь лишь одно из Евангелий и, быть может, несколько «Посланий» Павла. Но когда христианские центры окрепли и стали достаточно богатыми, чтобы приобрести несколько священных текстов, они постепенно стали склоняться к тому, чтобы объединять их в одном томе. В свете этого «Диатессарон» может рассматриваться как сознательная попытка во всей полноте реализовать уже действующие тенденции путем, во-первых, более последовательной «гармонизации» четырех Евангелий и, во-вторых, путем сведения их в одной книге. Параллельная линия развития, впрочем, в течение некоторого времени, вероятно, пользовавшаяся меньшим успехом, представлена двумя сирийскими Евангелиями — Кьюртоновским и Синайским, каждое из

которых определяет собственное содержание как «Раздельные Евангелия», тем самым подчеркивая их отличие от синтетического «Диатессарона».

Открытие этих двух Евангелий, и особенно синайского палимпсеста, поставило вопрос об их связи с «Диатессароном», бывшим долгое время самой популярной версией Евангелий в Сирии. Вообще говоря, исследователи Нового завета давно уже расценивали «Диатессарон» как важнейший источник информации, поскольку он явно был современником евангельских отрывков, которые цитировали такие отцы церкви II в., как Юстин Мученик и Ириней. Нет нужды говорить, что сведение воедино евангельских текстов само по себе предполагает, что эти тексты уже являлись вполне доступными источниками. Короче говоря, этим устанавливается приоритет их написания. Это рассуждение приобретает особую значимость в отношении «Евангелия от Иоанна», чье апостольское происхождение скептически настроенная часть ученых XIX в. неоднократно пыталась оспорить. Кроме того, «гармония», составленная исключительно на базе четырех Евангелий, служит подтверждением тезиса о том, что к 170 г. н. э. эти четыре текста уже рассматривались как единственно канонические и составляющие нераздельное целое.

По всем этим причинам давно утраченный «Диатессарон» стал одним из самых вожаделенных документов библеистики, чем-то вроде царства пресвитера Иоанна в мире христианских рукописей³. Даже в 1925 г. Александр Сутер, выдающийся английский специалист в области Нового завета, еще писал: «Можно с уверенностью сказать, что греческий оригинал книги Татиана явился бы самым желанным приобретением для текстологической критики Евангелий среди любых других не открытых еще текстов; сирийский текст в его первоначальной форме был бы куда менее ценен» [295, 78].

Тем не менее время от времени предпринимались попытки заочно дискредитировать «Диатессарон» или представить его просто как некий призрак. Так, некоторые авторы давали понять, что, по их мнению, целенаправленные поиски его неминуемо обречены на неудачу. Традиционалисты, с другой стороны, продолжали взывать к «гармонии» Татиана как к доказательству того, что четыре Евангелия были известны в более ранний период, чем это допускалось Тюбингенской школой⁴, и уже тогда считались «признанными и авторитетными свидетельствами о жизни Христа» [303, 222]. В противовес этому

радикалы, очарованные Христианом Бауром, главой Тюбингенской школы критики, на которую напал Тишендорф, считали, что у них есть неотразимый довод. Так, анонимный автор когда-то очень популярной брошюры «Сверхъестественная религия» зашел столь далеко, что категорически заявил в 1876 г., что «гармонии» Евангелий, написанной Татианом, никогда не существовало. Он подчеркивал неопределенность свидетельства Евсевия и утверждал, что любая ссылка на «Диатессарон» в древней христианской литературе на самом деле относилась к «Евангелию евреев», которое само восходит к «Евангелию Петра». Это, однако, ни в коей мере не привело к прекращению ни поисков «Диатессарона», ни споров. Но ни одной из сторон никак не удавалось сказать последнее слово. И в то время как полемика все продолжалась и продолжалась, в таинственную историю этой книги была вписана новая глава, являющаяся, как выразился Фредерик Дж. Кеньон (которому мы в основном и следуем в данном описании), «одним из романтических эпизодов в истории текстологии» [303, 221].

Таинственность во многом основывалась на том парадоксальном факте, что, будучи фактически никому не известной, «гармония» Татиана в некотором смысле никогда и не исчезала. Это любопытный феномен, время от времени вновь повторяющийся в истории идей. Можно вспомнить об «утерянном» «Оправдании Аристиды», открытом в сирийском варианте Дж. Ренделом Харрисом в 1889 г. в монастыре св. Екатерины. После опубликования Армитидж Робинсон узнал в нем вполне доступный все это время текст в виде неидентифицированной вставки в текст средневекового романа «Варлаам и Иоасаф»⁵.

В 1836 г. монахи армянского монастыря, находящегося в Венеции, опубликовали на своем языке комментарий с пространными цитатами из «Диатессарона» св. Ефрема, сирийского автора IV в. Некоторые его сочинения были прежде обнаружены на палимпсесте, прочитанном Тишендорфом в Париже. Если требовалось какое-либо доказательство существования утерянного произведения, оно было налицо. Но теологи XIX в. явно не интересовались литературой на армянском языке; армяне же как будто и понятия не имели обо всех дебатах по этой проблеме. То, что последовало за этим, является совсем уже поразительным примером отсутствия взаимных контактов между учеными. Версия сочинения Ефрема, отредактиро-

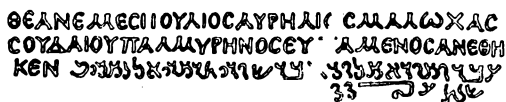
ванная неким австрийским ученым, была в 1875 г. издана под эгидой армян. Это также осталось незамеченным, пока в 1880 г. американец Эзра Аббот не привлек внимания своих западных коллег к этому изданию.

Только тогда новость распространилась повсюду, и сразу начало всплывать громадное количество разрозненных фактов. Открытие следовало за открытием в быстрой последовательности. К 1888 г. в распоряжении ученых оказалось два арабских перевода XI в. Один из них мирно лежал все это время в Ватиканской библиотеке и был даже указан в каталоге. Когда этот перевод был показан посетившему Рим высокопоставленному деятелю коптской церкви, тот вспомнил, что видел другую арабскую рукопись того же содержания в Египте. Был учтен в дополнение к этому и тот факт, что Виктор, епископ Капуанский, в VI в. сообщал об открытии евангельской «гармонии» на латыни, которую он идентифицировал с упоминаемой у Евсевия компиляцией Татиана. Копия его собственной переработки этого текста, основанной на «Вульгате», хранится и по сей день в немецком монастыре в Фульде. Со временем были обнаружены английская, немецкая, французская (а позднее, в 1951 г., даже персидская) «гармонии», которые, как говорят, все можно возвести к Татиану. (Это направление исследований достигло своей высшей точки в 1958 г., когда было объявлено, что найдены две трети сирийского оригинала написанного св. Ефремом комментария к Татианову «Диатессарону». Текст был приобретен по коммерческим каналам одним из самых выдающихся коллекционеров нашего времени — сэром Честером Битти [315, 16]).

Эти находки раз и навсегда устранили какие бы то ни было сомнения в том, что Татиан действительно составил «гармонию» и что она пользовалась популярностью в древности, но ее оригинальная версия пока что не давалась в руки ученым. Арабская и другие версии вряд ли могли служить полноценной заменой, поскольку их тексты были приспособлены к поздним «официальным» переводам Нового завета, «Пешитте» и «Вульгате». Большинство жгучих проблем текстологии, возникших в связи с сирийскими Евангелиями, пока оставались неразрешенными.

Перелом наступил, как мы видели, с появлением фрагмента из Дуры. По общему признанию, данные, предоставляемые самим этим фрагментом, были прискорбно скудны. Но все же он подарил ученым бесценные откровения и надежды

на будущее. Прежде всего отрывок свидетельствовал о том, что «Диатессарон» был признан и широко распространен в раннехристианской Сирии. Что касается проблем текстологии, то даже столь небольшой фрагмент свидетельствовал об одновременном следовании «Диатессарона» всем четырем Евангелиям, хотя он и был слишком мал для того, чтобы можно было судить о близости «Диатессарона» «западному семейству» или о его предполагаемом влиянии на древние сирийские

Двуязычная надпись из Дуры, в которой сплетаются семитские и эллинистические элементы

Евангелия. Один из ключевых вопросов библейской текстологии, а именно: могут ли «западные» черты в древних сирийских и других ближневосточных текстах быть объяснены непосредственно «пересадкой» их Татианом на местную почву из Рима — ныне столь же далек от решения, как и прежде.

Тот факт, что языком фрагмента был греческий, сначала был воспринят как неопровержимое подтверждение традиционной теории о том, что Татиан написал свою «гармонию» первоначально по-гречески. Об этом же как будто говорили и греческое название сочинения, и долгое пребывание Татиана в Риме, и предполагаемые «западные» характеристики текста. Но даже этот аргумент вкупе с данными, полученными из Дуры, не является до конца убедительным. В Дуре была большая грекоязычная община, которая, возможно, просто не могла пользоваться сирийской версией.

В общем, открытие в Дуре следует расценить как драматическое звено в долгой цепи исследований, посвященных загадочному «Диатессарону». Когда Йельская экспедиция вынуждена была прекратить работы в 1937 г. по знакомой причине «недостатка средств», Дюра был раскопан только на одну пятую. Поэтому еще велика вероятность того, что это место может принести новые ключи к загадкам прошлого. «Дюра, — сказал в 1938 г. М. И. Ростовцев, — все еще переживает свою весну и обещает столь же много, как и прежде» [323, 1].

Открытие «утерянного» «Диатессарона» является единственным в своем роде не только потому, что поиск велся сразу несколькими путями, включая и полевую, «земляную» археологию, но и потому, что в истории охоты за рукописями оно представляет парадоксальную ситуацию, когда объект, по мнению многих не существовавший вовсе, фактически никогда и не исчезал. Можно сказать, что эпизод с «Диатессароном», пожалуй, более наглядно, чем другие сходные случаи, показывает, насколько относительноны такие термины, как «утерянный» или «открытый». Как и во многих сферах человеческой деятельности, в охоте за рукописями также бывают моменты, когда процесс поисков приносит большее удовлетворение, чем достижение цели.

XVII

Новые данные о Новом завете

Доктрина школы Баура, которая усматривала в ранних книгах христианства сплошное сплетение фальсификаций, относящееся ко II в., — эта доктрина была подорвана... Недавние открытия только подтвердили этот вывод.

Фредерик Дж. Кенъон [303, 155]

Изобилие рукописей Нового завета само по себе казалось некоторым ученым-библеистам одним из чудес христианства. Как бы то ни было, и по древности и по богатству традиция новозаветных христианских текстов много выигрывает при сравнении с произведениями классических авторов, многие из которых дошли до нас в одном-единственном списке или в рукописях, отдаленных от времени создания текста более чем на тысячу лет. И число христианских текстов постоянно растет. Если Эразм располагал не более чем восемью греческими кодексами, на которых основал свое издание, а Стефан (Робер Этъен), напечатавший улучшенный греческий вариант «Истинного текста» в 1550 г., пользовался четырнадцатью, то сегодня мы имеем около трех тысяч греческих пергаменов и папирусов различной длины и ценности, не говоря об изобилии переводных «версий» на других языках. Все эти тексты, включающие в себя множество вариантов, так же как и большое число ошибок, восстают против всякого редакторского диктата и произвола. Они вызывают к анализу, сравнению и дальнейшему исследованию.

Основным стимулом погони за наиболее ранними библейскими рукописями всегда было стремление вернуть апостоль-

скому слову его первозданную чистоту. В отношении большинства рукописей, воскрешенных в ходе столетней (или около того) истории новозаветных исследований, сомнительно, чтобы они вообще были бы найдены или стали бы достоянием гласности, не будь ученые движимы этим побуждением. Но в длинном ряду новозаветных рукописных откры-

ዕተ፡ ተርባን፡ ለእግዚ
 አ፡ብሔር፤ . . .
 ወንሣእ፡ በግዑ፡ ክልኤ፡
 ወያነብሩ፡ አር፤ ወደቲ
 ቱ፡ እጸጋሆ፡ ለዕለ፡ ር
 እሱ፤ ወሕርጾ፡ ወንሣእ፡
 እጾጸ፡ ወእንብር፡
 ብተ፡ ክተግ፡ እነኩሉ
 አር፤ እንተ፡ የግን፡ ወ
 ውስተ፡ ክተግ፡ አጽሎ

የዕለብዓለም፡ ሰዓት፡ ሆነ
 ለእግዚአብሔር፡
 ለዕለብዓለም፡ ሰዓት፡ ሆነ
 ለእግዚአብሔር፡
 ለዕለብዓለም፡ ሰዓት፡ ሆነ
 ለእግዚአብሔር፡
 ለዕለብዓለም፡ ሰዓት፡ ሆነ
 ለእግዚአብሔር፡
 ለዕለብዓለም፡ ሰዓት፡ ሆነ

Отрывки из эфиопской («Исход», 29) и армянской («Евангелие от Марка», 4) рукописных «версий» Библии

тий есть одно, которое нельзя считать плодом столь же целенаправленных усилий, хотя оно теперь и связано с именем одного из крупнейших палеографов эпохи.

19 ноября 1931 г. заслуженно может считаться особо памятным днем в эпопее новейших рукописных открытий. В этот день лондонская «Таймс» поместила компактно набранное сообщение, занявшее более двух колонок. В вводном абзаце, содержавшем обзор открытий библиистики, начиная с прибытия в Британский музей Кьюртоновской рукописи в 1842 г. и первого успеха Тишендорфа в 1844-м, автор в заключение писал: «В 1897 г. господа Гренфелл и Хант нашли в Оксиринах фрагмент папируса с „Речениями Иисуса“, к которому в 1904 г. был добавлен второй фрагмент. В 1906 г. г-н К. Л. Фрир приобрел в Египте замечательную группу рукописей на веллуме, самой ценной из которых является относящийся к V в. список Евангелий, известный сейчас как „рукопись W“ (величайшее библейское сокровище Соединенных Штатов, она была передана в Институт Смитсона.— Л. Д.) и содержащий апокрифическое дополнение к последней главе „Евангелия от Марка“. И сейчас, через двадцать пять лет, я имею честь сделать достоянием гласности открытия библейских рукописей, которые по ценности могут по-

спорить с любой из вышеназванных и превосходят каждую из них по своей древности» [306, 13]. Статья была подписана Фредериком Кеньоном. находка представляла собой замечательно полное собрание папирусов с текстами из Ветхого и Нового заветов и некоторыми апокрифами; отдельные части собрания датировались II в.

Фредерик Джордж Кеньон был к этому времени патриархом английской текстологической критики и папирологии. В обзоре основных достижений в этой области за более чем полвека мы встречаем его имя на каждом шагу. Кеньон справедливо может быть назван одним из основателей папирологии как самостоятельной дисциплины. Он же в серии исключительно ценных как полупопулярных, так и научных работ наметил в основном и контуры текстологической критики, особенно для Нового завета. Хотя большую часть своей энергии Кеньон отдавал синтезу сложных и постоянно углубляющихся направлений исследования, собственный его вклад был все же столь велик, что побуждал его к существенным переработкам им же ранее созданных учебных руководств. Благодаря более чем сорокалетней связи с Британским музеем (директором которого он являлся с 1909 по 1930 г.) он имел непосредственный доступ ко всем важнейшим рукописным находкам своего времени. Хотя Кеньон никогда не участвовал в полевых экспедициях и сам не извлек на свет божий ни в буквальном, ни в фигуральном смысле ни одного утерянного текста, все же его роль в воскрешении рукописей ставит его в число главных героев этой книги. Как сотрудник и впоследствии директор Британского музея, как член руководства Фонда исследования Египта, член Британской Академии и других обществ и институтов, он был компетентным свидетелем и выдающимся вдохновителем важнейших литературных открытий на протяжении примерно полувека. Кроме того, он помогал идентифицировать находки и восстанавливать их роль в истории человечества. Когда Кеньон на пороге своего семидесятилетия ушел из Британского музея в отставку, он со всей энергией вернулся к своим исследованиям ранних лет, в частности к текстологической критике Библии. Его критическое дарование и работоспособность ничуть не ослабли. И, ведя активную борьбу за приобретение для Британского музея «Синайского кодекса», он одновременно занимался собственными исследованиями библейских рукописей.

Папирусные кодексы, об открытии которых Кенъон впервые оповестил мир своей статьей в «Таймс», были, так же как и пергамены Фрира, получены посредниками из оставшихся неизвестными египетских источников. Бóльшая часть рукописей была только что куплена жившим тогда в Лондоне Альфредом Честером Битти, американским горнопромышленником, нажившим миллионы на медных рудниках различных континентов. В 1933 г. он стал британским подданным и позже был возведен в рыцарское достоинство¹. В английском справочнике «Кто есть кто» за 1961 г. говорится, что он «много лет занимался коллекционированием восточных рукописей, специализируясь в особенности на рукописях, отличающихся художественными достоинствами с точки зрения каллиграфии и миниатюр». Библейские папирусы Честера Битти едва ли могут быть отнесены к этой категории, и «Кто есть кто» о них не упоминает. Тем не менее уху всякого библеиста звучание слов «Честер Битти» едва ли не столь же знакомо, как и слов «Вульгата», «Синайский кодекс» или «свитки Мертвого моря». Кодексы в настоящее время помещены в специально построенной библиотеке в Дублине, в котором коллекционер, дважды эмигрант, поселился с 1953 г. [294, 253].

Перед тем как новость о приобретении Битти стала достоянием публики, Кенъон, который только что ушел с должности директора музея, получил предложение ознакомиться с партией папирусов, о которой пока не было широко известно. Он идентифицировал их и произвел предварительное исследование. Выбор его в качестве редактора был вполне естествен, и ему позволили свободно распоряжаться изданием папирусов в любой форме, которая была бы наиболее полезной для ученых. Папирусы представляли собой значительные доли одиннадцати кодексов (иногда ошибочно называют двенадцать), бóльшая часть которых стала собственностью Честера Битти. Меньшие, но значительные по содержанию части попали в Мичиганский университет, Принстон, Вену и к нескольким частным коллекционерам. Поскольку рукописи были и первоначально обнаружены, и сбыты с рухлячническим и, очевидно, незаконным способом, нельзя поручиться за то, что некоторые части не были удержаны посредниками или не перекочевали к лицам, пока остающимся неизвестными. К счастью, основную массу рукописей приобрел Битти. Позже он добавил к этому еще и новые листы «Посла-

ний» апостола Павла. Благодаря великодушному содействию Мичиганского университета Кеньон смог включить в свое издание также и принадлежавшие ему папирусы.

Действительное происхождение папирусов так и не было установлено: местные жители хорошо хранили свои секреты. Некоторое время ходили слухи, что папирусы происходят из Файюма, а затем Карл Шмидт, немецкий папиролог, заявил, что, как он слышал, источник находился на другом берегу Нила, недалеко от развалин древнего Афродитополя [305, 112]. Никаких подтверждений, однако, не последовало. Говорилось также, что различные манускрипты были найдены в кувшинах на коптском кладбище — в свете предшествовавших открытий версия вполне правдоподобная. Общепринятым является предположение, подтверждаемое состоянием и характером одиннадцати кодексов, что они когда-то, не позднее чем в IV или начале V столетия, входили в состав библиотеки какой-то церкви или монастыря. Рукописи могли быть спрятаны, когда община распалась, или, согласно другой гипотезе, могли быть преданы земле вместе с последним знавшим греческий язык членом общины.

Разрушительное действие времени, а также алчность и небрежность «спасителей» нанесли рукописям большой урон. Ни один из кодексов не сохранился целиком. За исключением «Посланий» Павла, во всех них есть огромные пробелы. Тем не менее, учитывая их возраст, обращение, которому они подвергались, и непрочность папируса, довольно много листов сохранилось сравнительно неплохо. (Между прочим, физическое качество материала, на котором были написаны тексты, точно так же как сама манера письма, разнится весьма значительно.) Кодексы включали в себя части девяти книг Ветхого завета и пятнадцати Нового завета. Кроме того, здесь были значительные по размерам части апокалиптической «Книги Еноха» и первая часть утерянной гомилии (проповеди) епископа Мелитона из Сард «О страстях господних». Части, относящиеся к Новому завету, составляли три кодекса. Матфей и Иоанн были представлены слабо, но Марку и Луке повезло больше. Из «Деяний апостолов», входивших в тот же кодекс, что и Евангелия, сохранилось около половины. От «Откровения святого Иоанна», представленного отдельным кодексом, что весьма любопытно и свидетельствует об обособленном положении данного апокалиптического сочинения, осталось около трети (десять из тридцати

двух листов). К другому отдельному тому, «Посланиям» Павла, судьба была довольно милостива: из ста четырех сохранилось восемьдесят шесть несколько потрепанных листов (тридцать из них принадлежат Мичиганскому университету). Хотя ни одна из книг Нового или Ветхого завета в этой партии папирусов, приобретенных Честером Битти, не была полной, здесь имелось много связных, цельных отрывков, в их числе особенно интересны «Пятикнижие» и «Книги пророков» из греческой «Септуагинты», а также части практически всего Нового завета. Эти рукописи предоставили обширный материал для исследования текстуальных проблем и в конечном счете пролили новый свет на истоки Нового завета.

К счастью, некоторые рукописи были в сравнительно неплохом состоянии, и они дошли до нас компактной массой. Кроме того, их возраст охватывал промежуток от II до IV в. н. э. Благодаря этому древность источников для изучения греческой Библии была углублена по меньшей мере на столетие. Объемистый кодекс «Посланий» Павла был написан, по всей видимости, всего лишь лет через сто сорок после смерти апостола. Сто лет, может быть, и немного на фоне тысячелетней нудео-христианской традиции или эпохи существования ближневосточных цивилизаций, но для истории текста Нового завета, исследователи которой долгое время могли только мечтать о том, чтобы найти связующее звено хотя бы с IV в., это открытие знаменовало громаднейший скачок.

Здесь не место углубляться в сугубо специальные вопросы текстологической критики и связанную с ними проблему «семейств» древних текстов, для решения которой новозаветные папирусы Честера Битти предоставили совершенно неожиданные данные. Кое-что из этого станет понятным, если вспомнить погоню Тишендорфа за «лучшим» Новым заветом и нашу беглую оценку значения сирийского палимпсеста. Достаточно сказать, что цель критики — «реконструкция». Она стремится приблизиться к предполагаемым оригинальным текстам, так называемым автографам. Если бы у нас были оригиналы, текстологическая критика, конечно же, оказалась бы ненужной. Однако древние произведения неизменно доходят до нас в большом числе вариантов. Проходя через сменяющие друг друга поколения копий (или копий, снятых с копий), в тексте укореняются всякого рода ошибки. О таком тексте говорят, что он подвергся «порче». И вот, для

того чтобы установить правильное чтение, ученые работают не с одним, взятым наугад текстом, а учитывают все доступные материалы, соотносят их друг с другом и взвешивают их сравнительную достоверность. Старейшие из числа рукописей — чем ближе по времени к оригиналу, тем лучше — более всего необходимы для такого рода работы. На последующей стадии критического анализа ученые рассортируют различающиеся типы рукописей на отдельные группы, или «семейства», в соответствии с их близостью друг к другу и линиями генетической преемственности. Происхождение этих «семейств» часто может быть отнесено к определенным местностям или районам. Как бы оправдывая свое название, некоторые «семейства» обнаружат более благородное и достойное доверия происхождение, чем другие, а потому будут требовать к себе и особого внимания. По сути дела, операции, предельваемые учеными, когда они восстанавливают какой-либо текст на базе различных «семейств» рукописей, могут быть уподоблены методу современных генетиков, которые путем научного «обратного скрещивания» на основе отобранных пород воспроизводят некий вымерший биологический тип.

Папирусы Честера Битти внесли особо значительный вклад именно в проблему текстовых «семейств». Первыми в XIX в. выделили среди имевшихся тогда рукописей Нового завета определенное количество «семейств» Весткотт и Хорт. Эти ученые отдавали предпочтение «нейтральному семейству», представленному Ватиканским и Синайским кодексами, как наиболее достоверному и наименее искаженному. Однако вскоре их точка зрения была оспорена. Кеньону путем сравнительного анализа удалось показать, что «нейтральный» текст не исходил непосредственно, лишь с небольшими отклонениями, от «автографов», а скорее был «текстом, научно построенным из превосходных материалов». Некоторые чтения в материалах Честера Битти, не совпадающие с «нейтральным» текстом, «заслуживают пристального внимания» [302, 334]. По сути дела, папирусы Честера Битти отражают период, когда «семейства» текстов еще полностью не сформировались. Рукописи были достаточно древними для того, чтобы их совершенно не коснулись византийские искажения, вследствие чего они дают редкую возможность получить представление о самом зарождении текстуальных традиций в ту пору, когда, по очень точному выражению Кеньона, 397

«целью было назидание, а не тщательное сохранение точных слов первоначального автора» [302, 334]. Более того, тот факт, что пятнадцать книг Нового завета были распределены по трем кодексам, мог сам по себе быть истолкован как признак того, что единство и цельность Нового завета еще не были до конца осознаны. С другой стороны, объединение в одной книге четырех Евангелий (с «Деяниями») подкрепляет утверждение Иринея от 180 г. о том, что существует только четыре Евангелия, не больше и не меньше, которые гармонично связаны друг с другом. Папирусы Битти еще более определенно, чем «Диатессарон», указывают на вероятность существования установленного канона.

Фрагменты греческого Ветхого завета, по существу своему не имеющие столь же большого значения, тоже оказались весьма ценны. «Второзаконие» и «Числа», датируемые началом II в. н. э., были провозглашены старейшими копиями ветхозаветного текста на любом языке (за исключением, возможно, таинственного «Папируса Нэша»). Но долго отстаивать это утверждение оказалось невозможным. Пожалуй, наибольший интерес представляло включение в текст «Книги Даниила», воспроизводящей версию «Септуагинты», которая ранее была осуждена и заменена переводом Феодотиона. Текст из «Септуагинты» был утерян, если не считать небрежно выполненную копию XI в., хранящуюся в библиотеке Чиги в Риме.

Особняком от обоих заветов стоит апокалиптическая и апокрифическая («псевдоэпиграфическая») «Книга Еноха», к которой папирусы Честера Битти добавили обширные недостающие отрывки греческого текста, завершаемые «Посланием Еноха». «Книга Еноха» увязывает между собой несколько выдающихся рукописных находок, сделанных за более чем сто пятьдесят лет. Ее долгое время считали утерянной. Но поскольку она цитировалась в «Послании Иуды» в Новом завете, она не была забыта. Затем Джеймс Брюс, шотландский путешественник XVIII в., привез из Абиссинии эфиопскую версию, которая была опубликована лишь на пятьдесят лет позже, в 1821 г. К этому времени в поле зрения теологов попал и церковнославянский перевод. Археология включилась в игру, когда французская археологическая миссия в Каире раскопала в 1886—1887 гг. гробницу в Ахмиме. В ней был найден кодекс на vellum, состоящий из

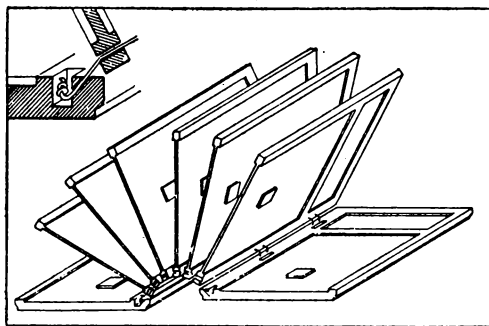
тридцать две главы греческой «Книги Еноха». Недостающие одиннадцать глав были восполнены папирусами Честера Битти и частью материала, принадлежащего Мичиганскому университету. Ранее две цитаты из Еноха были обнаружены в «Послании Варнавы», открытие которого связано с «Синайским кодексом». Это свидетельствует о популярности данного сочинения в среде ранних христиан и делает возможным предположение, что фрагменты и из Ахмима, и из коллекции Честера Битти равно могли входить в состав древних собраний христианской литературы.

Однако по происхождению «Книга Еноха» является дохристианской и принадлежит, несомненно, к тому же жанру апокалиптических текстов, что и последняя часть «Книги Даниила» в Ветхом завете и «Вторая книга Ездры» из числа апокрифов [22, 246]. Новую фазу в возрождении утерянной «Книги Еноха» открыли свитки Мертвого моря. Со временем кумранским пещерам предстояло явить около восьми рукописей этой книги на арамейском языке, которые, однако, значительно отличались и от греческой и от эфиопской версии и поставили ученых перед сложными текстуальными проблемами. Но что еще более заманчиво, количество фрагментов «Книги Еноха» и других близких ей текстов, хорошо известных кумранским сектантам, дало повод предположить, что книга эта впервые была создана в среде именно этой общины.

Осталось упомянуть еще об одном аспекте открытия папирусов Честера Битти. Он широко обсуждался и явился источником жизненно важных данных для истории книги, как таковой. И затрагивает он больше внешнюю форму книг, нежели их содержание.

Некоторое время считалось, что кодекс, т. е. книга современного типа, состоящая из листов, собранных в тетради и скрепленных вместе между двумя обложками, стал господствующей формой книги примерно к IV в. Согласно этой точке зрения он в это время вытеснил более громоздкие свитки, на протяжении трех тысячелетий бывшие в ходу в Египте и на Ближнем Востоке, а также в классической древности. Однако упоминания в латинской литературе заставляют предположить, что кодексом могли пользоваться и в предшествовавшие столетия, в частности в форме записной книжки. Генетически ему предшествовали восковые таблички, связанные или скрепленные на петлях друг с другом, подобно лис-

там книги. Все дошедшие до нас кодексы были изготовлены из пергамена; напрашивалось предположение, что переход от свитка к кодексу сопровождался одновременным переходом к пергамену или веллуму как пишему материалу. Таким образом, по крайней мере до введения в обиход бумаги примерно шестью столетиями позже кодекс неизменно ассоциировался с пергаменом. Принято было думать, что в книжном

Реконструкция составленной из воощенных дощечек «книги» из Геркуланума. Данный экземпляр, состоящий из восьми листов, представляет собой так называемый октоптих. Воощенные деревянные таблички, называвшиеся у римлян «пугиллярес», предвосхитили форму рукописного кодекса и современной книги. Использовались они преимущественно для ведения деловых записей и счетов. Реконструкция М. Паолини

производстве имела место внезапная революция и что во главе ее стояли христиане. До времени создания Ватиканского и Синайского кодексов, приблизительно синхронного тому моменту, когда Константин поручил Евсевию изготовить пятьдесят Библий на веллуме и в форме кодекса, христианская литература, по общему мнению, бытовала в виде папирусных свитков.

Как уже упоминалось, в классические времена папирусные свитки редко превышали в длину 35 футов. На одном свитке, следовательно, могло уместиться не более одного Евангелия или одной книги Фукидида. Конечно, эти внешние причины вполне могли обуславливать и длину того или иного христианского текста, и тот факт, что ему приходилось бы-

товать отдельно от других. Возрастающая у христиан потребность объединить свои священные писания в какой-либо приемлемой форме должна была предрасположить их к идее кодекса, по которому было бы много удобнее дать быструю ссылку на конкретное место в тексте божественного откровения для нужд проповеди, миссионерской пропаганды или повседневных трудов благочестия. Плюс к этому читатель мог бы всегда иметь непосредственно под рукой значительно больший объем текста. До этого же «большая книга» в обличье длинного свитка являлась, как говорил Павел, и «большим злом».

Поэтому в начале нашего века некоторые ученые выдвинули интересную теорию, утверждавшую, что инициаторами перехода от папирусного свитка к пергаменному кодексу, были в основном ранние христиане. То, что христиане могли осуществить или по крайней мере значительно ускорить этот переход, может быть объяснено социально-психологическими факторами: христианство, будучи религией угнетенных и обиженных, не связывало себя литературными условностями и формальными традициями. Христиане не терзались сомнениями, облекая священные писания в «низкую» форму кодекса, в отличие от иудеев, которые и по сей день изготавливают для нужд богослужения рукописные Библии на кожаных свитках. Христиане, которые в патристический век представляли в подавляющем большинстве самые низшие слои общества, естественным образом предпочли более практичный и, очевидно, более дешевый кодекс. Вполне возможно, что кодекс, как таковой, первоначально считался книгой для бедняков, отчего богачи и знать, погрязшие в косности и снобизме, надменно сторонились его, точно так же как итальянские аристократы после изобретения книгопечатания отказывались допустить хотя бы одну печатную книгу в свои библиотеки [40, 144].

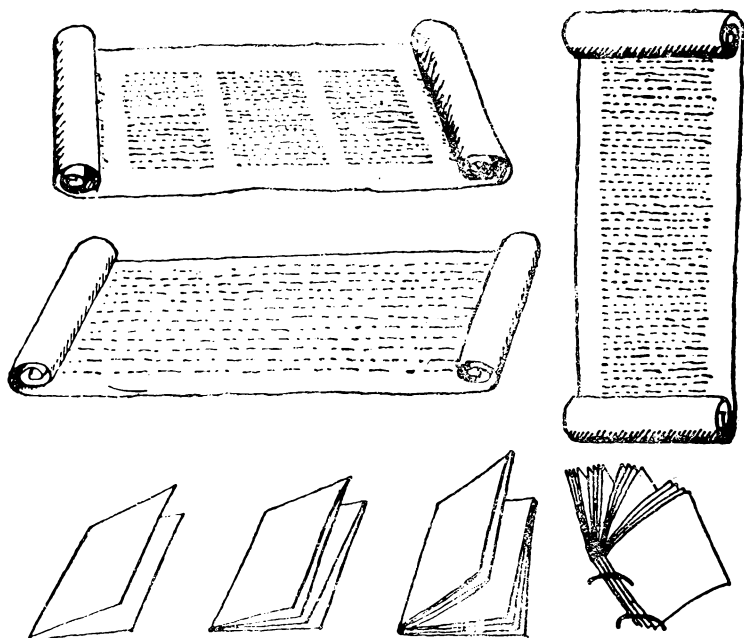
Каким же образом эта смесь фактов и предположений согласовывалась с папирусами Честера Битти? Все эти рукописи оказались кодексами, но изготовленными из папируса, а не из пергамена. Это свидетельствовало о том, что примерно за сто лет до появления роскошных кодексов на vellume христиане уже собирали свои писания в кодексы и материал, которым они для этой цели пользовались, был папирус. Папирусный кодекс, следовательно, должен был знаменовать собой промежуточную ступень между папирусным свитком

и пергаменным кодексом. Вопреки прежнему мнению, писцы и изготовители книг не одновременно сменили как материал, так и форму продуктов своего труда. Это открытие явилось важной вехой в формировании наших представлений об эволюции современной книги. Разрозненные обрывки, как, например, оксиринхские «Речения» Иисуса, которые оказались листами из папирусного кодекса, уже нельзя было рассматривать как изолированные случаи. Тексты «Чисел» и «Второзакония» из собрания Честера Битти, датируемые не позже чем II в. н. э., указывали на весьма раннее использование формы кодекса.

Новые данные показали, что обычай сочетать несколько сочинений, как, например, четыре Евангелия, в одной книге существовал у христиан значительно дольше, чем принято было думать прежде. Дополнительные подтверждения того факта, что христиане отдавали предпочтение кодексу, были теперь практически излишни.

Документы, найденные в Египте, представили статистически убедительное свидетельство того, что папирусный кодекс преимущественно и почти исключительно использовался христианской литературой, в то время как языческие рукописи продолжали появляться в свитках. Папирусы Честера Битти прекрасно иллюстрируют этот промежуточный этап в истории книжного дела, точно так же как их текст и его трехтомная организация знаменуют собой переходную фазу в становлении текста Нового завета и выработке его канона. Еще одна деталь как бы делает нас свидетелями характерных для переходного периода неуверенных поисков новой формы книги. «Послания» Павла, хотя и состоят из более чем сотни листов, изготовлены в виде одной только тетради² (т. е. все листы имели общий сгиб посередине), в то время как Евангелия были скомпонованы из множества тетрадей по два листа в каждой³, что и могло послужить причиной их большой фрагментарности. Производство книг, очевидно, все еще пребывало в экспериментальной стадии. Но то обстоятельство, что кодексы были составлены из таких «тетрадей», оказалось чрезвычайно счастливым для ученых. Путем кропотливых расчетов они могли теперь прикидывать длину недостающих отрывков и определять, какие части — канонические или неканонические — были, по всей вероятности, учитывая размеры лакун, включены или исключены из тек-

По изорванным папирусам Честера Битти еще нельзя составить полного представления о древнем папирусном кодексе. Открытие библиотеки гностиков в Хенобоскионе, происшедшее пятнадцатью годами позже, принесло гораздо боль-

Различные этапы в эволюции книги. Текст на свитке располагался столбцами, идущими вертикально, как на книжной странице, строками вдоль свитка или же горизонтальными строками, тянущимися во всю его ширину. Изображенные внизу четыре тетради представляют (слева направо) соответственно: фолио, кварто (кватернион), октаво и четыре кварто, соединенные вместе

ше данных о его внешнем облике и структуре. Здесь впервые было обнаружено значительное число аккуратно написанных папирусных книг, фактически полных и превосходно сохранившихся. Но христианам, испытывавшим, вероятно, сожаление по поводу того, что эти образцы были в лучшем случае еретическими, недолго оставалось ждать своего часа. В 1956 г. коллекция Мартина Бодмера, швейцарского банкира и высокопоставленного деятеля Красного Креста, ко-

торый также ознакомил мир с единственной полностью сохранившейся комедией Менандра, сделала достоянием общечеловеческости первые четырнадцать глав «Евангелия от Иоанна» (источник неизвестен) из древнего папирусного кодекса, по меньшей мере столь же раннего, что и евангельские документы Честера Битти, и великолепно их дополняющего. Ведь они принесли нам очень мало данных по тексту Иоанна-евангелиста, в течение долгого времени особенно бедно представленного в древних рукописях. Теперь «Евангелие от Иоанна» было обнаружено в старейшем из всех почти неповрежденных христианских текстов. Лишь двумя годами позже, в 1958 г., библиотека Бодмериана в Колонии, близ Женевы, объявила о приобретении значительных папирусных фрагментов последних восьми глав четвертого Евангелия, принадлежавших тому же кодексу. Бодмеровское «Евангелие от Иоанна», по-видимому, датировалось не позднее чем 200 г. н. э.⁴ и входило в кодекс, состоявший в свое время из 154 страниц [315, 13].

Бодмеровский «Иоанн» и папирусы Честера Битти ни в коем случае не были единственными крупными открытиями древних текстов Священного писания. Подобно столичным автобусам, рукописи после длительных пауз редко приходят поодиночке. Вскоре после появления в прессе сообщения Кеньона, когда ветеран-палеограф все еще работал над своим изданием, пришли вести о новых открытиях. В целом они уже не могли внести существенный вклад в текстологическую критику — это были в большинстве своем мелкие находки — или изменить каким-либо радикальным образом взгляды ученых на условия становления Нового завета (если не принимать в расчет такие неканонические раннехристианские произведения, как фрагменты из «Утерянного Евангелия», приобретенные в это время Британским музеем⁵). Но они все-таки сместили временную границу в еще более ранний период. Папирусы Честера Битти отодвинули Священное писание почти на сто лет назад по сравнению с «Синайским кодексом», а теперь Новый завет мог быть определенно помещен по меньшей мере в первую половину II в. н. э., если не около 100 г. А фрагмент «Второзакония» на греческом языке был написан во II в. до н. э., что сближает его по времени с переводом «Септуагинты».

Эти две выдающиеся находки, одна относящаяся к Ветхому, другая — к Новому завету, были сделаны в европей-

ской библиотеке. Как обычно, рукописи происходили из каких-то неопределенных местностей в Египте и более полутора десятков лет оставались неидентифицированными, будучи упрятаны в фондах библиотеки Джона Райлендса в Манчестере. Текст «Второзакония» дошел до нас в виде пелен мумии крокодила и был куплен Дж. Ренделом Харрисом в Египте в 1917 г. Новозаветный фрагмент, также из Египта, был приобретен по поручению библиотеки у торговцев Гренфеллом в 1920 г. Гренфелл был приглашен библиотекой, чтобы рассортировать и каталогизировать эти и много других папирусов, но, прежде чем дело сколько-нибудь продвинулось, его сразил очередной приступ болезни. Позднее для продолжения работы был приглашен Хант, но его задерживали другие дела, а затем, в 1934 г., он неожиданно скончался. Завершал составление каталога молодой оксфордский папиролог Колин Х. Робертс, помогавший Ханту в издании оксиринхских текстов.

Против всех ожиданий древнейшее новозаветное письменное свидетельство пришло к нам из «Евангелия от Иоанна» — как предполагали, последнего из четырех Евангелий. Скептики XIX в. надеялись низвести «Евангелие от Иоанна» до положения «легендарного евангелия», чистого вымысла, сфабрикованного на базе трех других Евангелий лишь в конце II в. Но крошечный фрагмент из папируса Райлендса, размером примерно 2½ на 3½ дюйма, содержащий на обеих сторонах несколько стихов из «Евангелия от Иоанна» (18, 31—33), должен был датироваться на основании палеографических данных не позднее чем 150 г. н. э. Как склонен был считать Дейссман, он мог быть скопирован ближе к 100 г. Рукопись Евангелия Честера Битти была написана на сто пятьдесят лет раньше старейшего из всех текстов на веллуме, а теперь мы обладаем другим отрывком из Евангелия, который был старше еще на сто лет. Он был ни мало ни много на двести пятьдесят лет отдален от Ватиканского и Синайского кодексов, которые для Тишендорфа, Хорта (он называл их «божественными близнецами») и поколения еще живущих ученых-библеистов были так близки к апостолам, как только можно было дерзать к ним приблизиться.

Отрывок из «Евангелия от Иоанна» был, вероятно, найден в довольно отдаленной части Египта, куда христианство проникло сравнительно поздно. После составления оригинала должно было пройти несколько десятилетий, прежде чем

копия могла быть занесена в такую глушь; поэтому кажется правдоподобным предположение, что «Евангелие от Иоанна» было написано немногим позже 80 г. и почти наверняка ранее 100 г. н. э.

Американский ученый Брюс Метцгер из Принстона следующим образом живо охарактеризовал значение райлендсовского фрагмента из «Евангелия от Иоанна»: «Хотя протяженность сохранившихся стихов ничтожно мала, в одном отношении этот крошечный клочок папируса обладает столь же большой доказательной ценностью, какую имел бы и целый кодекс. Как Робинзон Крузо, увидев единственный отпечаток ступни на песке, сделал вывод, что на острове вместе с ним присутствует другое человеческое существо о двух ногах, так р⁵² (международное кодовое название фрагмента) доказывает присутствие и использование четвертого Евангелия в маленьком провинциальном городке на Ниле вдали от его традиционного места создания (Эфес в Малой Азии) в течение первой половины II в.» [316, 38].

Поистине временной разрыв между этими рукописями и веком апостолов был почти ликвидирован. Он сократился до такой, быть может, малости, как тридцать или сорок лет. В истории открытий нового времени, начиная с «Синайского кодекса» до папирусов Честера Битти и после них, наконец, до фрагмента Райлендса, вряд ли найдется эпизод более драматический, по крайней мере по своим научным последствиям.

ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЕ СВЯЩЕННЫЕ ТЕКСТЫ

XVIII

Каирская гениза

Камень, который отвергли строители, стал краеугольным камнем.

Талмуд¹

В большинстве еврейских синагог, по крайней мере со времен раннего средневековья, имелся чулан или склад, именуемый «гениза» (genizah). Это древнееврейское слово, имеющее значения «сокрытие» или «погребение»². Гениза служила своего рода моргом, где сваливались и содержались различные ненужные материалы, содержащие письменный текст.

В течение долгого времени в обычае у евреев было избавляться от истрепавшихся священных книг и свитков. Но поскольку они содержат имена божества, священные «шемот», считалось святотатственным просто выбрасывать их и таким образом подвергать возможному осквернению. Гениза признана была служить временным вместилищем для этих материалов. Когда же их скапливалось достаточное количество, материалы с соответствующей религиозной церемонией погребались — часто рядом с могилой мудреца, а иногда и вместе с ним — на еврейском кладбище. Для древних евреев, по утверждению Соломона Шехтера, ученого-раввина, книга была подобна человеку: «Когда отлетает дух, мы прячем тело от глаз человеческих, чтобы избавить его от осквернения. Подобным образом, когда писание истерто временем или выходит из употребления, мы прячем 407

книгу, чтобы сохранить ее от надругательства. Содержание книги отлетает к небесам, как душа» [339, 1]. Подобные погребения и по сей день еще совершаются, особенно на Востоке. Зять Тишендорфа, Д. Людвиг Шнеллер, описал одно из них, имевшее место в Иерусалиме в 1894 г. Кроме того, у нас есть живописный рассказ современного журналиста Рихарда Каца о погребении, совершенном в Праге в 1921 г., впервые за предшествовавшие пятьсот тридцать два года [376, 2—3].

Со временем, однако, в генизу стали поступать не только тексты истрепанные и искаленные, но и такие, которые признавались неправильными, в силу чего изымались из обращения — либо потому, что в них было больше ошибок и исправлений, сделанных писцами, чем то было дозволено законом, либо потому, что их содержание считали за лучшее не предавать гласности, как было с текстами, признанными еретическими, или другими, исключенными из библейского канона. Сам термин «апокрифы» означает «сокровенные книги», что в точности соответствует древнееврейскому «гениза». Очевидно, значительная часть древнееврейской литературы эллинистического и раннехристианского периодов была подобным образом предана забвению. Как только нарождалась какая-нибудь сектантская литература, консервативные раввины принимали меры по изъятию ее из обращения. Едва был утвержден официальный «масоретский» текст («традиционная» форма Священного писания)³, как ко всем прочим типам и редакциям начали относиться со строгой нетерпимостью.

До недавнего времени мы не располагали ни одним уцелевшим древнееврейским текстом из Ветхого завета, который был бы старше IX в. (да и такие были достаточно редки), чему виной было целенаправленное уничтожение текстов путем проведения их через генизу. Как пишет «Еврейская энциклопедия», гениза преследовала «двоякую цель: все доброе уберечь от вреда, а все злое обезвредить» [339, V, 612]. Но, как правило, и «доброе» и «злое», выходя из генизы, вместе предавалось погребению и погибало. «Уберечь» что-нибудь, по существу, и не собирались. «Люди книги» имеют давнюю репутацию цензоров и истребителей книг.

С течением времени некоторые генизы стали как будто выполнять и дополнительные функции. Они превращались в

обширные архивы, хотя документы, хранившиеся в них, не были описаны и не использовались для систематических справок. Буквально все, что имело какое-нибудь значение, — юридические контракты, договоры об аренде, брачные соглашения, судебные решения, даже частные письма и светская поэзия, — все направлялось в генизу и в конечном счете подлежало погребению. Шехтер разъясняет подобную практику, мотивируя ее тем, что, «поскольку иудеи приписывали определенную святость всему, что напоминало Священное писание (хотя бы просто потому, что текст был написан на древнееврейском языке) по содержанию или по виду, они не были склонны рассматривать даже подобные светские документы просто как мусор... Гениза древней еврейской общины представляет собой, таким образом, сочетание священной кладовой и светского архива» [399, 9]. Этим, однако, вряд ли можно объяснить тот факт, что в одной генизе, содержимое которой дошло до нас, был обнаружен целый ряд светских материалов на языках, отличных от древнееврейского, в основном на арабском, а также на сирийском (сиро-арамейском), греческом, коптском, грузинском и даже французском.

Каирская гениза — явление необычное, поскольку значительная часть ее содержимого осталась нетронутой, и не исключено, что о ней вообще не вспоминали на протяжении большей части последнего тысячелетия. То, что эти документы уцелели, явилось делом чистой случайности. Эта гениза принадлежала одной из старейших синагог в одной из старейших еврейских общин диаспоры⁴, и она пережила весь золотой век арабской цивилизации. Хотя время от времени значительная часть материалов предавалась погребению — некоторые из них были позднее выкопаны, — основная их масса осталась в хранилище. Даже при этом условии только сухой климат Египта мог сохранить их столь бережно.

Древняя синагога, по-разному именуемая в честь Ездры, Илии, Иеремии или Моисея, расположена к югу от Каира, в части города, именуемой Фостат или Старый Каир, который в домусульманскую эпоху назывался Вавилоном. На территории египетского Вавилона находилась римская, а еще раньше, в VI в. до н. э., персидская крепость. В этом районе вырос значительный коптский и еврейский культурный центр. Синагога была поначалу христианской церковью, воздвигнутой в честь св. Михаила, которая затем пе-

решла, по некоторым источникам, к иудеям в период непродолжительной повторной персидской оккупации в 616 г. н. э. В летописи отмечена ее продажа иудеям в 882 г. н. э., после арабского завоевания. После этого в генизу синагоги стали поступать самые разнообразные тексты.

Первым путешественником нового времени, по-видимому знавшим о генизе, был двоюродный прадед Генриха Гейне — Симон ван Гельдерн, который посетил ее в середине XVIII столетия и сделал в своем дневнике запись о вероятности захоронения в ней ценных рукописей. Почти столетие спустя генизу посетил Иаков Сафир, исследователь древнееврейской культуры, известный своими полевыми изысканиями в Йемене. Ему пришлось пуститься на уговоры, чтобы получить разрешение взглянуть на нее. Презрев увещевания синагогальной службы насчет «змей и драконов», таящихся во мраке закрытого помещения, он бросил вызов нильским чудовищам и два дня провозился среди обломков и мусора, пока вдоволь не наглотался пыли и грязи. Он не обнаружил ничего стоящего, но отметил в своем путевом дневнике: «Кто знает, что все-таки может быть сокрыто там, внизу?» [338, 671].

Примерно в это же время на Ближний Восток прибыл еврей из России, ярый приверженец секты караимов, по имени Авраам Фиркович. Он принадлежал к числу наиболее эксцентричных охотников за рукописями в XIX в. Это благодаря ему ленинградская Публичная библиотека обладает теперь одним из богатейших собраний древнееврейских рукописей во всем мире. Фирковича характеризовали как поразительное сочетание мошенника, ученого и фанатика⁵. Его исследования и приобретения были продиктованы в первую очередь желанием доказать царскому правительству России, что караимы осели в Крыму еще с дохристианских времен и поэтому были непричастны в отличие от раввинских евреев как к распятию Христа, так и к созданию ненавистного Талмуда [405, 164]. Несмотря на то что хронологически подобные притязания были весьма сомнительны, усилия Фирковича увенчались успехом. Русское императорское правительство отменило в отношении караимов дискриминационные меры, направленные против евреев. Но для того чтобы подкрепить свои идеи доказательствами, Фирковичу пришлось прибегнуть к фальсификации документов.

410 Он зашел так далеко, что удревнял даты надписей на над-

гробиях караимских кладбищ в Крыму. Естественно, когда стало известно о подобной практике, то многие из рукописей Фирковича стали вызывать подозрение. По сей день среди специалистов существуют разногласия по поводу того, какие из рукописей подлинные, а какие — подделки. Подобно Си-

עַל־מַחְתָּבוֹ עוֹד־תּוֹסִיפוּ
סֵרַח כָּל־רֹאשׁ לַחֲלוּכֵי
לִבְבֵדוֹ מִכֶּתֶר־דָּגָל וְעַד
רֹאשׁ אֲוִיבֵי מִתָּם פִּצְעוּ
חֲבִיתָהּ וּמִכֶּתֶר טָרִיחַ לֹא
זָרוּ לֹא חֲבֵשׁ וְלֹא רִנְכָה
בְּשֵׁמוֹ אֶרֶץ־כֶּם שְׁמֵחָ

Древнееврейский «Ленинградский кодекс» с текстом «Книги Пророков». 916 г. н. э. Рукопись была в 1839 г. получена Авраамом Фирковичем из одной синагоги в Крыму. До открытия свитков Мертвого моря этот кодекс числился в ряду наиболее древних и значительных по размерам рукописей иудейской Библии

мониду, он был фальсификатором, но как будто бы не руководствовался в первую очередь материальными соображениями. Он безжалостно опустошал синагоги и генизы, включая некоторые из тех, что находились в Крыму и Бухаре, но он был, вероятно, в числе первых людей, проникших с сознанием огромной ценности этих хранилищ. Поскольку он действовал тайно, никто не был осведомлен наверняка об источниках его поступлений. Более того, представляется сомнительным, был ли он сам когда-нибудь в 411

каирской генизе, откуда, по предположениям, поступили в Ленинградскую коллекцию наиболее ценные фрагменты⁶.

В 1888 г. Элкан Натан Адлер, брат английского верховного раввина, впервые посетил синагогу в Старом Каире, но не смог увидеть генизу. Ему сообщили, что ее книги уже захоронены на кладбище. Когда в 1890 г. синагога была заново отделана, о существовании генизы стало известно более широко, и сторожа синагоги начали осознавать склонность каирских торговцев к приобретению этого «мусора» веков, за который иноземные чудаки были готовы платить значительные суммы. Вот таким-то образом в течение нескольких лет масса бумажных клочков из генизы просочилась в частные коллекции и в библиотеки Запада — Бодлеанскую, Британский музей, библиотеки Франкфурта, Берлина, Филадельфии, Будапешта и многие другие. В течение определенного времени можно было лишь строить догадки по поводу источника всех этих сокровищ. Но слухи привели в Каир таких страстных коллекционеров и покупателей, как Сейс, Гренвил Честер и русский архимандрит Антонин. В 1896 г. Э. Н. Адлер вновь посетил каирскую синагогу, и ему было позволено провести три или четыре часа в самой генизе и захватить с собой все, что он смог унести в старом футляре Торы (т. е. в чехле для свитков «Пятикнижия», используемых в иудейском богослужении), который он позаимствовал специально с этой целью [338, 673]. А. Льюис и М. Гибсон прибыли в Египет в том же году.

В зиму 1895/96 г. две предприимчивые дамы-ориенталистки решили было бросить вызов зябкому английскому климату и остаться дома, в Кембридже. Они уже предвкушали месяцы плодотворной работы над палестинско-сирийскими текстами, ранее сфотографированными ими в Синае. Как раз в разгар этой работы из Египта по «археологическому телеграфу» к ним пришла информация о том, что «там, возможно, и удастся что-нибудь найти». И вот в начале 1896 г. они были снова на Ближнем Востоке в погоне за рукописями, решив добавить к своим египетским исследованиям еще и визит в Иерусалим. Эта поездка, как позднее писала А. Льюис, оказалась единственной, «предпринятой без желания; и все же она оказалась не последней по плодотворности принесенных ею результатов» [309, 143].

Пребывание А. Льюис и М. Гибсон в Каире было прервано из-за вспышки эпидемии и опасения, что им придется

подчиниться унижительным условиям карантина. Им, впрочем, удалось приобрести там несколько обрывков рукописей. Добравшись до Иерусалима, они приобрели большой древнееврейский текст «Пятикнижия», и, когда пересекали равнину Шарона близ побережья, один торговец предложил им целую связку разрозненных обрывков рукописей, большинство из которых было написано на древнееврейском языке. Собираясь уже сесть в Яффе на корабль, они столкнулись в таможне с непредвиденными осложнениями в связи с эмбарго на вывоз палестинских древностей, в особенности книг. Обрывки древнееврейских текстов в первую очередь привлекли к себе внимание чиновников. На выручку дамам пришел их проводник Иосиф, местный житель, который знал, что Библия и Коран не подпадают ни под одну из статей ограничительного законодательства как молитвенные книги личного пользования. Исполненный негодования, он воскликнул, указывая на тщательно исследуемые листки: «Разве вы не видите, что они на древнееврейском? Дамы произносят свои молитвы на древнееврейском языке. Вы что же, хотите лишить их возможности произносить молитвы?» [309, 170]. Этим было одновременно спасено и положение, в котором оказались шотландско-пресвитерианские дамы, и интересы науки. Им было позволено выехать со своими рукописями, и в мае они добрались до Англии. Вскоре после возвращения они привели в порядок и систематизировали свои многочисленные приобретения. Те обрывки текстов на древнееврейском языке, которые сестры не могли отнести к Ветхому завету, они откладывали в сторону, полагая, что тексты эти, возможно, относятся к Талмуду или представляют собой частные еврейские документы. Они решили передать их для дальнейшего изучения своему другу, видному гебраисту Соломону Шехтеру.

Шехтер, читавший курс по Талмуду и заведовавший собранием древнееврейских рукописей при Кембриджском университете, вырос в одном из восточноевропейских гетто. До двадцати с лишним лет он не имел никакого светского образования. Наконец, уже будучи слушателем университетов Вены и Берлина, он впервые столкнулся с западной наукой, но в отличие от большинства одаренных евреев своего времени он не оставил своих прежних убеждений и не проникся взамен типичным образом мыслей западной интеллигенции.

Кое-чем религия Шехтера была обязана радостному мистицизму хасидской секты восточного еврейства. На нем как будто совсем не сказывались последствия эмоциональных травм, полученных во время жизни в гетто или нанесенных суровой дисциплиной, сопровождавшей изучение Талмуда, которое он начал в возрасте трех лет. Его мощное телосложение и внушительная, львиная голова с бородой и косматой гривой темно-рыжих волос привлекали всеобщее внимание. Поток блестящих экспромтов, слетавших с его уст, к сожалению, так и не нашел своего Босвелла⁷. Человек близкий ему в ранние годы его деятельности, припоминал: «Он обрушился на нас, как начиненная взрывчаткой бомба, и готов был с присущей ему смесью энтузиазма и негодования заглушить любое резонерское или циничное высказывание. Я и сейчас живо представляю себе, как он встает со стула и, словно раненый лев, мечется взад и вперед по комнате, выкрикивая громоподобные возражения» [343, 60].

Год рождения Шехтера относят к 1847, 1849 или 1850 г. Он родился в маленьком румынском городке Фокшаны, в Карпатских горах, куда выехал из России его отец, занимавший скромный пост ритуального забойщика скота. Несмотря на свою репутацию самого буйного мальчишки в городе, молодой Шехтер был вскоре признан вундеркиндом, необыкновенно одаренным ребенком, проявившим удивительные способности к изучению Талмуда. В возрасте пяти лет он знал «Пятикнижие» наизусть. Затем потянулись томительные годы обучения в религиозных школах — рутина, которая часто выводила из себя молодого романтика, но все же не отвратила его от той строго логической дисциплины, в овладении которой он достиг таких высот совершенства. Его жажда знать больше гнала его сначала в Польшу, затем в Вену и наконец привела в Берлин.

Огромное влияние на Шехтера оказало знакомство с точным аналитическим методом германской исторической школы. Одним из первых он подверг памятники еврейской религиозной литературы тщательному текстологическому исследованию. Одновременно он проникся неослабевающим интересом к древним рукописям, которые составляли основу любой подобной работы. Так было положено начало предприятию, ставшему делом всей его жизни, — работе по изданию некоторых древних текстов Талмуда и Мидраша.

Шехтер, который так никогда и не акклиматизировался в условиях германской культурной среды, неодобрительно смотрел на процветавшую тогда школу «Высшей критики» с ее скептическим подходом к изучению Ветхого завета. Ему претили националистическое высокомерие и воинственность эры Бисмарка, и он был глубоко уязвлен антииудейской позицией, занимаемой германскими исследователями,

הַמֵּשֶׁל אֶת־חוֹסֵיבוֹ
וְאֵלִים מֵאֶרֶץ קֵץ
וְאֲרוֹמָם יי אֲבִי אֲתָה
אֶל־תִּרְפֵּי בָנוֹם עֵדָה
אֱהִלֶּה שִׁמְךָ וְתִמְדִּי
אֲשַׁמְעֶךָ וְלִי יי
וְיִפְדֶּנּוּ כִּלְרַע
יֵלֶכְנָה חֲדָדִיתִי וְאֱהִלֶּה
הוֹדוּ לִי כִּי טוֹב
חֲדָדוּ לֵאלֹהֵי שִׁבְחֹת
הַדָּד לְשׁוֹמְרֵי יִשְׂרָאֵל

Древнееврейский фрагмент
(№ 51) «Экклесиастика» из
каирской генизы, ныне храня-
щийся в коллекции Тейлора —
Шехтера университетской биб-
лиотеки Кембриджа (Англия)

такими, как Гарнак, Вебер и Делич, которые очерняли еврейскую этику и отрицали ветхозаветные корни христианства. Уже во времена Шехтера Поль де Лагард, знаменитый теолог и ориенталист из Геттингена, переплел все свои книги в свиную кожу, чтобы «уберечь их от прикосновения грязных еврейских рук», а Гуго Винклер, выдающийся семитолог, получавший щедрые пожертвования от попечителей-евреев, позволял себе антисемитские высказывания, одновременно превознося аккадцев, вавилонян и финикийцев как пионеров цивилизации. Академическая Германия, как писал Шехтер, — это заповедник «ученых-зануд, которые со всей серьезностью обсуждают вопрос, имеется ли у семита 415

душа или нет» [343, 45]. Он вспоминал, как некогда подвергался травле со стороны мальчишек-христиан, но гораздо большее негодование вызывали в нем слепой фанатизм и высокомерие того, что он именовал «высшим антисемитизмом», который «сжигает душу, хотя и не приносит вреда телу» [343, 30].

К Англии и всему англосаксонскому миру вообще Шехтер в течение всей своей жизни питал самые теплые чувства. Он также был уверен, что в будущем иудаизм обретет для себя центр тяжести в Америке. По этой и по целому ряду других причин он оставил милые его сердцу академические рощи Кембриджа, чтобы провести последние двенадцать лет жизни на посту президента Еврейской теологической семинарии в Нью-Йорке. Англия привлекала его к себе не только благодаря демократическим идеалам ее народа и относительной свободе лидеров ее ученого мира от антисемитских предрассудков, но также благодаря чудесным собраниям древнееврейских рукописей. В течение первых лет его жизни там он постоянно работал в Британском музее и Бодлеанской библиотеке. В Англии Шехтер приступил к серьезной научной деятельности, результатом которой явились критические издания ряда древних текстов. В 1890 г. он был назначен преподавателем, а в 1892 г. — руководителем курса по изучению Талмуда (раввинской литературы) при Кембриджском университете. Два года спустя университет направил его в Италию для изучения древнееврейских рукописей. Длительное пребывание в Италии и знакомство с ее архивными материалами стало для него источником постоянного вдохновения. Шехтеру повезло более, чем Ранке и Тишендорфу: ему был предоставлен свободный доступ к ватиканским собраниям рукописей.

В ходе предпринятого им исследования Саадии и подготовки к изданию талмудического сочинения «Абот де рабби Натан»⁸ Шехтер заинтересовался апокрифическим «Экклесиастиком» Иисуса Бен Сиры (или Бен Сираха, сына Сирахова)⁹ — книгой, которая до того времени встречалась лишь в крайне неудовлетворительных переводах. Его длительную и совершенно необычную для исследователя-еврея увлеченность неканонической литературой подтверждает обширная статья в «Джуиш Квотерли Ревью» за 1891 г.; в ней он рассматривает древнееврейские цитаты из «Экклесиастика», встречающиеся в талмудических текстах. Он был те-

перь полностью подготовлен к тому, что ждало его впереди. Вероятно, никто другой из ученых-гебраистов его времени не был достаточно компетентен, чтобы опознать неожиданно появившийся древнееврейский фрагмент из «Премудрости Иисуса Бен Сиры»¹⁰.

Вскоре после того, как А. Льюис и М. Гибсон приняли решение привлечь к работе Шехтера, А. Льюис неожиданно встретила его на королевском параде в Кембридже и сообщила ему о рукописях, которые она хотела ему показать. Затем она продолжила свое хождение по магазинам за покупками, а когда вернулась домой, то застала Шехтера уже за работой, тщательно изучающим фрагменты рукописей, разложенные на ее обеденном столе. Он поднял вверх большой лист пергамента и сказал: «Это часть иерусалимского Галмуда, который очень редок; могу я взять ее у вас?» [309, 173]. А. Льюис немедленно дала согласие. Затем он стал пристально рассматривать довольно грязный, изорванный клочок бумаги; бумага как писчий материал с точки зрения палеографии была довольно поздним нововведением, и потому обе дамы относились к ней без особого уважения. «Кто из ученых еще три года назад,— позднее писала А. Льюис,— придавал хоть какое-нибудь значение древнееврейскому тексту *на бумаге*?» [309, 179].

Шехтер же, напротив, был сразу же поражен отрывком. У него было предчувствие, что отрывок мог оказаться древнееврейским текстом «Экклесиастика», который в течение почти тысячи лет считался утраченным, но он не мог проверить этого на месте, поскольку в издании Библии, имевшемся дома у А. Льюис, отсутствовали апокрифические книги. Шехтер попросил у нее разрешения захватить документ с собой для идентификации. Не без оттенка скептицизма она выразила свое согласие словами: «Г-жа Гибсон и я будем только счастливы, если вы сочтете его достойным опубликования» [309, 173—174]. Затем он поспешил в Кембригскую библиотеку и оттуда послал ей записку во второй половине того же дня, 13 мая 1896 г.: «Я полагаю, у нас есть основания поздравить себя. Ибо фрагмент, который я взял с собой, является частью *древнееврейского оригинала „Экклесиастика“*. Подобная вещь обнаружена впервые. Пожалуйста, не говорите пока об этом — до завтра. Я приду к Вам завтра около одиннадцати пополудни (sic!), и мы с Вами все обсудим, в частности и то, как предать это гласнос-

ти. В спешке и величайшем волнении, искренне Ваш С. Шехтер» [309, 174].

А. Льюис предстояло вскоре узнать, что от возбуждения Шехтер не только перепутал утренние часы с послеполуденными, но и, несмотря на указания, посланные дамам, ошеломлял своей радостной новостью первых попавшихся людей, встреченных им в библиотеке. Затем, вернувшись к своей жене, он едва мог совладать со своим восторженным настроением. Будучи, в сущности, человеком скромным, но порывистым до крайности, он приветствовал ее следующим образом: «Пока живет Библия, не умрет и мое имя. А теперь телеграфируй г-же Льюис и г-же Гибсон, чтобы пришли немедленно» [343, 140]. Дамы получили телеграмму раньше письма и немедленно отправились к Шехтеру в его скромный домик в отнюдь не фешенебельной части Кембриджа. Там было решено, что г-жа Льюис оповестит «Атенеум» и Академию о находке, представив сведения о размере листа, стиле письма и прочие подробности.

А. Льюис «с особой радостью и удовлетворением» размышляла о том, что обстоятельствами открытия воздается наконец-то по заслугам Бен Сире, древнееврейскому автору «Экклесиастика». Он был женоненавистником, и ни одна женщина — ни Дебора, ни Руфь, ни Юдифь — не фигурирует в его прославленном каталоге древнееврейских героев. В широко известных строках он возносил хвалы исключительно «знаменитым *мужам*». Одно из его изречений, собственно говоря, прямо гласит: «Греховность мужчины лучше, чем добродетель женщины». И вот теперь, с ликованием отмечала А. Льюис, подлинный текст его труда «попал в руки европейского исследователя, можно сказать — исследователя одной с ним нации, благодаря усилиям двух женщин» [309, 180].

Книга «Экклесиастик», или «Премудрость Иисуса, сына Сирахова (Бен Сиры)», сохранившаяся лишь в версиях на других языках, а не в древнееврейском оригинале, была впервые переведена на греческий внуком автора, который в своем предисловии открыто признавал трудность поставленной им перед собой задачи. В течение длительного времени существовало подозрение, что он не был квалифицированным переводчиком, что он неправильно понял и значительно искажил смысл некоторых мест оригинала и что он позволял себе недопустимые вольности в обращении с текстом. В

1895 г., всего за год до открытия Шехтера, когда специалисты, пересматривавшие «Утвержденную версию Библии», опубликовали свой новый перевод апокрифических книг, они с сожалением констатировали в предисловии к «Экклесиасту», что, хотя «тексту было уделено значительное внимание, все же материал для его исправления был недостаточен». Теперь же новое открытие, к счастью, делало эти сожаления безосновательными.

С «Экклесиастиком» произошло то же, что и с «Диатессароном» в исследовании Нового завета: на нем сфокусировались основные теоретические дискуссии специалистов по Ветхому завету в последние годы XIX в. Прежде всего это была одна из апокрифических книг, о которой было доподлинно известно, что первоначально она была написана на древнееврейском. Св. Иероним упоминает, что он видел исконный древнееврейский текст этой книги — *Hebraicum geregi*. И, очевидно, Саадия, глава вавилонской раввинской школы X в. был с ней знаком. Но уже Маймонид о ней не знал.

Кроме того, среди всех ветхозаветных и апокрифических книг это сочинение обладало наиболее достоверно установленным авторством и могло быть вполне надежно датировано. «Экклесиастик» часто цитировался в работах тех представителей школы «Высшей критики», которые верили, что и большая часть Ветхого завета была создана примерно в одно с ним время. Теперь, если можно было доказать, что древнееврейский язык этого произведения имеет лишь поверхностное сходство с языком канонических книг, то тезис об эллинистическом происхождении книг Ветхого завета не выдерживал критики. Далее, если оригинал «Экклесиастика», написанный примерно в 200 г. до н. э., если не раньше, уже содержал цитаты из «Псалмов», то вся гипотеза о маккавейском происхождении «Псалмов» — где-то после 160 г. до н. э. — улетучилась бы. Именно по этой причине, и в особенности если бы удалось доказать, что многие черты языка Бен Сиры характерны для раввинской литературы, должно было, следовательно, стать ясным, что «между „Экклесиастиком“ и книгами Ветхого завета должны лежать столетия или, лучше сказать, должны лежать, как правило, пучина пленения, могила древнего еврейского языка и старого Израиля, а также колыбель нового еврейского языка и нового Израиля» [395, 1].

С открытием древнееврейского оригинала «Экклесиастика» суждено было разрешиться множеству текстологических проблем. Были восстановлены отрывки, опущенные или существенно искаженные в переводных версиях. В то же самое время школе «Высшей критики» был нанесен еще один удар. Сам Шехтер признался в том, что он ранее приписывал «Псалмы» маккавейскому периоду, но при наличии новых доказательств он с радостью отказался от этой точки зрения. В том, что этот фрагмент представлял древнееврейский оригинал, Шехтер ни на минуту не сомневался, хотя некоторые исследователи не были с ним согласны: они настаивали на том, что это был обратный перевод на древнееврейский. Однако внутренние свидетельства текста, пометки на полях и главным образом недавние находки⁴⁴ в пещерах Кумрана (пещера II), явившие точные соответствия списку генизы,— все это в дальнейшем подтвердило точку зрения Шехтера.

Сильно поврежденный клочок бумаги примерно в семнадцать строк, расположенных в две колонки, датируется, вероятно, XI в., но, безусловно, указывает на существование более древнего «архетипа». Оpozнание столь короткого отрывка («Экклесиастик», или «Премудрость Иисуса, сына Сирахова», 39, 15 — 40,8) из произведения, языковые отклонения которого не имели прецедентов во всей доступной тогда древнееврейской литературе (в лингвистическом отношении весь период с 250 г. до н. э. по 150 г. н. э. был сплошным белым пятном), было уже само по себе великим достижением. Один из современников Шехтера, выступив на страницах «Фортнайтли Ревью», приветствовал это открытие и характеризовал его как «увлекательный научный роман». Он отмечал: «Пройдя через многие века и пересекши целый континент, этот неприметный клочок по счастливой из случайностей попал в руки того единственного человека, который был подготовлен к опознанию его всеми предыдущими исследованиями; и это было равноценно тому, как если бы современная наука восстановила утраченную страницу Библии» [373, 697].

Шехтер с полным правом мог заявить, что значение отрывка заключается «не только в том, что он собою представляет, но в том, что он несет нам надежду на новые находки». Далее, отдавая дань галантности, он выразил надежду, что, «быть может, те же самые г-жа Льюис и г-жа

Гибсон, энтузиазму которых в отношении всего связанного со Священным писанием столь много уже обязана семитология, своими новыми находками сделают для нас возможным восстановить полностью „Экклесиастик“» [395, 15]. Этому галантному пожеланию не суждено было сбыться. Но в то же самое время и даже еще до выхода в свет статьи Шехтера было дополнительно обнаружено несколько (точнее, девять) листов из «Экклесиастика». Сообщение, сделанное А. Льюис в «Атенеуме», подало оксфордскому ориенталисту Адольфу Нойбауэру мысль исследовать документы на древнееврейском языке, которые А. Г. Сейс приобрел в Египте для Бодлеанской библиотеки. Они были выполнены сходным типом древнееврейского письма и также без огласовок (имеется в виду послебиблейская система добавления гласных к «консонантной» семитской письменности). Эти листы непосредственно примыкали по содержанию к шехтеровскому листку, несомненно, принадлежали той же самой рукописи и происходили из того же источника, затерянного где-то в Египте: Шехтер поставил теперь перед собой задачу установить происхождение текста «Экклесиастика». Все имевшиеся данные указывали на каиро-фостатскую генизу, которую он со свойственным ему динамизмом решил исследовать лично. Может быть, таким образом удастся спасти еще какие-нибудь листы «Экклесиастика».

Несмотря на то что Шехтера часто называют «открывателем генизы», сам он отказывался относить это открытие на свой счет. Когда автор анонимного письма в «Таймс», позволивший себе несправедливые нападки на Шехтера, заявил, что эта честь должна принадлежать Э. Н. Адлеру, с которым Шехтер был в дружеских отношениях, то Шехтер ответил: «Честь открытия генизы принадлежит многочисленным каирским торговцам древностями, которые вот уже много лет постоянно предлагают ее содержимое различным библиотекам Европы... Г-н Э. Н. Адлер провел в генизе полдня. От него я узнал, что он получил от местного начальства в подарок кое-какие рукописи. Вот „ключ, который он мне дал...“ Что же касается вопросов приоритета, то они скучны, и я не намерен обременять Ваших читателей их обсуждением» [396, 11].

Предоставим же поиски «первого» изобретателя или открывателя тем, кто не может избавиться от привычки представлять любое человеческое достижение в романтиче-

ском свете. Большинство древних археологических объектов Египта и Месопотамии было известно местному населению еще за много столетий до того, как там появились с лопатой и фотоаппаратом европейские археологи. Первыми же их посетили расхитители гробниц, эти дерзкие, вездесущие негодяи, представители «второй древнейшей профессии». Туземные феллахи были знакомы со скальной гробницей фараона Сети гораздо более детально, чем Бельцони, который, как считается, первым ее обследовал. Они даже, по видимому, знали о тех скрытых помещениях и лестничных ходах, которые исследователи открывают только сейчас, в 1960-е годы. И кто может сказать, на протяжении скольких столетий пещеры Мертвого моря навещали кочевники-бедуины?

Оттого, что кто-то побывал в генизе раньше Шехтера, вклад его отнюдь не преуменьшается. Он стоит выше всех предшественников потому, что именно он усмотрел в каирской генизе источник многочисленных древнееврейских документов, в течение ряда лет появлявшихся на мировом рынке. Именно Шехтер положил конец беспорядочному разбазариванию ценных рукописей неразборчивыми в средствах служителями синагог и торговцами. Его конечной целью было полное освобождение генизы от ее содержимого и вывоз его в Европу. Энтузиасту, человеку большой силы убеждения, Шехтеру достаточно было лишь задумать свой план вывоза содержимого генизы, как он уже имел поддержку некоторых влиятельных лиц в Кембриджском университете. Его основным покровителем был Чарлз Тейлор, глава колледжа св. Иоанна, видный математик, который помимо этого стал одним из выдающихся исследователей, не евреев по происхождению, изучавших раввинскую литературу. Отпрыск семейства состоятельных лондонских купцов, он обеспечил средства для экспедиции Шехтера. Вся миссия планировалась втайне, хотя Шехтер и не смог сохранить полное молчание, судя по переписке, которую он, прежде чем добратсья до Каира, вел с одним своим американским приятелем (пророчившим ему, кстати, выдающиеся успехи).

С такими вот полномочиями, а также с солидным багажом предприимчивости и приветливого обхождения Шехтер отправился в декабре 1896 г. в путешествие в Египет. Орошаемая Нилом страна не могла предложить ему ничего из тех прелестей, которыми он, несколькими годами ранее,

так восхищался в Италии. «Теперь, когда к истокам Нила ездят на велосипедах,— писал он в нарочито прозаической манере,— мало что интересного можно сообщить о Каире и Александрии» [399, 4]. В особенности он был разочарован Александрией. Своему американскому другу он доверительно писал: «Провел день в Александрии. О Филоне-иудее (знаменитый иудейско-эллинистический философ) здесь и памяти не осталось. Нынешний еврей больше интересуется хлопком и прочей чепухой, чем логосом и вечной любовью» [343, 128]. Нанеся визит главному раввину и рассказав о цели своего путешествия, Шехтер не услышал от него ничего ободряющего. Рабби заверил его, что в Каире он мало что найдет, «разве что несколько потрепанных листков».

Сомнения его усилились, когда он добрался до Каира, о котором писал: «Все в нем, рассчитанном на удовлетворение потребностей европейского туриста, стало уныло современным, и сердце у меня упало, когда я подумал: вот это место, откуда я предполагал вернуться нагруженным добычей, возраст которой внушает уважение даже в наших древних цитаделях наук» [399, 4]. Но посещение самого его преподавателя великого раввина Каира Рафаила бен Шим'она, которому он вручил свои рекомендательные письма, вскоре подняло его дух. Ему была обещана полная поддержка.

Поскольку имущество синагоги находилось на попечении раввина и синагогального начальства, Шехтеру пришлось также заручиться поддержкой светского главы еврейской общины в Каире. Последнее слово было, однако, за раввином, но Шехтер склонил его на свою сторону через его брата, который был при раввине основным советником. Несколько дней спустя Шехтер шутливо писал своей жене: «Раввин очень добр ко мне и лобызает меня в уста, что не слишком приятно». В том же самом письме он также мог сообщить, что уже работает в генизе и только что вынес оттуда два больших мешка с фрагментами рукописей. Шехтер, человек далеко не заурядный, со всеми умел найти общий язык. Неожиданно Каир показался ему чудным городом. Он обнаружил наконец, что в Каире можно насладиться итальянской оперой, мастерством французских танцовщиков, искусством британской администрации и магометанских гурий. «Эти последние крайне безобразны, и я не удивляюсь, что они столь тщательно скрывают свои лица» [343, 129].

Гениза была расположена в дальнем конце галереи для женщин, на западной стороне синагоги. Входом в тайник служило отверстие, сделанное в стене, к которому надо было взбираться по грубо сколоченной лестнице. Г-же Льюис и г-же Гибсон, которые присоединились к Шехтеру в Каире, было позволено заглянуть в каморку, из которой вышло «такое множество растрепанных клочков с письмами, заставивших радостно биться сердца европейских исследователей». Их чувства были оскорблены, когда им пришлось наблюдать, как служка прыгнул в небольшое отверстие, и, стоя внизу, они услышали, «как под его ногами хрустит древний веллум» [349, 8]. Будучи библиофилками, они были возмущены не менее, чем мы теперь возмущаемся, читая о подвигах Бельцони в фиванском некрополе, когда каждый шаг его «сопровождался хрустом раздавленных мумий». По мнению А. Льюис, в Синайском монастыре с рукописями обращались в общем-то более почтительно, по крайней мере складывали их в коробки или корзины, но не расшвыривали где попало и не закапывали под остатками древних стен и под песком, занесенным из пустыни.

В синагогу Шехтера отвел сам верховный раввин. Поначалу огромное количество материала и тот беспорядок, в котором он пребывал, привели его в трепет. Хотя он и имел право затребовать себе все необходимое, Шехтер счел, однако, нужным проявить благоразумие и ограничиться одними лишь рукописями, презрев более поздние печатные тексты, которые за последние четыреста лет во множестве скопились в генизе. Он счел поздний материал заслуживающим меньшего интереса по сравнению со значительно более древними документами, написанными от руки. В этом он был, может быть, и не прав. Позднее исследователи печатных произведений, такие, как Э. Н. Адлер и Дж. Л. Тичер, обнаружили ценные тома инкунабул (редких образцов первопечатных книг), которые немало поведали нам о книгопечатании на Ближнем Востоке в XV столетии. Но при сложившихся тогда обстоятельствах у Шехтера не было альтернативы. Ввиду обилия материала необходимо было провести отбор. В статье, опубликованной в «Таймс» по возвращении, 8 августа 1897 г., Шехтер приводит живое описание картины, представшей его взору:

«Вряд ли кто-нибудь может представить себе беспорядок, царящий в настоящей старой генизе, пока не увидишь ее соб-

ственными глазами. Это книжное поле брани, в этой битве участвовали литературные творения многих веков, и повсюду рассеяны их *disjecta membra* (лат. «разъятые члены»). Некоторые бойцы уже безвозвратно погибли и буквально истерты в пыль в страшной борьбе за жизненное пространство, в то время как другие, словно бы поддавшись азарту всеобщей давки, смяты в большие, бесформенные кучи, извлечь из которых отдельные составляющие, не причинив им существенного вреда, нельзя уже даже с помощью химических препаратов. В нынешнем их состоянии эти слипшиеся куски подчас создают любопытные и знаменательные сочетания, когда, например, вы натываетесь на отрывок сугубо рационалистического труда, где отрицается существование и ангелов и дьяволов и который в схватке за жизнь прильнул к амулету, в котором и тем и другим (большей частью последним) вменяется в обязанность вести себя прилично и не мешать любви мисс Джейр к такому-то лицу. Далее развитие романа еще более осложняется, поскольку последние строки амулета приплюснуты к какой-нибудь долговой расписке или договору об аренде, а тот, в свою очередь, томится, зажатый между листами труда старого моралиста, который взирает с презрением и негодованием на любые проявления внимания к денежным делам. В конце концов все эти противоречивые материалы оказываются плотно прижаты к листам какой-нибудь очень древней Библии. Ей бы, конечно, и следовало быть судьей в их споре, но с содержанием ее вряд ли удастся ознакомиться без того, чтобы не отодрать предварительно с ее поверхности обрывков какого-нибудь печатного издания, липнущего к благородной древности с упорством и навязчивостью парвеню» [399, 6—7].

Потянулись недели тяжелой, рутинной работы. Изю дня в день, работая в лишенной окон кладовой, Шехтер вдыхал в себя «пыль веков». После этого ему даже пришлось пройти курс лечения. Его биограф Норман Бентвич утверждает, что работа в кладовой генизы превратила физически крепкого ученого в старика и почти полностью подорвала его здоровье.

Сам Шехтер писал: «Задача была явно не из легких, поскольку в генизе было темно и в воздух поднимались тучи пыли от прикосновения к хранящимся в ней предметам, будто сама гениза препятствовала тому, чтобы нарушали покой ее обитателей. Подобным протестом никак нельзя пренебречь, 425

поскольку пыль забивается в глотку, грозя удушьем» [399, 7—8].

Сознавая, что в такой сложной обстановке одному с работой не справиться, Шехтер не без колебаний принял помощь, с готовностью предложенную служителями синагоги и их многочисленными сородичами. В конце концов хранители синагоги в ходе их прежних предприятий по выносу и сбыту рукописей из генизы накопили уже немалый опыт. (Те, кто вел раскопки в Иудейской пустыне, обыскивая пещеры в поисках свитков, были подобным же образом вынуждены нанимать тех самых бедуинов, которые прежде расхищали эти драгоценные материалы.) Благодаря этому Шехтер познал тонкости восточного этикета, суть которого выражается словом «бакшиш» и который предполагает щедрые подачки и взятки, грубо требуемые, но зато столь изящно принимаемые местными жителями за самые незначительные услуги или вообще невесть за что. Всем своим «прежним образом жизни» Шехтер был отнюдь не подготовлен к этой унижительной малоэффективной практике. Она была сопряжена с необходимостью торговаться и вообще с бессмысленной тратой денег и времени. Шехтер, однако, был способен относиться к этому с юмором. Служители, писал он, «разумеется, уклонялись от того, чтобы получать за услуги по определенной таксе наличными столько-то пиастров в день. Для них это плебейская манера ведения дел, до которой никогда не снизойдет уважающий себя служитель настоящей генизы. Фактически все население на территории, прилегающей к зданию синагоги, постоянно испытывало мою щедрость, мужчины — по праву достойных коллег, занятых той же работой (по отбору), что и я, или в крайнем случае по праву свидетелей нашей работы; женщины — постольку, поскольку они почтительно приветствовали меня при моем появлении или же выражали глубочайшее сочувствие при моих приступах кашля, вызванных пылью. Если же день был праздничным, например новолуние или канун субботы, то от меня ожидали за все эти любезности гораздо более щедрого вознаграждения; считалось естественным, что западный миллионер добавит от щедрот своих великолепия предстоящей трапезе» [399, 8].

Принятие же этой сомнительной помощи было чревато, как Шехтеру вскоре предстояло убедиться, дополнительными проблемами. Он с ужасом обнаружил, что один торговец в Каире предлагал на продажу фрагменты из генизы, и у него

не оставалось другого выбора, как выкупить их обратно за непомерную цену. Однако его обращение в еврейскую общину положило конец порочной практике, по крайней мере на время.

Добыча укладывалась в большие мешки, количество которых неуклонно возрастало. К концу января их было тридцать. Шехтер писал своему приятелю в Англию: «Работа продана чисто, прямо как в Писании сказано: „И обобрали они египтян...“» [343, 130]. Чтобы избежать неожиданных осложнений в последний момент или кражи, он старался как можно скорее отправить груз в Англию. Посольство Великобритании в Каире оказало ему помощь в получении разрешения на вывоз и ускоренную отправку. Оставалось лишь переправить мешки из синагоги к экспедитору. Но даже и тогда «ухитрились в последний раз выкрасть кое-какие фрагменты» [309, 186], как выяснила А. Льюис, которая купила некоторые из них, увидев их выставленными для свободной продажи в лавках каирских торговцев. Шехтер уже на пути в Палестину, где он собирался навестить своего брата-близнеца, жившего в окрестностях Хайфы, узнал, что его конкуренты — представители Бодлеанской библиотеки — пытались завладеть остатками сокровищ генизы — материалом, захороненным вне синагоги.

Египетские трофеи достигли Англии прежде Шехтера, который провел несколько недель в Палестине, а затем отправился в Марсель на корабле, наскочившем на скалу и едва не затонувшем, не дойдя до порта назначения. Его попутчиком, с которым он познакомился на борту корабля, был еще один «расхититель» богатств Египта — Флиндерс Петри. Для Шехтера теперь только начиналась настоящая работа, и одной человеческой жизни на нее явно не хватало. Предстояло рассортировать, идентифицировать и издать обширнейший материал — по его приблизительным подсчетам, порядка ста тысяч фрагментов. Тем временем рукописи, за которыми с этих пор закрепляется название «коллекции Тейлора — Шехтера», были переданы в библиотеку Кембриджского университета, который в 1898 г. официально объявил об их приобретении, опубликовав список некоторых наиболее примечательных сокровищ с изложением условий, на коих уникальная коллекция была передана университету жертвователями. Выполняя одно из этих условий, университетский совет ублажил каирскую еврейскую общину рукописным адресом на перга-

мене, цветисто составленным на трех языках и содержащим изъявления признательности «не только за то радушие, с каким Вы принимали нашего талмудиста, но и за поразительную щедрость, с какой Вы позволили ему вернуться домой нагруженным рукописными фрагментами». Далее, с тем чтобы напомнить каирским евреям о всеобщем благе, добытом ценою их личной утраты (если только они вообще ощущали таковую), цитировался стих из «Притчей Соломоновых»: «Иной сыплет щедро, и ему еще прибавляется...» (Притчи, 11, 24). Что же касается Шехтера, то он получил от университета степень доктора филологии и удостоился другой удачно выбранной цитаты, на этот раз, как и следовало ожидать, из «Экклесиастика»: «Исследуй и познавай, ищи и обрящешь, схватив ее, не отпускай!» [343, 134].

В статье Шехтера, напечатанной 8 августа 1897 г. в «Таймс», и в предварительном списке материалов коллекции, выпущенном информационным издательством библиотеки в июне 1898 г., были обнародованы некоторые наиболее поразительные из опознанных к тому времени находок. Хотя это была лишь малая толика в сравнении с тем, чему еще предстояло обнаружиться, находки были действительно сенсационными. В том же выпуске «Таймс», где был помещен живо написанный отчет Шехтера, было также опубликовано письмо его кембриджского коллеги Ф. С. Беркитта, объявлявшего о своем открытии среди фрагментов из генизы, только что доставленных в Англию, листка из перевода древнееврейского Ветхого завета на греческий, выполненного Аквилой¹². Этот труд, известный своим буквализмом в переводе оригинала, в свое время вытеснил в среде грекоязычных евреев «Септуагинту» и использовался до тех пор, пока сам греческий язык не вышел из употребления в период арабской экспансии. И тогда книга бесследно исчезла.

Все годы, которые ему оставалось еще провести в Кембридже, Шехтер трудился почти неизменно в большом зале университетской библиотеки, отведенном специально для коллекции, которая поначалу была разложена по ста восьмидесяти четырем ящикам. Имелись в ней и переплетенные тома, и около тысячи восьмисот фрагментов, которые были помещены под стекло. Там, по свидетельству его биографа, он «проводил все дневные часы за работой, одетый в пыльник и специальную защитную маску, предохранявшую нос и рот от пыли. Сквозь его руки прошли и были им самым класси-

фицированы все те сто тысяч фрагментов, которые ему удалось собрать. Вокруг него стоял целый ряд обычных бакалейных ящиков с этикетками „Библия“, „Талмуд“, „История“, „Литература“, „Философия“, „Раввинизм“, „Теология“ и т. д. Задачей его было извлечь каждый листок бумаги или пергамента из общей массы, изучить его с помощью лупы и затем поместить в соответствующую коробку „с проворством домохозяйки, сортирующей белье, полученное из прачечной“. Из Европы и Америки сюда приезжали ученые, чтобы посмотреть, как он работает» [343, 147—148].

Вполне понятно, что первоочередной интерес для него представлял «Экклесиастик», «истинный виновник» всего чуда генизы. И его надеждам обнаружить новые листы из той же книги недолго уже оставалось ждать своего осуществления. В Каире ему попались листы из другой рукописи, и постепенно он находил еще и еще. Время от времени он помещал в «Таймс» сообщения о подобных счастливых открытиях, и его энтузиазм по поводу ценности доставшегося емуклада неуклонно возрастал. «Нам открывается целый дотоле неизвестный иудейский мир», — написал он однажды. Несколько дней спустя он отмечал свой «самый славный день генизы», когда в течение одного и того же дня он обнаружил один греческий текст, один сирийский палимпсест и к тому же «самую важную часть сочинения Бен Сиры» [343, 146]. В дополнение к тем новым листам из «Экклесиастика», которые продолжали попадаться самому Шехтеру, другие листы из того же труда обнаружились в Британском музее, в Париже и среди рукописей из генизы, принадлежавших Э. Н. Адлеру (позднее завещанных им Еврейской теологической семинарии). Так постепенно были восстановлены две трети текста «Экклесиастика». Было уже предпринято несколько его критических изданий, первым из которых было издание Шехтера и Тейлора в 1899 г. За ним последовали другие, пока в 1906—1907 гг. немецкий ученый Рудольф Сменд не издал то, что долгое время признавалось окончательным текстом. Тем не менее остальные листки из Бен Сиры появлялись еще и в течение многих последующих лет, а впоследствии их дополнили фрагменты, найденные в пещерах Мертвого моря. Наконец, в 1953 г. сотрудник Еврейского университета М. С. Сегал выпустил в свет почти полное издание текста.

Текст Аквила, опознанный Ф. С. Беркиттом, был одним из палимпсестов генизы, на которых поверх прежнего текста бы-

ли записаны еврейские религиозные гимны. Шехтер передал эти рукописи — их первые тексты были написаны по большей части на греческом и сирийском языках — своим кембриджским коллегам, более квалифицированным для того, чтобы установить их правильное чтение. А. Льюис и М. Гибсон среди прочих также издали несколько палестино-сирийских палимпсестов. Пожалуй, наиболее ценным из их числа был (также изданный Беркиттом) текст из знаменитой «Гексаплы» — многоязычной Библии III в., содержавшей шесть разных версий одного текста в параллельных колонках, составленной Оригеном и, как полагали, погибшей в 638 г. при взятии арабами Кесарии. Этот палимпсест содержал псалом 22. Как очень часто случается в анналах открытия, другой фрагмент палимпсеста «Гексаплы», также содержащий «Псалмы», был обнаружен почти одновременно с первым, в 1894 г., кардиналом Джованни Меркати в миланской Библиотеке Амвросиана. Хотя рукопись Меркати и более значительна по размерам, она представляла собой поздний, менее удовлетворительный список, выполненный минускульным письмом и в отличие от листка из генизы лишенный колонки с древнееврейским текстом.

Невозможным было бы даже перечислить несметные богатства этого собрания рукописей, далеко не все из которых идентифицированы и сегодня. Лелеянный Шехтером план составления полного каталога всех материалов и издания полного текста («корпуса») всего собрания до сих пор по-прежнему далек от осуществления. В 1959 г. Пауль Е. Кале, автор единственной обширной работы о каирской генизе¹³, который сам на протяжении шестидесяти лет занимался изучением коллекции, писал: «Даже сегодня тщательное изучение фрагментов коллекции приводит к самым выдающимся открытиям. Еще весьма нескоро мы сумеем извлечь из этой величайшей сокровищницы все, что она может нам дать» [374, 13].

А незадолго до смерти Шехтер в своем докладе о генизе упоминал о таких предметах, как «астрономия и астрология, беллетристика и легенды, математика и медицина, Коран и суфизм — больше предметов, чем букв в алфавите» [313, 161], — по которым документы могут дать весьма ценные данные. И все же сегодня, столетия спустя после этих высказываний Шехтера, эти богатейшие возможности едва начали осваиваться.

В одной только библеистике гениза открыла новую эру, которой пока еще не видно конца, эру, сопоставимую по значимости и многообразным последствиям с эрой, начало которой положило открытие свитков Мертвого моря. Не без оснований гебраисты говорят о существовании в истории их науки

ה'ז ע'ל ע'ים וק'נ'מ'ני מ'ע'ב'ש'ו
ל'מ'בו'ר'ך ב'ר'ק'י'א'ם ל'ה'י'ו'ת ב'י'ד'ו

ז'ס'א'נ'י'א'ש'ל'א'ו י'ב'ר'כ'ו' ל'ה'י'ו'ת
ל'ב'ר'ך ל'ה'י'ו'ת ו'ל'ג'ד'ו'ת מ'ה'מ'ק'ד'ו

ש'ט'א'ה ל'א'ר'ו'ן ו'א'נ'ש'ים ג'א'ו'ה ו'א'ש'נ'ה'ם מ'ע'ל י'ש'ר'א'ן
מ'ל'כ'ו'ת מ'ג'ד' א'ט'ו ת'פ'ו'ב ב'ג'ל'ל ח'מ'ס ג'א'ו'ה: ד'ה י'ג'א'ה

מ'ד' ב'י'ט ו'ל'מ' ל'א'ת ח'פ'צ'ט
פ'ט. ב'ט. י'ב'ר'כ'ו'ת ו'א'ש'א'ו'ת'י'כ'ם

Фрагменты древнееврейских рукописей из каирской генизы. Сверху вниз: контракт на веллуме, датируемый 980 г. н. э. (Британский музей); письмо, датированное 1055 г. н. э. (Британский музей); список «Экклесиастика», восходящий, вероятно, к IX в. и являвшийся прежде собственностью Э. Н. Адлера; документ, датированный 1033 г. н. э. (Британский музей)

«века генизы», предшествовавшего «веку пещер» [404, 76]. Сравнения с кумранскими свитками могут показаться натянутыми, но они, как мы убедимся далее, в высшей степени уместны. Хотя ни одна из рукописей генизы не может соперничать с кумранскими материалами по древности, их количество и обширный диапазон обеспечили им тем не менее важнейшую роль в ветхозаветных исследованиях и гебраистике, которую они, можно, пожалуй, смело сказать, уступили свиткам лишь на время.

Тексты генизы в значительной своей части являются библейскими и восходят к X, а подчас и к IX в. До появления 431

свитков Мертвого моря и — ранее того — крошечного «Папируса Нэша»¹⁴ вообще не было известно ни одного более древнего еврейского ветхозаветного текста (за исключением, быть может, лишь старой караимской Библии, по сей день остающейся во владении каирской общины). Шехтеру представлялось вероятным, исходя из различных палеографических данных, что некоторые из библейских рукописей были даже древнее, чем «Пятикнижие» Британского музея. В одном колофоне указывалась дата написания текста, превосходящая древностью знаменитый ленинградский «Кодекс Пророков», происходящий из Крыма¹⁵ и датированный 916 г. н.э. На одном из фрагментов Шехтер обнаружил следы позолоченных букв; древнееврейские рукописи, как правило, совершенно свободны от элементов «орнаментального искусства», но тем не менее буквы с позолотой вполне могли быть изобретением иудеев, хотя они очень скоро от этой практики отказались.

Библейские рукописи дали нам очень много новых данных о вариантах текста (особенно благодаря указанию различий в примечаниях на полях), а также о развитии системы обозначения гласных, что помогло разъяснить до того весьма спорные вопросы древнееврейского вокализма и произношения. Изучая тексты Священного писания из генизы, Шехтер всегда с интересом читал их колофоны, в которых указывалось, когда и где был сделан список, имя писца или же владельца книги. Зачастую подобные памятные записи включали в себя грозные проклятия в адрес тех, кто осмелился бы продать или унести «Псалтырь» или «Пятикнижие», пожертвованное богобоязненным и щедрым г-ном таким-то синагоге такой-то. У современного охотника за рукописями набожные заклинания такого рода способны вызвать лишь улыбку. Шехтер по этому поводу замечал: «Читать все эти проклятия довольно удручающе, если ты как раз знаешь кое-что об этом самом лице, унесшем рукопись из синагоги; но если вы хотите выяснить историю рукописи, вам приходится мириться с такого рода „благопожеланиями“. В конце концов может статься, что мои разыскания поспособствуют робким притязаниям благочестивого дарителя на обретение бессмертия, поскольку имя его снова будет явлено миру в каталоге, который когда-нибудь все же будет подготовлен. Пока же рукопись пребывала в куче праха в генизе, шансов у него на это было, безусловно, куда меньше» [399, 17].

Другой диковинкой были образчики библейских текстов, выполненные необычным видом скорописи — так называемым «решетчатым письмом», при котором в каждом стихе первое ключевое слово или слова даются полностью, а все остальные представлены только их начальными буквами. По этой системе первый стих Библии можно записать следующим образом: «Вначале с. б. н. и з.» (т. е. «Вначале сотворил бог небо и землю»). Это была скорее своего рода памятка, нежели подлинный текст, и, возможно, такой способ записи был каким-то образом связан с первоначальным характером лишенной гласных семитской письменности, которая, как иногда утверждают, основывалась не на подлинном алфавите, а опиралась на скорописную, полусиллабическую систему. Гениза явила первые подобные примеры использования «решетчатого письма» (старый раввинский термин) для записи целиком всего текста.

Подобная форма сокращенного письма была рассчитана на искушенного и высокоученого человека, который хорошо знаком со священными текстами. Среди рукописей были также краткие извлечения из «Пятикнижия», тщательно выписанные большими буквами для обучения молодежи, — короче говоря, «упрощенная Библия».

Наиболее значительную часть коллекции составляют вместе с библейскими литургические тексты. Они дают представление о наиболее древних формах иудейского богослужения и существенно обогащают наши знания об эволюции еврейской молитвенной книги.

Открытие заново Янная, древнееврейского поэта VII в. н. э., представляет собой романтическую историю, сравнимую с историей открытия Вакхилида. Яннай жил в Палестине в эпоху византийского владычества, до арабского завоевания. Нам было известно лишь одно-единственное его стихотворение. Израиль Дэвидсон, который преподавал в нью-йоркской Еврейской теологической семинарии, обнаружил среди палимпсестов Аквилы и «Гексаплы» еще пять стихотворений Янная. Но это было лишь начало. К 1938 г. Менахем Зулэй, сотрудник Шокенского исследовательского института древнееврейской поэзии в Иерусалиме, изучил более десяти тысяч фотографий фрагментов из генизы, разбросанных по всему миру. Из них он собрал целый том, насчитывающий около восьмисот стихотворений Янная [361, 11].

Это одно из выдающихся повторных открытий в поэзии. 433

Тематика некоторых из стихотворений Янная не совсем религиозна. Тут можно встретить, как писал один из последних исследователей генизы, «изысканные картины палестинской сельской местности, возвращение с работы усталых крестьян с хвалебными песнями на устах, «лугов, покрытых овцами», и злаков, «набирающих силу в обильной росе» [361, 11—12]. Новые открытия показали, что древнееврейская светская поэзия процветала во всех странах византийской и мусульманской цивилизаций, а не только в мавританской Испании, как полагали ранее.

Автограф испано-еврейского ученого
и медика Маймонида, из каирской генизы

Разнообразие поэтических рукописей потрясает. Пожалуй, ничто не свидетельствует об этом так хорошо, как неожиданные образцы текстов на французском из одной «шансон де жест»¹⁶, поэмы «Aliscans», сразу привлёкшие к себе внимание исследователей средневекового героического эпоса. Шехтер был прав, говоря: «Гениза — это целый мир со всеми его религиозными и светскими чаяниями, устремлениями и разочарованиями, а чтобы истолковать мир, также требуется целый мир» [343, 161].

Некоторые из фрагментов Талмуда были древнее всех известных до той поры списков; в их число входили недостающие части иерусалимского Талмуда. Утраченные труды одного из выдающихся талмудистов, Саадии бен Иосифа, «гаона» Суры в Вавилонии¹⁷, дополнили знания об этой разносторонней и противоречивой личности — человеке, который поражал своих современников масштабностью и разнообразием своих теологических, грамматических и полемических сочинений, но который был также известен воинственностью в отношении к соперникам, раскольникам и даже к своим бывшим благодетелям. Обнаружились части его древнееврейской грамматики, которая, предполагают, была первым сочинением подобного рода, а также разделы его арабского комментария к Библии,

автобиографическая «Апология» и большое количество частных писем. Письма наряду с автографами Маймонида¹⁸ и поэта-философа Йехуды Галеви¹⁹ входят в число величайших сокровищ, полученных из генизы.

По мере того как Шехтер и другие исследователи все глубже погружались в пыльные груды рукописей, на свет извлекались все новые и новые работы, считавшиеся невозвратно утраченными. Было обнаружено достаточное количество материалов для удовлетворения любых литературных, исторических, религиозных и филологических вкусов и для того, чтобы обеспечить карьеру многим начинающим исследователям. Имелся, к примеру, арабский перевод трактата Филона²⁰ о «Десяти заповедях», а также любопытный труд неизвестного иудейского скептика X в., который Шехтер издал под заглавием «Древнейший свод трудных мест в Библии, составленный евреем». Он был рационалистом, предшественником Абеяра, который обнаружил непоследовательности в композиции и содержании Ветхого завета²¹. Шехтеру он напомнил о школе «Высшей критики» и «злобствовании энциклопедистов» [343, 161].

В генизе имелся почти неограниченный фонд личных писем, написанных неизвестными людьми; эти письма позволили ученым получить представление о традициях и исторических тенденциях развития Ближнего Востока на протяжении столетий. Их можно вполне сравнить с залежами частной корреспонденции птолемеевского и римского периодов в Египте, которые были выкопаны из египетских мусорных куч примерно в то самое время, когда опустошали генизу. Письма и разнообразные документы из генизы принадлежат более позднему периоду, но они полны таких же житейских мелочей, юмора и жизненной достоверности. Некоторые из них были опубликованы, а еще большее количество готовится к публикации, в особенности те из них, которые имеют экономическое содержание и касаются средиземноморской торговли. Здесь можно ожидать аналогий с письмами Зенона, благодаря которым М. И. Ростовцев смог так живо представить себе экономическую историю эллинистического Египта.

Уже второе поколение исследователей генизы проявляет интерес к историческому фону каирских документов, но и шестьдесят лет спустя после ее открытия ученые признавали, что они лишь начали черпать из сокровищницы доступного материала. Историки постоянно обнаруживают так много цен-

ного, что им приходится ограничиваться сравнительно узкими аспектами и историческими периодами. Чтобы получить представление о грандиозности стоящей перед ними задачи, необходимо осознать тот факт, что сто с лишним тысяч фрагментов из синагоги Старого Каира, хранящихся в Кембридже и других местах, отражают двенадцать столетий христианской эры через восприятие интеллектуально и экономически процветающей общины, которая входила органической частью

Египетская фатимидская монета
с именем халифа Османа

в великую арабскую цивилизацию средневековья. Документы затрагивают самые различные аспекты арабской и средиземноморской истории, многие из которых за недостатком данных ранее были для нас чрезвычайно темны. Например, кое-что в нашем представлении о крестовых походах требует, как выясняется, полного пересмотра. Современные исторические работы по крестовым походам утверждают, что в первом походе к моменту, когда крестоносцы достигли Святой земли, участвовали одни французы, но письмо из генизы, относящееся к этому времени, удостоверяет присутствие здесь «нечестивых, именуемых ашкеназим (т. е. германцев)» [361, 15]. Другое письмо, обнаруженное профессором С. Д. Гойтайном из иерусалимского Еврейского университета, доказывает теперь, что эти «паломники» отнюдь не вырезали целиком все местное еврейское население. Кое-кто был взят в заложники с целью получения выкупа — дело значительно более доходное! — звонкой восточной монетой [360, 35]. В то же время местные евреи старались облегчить участь своих менее удачливых собратьев.

До открытия генизы мы не знали практически ничего об истории евреев как в Палестине, так и в Египте с момента прихода арабов (VII в.) по XII столетие. Теперь нам известны даже мельчайшие подробности. В самой Палестине евреи продолжали жить активной жизнью и после крестовых походов; гости приезжали сюда даже из столь дальних стран, как Испания и Русь. Здесь множились центры талмудизма, привлекавшие к себе иностранных ученых. В одной из духовных академий еврейские студенты, недовольные условиями жизни, устроили бунт [361, 15].

И опять именно частные письма наполняют жизнью статическую картину эпохи. Женщина оказывается в безвыходном положении в Константинополе и умоляет своих братьев, проживающих в Египте, прийти ей на помощь [381, 305]. Писец вынужден зарабатывать себе на жизнь в провинции, оставив своего маленького сына на попечение учителя. Он беспокоится за мальчика, боится опасностей, поджидающих его на каирских улицах, и вызывает к сочувствию попечителя: «Хоть я и беден, мои дети мне дороги» [381, 305]. В Кембридже и Нью-Йорке профессор Гойтайн обнаружил доставленные из генизы оригиналы писем, которые Йехуда Галеви писал из Испании приятелю в Каир. В одном из них поэт говорит о своем плане посещения Египта. Таким образом, теперь мы узнали много нового о последних годах его жизни.

То, что прежде составляло пробелы в средневековой истории Ближнего Востока: экономические кризисы, деловые и торговые объединения, структуры цен и колебания денежных курсов, морские перевозки, сношения с Индией, Южной Аравией, Восточной Африкой — все это теперь изучается на базе подлинных документов на арабском и древнееврейском языках. За последние годы мы узнали о существовании важной торговой базы на Кише, острове в Персидском заливе, которая имела собственную армию и военный флот [360, 35]. Некоторые еврейские купцы владели целыми флотилиями торговых судов в Индийском океане, а иные имели своих торговых агентов, аккредитованных в зарубежных городах и представляющих интересы соотечественников, — на манер консулов, которых позднее рассылали по свету европейские города и государства. По всем этим областям жизни имелось лишь незначительное количество письменных арабских документов до тех пор, пока гениза не отдала нам свои сокровища. Архивы генизы повествуют об обществе, значительно опережавшем

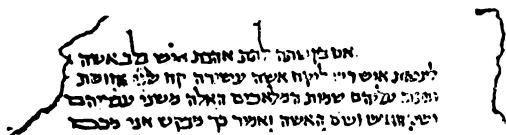
тогда Европу, и указывают, таким образом, что многие из учреждений и многое в деловом опыте поднимающегося Запада. в особенности в торговле, финансах и практике договорного законодательства, было полностью предвосхищено по другую сторону Средиземного моря.

Можно было ожидать, что в генизе, в силу самой ее природы, окажется немалая часть апокрифов, псевдэпиграфов и подобной литературы, которую раввины всеми силами старались убрать с глаз долой. Показательным примером является в данном случае «Экклесиастик». К моменту, когда каирская гениза начала функционировать (т. е. скорее всего к IX в. н. э.), многие неканонические работы были уже изъяты из обращения. Однако значительное количество фрагментов помимо рукописных страниц «Экклесиастика» обрели свое место под сводами, обрекавшими их на забвение. Среди них находилась и значительная часть труда на арамейском языке, который принято считать христианским апокрифом (различие между подобными иудейскими и христианскими сочинениями отнюдь не всегда легко установимо и зачастую зависит от количества христианских интерполяций в еврейских текстах), именуемым «Завещаниями двенадцати патриархов». Иудейские сочинения включали «Изречения раввина Елиезера» и «Седер Элийяху», причем авторство последнего текста приписывалось пророку Илии. Шехтер приветствовал эти тексты как важные свидетельства «истории развития иудейской религии в период между двумя Заветами» [373, 703].

Примерно на рубеже нашего века Шехтер уделил более пристальное внимание одному небольшому сочинению, содержащемуся в Кембриджской коллекции. Этому тексту, предположительно сектантского происхождения, предстояло увлечь его почти на десятилетие, пока в 1910 г. он не обнаружил его вместе со всеми примыкающими к нему материалами. Текст, который Шехтер назвал «Фрагментами цадокитского сочинения», теперь более широко известен под названием «Дамасского документа». Эта публикация вызвала подлинную академическую и догматическую бурю и затяжные, нередко весьма язвительные дебаты, однако широкая публика оставалась почти безучастной.

Тщательное изучение этих сектантских фрагментов убедило Шехтера в том, что в них излагается религиозное учение некой древней еврейской секты. Разнообразные упоминания в тексте как будто бы исторических событий делают весьма ве-

роятным, что данная секта обрекла себя на добровольное изгнание в Дамаск; здесь ее члены, по-видимому, вступили в «новый союз» с богом. Все это было в высшей степени загадочным и, очевидно, беспрецедентным явлением для иудейской религиозной традиции. Кем могли быть эти странные раскольники? Когда процветала их община? Шехтер вначале занялся поисками внутренних свидетельств в самом тексте. Для его опытного глаза было очевидно, что обнаруженные в

Отрывок древнееврейского магического трактата, восстановленный из отдельных фрагментов, происходящих из генизы и рассеянных по собраниям Ленинграда, Нью-Йорка и прочих мест. Опубликовано в 1964 г.

генизе тексты двух отдельных частей «Дамасского документа» относились примерно к периоду между X и XII вв. н. э. Но как только он проанализировал древнееврейский язык текста, квазиисторические ссылки и содержание обеих частей, он убедился, что оригинал необходимо было отнести к гораздо более древнему времени, начиная примерно с 100 г. до н. э. Что же касается общего характера раскольнической группы, то Шехтер в предисловии к опубликованной версии текста заявлял: «Одно очевидно: в данном случае мы имеем дело с сектой, решительно враждебной большинству иудеев, представленному фарисеями²². Эта секта имела свои законы, свой календарь, причем такой свод законов, который непосредственно отражал различные заповеди Священного писания» [394].

Тем временем Шехтер уже подбирал другие ключи к разгадке тайны. Он снова не просто обнаружил неизвестную рукопись, но и оказался единственным человеком, вполне подготовленным к ее опознанию и интерпретации ее содержания. Его анализ по необходимости в большой мере опирался на проделанное им ранее исследование древнееврейского текста «Экклесиастика». Еще одним подспорьем явилось сделанное 439

в то же время, и опять самим Шехтером, открытие другого утраченного сочинения — значительной части «Наказов» (на арамейском языке) Анана, иудейского реформатора, активно действовавшего в VIII в. в Месопотамии. «Дамасский документ», как заметил Шехтер, имел черты сходства и с «Экклесиастиком» и с «Наказами». Все три произведения связаны с деятельностью двух сект — караимов и цадокитов.

Караимы были раскольнической группой иудеев, которая предположительно была основана или, во всяком случае, организована Ананом бен Давидом в Месопотамии в VIII в. н. э. Это были антираввинистски настроенные пуритане, отрицающие талмудическую традицию и экзегетику и отстаивающие право индивидуального истолкования Библии. Таким образом, они напоминали протестантов периода христианской реформации. Цадокиты (или саддукеи) были гораздо более древней жреческой группой, жестоко угнетенной и затем вытесненной фарисеями. Однако представляется сомнительным, что цадокитов, упоминаемых в сектантской литературе из генизы, можно прямо отождествить со священниками-саддукеями Иерусалима новозаветного периода.

Шехтер впервые встретил упоминание о цадокитах («сынах» или «священниках из дома Цадока») на страницах «Экклесиастика». С самого начала он был озадачен тем, что в переводной версии о цадокитах не было сказано ни слова. В оригинале, например, имелся утраченный гимн, прославлявший дом Цадока. Одна из его строк гласила: «О, воздай благодарение ему, избравшему на священство сынов Цадока». Довольно странно, что всякое упоминание о цадокитах было опущено, очевидно умышленно, внуком автора, переведшим его сочинение на греческий. Шехтер предложил этому правдоподобное объяснение: за время жизни двух поколений, в пору селевкидского²³ и затем хасмонейского²⁴ правления, под давлением прозелитистически настроенных фарисеев саддукеи были преданы анафеме, и потомок Бен Сиры осторожно «отредактировал» текст, дабы не навлечь на себя беды. Ссылки Бен Сиры на цадокитов делают вероятным предположение, что сам он принадлежал к антифарисейской, саддукейской партии.

Изучая каирские рукописи, Шехтер снова и снова сталкивался с цадокитами. Запретное, чернильное и гонимое, имя их красной нитью проходит через несколько отреченных в свое время иудейских сочинений. Как можно объяснить тот факт,

что вавилонский талмудист Саадия и другие раввинистские вероучители неизменно обличали врагов своих, сектантов-караимов, как цадокитов? Было ли это просто бранной кличкой? Или хулители основывались на чем-то более конкретном? Но разве цадокиты не сошли со сцены еще за столетия до этого? И как вписывался в эту картину «Дамасский документ»?

Так же как и отрывки, исключенные из греческой версии «Экклесиастика», новооткрытый «Дамасский документ» содержал явные и благоприятные упоминания о священниках-цадокитах. Ядром его содержания, совершенно очевидно, было описание условий существования и обычаев безымянной древней секты, которую Шехтер теперь чувствовал себя вправе отождествить с цадокитами. Соответствие между двумя сектами, цадокитами и караимами, хоть между ними, очевидно, и пролегли столетия, было найдено поразительное. В том, каким образом они могли оказаться связанными между собой, по-прежнему было что-то загадочное. Однако Шехтер твердо придерживался мнения, что «Дамасский документ» предшествовал на несколько столетий выходу на историческую арену секты караимов.

Противоречия, заключающиеся во взглядах самого Шехтера, вооружали его оппонентов. Некоторые заявляли, что фрагменты сектантского содержания — безусловные подделки. Некоторые выворачивали наизнанку гипотезу Шехтера о том, что цадокиты оказали влияние на караимов, и утверждали вместо этого, что караимы явились авторами «Дамасского документа», ставя тем самым под сомнение древность книги и сам факт существования секты цадокитов, иудейских инакомыслящих из числа иерусалимского жречества, еще в дохристианскую эпоху основавших свое особое братство. Луис Гинзберг, коллега Шехтера по Еврейской теологической семинарии, доказывал, и довольно правдоподобно, что, хотя и существовала, несомненно, такая сектантская группа, она имела много общего, с фарисеями, но практически ничего с историческими саддукеями. Некоторые ученые приветствовали открытие Шехтером сектантских фрагментов как достижение, имеющее даже большее значение, чем его критический анализ древнееврейского текста «Экклесиастика». Но лишь немногим удалось до конца постичь все многообразие возможных последствий открытия «Дамасского документа», которое жизнь столь убедительно подтвердила примерно пять-

десять лет спустя с открытием кумранской общины и ее библиотеки. Согласно талантливому резюме Нормана Бентвича, биографа Шехтера, новооткрытые сектантские фрагменты «открыли нам новые аспекты жизни и мышления иудеев в тот критический период, который предшествовал рождению христианства» [343, 264]. Еще более решительно высказался в 1911 г. в рецензии на страницах «Америкэн Джорнел оф Тиоледжи» Кауфман Колер: «Документ обнаруживает точки соприкосновения со многими течениями в иудейской и иудеохристианской истории» [377, 435].

Но множество вопросов, поставленных открытием сектантских рукописей и возрождением цадокитов в VIII или IX вв. н. э., продолжало озадачивать исследователей. Если сами по себе эти документы не караимского происхождения, то как объяснить сходства в их содержании с учением этой секты? Как могло случиться, что после многих столетий забвения цадокиты начали — и, по-видимому, совершенно неожиданно — играть столь важную роль в жизни евреев Ближнего Востока? И как, собственно, могли уцелеть раскольные цадокитские фрагменты? Если упоминания о непопулярных и подвергаемых поношению «сынах Цадока» были изъяты из греческого текста «Экклесиастика», то как могло случиться, что они в ничуть не завуалированных контекстах сохранялись в древнееврейском оригинале — и это несмотря на обычай безжалостного изъятия еретических и апокрифических текстов? Правда, списки текста были заточены в каирской генизе, по всей вероятности, где-то около XII в. н. э. Но как, едва ли не чудом, удалось им до этого избежать захоронения в других генизах или могилах? И удалось ли в действительности? Было ли в самом деле сколь-нибудь убедительное доказательство существования секты цадокитов в дохристианскую эпоху? А если да, то как она соотносилась с другими известными сектами, в частности фарисеями, саддукеями, ессеями? И существуют ли какие-нибудь доказательства, подтверждающие древность происхождения «Дамасского документа»?

Эти вопросы оставались без ответа в течение нескольких десятилетий. Окончательное их решение стало возможным только теперь, после сенсационных открытий рукописей, сделанных в Иудейской пустыне в 40-х — начале 50-х годов нашего века.

Соломону Шехтеру уже не было суждено принять участие в этих событиях: он умер в 1915 г., но он, как никто дру-

гой, остро ощущал смысл проблем, возникших в связи с находками в генизе. Погруженный в свою работу, он писал: «Оглядывая это несметное множество фрагментов вокруг меня, разбором и изучением которых я теперь занимаюсь, я не могу отделаться от охватывающего меня грустного ощущения, что мне вряд ли будет дано самому увидеть все те последствия, которые тексты генизы будут иметь для наших знаний об иудеях и иудаизме. Это работа не для одного человека и не для одного поколения. Она будет занимать многих специалистов и в течение времени, значительно более долгого, чем одна жизнь. Однако, как говорится в старой поговорке, „это не твой долг — завершить работу, но и не твоя воля — уклониться от нее“» [399, 29].

XIX

Пещеры в Иудейской пустыне

Заброшен в Стигийской пещере...
Мильтон. *l'Allegro*

Это один из наиболее безлюдных районов на земном шаре, большей частью лишенный растительности и непригодный для человеческого обитания. Крутые скалистые известняковые холмы, изрезанные обрывистыми оврагами и изъязвленные пещерами, составляют весь его ландшафт. Скалистая, белесоватая, пустынная страна, покрытый пылью шрам на лице Земли, живо повествует о тектонических сжатиях, конвульсиях, вызванных землетрясениями, и о медленном, но неуклонном действии эрозии. Если бы не его расположение, этот район был бы одним из самых заброшенных во всем мире. Хотя она и бесплодна и кажется безжизненной, Иудейская пустыня все же лежит непосредственно к востоку от Вифлеема и Иерусалима. На северной ее границе стоит древнейший город в мире — Иерихон. Круто поднимаясь от глубокой впадины Мертвого моря, эта древняя земля еврейского племени Иуды не могла полностью изолироваться от хода истории. Здесь гремели битвы, по крайней мере начиная с той поры, когда Саул воевал со своим бывшим придворным менестрелем Давидом¹. Бунтовщики, грабители и святые искали убежища в ее безлюдье. Но в основном на протяжении веков она была все же приютом для полукочевых племен. Здесь они охотились или перекочевывали со своими стадами в поисках корма. Иногда они заходили в отдаленные вadi и взбирались на отвесные скалы. В более близкие нам времена эти никем не охраняе-

мые холмы были раем для контрабандистов, пока те не обратили свое искусство на еще более доходные предприятия.

Как-то раз собака, преследуя какое-то животное, внезапно исчезла на глазах у хозяина. Очевидно, она прыгнула в одну из многих естественных пещер, но внутри отверстие было, вероятно, слишком высоко над землей, и собака попала в ловушку. Чтобы вызволить своего любимца, араб спустился через отверстие в темноту. Когда его глаза привыкли к мраку помещения, он с удивлением заметил странные предметы, в которых, повертев их в руках, опознал испещренные каракулями кожаные свитки. Сообщается, что затем охотник-араб прибыл в Иерусалим и взбудоражил местное еврейское население сообщением, что книги были спрятаны в Иудейских холмах. Евреи из Иерусалима повалили толпами в пустыню и нашли в указанном месте, неподалеку от Иерихона, большое количество как ветхозаветных, так и не библейских по содержанию свитков, которые все были написаны на древнееврейском языке.

Рассказ, не правда ли, звучит весьма знакомо! Мы уже слышали о таких обстоятельствах: бедуин, разыскивая пропавшее животное, случайно попадает в пещеру. Знакомо нам и место происхождения — скалистые холмы к северо-западу от Мертвого моря, и его последствия — открытие древнееврейских рукописей и фрагментов литературных текстов, написанных на кожаных свитках. И только дата может вызвать наше удивление. Это произошло примерно в 800 г. н. э.

В тоне, вполне внушающем доверие, этот эпизод излагается в недатированном письме Тимофея I (726? — 819?), несториано-христианского патриарха Селевкии — Ктесифона, города близ Багдада, Сергию, митрополиту эламскому. Когда немецкий востоковед Оскар Браун опубликовал это и другие сирийские письма Тимофея в 1901 г. в одном немецком журнале [346, 299—313], это не вызвало практически никакой реакции. Но половиной столетия позже, в 1949 г., давно забытая статья привлекла внимание другого немецкого ученого, Отто Эйфельдта, который немедленно переиздал ее вновь [357, 595—600]. Вот так мир узнал об этом удивительном предвосхищении открытия свитков Мертвого моря примерно на тысячу и сто пятьдесят лет.

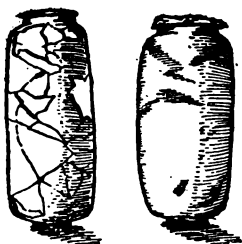
Было ли это просто совпадением, любопытным, но в других отношениях несущественным? Имеется ли здесь какая-нибудь связь с современной находкой? Знаем ли мы, что имен-

Но за рукописи были найдены в 800 г. и что с ними произошло? Мы не располагаем, к сожалению, ничем, кроме сообщения несторианина, но в нем самом можно найти немало важнейших указаний. Тимофей упоминает в своем письме, что ему рассказали об этом открытии новообращенные в христианство евреи из Иерусалима. По их словам, книги были извлечены из «скального жилища» за десять лет до того. Их было «очень много», и они включали, по-видимому, как канонические, так и неканонические тексты. В числе свитков было более двухсот гимнов, определяемых как «Псалмы Давида». Тимофея главным образом интересовало, нет ли в числе библейских текстов таких отрывков из Ветхого завета, которые цитируются Новым заветом, но в то же время «нигде в нем (т. е. в Ветхом завете) не встречаются — ни у евреев, ни у христиан». Еврейский информатор патриарха, «писец, хорошо начитанный» в древнееврейской литературе, услужливо (он, должно быть, имел невероятную память и замечательные способности к восприятию) уверял его, что в числе найденных в пещере рукописей такие отрывки действительно есть. Но, вполне естественно, Тимофею хотелось получить более веские подтверждения этого. Как он сообщает своему другу, он писал об этом «благородному Габриэлю, а также Шувалемарану, митрополиту Дамасскому», однако не получил ответа. Он заканчивает свое письмо унылой нотой: «Нет подходящего человека, которого я мог бы послать. Это как огонь в моем сердце, пылающий и пышущий у меня в ребрах».

Интересно отметить, что Тимофей также задумывался над происхождением и временем создания «пещерной библиотеки» и над причинами помещения в ней свитков. Всякий, кто копался в громадной литературе о свитках Мертвого моря, вспомнит, что ведь это один из наиболее волнующих вопросов и в числе порожденных последними открытиями. Тимофей считал, что он знает ответ: книги из пещеры были помещены туда пророками Иеремией либо Барухом, которые, будучи уведомлены «через божественное откровение» о предстоящем завоевании и изгнании, спрятали священные писания «в скалах и пещерах... чтобы их не унесли грабители». Когда евреи возвратились из вавилонского плена, тех, кто спрятал свитки, уже не было в живых, и о тайнике забыли. Тимофей приписывает захоронение свитков пророкам, основываясь, вероятно, на упоминании в книге Иеремии (32, 14)

о «глиняных сосудах», в которые помещались книги, «чтоб они оставались там многие дни». Будь это так, из этого следовало бы, что эти свитки были найдены помещенными в кувшины, как впоследствии свитки из кумранской пещеры I.

Когда пещерные находки 800 г. н. э. привлекли внимание ученых середины нашего столетия, они тут же получили подтверждение на основе других (косвенных) данных. Многообразные и до тех пор отчасти загадочные явления в свете этих утерянных текстов получили теперь свое объяснение.

Глиняные кувшины
из кумранской пещеры I

Как мы говорили, еврейская секта караимов возникла в конце VIII в. в Месопотамии. Быстрому росту ее в IX и X вв. ученые прежде не могли найти правдоподобного объяснения. И самое удивительное: каирская гениза явила свидетельства того, что в этот период она стала главенствующей сектой в самом Иерусалиме, несмотря на мощную оппозицию со стороны раввинистского жречества. В IX и X вв. секта явно обогатилась новым арсеналом идей и аргументов, который, вне всякого сомнения, обнаруживает совершенно замечательные сближения с идеологией цадокитских фрагментов, входящих в «Дамасский документ». В караимских текстах этого времени мы наталкиваемся на определенно сектантские взгляды, подобные отраженным в «Дамасском документе» и нигде не засвидетельствованные в более ранней караимской или раввинской литературе. Ни с того ни с сего караимские авторы вдруг начинают открыто обращаться к саддукейским (или цадокитским) сочинениям. И их враги, раввины-талмудисты, нападая на них, прямо называют их цадокитами.

Факты говорят сами за себя. В это время был возрожден старый сектантский календарь с его особым порядком 447

праздничных дней; он был идентичен календарю неканонической «Книги юбилеев» (кстати, это один из текстов, наиболее обильно представленных в числе кумранских свитков) и «Дамасского документа». Другие четкие соответствия обнаруживаются в определенных брачных, разводных и очистительных ритуалах, а также в правилах диеты. Эти реформы, о чем с ликованием сообщают караимские авторы, оказали некоторое влияние даже на их противников-раввинистов в Иерусалиме, которые и сами частично их приняли. Возможно, наиболее ярко воздействие древних сектантских концепций демонстрируется упоминанием в караимском тексте IX в. «Учителя праведности» центральной фигуры в эсхатологии Мертвого моря и Дамаска, о которой, как мы теперь знаем, не вспоминали на протяжении многих веков [341, 167]. Свидетельства легко можно было бы умножить. Но они и без того достаточно убедительно говорят о непосредственном воздействии цадокитских текстов на караимское учение и о вероятности того, что новые источники в огромной мере укрепили веру караимов в свои силы и их религиозный авторитет. Но каким образом караимы заполучили эти древние тексты, которые, очевидно, в течение веков оставались недоступными?

Человеком, который всецело посвятил себя этой проблеме и весьма энергично содействовал ее решению, был Пауль Э. Кале, англо-немецкий ученый, специалист по Ветхому завету, долгое время также ревностно изучавший материалы генизы. Он писал: «Вопрос о том, как они (караимы) достали такие тексты, представляет настоящую проблему. Саддукеи были рассеяны в период разрушения храма², а караимское движение зародилось только в VIII в. Таким образом, передача учения саддукеев должна была осуществиться литературным путем. Но какая при этом могла быть использована литература? Все тексты, относящиеся к литературе саддукеев, были уничтожены раввинами... Недоставало связующего звена» [374, 23—24]. По мнению Кале — а большинство ученых сейчас разделяют эту точку зрения, — не могло быть сомнений в том, что тексты попали в общину караимов Иерусалима из пещерного хранилища, описанного Тимофеем I. Дата открытия, около 800 г. н. э., прекрасно согласуется с данными хронологии о периоде подъема движения караимов.

Кале и его коллеги усердно искали и наконец нашли новые подтверждения в работах нескольких караимских и дру-

гих писателей того времени. Основным источником их является живший в X в. караим с благозвучным именем Киркисани (Якуб ал-Киркисани), выдающийся писатель, занимавшийся толкованием караимского Закона и написавший историю еврейских сект. В ней он упоминает о так называемых «*magharīyah*» «магарийя» (арабское слово, означающее «люди пещер»), которых он помещает в истории после фарисеев и саддукеев, но перед христианами. Он объясняет, что они получили это имя потому, что их книги были найдены в пещере. (Название, очевидно, было дано им людьми, которые заново их открыли, и не представляет собой их настоящего имени.) Возможность соотнесения этих «пещерных людей» с документами, найденными около 800 г. н. э. близ Иерихона, становится еще более вероятной благодаря перечислению Киркисани некоторых из их сочинений, среди которых важнейшими являются «Книга Цадока» и «много необычных комментариев к Священному писанию». Дополнительная информация о той же секте и о пещерных находках дается караимскими авторами Мирваном и Нахавенди и даже извлекается из переписки еврейского государственного деятеля, жившего в мавританской Испании, с правителем хазар (уйгуро-тюркская народность Южной Руси, обращенная в иудаизм и основавшая могущественное государство)³.

Мусульманский писатель Шахрастани (1071—1153) также упоминает о «пещерной секте» и в унисон с Киркисани датирует ее начало «четырьмя веками прежде Ария», т. е. примерно I в. до н. э. — временем, если читатель помнит, почти совпадающим со временем, к которому Шехтер относил составление «Дамасского документа». И уже в XIII в. Моисей Таку, восточный раввин, вспоминал, «что еретик Анан (вождь караимов) и его друзья часто записывали ереси и ложь и прятали их в земле. Потом они извлекали их на свет и говорили: «Вот то, что мы нашли в древних книгах». Описание раввина явно представляет собой основанное на предубеждении переименование караимского предания, согласно которому некоторыми из своих основных положений они обязаны забытым книгам, «извлеченным из земли» [380, 403].

А известно ли нам, из какой пещеры была извлечена эта первая партия рукописей? Хотя все это и может выглядеть как «детективный фильм», есть веские основания полагать, что пещера Тимофея есть не что иное, как кумранская пещера I, где бедуйнский мальчик-пастух Мухаммад ад-Диб на- 449

шел первые одиннадцать⁴ свитков Мертвого моря. Эти свитки, вероятно, были только малой долей первоначального захоронения, если судить по обломкам сорока с лишним разбитых кувшинов и по множеству фрагментов, представлявших, возможно, в сумме от ста пятидесяти до двухсот свитков⁵. Разбросанные повсюду фрагменты, несомненно, были остатками извлеченных ранее свитков; сверх того, многие свитки могли быть вынесены из пещеры неповрежденными, в результате чего от них не осталось никаких следов.

לְהַחֲזִיק בְּכָל הַשְּׁמִירָה וּבְכָל הַשְּׁמִירָה
 וּבְכָל הַשְּׁמִירָה וּבְכָל הַשְּׁמִירָה
 וּבְכָל הַשְּׁמִירָה וּבְכָל הַשְּׁמִירָה
 וּבְכָל הַשְּׁמִירָה וּבְכָל הַשְּׁמִירָה
 וּבְכָל הַשְּׁמִירָה וּבְכָל הַשְּׁמִירָה
 וּבְכָל הַשְּׁמִירָה וּבְכָל הַשְּׁמִירָה
 וּבְכָל הַשְּׁמִירָה וּבְכָל הַשְּׁמִירָה

Отрывок из «Мидраша (комментария) на „Книгу Хаваккука“». Из кумранских пещер

Несколько обстоятельств подкрепляют этот довод. Во-первых, из письма Тимофея явствует, что то, первое извлечение свитков было операцией большого масштаба. Далее, состояние изломов разбитых кувшинов и рваных краев многочисленных кожаных фрагментов указывает на то, что «ограбление» имело место очень давно. И, наконец, тематика рукописей — древнееврейские ветхозаветные тексты, комментарии, гимны и другие неканонические сочинения — вкупе с благоприобретенным сектантским характером некоторых рукописей IX в. предполагает тесную близость, если не общее происхождение кумранских свитков и текстов Тимофея. Даже то, что животное попало в пещеру через отверстие в ее своде, а не через вход на уровне земли, вполне соответствует физическому облику пещеры Кумран I.

Впрочем, приходят на ум и несколько доводов против. Как случилось, что не были найдены материальные следы людей, побывавших здесь в IX в.? Кое-кому сегодня кажется странным, что энергичные охотники за рукописями, жившие тысячу сто пятьдесят лет назад, оставили нетронутыми главные

свитки, разве что те были спрятаны в каком-нибудь углу и их среди общего возбуждения просто не заметили. Эти моменты, возможно, ослабляют доводы в пользу того, что пещера, открытая в 800 г., есть на самом деле Кумран I, но они ни в коей мере не отвергают вероятность связи между манускриптами 800 г. н. э. и содержимым кумранских пещер в целом. Сейчас, когда в том же самом вади открыто куда больше пещер с манускриптами и в каждой из них были найдены фрагменты подобных текстов, пещера IV или VI, так же как и почти любая другая, может быть идентифицирована как пещера Тимофея. И в этом районе есть, возможно, какое-то число еще не исследованных пещер, которые могут содержать рукописи и одна из которых может оказаться как раз той самой пещерой.

Можем ли мы сказать что-нибудь, хоть в самых общих чертах, о том, что за рукописи были взяты из пещеры во времена Тимофея? Снова мы обладаем лишь косвенными свидетельствами, если не считать весьма туманных указаний, содержащихся у самого Тимофея и у Киркисани. Мы знаем определенно, что, как и в случае с теперешними свитками Мертвого моря, там были и канонические и неканонические тексты. «Более двухсот „Псалмов Давида“», вероятно, близки к кумранским псалмам благодарения, точно так же как слова Киркисани о «необычных комментариях» напоминают о найденном в Кумране I «Комментарии Хаваккука» с его довольно произвольными толкованиями Священного писания.

Нет сомнения, что среди текстов Тимофея должно было быть много цадокитских сектантских текстов. Киркисани не только ссылается на «Книгу Цадока» как один из пещерных текстов, но в своей собственной «Китаб аль-Анвар», или «Книге светочей», он излагает взгляды секты, воспринятые им, очевидно, из «Книги Цадока». Эти верования и обычаи фактически согласуются с «Дамасским документом».

Теперь наконец мы имеем правдоподобное объяснение таинственного присутствия «Дамасского документа» в кайрской генизе. Как впервые предположил Кале, дамасские или цадокитские фрагменты должны представлять собой поздние списки оригиналов из иерихонских пещер. Открытие схизматических⁶ текстов около 800 г. н. э. объясняет, почему эта сектантская литература столь внезапно оказала такое влияние, будучи бесплодной и забытой многие столетия. Во времена Тимофея эти тексты обрели новую жизнь; их переписывали, рас-

пространяли, комментировали. А после этого они снова были осуждены и изъяты из обращения. Большинство их было вообще уничтожено, но фрагменты «Дамасского документа» уцелели в генизе Старого Каира и дожили до открытия их Шехтером.

Именно открытие свитков Мертвого моря настоятельнее, чем любые ссылки в текстах IX или X вв., подвинуло ученых к осознанию связи между цадокитскими фрагментами из генизы и древнееврейской сектантской литературой; оно также устранило все сомнения в подлинности и первичной среде создания «Дамасского документа». Если кто-то еще и нуждался в добавочных вещественных доказательствах, то таковые были представлены многочисленными обрывками старых списков того же самого документа, которые все без исключения были обнаружены в кумранских пещерах III и IV. Тесная связь между цадокитскими фрагментами Шехтера и сектантскими текстами на свитках Мертвого моря была осознана с самого начала, еще до того, как возникла мысль об их общем «пещерном» происхождении. Теперь, собственно говоря, стало правилом включать «Дамасский документ» в большинство изданий или переводов текстов Мертвого моря. Почти во всех бесчисленных книгах, посвященных пещерной литературе Кумрана, «Дамасский документ» использован, чтобы пополнить то немногое, что мы можем заключить о происхождении и историческом фоне создания кумранских текстов. Каждая из этих двух находок, связанных, очевидно, общностью происхождения и содержания, но различающихся по обстоятельствам их передачи и повторного открытия, сама по себе помогала нам лучше понять существо другой.

«Дамасский документ» и свитки Мертвого моря отражают то же самое религиозное течение, те же самые особенности языка (по сути дела, некоторые отрывки совпадают слово в слово), те же доктрины и правила; и оба эти источника содержат много свидетельств о группе, в которой нельзя не усмотреть одну и ту же секту, хотя, возможно, представленную и на различных стадиях своего развития. Тожественность этой секты кумранской общине, сосредоточивавшейся вокруг кумранского монастыря Хирбет, сейчас твердо установлена, хотя имя ее пока и не определено. Идентификация секты с эссенами (эссеями), возможно, и правильна, если только допустить, что «эссены» — это общее название для множества различных пуританских групп, которые, подобно зелотам⁷ и

фарисеям, произошли от более ранних хасидеев и одно время имели больше общего с апокалиптически настроенными фарисеями, чем с саддукеями, известными нам по Новому завету.

Дохристианская Палестина, подобно, может быть, Англии XVIII в., о которой Вольтер заметил, что в ней существует столь же много вероисповеданий, сколько во Франции известно приправ, была самым настоящим рассадником сект, представляющих умопомрачительное разнообразие. Один живший в III в. н. э. раввин сказал: «Израиль не был рассеян до тех пор, пока он не раскололся на двадцать четыре секты еретиков» [380, 404]. Раввинский конформизм и расчетливое уничтожение литературных свидетельств, к сожалению, затуманили картину. Гениза и кумранские тексты показали нам в различных аспектах богатую сектантскую традицию, составляющую часть разнородной иудейской религиозной среды, в недрах которой зародилось христианство. Было бы, однако, неосмотрительным, может быть даже ошибочным, утверждать, что кумранская община предвосхитила христианство в какой-либо из его основных доктринальных или эсхатологических идей.

«Дамасский документ» был не единственным текстом, извлеченным из иудейской пещеры иерусалимскими евреями в 800 г. н. э. Что произошло с другими рукописями? Здесь мы можем только делать предположения. По всей вероятности, большинство из них, если не все, рано или поздно были преданы заточению в генизах. Те, что не попали в руки караимов, или те, которые пришлось не по душе даже караимам, были, вероятно, снова вскоре захоронены. Немногие уцелевшие рукописи пропали — должно быть, одновременно с упадком караимской секты.

Даже ветхозаветные рукописи вряд ли встретили хороший прием у раввинов, которые были нетерпимы ко всему, что могло бы вступить в противоречие с твердо установленным каноническим текстом, принятым синодом Ямнии (близ Яффы) около 90 г. н. э. Это вполне согласуется с общей практикой евреев, которые в целом выказывали мало почтения к древним рукописям и выбрасывали документы, как только они оказывались достаточно изношенными, приняв меры, разумеется, чтобы обеспечить точную передачу текста. Примеры подобного пренебрежения к древним книгам являл подчас даже сам Шехтер. Говорят, что от его грубого обращения с

рукописями генизы библиотекаря Кембриджского университета бросало в дрожь. Поэтому можно хорошо представить себе судьбу кумранских свитков, попади они только в руки ортодоксальных иудеев.

Несмотря на то что «Дамасский документ» является единственным, о происхождении которого из кумранских пещер мы можем говорить вполне определенно, довольно убедительные доводы можно привести и в отношении древнееврейской версии «Экклесиастика». Эта рукопись, найденная в генизе, содержит аналогичные ссылки на цадокистов, и текст ее по списку генизы теперь также прекрасно дополняется рядом фрагментов из пещер Кумрана⁸.

Пещерному братству в основном импонировали апокрифические и псевдэпиграфические сочинения; не исключено также, что некоторые из них были написаны самими его членами. Возможность того, что после 800 г. н. э. подобного рода тексты, извлеченные из пещер, снова попали в обращение, не может быть исключена. Англо-еврейский ученый Хью Дж. Шонфилд выдвинул интригующую гипотезу, согласно которой некоторые книги были извлечены из пещер и «в списках либо в переводах достигли в конце концов России, где они, возможно, отчасти представлены такими старославянскими текстами, как „Книга тайн Еноха“, „Апокалипсис Авраама“, „Заветы двенадцати патриархов“, „Видение Исайи“, „Жизнь Адама и Евы“, и другими...» [402, 56].

Не кажется ли удивительным то, что мир должен был ждать более чем тысячу лет после находки 800 г. н. э., пока в том же районе совершенно случайно не были открыты новые рукописи? На это можно ответить, что мир на протяжении всего этого времени вовсе и не ограничивался одним ожиданием. Почва Египта отнюдь не начала внезапно являть на свет папирусы именно в XIX в., когда на сцену выступили египтологи и папирологи. Было бы нарушением всех законов вероятности, если бы феллахи в поисках себаха в течение тысяч лет не выкопали бы случайно папирусных отрывков или свитков. Но за отсутствием интереса к ним не было и рынка сбыта. Эти находки не были подлинными «открытиями», и драгоценные древности бесцеремонно выбрасывались. Открытие никогда не бывает просто счастливой находкой; оно требует понимания значимости найденного объекта, а также определенной культуры, готовой воспринять все, что способно обогатить ее знаниями.

Племя таамире скиталось по Иудейским холмам начиная с XVII в., а до них здесь были и другие бедуины. Евреи, пришедшие в Ханаан до и во время Исхода во II тысячелетии до н. э., были их отдаленными родичами. Пастухи и козопасы располагались на ночлег в тех самых пещерах, в которых теперь мы находим остатки древних рукописных хранилищ. В некоторых из пещер, скрывавших фрагменты древнееврейских свитков, были обнаружены арабские тексты гораздо более позднего времени (XIV и XV вв.). Связанные с пещерами предания разных районов мира (например, Альтамыры в Испании) повествуют о провалившихся в отверстие пещеры животных и о добром пастухе или любящем хозяине, который, идя на выручку, забирается в пещеру и случайно обнаруживает спрятанные в ней предметы. Собственно говоря, после обнаружения пещеры I некий старик таамире обратил внимание своих соплеменников на одну отдаленную пещеру, в которую он забирался несколькими годами ранее, преследуя раненую куропатку. Это была пещера IV, которая оказалась, быть может, самой богатой из всех и, по мнению ряда специалистов, была главным хранилищем библиотеки кумранской секты.

Известно, что бедуины-таамире, издавна рассматривавшие эти Иудейские холмы как свое личное владение, исследовали и эксплуатировали богатства пещер еще до открытия рукописей Мертвого моря. В начале 1920-х годов они собирали в Вади-Мураббаат веками скапливавшийся здесь помет птиц и летучих мышей, с тем чтобы продавать его еврейским колонистам. Удобрение частично добывалось в тех пещерах, где впоследствии были обнаружены рукописи. Когда позднее бедуинов спрашивали, не попадались ли им на глаза какие-либо исписанные листки или свитки, они ничего подобного припомнить не могли. Главным делом для них в те дни был сбор удобрения, так к чему им было запечатлевать в памяти вид каких-то изгрызенных крысами обрывков текстов, о рыночных возможностях которых они не имели ни малейшего понятия? Вполне возможно, как предположил Ролан де Во, что цитрусовые плантации евреев близ Вифлеема в то время удобрялись обрывками манускриптов [354, 247].

Живые и предприимчивые таамире, неустанно рыскавшие в поисках легкого заработка, узнали цену древностям задолго до того, как перед ними забрезжила возможность выгодного сбыта неприглядных исписанных обрывков. В 1930-х и 455

1940-х годах это племя вело в Вади-эль-Тин, милях в трех к югу от Вифлеема, систематические поиски доисторической бронзы, которую они сбывали торговцам древностями [411, 269]. Только завязав с таамире дружеские отношения, французские археологи смогли в конце концов установить местонахождение этого богатейшего источника предметов искусства бронзового века..

И по сей день бедуины рыщут по холмам в поисках пещер, усердно высматривая в них древние изделия, а затем сбывают свои находки на вифлеемском рынке. Их основным агентом был до недавнего времени некий айсор-христианин, по профессии сапожник, известный под именем Кандо. Ученые-археологи идут лишь по стопам бедуинов, и в целом на их долю остаются, за редкими исключениями, только второстепенные открытия. Все известные пещеры, кроме одной-единственной, оказались прежде вскрытыми и опустошенными бедуинами. Иорданское правительство молчаливо смирилось с этой практикой и даже предоставило таамире своего рода монополию на торговлю рукописями, закрыв доступ в этот район другим бедуинам. Трудно сказать, можно ли было решить проблему каким-либо иным способом, поскольку научным учреждениям недостает средств для проведения длительных и систематических разысканий, и то же можно сказать об иорданском правительстве, которое уже проявило себя достаточно щедрым. Разумеется, европейским ученым не по плечу соперничать в физической выносливости и ловкости с бедуинами-таамире, которые знают холмы как свой собственный дом и которых, поскольку они уже единожды вкусили богатства, никакая сила не заставит воздержаться от подобных «операций».

Естественно, большое количество ценных археологических данных, касающихся стратиграфии, идентификации на месте находки, способа захоронения и т. д., оказывается безнадежно утеряно. Более того, некоторые рукописи бывают повреждены вследствие неосторожного обращения, и их приходится покупать у бедуинов по высоким ценам через сомнительных посредников. Группа ученых из разных стран, сотрудничающих с Палестинским археологическим музеем в иорданском секторе старого Иерусалима, где они занимаются разбором текста и подготовкой рукописей к изданию в знаменитом «свиткохранилище», живет в постоянном страхе перед тем, что документы будут проданы посторонним людям и по этой

причине рассеяны. Несколько незаконных продаж, возможно, уже имели место, и никому в точности не известно, что еще по-прежнему остается в руках у хитрых членов племени. Поговаривают, что существуют свитки, превосходящие по количеству и полноте свитки, найденные в пещере I.

К сожалению, Иорданский музей редко имеет возможность заплатить бедуинам. Для приобретения рукописей поступали пожертвования из-за границы, но их явно недостаточно. Отчаявшись, иорданцы в достойном восхищения, но, может быть, неблагоразумном акте самоотречения согласились даже продавать рукописи. Некоторые из них были приобретены университетами Мак-Гилла, Манчестера и Гейдельберга с условием, что свитки будут находиться в Палестинском музее до тех пор, пока они не будут полностью изданы. Учитывая громадный интерес, вызванный свитками Мертвого моря, и их ценный вклад в наши знания об истоках иудео-христианства, отсутствие средств для приобретения у бедуинов всех имеющихся рукописей является, разумеется, фактом весьма печальным.

История открытия свитков Мертвого моря была рассказана в нескольких приправленных сенсационностью мелодраматических версиях. Сама по себе волнующая, эта история развевывалась большей частью на фоне кровавой войны в священном городе Иерусалиме, в которой едва ли не воспроизводились события апокалиптической «войны сынов света против сынов тьмы», описанной в одном из свитков.

Многие детали ставшего традиционным описания, в особенности те, которые относятся к открытию первой пещеры, не говоря уже об обстоятельствах продажи свитков, весьма сомнительны. По мнению скептиков, которое наиболее шумно отстаивал профессор Соломон Цейтлин из филадельфийского колледжа Дропси, эта история выглядела чересчур уж гладкой. Например, существуют значительные расхождения между версиями, рассказанными Дж. Ланкестером Хардингом, Джоном М. Аллегро и Милларом Берроузом, хотя все они имели непосредственное отношение к событиям в Палестине. Ученые выявили несколько неправдоподобных деталей и противоречий, а некоторые заявили, что свитки подделаны или изготовлены в средние века, и, исходя из этого, стремились опровергнуть как можно больше предоставленных свитками данных.

В течение долгого времени ни одному из европейцев не

удавалось увидеть Мухаммада ад-Диб, мальчика-первооткрывателя. Да и существовал ли он в действительности? Что он искал — овцу или козу? Зачем он швырнул камень — чтобы потревожить заблудившееся животное или просто от избытка мальчишеской энергии? Может быть, он услышал грохот разбивающихся кувшинов и поразился этому? Зашел ли он в пещеру один и сразу же? Или он вернулся сюда с одним из двух своих товарищей-пастухов? Поделили ли они добычу? И так далее. Путаницу усугубил сирийский митрополит Мар Афанасий Иешуа Самуэль, который однажды заявил, что рукописи, демонстрируемые им иностранным специалистам, долгое время до того покоились в библиотеке его монастыря.

Через несколько лет после этого открытия, в 1956 г., кому-то удалось найти Мухаммада ад-Диб в Вифлееме и заставить подробно рассказать о своем приключении. Его слова были записаны каким-то арабом-писцом, и документ был подписан Дибом, а затем опубликован и переведен на английский знаменитым американским ориенталистом Уильямом Х. Браунли, одним из членов той первоначальной группы американских ученых при Американской востоковедной школе в Иерусалиме, которая опубликовала свитки Мертвого моря, являющиеся собственностью сирийского митрополита. Эта «авторизованная версия», как ничто другое, запутала дело еще больше. Удивительнее всего было то, что Диб теперь объявил, будто находка была сделана в 1945-м, а не в 1947 г., как все до сих пор считали. По его словам, вскрывая сосуды в пещере, он рассчитывал найти в них клад, а увидев всего лишь кожаные свитки, всерьез стал раздумывать, стоит ли вообще их брать. Но он и его товарищи нуждались в новых кожаных ремнях для своих сандалий, так что в конце концов он их взял. Нам остается только гадать, почему материал был — если действительно был — сочтен непригодным для такого употребления. Как бы то ни было, теперь Диб утверждал, что по возвращении он положил свитки в «кожаную сумку и повесил ее в углу». Там они оставались, очевидно, более двух лет, пока его дядя не заметил их и не попросил себе, для того чтобы показать одному вифлеемскому торговцу древностями.

Воспоминания Диб значительно отличаются от более ранних версий и не полностью согласуются с некоторыми достоверно установленными фактами. Скажем, он заявил, что

кувшинов было только десять и он все их разбил прежде, чем в последнем обнаружил свитки (вряд ли Шехерезада придумала бы что-либо удачнее). Два кувшина, сказал он, были наполнены красными семенами. Но никаких следов этих семян не было обнаружено. Мы также знаем, что профессор Иерусалимского университета Сукеник приобрел совершенно неповрежденные кувшины из этой же самой пещеры. Хотя на доктора Браунли произвели впечатление «почти библейская прямота и прелесть этого лаконичного описания», он, однако, охотно допускал, что эта история «приобрела ясность и изящество в процессе частого повторения» [349, 236—239].

И это вновь возвращает нас к вопросу о том, достоверно ли описание обстоятельств этого открытия в целом и были ли одиннадцать⁹ свитков Мертвого моря действительно взяты из кумранской пещеры I. Однако, несмотря на противоречия в частностях, все серьезные сомнения были рассеяны, когда объединенная экспедиция под руководством Дж. Ланкестера Хардинга, директора иорданского Департамента древностей, и доминиканца, преподобного отца Ролана де Во, директора французской Доминиканской школы библейских и археологических исследований в Иерусалиме, совместно с бельгийским наблюдателем от ООН и представителем Палестинского археологического музея Иордании обнаружила пещеру. Это было в 1949 г. Уже было упущено драгоценное время, в течение которого как бедуины, так и сирийский митрополит вели нелегальные раскопки самым варварским образом. Последний даже прорубил новый вход в пещеру, имевшую естественное отверстие только в своде.

В том, что это была действительно та самая пещера, сомневаться было нельзя. Современные грабители оставили неопровержимые улики. Нашлась, здесь, например, случайно оброненная зажигалка, владелец которой был известен. Тут же были недавно разбитые кувшины и множество фрагментов рукописей — путем тщательного просеивания почвы их было собрано около шестисот, — часть которых подходила к свиткам, извлеченным ранее. Ученые нашли также кусочки полотна, в которые были завернуты свитки. Эти кусочки оказались неоценимыми для последующего установления возраста манускриптов с помощью радиоактивного углерода-14.

Это было началом археологии Кумрана. Местонахождение и бесспорная древность пещерной библиотеки были установлены. Следующим шагом были проводившиеся также Л. Хар-

дингом и Р. де Во раскопки расположенных по соседству развалин Хирбет-Кумрана, которые после нескольких пробных раскопок были идентифицированы как монастырский центр сектантской общины, скорее всего ответственной за написание и захоронение пещерных свитков. Что касается возраста свитков, палеография и археология исключали средневековое или более позднее происхождение. Только профессор Цейтлин и несколько его учеников оставались непреклонными. Разнородность содержания пещерных документов, как и отсутствие в текстах шаблонного единообразия, определенно говорит за то, что они должны были быть созданы до конца I в. н. э., т. е. до того, как раввины окончательно определили круг текстов и их каноническую форму, а варианты, не укладывающиеся в эти рамки, объявили запретными.

Споры о смысле и значении свитков Мертвого моря продолжают бушевать до сих пор. Они затрагивают такие вопросы, как характер, вероучение и устав кумранской общины; возраст свитков; дата их написания и захоронения; конкретный исторический облик Нечестивого священника и Учителя праведности; отношение ессеев к членам кумранской общины; предполагаемое изгнание секты в Дамаск; возможные связи с Иоанном Крестителем, Христом и его братом Иаковом, и самый жгучий из всех вопросов: была ли и в какой мере кумранская секта предшественницей христианства? Имели ли близкое сходство ее мессианские воззрения, ритуал, догма и теология с раннехристианскими? Не оспаривается ли этим уникальность Иисуса? К сожалению, пока эти вопросы ставились либо с излишней сенсационностью («Самые сильные споры в христианском мире со времен Дарвина», «Кумран скорее, чем Вифлеем, колыбель христианства»), либо с неподобающей робостью.

Одна из выдающихся особенностей свитков заключается в том, что это — еврейские рукописи, примерно на тысячу лет древнее любых известных ранее. Вполне возможно, это их самый весомый вклад в науку. Они уже пролили много света на историю древнееврейского языка, на древнееврейскую палеографию (науку, только теперь занявшую подобающее ей место), на становление библейского канона и на традицию передачи текстов Ветхого завета. При первом ознакомлении со свитками было объявлено, что они почти полностью совпадают с официально признанным масоретским текстом Священного писания. Но теперь этого утверждать уже нельзя.

Более детальное изучение вкупе с обнаружением новых фрагментов ясно показало, что масоретский текст, хотя сам по себе и достаточно авторитетный, отражает лишь одну из нескольких традиций. Он не является полноправным наследником некоего *единственного* «архетипа». Например, некоторые отрывки древнееврейских текстов, найденные в пещерах, заставляют отдать предпочтение скорее греческой «Септуагинте», нежели масоретской форме текста. В сущности, то, что иногда выдвигалось как предположение, теперь твердо установлено, а именно: «Септуагинта» базируется на каком-то надежном и авторитетном варианте древнееврейского текста, который во многих случаях можно предпочесть масоретскому. То же самое можно сказать и в отношении самаритянского «Пятикнижия». Значение этого для новых изданий Ветхого завета и переводных версий трудно переоценить. Это вполне может породить совершенно новую отрасль текстологической критики, которая завладеет умами будущих поколений ученых, изучающих Ветхий завет. Собственно говоря, поскольку становятся доступными все новые древние тексты, нам, возможно, придется позаимствовать концепцию «семейств» рукописей у греческого Нового завета для того, чтобы систематически проследить взаимоотношения между вариантами текста и прийти к обоснованным редакторским решениям.

Как редакторы масореты, возможно, и отлично справились со своей задачей, но в том, чтобы обеспечить своему ветхозаветному тексту монополию, беспощадно подавляя соперников, они далеко не столь же преуспели. Еще недавно, в 1939 г., сэр Фредерик Кеньон писал в третьем издании своей книги «Наша Библия и древние рукописи»: «Нет, разумеется, ни малейшей вероятности, что мы найдем когда-нибудь рукописи древнееврейского текста, восходящие к периоду, предшествующему формированию текста, который мы называем масоретским (т. е. до II в. н. э.)». Но ни в чем нельзя быть уверенным заранее. Похоже, что и новые данные, до сих пор извлеченные из рукописей Мертвого моря, будут отодвинуты в тень многочисленными дальнейшими открытиями. Даже и материал, добытый ранее, как, например, тексты, взятые из каирской генизы, на протяжении еще многих лет не будет полностью введен в обиход, а затем пройдет еще значительно большее время, прежде чем его усвоит навка. К тому времени интерес широкой публики, вероятно, сойдет на нет, а вме-

сте с тем выведутся и завышенные требования, и чрезмерно рискованные оценки.

Между тем со времени расчистки пещеры I неуклонно совершались новые находки, хотя и не вызывавшие своим появлением такого шума. Выражение «свитки Мертвого моря» теперь утратило свой смысл, если понимать под этим только кожаные свитки из пещеры I, которые почти целиком были приобретены Иерусалимским университетом и израильским правительством. Взамен ему был предложен новый термин — «свитки Кумрана», — вызванный к жизни ценными находками еще в десяти или одиннадцати пещерах того же вади, особенно в пещере IV с ее десятками тысяч фрагментов и в пещере III, где был найден знаменитый медный свиток (фактически две отдельные медные полосы), содержавший опись сказочных кладов драгоценного металла с указанием местонахождения тайников⁴⁰. Предложенным названием подчеркивается также связь всех свитков из этих пещер с сектантским центром в соседнем Хирбет-Кумране.

Но и термин «кумранские свитки» теперь нельзя признать точным. В четырех пещерах Вади-Мураббаат, в 11 милях южнее кумранской пещеры I, были сделаны почти столь же значительные открытия. Документами из этих пещер предстали тексты огромного диапазона: от древнееврейского папирусного палимпсеста VI (а возможно, и VIII) в. до н. э., выполненного древним «финикийским» курсивным письмом, до свитка «малых пророков» и личных писем, по-видимому, самого Шимона бен Косебы, или Бар Кохбы, вождя восстания евреев во II в. н. э. и самозваного мессии. Удивительно, что письма написаны на древнееврейском, о котором думали, что к этому времени он стал уже мертвым языком. В числе документов Мураббаата есть также арамейские, греческие, даже латинские и арабские фрагменты. Систематические раскопки этих пещер, вновь возглавленные Хардингом и де Во, показали, что люди обитали в них еще за четыре тысячи лет до нашей эры. В них было обнаружено много хорошо сохранившихся орудий бронзового века.

Ни одна из рукописей, извлеченных из пещер Мураббаата, не имеет никакой связи ни с кумранской общиной, ни с третьим районом раскопок — Хирбет-Мирдом, развалинами христианского монастыря, также открытого неутомимыми таами-ре. В ходе раскопок здесь были обнаружены главным образом византийско-христианские документы. В целом они дати-

руются значительно более поздним временем, чем кумранские и основная масса мураббаатских рукописей. Но все же эти находки являются достаточно ценными и включают в себя части греческих унциальных кодексов Ветхого и Нового заветов наряду с греческими и арабскими папирусами нелитературного содержания, а также одним фрагментом «Андромахи» Еврипида. Между тем в 1960-х годах израильский археолог генерал И. Ядин открыл новую многообещающую рукописную «жилу» в Масаде — крепости, возвышающейся над западным берегом Мертвого моря. Помимо этих объектов бедуйны как будто бы нащупали и другие источники, местонахождение которых они пока хранят в тайне.

Таким образом, свитки Мертвого моря открыли совершенно новую фазу в палестинской археологии. По своей тематике, датировке и источникам «урожай» рукописей теперь уже вышел далеко за рамки территории Кумрана и чисто сектантской идеологии. Документы продолжают поступать из источенных пещерами утесов со всех концов Иудейской пустыни. В течение некоторого времени отдельные находки случаются и на юге, в пустыне Негев.

Самым большим камнем преткновения для открытий было молчаливое допущение, что нечего рассчитывать найти рукописи любого возраста и значения в Палестине, «климат и история которой в равной мере были неблагоприятны для сохранности документов» [303, 31]. Но теперь это заклятие было снято. «Величайшее открытие рукописей нового времени», как назвал его Уильям Ф. Олбрайт, и, кроме того, наичценнейшее в археологии иудейской Библии было сделано именно на палестинской земле. Неожиданно святая земля была вознесена на один уровень с Египтом как сокровищница пергамена и папирусов.

Трудно решить, какие документы из Иудейской пустыни представляют наибольший интерес: превосходно сохранившийся свиток Исаяи, сектантский устав, таинственный медный свиток, рукописи Даниила (только несколькими десятилетиями отделенные от времени создания оригинала), подлинные письма древнееврейского героя Бар Кохбы или, что было самым неожиданным и самым древним, палимпсест из до сих пор не освещенного палеографически и документально периода древнееврейских царей. И все это, может быть, еще только начало.

XX

Загадка Шапиры

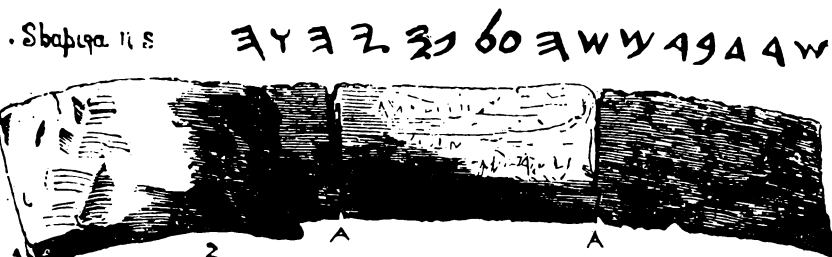
*Меж истиной и ложью только нить;
Где ж тот алиф, которым бы открыть
Сумели мы к Сокровищнице путь...*

Омар Хайям¹

«Покой ученого мира был нарушен спорами по поводу относительной ценности свитков Мертвого моря, один из которых был объявлен подделкой семьдесят лет назад»². Такое сообщение передал корреспондент «Нью-Йорк Таймс» с бурно протекавшего 92-го заседания Общества библейской литературы и экзегезы. Около трехсот ученых-библейстов собрались 27 декабря 1956 г. в помещении Объединенной протестантской теологической семинарии в Нью-Йорке. Президент общества доктор Дж. Филип Хайэтт из Вандербилтского университета упомянул в своем обращении о кожаных свитках, которые М. В. Шапира предложил в 1883 г. Британскому музею, и выразил надежду, что «открытия последних лет» помогут удостоверить подлинность некогда дискредитированных иудейских документов. После Хайэтта слово взял профессор Менахем Мансур, заведующий кафедрой гебраистики и семитологии Висконсинского университета и основной поборник реабилитации Шапиры. Доктор Цейтлин, появившийся в зале только тогда, когда Мансур уже заканчивал свой обзор рукописей Шапиры, обрушился на основные положения докладчика, с жаром отрицая подлинность этих текстов, и заседание превратилось в крошечный ад. Председатель был вынужден объявить, что вопрос вполне исчерпан, и закрыть заседание. Тем не менее бурные дебаты по поводу рукописей Шапиры были

продолжены в кулуарах и с тех пор ведутся с небывалым жаром и фанатизмом на страницах всевозможных научных журналов. В дискуссии о рукописях Шапиры наглядно выявилась основная проблема, касающаяся практически всех рукописных находок.

Всякий раз, когда появляется сообщение о находке древних рукописей, возникает вопрос: подлинны ли они? Большинство великих археологических находок встречало скептическое отношение со стороны какой-то части представителей

Зарисовка фрагмента одной из кожаных полос Шапиры, сделанная в 1883 г., когда они экспонировались в Лондоне. Сверху факсимильное воспроизведение строки, выполненной знаками древнего финикийско-еврейского (не-квадратного) письма. Рукописи эти впоследствии бесследно исчезли

ученого мира. Сомнения могут не исчезнуть и на протяжении целых десятилетий. Бывают случаи, когда они, на удивление легковерной публике, из тлеющей искры вдруг разгораются вновь в грозное пламя. На самом ли деле эти хваленые вещицы являются свидетелями немой древности? Или это мало-значительные свидетельства гораздо более поздней эпохи? Не есть ли их ложная идентификация и датировка всего-навсего плод экстравагантного воображения увлекающегося антиквара? Не были ли они «подкинута» плутоватым ученым, желающим просто привлечь внимание или подкрепить фактами взлелеянную им теорию? Может быть, вызывающий всеобщие восторги экспонат просто подделка, которую неразборчивый в средствах торговец ухитрился всучить богатому музею или частному коллекционеру? А может быть, это мистификация, подстроенная какой-нибудь странной личностью, обладающей незаурядным мастерством и сомнительными моральными качествами, для того, чтобы ввести в заблуждение своих коллег и выставить эти ничтожества на посмешище?

Всякий специалист избегает риска прослыть легковерным невеждой. Поэтому признанный авторитет зачастую может хладнокровно отвергать как подделку всякий новый объект, поскольку тот не укладывается в современные рамки наших знаний. Открытия, сделанные неспециалистами, немедленно вызывают подозрения касты профессионалов. Ко всем исследованиям и утверждениям Шлимана представители германской академической археологии, включая прославленных Курциуса и Фуртвенглера, относились с нескрываемым презрением. Но в то же время ни один специалист не хочет пропустить действительно стоящую находку. Ведь она может дать ему возможность обрести бессмертие в науке. Таким вот образом исследователь древностей, терзаясь противоречивыми опасениями, с одной стороны, проглядеть подлинное открытие, с другой — быть вовлеченным в какую-нибудь аферу, может утратить критическое чутье и налететь на Сциллу, пытаясь избежать Харибды. Рядовой любитель и понятия не имеет об этих испытаниях, выпадающих на долю ученого. Но как только истина выходит наружу и популяризаторы, которые по самой природе своего ремесла должны все упрощать, принимаются за дело, становится проще простого высмеять введенных в заблуждение специалистов. Как могли они попасться на удочку и приветствовать «пилтдаунского человека» как «первого англичанина»?³ Неожиданно вечные скептики выходят в герои, хотя, возможно, они и выражали недоверие Даусону, сфабриковавшему пилтдаунский череп, по самым тривиальным поводам. По иронии судьбы те лица, которые с самого начала подозревали подделку, были как раз в научном отношении наименее компетентны. Они могли оказаться правы, исходя из совершенно ложных предпосылок.

С другой стороны, подчас уйма достойной восхищения изобретательности и дотошной эрудиции тратится на то, чтобы объявить подлинное произведение подделкой. В 1890-х годах двое ученых ловко продемонстрировали, что «Анналы» Тацита, которые, как считалось, сохранились в одной только средневековой рукописи, были на самом деле составлены их первооткрывателем — Поджо Браччолини. И проделали они это действительно искусно и впечатляюще. Есть вероятность, впрочем, что они были не правы.

Есть некоторые сочинения, подлинность которых так и не была окончательно доказана, например некоторые письма Платона, несколько «Посланий» Павла или великий класси-

ческий текст китайской традиции «Дао дэ цзин». В отношении их окончательное суждение, возможно, придется отложить. Но никогда нельзя заранее предвидеть момент, в который произведение искусства или литературы, долгое время до того признававшееся за подлинное творение мастера, будет справедливо или незаслуженно заклеено как подделка. Как бы они нас ни раздражали, мы все же должны быть благодарны скептикам, не склоняющим голов перед репутациями и авторитетами. Но как все-таки отличить подлинное от фальшивого? Ученые не всегда могут позволить себе тянуть с вынесением суждения. Как только открытие стало достоянием гласности, они должны занять какую-то конкретную позицию, хотя, быть может, позднее им и придется пожалеть об этом. А истина зачастую, мороча головы ученым, остается неявной и неуловимой. С другой стороны, «в сколь благородные обличья рядится ложь», как сказал Шекспир!

По счастью, подделка рукописей, для того чтобы быть успешной, т. е. остаться необнаруженной, требует такого редкого сочетания способностей, что берутся за нее относительно немногие. Более примитивным подделкам никогда не удастся вводить в заблуждение специалистов в течение длительного времени, а с прогрессом критики текста, палеографии, методов химического и физического анализа производство подделок может скоро стать вымирающим ремеслом. И все же по отношению ко многим рукописям, найденным прежде, вопрос остается открытым. Имя подделкам литературных произведений — легион. До сих пор широко практикуется обман во имя националистического самовосхваления или религиозного фанатизма. Можно сказать, что систематическое изучение рукописей вообще обязано своим зарождением возникшей в позднее средневековье потребности установить подложность фальшивых «актов» и других «юридических» документов. Эта потребность решающим образом стимулировала становление палеографии — науки, устанавливающей возраст и происхождение письменных текстов. Огромный вклад в развитие критики текста и филологии — да и научного метода, как такового, — внесли своим разоблачением подложных церковных документов кардинал Николай Кузанский и папский секретарь Лоренцо Валла.

С фальшивками или с неотвязной тенью подозрений в фальсификации мы уже встречались в этой книге почти на каждом шагу. В XIX в. жили такие колоритные деятели, как

Константин Симонид или караимский фанатик Авраам Фиркович. И до них, и после них было множество других. Недавние скандалы подобного рода, в их числе разоблачение ван-мегереновских подделок Вермеера и фальшивых статуй этрусских воинов в нью-йоркском музее Метрополитэн, породили значительную настороженность по поводу фальсификации археологических находок и произведений искусства.

Хотя сейчас свитки Мертвого моря получили всеобщее признание как подлинные, было бы ошибкой полагать, что к ним относились так уже с самого начала. Те люди, которым сирийский митрополит впервые показал рукописи, все как один усомнились в их подлинности. Некоторые из них объявили рукописи не имеющими никакой ценности. Заблуждению их способствовало, к несчастью, и то, что епископ внушил им превратное представление о происхождении документов. Сам митрополит Афанасий был все время твердо убежден, что этим рукописям две тысячи лет, хотя его знание как древнееврейского языка, так и рукописей вообще оставляло желать много лучшего. Его вера была внушена не научным предположением, а скорее надеждой на то, что свитки действительно могут представлять большую ценность. И он отчаянно стремился найти подтверждение своим надеждам.

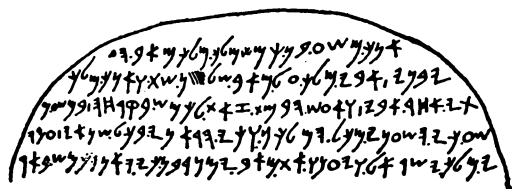
Удача пришла к митрополиту Афанасию, когда он связался с Американской восточковедной школой в Иерусалиме. По воле случая на месте оказался в то время только один молодой ученый-американец. Быть может, именно его юность и относительная неопытность сослужили службу и спасли его от мучительных колебаний по поводу того, что такая находка попросту «невозможна». Как бы то ни было, доктор Джон С. Тревер припомнил историю «Папируса Нэша» и послал фотографии рукописей профессору Университета Джонса Хопкинса Уильяму Ф. Олбрайту, который не колеблясь рискнул участвовать в деле. Через несколько дней он авиапочтой прислал Треверу ответ: «Сердечно поздравляю Вас с величайшим рукописным открытием нового времени. На мой взгляд, несомненно, что мы имеем дело с еще более архаичной манерой письма, чем в „Папирусе Нэша...“ Совершенно невероятная находка! И, по счастью, в подлинности рукописи не может быть ни малейших сомнений» [408, 55].

Мнение Олбрайта предопределило исход дела. Но оно отнюдь не приостановило нападок на древность и подлинность свитков. Более других упорствовал в этом профессор Соло-

мон Цейтлин. Он неустанно давал понять, что свитки либо подделка, либо в лучшем случае документы средневекового происхождения, написанные «совершенным невеждой»; и он выпускал статью за статьей, причем начиная с 1948 г. — в своем собственном журнале «Джуиш Квотерли Ревью», страницы которого гостеприимно предоставлялись и другим авторам, высказывавшим противоречащие общепринятым взгляды на происхождение, подлинность и истолкование пещерных документов. Снова и снова Цейтлин атаковал своих оппонентов, в недвусмысленных выражениях ставя под сомнение их компетентность. Без конца повторяясь, он опять возвращался к обсуждению «легенды о недавних находках в районе Мертвого моря», «воображаемой древности свитков», «пропаганды иудейских свитков и фальсификации истории» и т. д. В 1950 г. он написал длинную, на пятидесяти восьми страницах, статью под названием «Иудейские свитки: раз и навсегда». Но и после он продолжал еще писать в том же духе. Когда в 1953 г. разразился пилтдаунский скандал, он опубликовал обзор на двадцати девяти страницах «Древность иудейских свитков и пилтдаунская фальшивка: некоторые параллели». Не удивительно, что когда Афанасий прибыл в США с целью продать свои рукописи — говорят, что только за одну из них он запрашивал миллион долларов, — он неожиданно встретил настроенное отношение со стороны тех самых американских учреждений, которые прежде, казалось, жаждали заполучить эти документы. Вероятно, именно отчаявшись уже найти заинтересованного покупателя, в то время как разоблачения Цейтлина все больше овладевали умами, он и поместил в «Уолл-Стрит Джорнэл» объявление о продаже. Профессор Олбрайт считает, что только благодаря влиянию цейтлиновской пропаганды на рыночные цены израильское правительство смогло купить бесценные свитки всего-навсего за двести пятьдесят или триста тысяч долларов. Кстати, по мнению Цейтлина, израильтян еще крупно надули: десяти или пятнадцати тысяч долларов было якобы более чем достаточно.

Мы не собираемся осмеивать Цейтлина. Пусть его аргументацию, подкрепленную всей эрудицией признанного гебраиста, анализируют ученые. Достаточно будет сказать, что большинство палеографов, археологов, текстологов, востоковедов, специалистов по Новому и Ветхому заветам признают древность свитков. Они убедили нас в том, что свитки Мерт-

вого моря не окажутся еще одной пилтдаунской подделкой или «фальшивкой Шапиры». Имя Шапиры, так часто упоминаемое в дискуссиях по поводу свитков Мертвого моря, по-прежнему пользуется сомнительной репутацией. Долгое время оно ассоциировалось с одной из самых дерзких подделок рукописей в XIX в., а для Цейтлина и его последователей свитки Мертвого моря были практически не более чем повторением этой нашумевшей мистификации. Однако и среди тех,

Верхняя часть «Моавского камня» — обнаруженной в XIX в. стелы, покрытой знаками скорописи, близкой к той, которую употребляли древние евреи до — а в отдельных случаях много позже — введения ими квадратного письма

кто признавал подлинность иудейских документов, лишь не многие понимали, что новые находки должны повлечь за собой и пересмотр рукописей Шапиры. В самом деле, не погрешили ли современники против Шапиры, который в 1884 г. наложил на себя руки в номере роттердамского отеля?

Но каковы же реальные факты?

Летом 1883 г. Лондон был взволнован сообщением об открытии двух отличающихся друг от друга древних иудейских рукописей «Второзакония», выполненных древним курсивным финикийско-еврейским («палеоеврейским») письмом, ранее уже знакомым по «моавскому камню» и датировавшимся обычно приблизительно IX в. до н. э. Рукописи состояли из примерно пятнадцати или шестнадцати длинных кожаных полос, первоначально, видимо, скорее сложенных наподобие того, как складывались некоторые книги Дальнего Востока и доколумбовой Мексики, нежели свернутых в свиток. Они были доставлены из Палестины М. В. Шапирой, который предложил их Британскому музею за «кругленькую сумму в миллион фунтов». Один современник Шапиры писал в своей авто-

биографии: «В течение недель „открытие“ этих драгоценных рукописей было темой для бесед за обеденным столом во всех слоях общества» [351, 216]. Британская пресса ежедневно публиковала статьи, освещающие все подробности и малейший поворот событий. Репортеры осаждали Британский музей, где под стеклом были выставлены отдельные фрагменты рукописей. Вдоль выставочных витрин прошли толпы любознательных лондонцев.

Поспешивший к месту событий из Парижа выдающийся французский специалист в области библейской археологии Шарль Клермон-Ганно отметил, что к моменту его прибытия «общественное возбуждение достигло апогея» [352, 191]. Выставка получила как бы официальное благословение, когда тогдашний премьер-министр Гладстон, человек, сам в немалой степени интересующийся древностями, посетил музей и имел дружескую беседу с «автором открытия», г-ном Шапирой, а также с доктором Кристианом Гинзбургом, которому Британский музей доверил экспертизу манускриптов. Переводы текстов, выполненные Гинзбургом, публиковались, часть за частью, в «Таймс» и в «Атенеуме». Оттуда их перепечатавали даже провинциальные газеты.

Разумеется, Британский музей не поместил бы рукописей на выставку, а ведущие газеты не печатали бы из них выдержки, если бы хоть кто-то заподозрил подделку. Гинзбург откладывал окончательное решение, но старательно выполненные переводы выдавали обуревавший его энтузиазм. Лондонский корреспондент ливерпульской «Дейли Пост» 16 августа 1883 г. писал: «Д-р Гинзбург по-прежнему занят в Британском музее разбором текста новейшей антикварной находки, сделанной г-ном Шапирой; немногословие и таинственность, которой он окружает свою работу, заставляют многих поверить первоначальному утверждению, что эти кожаные полосы на несколько сот лет старше христианской эры. Эти энтузиасты ссылаются на то, что, будь кожи поддельными, такой проникательный ученый, как д-р Гинзбург, уже давно разоблачил бы обман» [382, 195]. Между тем ходили слухи, что единственным препятствием к покупке рукописей является отсутствие у музея в данный момент достаточных средств. Назывались уже имена частных лиц, предположительно готовых внести пожертвования. Некоторые утверждали, что казначейство выделяет Британскому музею огромную сумму из «фонда на непредвиденные общественные нужды».

Моисей Вильгельм Шапира, крещеный польский еврей, женатый на немке, лютеранской дьякониссе⁴, многие годы занимался торговлей древностями и рукописями в Иерусалиме. Он снабжал библиотеки Берлина и Лондона ценными древнееврейскими текстами, происходящими главным образом из Йемена. Он нашел и впоследствии продал Германии комментарий к Мидрашу, принадлежавший перу Маймонида, который продолжали превозносить как выдающийся вклад в науку даже и после разоблачения Шапиры. Репутация его была весьма запятнана продажей Берлинскому музею «моавских идолов» — возмутительно грубой подделки, путь которой Шарль Клермон-Ганно, в то время французский консул в Иерусалиме, сумел проследить до самого места изготовления — мастерской, принадлежавшей одному из приятелей Шапиры.

Некоторые усматривали в Шапире чуть ли не ангела, невинную жертву палестинских фальсификаторов. Другие, главным образом крепкие задним умом сочинители мемуаров, такие, как Уолтер Безант или Берта Стаффорд, приписывали ему сознательное распространение самых злокозненных подделок. Как бы то ни было, провал затеи с «моавскими идолами» как будто недолго мешал ему вести дела. Он по-прежнему продавал древности и документы европейским коллекционерам. Несколько его рукописей были куплены Альфредом Сутро, мэром Сан-Франциско, и теперь хранятся в Публичной библиотеке этого города. Считалось, видимо, само собой разумеющимся, что ни один торговец древностями не застрахован от того, чтобы, сам того не зная, не выставить иной раз на продажу какую-нибудь подделку. Нанесенный «моавскими идолами» ущерб Шапира в достаточной мере компенсировал другими, бесспорно подлинными древностями. Кроме того, Палестина в ту пору грандиозных открытий «моавского камня»⁵ и подземной «силоамской надписи»⁶, вообще в пору подлинного библейского ренессанса, была буквально наводнена различными подделками, разоблачить которые все сразу было просто невозможно. Клермон-Ганно, искусный изобличитель фальшивых древностей, посвятил этому вопросу замечательную книгу «Археологические подделки в Палестине» (1885), в которой, впрочем, г-н Шапира выведен в роли злодея.

Шапира, согласно его версии, владел рукописями «Второзакония» несколько лет, прежде чем надумал их продать. Он

утверждал, что повез их в Европу только после того, как сам убедился в их подлинности. Обстоятельства открытия были до странности схожи с находкой свитков Мертвого моря. В письме к одному немецкому другу Шапира утверждал, что в июле 1878 г. он посетил дом арабского шейха Махмуда ал-Араката. Там он разговаривал с группой бедуинов, которые рассказали ему об арабах, воспользовавшихся как убежищем одной пещерой в Вади-эль-Муджиб, у восточного берега Мертвого моря, на древней земле израильского «колена Рувимова». В одной из пещер им попало «несколько кип очень старого тряпья». Разворошив хлопковую или полотняную обертку, они обнаружили внутри «колдовские заклинания». Пещеры, согласно описанию, были на удивление сухи, и это навело Шапиру на мысль о благоприятном стечении обстоятельств, которое могло бы способствовать сохранению документов столь же действенно, «как и почва Египта». Теряясь в догадках над тем, что это могли быть за «колдовские заклинания», Шапира, по его словам, заручился поддержкой шейха и в результате заполучил фрагменты «набальзамированной кожи», в которых он впоследствии опознал пересказ «последней речи Моисея на равнине Моава» [382, 189].

Во время своего пребывания в Лондоне Шапира обратился к д-ру Гинзбургу с заявлением, опубликованным 11 августа 1883 г. в «Атенеуме»; здесь он полностью признавал весомость сомнений, возникших в отношении сокровища, которое он теперь предлагал Британскому музею. Он признал, что профессор университета Галле Константин Шлотман, которому в 1878 г. он отправил копии с рукописи «Второзакония», объявил манускрипт подделкой и выбрал Шапиру за то, что тот выдавал его за священный текст. Чтобы воспрепятствовать Шапире публично объявить о своей находке, Шлотман также поставил в известность об этом германского консула в Иерусалиме барона фон Мюнхаузена. Между прочим, именно Шлотман прежде дал благословение на покупку Германией «моавских монстров», так что мы вполне можем понять его опасение связать свое имя с новой подделкой. Шапира сообщал Гинзбургу, что, получив предостережение Шлотмана, он поместил документы в одном из иерусалимских банков. Он также сообщил об этом неблагоприятном заключении другому ученому, которому ранее послал копию текста для ознакомления.

Но в конце концов Шапира засомневался. «Впоследст- 473

вии, — писал он, — я стал снова размышлять о возражениях Шлотмана и пришел к выводу, что они в известной мере основывались на ошибках, допущенных мною при чтении текста. Я чувствовал, что теперь сам скорее смогу лучше судить о них, поскольку у меня накопилось больше опыта в работе с рукописями. Накануне пасхи нынешнего года я подверг их пересмотру и вторично разобрал текст. Профессор Шредер, консул в Бейруте, ознакомился с ними в середине мая 1883 г. и объявил их подлинными. Он хотел приобрести их. В конце июля я повез тексты в Лейпциг, чтобы снять с них фотокопии. Их смотрели тамошние профессора. Доктор Герман Гуте, собирающийся о них писать, вполне в них верит. Первоначально рукописи в качестве бальзамирующего вещества были покрыты битумом. Впоследствии они еще более потемнели в результате обработки их маслом и спиртом. Масло употреблялось арабами, с тем чтобы рукописи не становились ломкими и не страдали от сырости» [382, 191—192].

Заявление Шапиры вроде бы поражает своей откровенностью, хотя в нем можно усмотреть и тонкий расчет, имеющий целью завоевать доверие, а также предупредить возможные слухи и обвинения. К сожалению, Шапира умолчал здесь об одном существенном обстоятельстве: во время своей предыдущей поездки в Германию он передал свитки на экспертизу в Королевский музей в Берлине, и там 10 июля комиссия под председательством профессора Рихарда Лепсиуса после полуторачасового обсуждения объявила эти рукописи на козых кожах поддельными. Шапира не хотел заранее вызвать у англичан предубеждение. Сам он верил, что свитки подлинные, в чем его еще больше убеждало положительное мнение Шредера. Он хотел, чтобы суд британских экспертов был абсолютно беспристрастным.

Когда позднее лондонская «Таймс» сделала происшедшее в Берлине достоянием гласности, Шапира заявил в свое оправдание, что берлинцы, невзирая на свое заключение, выразили готовность за незначительную цену приобрести рукописи. Может быть, они только и добивались того, чтобы по дешевке завладеть его текстами? Невозможно было представить себе, чтобы какой бы то ни было музей разбазаривал общественные средства на заведомые фальшивки, и поэтому Шапира увидел в сделанном ему предложении безошибочный знак того, что немцы в действительности считают рукописи подлинными. Тогда он поехал дальше, в Лондон. К числу многих

загадочных обстоятельств в истории Шапиры относится и тот факт, что, когда англичане возвещали о сенсационной рукописной находке, немецкие ученые мужи почему-то хранили молчание. «Если немецкие профессора разоблачили подделку, то почему, — вопрошал „Атенеум“, — они сделали предложение о покупке фрагментов? Почему, читая в германских и английских газетах сенсационные сообщения из Лондона, они не проронили ни слова? Почему не уведомили Британский музей?»⁷.

По прибытии в Лондон Шапира был встречен там, в общем, доброжелательно, хотя его причастность к афере с «моавской» керамикой и не была забыта. Ошибкой, впрочем, было бы думать, что все поголовно в Англии верили в подлинность кожаных свитков «Второзакония». Скептики находились с самого начала. По всей вероятности, первым, к кому обратился Шапира, был популярный в викторианскую эпоху писатель Уолтер Безант, занимавший тогда пост секретаря Общества палестинских исследований. В своей насыщенной ядовитыми замечаниями, посмертно изданной автобиографии он описал эту встречу, хотя и отнес в ней весь скандал с Шапирой на шесть лет ранее. В 1877 г. (как писал Безант) ему нанес загадочный визит «один польский еврей, обращенный в христианство, но, увы, не на стезю добродетели. Это был человек с красивой внешностью, высокий, светловолосый и голубоглазый, нисколько не похожий на рядового польского еврея; лежавший на нем отпечаток природной скромности и честности сразу располагал к нему собеседника». Человек этот как будто бы обладал «списком Второзакония, современным его созданию». Он дал возможность Безанту ознакомиться с рукописью. Тот обнаружил, что «она была написана прекрасными черными чернилами, через три тысячи лет все еще столь же свежими, как и в момент написания». Еще более удивительным было то, что, по уверениям еврея, рукопись была захоронена «в некой абсолютно сухой пещере в Моаве» [345, 161].

Именно эти два обстоятельства — превосходная сохранность чернил и находка в пещере — и казались самыми невероятными; они же семью десятилетиями позже смущали ученых, первыми ознакомившихся со свитками Мертвого моря в сирийском монастыре. В свете наших теперешних знаний эти обстоятельства говорят как раз в пользу Шапиры и менее всех прочих заслуживают снисходительных насмешек 475

г-на Безанта. Можно возразить ему, что ведь «компетентный» фальсификатор не использовал бы явно свежих чернил и не стал бы выдумывать невероятных обстоятельств находки, которые неизбежно должны были вызвать подозрение. Анализируя утверждения первооткрывателей о сделанных ими находках, мы убеждаемся, что о подлинности открытия говорят скорее маловероятные, чем банальные, подробности. Еще более серьезные сомнения вызвала другая упомянутая Шапирой деталь — то, что рукописи были обернуты в полотно. Лондонская «Таймс» позднее заявляла: «Упоминание о полотне было, видимо, ошибкой, поскольку люди, верящие в долговечность кожи, вряд ли признают способность столь же долго противостоять действию времени за обыкновенным льном»⁸. Однако лейпцигский эксперт все же признал древними кусочки льняной ткани, приставшие к рукописям «Второзакония». И свитки из кумранской пещеры I также были обернуты в полотно.

На следующий день Уолтер Безант организовал заседание коллегии ученых. Шапира согласился продемонстрировать им все имеющиеся фрагменты «Пятикнижия». Безант пишет, что Шапира «развернул свои рукописи в обстановке такого всеобщего возбуждения, какое редко наблюдается в ученой среде». Вся процедура заняла три часа. Один профессор-гебраист будто бы воскликнул: «Это одна из тех немногих вещей, которые никак не могут быть обманом и подделкой!» Безант, впрочем, пытается нас уверить, что сам он, по существу, не заблуждался ни минуты; он также вспоминает, сколь невысокого мнения были о «достопочтенном выкресте Шапире» Уильям Симпсон из «Иллюстрейтед Лондон Ньюс» и капитан Клод Р. Кондер, занимавшийся картографированием Западной Палестины. После заседания Кондер уверил Безанта, что все пещеры Моава глинисты и сыры: «Во всей стране нет ни одной сухой пещеры» [345, 163]. И позднее Кондер решительно выступал против всякой мысли о том, что рукописи на подверженной тлению коже способны были более двух тысяч лет пролежать погребенными в стране, где средний уровень осадков достигает 20 дюймов. Для него это было решающим аргументом в пользу того, что документы подделаны. Впрочем, каковы бы ни были мнения скептиков, пока они не выражали их открыто. Даже капитан Кондер проявлял осторожность. Поэтому после частной демонстрации было дано разрешение выставить рукописи в Британском музее, и на

протяжении трех недель свитки грелись в лучах славы. Затем мыльный пузырь лопнул, а с ним улетучились и все надежды Шапиры на признание и награду.

О том, что рукописи подделаны, одним из первых в Англии заявил (18 августа) Адольф Нейбауэр, оксфордский гебраист, состоявший в контакте с одним из членов берлинской группы Лепсиуса. Окончательный удар нанес французский археолог Клермон-Ганно, после разоблачения «моавских идолов» ставший злым роком Шапиры. Шапира отказал француз в разрешении ознакомиться с документами, но Гинзбург все же позволил ему мельком взглянуть на некоторые из кожаных полос. Клермон-Ганно влился также в поток любопытных, осаждавших застекленные витрины в Британском музее. И в то время как другие целыми днями кропотливо исследовали язык, манеру письма, словоупотребление, форму текста и пр., ему было достаточно и нескольких беглых взглядов. Один английский коллега с восхищением воздал должное разоблачителю; несмотря на препятствия, помешавшие ему ознакомиться с текстами поближе, он, по словам этого коллеги, мог теперь с гордостью заявить: *Veni, non vidi, vici* («Пришел, не видел, победил!») [352, 229]⁹.

Первоначальный скептицизм француза еще более возрос, когда он узнал, что Шапира выставляет рукописи на продажу. Клермон-Ганно не стал скрывать своего отношения к этому. В письме, опубликованном в «Таймс» 21 августа 1883 г., он прямо выразил свое мнение, упомянув сначала о своих прежних столкновениях с Шапирой, а также о трудностях и ограничениях, препятствовавших его работе в Британском музее. В заключение он писал: «Фрагменты являются делом рук современного фальсификатора. И мои слова — не просто выражение априорного недоверия, чувства, которое многие ученые испытали, подобно мне, при одном известии о такой удивительной находке. Нет, я могу сказать, держа документы в руках, как именно работал фальсификатор. Он взял один из больших синагогальных кожаных свитков с текстом „Пятикнижия“, написанных тем же самым квадратным письмом, возможно, две или три сотни лет назад; свитки этого рода должны быть хорошо знакомы г-ну Шапире, поскольку он торгует ими и ранее продал некоторым публичным библиотекам Англии отдельные их экземпляры, полученные из действующих синагог Иудеи и Йемена. Фальсификатор затем отрезал нижний край свитка, имеющий наиболее широкую по-

верхность. Таким путем он получил несколько узких полос кожи, на вид довольно древних, причем это впечатление было в дальнейшем усилено с помощью соответствующих химических средств. На этих полосах кожи он написал чернилами, используя алфавит „моавского камня“ и вводя в текст „разночтения“, какие только диктовала ему фантазия, отрывки из „Второзакония“, которые г-н Гинзбург затем разобрал и перевел с усердием и эрудицией, достойными гораздо лучшего применения»¹⁰.

В этих замечаниях, несомненно, слышатся злобные нотки и содержится косвенный намек на то, что Шапира на деле сам и сфабриковал рукописи. Клермон-Ганно решительно заявил, что ему ничего не стоило бы изготовить идеально сходный документ, который мог бы «сойти за продолжение „Второзакония“ г-на Шапиры», но имел бы перед последним «то скромное преимущество, что его не оценивали бы в миллион фунтов». Самоуверенность француза пришлась по душе не всем англичанам. Непосредственной реакцией публики на письмо Клермон-Ганно в «Таймс» была вспышка враждебности по отношению к нему самому, а не к Шапире; очевидно, англичане успели уже проникнуться к рукописям последнего собственнической страстью, которую они меньше всего хотели видеть поправленной каким-то заносчивым иностранцем. Некоторые газеты отвергли заключение Клермон-Ганно и утверждали, что кожа рукописей Шапиры значительно толще, чем используемая обычно для синагогальных свитков. Французу вменяли в вину и то, что он был изначально предубежден против Шапиры, и его неприличное предложение изготовить еще один «моавский свиток». Авторы передовиц бичевали то, что у них называлось «галльской страстью к самовосхвалению». «Манчестер Гардиан» 6 сентября обвинила самого Ганно в том, что он «чересчур уж преждевременно выпустил свои критические когти, чтобы это могло согласоваться с британскими понятиями о честной игре» [382, 197].

На специалистов, однако, произвели впечатление и изящные доказательства Клермон-Ганно, и описание им вероятного процесса изготовления подделки. Гинзбург, который некоторое время до того колебался, теперь вдруг буквально на следующий день выступил с безоговорочным осуждением рукописей Шапиры и полностью согласился с внешними свидетельствами, представленными его проникательным французским коллегой. К этому он добавил, вслед за Нейбауэром и

Альбертом Лоуи, внушительный перечень внутренних свидетельств самого текста. Именно на этих основаниях фрагменты и были окончательно заклеены как поддельные.

Защитники Шапиры теперь, как и тогда, обрушиваются главным образом на Клермон-Ганно. Они утверждают, что другие критики только шли по его стопам или без конца повторяли его аргументацию. Ставя под вопрос движущие мотивы и логику француза, они надеются устранить тем самым всякие сомнения в подлинности «Второзакония» Шапиры. Но они выдают желаемое за действительное. Для того чтобы построить убедительную защиту по делу Шапиры, необходимо прежде разобраться с куда более существенными внутренними свидетельствами текста. Здесь, впрочем, мы вступаем в область чисто техническую, в которой нечего делать специалисту. Большинство ученых в 1883 г. сочли факты, представленные Гинзбургом и другими, абсолютно убедительными.

Нет необходимости подробно вдаваться здесь в спорные грамматические, лингвистические, текстологические и теологические проблемы. Стоит, однако, заметить, что преподобный Альберт Лоуи, одним из первых в Англии усомнившийся в подлинности документов Шапиры, использовал метод внутренней критики текста также и для того, чтобы дискредитировать «моавский камень», подлинность которого не вызывает никаких сомнений. Кроме того, некоторым лингвистическим противоречиям и аномалиям в древнееврейском языке документов Шапиры, которые смутили Гинзбурга, могут быть найдены аналогии в различных текстах из иудейских пещер, обнаруженных за недавние годы. Гинзбург, Нейбауэр или немецкие ученые полагали, что в ряде случаев ими выявлены слова, принадлежащие позднераввинистской эпохе, но профессор Мансур сумел либо доказать, что они ошиблись, либо установить присутствие тех же слов в таких древних документах, как «силоамская надпись». Наконец, грамматические ошибки и описки, часто встречающиеся и в некоторых фрагментах Мертвого моря, теперь нельзя уже рассматривать как убедительные доказательства подделки.

Гинзбург утверждал, что «составитель древнееврейского текста был польским, русским или немецким евреем, по крайней мере человеком, изучавшим древнееврейский где-то на севере Европы»¹¹. Доказательством этого он считал определенные примеры неправильного написания слов. Но и в этом

случае профессор Мансур наглядно продемонстрировал, что сходная же путаница фонетических значений проявляется как обычный источник ошибок в кумранских и ветхозаветных текстах, восточное происхождение которых сомнений не вызывает. Что касается содержания сокращенного текста «Второзакония» с его оригинальной версией «Десяти заповедей» и рядом интерполяций, то его можно сравнить с таким, например, кумранским фрагментом, как «Речения Моисея», который также представляет собой компиляцию из различных частей «Пятикнижия». Судя по находкам в иудейских пещерах,

Монеты Маккавеев (140—135 гг. до н. э.) с надписями, выполненными древним финикийско-еврейским письмом

«Второзаконие», вероятно, было в среде кумранских общинников наиболее популярным текстом Священного писания. Следовательно, тот факт, что документы Шапиры также являются некой переделкой «Второзакония», говорит скорее об их подлинности. Есть, наконец, вероятность того, что эти спорные свитки примыкали к тем псевдэпиграфическим сочинениям, которые во множестве распространялись в течение двух последних столетий до нашей эры. Если это действительно так, то использование в них древнееврейской лексики раввинистского периода не может более смущать ученых.

В одном из своих более ранних писем в «Атенеум» Гинзбург заявлял: «Совершенно ясно, что, какова бы ни была древность кожи, письмо должно датироваться либо примерно 800 г. до н. э., либо 1880 г. н. э. Никакая датировка в промежуток невозможна»¹². Это была довольно жесткая альтернатива, с которой соглашались не все его ученые-коллеги. Клейма как подделку любую рукопись, не относящуюся к периоду около IX в. до н. э., она воздвигала совершенно ничем не

оправданный барьер. Финикийско-еврейское курсивное письмо, как мы знаем теперь по кумранским свиткам, оставалось в употреблении и в значительно более позднюю эпоху, возможно даже в христианский период. Более объективно перечисляя возможные точки зрения, лондонская газета «Стэндэрд» 14 августа 1883 г., через 10 дней после догматического заявления Гинзбурга, сообщала: «Среди тех, кто считает рукописи подлинными... одни склонны датировать их VIII в. до н. э. ... другие — периодом Пленения, в то время как третьи относят документы даже ко времени Маккавеев» [407].

Все это не значит, однако, что существуют какие-нибудь конкретные палеографические аналогии между текстами Кумрана и моавского «Пятикнижия». Никто пока еще не устранил всех препятствий, мешающих нам признать кожаные свитки Шапиры подлинными. Но они заслуживают, как того настоятельно требует профессор Мансур, самого тщательного пересмотра. Если говорить о внутренних свидетельствах текста, то сейчас чашу весов не в пользу Шапиры склоняют, пожалуй, не те факты, которые прежде считались ключевыми, но скорее масса нехарактерных и противоречивых деталей.

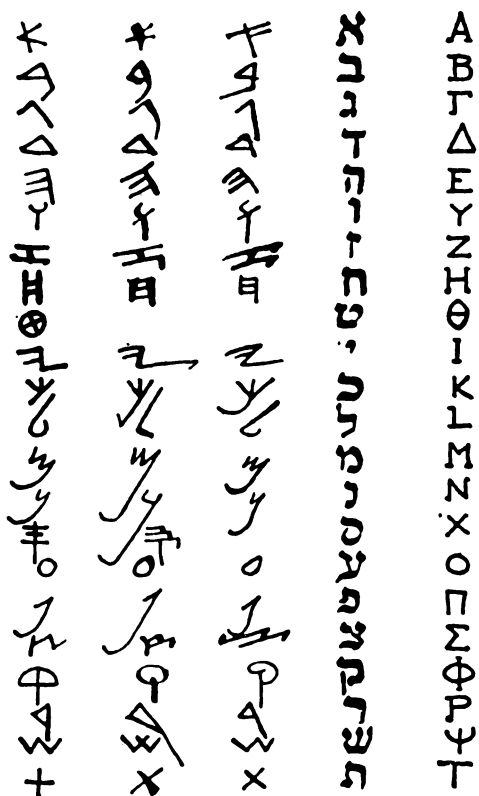
Профессор Мансур, который, по его словам, провел немало бессонных ночей после того, как впервые услышал о трагедии Шапиры, благоразумно воздержался от того, чтобы открыто объявить себя сторонником подлинности шапировских документов. Вместо этого он настаивает на том, что «никакие ни внутренние, ни внешние данные, насколько они до сих пор преданы гласности, не подкрепляют идею о фальсификации» [382, 225]. Более определенно высказывается в пользу Шапиры английский гебраист Дж. Л. Тейхер, статья которого под названием «Подлинность рукописей Шапиры» появилась в литературном приложении к «Таймс» 22 марта 1957 г. Он утверждает, что «по пересмотре всех данных, давших повод провозгласить рукописи поддельными, с удивлением вдруг осознаешь, что этот приговор совершенно необоснован и что рукописи в действительности были древними и подлинными» [407]. К сожалению, Тейхер опровергает лишь некоторые из числа слабейших доводов, выдвинутых оппонентами Шапиры, а все остальные отменяет без разбору как логически непоследовательные. «Текст свитков Шапиры, — признает он сам, — это подлинный камень преткновения». Но стоит только усмотреть в этом тексте перелицовку «Книги Второзакония» «для нужд литургии и катехизиса¹³ иудео-хри-

стианской общины», как все неясности и трудности устраняются, как ему кажется, словно бы по волшебству. Следует помнить, что Тейхер является единственным поборником идеи отождествления кумранской секты с иудео-христианами — эбионитами. Нельзя сказать, чтобы он сильно помог делу реабилитации документов Шапиры тем, что увязал их со своей заветной теорией. Насколько мне известно, никто из авторитетных ученых не поддержал его точку зрения на свитки Мертвого моря; и можно смело предсказать, что в своем донкихотском стремлении утвердить подлинность текстов Шапиры Тейхер не обретет многих последователей.

Согласно О. К. Рабиновичу, никакой «тайны библейских свитков», вызванной к жизни осужденной рукописью, не существует. Вся эта тайна была раскрыта еще в августе 1883 г. В своей статье в «Джуиш Квотерли Ревью», опубликованной в 1957 г., Рабинович дает исчерпывающее резюме истории фрагментов и убедительной аргументации, предложенной Ганно и Гинзбургом, но к этому он может добавить мало что нового. Только в самом конце он приходит к заключению, не менее странному, чем тейхеровское: открытие среди свитков Мертвого моря отрывка, идентичного какому-либо из фрагментов Шапиры, автоматически доказало бы, что свитки Мертвого моря также являются подделкой.

В литературе, посвященной делу Шапиры, нередко упоминается автобиографический роман «Юная дочь Иерусалима» (1914), написанный по-французски дочерью Шапиры под псевдонимом Мириам Харри. К настоящему времени принято за аксиому, что и сама дочь была убеждена в виновности отца. Например, «Пэлистайн Эсплорейшн Квотерли» в 1957 г. писал в редакционной статье, посвященной ожившему интересу к рукописям Шапиры: «Однако доказательством, значительно укрепляющим позицию противной стороны, является тот факт, что дочь Шапиры... как будто бы ничуть не сомневалась в правоте Клермон-Ганно, уличавшего Шапиру в подделке». И в научном издании столь нелепое заявление делается без каких-либо доказательств! Тем не менее оно выдвигается как веский довод против попыток профессора Мансура добиться пересмотра дела. Всякий, прочитавший книгу г-жи Харри, может убедиться, что она боготворила своего отца — человека не от мира сего, романтика, выведенного в романе под именем Бенедиктус. И нигде, ни единым словом она не дает повода для сомнений в его честности.

<i>Древнееврейское письмо</i>		<i>Греческое</i>
<i>Древнее, или треугольное</i>		<i>Квадратное</i>
<i>Самаритянские</i>		
<i>Моавский</i>	<i>надписи</i>	<i>Силоамская</i>
<i>Камень</i>	<i>на черепках</i>	<i>надпись</i>

Сравнительная таблица древнееврейского и греческого алфавитов. В трех столбцах представлены знаки древнееврейского курсивного (или «угловатого») письма, встречающиеся в древних надписях первой половины I тысячелетия до н. э.

Другой критик, М. Х. Гошен-Готштейн, сумел вычитать очень многое из следующего отрывка в автобиографии г-жи Харри: «...она любила наблюдать за отцом, когда он тщательно переносил каждую надпись на большие белые листы, порой переписывая то же слово по двадцать и даже по сто раз, пробуя располагать знаки в различных комбинациях» [363, 189]. Но это описание относится к работе антиквара по разбору надписей на древней керамике. Шапира никогда не скрывал, что он был более или менее знаком с древним финикийским и набатейским письмом. Он серьезно увлекался древностями. Но ничто не говорит о том, что свое знание древнего финикийско-еврейского письма он использовал для изготовления фальшивых документов. Поскольку сам Шапира утверждал, что он посвятил много времени разбору текста фрагментов «Второзакония», нет ничего странного и подозрительного в свидетельстве его дочери о том, что так оно и было [370, 112].

Сколь подозрительным ни казалось бы ученым знакомство Шапиры с древними системами письма, все же нелепо приписывать его дочери обвинение собственного отца в фальсификации. Гошен-Готштейн, который пытался обосновать свои подозрения еще некоторыми выдержками из «Юной дочери», в конце концов заключает: «Возможно, что на участие в подделке его толкнуло желание показать свою образованность и одновременно улучшить материальное положение, с тем чтобы удачно выдать замуж дочь» [363, 189]. Следует заметить, что дочью на выданье была не Мириам Харри, в то время еще совсем ребенок, а ее старшая сестра. Все эти легковесные, искусственные доводы ничего не добавляют к прежнему обвинительному заключению. Даже Гошен-Готштейн вынужден признать, что «изготовить такую подделку было не под силу одному человеку» [363, 189].

Несмотря на все эти доводы за и против, несмотря на приобщение данных дела Шапиры к дискуссии по поводу свитков Мертвого моря, мы по-прежнему еще очень далеки от решения проблемы. И ведь рядом существует еще одна тайна. Никто не знает, где находятся рукописи в настоящее время. Профессор Мансур убежден, что они скрыты в подвалах Британского музея, но руководство последнего это отрицает. Однако они были там и подвергались повторному обследованию в 1884 г., после смерти Шапиры, а потому, хотя сотрудники Британского музея и О. К. Рабинович считают это ве-

роятым, они никак не могли быть возвращены Шапире и сгнута вместе с ним в Голландии. В архиве Британского музея хранится письмо вдовы Шапиры с запросом о судьбе рукописей, но остается неизвестным, каков был ответ и был ли он вообще, а также принимались ли по этому письму какие-нибудь меры.

Бывший редактор журнала «Искусство за год» А. С. Р. Картер в своих мемуарах «Вот моя повесть...» (1940) утверждает, что «после разоблачения он (Шапира) прислал жалобное письмо, полное извинений за доставленные неприятности и беспокойство, и с благодарностью принял от Британского музея несколько фунтов за свою некогда «бесценную» рукопись, которую предполагалось сохранить в назидание потомству. С этой скромной суммой он выехал в Амстердам (sic!) и там, в какой-то убогой гостинице, покончил с собой» [351, 218—219]. Этим показанием как будто бы устанавливается тот факт, что Британский музей приобрел юридическое право на данную рукопись, но вопрос в том, стал бы музей хранить объект, заведомо признанный лишенным какой-либо ценности. С другой стороны, можно усомниться и в достоверности этого воспоминания Картера, который посвятил «Шапире, фальсификатору Библии», целую главу. Если Шапира в самом деле заключил подобную сделку, признав при этом сам, что документы были поддельными, то вряд ли он стал бы обращаться из Голландии к директору библиотеки Британского музея с последней, отчаянной мольбой создать комиссию непредубежденных ученых для повторной экспертизы свитков.

Доведется ли нам когда-нибудь увидеть перед собой вещественные свидетельства, которые, возможно, раз и навсегда покончили бы с этой тайной? До профессора Мансура дошли сведения о том, что известный лондонский книготорговец Бернард Куоритч продал кому-то несколько фрагментов рукописей Шапиры, однако проследить их дальнейшую судьбу ему не удалось. Можно предположить, что это были другие рукописи, которые Шапира привез с собой во время своего последнего визита в Лондон. Есть еще одно направление, поиски в котором, насколько мне известно, пока не предпринимались. Г-жа Шапира упоминает в своем письме о двух фрагментах из «Второзакония», которые она нашла в бумагах мужа и отослала профессору Константину Шлотману в Галле. Вероятность того, что эти фрагменты остались в университете 485

Галле, не может быть исключена и, пожалуй, заслуживает проверки. Есть еще один возможный источник: трансйорданское Вади-эль-Муджиб на «другом берегу Мертвого моря». Действительно ли так сыро в этих пещерах, как утверждал капитан Кондер? Не сохранились ли там какие-нибудь остатки рукописей? И если да, то не окажутся ли они по внешнему облику, манере письма, языку и содержанию сходны со свитками Шапиры?

Представляется вполне очевидным, что те обстоятельства, которые Шапира описал в связи с находкой текстов из «Второзакония», не могут быть лишь плодом фантазии. Как сам важнейший факт захоронения свитков в пещерах, так и некоторые детали, например полотняные обертки, а внутри их не сразу распознанные «колдовские заклинания», представляют слишком разительные аналогии кумранским находкам, чтобы это можно было считать случайным, лишенным какого-либо прецедента или материального основания предвосхищением будущего на семь десятилетий. Даже если документы Шапиры подделка, все же кажется неизбежным вывод, что фабрикатеры знали или слышали о прежних находках рукописей в «моавских» или других «пещерах Мертвого моря»¹⁴.

Книга IV

СОКРОВИЩА ШЕЛКА, ДРЕВЕСНОЙ КОРЫ И БУМАГИ

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

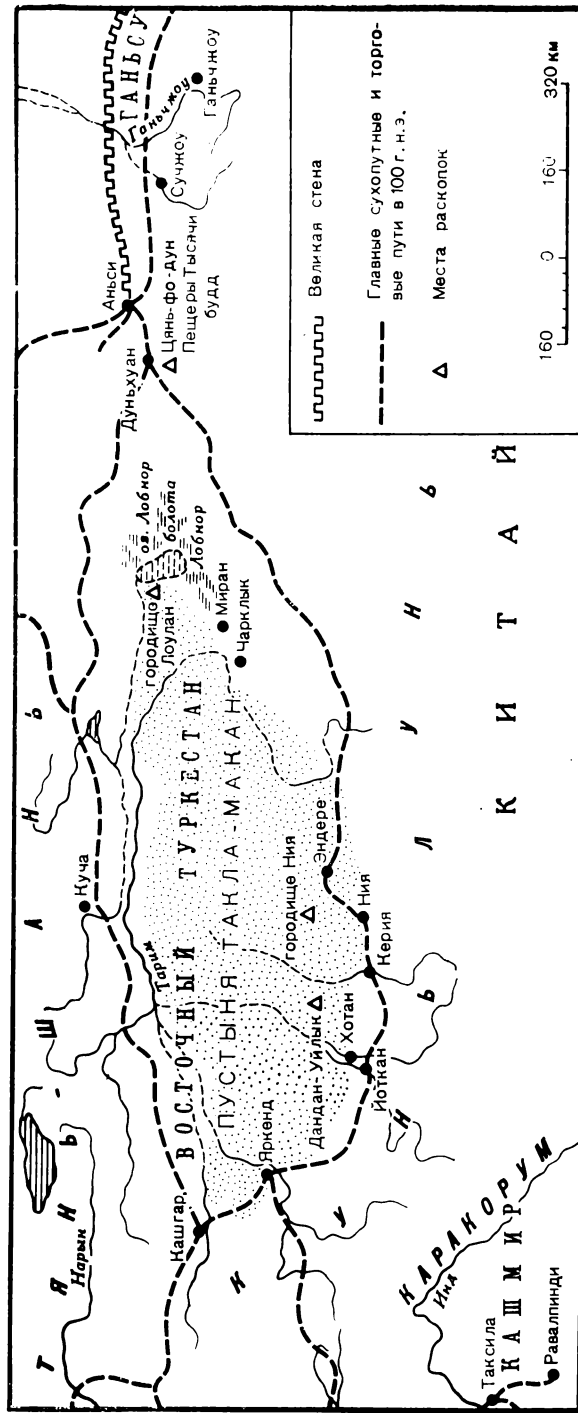
XXI

По стопам Марко Поло. Аурел Стейн

*Знаешь ты край, где вздымается до неба земной хребет?
Где кровля мира шатается под натиском снежных бурь?
Коснеть в ледяной берлоге не приходилось тебе, когда глух
круторогий к призывам твоих отчаянных пуль? Опять мой
путь в камнепады, к вершинам, к вечным снегам в крепкой,
надежной связке с мудрым проводником...*

Р. Киплинг. *Крыша мира*
(Перевод Л. Васильева)

В 70-х годах прошлого века ученик дрезденской гимназии увлекся романтическим эпосом об Александре Великом. Он жадно читал о молниеносных кампаниях своего кумира, прокатившихся над половиной известного тогда мира и сокрушивших гордые империи Востока. Более всего восхищался он броском Александра через Гиндукуш в Индию. Здесь было все, что могло составить подлинное приключение в его вкусе: неизведанные, дикие горы, отвага, находчивость и врата, ведущие в экзотические глубины азиатского мира. Но когда мальчик стал искать данные о действительных путях Александра, о перевалах, которые тот преодолел, о местах самых решительных и блестящих битв, он не смог найти в книгах удовлетворительных ответов. Именно тогда у него возник план повторить путь Александра, нанеся на карту точный маршрут его похода через древнюю Бактрию и последующего отступления из дельты Инда в Персию.

В течение многих лет, даже когда он стал взрослым и добился международного признания, власти Афганистана, располагающегося на землях древней Бактрии, отказывали ему в разрешении производить какие-либо изыскания. В его поддержку выступали три вице-короля Индии. Однажды он послал правителю Афганистана двухтомное издание одного из своих блестящих трудов, посвященных исследованию Азии, но король ответил, что не знает английского, что, для того чтобы он мог выразить свое мнение об этих работах, их следует перевести, а на это могут уйти многие годы. Казалось, все попытки напрасны. И вот осенью 1943 г., когда Аурелу Стейну было уже за восемьдесят, его личный друг по Гарварду, в то время американский посланник в Кабуле, смог получить наконец необходимое разрешение. Через несколько дней Стейн, по-прежнему энергичный и предприимчивый, покинул свое излюбленное пристанище в горах Кашмира и поспешил в Кабул, где остановился в резиденции посланника. Спустя два дня после приезда, отправившись в местный музей, он простудился. Последовал удар, и менее чем через неделю Аурел Стейн скончался. Перед смертью он сказал своему американскому приятелю: «Я прожил прекрасную жизнь, и то, что она завершилась именно в Афганистане, посетить который я мечтал на протяжении шестидесяти лет, — большая удача» [428, 341].

За шестьдесят лет, прошедших между юношескими мечтами и порогом их осуществления, Аурел Стейн заслужил славу «величайшего исследователя Азии после Марко Поло» [436, 254]. И хотя он оставался почитателем Александра всю жизнь, путь завоевателя был всего лишь одной из прямых дорог в глубь загадочного континента. Впоследствии Стейн избрал себе других проводников: своего венецианского предшественника Марко Поло и главным образом жившего в VII в. н. э. буддийского монаха Сюань-цзана, которого он называл своим «ангелом-хранителем». Стейн никогда не устал обращаться к памяти этого паломника, пристально наблюдавшего жизнь городов и поселений Индии, Гандхары и Туркестана. Сюань-цзан вел его за собой в Центральную Азию. Он был живым свидетелем и символом того промежуточного культурного звена между Индией и Китаем, которое Стейн воскресил в своих исследованиях. Сближает их и то, что Сюань-цзан предпринял путешествие из Китая в Индию с целью выяснить темные места и противоречия в буд-

дийских текстах. Годы спустя он возвратился с грузом священных книг. Стейну, проследовавшему двенадцатью столетиями позже в обратном направлении, предстояло превзойти своего «доброго наставника».

Марк Аврелий (позже Аурел) Стейн родился в Будапеште в 1862 г. Происходя из среднего достатка венгеро-еврейской семьи коммерсантов и интеллигентов, он с детства

Древнейшее из известных китайских изображений Будды, позолоченная бронзовая статуя, датируемая 338 г. н. э.

говорил по-немецки и по-венгерски. После занятий восточными языками и археологией в нескольких университетах на континенте (кульминацией чего было получение им в Тюбингене, в возрасте всего двадцати одного года, докторской степени за труды по индоиранской филологии). Стейн в 1884 г. прибыл в Англию, чтобы продолжить свою исследовательскую работу в Оксфорде и в Британском музее. Занятия пришлось прервать на год для прохождения в Венгрии военной подготовки, в ходе которой он приобрел ценные навыки в топографии и ориентировании на местности. По возвращении в Англию, которая после смерти в Венгрии родителей и брата стала для него второй родиной, Стейн обратил на себя внимание Генри Юла, ученого, издателя сочинений Марко Поло, и Генри Роулинсона, военного и одновременно 491

ученого, внесшего свой вклад в дешифровку клинописи. Своим английским наставникам Стейн обязан назначением в 1888 г. на должность директора Восточного колледжа в Лакхоре и архивариуса в Пенджабском университете. Так в возрасте двадцати шести лет Стейн нашел свой путь в Азию.

Служба в Индии приблизила Стейна географически к столбовым и окольным путям истории, пересекавшим малоизученные глубины континента. Но долгое время он был связан своими официальными обязанностями и уже начал сомневаться, удастся ли ему когда-нибудь избавиться от рутины преподавательской карьеры. Непродолжительны и редки были дававшиеся тяжелым трудом свободные минуты, которые он мог посвящать поискам древностей. При этом он был вынужден работать без какой бы то ни было общественной поддержки или субсидий. В то время нелепо было даже подумать о том, что индийская администрация может оказать содействие археологическим исследованиям. Изучение древностей Центральной Азии и даже Индии фактически не проводилось. Для европейских чиновников и широкой публики археология была синонимом раскопок гомеровской Греции и объектов на Ближнем Востоке, связанных со Священным писанием. Троя и Кносс получили Шлимана и Эванса — людей состоятельных, способных финансировать замышляемые ими проекты; множество различных обществ, поощрявших развитие христианской науки, щедро отпускало средства на раскопки в библейских странах. Ни одно из них не питало интереса к региону, привлекавшему Стейна. Только когда Стейну было уже тридцать семь лет, ему наконец улыбнулась удача.

В течение нескольких первых лет, проведенных Стейном в Азии, в рукописные собрания на Западе и в Индии поступило несколько фрагментов берестяных листков с текстами. Некоторые из них были приобретены человеком трагической судьбы — французским путешественником Детреем де Реном. Наиболее известной и пространной из них была так называемая рукопись Боуэра, названная по имени Л. Х. Боуэра, британского офицера, который стал ее владельцем в 1890 г. Это была, собственно, довольно объемистая пачка из пятидесяти одного листа, содержащая семь определенно различных, хотя и неполных текстов. Весь текст, поначалу объявленный не поддающимся прочтению, был разобран англо-немецким востоковедом А. Ф. Рудольфом Хёрнле. Выясни-

лось, что текст содержал неизвестные трактаты по медицине и способам гадания. Письмо представляло собой «гуптскую» разновидность североиндийского письма, которую можно датировать IV—VI вв. н. э. Практически не вызывало сомнений, что текст был написан индийцами — возможно, буддийскими монахами, о чем свидетельствовали и язык, и манера письма, и типично индийская форма «потхи», имитирующая сложенные в пачку листы индийской пальмы талипот. Прежде считалось, что во всей Индии не сохранилось ни одного столь древнего письменного памятника.¹

Поражающие своей отличной сохранностью листы рукописи Боуэра, как и другие, им подобные, были приобретены в отдаленных пустынных нагорьях Восточного Туркестана у местных кладонскателей или их посредников. Страна, способная сохранить такие сокровища на протяжении более чем двенадцати веков, безусловно, заслуживала более пристального внимания. Стейн первым осознал всю важность этих находок и принялся за их изучение. Современные путешественники проникали в районы Внутренней Азии, но с научной точки зрения ни один из них изучен не был. Стейна сильно ободрили в его замыслах организовать большую экспедицию рассказы очевидцев, таких, как Свен Гедин, о том, что там действительно существуют развалины древних поселений, сравнительно легкодоступные и пригодные для раскопок.

В 1898 г. Стейн находчиво и убеждающе представил правительству Индии свой план. В конце концов план был одобрен, главным образом благодаря вмешательству вице-короля Индии лорда (Джорджа Натаниэля) Кёрзона, который и сам был страстным исследователем истории Азии.

К счастью, у Стейна кроме археологии оказался еще один козырь — география. Даже бдительная администрация была готова тратить государственные деньги на проект, предполагавший топографическую съемку не нанесенных на карту пограничных Индии областей. Кроме того, Стейну удалось заручиться поддержкой и Топографического управления Индии. Работа, которую он вел в сердце Азии как топограф, была для него любимым делом и в то же время привела к большим научным достижениям. Чтобы собрать максимальную географическую информацию, Стейн поставил себе правилом никогда не повторять дважды путь из Индии в Туркестан или какой-либо другой район. Он пересек пу-

стыню Такла-Макан в ее наиболее широком месте, караокался вверх и вниз по покрытым снегом массивам высочайших хребтов Азии. Преодоление перевалов на высоте 15000 футов стало для него делом почти обычным.

Стейн был небольшого роста, жилистым, невероятно выносливым и крепко сбитым человеком. Однажды он попросил правительство дать ему в помощь для работы вдоль северо-восточной границы закаленного солдата из местных жителей.

Запрос передали военным властям района, и те после тщательной проверки выбрали молодого солдата, по национальности патана (афганца). По окончании работ офицер этого солдата поинтересовался, как тому жилось во время путешествия. «Сахиб Стейн — существо сверхъестественное, он не человек! — воскликнул юноша. — У меня в горах ноги отваливались. За ним не поспеть. Не посылайте меня с ним больше, пожалуйста, сэр» [428, 346]. В то время Стэйну было далеко за шестьдесят. Многими годами ранее, в 1907 г., во время топографической съемки в горах Куньлунь, на высоте 20 000 футов, он отморозил и потерял все пальцы правой ноги. Жестоко пострадал он и во время одной из переправ, когда сбросившая его лошадь упала на него. Несколько раз он ломал ключицы и едва не утонул в Персидском заливе.

Стейн не любил долгих сборов и громоздкого оборудования в своих экспедициях, а компании европейцев предпочитал сикхов и патанов. Неизменно он брал с собой проворного скотчтерьера Дэша или его однопородного преемника (они носили номера от I до VII), чей темперамент соответствовал непоседливости их хозяина.

Открытые ветрам песчаные пустыни Внутренней Азии, бывшие главным объектом археологических исследований Стейна, простираются на 1500 миль с запада на восток, от истоков Амударьи в Гиндукуше до собственно Китая, а также на 500 миль с севера на юг. Заболоченный бассейн Тарима и пустыня Такла-Макан занимают центральную часть этой территории. С севера она ограничена Тянь-Шанем («небесными горами»), а с юга — мощными хребтами Куньлуня, за которыми лежит Тибет. На западе высится громада Крыши мира — Памира. Человек, равнодушный к сверхъестественным чарам бесконечных волнистых барханов песка и движущихся дюн, вряд ли сочтет привлекательными эти голые, овейные

ветром горные плато. При отсутствии влаги в атмосфере и почти повсеместном недостатке пресной воды ни люди, ни животные, ни растения не могут существовать там сколько-нибудь длительное время, кроме как в узкой полосе оазисов, лежащих в предгорьях и орошаемых потоками, берущими воду у тающих ледников.

В периоды политической стабильности искусственное орошение способно было поддерживать жизнь в куда более обширных районах. Ряд фактов свидетельствует, однако, о том, что климат здесь становился все суше, вследствие чего большинство поселений постепенно уменьшалось; иногда люди даже оставляли их под натиском поглощавшего их моря песка.

Часто можно наткнуться на высохшие белесые пни и скелетообразные ветви мертвых деревьев, напоминающие о прошлой жизни в пустыне и по неотвязной сюрреалистической ассоциации вызывающие мысль о существовании поблизости погребенных под песком строений. Другие характерные приметы высохшего пояса оазисов — это скопление песка вокруг высохших зарослей кустарника — так называемые тамарисковые конусы, с годами достигающие весьма значительной высоты.

Несмотря на то что факт наступления пустыни на города и селения вполне очевиден, нет, однако, оснований предполагать, что Восточный Туркестан, за исключением его окраин, был когда-то достаточно плодородной землей, чтобы прокормить оседлое население. Природа, несомненно, воздвигла здесь один из самых своих неприступных бастионов. Но как любой другой естественный барьер — будь то океан, река или горы, потенциально он являлся также и мостом и, как таковой, сыграл огромную роль в истории Азии. Практически он никогда не был полностью непреодолим. Хотя и труднопроходимый, он служил естественным коридором между Восточной и Западной Азией с ответвлениями на юге — в Тибет, а через Гоби — в Монголию и Сибирь на север. Судя по находкам изделий времен палеолита и неолита в пустыне, эта длинная дорога может оказаться древнейшей в истории человечества и связанной, вероятно, с возникновением и самой китайской цивилизации. Задолго до того, как стать «шелковой дорогой», она была «дорогой нефрита», поскольку именно по ней последний попал во II тысячелетии до н. э. за тысячи миль отсюда — в Трою. Восточный Тур-

кестан является также источником лазурита², высоко ценившегося шумерами и вавилонянами.

Долгое время, однако, Китай и Ближний Восток не имели прямых контактов и представляли себе друг друга весьма смутно. И там и там возникали великие империи, но Китай, создавший блестящую цивилизацию и свой замкнутый мир, оставался в неведении относительно Запада, Персии, даже Индии (а они — относительно него) вплоть до II в. до н. э. Когда же встреча Запада и Востока наконец произошла, то это случилось по инициативе Китая. Китайцы в своем продвижении на запад через Центральную Азию столкнулись с чудовищными трудностями, и все же, по существу, это Восток первым открыл для себя Запад, а не наоборот.

Начало движению положил живший во II в. до н. э. великий император ханьской династии У-ди, искавший союзников для борьбы с грабительскими ордами хунну, известных европейцам под именем гуннов. Через несколько веков после этого тропинка через пустыню превратилась в широкую дорогу, соединившую отдаленные миры. У Китая появились связи с тремя великими цивилизациями: индийской, греко-римской и персидской. Потоки товаров хлынули в обе стороны по дорогам Центральной Азии. По цепи оазисов двигались караваны с китайскими шелками, разноязычные купцы, армии завоевателей и посольства. Но главное заключалось в том, что дороги торговли и войны вскоре превратились в каналы распространения культурных, языковых и религиозных влияний. Разнородные потоки слились в многоязычной культуре городов-оазисов, которая, в свою очередь трансформировавшись и приспособившись, распространила свое влияние до самого Китая.

Главными распространителями культурного влияния были буддийские миссионеры. Благодаря им буддизм обрел прочную почву не только в Китае, но и еще дальше — в Корее и Японии. Это явилось одним из главнейших событий мировой истории. Буддийское искусство, к тому времени уже представлявшее собой красочную смесь классических, индийских и иранских элементов, полностью ассимилировалось Дальним Востоком, где стало такой же созидательной силой, как христианство в Европе. Основной дорогой буддийских миссионеров был путь через Центральную Азию, который первоначально проложили китайские правители, двигавшие-

ся в противоположном направлении. И это был не первый случай, когда имперский захватчик прокладывал путь, через который впоследствии осуществлялось завоевание его владений извне интеллектуальными и духовными силами. Здесь перед нами один из псевдогегельянских парадоксов истории: *Graecia capta ferum captorem cepit* («Побежденная Греция пленила грубого победителя»). Точно так же прекрасные коммуникации, мир и единство Римской империи обеспечили относительно легкое распространение христианства.

Закат ханьской династии и разочарование народа в официальных догмах, то, что Гилберт Мюррей называет «нервным расстройством», создали условия, в которых Китай легко откликнулся на буддизм (и на другие культы), — явление, аналогичное тому, которое наблюдалось в средиземноморском мире под властью римлян. Однако буддизм, распространяясь в более терпимой и пестрой атмосфере Срединного царства, так никогда и не сделался исключительной, господствующей религией. Он сосуществовал бок о бок с конфуцианством и даосизмом, в меньшей степени — с манихейством, несторианским христианством, возможно даже с иудаизмом. Но китайцы самым решительным образом переработали буддизм и взяли на себя обязанность ревностно распространять новую религию в других странах. Если верить официальным китайским хроникам, по меньшей мере одна из их миссий достигла в доколумбову эпоху западного побережья Америки [430, 109—115].

В течение почти тысячи лет после того, как У-ди нарушил замкнутость Китая и из Гандхары через Памир туда прибыли первые буддийские миссионеры, центральноазиатская пустыня Восточного Туркестана с ее цветущими городами-оазисами была ареной взаимопроникновения великих цивилизаций Азии и Европы. Но только с прибытием в Центральную Азию Аурела Стейна и последовавших за ним немецких, французских, русских и японских экспедиций мы понемногу начали разбираться в калейдоскопической картине ее культурной, религиозной, экономической, этнической и политической жизни.

Рейд Стейна преследовал одну главнейшую цель: выявить источники рукописей, незадолго до того появившихся на Западе, и по возможности пополнить их число. Он также надеялся, что древние документы помогут распутать клубок чрезвычайно сложной истории этого района и дадут ему в 497

руки конкретные свидетельства о некогда процветавших здесь культурах. Таким образом, все было подготовлено к началу того, что Леонард Вулли³ назвал «наиболее отважным и богатым приключениями путешествием в древний мир, какое когда-либо предпринимал археолог» [36, 116].

С 1900 по 1916 гг. Стейн совершил три крупные экспедиции в Центральную Азию, проведя в поле в общей сложности семь лет. В ходе второй, и вероятно, важнейшей из этих кампаний, имевшей место в 1906—1908 гг., он пребывал в пути на протяжении двух с половиной лет. Всего он преодолел, в основном пешком, что-то около 25 000 миль. Стейн практиковал, по крайней мере в пространственном отношении, скорее археологию широкого охвата, нежели археологию «интенсивную». Он не концентрировал все свое внимание на каком-либо одном многообещающем объекте, но стремился выявить целиком всю цивилизацию с ее окружением и максимальными пределами распространения. Характерным для его метода было прослеживание древних путей, на которых встречались различные цивилизации, в частности путей Сюань-цзана и Марко Поло.

Маршруты всех трех путешествий пролегали приблизительно по одному и тому же району. Как правило, Стейн отправлялся в путь из Кашмира, обследовал малоизвестные долины Гиндукуша и Памира, а затем шел вдоль пояса оазисов от Кашгара на западе, по тому или другому краю пустыни Такла-Макан. Из ныне существующих городов он сворачивал в пески к покинутым селениям, где и вел раскопки. В ходе ряда последовательных экспедиций он посетил несколько таких разрушенных городов, а в промежутках между сезонами занимался картографированием высокогорных районов.

Главным объектом первого путешествия Стейна, занявшего семь месяцев, в 1900—1901 гг., служил Хотан, долгое время бывший столицей местного царства на южной окраине Восточного Туркестана. Стейн был убежден, что Хотан был важным звеном в торговом и культурном международном обмене. Он уже знал, что в китайских хрониках встречаются разрозненные упоминания о Хотане как останковке на пути к Амударье. Во времена поздней ханьской и танской династий Хотан явно находился под прямым политическим контролем Китая. В районе Хотана в разрушенных поселениях местным

кописи), сходные с древнеиндийскими. Так как большинство этих мест было уже полностью разграблено, Стейн решил двинуться в более отдаленные районы, лежащие вдоль древней дороги через пустыню в Китай. Но сначала ему предстояло разрешить одну головоломную проблему.

Начиная с 1895 г. уже несколько рукописей и ксилографов с неизвестными, загадочными письменами были приобретены для индийского правительства его представителем в Восточном Туркестане. Значительное число документов подобного рода перекочевало в Россию и публичные собрания Европы. Предполагалось, что все они найдены в определенном районе пустыни — в окрестностях Хотана. Пути каждого документа можно было проследить, и все они вели к одному человеку — хотанскому кладоискателю по имени Ислам Ахун. Несколькими годами ранее индийский представитель сумел выведать у Ахуна местоположение занесенных песком развалин, из которых он, предполагалось, и добывал рукописи. Стейн, однако, испытывал некоторые сомнения в подлинности этих странных текстов и поставил перед собой цель добраться до истины. Он решил посетить древние поселения, указанные Ахуном. По дороге из Кашгара в Хотан он остановился в местности Гума, входившей в перечень, сообщенный кладоискателем. Местные сановники уверяли его, что никогда и в глаза не видели никаких «старых книг». Из упомянутых Ахуном окрестных разрушенных поселений им были известны только два. Они показали их Стейну, и он убедился, что развалины были оставлены жителями в сравнительно недавнее время. О каких-либо древностях в них не могло быть и речи.

В Хотане Стейн тщетно дожидался визита Ислама Ахуна с его сомнительным товаром, который тот обычно предлагал вновь прибывавшим. Но по причинам, ему одному известным, Ислам Ахун избегал в то время приезжих из Индии. Тем временем Стейн познакомился с русским армянином — гордым обладателем бересты с такими же письменами. Армянин, купивший книгу для перепродажи, захотел ее оценить. Однако Стейн его не обнадежил. Осмотр книги только усилил его подозрения. Ни один из берестяных листов не был подвергнут той аккуратной обработке, с которой Стейн был знаком по анализу подобных материалов в Кашмире. Чернила также были не такими, какими обычно писали на бересте.

Как назло, Ислам Ахун так и не показывался. Всякий раз, когда Стейн возвращался в Хотан из экскурсий в близлежащие горы или в пустыню, Ахун отсутствовал. Встреча все же состоялась, но только уже в последний приезд Стейна в Хотан, в самом конце его первой экспедиции. Хотя подделка была очевидной, Стейну «страстно хотелось лично познакомиться с этим предприимчивым человеком, чья деятельность привлекла просвещенное внимание Европы» [434, 472]. Местный китайский губернатор предложил свое содействие, и Ислам Ахун был наконец схвачен.

Сначала подозреваемый пытался выдавать себя всего-навсего за исполнительного агента других торговцев «старыми книгами», которые, разумеется, уже либо скрылись, либо понесли заслуженную кару. Ахун, казалось, был убежден, что для уличения его в подделке нет прямых свидетельств, и поэтому театрално демонстрировал свое уважение к закону. Но все же он просчитался. Не зная об опубликованном в Индии отчете, неизгладимо зафиксировавшем сведения о его «открытиях», сообщенные им британскому резиденту, он теперь заявил Стейну, что никогда не был в тех местах, откуда, как предполагают, происходят книги. Стейн тут же выложил перед ним отчет. Как писал сам Стейн в забавном отрывке, содержащем его личные впечатления об этом мошеннике, «эффект был потрясающий. Ислам Ахун был совершенно не подготовлен к тому, что его выдумки с такими мнимоточными топографическими данными и другими деталями удостоились чести быть навсегда занесенными в адресованный правительству научный отчет. Ахун был достаточно сообразителен, чтобы понять, что выдал себя и ничего не выиграет, продолжая настаивать на своей невинности» [434, 475]. Постепенно вся правда вышла наружу.

В свое время Ислам Ахун действительно занимался поисками подлинных древностей в ближних руинах. Но в 1894 г. один афганский купец обратил его внимание на новый прибыльный рынок сбыта древних рукописей, существующий среди «сахибов» в Индии. И, похоже, «идея посещать мрачные развалины в пустыне, где его неизбежно ждали немалые трудности, а шансы найти что-либо были весьма ограничены, мало привлекала человека столь сообразительного, как Ислам Ахун. Вместо этого он задумал сам производить тот товар, который его понуждали поставлять „сахибам“» [434, 449]. Несколько образцов его нераз-

борчивых творений появились в Британском музее. Свен Гедин привел репродукцию одного из них в немецком издании своей книги «Через Азию».

Без особого нажима со стороны Стейна фальсификатор сделался словоохотлив и начал, по существу, хвастать своими достижениями. Он даже показал Стейну одно из хитроумных приспособлений для производства подделок. Стейн писал: «Как бы он был горд, если б мог созерцать роскошные сафьяновые переплеты, виденные мною несколькими месяцами позже, которыми удостоила его подделки великая библиотека Европы» [434, 454]. Ислам был настолько самоуверен, что, считая свои таланты впустую пропадающими в туркестанской глуши, имел наглость просить Стейна взять его в Европу. Стейн, со своей стороны, был вполне удовлетворен тем, что он сумел разрешить дело, «не прибегая к восточным методам судебного следствия». Кроме того, он полагал, его собственные разыскания сами по себе доказывали, что весь товар Ахуна — это просто неуклюжие подделки. Ни на одном из обследованных им объектов, лежащих на полосе в несколько сот миль от Хотана и к востоку до Эндере, конечного пункта первой экспедиции, не было обнаружено никаких письменных текстов, хотя бы отдаленно напоминающих продукцию Ахуна.

Разоблачение этих подделок явилось побочным результатом первого исследовательского предприятия Стейна, но оно характеризует его проницательность и критическое отношение к древностям. В столкновении с искусными кладоискателями он вышел победителем; теперь ему пришлось в голову, что можно найти лучшее применение их знаниям о погребенных под песком руинах. Перед отъездом из Индии он терзался опасениями затеряться в бескрайней пустыне в хаотических поисках покинутых селений. Не было ни литературы, ни карт, способных дать о них точные сведения. Стейну было известно несколько названий древних городов из китайских хроник, сочинений Сюань-цзана и Марко Поло, по чьим следам он хотел пройти часть пути в Китай. Но, за исключением немногих еще населенных городов в оазисах, где в силу их длительной обитаемости вряд ли можно было найти древние изделия, все прочие оставались неотожествленными и нелокализованными. Насколько далеко от современных дорог лежат они теперь в безводной песчаной пустыне? Можно ли их вообще заметить? И ведь несомненно, 501

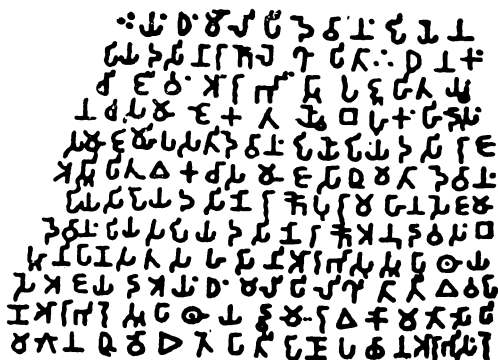
что под песками спят вечным сном еще многие другие города, не упомянутые ни китайским, ни венецианским путешественниками.

Стейн выработал простую схему решения проблемы. В какой бы город он ни попадал в своем продвижении по оазисам на Восток, он внимательно прислушивался к местным слухам о кладях. Иногда кладоискатели сами первые приходили к нему. Туркестанцы из его сопровождения выступали в роли разведывательной службы. Можно было рассчитывать, что они заведут полезные знакомства среди местных жителей, из которых Стейн потом выбирал проводника. Некоторые из них стали преданными компаньонами Стейна во всех его экспедициях.

Открытием самых многообещающих погребенных городов Стейн обязан местным источникам информации. Если не брать в расчет венчающих все его археологические достижения Пещер Тысячи будд близ Дуньхуана, Стейн никогда не стремился заранее к какому-либо конкретному месту, а просто двигался туда, где он подозревал наличие кладов солидной древности. Именно таким образом он набрел на так называемый Дандан-Уйлык («Дома со слоновой костью» — название, бывшее в ходу у местных кладоискателей), на Нию и Эндере — главные объекты его раскопок во время первой экспедиции. В двух последующих экспедициях в Центральную Азию он уже с пользой применял ранее накопленные знания. Путешествуя по пустыне Лоб, он следовал описанию Свена Гедина, который ранее уже посетил в этих местах развалины Лоулана.

Еще во время пребывания в Хотане Стейн, однако, усовершенствовал свой метод. Он понимал, что можно потратить впустую много времени и труда, если пользоваться одними лишь туманными сведениями, почерпнутыми у кладоискателей. Даже вполне надежные люди не всегда могли понять, что именно было ему нужно. Поэтому Стейн решил одновременно рассылать многих разведчиков в разные места для сбора образцов. На время, пока шла эта операция, Стейн выехал из Хотана в горы Куньлунь с целью топографической съемки. По возвращении он выяснил, что развалины древнего Хотана расположены в ближней деревне Йоткан. Как раз в это время одна из разосланных им разведывательных партий вернулась, принеся с собой фрагменты фрески со знаками индийского письма брахми, а также ста-

ринный документ на бумаге, выполненный курсивным, так называемым центральноазиатским брахми. Вне всякого сомнения, образцы были подлинными. Их добыл Турди, бывший кладоискатель, ставший одним из преданнейших Стейну разведчиков. В результате в качестве первого объекта для раскопок был избран Дандан-Уйлык, милях в шестидесяти к северо-востоку от Хотана. С тридцатью рабочими и запасом продовольствия на месяц Стейн дерзнул углубиться в

Надпись письмом брахми, содержащая эдикт царя Пиядаси (Ашоки) и высеченная на скале в северо-западной Индии

пустыню. Зима, единственно возможное для работы время в песчаных просторах, была в самом разгаре. По ночам температура падала ниже нуля по Фаренгейту. Вечерами в своей палатке Стейн вынужден был, отрываясь от ведения повседневных записей, прятаться под толстые одеяла в свою походную койку, в которой давно уже пригрелся маленький Дэш [434, 276].

Как выяснилось, Турди провел разведку в высшей степени удачно. Среди обширных развалин можно было опознать несколько строений значительной древности. Фрагменты фрески, доставленные Турди в Хотан, привели к буддийскому святилищу, которое сопровождавшие Стейна мусульмане не без оснований прозвали «Храмом идолов». Стейн расчитил большие настенные росписи, которые по своей композиции и образности сильно напоминали пещерные фрески

Аджанты⁴ в Центральной Индии. Других образцов изобразительного искусства этой эпохи нигде более в Индии почти не сохранилось. Здесь, следовательно, было обнаружено бесспорное свидетельство того, что индийская культура и религия продолжали процветать даже и вдали от родной почвы.

Но главной мечтой Стейна было найти рукописи. Он считал добрым предзнаменованием тот факт, что на буддийских фресках изображались индийские потхи — рукописи характерной формы, представляющие собой множество продолговатых листов, складывающихся в пачку и через общее круглое отверстие связывающихся шнурком. В течение первых трех дней такого рода рукописей обнаружено не было, но на четвертый один из рабочих нашел узкую полоску бумаги с жалкими остатками того, что, очевидно, было когда-то санскритским текстом. Стейн предложил выплатить серебром премию рабочему, который первым найдет целую рукопись; не прошло и часа, как из раскопа в соседнем строении донесся крик. Кто-то из рабочих нашел продолговатый листок бумаги размером 13×4 дюймов, проколотый наподобие потхи и покрытый письменами брахми, но на языке, который Стейн определил как неиндийский.

С этих пор обрывки рукописей стали попадаться чаще. Большинство из них было написано письмом брахми на бумажных листах типа потхи и относилось по содержанию к трем санскритским текстам из буддийского канона. Вскоре были обнаружены уже целые пачки рукописных листов; некоторые из них были настолько хрупки, что их невозможно было отделить друг от друга, пока они не были доставлены в Британский музей. Самые пространные рукописи были посвящены трактовке буддийской дхармы⁵. Филолог А. Ф. Р. Хёрнле, прочитавший и опубликовавший все написанные брахми материалы Стейна, опознал среди связок типа потхи одну почти полную сутру махаянской ветви буддизма, список которой был снят приблизительно в VII в. н. э. Судя по обилию религиозной литературы, вполне можно было заключить, что Стейн нашел библиотеку буддийского монастыря.

На рождество Стейн начал обстоятельные раскопки одного здания в полумиле от лагеря. В нем были найдены документы особого рода, большое количество древних текстов такого характера, что они доставили ученым почти столько же хлопот, сколько и изделия Ислама Ахуна. Это

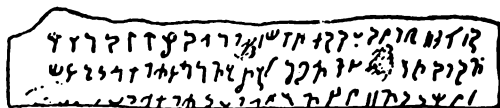
были манускрипты, написанные совершенно определенно курсивным брахми, но на неизвестном языке. Все они представляли собой бумажные свитки. Стейн подозревал, что эти манускрипты могли быть написаны на исчезнувшем местном наречии Хотана.

Пока Стейн изучал эти тексты, его рабочие извлекли из того же самого помещения, где содержались и «хотанские» образцы, еще несколько рождественских подарков: первые китайские тексты. Один представлял собой длинную тамарисковую палку с нанесенными вертикальными столбцами выцветших китайских письмен. Второй был почти в полной сохранности. Он был написан на тонкой, с водяными знаками, аккуратно сложенной бумаге, и позже было определено, что это обычный официальный документ, имеющий, однако, немалое историческое значение. Кто-то подал прошение, касающееся взятого в долг десять месяцев назад и невозвращенного осла. В документе приводилась точная дата: 6-й день 2-го месяца 16-го года в цикле Тали, что должно соответствовать 781 г. по нашему летосчислению. Податель обозначил и координаты: место с названием Лися. Так Стейну разом удалось с большой степенью вероятности идентифицировать раскапываемый объект, по крайней мере установить его китайское название [431, 67]. Все найденные китайские документы датировались в пределах от 781 г. н. э. и не позже 790 г. н. э. Из того, как они хранились в жилых помещениях, можно было заключить, что поселение было покинуто вскоре после этой даты. Этот вывод подкреплялся также присутствием китайских медных монет, чеканенных не позже 760 г. н. э. А в китайских хрониках, кстати, есть сообщение о том, что контроль над бассейном Тарима в период Тан был утрачен около 791 г. н. э.

Эти находки дали Стейну повод провести рождество в хорошем настроении. За рождественским обедом, который разделил и его маленький общительный терьер, Стейн сомневался: «Могут ли даже друзья, чьи добрые помыслы были обращены ко мне в тот вечер с далекого Юга и Запада, понять, как радостны будут воспоминания о рождестве, проведенном в уединении и холоде пустыни?» [434, 314]. В самом начале января он двинулся дальше. Стейн собрал значительное количество документов на разных языках, несколько прекрасных образцов буддийского искусства и множество изделий, включая и принадлежности для письма. Он

не ограничивал себя только раскопками, но изучал также планировку, естественное окружение и условия жизни этого форпоста цивилизации в пустыне. Засохшие фруктовые сады, погибшие более тысячи лет назад, свидетельствовали о том, что когда-то город орошали каналы, через много миль доставлявшие сюда воду далеких рек. Не были ли причиной того, что форпост был оставлен, какие-нибудь внутренние неурядицы в Китае?

Из Дандан-Уйлыка Турди повел Стейна к другим, расположенным поблизости развалинам. В середине января

Письменность кхароштни. Это древнеиндийское алфавитное письмо широко использовалось для составления официальных и деловых документов в эпоху Кушанской империи. Данная надпись датируется 38 г. до н. э.

караван достиг Керии, где Стейн смог отдохнуть и написать отчет для научного журнала. Но он и здесь не преминул поинтересоваться древностями и уже в самый день прибытия получил информацию о многообещающих развалинах в пустыне, близ города Ния, и за тем местом, где река Ния теряется в песках. Когда несколько лиц подтвердили эти слухи, Стейн решил продлить свой маршрут на значительно большее расстояние от Хотана, чем он предполагал, и включить в него Нию, которая была для него тем более привлекательна, что через это поселение проходил некогда по дороге на Лобнор и в Китай Сюань-цзан. Китайский путешественник характеризовал тогда Нию как восточный форпост Хотанского царства [434, 342].

Один из проворных молодых рабочих экспедиции не терял в Нии времени даром и свел знакомство с местным жителем, владевшим двумя исписанными деревянными табличками, происходившими как раз из тех развалин, которые собирался обследовать Стейн. Таблички эти, с которыми Стейну удалось ознакомиться, открыли новую фазу в обширной сфере эпиграфики древнего Туркестана. Документы бы-

ли совершенно новыми и по внешнему виду, и по типу письма. Взору Стейна предстало древнее письмо кхароштни, употреблявшееся на северо-западе Индии несколькими столетиями ранее и позже начала нашей эры. Впервые оно стало известно в 1837 г. по надписям, благодаря которым его прочно ассоциировали с кушанскими правителями древней Индии. Буквы кхароштни встречались на некоторых ранних хотанских монетах, датируемых I или II в. н. э. Тем же письмом был написан и приобретенный в 1892 г. в Хотане берестяной кодекс. Документы письма кхароштни указывали на глубокую древность развалин, которые собирался посетить Стейн.

В ходе дальнейшего сбора информации в Нии выяснилось, что нашел эти таблички с письмом кхароштни другой местный житель, предприимчивый мельник, а по совместительству — кладоискатель по имени Ибрагим. В течение предшествовавшего года он добыл из развалин несколько этих документов, но, посчитав их ненужными, выбросил часть на улицу. Другие он отдал своим детишкам для игры, и они, разумеется, вскоре погибли. Бедный Ибрагим! Теперь он тем более раскаивался в своей беспечности: ведь на его глазах европейский джентльмен щедро вознаграждал его односельчанина, подобравшего две из выброшенных им табличек. В результате услуги Ибрагима в качестве проводника были Стейну обеспечены. Дней десять спустя, двигаясь под чистым небом вдоль старого русла реки, караван Стейна достиг руин. Предварительная разведка показала, что этот объект много внушительнее и значительно древнее, чем Дандан-Уйлык. Доказательства этому были обнаружены в одном из первых же строений, в котором Стейн нашел богато украшенные резьбой скульптуры раннегандхарского типа.

На следующее утро Стейн поспешил осмотреть здание, в котором, по словам Ибрагима, тот взял таблички с письмом кхароштни. Стейн, однако, сомневался в успехе. Может быть, Ибрагим просто хвастун, или у него есть задняя мысль и он решил сохранить открытие для себя, зная теперь, что европейцы дают высокую цену за деревянные таблички. Но, как писал Стейн, «смешанное чувство ожидания и недоверия, с которым я приближался к месту, указанному Ибрагимом, скоро сменилось радостной уверенностью. Примерно в миле к востоку от лагеря я заметил руины, к которым нас вел Ибрагим, расположенные на чем-то вроде маленькой

террасы, высоко поднимавшейся над впадинами в почве, образованными разрушительной деятельностью ветра. Поднимаясь по склону, я подобрал сразу три исписанные таблички, лежавшие среди остатков массивных бревен, которыми отмечались уже полностью разрушенные части древнего строения. А на самой вершине я нашел, к великому моему удовольствию, куда больше табличек, разбросанных в одной из комнат, которые пока еще можно было легко опознать по остаткам их стен» [434, 335].

Люди Стейна расчистили одну из внутренних комнат строения и до конца дня нашли в ней не менее восьмидесяти пяти табличек. Почти все они прекрасно сохранились. Все как одна были деревянные, весьма своеобразной формы и покрыты в направлении справа налево письмом кхароштии. По большей части они были составные, сложенные из двух кусков. Почти все таблички, найденные в первый день, представляли собой пары клинообразных дощечек, скрепленных шнурком, обвязанным вокруг их широких сторон и продетым через отверстия в узких концах. Те из них, которые еще скреплялись уцелевшим шнурком, снабжены были с одной из сторон глиняной печатью, «наложенной на шнурок в специально для этого предназначенном квадратном углублении». Внутренние поверхности спаренных дощечек были покрыты письменами, а внешние, как некоторые современные конверты, содержали только краткую запись, что сразу наводило на предположение об адресе или имени отправителя [431, 77]. В таком случае становилось вероятным, что эти печатанные сдвоенные документы представляли собой официальные записи, договоры или письма. Дальнейшие раскопки принесли еще больше подобных текстов, а также ряд других, в широких пределах различающихся по размерам и форме. Некоторые таблички представляют собой одну дощечку продолговатой формы с надписями на обеих сторонах и ручкой. В других продолговатых или прямоугольных парных табличках нижняя дощечка имела приподнятые края и меньшая верхняя дощечка могла вставляться в нее как выдвижной ящик. При этом обе дощечки скреплялись шнурками с наложенными на них глиняными печатями.

Глиняные печати сами по себе были необычны: это был чистый классический греко-римский тип, а в изображениях на них узнавались эллинские божества, такие, как Эрос или Афина Паллада. Таким образом, здесь, в развалинах, отно-

сящихся к III в. н. э., где-то на полпути между Средиземноморьем и Тихим океаном, были обнаружены новые свидетельства пестроты и смешения культурных влияний [434, XVII].

Во всей Нии не было найдено ни клочка бумаги, и это явно указывало, что город был покинут жителями сравнительно рано. Хотя бумага в тот период была уже изобретена в Китае, прошло немалое время, прежде чем она проникла и в Восточный Туркестан.

По состоянию домов было ясно видно, что они не подвергались беспорядочному разрушению. Исход населения, очевидно, происходил организованно, поскольку оно почти не оставило после себя каких-либо материальных ценностей. Но дома не были единственным источником находок для Стейна; подобно Гренфеллу и Ханту в Оксирихе, он обратился теперь к кучам отбросов. И они дополнительно дали ему ряд новых эпиграфических данных; был найден, например, документ на дереве, написанный на сей раз по-китайски, а также документ, выполненный письмом кхароштки на сложенном пополам куске кожи. Сам по себе факт, что писец, употреблявший индийский язык и связанный с Индией своим религиозным мировоззрением, вдруг воспользовался воловьей или коровьей шкурой, был, мягко говоря, удивителен⁶. Впрочем, систематические раскопки мусорных куч дали главным образом деревянные таблички — в конечном итоге среди всякого рода отбросов их было собрано около двухсот. Дерево оказалось, без сомнения, самым распространенным писчим материалом, а характерные формы деревянных документов были импортированы в Туркестан китайцами.

Компактность той отвратительной массы, в которую слежались отбросы, в итоге и предоохранила ее содержимое от губительного воздействия пустынных ветров. Документы, таким образом, получили как бы компенсацию за то, что с ними прежде обошлись столь непочтительно. Эта мысль и утешала Стейна в течение тех трех дней, когда он окоченевшими пальцами осторожно сортировал, очищал и надписывал каждый кусочек, с тем чтобы облегчить последующее прочтение сложенных вместе фрагментов и уточнить их хронологическую последовательность. Занятие это было не из приятных. Вместе «со свежим северо-восточным бризом, овевавшим разворошенные кучи отбросов», ему приходилось

«вдыхать ароматы, все еще едкие после стольких веков, и глотать в обильных дозах древних микробов, к счастью теперь уже мертвых» [434, 388].

В Нии Стейн услышал о другом объекте, расположенном милях в четырехстах восточнее Хотана — развалинах Эндере (Андере). Здесь местом новых рукописных находок стал древний буддийский храм. Впрочем, он не был столь древен, как развалины Нии, и в качестве писчего материала в нем уже преобладала бумага. Стейн нашел здесь как санскритские рукописи, так и тексты, написанные курсивным брахми на неиндийском («хотанском») наречии, с которым он уже сталкивался раньше. У подножия одной из статуй он обнаружил священные буддийские тексты, оставленные, очевидно, как приношения верующих. В другом месте обрывки того, что когда-то было рукописью, оказались загадочным образом разложенными сразу перед несколькими фигурами божеств. Казалось, их набожный владелец, поделив на малые доли свой изувеченный дар, рассчитывал разом умиловить не одно божество. Когда позже фрагменты были изучены в Британском музее и сведены воедино, оказалось, что они принадлежат тибетской версии буддийского философского трактата, санскритский оригинал которого был утерян. И в этом случае раскопки Стейна еще раз помогли расширить сферу известных нам литературных и лингвистических данных, относящихся к Центральной Азии. В картину ее многоязычия вписался теперь и тибетский язык. Значение этой рукописи состоит не только в том, что ею представлено утерянное религиозное сочинение, но и в том, что она является древнейшим доньше известным образцом тибетской письменности.

Оставалось мало времени до периода песчаных бурь, которые делают невозможными раскопки в открытых просторах пустыни. Эндере, таким образом, суждено было стать крайней точкой в первой кампании Стейна. Остановка здесь казалась обоснованной и логически: Стейн полагал в то время, что он, по всей вероятности, достиг границы, за которой индийское влияние уже уступало китайскому [434, 422]. В ходе последующих экспедиций ему пришлось пересмотреть эту точку зрения. Влияние Индии и даже классического Запада проникало куда глубже — в пустыню Лоб и еще далее, в собственно Китай.

510 Не успел Стейн завершить свою первую экспедицию в

Центральную Азию, как уже начал планировать вторую. На этот раз конкретной целью был сбор археологических и топографических данных о путях проникновения индийского буддизма в Ганьсу, северо-западную провинцию Китая [431, 193]. Само собой разумеется, что он также собирался следовать маршрутам Сюань-цзана и Марко Поло. Кроме того,

Две изящно изогнутые фигуры боддхисаттв — одна из Индии, другая из Китая — предоставляют неоспоримое свидетельство распространения гандхарского искусства и буддийской культуры через Центральную Азию

он думал использовать сообщенные ему за несколько лет до того одним венгерским другом сведения о западных воротах Китая — оазисе Дуньхуан. Затеявая это рискованное предприятие, частично поддержанное Британским музеем, Стейн располагал на сей раз бóльшим количеством времени и средств. Сам он уже превратился в закаленного исследователя, а к тому же заполучил теперь к себе в помощь секретаря-китайца, который «с врожденным, как у каждого образованного китайца, чувством истории окунулся с головой в археологическую работу» [431, 48]. По пути Стейн копал в некоторых местах, обследованных им ранее, а также производил довольно много новых изысканий. Приближаясь к Нини, 511

он почувствовал радостное ощущение от того, что находится среди знакомых уже «высохших стволов тополей и фруктовых деревьев, которые цвели, когда еще существовала Римская империя» [433, I, 270]. Здесь он снова собрал богатый «урожай» документов, выполненных письмом кхароштии. В одном из зданий он натолкнулся на то, что должно было быть целым архивом. Как бывало с ним и в других местах, «находки рукописей так участились, что... скоро пришлось отказаться от намерения нумеровать каждый фрагмент в отдельности» [433, 270]. Во всем: в обстановке, лепных украшениях, деревянных панелях и предметах искусства — он узнавал греко-буддийский стиль Гандхары. Прекрасно построенные дома и всевозможная утварь, фруктовые сады и широкие улицы, не говоря уже о большом количестве документов, — все это вполне позволяло восстановить условия жизни в целом. У Стейна не было сомнений, что здесь некогда процветала развитая цивилизация, вдохновлявшаяся буддийской религией, но в то же время весьма подверженная эллинистическим влияниям.

После повторного посещения Нии Стейн двинулся на восток мимо Эндере и древнего оазиса Чарклык, через пустыню, на несколько тысяч миль дальше предела своих прежних скитаний. Его влекла к себе суровая земля Лоб — солончаковая впадина, оставшаяся от почти высохшего доисторического моря, возможно части предполагаемого геологами гигантского моря Тетис. Эту впадину, поглощающую воды обессиленной реки Тарим, некогда пересек Марко Поло, и по ней же китайцы отважились путешествовать в Центральную Азию. До Стейна никто еще не пытался, однако, проследить их точный маршрут, а некоторые северные районы пустыни Лоб вообще никогда не исследовались.

Ближайшей целью были развалины Лоулана, описанные Свеном Гедином. Но по пути к пустыне Лоб, милях в пятидесяти к северо-востоку от Чарклыка, Стейн сделал остановку в развалинах Мирана. Место было слишком соблазнительным, чтобы пройти мимо. Под яростными порывами ледяного ветра, при температуре, упавшей до арктических холодов, Стейн со своими людьми начал раскопки. Главным их объектом была огромная мусорная куча, которая оказалась богата археологическими ценностями и весьма примечательна, по словам Стейна, количеством содержащихся в ней нечистот. Здесь было множество тибетских документов,

что безошибочно указывало на оккупацию тибетцами этого района в VIII или IX в. н. э. [431, 112]. После того как китайцы в VIII в. утратили контроль над бассейном Тарима, Миран, очевидно, стал тибетской крепостью, охранявшей дорогу между Дуньхуаном в Западном Китае и городами-оазисами на юге Центральной Азии.

Стейн признавал, что копание в мусорных кучах всегда вызывало у него довольно противоречивые чувства. Но в Миране эти кучи были просто чудовищно грязны. «Только абсолютное безразличие» к нечистотам могло побудить тибетских жителей Мирана превратить свои дома в курганы из отходов, которыми многие были завалены по самую крышу. «Я имел возможность, — саркастически писал Стейн, — приобрести обширный опыт в расчистке древних свалок и неплохо разбираюсь в них. Но по обилию подлинной грязи и по неистребимой временем вони я всегда поставлю на первое место богатые „залежи“, оставленные тибетскими воинами. Более года спустя, расчищая остатки небольшого разрушенного укрепления на холме Мазартагх, к северу от Хотана и более чем в 500 милях от Мирана, я сумел еще до того, как были получены какие-либо археологические данные, безошибочно определить, что форт был занят тибетцами, по одному только запаху отбросов» [431, 114].

Впрочем, в какой бы непривлекательной среде ни приходилось их добывать, тибетские документы были желанной находкой. В итоге у Стейна набралось их более тысячи, причем содержание большинства было, несомненно, самым обычным. Но для ученых открытием был уже сам по себе их повседневный разговорный язык, о котором ранее знали очень мало, поскольку практически вся тибетская литература носит возвышенный религиозный характер. Из подобных же «залежей» была впоследствии извлечена еще более редкая и неожиданная находка: связка бумаг с так называемыми руническими тюркскими текстами, сходными по языку и манере письма с прославленными надписями Орхона, расположенного к югу от озера Байкал⁷. Эта древнейшая из известных науке тюркских систем письма была дешифрована в 1893 г. датским ученым Вильгельмом Л. П. Томсеном. По возвращении Стейн переслал Томсену все свои рунические тюркские документы.

Миран, однако, отдал еще не все свои сокровища. Там были постройки гораздо более древние, и некоторые из них

ко времени прибытия тибетских завоевателей, вероятно, уже стали руинами. В них-то Стейн и сделал некоторые из самых поразительных своих открытий за все сорок лет исследований. Во-первых, вопреки всем своим ожиданиям Стейн увидел здесь большие торсы в чистом греко-буддийском гандхарском стиле. У подножия одной из статуй он подобрал санскритскую рукопись на пальмовых листьях, выполненную письмом брахми. Рукопись эта не могла быть создана нигде, кроме самой Индии, и должна была совершить путешествие по всем гиблым землям Центральной Азии к окраинам Китая. По манере письма можно было определить, что она написана по крайней мере не позже IV в. н. э.

Потом Стейн заметил небольшую, сильно разрушенную буддийскую ступу, почти погребенную под курганом песка.

По мере того как продвигались раскопки, то и дело показывались остатки разрисованной штукатурки, а когда перешли на большую глубину, Стейн был невероятно озадачен изображениями на стенах прекрасных крылатых ангелов. «Как мог я ожидать, что здесь, на пустынных берегах Лобнора, в самом центре Центральной Азии, встречаюсь с такими классическими художественными образами, как херувимы! И как попали эти изящные головы, воскрешающие в памяти забытые эпизоды христианских легенд, на стены того, что было, вне всяких сомнений, буддийским святилищем?» [433, I, 457]. В них словно проступали черты греко-египетских юношей и девушек с восковых панелей Файюма и византийских изображений. Теперь и Помпеи казались не такими уж далекими отсюда. Знал бы тогда Стейн о росписях Дуры, он, несомненно, увидел бы здесь разительную аналогию их смешанному средиземноморско-азиатскому стилю.

По мере того как Стейн раскрывал все новые и новые фрески, повествующие об истории жизни Будды, но изображающие вполне западный антропологический тип, он начал предполагать наличие в них семитических черт и возможность заимствований из раннехристианской иконографии. Иногда ему казалось, что он перенесся в какую-нибудь древнюю виллу в Сирии или в любую из восточных провинций Римской империи. Затем в одном из коридоров того же святилища Стейн сделал еще одно открытие, которое помогло датировать фрески: он обнаружил остатки шелковых во-

тивных знамен с надписями письмом кхароштни совершенно того же типа, что и на деревянных документах из развалин Нии, оставленной жителями в III в. н. э. [431, 119].

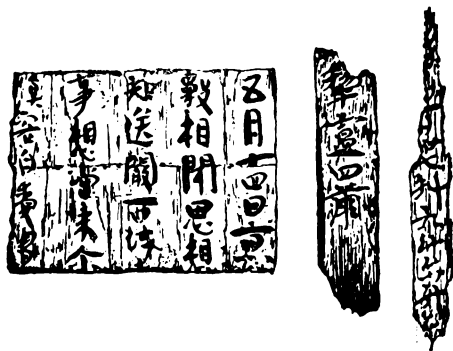
Большинство найденных в Восточном Туркестане рукописей удостоверяет продвижение в направлении Китая через Центральную Азию индийского влияния. Однако данные фрески еще красноречивее, чем гандхарский стиль буддийской скульптуры, свидетельствуют о значительном проникновении классических веяний, осуществлявшемся, очевидно, под эгидой буддизма.

Дорога к Лоулану была тяжелой, изнурительной и для людей и для животных. С севера, с Монгольского плато, постоянно налетали сильные порывы ветра. Температура редко поднималась выше нуля по Фаренгейту. На верблюдах было нагружено 400—500 фунтов льда для обеспечения экспедиции водой в течение недель в безводных солончаковых просторах. Каравану приходилось пересекать выветренные, с заостренными краями глиняные террасы, прорезанные глубокими трещинами. Несчастные верблюды стерли себе ноги и в соответствии со странной практикой были «обуты» при помощи ремней, пришитых прямо к живой коже. Реагируя на столь жестокую хирургическую операцию, животные лягались; она, однако, дала нужный результат.

Вскоре после того как, следуя путем Марко Поло, Стейн вошел в пустыню Лоб, он нашел на высохшем дне озера орудия каменного века и грубые гончарные изделия. Далее он подобрал на своем пути одну за другой несколько китайских медных монет ханьской чеканки, выпавших, вероятно, из дырявого кошель, который некто вез с собой, путешествуя по древнему пути около двух тысячелетий назад. Даже и здесь, в одном из наименее гостеприимных районов мира, человек все же оставил свои следы.

В Лоулане караван задержался на одиннадцать дней. Хотя Стейн предусмотрительно разбил палатку у самого подножия разрушенной ступы, ночью ее все же едва не унесло ветром. При раскопках были найдены как китайские документы на дереве и бумаге, так и документы письмом кхароштни, также на дереве и бумаге. Последние предоставили еще одно подтверждение того, что это индийское письмо имело широкое распространение в первые века нашей эры. Они свидетельствовали о том, что в этот период вся террито-

рия от Хотана до Лоулана на восточной окраине Таримского бассейна была преимущественно однородна в языковом отношении. Найденные здесь китайские имперские документы впоследствии дали ученым довольно ценную информацию по административным и военным вопросам. Так, императорский приказ о сокращении рациона солдатам, расположившимся здесь военным лагерем, указывал на быстрый упадок могущества Китая в позднеханьский период. Практически

Китайские документы на бумаге и узких
деревянных дощечках из Лоулана.
III в. н. э.

все документы датировались между 263 и 270 гг. н. э. С их помощью французский китаист Эдуард Шаванн смог убедительно доказать, что Лоулан был укреплением, в котором стоял гарнизон китайских солдат, имевших своей задачей (как и тибетцы в Миране пятью веками спустя) осуществление контроля над жизненно важным путем через Центральную Азию.

В Лоулане к текстам, написанным на дереве и бумаге, прибавились также документы на шелке, чем подтверждалось древнее китайское предание, согласно которому до изобретения бумаги шелк был одним из основных писчих материалов. Другой диковинкой, добытой в первом же разрушенном строении, явилась небольшая кипа желтоватого шелка. Последующие находки предметов материальной культуры дали Стейну возможность доказать, что эта кипа была

стандартного размера и представляла собой «именно ту форму, в которой этот древний и более всех прославленный продукт китайской промышленности обычно доставлялся на классический Запад» [431, 138]. Ничего подобного до тех пор найти не удавалось.

Что касается эпиграфики, то здесь наиболее интересным трофеем была полоска бумаги, покрытая знаками еще одного неизвестного письма. Стейн сразу заметил, что текст написан справа налево, что свойственно семитским письменностям; ему также бросилось в глаза отдаленное сходство с арамейским письмом Ближнего Востока. Впоследствии текст был опознан как написанный по-согдийски, т. е. на языке, на котором говорили некогда в районе Самарканда и Бухары.

Из Лоулана (Стейн установил его подлинное название — Крорайна — для китайцев, безусловно, непризносимое) Стейн прошел пустыню Лоб во всю ее длину — около 380 миль — по направлению к Дуньхуану. Марко Поло покрыл это расстояние за двадцать восемь переходов; Стейну удалось сделать то же за семнадцать. К счастью, он столкнулся здесь с меньшими трудностями, чем на пути к Лоулану. На всем пути его караван не встретил ни единого человека; вокруг было полное безлюдье. Не удивительно поэтому, что Марко и его китайским предшественникам мерещились здесь сонмища духов, населявших пустыню и сбивавших путешественников с дороги. Стейн, впрочем, предавался куда более трезвым мыслям. На первый взгляд казалось, что эта необитаемая земля мало чем может разжечь любознательность археолога. Но она была благодарным полем для наблюдений другого рода. Для начала Стейн мог изучать изменения очертаний пропадающих озер и рек. Границы некоторых оконечных солончаковых болот лежали более чем на градус восточнее границ, указанных на всех имевшихся картах. Перед взором Стейна оживало геологическое прошлое, когда ныне высохшее русло реки Суло соединялось с великим морем Лоб. В те дни бассейн Тарима, без сомнения, простирался от Памира через сердце Азии до границ бассейна Тихого океана [431, 166].

Поглощенный этими географическими размышлениями, Стейн вряд ли предполагал, что находится на пороге двух знаменательных археологических открытий. Из древних хроник ханьской династии он знал, что китайская дорога к Ло-

улану некогда начиналась от знаменитых Нефритовых Врат — укрепленного пункта, местоположение которого было забыто. Двигаясь в направлении к Лобнору, он надеялся, что путь туда ему укажут другие древние посты и заставы. Прошедший здесь ранее французский путешественник упоминал о каких-то разбросанных в пустыне руинах. Если они существуют, то удастся ли их отыскать в бескрайней пустыне? Окажутся ли они действительно расположенными на древнем пути? И будут ли они достаточно древними, чтобы их можно было связать с ханьскими Вратами двухтысячелетней давности?

Стейн уже две недели находился в пустыне Лоб, когда как-то вечером ему и его спутникам пришлось пересекать гравийное плато. Примерно на милю в стороне от обычно используемой караванной тропы он заметил небольшой холм и устремился туда. Холм оказался довольно-таки неплохо сохранившейся сторожевой башней в 23 фута высотой. Отличающая это сооружение особо прочная кладка из высушенных на солнце кирпичей, перемежающихся слоями ветвей тамариска, говорила о его внушительной древности. Форма постройки и ее расположение на краю глубокого, предоставляющего прекрасные возможности для обороны русла реки (ныне сухого) свидетельствовали, что здесь был военный аванпост. Рядом располагались руины жилых помещений для солдат или стражи.

Стейну попадались новые и новые сторожевые башни, большинство из которых, впрочем, было почти полностью разрушено. Как-то раз, когда Стейн с вершины одной из башен обзирал окрестности, он заметил нечто, напоминающее правильный ряд разложенных на плоской поверхности связок тростника. Проследив эту линию на небольшом отрезке вдоль края плато, он, к своему восхищению, увидел, что «она тянулась совершенно прямо по направлению к другой башне, видимой в 3 милях восточнее, а там, где она пересекала впадину, в ней безошибочно угадывались очертания стены» [431, 169].

Он открыл еще одну китайскую стену, древнюю пограничную полосу — или вал, как назвал ее римским термином Стейн, — которая кончалась у места, позднее опознанного Стейном как Нефритовые Врата, стоящие близ древней дороги через пустыню. Впоследствии, в третьей экспедиции,

518 Стейн прошел вдоль стены около 600 миль, проследив ее до

Эдзин-гола в провинции Ганьсу. Конечно, бо́льшая часть укрепленной линии разрушилась. Исследования Стейна установили не только ее протяженность, но также назначение и приблизительную дату постройки. Очевидно, вал был возведен для защиты торговой и военной дороги в Центральную Азию от грабительских набегов «варваров» с севера, из пустыни Гоби. Вал был современником первой мощной экспансии Китая на Запад во II в. до н. э. В то время как Великая китайская стена являлась сооружением чисто оборонительным, этот вал был орудием китайского наступления. Подобно тому, как это повсюду от Шотландии до Сирии делали римляне, но только еще раньше их, китайцы ханьского времени защищали свои вновь приобретенные области цепью военных постов. Напоминала римскую и практика вербовки основной массы солдат, размещаемых в гарнизонах, из «варварских» племен. Все это удалось установить по выкопанным из песка документам.

Предварительные археологические раскопки, произведенные в сторожевых башнях и около них, привели к замечательным эпиграфическим находкам, давшим богатый материал о военных походах, передвижениях войск, китайской военной и гражданской администрации, а также торговле, одежде и еде населения. Стейн, естественно, искал и другие следы, которые помогли бы определить возраст стены. Они обнаружили сразу же в виде деревянной китайской таблички со скромной надписью: «Мешок для одежды того, чье имя Лу Дин-ши». Само по себе использование дерева как писчего материала говорило о значительной древности находки, что подтверждалось и типом письма. И это было только началом.

Кучи отходов снова оказались для Стейна благодатным источником. В них были найдены многочисленные китайские документы, написанные на узких деревянных планках, как правило, в одну вертикальную строчку. На некоторых из них были даты, и Стейн с помощью своего секретаря-китайца сумел прочитать их. Они восходили к I в. н. э. На одной из планок дата соответствовала году рождения Христа.

Стейн получал громадное удовольствие от созерцания в своих руках того, что представляло собой древнейшую из числа до тех пор открытых рукописей китайского литературного текста («Цзи-цзю-чжан») [433, II, 155]. Еще более ценной находкой были пачечки аккуратно сложенных писем 519

на бумаге. Они были замечательны в нескольких отношениях. Во-первых, они были написаны тем же письмом, очевидно арамейским, которое Стейн нашел в Лоулане; во-вторых, если судить по другим, поддающимся датировке документам, погребенным вместе с ними в кучах отходов, они были написаны, видимо, не позже середины II в. н. э. Следовательно, это были древнейшие известные образцы бумаги, изготовленные, вероятно, не позже, чем через одно-два поколения после изобретения этого нового писчего материала (что произошло, согласно китайской традиции, в 102 или в 105 г. н. э.). Однако в недавние годы несколько экспертов оспорили возраст этих кусочков бумаги и разжаловали их до III в. н. э. Английский друг Стейна, Артур Каули, опознал язык этих писем как согдийский, одно из вымерших ирано-скифских наречий. Итак, хотя сегодня и существуют сомнения в том, что это древнейшие известные нам бумажные документы, все же письма эти замечательны тем, что написаны семитской письменностью на древнем индоевропейском языке и на китайском материале людьми, которые, вполне вероятно, могли служить в китайском своего рода «иностранным легионе». Писавшие их, возможно, исповедовали буддизм. На основании этих находок, а также других текстов и документов, таких, например, как шелковые фрагменты, заполненные письменами кхароштки, Стейн с полным правом мог заявить: «Создается впечатление, будто три цивилизации Востока, Запада и Юга сошлись в этой одиноко стоящей в пустыне сторожевой башне для того, чтобы оставить здесь письменные свидетельства о себе, а заодно чтобы познакомить нас с наиболее древними писчими материалами» [433, II, 115].

Это замечание удачно суммирует достижения первой фазы «дерзкого рейда» Стейна в Восточный Туркестан. Документы такого рода могут раскрыть перед нами связи, взаимодействия, тенденции, развивавшиеся в тот тысячелетний исторический период, когда Центральная Азия являлась местом встречи религий, языков, рас и культур. Дело не только в том, что мы смогли прочитать утерянную главу истории Азии. Эти открытия дали наглядный урок, нанесший удар по ограниченной концепции европоцентризма и отстаивавшим его историкам. Летопись веков оказалась наглядно запечатленной в песке. Из развалин, уже целые столетия заброшенных в пустыне, Стейн извлек письменные свидетель-

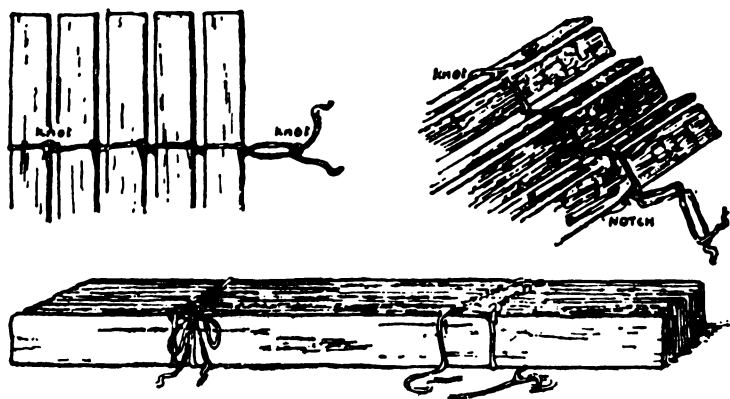
ства космополитической цивилизации, характеризующиеся небывалым многообразием языков и видов письма. Найденные им документы письма кхароштки оказались древнейшими текстами на дереве в истории индийской письменности. Благодаря им умножилось число имеющихся образцов этого письма, а также сделалось весьма вероятным предположение, что Восточный Туркестан был населен выходцами из Северной Индии еще до начала нашей эры, что, возможно, стояло в связи с образованием Кушанской империи⁸ и с распространением буддизма. Кроме того, документы, выполненные письмом кхароштки, предоставив в распоряжение ученых имена и даты жизни следующих друг за другом правителей, дали возможность установить хронологию исторических событий на территории, прилегающей к Хотану. Наиболее употребительным языком был ранний индийский пракрит, хотя некоторые тексты кхароштки оказались написанными целиком на санскрите.

Был восстановлен также давно исчезнувший местный язык Хотана, представлявший собой одно из иранских наречий. В числе хотанских текстов были буддийские священные писания, религиозные стихи, народные сказки и сочинения медицинского содержания. В дальнейшем были опознаны в текстах и другие, близкие хотанскому тохарские диалекты⁹, на которых говорило некогда население Таримского бассейна.

По документам, текст которых оказалось возможным разобрать, был воскрешен еще один бесследно исчезнувший ирано-скифский язык — согдийский. До второй экспедиции Стейна о нем почти ничего не было известно. Тем не менее его повсеместная распространенность делала весьма вероятным предположение, что этот язык некогда являлся языком международного общения на большей части территории Центральной Азии. Сибирские уйгуры приспособили согдийский алфавит к своему тюркскому языку.

Письменности являли собой не меньшее разнообразие, чем языки. Но те, которые употреблялись и тюрком, и индийским буддистом, и тибетским монахом, и иранским воином, — все они в конечном счете восходили (хотя и через ряд сложных промежуточных ступеней) к финикийско-арамейскому алфавиту, зародившемуся в древней средиземноморской стране — Сирии. Особняком среди них стояло только китайское письмо.

Круг материалов, на которых написаны тексты, довольно обширен и включает хорошо сохранившиеся малонизвестные или неизвестные образцы. Жители Восточного Туркестана употребляли древесную кору, пальмовые листья, кожу, бамбуковые планки, тамарисковое дерево, шелк и много

Книги из деревянных дощечек. Открытия Стейна выявили много подробностей, благодаря которым стало возможным проследить историю писчих материалов и книгопроизводства в Китае еще до изобретения бумаги. Наиболее популярным писчим материалом после шелка было дерево. Узкие планки (первоначально — бамбуковые) использовались для самого различного рода сообщений и документации. По находкам Стейна удалось выяснить способ, которым планки соединялись одна с другой, образуя сплошной последовательный текст. На вышеприведенных рисунках мы видим набор дощечек, на которых записан календарь 63 г. н. э. Вверху слева — «книга» в раскрытом виде. Вверху справа представлен метод складывания планок «гармошкой». Внизу — сложенная книга

раньше, чем любая из расположенных западнее стран, — бумагу. Для некоторых из этих материалов бытовали определенные стандартные формы, соответствовавшие передаваемому в них виду письменного сообщения. Найденные Стейном в полосе пограничных окраин Китая тонкие планки, записи на прямоугольных и клинообразных парных дощечках, а также на шелковых и бумажных листах пролили свет на историческое развитие китайской книги и письма, о чем прежде имелось мало конкретных данных. Некоторые деревянные планки содержали, по-видимому, древнейшие китай-

ские рукописные тексты, в их числе отрывки из словарей, а также магических и медицинских сочинений [11, 401—402]. Для буддийской Индии и собственно Китая Восточный Туркестан сделал то же, что Египет — для античного мира и христианства, а именно сохранил часть их утраченного книжного наследия.

По своим консервирующим способностям климат и пески Центральной Азии стоят, пожалуй, выше песков и климата Египта. Как замечал Стейн, «тончайшего слоя гравия достаточно для сохранения в первозданном виде наименее устойчивых материалов» [433, II, 105]. Когда исследователь возвратился на один отдаленный объект, где побывал семью годами ранее, он еще мог различить следы, оставленные им и его четвероногим спутником Дэшем II. Один из древних маршрутов, как мы видели, был четко обозначен ханьскими медными монетами, блестящими, словно они только что вышли из-под чекана. В одном захоронении Стейн нашел аккуратные кусочки печенья, которому было тысяча триста лет. Его верблюды пощипывали солому столь же почтенного возраста.

Как правило, пустыня — далеко не самое подходящее место для расцвета культуры; и в то же время, как ни парадоксально, она идеально приспособлена для сохранения и увековечения культурных остатков. Как свидетельствует археология, культурная производительность и степень ее исторической засвидетельствованности не обязательно пропорциональны одна другой. Для того чтобы обрести право рассматриваться в качестве потенциального источника погребенных текстов, всякая засушливая зона, обладающая необходимыми природно-климатическими качествами, должна еще состоять в непосредственном соседстве и контактах с территориями, на которых в прошлом существовали цивилизованные общества. Египет и Восточный Туркестан, каждый в своем роде, превосходно отвечали этим условиям.

Безлюдные просторы Восточного Туркестана, с которыми имел дело Стейн, представляли собой регион, не только во многом отличный от долины Нила или Месопотамии, но и значительно больший в территориальном отношении. Эта область настолько огромна, что для сколько-нибудь серьезного ее изучения необходимо было действовать с соразмерно широким охватом. Поскольку Стейн был первым ученым — исследователем этих мест, то ему пришлось собственными 523

силами и всего за несколько лет выполнить весь объем работы, в Египте проделанной несколькими поколениями путешественников и археологов. Стейн принял вызов и стал Александром археологии Азии по скорости кампаний, размаху покрытых расстояний и блистательности триумфов. И все же, когда Стейн в марте 1907 г., увенчанный лаврами побед при Нии, Миране и у пограничных валов, вернулся из пустыни Лоб, он вряд ли предвидел, что пустыни Центральной Азии скоро подарят ему еще одну находку, которая превзойдет все его прежние открытия.

XXII

У Тысячи будд

*И постепенно в тесной конуре
Несметные богатства собирают.*

Кристофер Марло. *Мальтийский еврей*
(Перевод В. Рождественского)

Среди всех городов-оазисов, вереницей тянувшихся по пустыням Центральной Азии, Дуньхуан («сияющий маяк»), или Шачжоу («песчаный город»), был явно первым по своему значению. Начиная с периода правления ханьской династии, около двух тысяч лет назад, он являлся центром, через который в обоих направлениях шла сухопутная торговля Китая с Западом. С севера на юг через него проходила также другая дорога, соединявшая Индию через Лхасу в Тибет с Монголией и Южной Сибирью. Дуньхуан расположен в собственно китайской провинции Ганьсу, хотя по географическим и климатическим особенностям явно сближается с Туркестаном. Город и его окрестности были в числе целей, намеченных Стейном для его второй экспедиции.

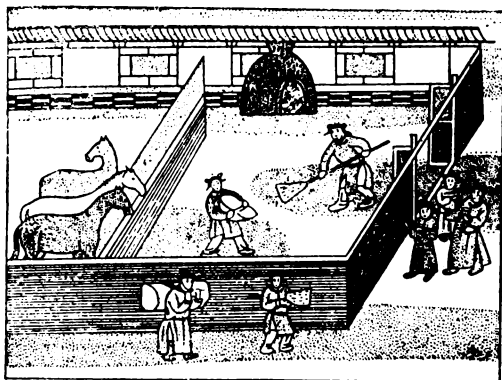
Друг Стейна, венгерский геолог профессор Л. де Лочи побывал здесь с географической экспедицией еще в 1879 г. Он был очарован расположенными милях в двенадцати к юго-востоку от Дуньхуана малоизвестными буддийскими пещерами, именуемыми Пещеры Тысячи будд (Цянь-фо-дунь). Именно он обратил внимание Стейна на это уникальное святыще, большие росписи которого навели его на мысль о связи их с искусством Индии. Полное энтузиазма описание профессора, а также надежда увидеть выдающиеся образцы вдохновленного Индией искусства фрески и известняковой скульптуры и побудили Стейна предусмотреть по плану сво-

ей экспедиции столь глубокий рейд через весь Туркестан в пределы Китая.

Прежде чем продолжить свои исследования на новооткрытых пограничных валах и произвести раскопки большого числа участков, расположенных вдоль стены, Стейн отправился в Дуньхуан. Оттуда он предпринял короткую вылазку на этот фантастический объект и обошел окрестности пещерных храмов. Первое личное впечатление взволновало его куда больше всех ранее слышанных рассказов. По краю широкой бесплодной долины тянулся крутой, конгломератный по своему геологическому строению откос. На расстоянии примерно в полмили он был источен темными отверстиями, зиявшими в лицо путешественнику, как множество разинутых ртов. Некоторые из отверстий располагались у самой вершины утеса. Трудно было представить себе, как можно было забраться в них снизу, с земли. Те, которые первыми попались на глаза Стейну, были, в общем, очень малых размеров. Высеченные руками человека пещерки представились ему «троглодитскими жилищами анахоретов, уединившихся в своей отдаленной Фиваиде¹» [431, 194]. Но ни одна из них не выглядела обитаемой. Может быть, и все это место было уже давно заброшено?

Можно допустить, что основание этому гигантскому улью положил некий ранний буддийский паломник, к которому впоследствии присоединились другие благочестивые миряне и монахи. В конце концов эти люди в своей набожности сделали пещеры жилищами для образов божеств, а сами жили снаружи, как, вероятно, поступали и некоторые из братии, связанной с пещерами Иудейской пустыни. Монашеская община (или общины) разрасталась, посвящая свои труды главным образом высечению храмов в скале и богатому украшению их фресками (точнее, темперной живописью) и скульптурой. Хотя высеченные в скалах святилища и являлись характерной чертой буддизма в Северо-Западной Индии, а также в пограничных областях Афганистана и Ирана, все же нигде они не цвели и не множились так буйно, как на западных окраинах Китая. Впоследствии Стейн встречался с подобными, великолепно расписанными скальными святилищами и в так называемой Долине Мириадов будд, и в других местах. Но никакие из них не могли сравниться с Пещерами Тысячи будд ни по количеству, ни по размерам.

рукотворных пещер на нем стало еще больше, причем по размерам они существенно различаются. Расположение их было беспорядочным. Некоторые пещеры были достаточно велики, чтобы вместить гигантские известняковые статуи Будды, как правило окруженные группами бодхисаттв. Количество пещер, что-то около пятисот в целом, было удивительным, и во всех были следы стеной росписи. Снаружи

Сцена светского содержания из настенных росписей Дуньхуана. Эта сценка из сельской жизни была зарисована в начале правления династии Сун, около 1000 г. н. э.

каждой пещеры, по-видимому, имелись преддверия, которые в большинстве случаев разрушились, преградив доступ внутрь, к фрескам.

Более тщательное исследование выявило причины, по которым утонченное пещерное искусство переживало теперь черные дни. Действие ветров и осадков, влекущее за собой обвалы мягкой породы изрезанной скалы, было только одной из причин разрушения. Еще более вредоносным и причинившим Стейну больше огорчений был оставивший явные следы безудержный пыл иконоборчества, распространившегося в Центральной Азии с проникновением ислама. Однако пещерам предстояло пережить еще худшее, когда, уже после Стейна, бежавшие от большевиков и укрывавшиеся в них русские белогвардейцы изукрасили фрески непристойностями и закоптили их дымом своих костров.

На удивление большое число стен оставалось в превосходном состоянии, что объяснялось, по замечанию Стейна, абсолютной сухостью пещер, а также «силой и прочностью, с какой несущая фрески штукатурка сцеплялась с поверхностью горной породы» [431, 195]. Как и другие предметы искусства, раскопанные Стейном в Туркестане, эти буддийские росписи обнаруживали индийское и гандхарское влияние и в тематике, и в чертах и позах человеческих фигур. «Местному вкусу не позволялось оказывать какое-либо преобразующее влияние на величавую безмятежность черт, простоту и одновременно выразительность жестов, изящество и богатство складок одежды, которыми классическое искусство, будучи занесено на берега Инда, наделило телесный облик Татхагаты² и его многочисленных воплощений» [433, II, 25]. Тем не менее китайское влияние повлекло за собой полную и чудесную трансформацию. В интенсивности цвета, изяществе композиции и живости деталей безошибочно проявляется китайский стиль. Пейзаж, растительные мотивы, манера изображения облаков, а также свобода движения и реализм отдельных человеческих фигур почти ничем не обязаны внешнему влиянию. Наиболее совершенные из фресок были созданы, вероятно, в период правления династии Вэй, в V в., и в великий танский период — время расцвета буддизма. Именно тогда Дуньхуан пользовался особым попечением империи.

Сопровождаемый своим секретарем-китайцем, Стейн в изумлении бросался от одной пещеры к другой. Затем явился и остался при них в качестве гида некий молодой местный священнослужитель. Так, значит, пещеры не были совсем уж покинуты? В Дуньхуане Стейн слышал о даосском монахе, который, несмотря на свою принадлежность иной вере, пришел за несколько лет до этого в Цянь-фо-дунь и решил посвятить свою жизнь охране и восстановлению этого благородного памятника древности. Для Стейна было сюрпризом узнать, что, несмотря на явный упадок и частичное разрушение, эти пещеры все еще являлись объектом религиозного почитания. Как археолог, он не мог не чувствовать разочарования по поводу того, что это место не было полностью заброшено и отдано на произвол его безбожной лопаты. Сумеет ли он развеять опасения немногочисленного местного духовенства? Удастся ли ему в обычной манере умили-

лили проводить исследования и «закрыли глаза на изъятие каких-либо священных предметов»? [433, II, 30]. Еще бóльшие осложнения могло создать мирское население этого района, суеверно гордившееся своими пещерными храмами как объектом паломничества. Чтобы узнать, как будут развиваться события, Стейну оставалось только терпеливо ждать.

Дело в том, что скоро долина должна была подвергнуться ежегодному нашествию жителей Дуньхуана. Шумные толпы десятков тысяч людей скоро должны были усеять утесы и организовать здесь весьма красочное религиозное празднество. Эти условия были, разумеется, более благоприятны «для изучения современного человечества, чем для разысканий в прошлом» [433, II, 159]. По этой причине Стейн и ограничил свой первый визит сюда всего одним днем. Но прежде чем уехать, он попытался проверить слух, дошедший до него в Дуньхуане через некоего торговца-мусульманина, бежавшего в Туркестан от кредиторов и, «как подобает человеку предприимчивому,... бдительно следившего за слухами о всевозможных кладах» [433, II, 19]. Суть рассказа заключалась в том, что несколькими годами ранее, когда упомянутый даосский монах предпринял расчистку одного пещерного храма, вход в который был завален обвалившимся куском скалы и нанесенным песком, там было случайно обнаружено большое тайное хранилище рукописей. В одной из покрытых фресками стен рабочие заметили щель. Побуждаемые любопытством, они внимательно осмотрели стену, которая оказалась не высеченной в скале, а кирпичной. Расширив щель, они обнаружили небольшую камеру в скале, наполненную рукописями. Согласно слуху, все свитки были будто бы написаны знаками китайского письма, но — что звучало сомнительно, если учитывать идеографический характер китайской письменности, — на каком-то не китайском языке. Теперь даосский жрец якобы держал все найденные сокровища под замком, выполняя официальное распоряжение губернатора провинции, который, по словам мусульманского купца, был тоже посвящен в эту тайну.

Прежде всего нужно было подтвердить существование этих рукописей. Затем, если они действительно существуют, следовало попытаться получить доступ к ним и — шансы на это казались весьма призрачными — добиться разрешения на вывоз хотя бы нескольких документов. Предприятие было, разумеется, весьма сомнительным, почти наверняка обречен-

ным на неудачу. К тому же даосский жрец был в это время в отлучке, отправившись в один из своих частых вояжей с целью сбора подаяния для планируемого обновления святилища. Тогда Стейн намекнул своему секретарю-китайцу, чтобы он поговорил с молодым монахом, выполняющим роль их гида, пока Стейн займется осмотром надписей в пещерах. Секретарь вскоре разузнал основные факты и установил точное местонахождение тайника. По счастливому стечению

Китайские графические символы, выражающие понятие «письмо». Два первых являются пиктограммами с древних гадательных костей; они изображают связанные вместе деревянные планки и руку, держащую кисточку. Третий и четвертый знаки представляют собой современные эквиваленты первых

обстоятельств Стейну также удалось получить некоторые конкретные данные о природе рукописей от духовного наставника юного монаха, тибетца, который заполучил на время одну из рукописей и держал ее в маленькой личной часовне как своего рода декоративную реликвию. Это был красиво написанный бумажный свиток; Стейну и его секретарю было позволено развернуть его. Однако текст и манера письма были слишком древними, чтобы свиток можно было прочесть за такое короткое время; казалось, он представлял собой достаточно древний буддийский документ на китайском языке. Прекрасная сохранность древнего свитка свидетельствовала о сухости хорошо укрытого скального тайника. Дальнейшие предположения, решил Стейн, следовало отложить до того великого, хотя и гипотетического дня, когда перед ним откроется потерянная библиотека.

Несколькими неделями позже, оставив свои весьма успешные раскопки на полосе пограничных укреплений, он вернулся в эту мрачную долину пещер, с тем чтобы пробыть здесь подольше. Но теперь его влекли к пещерам не только фрески и статуи. Он не сомневался, что в пещерах скрыва-

ются собрания древних рукописей. Эта мысль заставила его «сердце учащенно биться в течение месяцев, а теперь влекла его назад с силой невидимого магнита» [433, II, 164]. Стейн понимал, что все зависит от такта, осторожности и терпения. И вот на следующее утро после прибытия он ясно дал понять, что основной его целью является исследование размеров и расположения пещер, а также фотографирование лучших фресок и статуй. Когда даос-смотритель пришел засвидетельствовать ему свое почтение, Стейн умышленно старался не затягивать беседы с ним. Но он успел хорошо присмотреться к человеку, стоявшему на его пути к тому, что, могло стать, являлось ценнейшим трофеем в истории археологии Азии. Впечатление, полученное им, было далеко не благоприятным. Оно подтвердило информацию, собранную по другим каналам секретарем Стейна. «Он выглядел очень странным человеком, исключительно пугливым и нервным, с появляющимся время от времени выражением хитрости, что далеко не обнадеживало. Было ясно с самого начала, что поладить с ним будет нелегко» [433, II, 165].

В тот же день, когда он производил фотосъемки недалеко от святилища, где были открыты рукописи, Стейн украдкой взглянул на закрытый проход к тайнику. Он был потрясен, увидев, что проход закрыт уже не деревянной дверью, как было при его первом визите, но замурован стеной из кирпича. Он упал духом и мысленно приготовился «к долгой и трудной осаде» [433, II, 165].

Изменившаяся ситуация требовала нового подхода. Он все еще был полон решимости добиться разрешения увидеть все рукописи в том самом месте, где они были обнаружены. Только в этом случае могли быть установлены обстоятельства и примерная дата помещения рукописей в тайник. На следующее утро Стейн послал Цзяна, своего секретаря, на разведку. Цзян, будучи сам китайцем, мог быстрее найти общий язык с даосским монахом. Маневр увенчался определенным успехом: для Стейна было облегчением узнать, что библиотека была замурована лишь на время, с целью укрыть ее от тысячных толп паломников, ранее прибывших сюда на ежегодное празднество. Цзян попросил разрешения взглянуть на собрание рукописей, но даос ничего конкретно ему не обещал. Впрочем, намекнув на возможность «щедрого пожертвования в пользу святилища», Цзян заметил, что тот стал как будто бы благосклоннее. И все же он согласился

разрешить Стейну ознакомление лишь с некоторыми образцами из библиотеки, причем только с теми, которые он выберет сам. Ободренный частичным успехом своей миссии, секретарь вышел за рамки данных ему инструкций и дипломатичной сдержанности, дав понять, что Стейн был бы не прочь купить что-нибудь из рукописей. Реакцией на это было «смещение, вызванное, казалось, в равной мере сомнениями религиозного свойства и боязнью общественного осуждения» [433, II, 166]. И секретарь быстро замаял этот вопрос.

По мнению Стейна, его неисправимо оптимистичный секретарь переоценил результаты этой беседы. Казалось несомненным, что темперамент даоса еще поставит их в будущем перед массой всевозможных проблем. Одних только денег для того, чтобы преодолеть его страх и упорство, было недостаточно. Теперь Стейн решил взяться за дело лично и вместе с секретарем, который должен был переводить их беседу, отправился к даосу. С дипломатически тонким расчетом он попросил Ван Дао-ши показать ему восстановленный пещерный храм, хорошо зная, что это место было гордостью монаха и делом всей его жизни. Его просьба, как и предполагалось, нашла живой отклик. Позже Стейн писал об этой экскурсии: «Когда он провел меня через высокое преддверие с его прочными деревянными опорами, сплошь новыми, щедро позолоченными и раскрашенными, затем через просторный вход или коридор, дающий доступ свету, в главную келью, я не мог удержаться от того, чтобы не бросить взгляд направо, где уродливая заплата нештукатуренной кладки скрывала еще в то время дверь потаенной часовни. Но это был неподходящий момент для того, чтобы начать допытываться у моего благочестивого гида о том, что именно хранится в таинственной нише; вместо этого мне подобало проявить интерес к тому, как его рвение воплотилось в расчистке кельи и ее священного убранства» [433, II, 167].

Стейн ясно видел, что «реставрация» была чересчур основательной. Но он мудро хранил свое мнение при себе. Некоторые из новых образов божеств были ужасны и наглядно свидетельствовали о том, до какого низкого уровня деградировало со времен танской династии искусство в этой части Китая.

Тем не менее Стейн не мог не почувствовать чего-то вроде уважения к стоящему рядом с ним странному человеку, 532 «чья преданность этому святилищу и возложенной им на

себя благочестивой задаче его восстановления была неподдельно искренней. Около восьми лет назад как простой нищенствующий монах он пришел сюда из своей родной провинции Шаньси... поселился в разрушенных храмовых пещерах, а затем взялся за реставрацию одного этого храма, стараясь привести его к тому виду, который, по его представлению, составлял его первоначальное великолепие... Из того образа жизни, который он вел вместе с двумя состоящими при нем смиренными служителями, и из всего, что Цзян слышал о нем в Дуньхуане, явствовало, что он почти ничего не тратил на себя и на свои личные нужды» [433, II, 168].

Постепенно археолог и монах прониклись взаимным уважением друг к другу. Но как мог Стейн довести до сознания этого необразованного человека всю необходимость изучения древних текстов? Ранее Стейн без труда сумел заручиться поддержкой китайских чиновников, которые, будучи высокообразованными людьми, могли по достоинству ценить исследования в области археологии и древнего искусства. Наконец Стейна осенило. Ему и прежде часто приходилось вызывать к образу Сюань-цзана, своего «святого покровителя», популярность которого среди как образованных, так и простых людей почти всегда обеспечивала Стейну благосклонное внимание с их стороны. Даже Ван должен был слышать об этом великом китайском монахе-путешественнике. И вот Стейн поведал даосу о своем восхищении этим китайским святым, по стопам которого он прошел через спинной хребет континента в его родные края. Упоминание высокочтимого имени Сюаня подействовало почти как заклинание джинна. Стейн сразу подметил «блеск живого интереса... в глазах Дао-ши, обычно столь пугливых и бегающих по сторонам». Секретарь своевременно заполнил пробелы в разговорном китайском языке Стейна и ответил на несколько вопросов священника о путешествиях святого. Теперь Стейн убедился в том, что Ван Дао-ши, «пусть плохо осведомленный и безразличный ко всему, что связано с буддизмом, был таким же пылким, хотя и несколько своеобразным почитателем... великого монаха танского времени», каким был и сам Стейн [433, II, 169]. Сюань-цзан китайского фольклора, вызывавший восхищение Вана, был не вполне тождествен тому реально существовавшему ученому, которого знал Стейн; по сути дела, приписываемые ему подвиги напоминали отчасти сверхъестественные приключения барона Мюнхгаузена. Но

это не играло существенной роли. Главное — то, что была найдена тема, представляющая для обоих одинаковый интерес.

Бесспорное подтверждение того почтения, которое даос испытывал к Сюаню, Стейн получил, увидев серию картин из жизни Сюань-цзана, которую Ван заказал художнику много ранее и теперь мог продемонстрировать своему гостю. Наступил черед Стейна слушать даоса. Одна из недавно нарисованных фресок изображала сцену, представляющую особый интерес для Стейна, так как в ней усматривалась некая странная параллель его собственным желаниям. Она живописала затруднения святого, связанные с переправой через бурную реку двадцати пони с грузом священных книг, которые, по преданию, он привез из Индии. «Но сумеет ли сей благочестивый страж понять правильно этот очевидный урок, — сказал Стейн самому себе, — и захочет ли обрести духовную заслугу, позволив мне вернуть обратно, на родину буддизма, некоторые из древних рукописей, которые случайно оказались на его попечении?» [433, II, 170]. Стейн решил, что в данный момент наиболее мудрым будет не ставить этот вопрос прямо. Он предоставил дальнейшие ходатайства по своему делу Цзяну, надеясь, что имя Сюаня будет по-прежнему оказывать на даоса свое магическое действие.

Даос как будто еще не созрел для того, чтобы выдать им рукописи во временное пользование. «Позже, позже», — обещал он Цзяну. И все-таки позднее, в тот же вечер, Стейн услышал шуршание в своей палатке. Это был Цзян, нагруженный связкой свитков, которую даос только что тайком принес ему, спрятав под своим монашеским одеянием. Стейн тут же обнаружил, что свитки были древними версиями буддийских канонических текстов. Цзян просидел всю ночь, углубившись в их чтение, и рано утром торжественно заявил, что эти китайские переводы буддийских сутр имеют пометы, удостоверяющие, что они были доставлены в Китай и переведены лично Сюань-цзаном. Теперь Стейн мог намекнуть Вану, что Сюань, несомненно, хотел бы, чтобы плоды его трудов, погребенные в течение столетий в скальной пещере на китайском дальнем Западе, стали достоянием образованного мира. Разве не сам Сюань открыл Вану тайник с бесценными рукописями, с тем чтобы тот мог оказать со своей стороны содействие последнему из учеников великого на-

ставника, прибывшему из далекой Индии? Цзян поспешил сообщить монаху эту волнующую новость.

«Эффект, — писал Стейн, — был просто потрясающим... Несколько часов позже... Цзян обнаружил, что стена, преграждавшая вход в тайник храма, убрана, и через его дверь, приоткрытую даосом, заглянул украдкой в комнату, заваленную до потолка связками рукописей. Я намеренно все утро до полудня держался подальше от храма Дао-ши, но, услышав такую новость, не мог более сдерживать нетерпеливого желания своими глазами увидеть эту великую сокровищницу... Там я застал даоса, очевидно все еще боровшегося со своими сомнениями и мрачными предчувствиями. Но, повинувшись этому псевдобожественному велению, он наконец собрался с духом и открыл передо мной грубую дверь, скрывавшую узкий проход, который из широкого входного коридора уводил вбок, к высеченной в скале нише, расположенной фута на четыре выше пола коридора. Открывшийся моим глазам в этой комнатке вид поверг меня в изумление. Сваленные слоями, но без всякого порядка, передо мной в тусклом свете маленького светильника в руках даоса сплошной массой громоздились до высоты почти 10 футов связки рукописей, занимавшие, как показали последующие измерения, объем без малого в 500 кубических футов. Оставшееся в комнате свободное место было едва достаточным для двух человек... Все манускрипты, казалось, сохранились точно в том самом виде, в каком их сюда положили. Некоторые из связок были небрежно перехвачены одним лишь жестким шнуром без каких-либо тряпичных оберток, но даже и это не повредило бумаге. Нигде я не мог найти ни малейших признаков сырости. Можно ли было вообще изобрести место, более пригодное для сохранения такого рода реликвий, чем камера, вырубленная прямо в камне этих чудовищно бесплодных холмов и герметически изолированная даже от того ничтожного количества влаги, которое могла содержать атмосфера этой пустынной долины? Даже в самой сухой почве на месте развалин какого-нибудь поселения эти сокровища не могли настолько избежать разрушения, насколько это удалось им здесь, в предусмотрительно выбранной для этой цели скальной камере, где, скрытые за кирпичной стеной и защищенные также толщей песчаных наносов, эти массы рукописей пролежали непотревоженными целые века» [433, II, 174—176].

Было ясно, что работать в тесноте самой камеры невозможно, однако Ван все еще опасался, как бы кто-нибудь в Дуньхуане не проведал, что он допустил Стейна в тайную библиотеку, в результате чего он мог лишиться поддержки своих покровителей в святом деле восстановления и содержания храма. Стейну пришлось согласиться с тем, что даос будет выносить ему на ознакомление лишь по одной-две связки. В то время как даос извлекал из хранилища рукописи, Стейн и Цзян начали работать с ними в недавно отстроенном преддверии соседней пещеры, где они не могли попасться на глаза посторонним. Но сначала Стейн наскоро обследовал камеру в скале и остатки фресок, некогда украшавших ее вход. Некоторые особенности этих рукописей давали повод заключить, что тайник не мог быть замурован позже чем в XI в., а это само по себе гарантировало большую ценность найденных рукописных сокровищ. Но только сами документы могли дать более точную информацию о том, когда они были написаны и когда их могли спрятать.

Для Стейна отнюдь не явилось сюрпризом то, что пустыня так хорошо сохраняла рукописи. Однако они обнаруживали следы длительного пользования, а письмо, размещение текста, писчий материал и другие особенности определенно свидетельствовали о значительной древности рукописей. Наконец, в колофонах многих сочинений попадались точные даты; некоторые из китайских текстов восходили к началу V в. н. э. Фактически все были написаны на бумаге, и преобладали толстые бумажные свитки, в среднем до фута в диаметре, и значительной длины. Многие были намотаны на деревянную палку на манер некоторых папирусов.

Существенной помехой для Стейна являлось его несовершенное знание китайского языка. Он вынужден был полагаться на своего секретаря-китайца, который, к сожалению, был не слишком хорошо знаком с буддийской литературой. Вот еще одна причина, думал Стейн, по которой совершенно необходимо вывезти отсюда рукописи для систематического изучения их учеными различных стран. Между тем Ван продолжал засыпать его все новыми и новыми связками. Особенно ободрил Стейна древний китайский свиток, написанный индийским письмом брахми. Поскольку этот текст близко напоминал документы, ранее встречавшиеся Стейну в районе Хотана, он мог служить доказательством того, что буд-

дийский центр в Цянь-фо-дуне поддерживал связи с Индией через бассейн Тарима. Он свидетельствовал также о том, что основная масса рукописей относилась, вероятно, к той эпохе, когда «использование индийского письма и отчасти санскрита все еще преобладало в буддизме Центральной Азии» [433, II, 176].

Вместе с китайским материалом здесь было большое количество тибетских рукописей: длинные свитки, исписанные горизонтальными строчками, составляющие часть обширного буддийского канона Тибета. Эти свитки, несомненно, сохранились от периода тибетской оккупации этого района в IX в. В предыдущих исследованиях Стейна ему ни разу не попадались тибетские рукописи такой длины и такой хорошей сохранности. Уже в первой связке, обследованной Стейном и его помощником, помимо китайских и тибетских обнаружили также тексты на других языках. Одним из многих сюрпризов был большой сверток, содержащий, как оказалось, изящные рисунки на полотне и на шелковой газовой ткани: знамена и «экс-вото» (особые приношения по обету), иллюстрирующие сцены из буддийских легенд. Этот материал сам по себе составлял одно из прекраснейших сокровищ древнего сериндийского (т. е. китайско-индийского)³ искусства.

Любопытно, что именно реликвиями такого рода даос надеялся отвлечь Стейна от китайских канонических текстов, которые он считал единственной ценностью. Стейн был вполне удовлетворен таким поворотом дела: самые необычные предметы появлялись из беспорядочных куч, которые нагромождал перед ним Ван. Здесь были свитки, написанные знаками индийского письма на не дешифрованных еще в ту пору, очевидно, местных языках Туркестана. Стейн старался не выдавать своего восторга, откладывая драгоценные находки в сторону, чтобы заняться ими позже. На этом этапе важнее всего было постоянно поддерживать бодрость духа в даосе, самоотверженность которого постепенно угасала. Время от времени Цзяну приходилось прибегать к сеансам кроткого увещевания, в то время как Стейн вновь вызывал к тени Сюаня.

Наступила ночь, а просмотрена была лишь малая часть из огромного запаса рукописей. После дня работы у Стейна не было другого выхода, как отказаться от дальнейшего рассмотрения большой груды документов и рисунков на тка-

ни, которые он просто сложил отдельно от других, надеясь, что в конце концов ему будет позволено взять их с собой. Только согласится ли когда-нибудь Ван на вывоз документов? Если что-то и могло поколебать его упорство, думал Стейн, то это не грубые намеки на возможность сделки и хорошей оплаты. Кроме того, учитывая страх даоса за свою репутацию, передача документов должна совершаться в обстановке строжайшей тайны. Несмотря на все свое утомление после трудов и волнений этого дня, Стейн снова завел разговор о «нашем общем герое и святом покровителе — великом Сюань-цзане». На этот раз он решился подробно обсудить с Ваном фреску, на которой был изображен возвращающийся из Индии Сюань с его навьюченными книгами животными. Пророческий смысл картины был несомненен и наилучшим образом оправдывал усилия самого Стейна по спасению священных реликвий. Разумеется, «даос, когда он пребывал в более восприимчивом расположении духа, не мог не признавать, что перспектива постоянного заточения в глухой дыре не соответствует той цели, ради которой великий ученый и святой соблаговолил открыть ему эти драгоценные остатки священного буддийского предания, и что сам он совершенно не способен воздать им должное ни путем изучения, ни как-либо иначе» [433, II, 180]. Цзян присовокупил к этому «все свои способности кроткого увещевания», подчеркивая, что даос совершил бы акт истинного религиозного благочестия, если бы сделал плоды того, что было, несомненно, боговдохновенным открытием, доступными мудрым людям Запада. Он тонко намекнул, что если даос внемлет велениям небес, то будет щедро вознагражден к вящей пользе святилища.

Стейн, должно быть, чувствовал себя так, как если бы он боролся с неким ангелом, — так неуловим был временами даос. Никогда нельзя было сказать, побежден ли он доводами Стейна, или страх и сомнения взяли верх, и он вновь колеблется. В конце концов победа как будто бы осталась за Стейном. Даос попросил предоставить ему совместно с Цзяном разработку конкретных условий передачи из рук в руки манускриптов, отобранных, согласно принятой ими дипломатической формулировке, «для более тщательного изучения». Даос поставил условием, чтобы никто не знал о совершенной сделке до тех пор, пока материалы не будут вывезены за пределы Китая. Следовательно, весь груз нуж-

но было перетаскать из храма в палатку Стейна под покровом ночи. Цзян любезно взял это на себя и в течение недели в глухую полночь пробирался к палатке, причем «его хрупкая фигурка сгибалась под ношей, день ото дня становившейся все тяжелее, так что в конце концов пришлось перетаскивать груз по частям» [433, II, 180].

Нельзя сказать, что с тех пор все пошло гладко. Периодически даоса посещали приступы сомнения и «робкого упрямства». Время от времени приходилось ублажать его брусками серебра. Иногда он начинал корить себя за то, что обманул доверие своих покровителей — мирян из Дуньхуана. Как-то раз он запер на замок уже отобранный Стейном материал и исчез на несколько дней. Ему необходимо было убедиться в том, что тайна не вышла наружу. К счастью, его духовная репутация оказалась незапятнанной. По возвращении он стал более покладист и даже позволил Стейну взять дополнительно еще двенадцать связок. В конце концов Стейну пришлось прибегнуть к помощи двух своих наиболее надежных слуг для того, чтобы перетаскать в палатку все, что еще оставалось упаковать.

Четыре месяца спустя, снова вернувшись к святилищу после исследовательских работ в Китае, Стейн был весьма радушно встречен Ваном, который согласился расстаться еще примерно с двумя сотнями связок китайских и тибетских рукописей. Наконец-то у добряка даоса полегчало на душе, и, когда Стейн прощался с Пещерами Тысячи будд, «жизнерадостная, остро очерченная физиономия Вана снова приняла выражение робкой, но уверенной в себе безмятежности» [433, II, 194]. Сам же Стейн, впрочем, обрел душевный покой лишь тогда, когда шестнадцать месяцев спустя двадцать четыре коробки с рукописями и еще пять, с живописью и другими сокровищами искусства, прибыли к месту своего назначения — в лондонский Британский музей.

Впоследствии ученые мужи, уютно пристроившиеся при европейских музеях или с головой ушедшие в собственные исследования, критиковали Стейна за выбор документов, полагая, что он приобрел слишком много копий одних и тех же буддийских сутр на китайском языке и якобы проглядел некоторые канонические и неканонические сочинения. Эта оценка совершенно игнорирует те трудные условия, в которых работал Стейн и которые требовали быстрого импровизированного действия наудачу. Вновь и вновь Стейн ссылал-

ся на большую поспешность, с которой он должен был просмотреть лавину рукописей, постоянно опасаясь, что даос вдруг передумает. В большинстве случаев более детально ознакомиться с рукописью на месте не было никакой возможности [433, II, 188]. Открыто и с величайшей скромностью он признавал, что ему недоставало синологического образования. Впрочем, при тех обстоятельствах и эти пробелы в образовании не играли особой роли. Они с лихвой компенсировались исключительной лингвистической и эпиграфической хваткой Стейна по отношению к разнообразным многоязычным материалам. Никто не мог превзойти его в доскональном знании индийских истоков буддизма и распространения его из пограничных областей Индии по скифо-иранским каналам на территории Центральной Азии. Обстоятельства зарождения китайского буддизма также были ему хорошо известны благодаря изучению китайских хроник и мемуаров Сюань-цзана.

Нельзя было и ожидать, что отбор Стейна окажется систематическим и научно обоснованным. С самого начала он надеялся убедить-таки в конце концов даосского монаха передать ему все собрание, чтобы можно было упорядочить и изучить его в храме науки в Да-ин-го (Англии). Но, как бы то ни было, добыча Стейна представляет собой одну из богатейших находок. Леонард Вулли, в свое время помогавший Британскому музею составлять каталог коллекции Стейна, справедливо назвал ее «не имеющим себе равных археологическим „кушем“» [36, 127].

Рассказ о судьбе рукописей, оставшихся на месте, не займет много времени. Так же как ранее раскопки Стейна в Туркестане, «куш», сорванный им в Пещерах Тысячи будд, привлек в эти края других ученых, которые извлекли пользу из проделанной им подготовительной работы и потому могли двигаться дальше не так поспешно, яснее представляя себе возможные результаты. Через год после того, как Стейн покинул Дуньхуан, к Пещерам Тысячи будд прибыл выдающийся французский синолог и личный друг Стейна Поль Пельо. Наметанным глазом специалиста просмотрел он массу китайских материалов, которые Стейн вынужден был оставить на месте. Вана, который не имел оснований сожалеть о своей сделке со Стейном, без труда удалось склонить к продаже еще пятнадцати тысяч свитков и фрагментов. Они-то, вкпе с коллекцией Стейна в Англии, и составляют

основную уцелевшую часть некогда погребенной библиотеки⁴.

Впрочем, даже после отъезда Пельо сокровища скальной ниши были еще далеко не исчерпаны. Во время пребывания Пельо в Пекине в 1909 г. китайские власти, по-видимому, прослышали об этом важном источнике рукописей. Они распорядились перевезти все, что осталось от библиотеки, в столицу — злополучный шаг, в осуществлении которого, как в зеркале, отразилось то, что Стейн назвал «китайщиной нравов». Значительная сумма денег, предназначенная в компенсацию храму, так и не достигла места назначения; по-видимому, она исчезла в бездонных карманах чиновников. Были отданы распоряжения, чтобы все собрание было должным образом упаковано и доставлено в Пекин, но достигла Пекина лишь незначительная его часть. Позже Стейну предстояло убедиться в том, что бесценные связки танских рукописей, несомненно изъятые из пещер, предлагались на продажу в Дуньхуане, Туркестане и на всем его пути к Ханьчжоу.

В 1914 г., когда Аурел Стейн в ходе своей третьей центральноазиатской экспедиции вновь посетил Пещеры Тысячи будд, Ван встретил его как испытанного друга и благодетеля. От него-то Стейн и узнал о печальной судьбе библиотеки. Ван не мог простить себе того, что в свое время отверг предложение Цзяна и не позволил вывезти все собрание в Англию. Однако он оказался достаточно сообразителен, чтобы, столкнувшись с угрозой разграбления, совершаемого по приказу из Пекина, припрятать около шестисот буддийских рукописей. За соответствующее пожертвование Стейну было позволено взять их с собой, запаковав в пять ящиков. Они составили ценное дополнение к его коллекции. Вот таким образом, говорил Стейн, суммируя впоследствии итоги своих исследований, «закончилась для меня „Повесть о даосе“ из Пещер Тысячи будд» [431, 211]. На деле же она имела еще по меньшей мере один эпилог тридцатью годами позже, в 1940-х годах, когда в том же храме обнаружили другой тайник (возможно, один из числа устроенных самим Ваном).

Спасательная операция Стейна и сочувствовавшие ей дипломатические уловки оставили ему мало времени для основательного изучения трофея. Такое исследование могло вестись только в тиши кабинета, и поэтому его приходилось откладывать на будущее. Тем не менее интуиция одаренного

археолога неизменно помогала Стейну распознавать все уникальное и ценное. Во многих случаях он предвосхитил выводы, к которым позднее пришли специалисты.

Занимаясь только отбором и поверхностным просмотром документов, он распознал в них новые подтверждения того, что буддизм через пустынный коридор Азии некогда связывал древние цивилизации Востока, Запада и Юга. Замурованная храмовая библиотека с ее рукописями и произведениями искусства, так же как и пограничные валы, и погребенные под песком развалины Таримского бассейна, свидетельствует о существовании гигантского «плавильного котла» культур — с той только разницей, что здесь, в Дуньхуане, доля китайского ингредиента значительно больше. Несколько важных деталей, связанных с Пещерами Тысячи будд и со всем этим районом, выявилось сразу же. Но Стейн, чья необыкновенная способность к длительной тяжелой работе превозносилась всеми, потратил почти пятнадцать лет на то, чтобы опубликовать научный отчет о своей второй экспедиции. Этот отчет состоял из пяти великолепных томов под общим заголовком «Сериндия». Но даже и этот громадный труд носил в некотором смысле еще предварительный характер.

Археологические находки этой экспедиции заполнили почти сто больших ящиков; значительную часть их составляли рукописи. Один только материал из пещерной библиотеки занял двадцать девять ящиков; он включал в себя около девяти тысяч книг и исписанных фрагментов. Прочтение, анализ и интерпретация этого текстового материала были титанической работой, требовавшей специальных знаний, мастерства и выносливости многих ученых в течение многих лет. Нескольким ученым еще предстояло посвятить всю свою жизнь изучению той или иной малой части этих документов; это произошло, например, с аббатом Бойе, который в многочисленных, большого формата томах опубликовал тексты письмам кхароштии на дереве. Полный каталог китайских рукописей из коллекции Стейна в Британском музее был издан в 1957 г. под руководством Лайонела Джайлса, который сказал, что большая часть всей его деятельности на протяжении десятилетий состояла в прочтении плотно исписанных китайских свитков общей протяженностью в 10 или 20 миль [423, 6].

542 Были привлечены ведущие ориенталисты из двух десят-

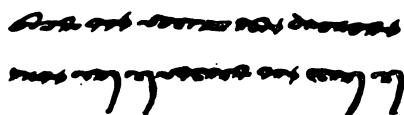
ков стран. В их число вошли выдающиеся востоковеды (лингвисты, литературоведы, историки), а также специалисты по искусству и религии Азии, работавшие в начале XX в. Однако этот труд не доведен до конца и до сих пор. Буддийская библиотека, так же как и каирская гениза, казалось бы представляющая литературу одной религии, касается самых разнообразных тем и относится к нескольким столетиям, которые прежде считались «темными». В еще большей степени, чем гениза, она доносит до нас атмосферу перекрестка цивилизаций, причем в данном случае перекрестка, лежащего в значительно менее исследованном районе.

Культурный обмен между большим количеством стран и народов сфокусировался в буддийской храмовой библиотеке, содержащей тексты на двух десятках различных языков — известных, частично известных или абсолютно неизвестных науке. Пещерные рукописи удачно дополнили собой те документы, которые Стейн ранее нашел в развалинах среди пустыни. Кроме китайских текстов здесь были документы (относящиеся к числу старейших из сохранившихся) на языках Индии, таких, как санскрит и более близкий к разговорной речи пракрит, а также на тибетском, персидском, согдийском, уйгурском, «руническом» тюркском, на местных индоевропейских наречиях Восточного Туркестана (хотанском, кучинском), на неизвестных тибето-бирманских языках и на многих других. Библиотека даже включала подборки ветхозаветных текстов на древнееврейском.

Во многих случаях рукописи не только представляли утерянные тексты или важные «новые» версии дошедших до нас произведений — само их существование пролиvalo свет на распространение культурных влияний, на то, каким путем и насколько интенсивно оно происходило. Достаточно привести один пример: благодаря согдийской литературе мы узнали, что иранское влияние проникло значительно глубже на территорию собственно Китая, чем это предполагал даже Стейн. Светские документы, особенно китайские, содержат сведения по географии, топографии (и даже, в частности, по топографии самого района Пещер Тысячи будд), организации управления, историографии и поэзии.

Хотя основная масса рукописей по содержанию была буддийской и освещала необычайно ярко в основном некую космополитическую буддийскую цивилизацию, здесь были представлены и другие религиозные учения. И это само по

себе в определенном смысле свидетельствовало об относительной терпимости и широте религиозных взглядов китайцев, благодаря чему даже в XX в. смиренный даос смог оказаться поборником восстановления буддийского святилища. Но, что еще важнее, это собрание наглядно показывало, что буддизм был лишь наиболее мощным из многих религиозных течений, распространявшихся через Центральную Азию в направлении Китая. Из числа второстепенных рели-

Образец согдийского письма. Оно было широко распространено в Центральной Азии и даже в Монголии. Носители его были иранским народом, создавшим эту письменность на основе арамейского алфавита. Наиболее древние образцы письма были найдены Стейном среди писем солдат, размещавшихся на сторожевых башнях китайских «оборонительных валов»

гий наиболее влиятельным было, несомненно, манихейство, глубоко проникшее на территории Среднего царства и Монголии. Находки из пещерного храма, дополнившие собой открытия, сделанные русской и немецкой экспедициями в Турфане, на северо-востоке Синьцзяна, включали, в частности, манихейскую версию «Пастыря» Гермы — текста, восстановленного ранее Тишендорфом по «Синайскому кодексу». Они дали возможность возродить кое-что из практически полностью утерянной священной литературы этого странного эклектичного персидского вероучения, которое зародилось в Вавилоне, в какой-то период было распространено своими приверженцами по всей Римской империи (св. Августин в молодости был манихеем) и оставило свои следы в средневековых ересях.

Некоторые ученые считают наиболее ценными в этом собрании многочисленные версии канонических и неканонических буддийских текстов, которые в ряде случаев представ-

ляют собой древнейшие из донныне известных образцов такого рода писаний и по своему значению для критического восстановления текстов — архетипов могут выдержать сравнение с древними кодексами христианского Священного писания и с кумранскими ветхозаветными свитками. Кроме того, свитки с китайскими, тибетскими и санскритскими священными текстами явились подспорьем в восстановлении различных типов буддийского канона, всякое представление о которых было давно утрачено. Например, японский ученый К. Ябуки сумел опознать до того считавшиеся утерянными тексты из китайского буддийского канона. Другое исследование подобного рода, проведенное по материалам рукописей Стейна, внесло существенный вклад в восстановление даосского канона.

Громадное количество рукописей религиозного содержания дало возможность провести условно-статистический анализ частоты встречаемости отдельных буддийских сутр в соответствии с датами изготовления списков. Таким путем можно было составить представление об их сравнительной популярности в тот или иной период. Одной из замечательных особенностей данного собрания явилось то, что большое число его рукописей было датировано в рамках периода от 406 г. (между семью и девятью часами 10 января) до 997 г. н. э. Свидетельства самих текстов позволяют предположить, что тайник был устроен около 1035 г., вероятно ввиду предстоящего нашествия варваров си-ся⁵. Потом, так же как и кумранский тайник, заброшенный, надо полагать, по сходным причинам, пещерная библиотека оказалась всеми забытой на девять веков.

Даже простое перечисление всех утраченных или неизвестных сочинений, которые были здесь найдены, заняло бы слишком много места. Помимо манихейских и буддийских канонических текстов на китайском и тюркском языках следовало бы отметить также уйгурский (язык некогда могущественного тюркского племени), перевод одного классического текста из области буддийской метафизики, сборник рассказов на «руническом» тюркском, несколько апокрифических сутр и, что, пожалуй, ценнее всего, китайские сочинения исторического, лексикографического, биографического и географического характера. Среди китайских рукописей были такие разнообразные по содержанию тексты, как, например, данные переписи, проведенной в начале V в., топографиче-

ское описание района Дуньхуана с его святыми пещерами, а также героические романы. Как, «вероятно, наиболее романтическую находку из числа дуньхуанских рукописей» [423, 21] Джайлс охарактеризовал стихотворение, состоящее из двухсот тридцати восьми строк и озаглавленное «Жалобы госпожи Цинь». По преданию, некий прославленный танский писатель и государственный деятель в годы своей молодости сочинил балладу с таким названием, которая вызвала неудовольствие в верхах и потому была запрещена. И вот тысячу лет спустя она была найдена вновь! Причем она оказалась произведением немалых художественных достоинств, в гойевской манере описывающим вечно актуальные ужасы войны, сцены того, как армия мятежников берет штурмом город, сжигает его и обрекает жителей участи жалких беженцев. Госпожа Цинь повествует поэту об осаде и штурме города такими словами:

Поддерживая немощных и ведя за руку детей,
беглецы окликают друг друга в суматохе;
Некоторые карабкаются на крыши, другие
взбираются на стены, и все в беспорядке...
Жены нашего соседа на северной стороне,
собравшись толпой,
Дико мечутся на открытом месте, как стадо
в панике.
Небо и земля содрогаются от грохота колесниц.
И в земле гулко отдается стук десяти тысяч
конских копыт.
Вспыхивают пожары, посылая золотые искры
высоко к небесам,
И вот уже все двенадцать главных городских
улиц объаты дымом и пламенем [423, 21].

Некоторые сочинения заставляют вспомнить дидактическую литературу Ближнего Востока; особенно это относится к книге, озаглавленной «Отеческие наставления».

К числу наиболее любопытных предметов в коллекции относятся письмовники. Один из них, относящийся к 856 г., содержит такие поучительные разделы, как «Письма мирян к буддийским и даосским монахам» или же «Частные письма родственникам по материнской или отцовской линии». Есть в нем также «Письмо с извинениями за нарушение приличий в пьяном виде»:

Вчера, выпив слишком много, я настолько опьянел, что перешел все границы; но ни одно из грубых и непристойных выражений, которые я употреблял, не было произнесено сознательно. На следующее утро, услышав, как другие говорят об этом, я понял, что случилось, после чего мною овладело смущение, и я готов был провалиться сквозь землю от стыда. Вся беда произошла оттого, что малый сосуд вместил в себя на этот раз непомерно много. Я смиренно надеюсь, что вы в вашей мудрой благожелательности не осудите меня за мой проступок. В скором времени я приду, чтобы извиниться лично, пока же осмеливаюсь представить на ваше милостивое рассмотрение это свое письмо. Не в силах высказать всего, с величайшим к вам уважением [423, 33—34].

Как же следовало отвечать на такое письмо? Образец подбающего, хотя и не очень-то проникнутого духом терпимости ответа находим в другом письмовнике:

Вчера, господин, будучи навеселе, вы настолько перешли законы благовоспитанного общества, что потеряли право именоваться порядочным человеком и возбудили во мне желание никогда не иметь с вами никакого дела. Но поскольку вы теперь выражаете стыд и сожаление по поводу случившегося, я предлагаю встретиться вновь для дружеской беседы. Всегда ваш [423, 34].

Но, пожалуй, наибольшей славой из числа всех документов, привезенных в Англию Стейном, пользуется текст, существующий во многих экземплярах и даже не рукописный: китайская версия «Алмазной сутры». Хотя из ее содержания мы и не узнаем ничего нового, она является одной из ценнейших книг в мире, поскольку это первая известная печатная книга, изданная более чем за полтысячелетие до Гутенберга, в 868 г. н. э. Ее колофон, что весьма показательно для любви китайцев к хронологии, снабжен точной датой (11 мая), а кроме того, указывает имя человека, заказавшего и распространявшего ее (он, впрочем, не был, как иногда утверждают, первым в мире книгопечатником). Некий Ван Цзе посвятил эту книгу памяти своих родителей.

Это печатное произведение, по существу, представляет собой свиток в 16 футов длиной, состоящий из склеенных вместе шести отдельно ксилографированных листов и одной

гравюры. Где была напечатана книга — неизвестно, но по совершенству ее исполнения видно, что попытка была не первой и ей предшествовали многие другие. Как и в Европе в более позднее время, книгопечатание не сразу заняло место более трудоемкого рукописания. В коллекции Стейна насчитывается только двадцать шесть печатных документов, причем некоторые из них любопытным образом напоминают ксилографированные христианские «Жития святых» и индульгенции позднесредневековой Европы. Тем не менее было доказано, что книгопечатание если и не было изобретено самими приверженцами буддизма, то, во всяком случае, служило эффективным средством буддийской пропаганды на Дальнем Востоке, одним из доказательств чего является миллион с лишним экземпляров буддийских заговоров, отпечатанных в VII в. н. э. по приказу японской императрицы Сётоку. То, что до нас не дошло более ранних образцов китайских печатных документов, может быть объяснено волной антибуддийских преследований и гражданскими войнами в период упадка династии Тан в середине IX в. Последовательные этапы, по которым печать (наряду с бумагой — важнейший вклад Китая в дело книгопроизводства) достигла Европы, до сих пор полностью не прослежены. Наиболее же древние в Средиземноморье ксилографические оттиски были обнаружены в Египте, в Файюме, и самый ранний из них датируется приблизительно 900 г. н. э. [418, 176—181].

Между Египтом и Центральной Азией лежит немалый путь, но сходства и контакты между ними не так уж незначительны, как полагали ранее. И там и здесь существенно сказалось эллинистическое влияние. Обеим странам известны были семитские системы письма и иранские языки, и не случайно значительные части утерянного священного писания манихеев были вновь открыты в песках Центральной Азии и Египта — территорий, удивительно схожих по тем условиям, в каких сохранялись в них погребенные тексты. Более того, древнейшие образцы печатных документов Востока и Запада найдены были в двух местах — в пустыне китайского дальнего Запада и на берегах Нила. Таким образом, книгопечатанию, изобретенному на Дальнем Востоке, суждено было придать взаимодействию цивилизаций новый характер. В известном смысле это новшество как бы замкнуло тот дальний круговой путь культурного обмена, который соединял Восток и Запад через спинной хребет Азии.

НОВЫЙ СВЕТ

XXIII

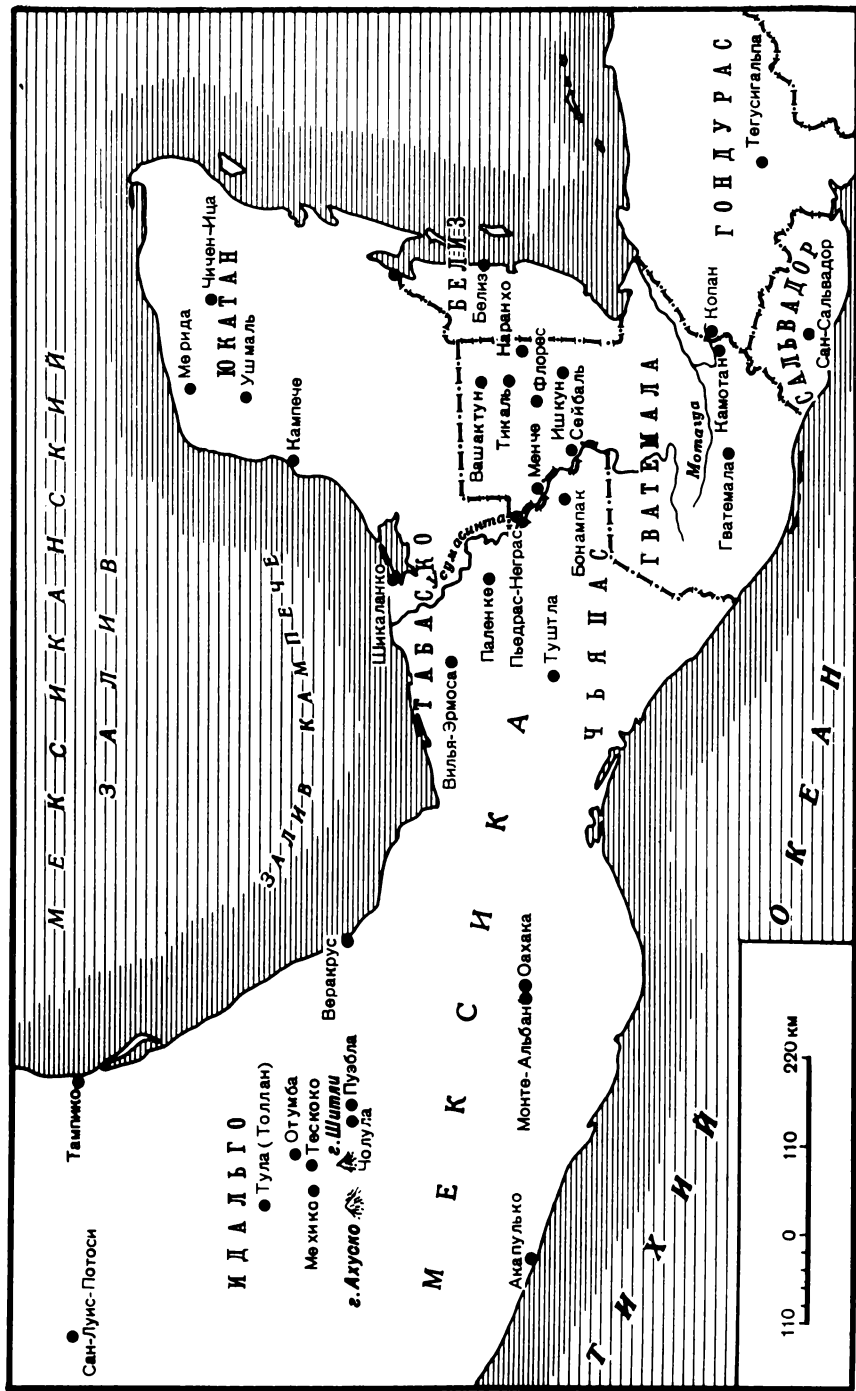
Волшебство мексиканских рисованных книг. От Гумбольдта до Кингсборо

Представьте себе, что все наши великие библиотеки уничтожены пришельцами из иного мира и сохранилось лишь семнадцать книг — календари, астрономические рисунки, книга по черной магии, текст о церковных и народных праздниках, астрологический гороскоп, описание территориальных захватов первой мировой войны и генеалогия какого-нибудь выдающегося семейства! Что подумали бы пришельцы о нашей цивилизации, когда их историки начали бы анализировать ее по содержанию этих семнадцати документов?

Фредерик Петерсон. *Древняя Мексика* [488, 240]

«Можно ли сомневаться в том, что какая-то часть мексиканского народа достигла значительной степени развития, если принять во внимание то усердие, с которым они составляли свои иероглифические книги?» [504, 63]. Для начала XIX в. такого рода оценка культурных достижений древней Мексики была совершенно необычной. Она принадлежит Александру фон Гумбольдту, немецкому барону, который славился в свою эпоху как последний обладатель универсальных знаний и который явился автором первой обширной работы об американских древностях.

Когда в 1799 г. Гумбольдт отправился в свои путешествия, проводившие его впоследствии по всему Западному полушарию, знание доколумбовых цивилизаций было минималь-

ным. Среди ученых-европейцев в то время было модным осмеивать любой намек на сравнительно высокий уровень культуры, достигнутый местными, индейскими обществами. Ученые всерьез описывали Америку как континент, физически неблагоприятный для размножения животных и людей и когда-то заселенный только дикими ордами [475, I, 4]. Примером тому может послужить Уильям Робертсон, выдающийся шотландский историк XVIII в., решительно заявивший, что во всей Новой Испании (Мексике) не найдется «ни одного памятника, ни даже следа какого-нибудь строения, более древнего, чем конкиста (испанское завоевание)» [518, I, 76]. Действительно ли древний человек не оставил в Америке следов своего искусства и изобретательности? Или белые хозяева провели такую тщательную чистку, что даже если предположение Робертсона было ошибочным, то доказательств противного не было? Как ни странно, до того, как на сцене появился Гумбольдт, мнения за и против основывались практически на одних лишь слухах.

За пять лет исследований Гумбольдт сделал много находок, раз и навсегда доказавших всю нелепость того, что он называл «абсолютным скептицизмом» своих современников в отношении достижений индейской Америки. И в Новой Испании и в Перу ему доводилось посещать гигантские развалины. Пирамида в Чолуле, которую он тщательно осмотрел и зарисовал, по размерам превосходила даже пирамиду Хеопса (Хуфу). Но больше всего он был поражен тем, что индейцам, по крайней мере мексиканцам, известно было искусство письма и ведение хроник, что, по представлениям историков эпохи Просвещения, являлось основным критерием цивилизации. Вопрос был только в том, сохранились ли где-либо надписи или книги, выполненные подлинным древним письмом, и можно ли сделать их доступными исследованию. По счастью, у Гумбольдта были кое-какие путеводные нити, которые могли помочь в его поисках.

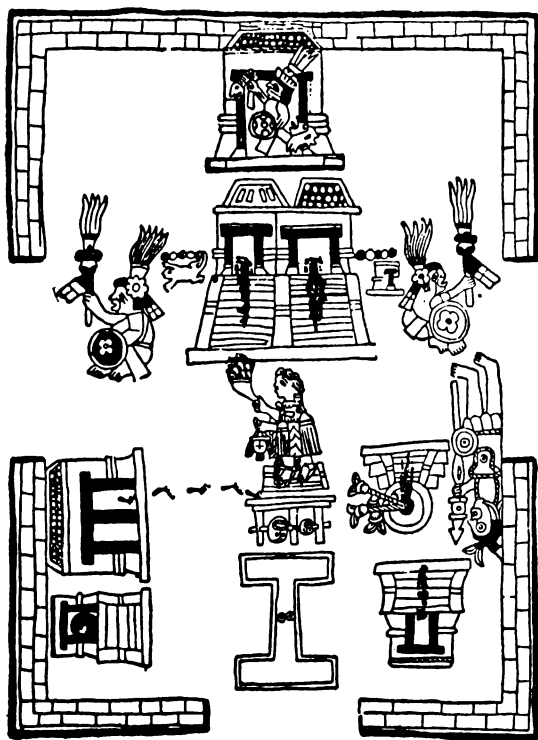
Прежде всего имелись мемуары испанских конкистадоров¹. Для этих людей не было секретом, что у мексиканских индейцев существовала своя грамота, хотя относились они к ней с характерной смесью любопытства, презрения и нетерпимости. Как только Кортес² высадился близ Веракруса, посланцы правителя ацтеков Монтесумы преподнесли ему две книги, или два кодекса (как их принято теперь называть), которые он отослал своему повелителю, Карлу V, за-

одно с другими великолепными дарами и с несколькими местными мошенниками, которые были освобождены им из клеток, где тюремщики откармливали их для предстоящего жертвоприношения. Петрус Мартир (д'Ангиера), итальянский историк океанских плаваний, всегда живо интересовавшийся загадками Нового Света, имел случай упоенно созерцать при дворе Карла V эти доставленные в Испанию странные свитки. Один из посланцев Кортеса высказал предположение, что они представляют собой образцы орнаментальных мотивов для вышивки или ювелирных работ, но Петрус Мартир был твердо уверен, что это самые настоящие книги, выполненные неизвестным письмом. Рисуночные знаки письма напоминали ему иероглифы, которые он видел прежде, путешествуя по Египту, и он искренне воздал должное тщательному, искусному исполнению картинок и символов. Он предполагал, что содержание книг составляют законы, описания религиозных церемоний и праздников, астрономические наблюдения и всевозможные житейские темы [450, 233].

О том, что у индейских народов Мексики и Юкатана существовала та или иная форма письменности, знали и некоторые писатели раннего колониального периода. Но многие из затрагивающих эту тему сочинений раннеколониального времени были запрещены испанским правительством и на протяжении веков оставались неопубликованными. Этим авторов постигла участь, схожая с участью местной литературы, которую некоторые из них пытались сохранить для истории. Сами завоеватели повсюду сталкивались с книгами, записями и другими документами, исполненными рисуночным письмом. Когда Кортес поинтересовался наличием удобных гаваней на побережье Мексиканского залива, Монтесума показал ему карту, изображавшую все побережье — до самого перешейка Теуантепек. Позднее, предпринимая свой исторический поход в Гондурас, он также пользовался местной картой.

Во всех городах, через которые проходили испанцы, при храмах и дворцах имелись значительные архивы. Это не ускользнуло от внимания наблюдательного Берналя Диаса дель Кастильо, одного из четырехсот солдат Кортеса, записавшего на старости лет свои воспоминания. В храме тотонакского города Семпоалы, близ Веракруса, он видел «много бумажных книг, сложенных складками наподобие кастильской ткани» [466, 86]. Воспоминание это наводит его

на размышление, высказанное в присущей ему подкупающе непосредственной, полувнятной манере: «Так много всего, над чем стоит подумать, что я не знаю, как и описать, какие вещи мы видели, что прежде не виданы, и не слышаны, и

План храмового комплекса в Теночтитлане (Мехико).
 Главные храмы посвящены Уицилопочтли, Тлалоку
 и Шипе (По «Флорентийскому кодексу»)

даже не снились никому». Позже, уже по прибытии в столицу, он был допущен в царский архив, «хранителем которого был великий вождь, прозванный нами Тапиа, и он хранил отчеты о всех доходах, поступающих Монтесуме, в своих книгах, сделанных из бумаги, которую они называют „аматль“, и все большое здание у него было заполнено этн- 553

ми книгами» [466, 210]. Именно этот архив вместе с храмовой библиотекой погиб в пламени пожара в тот момент, когда сопротивление Кортесу последнего ацтекского правителя, Куаутемока, было уже практически сломлено.

Что бы ни говорилось о бессмысленном стремлении испанцев к разрушению, мало кто из образованных людей среди них остался равнодушен к рисованным книгам. Почти тропическая необузданность ярких красок, узор запутанных форм, гротескные фигуры, сбивающее с толку расположение рисунков и необычный внешний вид кодексов одновременно и привлекали и отталкивали их. Каким загадочным целям служили эти книги? Непривычные или полупонятные книги, должно быть, пугали робких и фанатичных людей, так же как в XX в. они пугают самозванных стражей общественной морали. К тому же ноздри испанцев щекотало исходившее от них зловоние ереси. Они связывали, порой имея к тому все основания, мексиканские книги с магией и языческими обрядами. И все же такие люди, как папский верховный комиссар отец Алонсо Понсе, выделяли аборигенов Юкатана как особо заслуживающих похвалы «прежде всего потому, что они до прихода испанцев пользовались знаками и буквами, с помощью которых описывали исторические события, церемонии, порядок жертвоприношений своим идолам и свои календари в книгах, сделанных из коры какого-то особого дерева» [450, 234]. Другими достоинствами их были, согласно Понсе, отсутствие мужеложства и каннибализма.

По иронии судьбы именно книги ацтеков ускорили крушение их политической власти и цивилизации... Пришествие бледнолицых волосатых чужеземцев воскресило в их памяти старинные мифы: в их книгах утверждалось, что в один прекрасный день обожествленный милостивый царь и пророк древности Кетсалькоатль вернется с востока, откуда поднимается солнце. Миф о Кетсалькоатле превратил Монтесуму, некогда смелого правителя ацтеков, в колеблющегося, бесхарактерного, нерешительного вождя. Монтесуме добавили малодушия, несомненно, и другие предсказания, основанные на местной гадательной и астрологической литературе. Более того, пророчества о грядущем крушении империи были вычитаны в священных текстах еще до появления первых испанцев.

Не сменилось еще и одного поколения после конкисты, как все архивы и храмовые библиотеки в основных мекси-

канских городах прекратили свое существование. Уничтожено было почти все. В конце концов даже искусство писать местным письмом и способность читать его были утеряны. Позднее колониальный губернатор Новой Испании, слышавший либеральным, продал древние документы, оставшиеся в мексиканских архивах, «как оберточную бумагу аптекарям, торговцам и пиротехникам» [30, 60]. Несмотря на все поиски последних ста пятидесяти лет, уцелело, пройдя через войны, аутодафе и вековое пренебрежение, лишь несколько разрозненных текстов: всего лишь три кодекса (да и те неполные), созданные майя, и еще около четырнадцати кодексов доколумбовой эпохи из Центральной и Южной Мексики, кроме того, несколько обрывков и карт. Только один из этих текстов, «Кодекс Борбоникус», хранящийся в палате депутатов в Париже, определенно является ацтекским, но древность его в недавнее время была поставлена под сомнение [488, 239]. Когда же Гумбольдт завершал свои исследования, науке было известно значительно меньше текстов.

К XVIII в. немногие мексиканские документы, хранившиеся в европейских собраниях, были уже практически всеми забыты. Никто не интересовался ими, и едва ли хотя бы об одном свитке было известно, что это такое. Когда ряд увлеченных людей (в их числе одна женщина), для которых экзотические рисованные книги стали подлинной страстью, занялись выявлением, реставрацией и изучением их, было уже едва ли не поздно. К концу прошлого века начали проявлять интерес к американистике ученые Северной Америки и Германии. Еще ранее эта область привлекла к себе изрядное количество чудаков и сочинителей научных мифов. Эти-то люди вместе и составили ту живописно пеструю группу ученых и дилетантов, которые своим упорством и изобретательностью разрешили немало загадок. Тем не менее тайна письменности майя до сих пор еще ждет своего окончательного раскрытия.

В первом ряду этих людей стоит Александр фон Гумбольдт, друг Джефферсона³ и Боливара⁴, приемный сын нескольких американских республик, «второй Колумб», чьи грандиозные исследования заново открыли Западное полушарие как для жителей Старого Света, так и для его собственных обитателей. Сам он называл себя полуамериканцем. Боливар, которого ободряли в борьбе за освобождение либеральные идеи Гумбольдта, назвал его «подлинным откры-

вателем Южной Америки. Новый Свет обязан ему больше, чем всем конкистадорам, вместе взятым» [496, 218].

Это был человек под стать великому континенту. За пять лет путешествий (1799—1804) он исколесил его вдоль и поперек. Гораздо больше времени он потратил на анализ и публикацию собранных им богатейших материалов. Он описал океанские течения, одно из которых было названо его именем, предложил использовать гуано перуанских островов как удобрение, начертил карты, вычислил площадь территории Мексики, сделал первый профиль большого участка земной поверхности, вычертив срез рельефа Мексики от залива до Тихого океана, определил географические координаты Акапулько, первым совершил восхождение на гору Чимборасо в Эквадоре, подтвердил существование естественной связи между Амазонкой (Риу-Негру) и Ориноко по реке Касикьяре, обнаружил и исследовал месторождения минералов, скопировал петроглифы в бразильских джунглях, собрал сотни новых ботанических образцов, сформулировал революционные теории вулканизма и геологических формаций, представил статистические данные о населении колониальной Мексики, написал первые работы по политической географии (Кубы и Мексики), изучил несколько местных языков (от кечуа до науатль), тщательно обследовал всевозможные архивы, сделал выразительные зарисовки лам, горных пиков, бальзовых плотов, пирамид... и это далеко еще не все.

Первоначально Гумбольдт был натуралистом, а начал свою деятельность в качестве горного инженера, но мало было таких предметов, которые бы он не усвоил и в которых не достиг бы совершенства. В Америку он принес свежий, недогматический, пытливый ум и был вдохновителем как для Джона Ллойда Стефенса, исследователя руин майя, так и для Уильяма Х. Прескотта, историка Мексики и Перу, который сделал очень много для того, чтобы пробудить интерес к доколумбовым цивилизациям. Никто еще до Гумбольдта не изучал Америку систематически и не привел данные о ее природе и культуре в строгий, рациональный порядок. Подлинный гражданин мира, без малейшего следа расового фанатизма, он испытывал глубокую и ни в коем случае не снисходительную симпатию к местным народам, их достижениям и чаяниям. Он никогда не сомневался, что рабы-негры были равны своим хозяевам во всем, кроме их юридического положения.

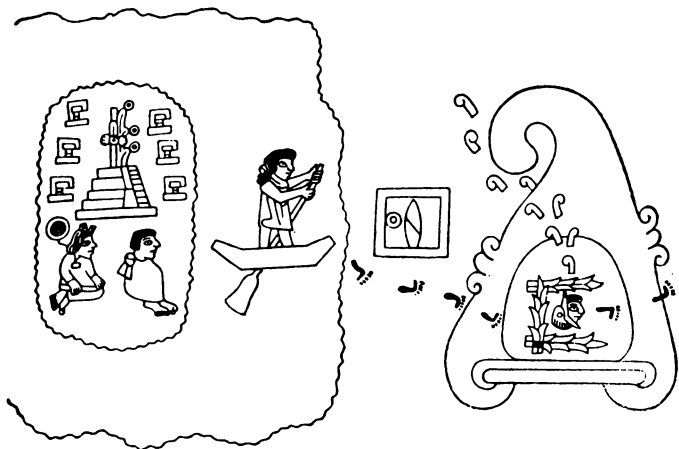
Сразу по возвращении из путешествия в дебрях бассейна Амазонки он случайно натолкнулся в окраинных районах Перу на манускрипт XVI в., написанный на местном языке, но буквами латинского алфавита. Это взволновало его воображение, вследствие чего он решил заняться поисками индейских древностей. Своему брату, известному филологу Вильгельму фон Гумбольдту, он признавался: «Находка этого манускрипта возродила во мне желание изучать раннюю историю аборигенов этих стран, желание, впервые возбужденное преданиями, которые я собрал в Париме, и иероглифами (в действительности петроглифами — рисунками, выбитыми на скалах. — Л. Д.), встреченными мною в джунглях у реки Касикьяре» [505, 134].

Он ступил на землю Мексики в Акапулько, на Тихоокеанском побережье, и на пути в столицу, проходя через Такско и Куэрनावаку, он всюду наводил справки об «иероглифических рисунках», как он называл древние мексиканские документы.

Он испытал прилив бодрости, когда один индеец показал ему карту доколумбовой эпохи. Наконец, в Мехико, построенном на развалинах столицы ацтеков, Гумбольдт сумел по немногим сохранившимся произведениям искусства, а также старым рисункам и описаниям восстановить общий вид Теночтитлана с его жертвенными алтарями, царскими дворцами и пирамидами храмов. Всего несколькими годами ранее, когда рабочие прокладывали в районе главной площади подземный водопровод, здесь были сделаны важные археологические находки. Среди этих сокровищ особо выделялся знаменитый «календарный камень», который Гумбольдт тщательно изучил и с большой точностью зарисовал. С этого начались его исследования в области мексиканского календаря. Он прослышал также о находке громадного двухголового идола, высеченного из порфира, которого ему очень хотелось зарисовать. Ему сообщили, что, как только идол был извлечен из земли, вице-король отправил его в университет Мехико как наиболее подходящее пристанище для величественных памятников прошлого страны; однако профессора, состоящие членами доминиканского ордена, не склонны были выставлять подобное чудище на виду у впечатлительной молодежи. Гумбольдт обратился за помощью к епископу Монтеррея, с которым он ранее сдружился и который как раз в это время был проездом в столице. Замы-

сел удался, и ректор университета распорядился извлечь идола из подвалов этого храма науки.

Гумбольдт был настоящим ученым и не принадлежал к числу тех, кто слепо доверяет фантастическим теориям о происхождении американских цивилизаций. Тем, кто на протяжении еще сотни лет будет взывать к унылым призракам Израиля, Атлантиды и прочего, следовало бы извлечь урок

Повествование о переселении ацтеков.
Из мексиканского рисуночного кодекса

из давних слов Гумбольдта. «Есть люди, — писал он, — которые, пленившись блестящими гипотезами, покоящимися на весьма непрочных основаниях, выводят широкие по значению следствия из небольшого числа разрозненных фактов; они уже обнаружили в Америке китайские и египетские колонии, опознали кельтские диалекты и финикийский алфавит» [475, I, 10]. С другой стороны, он не робел, когда после тщательного исследования приходил к какой-либо гипотезе. Именно он выдвинул блестящую догадку, подтвержденную позднейшими раскопками, о том, что строителям пирамид предшествовали, возможно, земледельцы, выражавшие себя в скромных формах глиняной скульптуры [505, 169].

Он был убежден в значительной расовой однородности всех американских аборигенов, за исключением живущих на

хождении, но он не исключал и вероятность связи между типами изделий и стилями искусства Старого и Нового Света. Ему казалось, что особенно в мексиканском календаре и его символах обнаруживаются определенные схождения с китайским и тибетским календарями, слишком близкие для того, чтобы быть случайными. Такого рода разительные аналогии, будь то в мифах, системах хронологии, архитектуры или типах изделий, нельзя игнорировать. «Долгом историка является отмечать эти аналогии, объяснить которые столь же трудно, как и взаимоотношения между санскритом, персидским, греческим и языками германского происхождения; но при попытке обобщения мы должны уметь останавливаться там, где кончаются достоверные данные» [475, 11].

Гумбольдт знал о существовании традиции, согласно которой тольтеки в своей священной литературе якобы представляли свое завоевание Мексики следствием миграции из Азии. Поэтому он надеялся, что изучение мексиканских текстов прольет свет на происхождение американских индейцев. Но до тех пор, пока информация оставалась недостоверной, он воздерживался от каких-либо суждений. В Мехико он начал поиски рукописей эпохи, предшествовавшей конкисте, посещал владетельские частных коллекций, обращался в национальные архивы. В результате он лишь со всей ясностью вскоре осознал, что кодексы являются большой редкостью в Новой Испании, и отметил печальный факт, что «большая часть хорошо осведомленных людей, живущих здесь, никогда их не видела» [475, 190]. Тогда он и услышал о своем предшественнике кавалере Лоренцо Ботурини Бенадучи, миланце знатного происхождения, которого Гумбольдт и У. Х. Прескотт настойчиво называли «несчастливым Ботурини». Бедетвий на его долю действительно выпало немало.

Ботурини отправился в Мексику в 1735 г., чтобы уладить кое-какие частные дела графини Сантибаньес, по прямой линии ведшей свое происхождение от правителя ацтеков. Здесь Ботурини воспылал двумя страстями: к мадонне Гваделупы (явившейся в 1531 г. бедному индейскому крестьянину) и к прошлому Мексики. Его усилия собрать материалы для того, чтобы удостоверить явление Девы и добиться папской санкции для коронации ее изображения в святилище Гваделупы, привели его неожиданно-негаданно в другие сферы, и он занялся честолобивой программой поисков, которая, как он надеялся, со временем позволит ему написать

исчерпывающую историю местных народов на основе первоисточников. Он не полагался только на ограниченные и уже известные свидетельства, имеющиеся в столице, но постоянно в поисках какой-либо старой рисованной книги или рукописи странствовал по всей Мексике. Восемь лет Ботурини вел жизнь, полную лишений, «много жил с индейцами, — как писал Прескотт, — ночуя то в их хижинах, то в пещерах, то в глуши безлюдных лесов» [30, 91]. Постепенно он добился доверия индейцев, выучил их язык и терпеливо добавлял документ за документом к своей растущей коллекции. По возвращении в Мехико он располагал примерно пятьюстами письменными документами доколумбовой и послеколумбовой эпох, что, вероятно, представляло собой крупнейшую из когда-либо собранных коллекций этих кодексов.

Ботурини не забыл своей мадонны, и ей суждено было стать причиной его разорения. Теперь он думал, что у него достаточно свидетельств, чтобы с успехом защитить ее интересы в Риме. Но именно этим он, очевидно, вызвал вражду вице-короля, почувствовавшего, что его обошли. Некоторые неосторожные высказывания Ботурини дошли до ушей врагов, и всегда подозрительные испанские власти встревожились. В 1743 г. Ботурини был арестован, его документы конфискованы, а самого его бесцеремонно выслали из страны, служению и прославлению которой он посвятил свою жизнь. В Веракрусе его посадили на корабль, отправляющийся в Испанию, но ему пришлось расстаться с основной частью его бесценной коллекции, «музея», как он ее называл, «единственной его собственности в Индиях⁵, которую он не променял бы на все золото и серебро Нового Света» [475, 188]. Он вынужден был оставить ее на произвол судьбы.

В океане испанский корабль был взят на abordage английскими каперами, и у Ботурини отняли те немногие рукописи, которые он все же ухитрился взять с собой (судьба их неизвестна). По прибытии в Испанию он энергично защищал себя перед Советом по делам Индий, и все возведенные на него обвинения в различных правонарушениях были опровергнуты. Составленный по памяти каталог коллекции рукописей он приложил к книге «*Idea de una nueva historia de la América Septentrional*», которую он писал в Испании, не имея возможности использовать свои материалы. Работа привлекла внимание короля, который назначил Ботурини

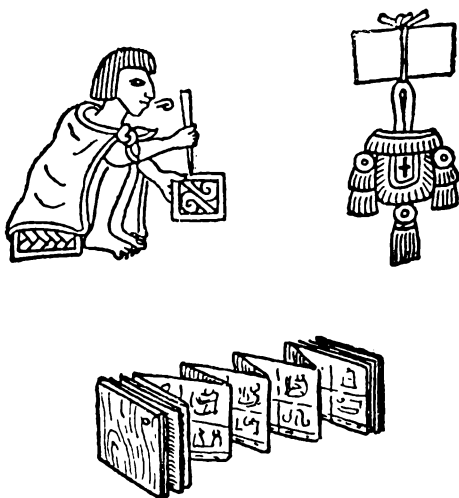
которое было, однако, слишком скучным, чтобы думать о возвращении в Новую Испанию. Вскоре после этого он умер, так и не получив назад свой любимый «музей». Между тем конфискованные бумаги небрежно бросили в сырой подвал дворца вице-короля. Там Гумбольдт и нашел все, что от них осталось: три маленьких свертка в крайне запущенном состоянии и частично сгнивших от сырости.

По счастливому стечению обстоятельств как раз во время пребывания Гумбольдта в мексиканской столице была продана с аукциона библиотека собирателя мексиканских древностей Антонио де Леон-и-Гама. В ее составе оказалось несколько документов доколумбовой эпохи и начального периода конкисты, ранее входивших, вероятно, в коллекцию Ботурини. Гумбольдт сумел купить их и впоследствии привез в Берлин. Эти шестнадцать фрагментов отнюдь не принадлежат к числу наиболее впечатляющих мексиканских рукописей, хотя наряду с «Дрезденским кодексом» и «Гамбургской рукописью» они являются единственными документами подобного рода, хранящимися в Германии, а позднее в том же, XIX в. послужили основой для весьма важных исследований немецкого мексиканиста Эдварда Зелера. Содержание большинства из них не связано с религией, а касается различных тяжб, оплаты труда и товаров, прав на землю и разных исторических тем (был здесь, в частности, план Тескоко, древней культурной столицы долины Мехико). К наиболее интересным образцам относится ранняя пиктографическая передача «Десяти заповедей», подтверждающая предание о том, что испанские миссионеры, а в особенности француз Жак Тестера, одно время использовали мексиканское рисуночное письмо для распространения Евангелия.

Вклад Гумбольдта в сохранение доколумбовых кодексов, однако, состоит не столько в приобретении отдельных фрагментов, сколько в их упорном изучении. Они поставили перед ним немало головоломных проблем. Каковы были их конкретная структура и предназначение? Были ли они в чем-либо схожи с книгами Европы и других областей Старого Света? О чем в них сообщалось? Как они были написаны? Являются ли «рисунки» письмом в нашем понимании этого слова?

Хотя Гумбольдт и не пошел дальше поверхностного анализа текста кодексов, он тем не менее получил довольно отчетливое представление о природе и методе мексиканского

рисуночного письма. Отчасти он черпал свои знания из документов раннеколониального периода и из трудов незадолго до того скончавшегося мексиканского ученого Антонио де Леон-и-Гама. Сколь странны были эти местные книги! Не удивительно, что европейцы если не усматривали в них дела

Мексиканский способ изготовления книг, по данным «Кодекса Мендосы». Профессиональный писец или «рисовальщик» за работой. Справа изображен иероглиф, символизирующий цифру 8000, с присоединенным к нему листом бумаги, что должно означать в целом 8000 свитков или листов бумаги. Внизу — книга доколумбовой эпохи, имеющая традиционную форму «складывающейся ширмы»

рук дьявола, то находили их весьма необычными. И все же в них можно было как будто увидеть немало знакомых черт.

Каждая рукопись, если она не была отдельным листком или картой, представляла собой длинную полосу, сложенную наподобие мехов аккордеона или веера. У тех, что дошли неповрежденными, начало и конец были прикреплены к деревянным доскам или к кускам кожи, которые иногда были выложены драгоценными камнями, в результате чего

сложенная рукопись выглядела как самый роскошный средневековый европейский манускрипт. Манера складывать книги «гармошкой» напомнила Гумбольдту виденные им в парижской Национальной библиотеке рукописи, доставленные из Сиам. Так же как и в некоторых книгах Дальнего Востока, нужно было сначала прочитать одну за другой все страницы на одной стороне, затем продолжать чтение в обратном направлении по другой стороне. Последовательность знаков была разной: слева направо, справа налево, горизонтально или вертикально, даже по кругу или в виде зигзага. Иногда направление чтения подсказывалось красными линиями.

Так же как и в Старом Свете, для рукописей использовался пергамен или некий вид растительного волокна, который, хоть и не был настоящей бумагой, почти не отличался от нее внешне. «Бумага» изготовлялась из луба, снимаемого с некоторых местных разновидностей фикусов. Луб затем спрессовывали и отбивали. Для проклеивания, возможно, употреблялась какая-нибудь смола или крахмал, а выровненный лист покрывался тонким белым слоем извести или гипса. Кстати, процесс изготовления бумаги был совершенно схож в Южной Америке, на островах Тихого океана, в Юго-Восточной Азии и некоторых частях Африки. Как и в этих районах, бумага широко использовалась для ритуальных жертвоприношений и для одежды. Пергамен из шкур оленей и, возможно, ягуаров также отбеливался; похоже, что он был основным писчим материалом у миштеков, на юге Мексики. Для меньших по длине документов, особенно для карт и генеалогических таблиц, использовалась хлопчатобумажная ткань.

Большинство авторов XIX в., включая Гумбольдта и Прескотта, утверждали, что бумага изготовлялась из агавы, но это не подтвердилось анализом сохранившихся образцов. В некоторых частях Мексики все еще применяется традиционный способ изготовления бумаги. В древней же Мексике это было одной из основных отраслей промышленности и бумага, как сообщают нам ацтекские документы, была ведущей статьей дани и торговли. Зарегистрирован годовой налог с одного из подвластных народов в размере двадцати четырех тысяч стоп бумаги. Так же как древние египтяне и римляне, мексиканцы знали несколько различных сортов бумаги, а некоторые места, например Амакоцтитлан и Ица- 563

матитлан в Морелосе, славилась высоким качеством своей продукции [471, 190].

Да, внешний облик древнемексиканских книг сильно отличался от всего, что было знакомо прежде Европе, но письменность была еще более необычной. Сходство с египетскими иероглифами было чисто внешним. Собственно говоря, до сих пор без конца дискутируется вопрос о том, можно ли вообще называть эти документы книгами. Являются ли они текстами, использующими узаконенную систему письменных знаков, несут ли какое-нибудь конкретное сообщение? Рисуночные книги мексиканцев в некоторых отношениях сильно напоминают пиктографические записи их сородичей, обитавших на равнинах Северной Америки. Гумбольдт усматривал параллели с рисунками на дереве ирокезов и гуронов. «В Америке, — как заметил не так давно антрополог из Калифорнийского университета П. Радин, — существовала сильно развитая тенденция пиктографически отображать наиболее важные события на коже или древесной коре» [490, 6]. И все же налицо существенные различия. Ошибаются те, кто до сих пор видит в кодексах мексиканцев или майя всего лишь попытку запечатлеть событие, воспроизводя его развитие при помощи серии рисунков. Мексиканские книги не были ни подобием гобеленов из Байе⁶, ни уродливой формой комикса. Они не только дают изображение события в целом, но содержат анализ каждого отдельного действия в различных его аспектах. Это не были и состоящие из одних картинок книги для неграмотных, подобно средневековой «*Biblia Pauperum*» («Библия бедных»). Все имеющиеся данные указывают на то, что и авторами и писцами мексиканских книг являлись высококомпетентные жрецы или члены особой профессиональной касты и что понимание их было вполне доступно лишь узкому кругу избранных.

Мексиканцы, несомненно, не удовлетворились простой живописной передачей и пошли дальше — к рисуночному письму. То есть рисунки их были не обязательно реалистическими изображениями, но также и знаками. В значительной степени они подверглись все нарастающей с течением времени формализации. В них можно было выразить определенное сообщение, зашифровать и передать те или иные сведения, возможно даже идеи. Однако они сохраняли элемент изобразительности, и даже теперь мы не можем сказать с точностью, насколько далеко они ушли от чисто живопис-

ной передачи. Сомнительно, впрочем, чтобы можно было — разве что в очень редких случаях — воспроизвести по ним текст слово в слово, если только эти символы не использовались как средство мнемонической фиксации устно передававшихся текстов, что, возможно, иногда и имело место. Мы знаем, что у ацтеков были школы, одной из задач которых была тренировка молодежи в запоминании обширной религиозной, исторической и поэтической литературы. Короче говоря, мексиканская письменность не достигла ни степени условности, ни степени точности финикийской, месопотамской или даже китайской системы письма. Среди народов, имевших пиктографическую письменность, египтяне 3000 г. до н. э., как метко заметил Прескотт, «были на верхней ступени, ацтеки — на нижней» [30, 56]. Где были майя — неясно, но несомненно выше ацтеков и миштеков.

Мексиканская письменность, следовательно, не была ни слоговой, ни алфавитной; она не может быть сведена к ограниченному количеству знаков. По этой причине к ней нельзя подобрать какого-либо универсального ключа, ведь она не имеет стержневого принципа. Можно правильно определить одну пиктограмму или «прочитать» отрывок, но это не даст ключа к другому знаку или отрывку. С каждым приходится начинать все сначала. Однако многие элементы письма были стандартизированы. Мексиканцам были известны все три основных типа письменности, согласно общепринятой классификации: пиктографическая, идеографическая и фонетическая. Их система — ископаемая окаменелость, по происхождению более древняя, чем письменность любой известной цивилизации прошлого или настоящего. Собственно, одна из причин, по которой особо интересны для нас мексиканские документы, состоит, по словам одного современного американиста, в том, что «в мексиканских рукописях можно найти иллюстрации ко всем этапам ранней истории письма» [511,3].

Короче говоря, пиктографическое письмо подразумевает живописное изображение реальных предметов или сцен. При этом письмо ограничивается кругом предметов, поддающихся изображению, и не может передать пространного связного повествования. Идеограммы значительно расширяют этот круг, так как они уже обозначают не только предметы, но также абстрактные понятия, отношения, действия и т. д. Наиболее развитая из форм письма — система фонетических знаков — ограничена в своем употреблении пределами

одного данного языка, но зато позволяет кодифицировать любое слово в этом языке, причем с помощью одних фонем, в полном отрыве от значения. В пределах человеческого мышления нет такой облеченной в словесную форму мысли или сообщения о событии, которые нельзя было бы недвусмысленно выразить посредством этих знаков. В развитой письменности фонетические элементы могут быть сведены к минимуму слогов, как в слоговой азбуке, или букв, как в алфавите, состоящем из стандартных знаков.

Все эти три способа письма были знакомы мексиканцам, хотя и в различной степени. Знаки для обозначения чисел у них, как и у нас, представляли собой чистые идеограммы. Числа обозначались знаками двадцатеричной, а не десятиричной системы. Например, 20 обозначалось флагом или военным знаменем, 400 — чем-то похожим на перо или ветку с листьями (некоторые считают — на косу), 8000 — мешком для переноски кусочков копала (благовонной смолы) или бобов какао, которые служили своего рода платежным средством. Майя пользовались двумя различными видами цифр, так же как мы пользуемся и римскими и арабскими. Основные числовые комплексы возрастали у них от 20 до 360 (18×20), а затем, путем умножения на 20, — до 7200. Как и индийские и арабские математики раннего средневековья (а может быть, и древние шумеры), они были знакомы с нулем, который обычно обозначался изображением раковины, и могли перемножать, записывая их на бумаге, крупные числа. Каждый из двухсот шестидесяти дней (13×20) сложного священного календаря, общего для всех развитых культур средней Америки и использовавшегося в искусстве колдовских предсказаний (тоналпохуалли), обозначался особым сочетанием знаков.

Мексиканские (т. е. ацтекские и миштекские) идеограммы обычно выдают свое рисуночное происхождение. Так, «ходьба» изображалась вереницей следов, «разговор» — шепелящимся языком, «зрение» — глядящим вверх глазом. «Взятие штурмом города» обозначалось изображением храма, обьятого пламенем, и рядом ставилось название города. «Захват пленного» тождествен изображению человека, влекомого за волосы, что любопытным образом напоминает знаменитую египетскую пиктограмму на «палетке Нармера», относящейся к началу династического периода (около 3100 г. до н. э.). В иероглифических системах письма отдель-

ная часть или аспект могут представлять целое. Таким путем пиктограммы постепенно превращались в абстрактные символы.

Трогательно выглядит символ «пение», изображающий шевелящийся язык (символ «разговор»), окруженный цветами. «Смерть» обычно представляется спеленутым трупом, а если за этой мумией с обозначениями имени и даты следует человеческая фигурка с раскрытыми глазами и тоже с именем и датой, причем обе фигурки в коронах, то это означает, приблизительно говоря, что такой-то правитель умер тогда-то и тогда-то, а наследовал ему такой-то.

Миштецкий символ года в трех различных вариантах. Из доколумбового «Кодекса Наттол»

Испанцы удивлялись, встречая знаки креста и символ, похожий на латинскую заглавную букву «А». В обоих случаях сходство было случайным. Крест символизировал одну либо все четыре стороны света. Поборники теории культурной диффузии утверждали, что миштекское «А» являлось аббревиатурой латинского *annus* или испанского *año* — «год», но на самом деле оно изображает нисходящий солнечный луч, животворный символ года, на который накладывается прямоугольник с вписанным в него цифровым обозначением конкретного года.

Фонетический принцип был наименее развит. У ацтеков и миштеков, в частности, он действовал почти исключительно по типу своеобразного ребуса, основанного на изображении без труда идентифицируемых предметов. Ребус, хорошо знакомый нам по детским играм, представляет собой своего рода игру слов, использующую общее фонетическое сходство между одним словом или слогом и другим, связанным с конкретным, легко опознаваемым рисованным образом, который можно использовать для подмены первого сло-

ва. Комбинируя таким образом различные изображения, можно передавать всевозможные сложные слова. У мексиканцев этот способ, имеющий аналогии в средневековой геральдике, шире всего применялся для передачи имен и географических названий, которые у них, как и у многих первобытных народов, состояли обычно из конкретных легко различимых элементов. Гумбольдту это было хорошо известно: «Они умели писать имена, изображая символы, ассоциируемые со звуками» [473, 94]. Таким образом, человек, рожденный в 8-й день месяца Оленя, наделяется именем «Восемь-Олень» (по-миштекски «8 мацатль»), а иероглиф его имени будет состоять из нити с восемью бусинами, помещенной у головы оленя. Имя ацтекского правителя Ицкоатля передавалось рисунком змеи с выступающими из ее тела обсидиановыми ножами («ицли» — обсидиановые ножи, «коатль» — змея). Имя Монтесумы, или, точнее Мо-куау-цомы⁷, составлялось мышеловкой («монтли»), орлом («куаутли»), ножичком типа ланцета («цо») и рукой («маитль»). Здесь мы уже как бы застаем зарождение слоговой азбуки. В некоторых географических названиях каждому звуку может соответствовать отдельный символ наподобие буквы западного письма; так, «атль» (вода) будет играть роль «а», «етль» (боб) заменит «е», а «отли» (путь) — «о». Впрочем, не исключено, что это уже усовершенствования послеколумбовой эпохи.

Из географических названий можно привести в качестве примера название Теночтитлана, столицы ацтеков, изображаемое в виде камня («тена»), покоящегося на кактусе («ночтли»), или название Чапультепека, передаваемое образом кузнечика («чапуль»), сидящего на холме («тепек»).

То, что мексиканцы знали фонетические элементы, заставило Гумбольдта задуматься над тем, не стояли ли они на пороге открытия слоговой азбуки. «Это могло навести их на мысль расположить свои нехитрые иероглифы в алфавитном порядке» [473, 94]. Но, проникательно оценив врожденный консерватизм всех рас и учитывая, что более развитая египетская письменность не смогла достичь этого за три тысячи лет, он полагал, что надежда на выработку мексиканцами алфавита в столь короткое время невелика. И, во всяком случае, кастовые интересы жрецов и писцов серьезно помешали бы этому.

Помимо трех вышеописанных типов письма цвет, как в византийской иконографии, также мог передавать различные

значения, поскольку «в ацтекской иероглифике говорят даже краски» [30, 56]. Наравне с рисунком цвета использовались так, что это могло бы восхитить Рембо⁸. Блестящие, многокрасочные композиции заставляют забывать и об отсутствии перспективы, и о поверхности примитивных форм. Даже в тех немногих кодексах, которые дошли до нас, можно заметить большое разнообразие в использовании рисунка, цвета и символики. Особенно впечатляют строгие, четкие по рисунку, нарочито архаичные гобелены миштеков.

Гумбольдту и большинству его последователей даже и во второй половине XIX в. не удалось достичь сколь-нибудь значительного прогресса в расшифровке мексиканской письменности. На то, что когда-нибудь будет найден второй Розеттский камень, шансов было мало. Прескотт, тщательно изучивший трактат Гумбольдта, пришел к печальному выводу: «При взгляде на это блестящее сочетание форм и красок нельзя не ощутить всей безнадежности попыток подобрать ключ к мифологической символике ацтеков» [30, 91]. Правда, Гумбольдту удалось все же получить достаточное представление о тематике мексиканских книг. Он знал, что записями аборигенов, касающимися землевладения, продолжали пользоваться при тяжбах еще какое-то время и после конкисты. Кроме того, испанские правители интересовались ацтекскими реестрами выплаты дани, скопировали некоторые из них и снабдили пояснениями на испанском языке. Авторы раннеколониального периода упоминали о значительном количестве тем, отраженных в свитках. Даже неискушенному глазу было очевидно магическое назначение сохранившихся кодексов: немалая их часть посвящена была проблемам астрологии и астрономии. На основе «Календарного камня» и рукописей Гумбольдту удалось в значительной мере восстановить астрономические представления мексиканцев, календарь, циклический счет, численную систему; особенно интересовался он сложными вставками в гражданском и религиозном годах.

Гумбольдт почти не сомневался в том, что ацтеки вели хроникальные записи, «свидетельствующие об искусности метода и поразительной точности» [475, 137]. Он считал возможным, что хроники центральной долины восходили еще к VI в. н. э. Он соглашался с Ботурини в том, что до этого мексиканцы, подобно перуанцам и, вероятно, древним китайцам, использовали узелковые записи типа «кипу», которые они

называли «непохуатлцицин». Возможно, эти записи были родственны лентам и поясам так называемого «вампума» у североамериканских индейцев. По преданию, в 660 г. н. э. один тольтекский мудрец в Туле составил «Теоамоштли» — божественную книгу всего народа науатль, повествующую о сотворении мира и человека, о делении времени и звездах, о преданиях и переселении народов, возможно также проповедовавшую некое этическое учение. С грустью думал Гумбольдт о том, что эта тольтекская библия, вероятно, еще существовала тогда, когда испанцы высадились в Мексике и систематически истребили все следы идолопоклонства аборигенов.

Вернувшись в Европу в 1804 г., Гумбольдт не забыл о магических книгах Мексики. Старый Свет неожиданно предоставил широкие возможности продолжать занятия этой темой. В ходе широко предпринятых им поездок в Ватикан, Веллетри и Флоренцию, а также в библиотеки всех уголков Западной Европы он сумел обнаружить и изучить гораздо большее число рукописей, чем то, которым можно было располагать в Мексике. Когда в 1810 г. он опубликовал свой двухтомный труд об американских памятниках, значительную часть текста он посвятил рассмотрению свитков доколумбовой эпохи и мексиканского календаря. Одну треть всех иллюстраций составили фрагменты из кодексов. Этот материал никогда еще не был сведен вместе, и ни разу не было сделано такого сжатого изложения всего, что было известно о мексиканской письменности. Все рукописи, которые Гумбольдту удалось отыскать, были внесены в список и сопровождаемы заметками об обстоятельствах, благодаря которым они были чудом спасены от забвения.

То, что большая часть мексиканских кодексов сейчас находится в руках европейцев, а не мексиканцев, далеко не случайно. После того как Кортес, заполучив две рукописи, переслал их своему императору, мексиканские рукописные книги стали на некоторое время довольно ходовым товаром в торговле редкостями. В Европе в них видели скорее диковинки, чем орудия сатаны, и потому не подвергали их обдуманному уничтожению. Надо сказать, что, судя по сообщениям того времени, они ходили по рукам в немалом количестве. Возможно, сохранением некоторых из них мы обязаны испанским солдатам, отославшим их домой в качестве сувениров. Однако, как бывает с сувенирами, многие вскоре были забыты и погибли. Те же, которые были спрятаны в европейских

чуланах, чаще всего оставались неизвестными их владельцам и ученому миру вообще. Иногда кто-нибудь брал в руки такой свиток и поражался причудливости и образности рисунков. Чаще всего оставалось непонятым даже то, что они представляют собой памятники письменности.

Из того небольшого числа свитков, которые уцелели, практически каждому суждено было быть обнаруженным лишь после того, как он долго провалялся в каком-нибудь чулане или еще менее подходящем месте, причем некоторые так и не увидели свет до начала XX в. До сих пор время от времени появляются изорванные, выцветшие клочки, хранящие лишь слабые следы былого великолепия и изящных рисунков. И то немного, что нам известно о скитаниях и чудесном избавлении от гибели этих рукописей, как бы повторяет полную приключений историю манускриптов Старого Света.

О существовании «Дрезденского кодекса» Александр фон Гумбольдт, даже после многолетних разысканий в Мексике и собраниях Европы, ничего не знал вплоть до того момента, когда уже готов был сдать в печать свое исследование об американских древностях. Но и спустя столетия «Дрезденский кодекс» оставался единственной известной науке книгой майя. Происхождение этой рукописи столь же темно, как и всех прочих. По мнению некоторых, она являлась первоначально собственностью Габсбургов. Как бы то ни было, в 1739 г. директор Дрезденской библиотеки Иоганн Кристиан Гётце по пути из Италии посетил Вену, где и получил эту рукопись от ее владельца (оставшегося неизвестным) как диковинку, по всей видимости «недоступную пониманию и в силу этого ничего не стоящую» [475, II, 48; 478]. Гётце, в свою очередь, подарил ее в 1744 г. Дрезденской Королевской библиотеке. После того как Гумбольдт опубликовал пять страниц из этого кодекса, он стал более широко известен, но прошли десятилетия, прежде чем его признали в корне отличающимся от остальных мексиканских пиктографических книг, и еще больше времени, прежде чем его объявили «величайшим достижением духовной культуры доколумбовой Америки».

На долю «Кодекса Борджиа», одной из важнейших; если не самой великолепной из мексиканских рукописей, также выпал ряд приключений. Он представлял собой книгу на оленьей коже, содержащую рисуночное повествование о рождении мексиканских божеств. Книга некогда принадлежала

венецианской семье Джустиниани, которой, возможно, ее завещал один из предков семьи, мореплаватель. «Сатанинский» документ, подобный тем, что приводили в ужас испанских инквизиторов, стал здесь игрушкой, книжкой с картинками,

Фрагмент «Дрезденского кодекса»

которой забавлялись дети прислуги, и однажды едва не сгорел, когда ребенок, играя, поджег его. Книгу спас католический священник, но на ней до сих пор видны следы полученных ею ожогов. Кодекс был подарен семейству Борджиа, помещен в их библиотеке в Веллетри, а в конце концов перекочевал в Ватикан, в библиотеку Конгрегации пропаганды. Гумбольдт был восхищен его радужными красками и считал, что он достоин занять видное место в ряду экзотических книг

[475, I, 206—207]. Специалисты последующих поколений признали его правоту.

Гумбольдт также первый понял, что «Дрезденский кодекс» с его иероглифами стандартного размера отличается от всех остальных. В наше время мы считаем «Дрезденский кодекс» самым замечательным из манускриптов доколумбовой эпохи. Это образец утонченного, причудливого искусства,

Изображение бога-ягуара в его животном и человеческом облике.
Из «Кодекса Борджиа»

избегающего пустых пространств, упивающегося экстравагантными формами и ярким, колоритным рисунком. Некоторые фигуры выполнены с мрачной элегантностью, достойной «Желтой книги»⁹. Гумбольдт предложил привлекательную, но не вполне точную аналогию между мексиканскими свитками и лентой рельефов, обвивающей колонну Траяна в Риме. Вот его вывод: «Несмотря на крайнее несовершенство иероглифического письма мексиканцев, рисунки стали для них удачной заменой книг, рукописей и знаков алфавита» [475, I, 162].

Эксцентричный англо-ирландский лорд с блеском и аристократической щедростью осуществил один из проектов Гумбольдта — публикацию всех известных рукописей доколумбовой эпохи [30, 74]. До этого мало кто имел возможность

ознакомиться с кодексами, рассеянными по различным хранилищам в нескольких странах и двух полушариях. Кроме того, необходимо было принять меры для того, чтобы кодексы впредь не погибали. Требовалось осуществить тщательное, детальное факсимильное издание, которое могло бы широко разойтись в научных кругах. Гумбольдт выражал надежду, что за дело возьмется какое-нибудь правительство, которое и осуществит это дорогостоящее предприятие «за собственный счет». Отклика не было. Поэтому субсидировать и осуществить грандиозный проект выпало на долю distinguished Эдварду Кингу, виконту Кингсборо. Именно он впервые свел вместе все манускрипты, которые избежали ко-стра.

Опубликованные им объемистые тома впервые дали миру общее представление об остатках древнеамериканских цивилизаций, а также, сделав материал широкодоступным, открыли новую эру в исследовании доколумбовой эпохи. Крупнейшие мексиканисты XIX в. подчеркивали, что весьма многим обязаны этим томам. Кингсборо выследил кодексы, о которых прежде было очень мало известно, и, возможно, спас кое-что из того, что могло затеряться или погибнуть. В поисках ему помогали друзья даже в таких отдаленных местах, как Венгрия, и сегодня некоторые кодексы не воспроизведены нигде, кроме его книг. В знак уважения к проделанной им работе одна из мексиканских рукописей была впоследствии названа «Кодексом Кингсборо».

Кингсборо, как и практически все первые исследователи рукописей доколумбовой эпохи, был неподготовленным дилетантом. Этими людьми двигал скорее энтузиазм, чем какое-либо осознанное научное устремление, и яркие рисунки кодексов будоражили их воображение. О Кингсборо, собственно, говорили, что его увлечение переросло в маниакальную одержимость. Эдвард Кинг, отпрыск англо-ирландской знати, старший сын графа Кингстона, родился в 1795 г. В 1799 г. он получил титул виконта Кингсборо. В 1814 г. поступил в Экзетер-колледж в Оксфорде, откуда вышел в 1818 г., не получив степеней. В эти-то годы он и был впервые околдован Мексикой.

Влечение Кингсборо к Мексике, судя по внезапности его пробуждения и по интенсивности, было по характеру почти мистическим. Первый толчок был дан «Кодексом Мендосы», который встретился ему в Бодлеанской библиотеке; это был

кодекс послеколумбовой поры, созданный в 1549 г. мастерами-аборигенами по приказу первого вице-короля Новой Испании — дона Антонио де Мендоса. Он представляет собой уникальную, основанную на более древних документах энциклопедию мексиканских обычаев и содержит также реестр дани, доставлявшейся Монтесуме. История его по своему драматизму не имеет себе равных. Рукопись была изготовлена за десять дней, поскольку Мендоса спешил отослать ее с отплывающим флотом своему монарху, желавшему поближе познакомиться с новыми подданными. Места назначения кодекса так и не достиг, потому что корабль попал в руки французских пиратов. Книгу приобрел французский историк Андре Теве, который, согласно одной из версий (разумеется, французской), одолжил ее для издания некоему англичанину. Но сын коварного Альбиона не вернул ее владельцу [453, 102]. По другой версии, Ричард Хаклут, в то время состоявший при английской дипломатической миссии в Париже, купил ее там за 20 экю. Позднее ею владели Сэмюэль Перчес и Джон Селден. Селден в 1664 г. подарил ее Оксфорду. Затем она пропала из виду более чем на столетие, но каким-то образом появилась вновь в студенческие годы Кингсборо или несколько ранее. Перед самым началом второй мировой войны английский американист Джеймс Купер Кларк завершил первоклассное трехтомное издание этого кодекса. Воздушный налет уничтожил большую часть тиража, хранившуюся на одном из лондонских складов [488, 242].

По-видимому, уже вскоре после «Кодекса Мендосы» внимание Кингсборо должны были привлечь и другие мексиканские рукописи Бодлеанской библиотеки. Там был, в частности, «Кодекс Лода», на котором один из его прежних владельцев надписал «*Liber Hieroglyphicorum Aegyptiorum MS*» («Рукопись египетской иероглифической книги») [488, 238]. Эта рукопись, написанная до конкисты, принадлежала некогда Уильяму Лоду, знаменитому архиепископу кентерберийскому, который, хотя и прославился как сжигатель книг, подарил все же Оксфорду свое собрание, включавшее около трехсот рукописей на восемнадцати различных языках. Кодекс находился в Англии по крайней мере с XVII в. Однако Робертсон, историк и современник Дэвида Юма¹⁰, написавший популярную в свое время историю Америки, утверждал, что в Англии не хранится ни единого древнего рисованного свитка. Он был явно не прав: в те дни книжными кладбища-

ми были не только старые монастырские библиотеки или испанские чуланы. Сегодня Англия — гордый обладатель львиной доли доколумбовых кодексов. Но уже и во времена Робертсона несколько ценных образцов скрывались где-то в тайниках «Бодлеаны».

Пиктограммы из «Кодекса Мендосы», сообщающие о завоевании ацтекским правителем двух городов в Южной Мексике. Обратите внимание на испанские пояснения к рисункам

О «Свитке Селдена», еще одном из сокровищ мексиканского фонда Оксфорда, ходили всевозможные небылицы, ни одна из которых полностью не подтвердилась. С. А. Бёрлэнд, английский американист XX в., опубликовавший в 1955 г. издание рукописи, считает, что она также могла быть захвачена французскими каперами или могла попасть в Англию через посредство собственно британских мастеров этого дела, пиратствовавших в районе Карибского моря. Есть также веро-

ятность того, что она была преподнесена принцу Карлу (впоследствии печальной памяти «добрый король» Карл I), когда он неудачно ездил свататься к испанской инфанте [455, 9].

Более древний и ценный «Кодекс Бодлей 2858» находился в Бодлеанской библиотеке уже между 1603 и 1605 гг. По некоторым данным, он входил когда-то в коллекцию высокообразованного португальского епископа Фару — Жерониму Озориу. Но как он попал в Англию? Ученые ссылаются на пиратские акции фаворита Елизаветы, герцога Эссекского, который к другим своим не слишком похвальным подвигам прибавил как будто бы разграбление епископского дворца и библиотеки. Добытые при таких обстоятельствах ценности он подарил своему другу сэру Томасу Бодлею [458, 11].

Эти оксфордские кодексы и привлекли внимание Кингсборо к «мексиканской загадке». Насколько в то время заинтересовало его светлость содержание рукописей, мы не знаем. Может быть, он уже тогда пытался их толковать? Современники единодушно утверждают, что после первого же знакомства с экзотическими рисованными книгами он оказался во власти их чар. По свидетельству одного очевидца, «он не думал больше ни о чем другом»¹¹.

Расставшись с Оксфордом, Кингсборо вначале собирался заняться общественной деятельностью. Дважды он был избран членом парламента от графства Корк, но в 1826 г. отказался от этого поста в пользу младшего брата. Чтобы подготовить к изданию свой грандиозный труд «Древности Мексики», ему пришлось пожертвовать всем своим временем, всеми средствами и в конечном счете даже самой жизнью. Для изготовления факсимиле он нанял итальянского рисовальщика Агостино Альо, ранее делавшего гравюры по египетским зарисовкам Бельцони, и на протяжении пяти лет заваливал его работой, оплачивая все услуги исключительно из собственного кармана. Три года ушло на копирование кодексов в континентальных собраниях, главным образом в Вене, Риме и Дрездене. Американский библиограф Обадия Рич, живший в то время в Англии, по его поручениям дважды отправлялся в Испанию для розысков рукописей. Кингсборо также субсидировал человека неопределенной национальности и с сомнительным титулом, графа Жан-Фредерика Максимилиана де Вальдек, в нескольких его археологических набегах на территории Мексики и Юкатана.

Кингсборо сам написал обширные и в целом полезные 577

комментарии ко всему иллюстративному материалу. Между ними, впрочем, рассеяны отдельные высокоученые пассажи его светлости, развивающие его «доводы в пользу того, что евреи в отдаленные времена заселили Америку». Первые четыре тома содержали исключительно факсимиле кодексов, а также зарисовки памятников древности в Паленке и других местах (некоторые из них были впоследствии разрушены, и эти рисунки являются единственными свидетельствами о них). Остальные тома включали различные описания Мексики, до тех пор доступные только в рукописях, и прежде всего пространственное извлечение из одного из ценнейших описаний местной цивилизации, относящихся к XVI в., — из рукописей брата Бернардино де Саагуна, которые почти три века считались утерянными и лишь незадолго до того были вновь открыты. В не столь давнее время грандиозный труд Саагуна был оценен как первостепенной важности источник для изучения доколумбовой мексиканской литературы, тексты которой монах записывал на языке науатль, главенствовавшем в древней Мексике.

Семь томов были изданы в 1831 г., при жизни Кингсборо. В 1846 г. появились еще два, но десятому и последнему уже не суждено было увидеть свет. Реакция на них была в целом чрезвычайно благосклонной. Лондонский «Атенеум» писал: «Этот труд великолепием своим напоминает нам времена покровительства коронованных особ и блеск царственных патронов литературы»¹². Два экземпляра на пергамене стоимостью приблизительно в 3000 фунтов каждый Кингсборо подарил Британскому музею и Бодлеанской библиотеке, явив пример царственной щедрости в распространении книжной продукции. Толстые тома были изданы «имперским» форматом, дабы в должной мере выразить страсть его светлости к экзотической теме своего труда. Прескотт, уроженец Новой Англии, обладавший более пуританскими вкусами, язвительно заметил: «Иногда даже в столь великолепных по замыслу работах обнаруживаешь, что целесообразность в них в какой-то мере принесена в жертву желанию произвести эффект» [30, 74].

Девять экземпляров, напечатанных на специально выбранной рисовальной бумаге, были преподнесены коронованным особам. Комплекты, пущенные в продажу, первоначально оценивались в 210 фунтов (в то время целое небольшое состояние) за раскрашенное вручную и в 140 фунтов за обыч-

ное издание. При такой стоимости сбыт был небольшим, и цены вскоре упали до 63 и 36 фунтов соответственно. Два тома, вышедшие посмертно, продавались всего за 25 фунтов 4 шиллинга.

Такое снижение стоимости означало финансовый крах для Кингсборо, которому это предприятие обошлось более чем в 32 000 фунтов. Семья не одобряла его занятий, а богатый отец не оказал ему ни малейшей финансовой поддержки. Вскоре Кингсборо начали осаждать кредиторы. Печатники и бумажные фабриканты шумно требовали оплаты. Некая вдова Крэнстон предпочла передать дело в суд и добилась заключения его под стражу. Другие претенденты также последовали ее примеру. С догмой святости денег и собственности в Англии и Ирландии времен «Билля о реформе»¹³ должны были считаться даже дворяне. Трижды лорда Кингсборо заключали в шерифскую тюрьму в Дублине, и никто из его родственников и пальцем не шевельнул. Во время третьего заключения он заболел «тюремной лихорадкой» (тифом) и через несколько дней, в ноябре 1837 г., скончался. Проживи он еще несколько месяцев, он унаследовал бы графство Кингстон и приличный годовой доход в 40 000 фунтов. Одним словом, в итоге Кингсборо кончил не лучше, чем Ботурини. Можно было подумать, что над мексиканскими книгами тяготеет некое проклятие, которое переходит и на их сострадательных спасителей.

Ко времени смерти Кингсборо только еще приступал к изучению доколумбовой эпохи, и весьма вероятно, что он, подобно другим жившим в XIX в. исследователям древностей, обремененным библейскими предубеждениями, в конце концов мог перерасти некоторые из своих чудаческих теорий и добиться подлинных успехов в познании прошлого Мексики. Кингсборо полагал, например, что Мексика была заселена одним или несколькими из исчезнувших колен Израиля (эта нелепая гипотеза с тех пор время от времени смущает умы многих почтенных ученых). Надежда подтвердить этот тезис была неотъемлемой частью его честолюбивого замысла. «На достижение этой цели,— пишет Прескотт,— он обратил всю свою логику и эрудицию. Ради этого разгадывалось значение иероглифов, сопоставлялись рукописи, зарисовывались памятники» [30, 75].

Кингсборо выявлял древнееврейские корни имен и общественных институтов там, где это никому ранее не пришло бы в голову. Название утерянной книги тольтеков «Теоа-

моштли» этимологически выводилось из «тео» (божественный), «амотль» (бумага, книга) и «моштли»; последнее, утверждал он, «скорее всего тождественно имени „Моисей”» [30, 63]. Следовательно, все название означает «Божественная книга Моисея». Сегодня нам проще всего было бы, конечно, посмеяться над этим. Мы вообще редко задумываемся над замечательными параллелями между библейским и мексиканским преданиями о потопе, или над легендой майя, которая ставит нас в затруднительное положение своей близостью к библейской истории о Вавилонской башне. Являлся и вездесущий призрак Кецалькоатля, бородатого белого человека с Востока, который завез в Америку нравственные законы и снова уплыл в Атлантику. Сходных с Кингсборо взглядов придерживались и некоторые ранние испанские авторы. Историческая критика, антропология и археология, не говоря уже о новых хронологических концепциях геологии и теории эволюции, пребывали еще во младенчестве. А гиганты, подобные Гумбольдту, были редки в любое время. Через полвека после Кингсборо Флиндерс Петри, пионер научной археологии, начал свою деятельность в Египте с верой в мистические математические свойства пирамид. Еще позже Эдвард Х. Томпсон, уроженец Новой Англии, прославившийся своими исследованиями Чичен-Ицы и ее «сенота» (священного колодца), надеялся найти в Юкатане Атлантиду.

Итог всему подвел Прескотт, который сам являлся гордым обладателем одного из «роскошных» комплектов работ Кингсборо: «Было бы, впрочем, несправедливо не признать того, что благородный автор, хотя его логика и не всегда убедительна, проявляет большую сметливость в выявлении аналогий; что он обнаруживает хорошее знакомство с предметом исследования и массу эрудиции, хотя последняя нередко и расходуется впустую; что, каковы бы ни были недостатки построения работы, он свел воедино самую богатую коллекцию неопубликованных материалов, иллюстрирующих ацтекские и — более широко — американские древности, и что этим самоотверженным предприятием, которое ни одно правительство не захотело бы и лишь немногие частные лица были бы в силах осуществить, он приобрел право на вечную благодарность всех друзей науки» [30, 75].

XXIV

Брассёр открывает Диэго де Ланда и допотопное человечество

*Таинственные окна растворяла
В забытый мир над кружевном валов.*

*Джон Китс. Ода соловью
(Перевод И. Дьяконова)*

В 1863 г. Американское Общество любителей древности в Вустере (штат Массачусетс) с гордостью могло подвести итог первым пятидесяти годам своей деятельности. С того времени, когда с благословения Александра фон Гумбольдта это общество было основано, образованная публика повсеместно научилась относиться к прошлому Нового Света с неуклонно возрастающим благоговением и любознательностью. Популярности этой темы в значительной мере способствовали два американских автора: Джон Ллойд Стефенс, адвокат из Нью-Джерси, около 1840 г. отправившийся в джунгли Юкатана, Гондураса и Гватемалы на поиски давно забытых, экзотически великолепных городов, и его современник, Уильям Х. Прескотт, историк из Бостона, создавший живую картину печального угасания и покорения империй ацтеков и инков. Теперь, в 1863 г., в году полувекового юбилея, недавние находки подали надежду подтвердить «зрелость человечества» в Западном полушарии и «установить равенство с самыми древними народами». Такие претензии, заявил секретарь Общества, прежде всего были обусловлены открытием, сделанным в 1863 г., которому, возможно, было суждено «сделать

для нас понятными таинственные записи, скрывающиеся за чудовищными иероглифами Мексики и Центральной Америки» [474, 46]. Французский ученый аббат Брассёр де Бурбур нашел в Испании неопубликованное описание Юкатана, в котором будто бы приводился забытый фонетический алфавит майя. Хотя утверждение и не вполне соответствовало действительности, эта рукопись раннеколонизального периода в дальнейшем послужила опорой для решительного скачка в развитии наших знаний о цивилизации майя.

Аббат Брассёр де Бурбур был уже известен широким кругам любителей древности. Менее десятилетия назад он преподнес своим коллегам другой — надо сказать, более сомнительный — сюрприз. В 1855 г. в письме из Гватемалы в «Нью-Йорк Трибюн» и в сходных сообщениях во французскую прессу он заявил, что языки местного населения Центральной Америки обнаруживают несомненную близость к германским и в особенности к скандинавским языкам. В городе Гватемала он посвятил несколько месяцев анализу рукописей вековой давности, написанных на местных языках. Там он нашел подтверждение своего тезиса. В одном из преданий говорилось, что предки местных жителей пришли через море из холодной и снежной страны. Их родиной, утверждал аббат, был Скандинавский полуостров, а фантастические дворцы и храмы в джунглях Америки были построены людьми, которые в конечном счете вели свое происхождение от германских народов. «Не окажется ли, что тольтеки, мексиканцы, киче, какчикели и цутухиль — наши братья? — писал он с риторической пышностью. — Не скандинавы ли они?» [447, 158].

Это было время, когда, несмотря на предостережения Гумбольдта и печальный пример лорда Кингсборо, выдвигались дичайшие теории о происхождении американцев. Сквозь мрачный туман забвения чуткие ясновидцы то и дело улавливали некие лучи откровения, исходившие от таинственных руин и стел с надписями в тропических лесах. И чем они были невежественней, тем выше был полет их фантазии. Многим ученым уже успели изрядно надоест такого рода «исследования», однако поборник «скандинавской» теории был в их глазах человеком, с которым следовало все же считаться. Коллеги его были единодушны в мнении, что, хотя Брассёр и был в числе людей, наименее заслуживающих доверия, когда дело касалось выяснения корней местных

цивилизаций Мексики и Центральной Америки, он тем не менее оставался одним из крупнейших знатоков американских древностей. К сожалению, умение находить и спасать от забвения утерянные или пребывающие в небрежении документы сочеталось в Брассёре с мистическими склонностями, которые, возможно, несколько затуманивали блеск его действительно научных достижений. И все же ему более, чем кому-либо другому, обязаны мы осознанием того факта, что у древних народов Центральной Америки существовала своя литература.

Если лорд Кингсборо никогда не видел живого индейца, то французский аббат совершил пять продолжительных путешествий в Новый Свет, подолгу жил и скитался в Мексике и Гватемале, где научился говорить на местных языках, собрал громадное количество данных о жизни аборигенов и уникальную коллекцию индейских документов, написанных вскоре после конкисты. Родился он в 1814 г., всего лишь как скромный Шарль Этьен (или Этьен Шарль) Брассёр (украшение имени на дворянский манер он произвел впоследствии самовольно), в Бурбуре, маленьком фламандском городке между Кале и Дюнкерком в Северной Франции. Его увлечение стариной проявилось рано. Сперва, что было весьма типично, его заинтересовала история древнего Египта, Персии и Индии. Как и большинство людей того времени, он полагал, что Америка до Колумба не имела ни культуры, ни истории. Затем в 1832 г. он прочел газетное сообщение о том, что в Бразилии якобы найдено захоронение воина в македонском вооружении, причем гроб был снабжен греческой надписью. Странная заметка взволновала его воображение, наведя на мысль о возможных связях между Америкой и Старым Светом. Как и в случае с Кингсборо, первое впечатление здесь оказалось решающим и в известном смысле роковым. С тех пор он с жадностью читал все сообщения об исследованиях в Америке, какие только мог достать.

Вскоре после этого в его руки по воле судьбы попал номер «Журналь де Саван». В нем был помещен сокращенный отчет Антонио дель Рио, офицера испанской армии, которому в 1785 г. Карлос III (бурбонский король, начавший свою карьеру монарха и археолога в Неаполитанском королевстве) поручил исследовать развалины Паленке в мексиканской провинции Чиapas. Много позднее Брассёр вспоминал об этой заметке и о вызванном ею «изумлении, смешанном с

наслаждением... Она определила мое будущее археолога. Смутное предчувствие показало мне вдали сам не знаю какие таинственные завесы, которые тайный инстинкт побуждал меня приподнять. А услышав о Шампольоне, слава которого начала проникать даже в учебные заведения нашей провинции, я спросил себя, не станет ли когда-нибудь западный континент полем для такой же научной работы, которая была проделана в то время в Европе...» [445, I, III]. Соперничество с Шампольоном стало еще одним неизменным побудительным мотивом в его исследованиях доколумбовой Америки.

Покинув школу, он некоторое время занимался политикой и журналистикой и написал в романтическом стиле Шатобриана роман «Последняя весталка». Затем он поступил в католическую семинарию и был посвящен в духовный сан в Риме в 1845 г. В том же году ему предоставили профессию в Квебеке для преподавания истории церкви и создания жизнеописания монсеньера Лавала, первого квебекского епископа. На следующий год он был переведен в Бостон, где вновь заинтересовался американскими индейцами. Он начал учить английский язык и погрузился в работу Прескотта «Завоевание Мексики». «Эта чудесная и назидательная книга», признавался он впоследствии, утвердила его в пожизненной преданности американистике.

Вернувшись из первой своей поездки в Новый Свет, Брассёр два года изучал американские древности в библиотеках Ватикана. Там он досконально освоил «великий труд» Кингсборо и погрузился в изучение «Ватиканского кодекса» и «Кодекса Борджиа», уже знакомых ему по ссылкам в книге Гумбольдта. В ходе этих занятий он ощутил страстное желание вернуться в Америку и посетить те места, в которых культура этого полушария достигла наивысшего расцвета. Когда Рим был ввергнут в хаос гражданской войны и национального восстания, аббат решил, что наступило время бежать в более мирные, как он надеялся, земли, и в 1848 г., году революций в Европе, вторично пересек Атлантический океан. Покинув восточное побережье Соединенных Штатов, он отправился вниз по Огайо и Миссисипи. В Нью-Орлеане Брассёр сел на корабль, идущий в Веракрус. На борту он по счастливой случайности познакомился с французским посланником в Мексике, любознательность которого была возбуждена энтузиазмом аббата. По прибытии в Мехико по-

сланник устроил его на должность распределителя пожертвований при французской миссии, и эта синекюра дала аббату возможность без помех заниматься изучением местных цивилизаций.

Наконец-то Брассёр мог продолжить свое американистическое образование на почве изучаемой страны. Его официальное положение и природная общительность значительно облегчили его работу. Он подружился с директором национального музея доном Рафаэлем Исидоро Гондра, который познакомил его с редкими списками работ авторов раннеколониального периода, и в их числе с рукописью, содержащей часть выполненного в XVII в. перевода с киче, языка индейцев Гватемалы, совершенно неизвестного религиозно-исторического сочинения. Аббат начал собирать старые документы, относящиеся к доколумбовой эпохе. Первым его приобретением была неполная испанская версия «Тольтекской истории», некогда принадлежавшая Ботурини. Благодаря любезной помощи мексиканского министра иностранных дел он получил доступ к архиву вице-короля, а кроме того, буквально не вылезал из заброшенных библиотек различных церковных учреждений. Время от времени он совершал поездки в глубь страны. Он посетил Тулу (Толлан), «прославляемую в древних анналах как столичный город», и проник на север, в Калифорнию, до Сан-Франциско. Его коллекция местных материалов росла, так же как и его знания о Мексике периода до конкисты. Чтобы иметь возможность читать тексты в подлиннике, он начал учить науатль — древний язык ацтеков и их соседей. Его учителем был дон Фаустино Чимальпопока Галисиа, профессор права в колледже Сан-Грегорио, утверждавший, что он является прямым потомком брата Монтесумы. Брассёру «де Бурбур» вряд ли приходило в голову ставить под сомнение подлинность этого титула.

Затем аббат продолжил свои поиски в библиотеке Сан-Грегорио, где и сделал свою первую важную находку: старинную рукопись на языке науатль, датируемую периодом после завоевания. Брассёр, любивший придумывать причудливые имена, назвал ее в честь своего учителя и наставника «Кодекс Чимальпопока». Кодекс (сейчас называющийся также «Анналами Куаутитлана») является одним из важнейших первоисточников по доколумбовой истории государства в долине Мехико. Написанный неизвестным автором и, возможно, основанный на древних пиктографических свитках, он

содержит много сведений о тольтеках, чичимеках и ацтеках. Его повествование начинается с событий, на несколько столетий предшествовавших установлению господства ацтеков, и освещает главным образом историю Кулуакана, некогда являвшего собой крупный город-государство и значительную политическую силу [515, 84].

Вскоре после этого, в 1851 г., Брассёр вдруг разразился в печати четырьмя «Письмами, служащими наставлением в истории древних цивилизованных народов Мексики». Он издал их в Мехико на испанском и французском языках. Эти наброски были скорее отражением прогресса, достигнутого им в деле собственного образования, чем зрелым обобщением темы; к тому же в них проявился его безудержный и не во всех случаях разумный энтузиазм. Недостаточность его профессиональной подготовки, в последующие годы ставшая еще более явной, была заметна уже тогда, сказываясь, в частности, в его страсти к выведению этимологий, с помощью которых он мог доказать этническое или лингвистическое родство американцев с кем угодно, и в догматической одержимости идеей возвести американско-индейскую цивилизацию к внешним истокам. На этом этапе он был убежден в том, что она происходит от культур древнего Востока. Позднее он приписал ей скандинавское происхождение, перепробовав предварительно на роль ее возможных предков финикийцев, индийцев, арабов, допотопных атлантов и множество других народов.

К недоумению современников, он мог с головокружительной быстротой менять свои точки зрения или придерживаться нескольких сразу. Одно время он серьезно размышлял над тем, не могли ли египтяне заимствовать свою цивилизацию из Центральной Америки, а не наоборот.

Этимология, так часто служащая последним прибежищем для претенциозной, но поверхностной учености, оставалась одним из главных его орудий в течение всей его деятельности. Незадолго до смерти, уже начиная подозревать, что во многом ошибался, он все же продолжал настаивать на том, что «из пятнадцати тысяч слов словаря мая по крайней мере семь тысяч являют поразительное сходство с языком Гомера» [444, 23]. Повсюду он обнаруживал в словах германские корни. Слово «науаль», в одном из мексиканских диалектов означающее «разумный», он с полной серьезностью производил от английского know all — «знать все». «Калар»

(«делать ясным, очевидным») — разумеется, то же самое, что и английское clear, и немецкое klar. Древний центр мексиканских культурных традиций Тула (Толлан) — это не что иное, как легендарная ultima Thule европейских географов. Одних этих его соображений было достаточно для того, чтобы отпугнуть любого серьезного филолога [440, 81].

Как бы ни были скучны для нас некоторые идеи, развиваемые им в этой первой работе 1851 г., она все же засвидетельствовала его серьезное увлечение мексиканскими древностями и позволила ему занять определенное место в узком кругу исследователей доколумбовой Америки. Она послужила как бы введением в науку для Эфраима Джорджа Сквайра, американского археолога из Нью-Йорка, который позднее значительно обогатил наши знания об индейской доистории Соединенных Штатов и Никарагуа. По возвращении во Францию Брассёр встретился с Ж.-М.-А. Обеном, в то время ведущим интерпретатором мексиканских рисуночных книг. По образованию физик, Обен прибыл в Мексику в 1830 г. с научной экспедицией Араго, но, потеряв инструменты, необходимые для проведения физических наблюдений, обратился к древним документам и сумел найти некоторые из кодексов Ботурини, которые Гумбольдт считал утерянными.

С 1851 по 1853 г. Брассёр оставался в Европе. Он провел некоторое время в библиотеках Ватикана и издал двухтомную «Историю Канады», предварительные исследования для которой провел еще во время первого своего пребывания в Квебеке. Этот труд встретил далеко не восторженный прием. В Париже, для того чтобы зарабатывать на жизнь, ему пришлось писать популярные рассказы и романы, подписывая некоторые из них «романтическим» псевдонимом Этьен Шарль де Равенсберг. Его исторический роман «Багдадский халиф», красочная восточная фантазия на тему XI в., был хорошо принят критикой, но вскоре забыт. Надежды на хорошие заработки не оправдывались. Все его мысли были о странах по ту сторону Атлантики, но ему не доставало средств, чтобы осуществить широко задуманное исследовательское предприятие, целью которого было не больше не меньше, как воскресить забытую цивилизацию Гватемалы и Юкатана и собрать древние тексты, по которым можно было бы восстановить ее историю. Отбросив всякую осторожность, он все же осенью 1854 г. отплыл в Нью-Йорк и прибыл туда без гроша. Чтобы заплатить за проезд в Центральную

Америку, ему пришлось продать некоторые из своих любимых манускриптов.

Высадившись в Грейтауне, порту на Карибском побережье Никарагуа, он нашел город в развалинах после недавнего обстрела американским капером. При этих обстоятельствах иностранных посетителей принимали не очень радушно. Через несколько дней на дороге в глубь страны Брассёр и его спутники были остановлены под угрозой применения оружия отрядом людей в форме, которые арестовали их. Протесты против нарушения международного права были бесполезны. Напрасно Брассёр размахивал своим паспортом, подписанным посланником Никарагуа в Вашингтоне. Его отвели в ближайшую гасиенду, где командующий офицер показал ему письмо президента республики с приказом арестовывать всех иностранцев, перешедших через Камино Реаль. Их должно было отсылать в столицу или в случае малейшего сопротивления без отлагательств расстреливать. Однако, после того как офицер успокоился и убедился в том, что французский аббат совершенно безопасен, он позволил группе продолжать путь.

1 февраля 1855 г. Брассёр вступил в Гватемалу. Эта страна также пережила перед тем смутные времена. Брассёр с огорчением узнал, что религиозные и политические перевороты привели к тому, что коллекции рукописей, веками хранившиеся в ныне разрушенных католических монастырях, были рассеяны, если не уничтожены. Многие тексты, впрочем, уцелели, и некоторые из них попали в библиотеку университета Сан-Карлос. Прольют ли свет эти документы на исконную цивилизацию Гватемалы — Юкатана, которая, как давно подозревал аббат, должна была играть в культурной эволюции Западного полушария очень заметную, если не определяющую роль?

В отличие от большинства других исследователей древности Брассёр никогда не терзался лишними сомнениями — ни в том, что утерянные документы, по которым можно воссоздать облик цивилизации, как бы основательно она ни была стерта с лица земли, существуют, ни в своей способности раздобыть данные о ней там, где другим это сделать не удалось. Он был также уверен, что древние тексты, раз уж они найдены, могут, подобно оракулу, ответить на любой заданный им вопрос. Причем он не осознавал всей эпистемологической¹ сомнительности этого тенденциозного «вопроша-

ния» — странное упущение со стороны человека, которого современники характеризовали как искушенного скептика, легкомысленно относившегося к своим обязанностям духовного лица [440, 283].

В Гватемале Брассёр повсюду встречал самое доброжелательное отношение. Местный коллекционер Мариано Падилья подарил ему рукопись на одном из диалектов майя, которую он великодушно назвал «Кодексом Падилья». Брассёр обнаружил в ней подтверждение своей скандинавской теории. Через несколько месяцев он приобрел на много более ценный текст — так называемый «Пополь-Вух», прекрасное произведение местной индейской литературы, которое впоследствии сравнивали с «Ригведой» и «Эддой». В свое время высказывались сомнения в том, был ли Брассёр подлинным «первооткрывателем» этой книги, которую он с помощью «молодого и ревностного гватемальского археолога дона Хуана Гаваррете, одного из нотариусов церковного суда» [492, 42], получил из библиотеки университета Сан-Карлос города Гватемалы. В некотором смысле этот текст и не нуждался в «открывателе» [513, 683].

Можно считать чудом, что он вообще уцелел. Сам по себе текст представлял рукопись на языке киче, к которой прилагался перевод, сделанный около 1700 г. испанским монахом-доминиканцем отцом Франсиско Хименесом. Любопытно, что в Центральной Америке доминиканцы показали себя более терпимыми, нежели францисканцы; отец Хименес, в частности, возымел неподдельный интерес к местным преданиям и письменным текстам, которые он свел в несколько томов. Будучи приходским священником в деревне Санта-Томас-Чичикастенанго, он услышал о какой-то скрываемой индейцами священной книге. Со временем ему удалось заполучить ее, чтобы снять копию. Как оказалось, это была транскрипция латинскими буквами, сделанная, как полагал Хименес, по всей вероятности, вскоре после вторжения Педро де Альварадо в Гватемалу. Кроме того, текст, возможно, был не воспроизведен непосредственно, но восстановлен по памяти. В самой книге говорится, что она следует более древней, утерянной версии («зрелище ее скрыто от того, кто ищет и думает») [442, 80], т. е. подлинной «Пополь-Вух», «нарисованной» еще до испанского завоевания. Версия, выполненная алфавитным письмом, позднее тоже была утеряна, и уцелела только копия, снятая Хименесом.

Еще раньше, во время своего пребывания в Мехико, Брассёр видел часть «Пополь-Вух» в переводе Хименеса, которая была включена в свод сочинений авторов испанского периода. В своих «Письмах» 1851 г. Брассёр выражал сожаление по поводу того, что книга «Пополь-Вух», которая, как он знал, в своем полном виде была известна мексиканскому ученому Феликсу Кабрера в конце XVIII в., вероятнее всего, погибла. Замечание Брассёра как будто бы и насторожило австрийского путешественника Карла Шерцера из Вены, который решил заняться поисками этого сочинения. В 1854 г. след привел его в Гватемалу, где в университетской библиотеке он и обнаружил рукопись. Она была доставлена сюда в 1830 г. из монастыря в Чичикастенанго. Таким образом, Шерцер опередил Брассёра почти на год, но аббат все же мог претендовать на первенство благодаря отрывку, который он видел в Мехико. Как бы то ни было, только Брассёр в полной мере сознавал уникальность этой священной книги древних киче, майяязычного народа Гватемалы. Брассёр перевел книгу и вывез из города Гватемалы в ином случае обреченный там на гибель список Хименеса. В конце концов рукопись попала в чикагскую библиотеку Ньюберри.

«Пополь-Вух» («Книга народа»; название это дал книга Брассёр, причем иногда правомерность его оспаривается) является как бы национальным священным писанием, сходным с другими текстами такого рода, существующими у многих народов мира. В этом отношении книга эта близка «Нихонги»² японцев и даже «Пятикнижию», представляя собой пестрый калейдоскоп легенд, преданий о переселениях, фольклора, религиозных верований, теологии, молитв богам и истории. Она объединяет космогонию со сказаниями о культурных героях и подлинными анналами народа киче (до 1550 г. н. э.), проливая свет на многие аспекты доколумбовых цивилизаций Центральной Америки. Это важнейший первоисточник для изучения мифологии и пантеона как майя, так и мексиканцев. Книга делится на четыре части, первая из которых дает образное описание творения: «Не было еще ни человека, ни животного... Оно создавалось, как туман, как облако; как в воде вдруг являются огромные рыбы, так поднялись горы; большие горы выросли в один миг» [449, 82—83]. Сюда входят также описания циклически повторяющихся мировых катастроф и того, как боги экспериментируют над внешним обликом человека (в ходе одной из этих ранних

попыток сотворены обезьяны). В последующих разделах вводится хронология с упоминанием реальных исторических лиц и чужеземного правления тольтеков, пришедших с Мексиканского плато; летопись доведена до испанского завоевания. В дополнение к этому бесценному набору антропологических, религиозных и исторических фактов «Пополь-Вух» производит глубокое впечатление на современного человека четкостью своей религиозной концепции. Если принять во внимание время написания книги, становится весьма маловероятным, чтобы в нее могли проникнуть какие-нибудь разведки о самых незначительных христианских влияниях. Специалисты единодушны в мнении, что лексика, образность и идеология памятника являются чисто местными по своему происхождению. «Пополь-Вух» воскресил величественный облик американского индейца и навсегда заглушил невежественные толки о врожденной дикости обитателей Западного полушария. С этих пор стало возможным серьезное рассмотрение мифологии, общественных институтов и этических учений древних жителей Центральной Америки³.

Сильванус Г. Морли, известный американский исследователь майя и один из переводчиков полной английской версии священной книги киче (которая появилась только в 1950 г.), восхвалял «изящество языка и литературного стиля „Пополь-Вух“, возвышенность выражаемой им философии, богатство и многообразие представленных здесь же картин жизни». Столь высокий идейно-художественный уровень памятника, продолжает он, помогает нам глубже осознать «всю непомерность утрат, понесенных нами в результате почти полного уничтожения культурного наследия киче, вызванного испанским завоеванием» [482, 304]. Собственно говоря, обширная литература должна была существовать не только у киче, но и у всех других народов майя. И значительная ее часть могла пережить неистовство испанцев, но увы, для того, чтобы быть отправленной на свалку в последующие дни безразличия и нетерпимости. По иронии судьбы антиклерикализм XIX в. также пагубно сказался на том, что уцелело от религий аборигенов.

Некоторые испанские священники в Мексике и землях майя в свое время побуждали своих подопечных записывать древние предания и легенды на их собственных языках, используя латинский алфавит. Майя охотно шли навстречу этим требованиям, как бы следуя собственному глубоко укор-

ренившемуся побуждению вести хроникальные записи. Алфавитные тексты, создаваемые ими, вероятно, близко соответствовали по содержанию древним кодексам. Почти в каждом городе юкатанских майя теперь появилась своя книга «Чилам Балам» («жреца-ягуара») — своего рода хроника того же типа, что и «Пополь-Вух», перемешанная с религиозным и легендарным материалом и окруженная всеобщим почитанием. Некоторые из этих хроник были начаты непосредственно после конкисты, когда, как сказано в одной из них, иноземцы расхаживали тут и там, «напыщенные, словно индюки». Другая книга вспоминала о днях до прихода испанцев, когда «не было грабежа с насилием, не было алчности и человек не повергал собрата своего в лужу крови за счет бедного человека, за счет пищи всех и каждого». А потом «было начало выплаты дани, начало церковных поборов, начало борьбы с выхватыванием друг у друга кошелька, начало раздоров с применением ружей, начало борьбы, когда народ втапывали в землю, начало грабежа с насилием, начало долгов, навязанных ложным свидетельством, начало индивидуальных раздоров, начало неприятностей» [509, 134].

К несчастью, много книг «Чилам Балам» (некоторые из них в начале XX в. были переданы в публичную библиотеку города Мерида в Юкатане) сейчас считаются утерянными. Некоторые, говорят, оказались в Бостоне, где были проданы с аукциона [488, 242]. Джон Ллойд Стефенс приложил одну из них ко второму тому своих «Приключений во время путешествия в Юкатан» (1843). Несколько сочинений сходного содержания пропало во время революций, охвативших Центральную Америку и Мексику после освобождения от испанского правления в первой половине XIX в. Книга «Пополь-Вух», по счастью, сохранилась. Многие другие рукописи, не переданные в университетскую и церковные библиотеки гватемальской столицы, были уничтожены, но и материалам, хранившимся в городе Гватемала, пришлось туго. Во время пребывания здесь Брассёра о них сообщалось, что «они находятся в плачевном состоянии, до них нет никому дела; следует опасаться того, что лет через пятьдесят они погибнут окончательно» [513, 683]. Разве при других обстоятельствах Брассёру, заезжему иностранцу, разрешили бы вывезти рукопись книги «Пополь-Вух», которую гватемальцам следовало бы беречь как свое национальное сокровище?

В Гватемале Брассёр обнаружил и другие ценные тексты,

и среди них «Анналы какчикелей», или, как он их называл, «Хроника Тешпан-Атитлана». Они, очевидно, были составлены в колониальный период, но, как и «Пополь-Вух», содержат много данных и о более раннем времени. Они рассматривают в основном историю какчикелей, народа из семьи майя, тесно связанного с киче. Рассказ был начат членом правящей семьи Какч, один из потомков которого довел его до 1604 г. Кульминационным пунктом является описание вторжения испанцев и зверств Альварадо. «Анналы какчикелей» уступают по значению только книге «Пополь-Вух» [493, VII], с которой их содержание в какой-то степени совпадает. Если им недостает мифологического богатства и поэтической возвышенности этого сочинения, то зато они содержат больше исторической информации. И в отличие от «Пополь-Вух» ни одна часть этого сочинения не была ранее известна науке.

Брассёр узнал об этой книге от Хуана Гаваррете. Лет за десять до этого, в 1844 г., архиепископ города Гватемала Франсиско Гарсиа Пелаэс поручил Гаваррете привести в порядок архив монастыря Сан-Франциско. В ходе этой работы он и наткнулся на рукопись, состоящую из сорока восьми сложенных листов, написанную на местном языке испанским почерком приблизительно XVI в. Гаваррете давал документ для ознакомления нескольким лицам, но никто из них не смог сделать удовлетворительного перевода. Затем в 1855 г. Брассёр сам взялся за эту работу. По словам Гаваррете, Брассёр, «заполучив в свои руки упомянутый манускрипт, целиком посвятил себя его переводу, используя уже накопленное им знание мексиканского языка и первобытных преданий народов континента, а также прибегая к помощи древних словарей языков киче и какчикель... и успешно завершил работу по переводу текста с какчикель на французский...» [493, 7]. В 1873 г. Гаваррете издал испанский перевод, основывающийся на французской версии Брассёра. Подлинник Брассёр своим чередом присвоил «с той же легкостью, что и другие подобные документы» [493, 7]. После смерти Брассёра его приобрел у последующего владельца Даниель Дж. Бринтон, ученый из Северной Америки, который сделал первый английский перевод и подарил оригинал Пенсильванскому университету. Гватемальцы, похоже, с тех пор так и не задавались вопросом о законности вывоза из страны ни этой рукописи, ни книги «Пополь-Вух».

Брассёру удалось завоевать дружеское расположение архиепископа Гватемалы монсеньера Пелаэса, который сочувствовал его археологическим устремлениям и, возможно, своим авторитетом покрывал сомнительные приобретения собрата-клирика. Архиепископ назначил его своим доверенным лицом по духовным делам в приходе Рабиналь, значительной общине, существовавшей на территории, где говорили на языке киче. Никогда еще Брассёру не выпадало такого счастья. В Рабинале он более года провел среди чистокровных индейцев, говорил с ними только на киче и научился писать на их языке. В такой исключительно благоприятной обстановке он и работал над переводом новоприобретенных рукописей. Он наслаждался пейзажем этой благословенной долины, с ее банановыми плантациями, полями сахарного тростника и рощами благоуханных апельсиновых деревьев, под сенью которых скрывались курганы древних вождей. Над его приходом возвышалась церковь в мавританском стиле, «больше кафедрального собора» [445, I, XXVII], построенная доминиканскими миссионерами. Из Рабиналя он совершал вылазки в тропические дебри вдоль реки Усумасинта и обнаружил несколько разрушенных городов, скрытых джунглями.

Прежде чем вернуться в Европу, он сделал еще одну литературную находку, довольно необычную, так как она не была связана с какой-нибудь истлевающей рукописью. Этой находкой он обязан своей близости с индейцами. «Я завоевал их доверие, — писал он, — рассказывая им об их прошлом. Мало-помалу проявленный мною интерес побудил их рассказывать мне свои предания. Благодаря этому я услышал законченные истории об их царе Кикабе Чародее, о „карбункуле Черных гор“, о героических подвигах людей Рабиналя в войнах с покомами и князьями киче и, наконец, знаменитый „устный балет“ „Шахох-Тун“, который один из стариков в течение двенадцати дней диктовал мне с начала до конца на языке киче» [445, I, XXVIII]. «Балет» на самом деле оказался исторической драмой, восходящей, вероятно, к XII в.; с тех пор она передавалась из уст в уста, подобно гомеровским сказаниям у греков. Европейское влияние не сказывается на ней ни в малейшей степени. Если не считать перуанской драмы «Ольента», или «Ольентай» (древность которой сомнительна), а также одного-двух менее значительных текстов, это единственный образчик данного жанра, про-

исходящий из доколумбовой Америки. Текст, записанный Брассёром и озаглавленный им «Герой Рабиналя», является полным. Более того, восторг, охвативший Брассёра, так расстрогал индейцев, что они устроили для него специальное представление драмы в древних костюмах. Благодаря этому аббат смог зафиксировать сценические указания и сделать нотную запись сопровождающей музыки.

Обогадив свою коллекцию столь многими ценными прибавлениями, Брассёр в 1856 г. вернулся в Европу и приступил к работе над главным трудом всей своей жизни — «Историей цивилизованных народов Мексики и Центральной Америки в века, предшествующие Христофору Колумбу...» Четырехтомное сочинение начало выходить в 1856 г. и завершилось в 1859-м. Оно почти исключительно основывалось на подлинных туземных и испанских документах, касающихся периода до завоевания, многие из которых были собраны самим Брассёром. Возможно, никто до этого не располагал еще знаниями и материалами, достаточными для того, чтобы дать логически последовательное описание доколумбовой Америки. Мало кто, собственно говоря, вообще считал это дело осуществимым. Работа Брассёра была первой в своем роде и значительно расширила наши знания о Мексике до прихода Кортеса.

На этот раз компетентность Брассёра ни у кого уже не могла вызвать сомнения. Он благоразумно воздержался от проведения каких-либо сравнений между народами Старого и Нового Света. Работа, разумеется, имела и свои недостатки. Как и следовало ожидать, в библиографической части Брассёр был гораздо сильнее, чем в интерпретации. К тому же он так и не преодолел своей склонности рассматривать мифологические сведения как прямое отражение действительных событий. Х. Х. Бэнкрофт, американский историк, которому годы спустя пришлось заниматься почти теми же проблемами, отмечал, что Брассёр «не усомнится ни в чем и все превращает в исторический факт» [518, I, 171]. В этом отношении он походил на Генриха Шлимана. Но Шлиман работал в более узкой и не столь чреватой опасностями области, причем конкретные результаты исследований препятствовали развитию его наивных мотивировок и интерпретаций.

В добавление к своей «Истории» Брассёр в промежутке между 1861 и 1864 гг. издал очень ценную серию «Собрание 595.

документов на индейских языках, служащих для изучения истории и филологии древней Америки». Повсеместно библиотеки и институты почитали за честь принимать его у себя, а французское правительство содействовало ему в его исследованиях. Испанские архивисты, известные ревностью, с которой они охраняли то, чем владели, пригласили его ознакомиться с их фондами. И все же, что вполне естественно, именно на американской земле продолжал Брассёр искать ответы на загадки центральноамериканской цивилизации. После первого посещения Мексики его исследования все более и более концентрировались на древнем народе, жившем за перешейком Теуантепек, в основном в штатах Юкатан и Чиapas в Мексике и районе Петен в Северной Гватемале. Стефенс и Катервуд посетили там около сорока четырех разрушенных городов-храмов, многие из которых были заброшены задолго до прихода испанцев. В то время термин «майя» относился не ко всем народам, обитавшим на этой огромной территории, но лишь к одному из многих говоривших на родственных языках племен. По существу, это название, так же как и понятие всеобъемлющей цивилизации майя, не было известно ни Гумбольдту, ни Прескотту. Брассёр один из первых указал на родство центральноамериканских народов и определил их отличие от народов Мексиканского плато на севере. Это сделало его «настоящим основателем изучения майя» [468] как отдельной дисциплины. Большое впечатление произвело на него сходство между странными иероглифами, используемыми в «Дрезденском кодексе» (единственном в этом роде, известном до 1859 г.), и надписями на лестницах, оконных переплетах, фресках, стелах и вазах в заброшенных городах Центральной Америки. Еще ранее он какое-то время верил в то, что ими представлены не только пиктограммы, но и фонетическое письмо [449, 81]. Теперь же, обнаружив подлинные остатки литературы этой древней расы, он с неизбежностью вновь предался своей заветной мечте о том, чтобы стать Шампольоном Америк, увещивать звучание заглушенных голосов Паленке и Копана.

В 1859 и 1860 гг. Брассёр вновь скитался по тропическим землям Центральной Америки, посещал руины и открывал новые редкие рукописи колониальных времен. Он был зачарован иероглифическими надписями, значение которых все еще ускользало от всех исследователей. Через три года, в 1863 г. он был в Мадриде, где наилучшим образом исполь-

зовал предоставленную ему возможность знакомиться с библиотечными собраниями и рыться в документах, которые никто не брал в руки на протяжении столетий. Однажды, листая с обычным библиографическим интересом манускрипты, хранящиеся в библиотеке Королевской Академии истории, он наткнулся на рукопись XVI в., написанную Диэго де Ланда, бывшим епископом Юкатана. Сегодня для каждого хотя бы в малейшей степени знакомого с изучением майя имя Ланда звучит магически, хотя и с некоторым диссонансом. Открытие Брассёром «Сообщения о делах в Юкатане» Ланда по значимости сравнимо с находкой Розеттского камня, и сходство, как мы еще увидим, является отнюдь не только внешним.

Кто же такой Диэго де Ланда, стяжавший посмертно столь громкую славу как *historiador primordial* — «первоначальный историк» Юкатана? [510, 44].

В 1549 г., приблизительно через восемь лет после того, как Монтехо-младший (Монтехо II) сумел в конце концов покорить большую часть территории Юкатана и основал постоянное поселение в Мериде, на побережье высадились с корабля группа францисканских монахов. В их числе был молодой человек лет двадцати пяти, благородного происхождения, по имени Диэго де Ланда, который вступил в орден францисканцев в Толедо в шестнадцать лет. В Юкатане он вошел в монастырь Исамала как простой монах.

Францисканцы уже в то время были в новой стране значительной силой, постоянно враждовавшей с испанскими губернаторами и колонистами, которые конфисковали земли свободных индейцев и превращали их фактически в связанных кабальными договорами крепостных. Францисканцы проводили свою, почти столь же жестокую политику. Смысл ее заключался, по словам одного современника, в превращении всей страны в один большой монастырь [469, 5]. Для этого индейцев отрывали от родной почвы, деревни обрекались запустению, а их обитатели становились челядью, обслуживавшей монахов в их монастырских поместьях. Монахи и миряне, принимая вид «защитников» индейцев, обвиняли друг друга в бесчеловечности по отношению к индейцам, причем и те и другие, несомненно, имели достаточно оснований для этого. При этих условиях, в обстановке таких конфликтов человек масштаба молодого Ланда непременно должен был выдвинуться. Благодаря то ли своим способ-

ностям, то ли фанатическому усердию, то ли сочетанию обоих качеств Ланда быстро поднимался по ступеням орденской иерархии. Через двенадцать лет он был уже главою ордена в Юкатане.

«Табличка рабов» — покрытая иероглифами плита из Паленке.
Перерисовка Мигеля Коваррубиаса

Он был одержим одним всепоглощающим стремлением — искоренить все остатки языческих обрядов и религии. По его инициативе местные храмы и идолы безжалостно уничтожались, а сопротивлявшихся крещению или обращенных, но повторно впавших в язычество жестоко наказывали. Рвение

Ланда было выковано в жарком пламени испанской инквизиции, и он выжигал идолопоклонство огнем христианского ада. Критическим моментом его карьеры стал знаменитый инцидент в Мани, где в одной из близлежащих пещер кто-то обнаружил недвусмысленные свидетельства языческого культа и жертвоприношения. Ланда ответил на это массовыми заключениями в тюрьму местной знати и тысячи индейцев, включая женщин, подверг пытке. Несколько человек скончалось в то время, когда мучители пытались заставить их признаться в приписываемых им грехах; другие были искалечены на всю жизнь. Наконец, 12 июля 1562 г. он устроил в Мани аутодафе, на котором были сожжены придерживавшиеся старой веры майя вместе с примерно пятью тысячами идолов и бесценными индейскими рисуночными книгами, которые были старательно собраны инквизиторами. Об этих книгах сам Ланда писал: «Эти люди употребляли также определенные знаки или буквы, которыми они записывали в своих книгах свои древние дела и свои науки. По ним, по фигурам и некоторым знакам в фигурах они узнавали свои дела, сообщали их и обучали. Мы нашли у них большое количество книг этими буквами, и, так как в них не было ничего, в чем не имелось бы суеверий и лжи демона, мы их все сожгли; это их удивительно огорчило и причинило им страдания» [482, 295].

Мы теперь рассматриваем сожжение Ланда книг как великую катастрофу в истории культуры майя. Утверждают, что если бы не его костер, то знание письменности майя, а также их литературы, истории и науки (все это, полагают, было отражено в свитках) передавалось бы вплоть до наших дней. Это, вероятно, преувеличение, поскольку Ланда бросил в огонь лишь двадцать семь кодексов. К тому же известно, что даже в 1697 г. собрание рукописей на языке майя все еще существовало у изолированного племени ица, удалившегося на Тайесаль, остров на озере Петен в Северной Гватемале. Эти люди, говорят, еще умели читать и писать древним письмом.

Тем не менее фанатизм Ланда был причиной одного из варварских актов разрушения и вполне мог послужить дурным примером для других. Некоторые религиозные лидеры времен Ланда порицали его нетерпимое усердие. Хосе де Акоста, написавший в 1590 г. историю Индий, заявил, что после сожжения книг в Мани «худо пришлось не только ин-

дейцам, но и многим любознательным испанцам, желающим проникнуть в тайны этой страны... Это было следствием глупого рвения...» [510, 77]. Кроме того, Франциско Тораль, епископ Юкатана, отсутствовавший тогда, когда производились жестокости в Мани, решительно осуждал действия Ланда. По возвращении из Мехико в свою епархию он выпустил на волю всех заключенных, взятых Ланда во время его «крестового похода», и приказал провести тщательное расследование. Убедившись в несправедливостях Ланда и в незаконном превышении им полномочий, епископ передал дело на рассмотрение Совета по делам Индий в Испании. В письме королю он писал о Ланда и его сподвижниках-францисканцах как о людях «скудных знаний и еще меньшего милосердия».

Ланда пришлось поехать в Испанию, где Совет предъявил ему обвинения и взял его под стражу. Несколько лет спустя, впрочем, дело было решено в его пользу на том основании, что в соответствии с папской буллой 1535 г. он имел полное право принять на себя судебную власть в отсутствие своего епископа. Это было триумфом для Ланда. Он был не только полностью реабилитирован, но и послан назад в Новый Свет в 1573 г. в качестве епископа Юкатана.

Нового епископа, по-видимому, не смутил его прежний опыт: он продолжал политику репрессий. Индейцы неоднократно обращались через его голову к правительству Новой Испании, но толку от этого было мало. Некоторое облегчение пришло только со смертью Ланда в 1579 г. Исследователи истории испанских колоний до сих пор спорят о том, был ли он патологическим фанатиком или же преданным воином Христа и искренним другом индейцев. Отдавая дань софистике, они обычно сходятся на золотой середине: в нем было понемногу и того и другого.

Современные американисты сталкиваются с тем парадоксом, что жестокий и фанатичный губитель майя, их идолов и книг является одновременно основным нашим информатором об исчезнувшей цивилизации майя во всех ее аспектах. Такая двойственность роли Ланда, возможно, не имеет прецедентов в истории. В сравнении с ним Юлий Цезарь, палач галлов, был всего лишь заурядным регистратором быта и нравов своих заальпийских жертв.

На самом деле в двойной роли Ланда нет никакого противоречия. Можно практически не сомневаться в том, что

он написал свое «Сообщение» в 1566 г. в Испании, готовя материалы для своей защиты. Мог ли он найти лучший способ для оправдания своих жестоких методов в искоренении идолопоклонства? Даже не прибегая к юридическим тонкостям, он мог наиболее эффективно укрепить свое положение, дав беспристрастное описание «отвратительных» обычаев и ритуалов индейцев. Факты должны были говорить сами за себя. Кто после этого сможет сомневаться, что он вел священную борьбу против самого дьявола и его упрямых учеников?!

Задавшись этой целью, Ланда написал почти настоящий трактат по социальной и культурной антропологии. Подобно искушенному современному исследователю, он черпал материал из непосредственных наблюдений и личного опроса жителей Юкатана. Основными его информаторами были представители индейской знати, такие, например, как На Чи Кокком, кости которого Ланда позднее выкопал и разбросал на основании простого подозрения, что он мог остаться верным вере своих отцов. По всей вероятности, Ланда никогда не написал бы «Сообщение», если бы в Испании ему не представилась бы необходимость и вынужденный досуг для этого. Таким образом, эта работа по иронии судьбы явилась прямым следствием его жестокостей в Мани и вмешательства епископа Торалья.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ слова Джорджа Бернарда Шоу, можно сказать, что дорога в царство знаний бывает подчас вымощена дурными намерениями и чем угодно, но не благопристойной рассудительностью. Как ни старался Ланда уничтожить индейскую культуру, он, сжигатель книг и инквизитор, стал ее хранителем. Его «Сообщение», дошедшее до нас в позднем и неполном списке, является недосыгаемо совершенным образцом описаний древнего Юкатана, восходящих к колониальной эпохе, образцом, достойным стоять наравне с трудом Саагуна о долине Мехико. Как и последний, книга Ланда необычайно богата конкретными сведениями о фольклоре, религии, обрядах и церемониях, истории, обычаях и повседневной жизни. Именно чтение книги Ланда навело Э. Х. Томпсона на мысль обследовать дно «сенота» (священного колодца) в Чичен-Ица в поисках брошенных туда по обету сокровищ. Ланда не оставляет никаких сомнений в том, что те самые индейцы, души которых он так усердно пытался спасти, и были строителями прекрасных городов, в 601

его время уже поглощенных джунглями. Только благодаря Ланда нам удалось получить представление об исторических событиях в Юкатане, последовавших за крушением древней империи (около 900 г. н. э.).

Со времени открытия «Сообщения» вышло около восьми⁴ его изданий на различных языках. Высказывались утверждения, что почти всеми нашими знаниями о майя мы обязаны в конце концов находке, сделанной Брассёром в Мадриде [469, 3]. «Сообщение» стало первоисточником для всякого серьезного исследования о майя.

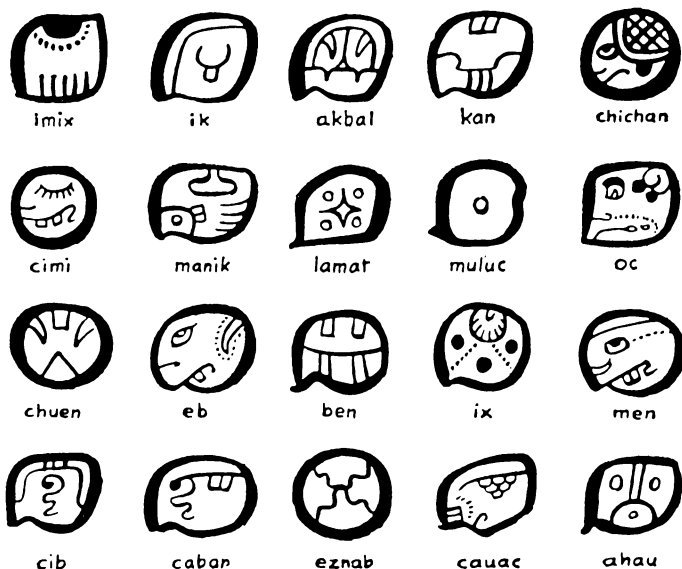
В качестве ключа к текстам майя «Сообщение» может быть полезным лишь отчасти. Ланда, конечно, уделил много внимания письму аборигенов, но его пояснения не слишком ясны и вразумительны и вызвали столько же предположений относительно того, что он мог иметь в виду, как сами иероглифы. Ланда приводит полный список двадцати девяти знаков того, что он называет алфавитом, с соответствующими испанскими фонетическими эквивалентами. До сих пор так и не решено, собирался ли он таким образом дать европейскую фонетическую запись языка майя, или же его ввели в заблуждение его индейские информаторы. Один ученый прямо заявил, что список алфавитных букв был «испанской фальшивкой» [516, 59—91]. Несмотря на всю неясность выражений Ланда, можно все же понять, что он как будто бы был убежден в том, что индейцы умели передавать элементы слов в фонетической записи, хотя мы и не знаем, насколько это было распространено. Эта неопределенность делает алфавит Ланда почти полностью бесполезным. Обсуждение истинного характера этой письменности продолжается по сей день. Время от времени делаются самоуверенные заявления об окончательном решении вопроса, и уже несколько самозванных Шампольонов утверждали, что письмо является чисто фонетическим. На это обычно возражают, что если бы дело обстояло так, то вряд ли письмо, служащее средством выражения хорошо известного науке языка, в течение столь долгого времени оставалось бы недешифрованным. Все говорит скорее о том, что это письмо представляет собой вероятнее смесь идеографических и фонетических элементов, содержащую также в виде пережитка пиктограммы и еще более усложненную использованием детерминативов.

И тем не менее благодаря Ланда мы теперь можем читать около трети всех иероглифов. Сознвая ту центральную

роль, которую играли календарь и астрономические расчеты в религиозной и светской жизни майя, Ланда уделил много внимания этой теме, хотя он и не отдавал себе полного отчета во всей ее сложности. Он с большой тщательностью зарисовал символы, обозначающие дни и месяцы священного (260-дневного) календаря («цол-кин»), и благодаря отчасти и его усилиям каждая из этих идеограмм, идентифицированная с отдельными божествами, сейчас может быть прочитана. Путем хитроумных логических построений многие ученые из различных стран пришли к разработке исходных положений для полной дешифровки всех символов, связанных с календарем. Сам Брассёр первым распутал систему точек и линий, используемую в математических записях. После этого стало возможным опознать соответствующие пиктографические символы. Решающий шаг сделал Эрнст Фёрстерман, библиотекарь из Дрездена, когда, основываясь на данных «Дрезденского кодекса», он проник в тайны счисления времени у майя и повторяющихся циклов, в том числе цикла планеты Венера. Независимо от него Дж. Т. Гудман, известный тем, что некогда под началом у него в «Вирджиния Сити Энтерпрайз» служил Марк Твен, разработал принципы хронологического датирования у майя (особенно «начальных серий», называемых так потому, что они встречаются в началах надписей) по репродукциям изображений на стелах, а также других памятниках и предметах.

Наконец-то миру стало открываться, что майя довели до высокой степени совершенства астрономию, в особенности наблюдения за планетами. Например, они определили продолжительность солнечного года с большей точностью, чем создатели григорианского календаря, введенного в Испании уже после смерти Ланда. В знании движения небесных тел они превзошли обитателей древнего Ближнего Востока. В рамках своей хронологической системы они могли фиксировать точные даты в пределах 374 400 лет. Помимо «года Венеры», которому придавалось особое религиозное значение, майя изобрели четыре другие календарные системы. Они использовались параллельно и могли быть согласованы. Откровения такого рода побудили ученых отнестись с еще большим уважением к научным возможностям этого древнего народа. Еще важнее то, что современный человек получил теперь представление о философии майя, связанной с астрологией и предсказаниями, а также — буквально до 603

одержимости — с понятием времени — оков, которые оно налагает на человека, его циклической природы и безграничности. Если большинство образованных европейцев верило, что мир существует не более пяти тысяч лет, майя имели представление о периодах времени в масштабах сотен миллионов лет; однако почтительное отношение к времени

Иероглифы майя для обозначения двадцати дней
их восемнадцатимесячного года

не превращалось для них в тиранию времени. Прошлые и будущее были в известном смысле неотличимы друг от друга. Этот мир погибнет, но затем все начнется сначала

Как бы ни были точны даты майя, для того чтобы они приобрели смысл, их нужно было увязать с григорианским календарем — проблема, которая решается только сейчас. Было установлено соответствие между датами майя и сведениями о доколумбовых событиях, приводимыми Ланда; на этой основе ученые смогли наметить основные периоды истории майя: расцвет городов, приход тольтекских завоевателей, наконец, закат и падение древней империи, т. е. цивилизации классической эпохи.

По мере того как прочитывались даты на различных произведениях искусства, временные горизонты цивилизации Средней Америки раздвигались все шире. Знаменитая нефритовая Лейденская таблица, найденная в 1864 г. в Гватемале, в Пуэрто-Барриосе на Атлантическом побережье, но, возможно, происходящая из Тикаля, содержит дату майя, соответствующую 320 г. н. э. Затем в городе-близнеце Тикаля, Вашактуне, также в низинах Петена, в Северной Гватемале, где классическая цивилизация майя достигла апогея, Сильванус Г. Морли, ведущий американский специалист, нашел в 1916 г. стелу (стела 9), на которой имелась дата, считавшаяся в течение долгого времени древнейшей датой на памятниках майя и, по подсчетам, обозначающая 9 апреля 328 г. После 1958 г., когда Университетский музей Филадельфии организовал крупную экспедицию в Тикаль, были получены еще более ранние даты.

Ключ к хронологии майя, представленный книгой Ланда, в конце концов способствовал расширению наших знаний и в других областях, так же как ассирийские архивы помогли открытию забытых шумеров. Была, например, странная статуэтка из Тушты — крошечная нефритовая фигурка с утиным носом, забавным образом напоминающая китайского мудреца, — некоторые из знаков в надписи на ней мы теперь в состоянии прочесть. На статуэтке имеется дата, которая по общепринятой системе пересчета Гудмана — [Мартинеса] Эрнандеса-Томпсона (GMT) определяется как 162 г. н. э., т. е. она более чем на полтора столетия древнее даты на Лейденской таблице. Более того, она происходит не с традиционной территории майя, а из района Веракрус, далеко на северо-западе. Позднее древность этой даты была превзойдена датой на разбитой каменной плите, обнаруженной в Трес Сапотес, городище культуры Ла Вента, в низинах, тянувшихся вдоль Мексиканского залива, также вне территории майя. Эта дата — 31 г. н. э. — превозносится теперь как древнейшая из зафиксированных в Америке (впрочем, еще более древние даты выявлены как будто в ходе раскопок 1960-х годов в Чьяпа де Чорсо, в Центральном Чьяпасе).

Находка в Ла Венте прямо указывала на то, что хронология майя значительно ранее использовалась другим народом, таинственной расой, которую теперь обычно называют ольмеками, или «каучуковыми людьми». Может быть, они были культурными новаторами Центральной Америки, шу-

мерами Нового Света? Не они ли создали письмо, которое затем майя высекли на своих памятниках по всему полуострову Юкатан? Были ли у них тоже книги? Не помогут ли нам ольмеки когда-нибудь разрешить загадку письменности «майя»? Или ольмеки, в свою очередь, как и сапотеки, то-тонаки (тахин), строители Теотиуакана и сами майя, являются преемниками еще какого-то, неизвестного нам народа, который завещал свое наследие всей Средней Америке? Ответить на это могут только будущие археологические раскопки. Но можно не сомневаться в том, что, каково бы ни было их происхождение, эти культуры Нового Света обрели высшее творческое выражение в цивилизации майя.

До сих пор мы рассматривали некоторые результаты находки Брассёром сочинения Ланда. Но настало время вернуться к самому аббату, который полностью понимал значение своей счастливой находки в Мадриде. Впрочем, по своему обыкновению, он вычитал в ней много больше, чем позволяли факты. Его издание книги носило громоздкий подзаголовок: «Не существует ли источников древней истории Мексики в египетских памятниках, а древней истории Старого Света в памятниках американских?». Что касается «алфавита Ланда», то Брассёр ни на минуту не усомнился в том, что он представлял собой алфавит в полном смысле слова. В предисловии к своему изданию (к сожалению, еще более сокращенному в сравнении с оригиналом), содержащему также французский перевод, Брассёр категорически заявлял, что алфавит Ланда является ключом к надписям.

Теперь к деятельности аббата заслуженно начали относиться с большим вниманием. В 1864 г., после опубликования книги Ланда, он был признан ведущим американистом Франции. Его ввели в состав Мексиканской научной комиссии, которую Наполеон III, «маленький», стремясь затмить столь же злополучное предприятие своего дяди в Египте, вызвал из небытия на роль некоей культурной аналогии своей политической авантюре. В Мексике при недолговечном правлении Максимилиана Брассёру предложили пост генерального директора музеев и библиотек и министра народного образования, но он благоразумно отказался. Еще со времени революций 1848 г. у него развилась здоровая привычка избегать политической арены — и, разумеется, то, что назревало в Мексике, отнюдь не было незначительным конфликтом. Однако он путешествовал по Мексике от имени

этой комиссии и издал работу о древних памятниках страны, иллюстрированную графом де Вальдек, все еще энергичным, хотя и приближающимся к столетнему возрасту. Как всегда, больше всего его занимали иероглифы, которые он мечтал научиться читать. С этой целью он вновь посетил руины Паленке: где-то здесь, в надписях на украшенных скульптурой храмах, должна была таиться разгадка. Снова и снова изучал он надписи на стенах, предпринимал неоднократно попытки их чтения, но безрезультатно. И все же он не падал духом.

Хотя он и не добился своего в Юкатане, но по иронии судьбы, вернувшись в Мехико и не рассчитывая конкретно что-нибудь найти, он все же, почти неумышленно, сделал существенный вклад в наши знания о майя. Роясь в лавке букиниста, он обнаружил старый манускрипт колониального периода, который и приобрел за 4 песо. Манускрипт оказался единственным уцелевшим списком майя-испанского словаря, составленного монахом-францисканцем около 1580 г. Известный теперь преимущественно как «Словарь из Мотуля» (в память о юкатанском монастыре, месте своего написания), он стал незаменимым пособием для изучения майя и высоко ценимой собственностью библиотеки Джона Картера Брауна в Провиденсе, Род Айленд. Современный исследователь майя Дж. Эрик С. Томпсон назвал его «кладом информации о языке юкатанских майя, об их нравах и обычаях», сохранение которого «является едва ли не чудом». В автобиографии (1963) Томпсон, которому удалось дешифровать некоторые некалендарные символы в надписях майя, сообщает, что, «пытаясь сопоставлять иероглифы со словами языка майя», он «постоянно пользовался имевшимся у него экземпляром этого словаря» [500, 18].

Возвращаясь из Мексики Максимилиана в 1865 г., Брассёр отплыл в Кадис, а затем отправился в Мадрид. Там он посетил библиотеку Королевской Академии истории, прежде явившуюся местом его величайшего триумфа. После беседы с другом, причастным к делам этого учреждения, он напал на след любопытной рукописи, принадлежавшей мадридскому профессору и палеографу Хуану де Тро-и-Ортолану. Брассёр получил разрешение исследовать реликвию. Первый же взгляд на рукопись принес осуществление самых несбыточных надежд: она была написана теми же «галькообразными» фигурками («калькулиформными», от слова «галь-

ка», как изысканно окрестил Брассёр экзотическое письмо майя), что и надписи на руинах Центральной Америки, где он только что побывал, и сделанные Ланда зарисовки письменных знаков и календарных символов майя. Ученый мир не имел ни малейшего представления о существовании этой рукописи. Ей необходимо было срочно дать какое-нибудь название, и Брассёр еще раз блеснул своим талантом в изобретении всевозможных имен: он назвал ее «Кодексом Троано», произведя стяжение сложного иберийского имени владельца. Затем он приступил к дешифровке. Он верил, что перед ним вот-вот откроется то, что он тщетно искал в Америке.

Он опознал, как ему казалось, изложение хода одной религиозной церемонии, ранее описанной Ланда, и увлекся идеей о том, что рукопись содержит нечто вроде земледельческого календаря. И все же в течение двух лет ему не удавалось вычитать в рукописи сколько-нибудь связного текста. Временами он начинал сомневаться, являются ли эти символы подлинно фонетическими и имеют ли они вообще отношение к языку майя. Но «исключительно путем упорного труда, всевозможных поисков и сопоставлений», как он писал, ему удалось наконец обрести озарение. Глубже и глубже проникал он в тайны диковинных письмен, и вот постепенно перед ним начали вырисовываться слова, а затем и целые предложения. Все сомнения исчезли. Он мог читать текст от начала до конца. По его собственному признанию, одной из причин успеха было то, что он «заранее имел представление о возможном содержании рукописи». Он был «твердо убежден на основании чтения мексиканских текстов и документов, опубликованных лордом Кингсборо, что она должна описывать катаклизм, оторвавший Старый Свет от Нового... Короче говоря, повествование о катастрофе, подобное переданному нам Платоном рассказу о гибели Атлантиды» [446, 223]. Что касается способа чтения, то он не сомневался, что символы нужно читать снизу вверх и справа налево.

В 1869 г. аббат явил миру плоды своих долгих трудов. Издание двух громадных томов, содержавшее помимо прочего цветные факсимиле «Рукописи Троано», щедро субсидировалось французским императорским правительством. Это были первые выпуски запланированной серии о «Научной миссии в Мексике и Центральной Америке». Работа содержала полный текст мадридского кодекса на более или

менее безупречном французском языке, но для любого читателя, кроме самого Брассёра, он все же звучал абракадаброй. Достаточно взглянуть лишь на первые строчки перевода, который был самим Брассёром охарактеризован как «вольный»:

Земля серповидной водной страны была поглощена водами, раздувшимися, как если бы они были подобны лягушке. В тот миг, когда вулканический взрыв уже был готов потрясти ее, они поднялись с ней вровень. Их след — это то, что они нагромодили под сморщенной поверхностью вздыбленных земель; движение их — это лава впереди, льдистая поверхность поднявшейся земли; их след — это лава, толкающая обманчивую поверхность чаши поднявшихся земель [446, 156].

Описание подобных земных и океанических сдвигов и хаоса подтверждало, как полагал Брассёр, его необычные теории. «Мне нечего больше желать, — заявлял он. — Несмотря на многочисленные варианты каждого знака, мне теперь подвластны все рукописи; тот же ключ, который помог мне прочесть „Рукопись Троано“, подошел и к „Дрезденской рукописи“, и к „Мексиканской рукописи № 2“ Императорской библиотеки, а также к надписям Паленке и монолитам Копана» [474, 47]. Затем аббат выступил с утверждением, что если бы испанцы не уничтожили древние рисуночные хроники, ошибочно считая, что они имеют отношение к языческим церемониям, то сейчас мы бы детально знали геологические преобразования и историю человека допотопного мира. К счастью, этих текстов уцелело достаточно для того, чтобы он смог выявить истину. Темой «Кодекса Троано» был грандиозный катаклизм, имевший решающее значение как для Старого, так и для Нового Света. Здесь, продолжал аббат, «вы найдете полностью всю историю поднятия гор и погружения древней суши» [474, 49].

С этих пор развитие Брассёром следствий своего революционного эпиграфического открытия приобрело масштабы гротеска. «Четыре письма о Мексике», том ин-октаво в чetyреста шестьдесят три страницы, вышедший еще до завершения роскошного издания «Рукописи Троано», должны были дать, как гласил подзаголовок, «исчерпывающее объяснение иероглифической системы Мексики конца каменного века, промежуточного ледникового периода, начала века бронзы, 609

происхождения цивилизаций и религий древности по данным Тео-амоштли (утраченное священное писание тольтеков, которое Брассёр отождествил к этому времени с „Пополь-Вух“) и других мексиканских документов».

Было бы жестоко подробнее рассматривать здесь домыслы Брассёра, вобравшие в себя всю «загадочную историю, запечатленную на допотопных дворцах Паленке» [474, 47], и выводившие древнейшее человеческое общество с Больших Антильских островов. Возведя над катаклизмическими фантазиями, для которых иероглифы майя служили не более чем предлогом, историческую надстройку, он тотчас погубил свою репутацию. Он, впрочем, продолжал отстаивать свои теории, хотя в 1871 г., в примечании к одной работе, и признал ошибку, допущенную им при дешифровке «Рукописи Троано», которую надлежало читать слева направо, а не справа налево. В конце концов он стал похож на старого актера, который еще дочитывает монолог, в то время как последний зритель ушел из зала и огни рампы потухли. Последние годы были для него омрачены горьким разочарованием, которое он испытал, когда в 1872 г. Коллеж де Франс отказался предоставить ему кафедру американской филологии и археологии. Он начал распродавать свою библиотеку и вскоре после этого, в январе 1874 г., умер в Ницце — еще одна трагическая фигура в истории возрождения древнеамериканских цивилизаций.

Со времени смерти аббата наш фонд литературы майя пополнился незначительно. Был обнаружен всего лишь один фрагмент из кодекса майя⁵. Пятнадцать лет спустя после открытия «Кодекса Троано» он поступил в Мадрид от частного владельца из Эстремадуры. Рукопись была сначала названа «Кодексом Кортеса», поскольку предполагали, что она некогда принадлежала самому конкистадору, хотя конкретных подтверждений этому и не было. Фотографии ее были показаны парижскому филологу Леону де Рони, который и опознал в ней часть «Рукописи Троано». Первоначальная рукопись была аккуратно разрезана на две части, которые легко могли быть сложены вместе, несмотря на некоторые повреждения. Содержание ее составляют как будто в основном ритуалы, новогодние, земледельческие и охотничьи обряды. Леон де Рони опубликовал литографированное издание этого фрагмента. Кстати, именно отец Леона де Рони, также выдающийся филолог, в 1859 или 1860 г. нашел в груде за-

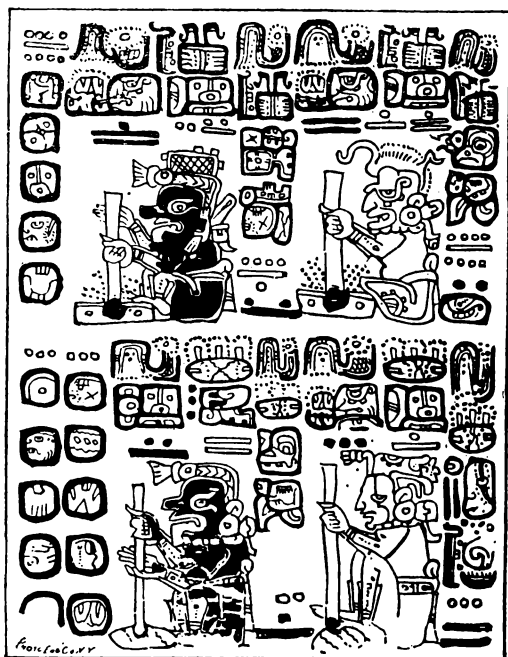
бытых бумаг в подвале парижской Национальной библиотеки третьей из существующих (помимо Дрезденского и Мадридского) кодексов майя. На обертке рукописи было нацарапано имя «Перес», отсюда ее общепринятое латинизированное обозначение: «Кодекс Пересианус». Рукопись сохранилась хуже двух остальных. Большие части «Кодекса Пересианус», или «Парижского», отсутствовали, а его известковая грунтовка в значительной степени осыпалась.

Несмотря на все пополнения XIX в., наш фонд рукописного наследия майя ничтожно мал, а шансы на то, что будут сделаны новые находки, весьма невелики. Тем не менее исчерпаны еще не все возможности. Не кто иной, как Ланда, и на этот раз предлагает нам интересное направление поисков. В своем «Сообщении» он пишет об обычае майя хоронить вождя с «идолами, а если это был жрец — то с несколькими книгами» [510, 130]. Нельзя не доверять свидетельству Ланда, даже если до сих пор не обнаружилось ничего, что подтверждало бы его наблюдение. И хотя археологи в общем скептически относятся к тому, что какой-либо текст мог перенести века погребения во влажном тропическом климате Центральной Америки, некоторые надежды все же вселяет тот факт, что в ряде случаев из погребений извлекались остатки бумаги с уцелевшими на них крашеными чешуйками извести [510, 130]. Сохранились они слишком плохо, чтобы можно было сличить их с какой-либо книгой или другим письменным текстом. И все же может случиться так, что необычайное стечение обстоятельств приведет в один прекрасный день к повторению где-нибудь в стране майя чуда свитков Мертвого моря, обогатив наши знания об этой исчезнувшей цивилизации.

Имеющиеся в нашем распоряжении доколумбовы рукописи майя характеризуются почти наверняка календарной, астролого-астрономической и гадательно-ритуальной тематикой. Хотя они и отражают в известной степени особенности мировоззрения майя, круг их содержания очень ограничен, что само по себе послужило серьезным препятствием для успешной дешифровки письма. Собственно история, составлявшая, по замечанию Ланда, основную тему книг майя, в имеющихся текстах как будто не нашла отражения. Так по крайней мере довольно долго полагали специалисты. Они единодушно утверждали, что, даже если мы когда-нибудь и сможем прочесть тексты трех кодексов майя, а также про-

странные надписи на ступенях ритуальных сооружений Копана и стенах Паленке, это вряд ли принесет нам много новых данных.

И вдруг в 1961 г. Татьяна Проскуракова [489, 14—21], чьей специальностью является искусство майя, а также гра-

«Страница» с иероглифами из «Кодекса Троано»

фические реконструкции зданий и других архитектурных сооружений майя, объявила о сделанном ею поразительном открытии. Изучение скульптурных мотивов на монументах майя, особенно в Пьедрас-Неграс, навело ее на мысль о связи между изображением и сопровождающими его надписями. Там, где до этого все видели только образы божеств и религиозные символы, она обнаружила прямые указания на подлинных исторических правителей и их династии. Как заметил в своем предварительном резюме ведущий современ-

ный специалист в области эпиграфики майя Эрик С. Томпсон, несколько лет назад никому не пришло бы в голову, что мы когда-нибудь сможем получить такие уникальные сведения.

Пока что мы еще не можем по достоинству оценить все открывающиеся на этом пути возможности. Однако, для того чтобы получить неожиданно новые сведения о древнеамериканской истории, нам стоит вновь обратиться к немайя-язычным рукописям Мексики.

•

XXV

Изгнанный дьявол. От Зелии Наттол до Альфонсо Касо

Но какой жрец, какой пророк объяснит слова книг?..

Книга «Чилам Балам» из Чумайеля

Если майя и ацтеки известны нам сегодня достаточно хорошо, это отнюдь не значит, что они были единственными значительными народами доколумбовой Центральной Америки. Достижения майя постепенно утрачивают ореол исключительности и рассматриваются теперь в более широком контексте всего региона. Ацтеки тем выдающимся местом, которое отведено им в представлении широкой публики, обязаны скорее тому, что их расцвет совпал во времени с нашествием Кортеса, чем какому-либо своему особенно выдающемуся свершению. По существу, к 1519 г. они едва вышли из первобытного состояния, а их политическое господство охватывало лишь период жизни нескольких поколений до прихода испанцев. Тонким налетом цивилизации они почти исключительно обязаны другим народам, особенно своим родичам и соседям, также говорившим на языке науатль, и своим предшественникам в роли правителей Центральной Мексики — тольтекам и чичимекам. Большая часть предметов «ацтекского» искусства и ремесла, возможно, была оптом импортирована. Современные археологи недавно начали подозревать, что обслуживавшими ацтеков искусными ремесленниками были миштеки («люди облака») [462, 326—327] — талантливый народ, населявший в то время территории современных штатов Пуэбла, Герреро и Оахака на юге Мексики.

Почти все кодексы доколумбовой эпохи принадлежат если не майя, то миштекам. Однако откуда мы знаем, что рукописи являются миштекскими, если установить их действительный источник невозможно? Ведь они, само собой разумеется, не имеют колофонов. Но, как и в случае с майя, особенности стиля рисуночных книг и их орнаментики находят ближайшие параллели во фресках, росписях алтарей, полихромной керамике и в других видах декоративного искусства. Археологические исследования последних лет позволили установить источники рукописей со значительной точностью.

Изображения животных из миштекских рукописей

Миштеки были непревзойденными художниками-графиками, составлявшими полурисованные хроники своего отдаленного прошлого. Трудом нескольких поколений ученых эти рукописи были-таки без всякого готового ключа частично дешифрованы, что составляет одну из малоизвестных удач американской археологии. А основу всего этого заложила женщина, наделенная исключительной выносливостью и изобретательностью. В популярной литературе о ней незаслуженно умалчивали, и теперь она уже настолько забыта, что в недавней книге о мексиканской археологии, принадлежащей перу ученого из США, эта дочь американского Запада названа англичанкой. Лишь немногие из наших энциклопедий вообще упоминают о ней.

Зелиу Марию Магдалену Наттол называли «одним из самых трудолюбивых и эрудированных исследователей Мексики во всех ее аспектах» [480, 489], выдающимся «образцом универсальности в XIX в.» [512, 480]. Она родилась в 1857 г. в Сан-Франциско, еще ребенком была увезена в Европу, обучалась во Франции, Германии, Италии и на родине

отца, в Англии. Но в крови у нее была Мексика. Ее мать, мексиканка по рождению, подарила ей книги лорда Кингсборо, и с тех пор ее неудержимо влекло к мексиканским древностям. На протяжении почти пятидесяти лет она оставалась признанным лидером американской археологии, которую своими усилиями помогла поднять до уровня археологии древнего Ближнего Востока. Долгое время живя в Мексике, она стала центром интеллектуальной жизни столицы. Университет Мехико в 1908 г. избрал ее почетным профессором. И все же, несмотря на то что открытия Зелии Наттол причислили ее к ряду ведущих первооткрывателей прошлого Америки, в более поздние годы ее теории, в которых блестящее исследование сочеталось с умозрительными построениями, оттолкнули от нее новое поколение строго научно мыслящих, «специализированных» археологов, которые, впрочем, были обязаны ей много больше, чем они хотели то признать.

В 1880 г. Зелия Наттол вышла замуж за Альфонса Луи Пинара, французского антрополога, который за несколько лет до этого купил у Брассёра его собрание манускриптов. В 1883 г. он опубликовал каталог мексиканских и гватемальских материалов этой коллекции. Занятия самого Пинара сосредоточивались главным образом на этнографии и языках Панамы. Вполне возможно, что он поощрял энтузиазм своей жены к изучению коренных жителей Америки, однако их брак был коротким и несчастливym. После того как супруги разошлись в 1884 г., Зелия Наттол восстановила свою девичью фамилию и развернула собственную научную деятельность. В том же году она отправилась в продолжительную поездку в Мексику с матерью и своей юной дочерью. Там она приступила к серьезным исследованиям в Национальном музее Мехико.

Ее карьера археолога началась в 1886 г. статьей о терракотовых головках, собранных ею в древней культурной столице Теотиуакане. Ее последующая работа о хранящемся в Вене знаменитом головном уборе из перьев, подлинном предмете из числа даров, некогда отосланных Кортесом Карлу V, была в числе первых, посвященных этой теме, и положила начало ее пожизненной связи с Музеем американской археологии и этнологии Пибоди при Гарвардском университете. Эта работа открыла в 1888 г. первый номер первого тома издающейся музеем известной серии «Сообщений».

616 Зелия Наттол вскоре научилась бегло говорить на науатль

и великолепно освоила обширную литературу, созданную на этом и на испанском языке в раннеколониальный период. В круг ее интересов оказалась вовлеченной вся древняя Америка — от зуны на юго-западе США до более развитых народов Средней Америки и Перу. Однако в духе времени она на протяжении почти всей своей деятельности интересовалась главным образом вопросом об истоках американских культур.

Разработке этой проблемы, в манере Брассёра, но на более высоком научном уровне, она и посвятила свой наиболее пространный и наиболее претенциозный труд — «Фундаментальные основы цивилизаций Старого и Нового Света» (1901), над которым проработала тридцать лет. Она писала его во время своего пребывания в Дрездене, германском городе, где хранился знаменитый кодекс майя, как раз в тот период ставший объектом ряда выдающихся исследований. Вплоть до первой мировой войны Дрезден притягивал к себе ученых из многих стран мира. Этот город, славившийся живыми культурными традициями и прекрасной барочной архитектурой, превозносили как «немецкую Флоренцию», но неблагозвучный местный диалект ничем не напоминал приятный тосканский диалект Италии. По-видимому, Зелия Наттол отчасти переняла некоторую глубокомысленность, а может быть, и самоуверенность, свойственную тевтонской ученой периода Вильгельма. Во всяком случае, всю свою колоссальную эрудицию она употребила на то, чтобы обнаружить некую общую основу для всех цивилизаций. Случилось так, что этот основной принцип раскрылся ей в свастике — всемирно распространенном астрономическом символе Полярной звезды. Зелия Наттол прожила достаточно долго (она умерла в 1933 г.) для того, чтобы увидеть современных дикарей, собирающихся под знаменем свастики, хотя едва ли они разделяли ее убеждения относительно вселенского характера этой мистической эмблемы. Альфред М. Тоззер, американский исследователь майя, сожалел об «архаическом» характере этой книги, но полагал, что она сыграла «значительную роль, обратив ряд ученых на попроще исследований Центральной Америки» [512, 477].

Завершив свой грандиозный труд, Зелия Наттол, по счастью, вернулась к более конкретным темам. С 1902 г. она навсегда поселилась в Мексике, в Койокане, несколькими милями южнее Мехико, в доме, некогда принадлежавшем 617

конкистадору Педро де Альварадо. Это здание использовалось людьми в тех или иных целях уже в V в. н. э. и было, вероятно, древнейшим непрерывно обитаемым людьми зданием в этом полушарии. Она перестроила его, превратив в один из красивейших домов в Америке, наполнила комнаты, галереи и патио изысканными древностями и разбила вокруг чудесные сады. Царя над всем этим как любезная и веселая владелица замка, Зелия Наттол широко распахнула двери «Каса Альварадо» перед многонациональной толпой гостей. Здесь она осуществила «первый опыт полного изучения всей ацтекской керамики, полученной с одного объекта» [512, 478].

Неподалеку оттуда, в слоях, погребенных под лавой, она выкопала примитивные глиняные статуэтки, лишенные какого бы то ни было сходства с пластикой ацтеков, тольтеков или майя. Они могли принадлежать только гораздо более ранней, доисторической эпохе. Раскопки ее в других районах страны также обогатили наши знания об этом периоде и позволили г-же Наттол постулировать существование архаической мексиканской культуры, предшествовавшей великим городским цивилизациям, что смутно предчувствовал еще Гумбольдт. Признание существования этого этапа стало поворотным пунктом в мексиканской археологии, сопоставимым со сделанными Петри и Де Морганом открытиями додинастических культур Египта. Это явилось выдающимся достижением г-жи Наттол как археолога-практика.

Хотя ее чисто археологические исследования были исключительно плодотворны, все же главенствующее положение в ряду американистов принесли Зелии Наттол открытия ею древних рукописей. Благодаря ей стали известны два индейских кодекса, ряд испанских сочинений и утерянные бумаги сэра Френсиса Дрейка. Она вела энергичные поиски в библиотеках Старого и Нового Света, чувствовала себя как дома в архиве Симанкаса (Испания), Лондонском государственном архиве и в Ватикане. В 1911 г. она обнаружила в фондах Национальной библиотеки в Мадриде оригинальное описание конкисты середины XVI в., возможно принадлежащее перу Сервантеса де Саласар, личного друга испанского гуманиста Людовико Вивеса и самого Кортеса. А несколькими годами ранее она сделала свою главную находку: открыла документ, который по настоянию директора музея

О его существовании Зелия Наттол впервые услышала на одном неофициальном приеме во Флоренции от известного итальянского историка Паскуале Виллари, биографа Маккьявелли¹ и Савонаролы², в прошлом министра просвещения. Как рассказывает в предисловии к факсимильному изданию ее кодекса Зелия Наттол, разговор коснулся темы, представлявшей для обоих ученых животрепещущий интерес:

«Вскоре мы погрузились в обсуждение изумительных богатств флорентийских библиотек, в одной из которых — библиотеке Лоренцо Медичи — хранился рукописный оригинал ценнейшей из существующих работ по древней Мексике, написанной братом Бернардино де Саагуном. В другой — Центральной Национальной библиотеке — я только что перед тем обнаружила важную испано-мексиканскую рукопись („Кодекс Мальябекки XIII-3“, или „Книга жизни древних мексиканцев“). Тогда-то сенатор Виллари и сообщил мне некоторые факты, вызвавшие у меня живейший интерес и оставившие неизгладимый отпечаток в моей памяти. Он рассказал мне, что более тридцати лет назад он некоторое время занимался разбором и изучением исторических документов, хранившихся в библиотеке монастыря Сан-Марко, с которым связано столько воспоминаний о Фра Анджелико³ и Фра Савонароле. Примерно в это время синьор Виллари случайно познакомился с одним древним мексиканским кодексом. Один из монахов Сан-Марко принес его в салон, часто посещаемый флорентийскими литераторами и учеными, чтобы узнать их мнение о нем. Он спросил Паскуале Виллари, будущего историка, не может ли тот понять и объяснить странный манускрипт. Монах сообщил, что ни он, ни другие монахи ничего не могли разобрать в нем. Они уже посылали документ в Рим на ознакомление одному члену организации, известной под названием „Конгрегация пропаганды“. Тот ответил, что „документ, видимо, предназначался на забаву детям, но был настолько бессмыслен, что не мог им не наскучить“. Взглядом знатока синьор Виллари сразу же увидел, что отвергнутая рукопись представляет немалый интерес и ценность, поскольку является древнемексиканским кодексом, в который кое-где вставлены испанские слова, как бы для пояснения иероглифов. Впоследствии, работая в этой старинной библиотеке, синьор Виллари то и дело задерживался у витрины, где хранился странный документ, и с любопытством рассматривал его страницы, покрытые фигура-

ми и знаками. Он с интересом и вниманием исследовал его и просил монаха, его хранителя, беречь его с величайшей заботой. Затем последовал период политических волнений, и по всей Италии были запрещены монашеские ордена. Библиотека Сан-Марко стала собственностью государства и была открыта для публики. Вновь посетив библиотеку, синьор Виллари стал наводить справки о мексиканской рукописи, но тщетно, ибо она, как выяснилось, исчезла. Впоследствии он узнал, что ее продали богатому англичанину, жившему во Флоренции. Когда синьор Виллари обратился к нему за разрешением вновь взглянуть на рукопись, тот ответил, что она ему больше не принадлежит, так как он подарил ее одному своему другу в Англии. „На этом все кончилось”, — сказал мой хозяин, выразив при этом глубочайшее сожаление по поводу того, что Флоренция утратила таким образом столь редкое сокровище, которое, несомненно, хранилось в ее стенах в течение веков» [487, 1—2].

Но где была рукопись теперь? Сохранил ли ее приятель англичанина, даже имя которого было неизвестно Виллари? Если нет, то к кому она затем попала? Ведь все произошло более тридцати лет назад, и, казалось, уже никто во Флоренции не в силах ответить на эти вопросы. Возможно, рукопись увезли в Англию. Возможно, она и после того сменила не одного владельца. Могло быть и так, что кодекс уже привлек внимание ученых, был куплен каким-нибудь музеем и опубликован. Но г-жа Наттол, хорошо знакомая с кодексами в европейских и мексиканских коллекциях, была почти уверена в том, что последняя возможность исключена. Поразительно детальные воспоминания Виллари не сходились с особенностями ни одного из известных ей кодексов. Те из них, с которыми «Кодекс икс» имел, казалось бы, более всего сходства, были другой длины и не содержали пояснительных заметок на испанском. Чтобы обрести полную уверенность, Зелия Наттол почти год занималась выяснением прошлого всех известных или засвидетельствованно существующих где-либо кодексов, но очевидно было, что ни один из них не мог вести свое происхождение из библиотеки Сан-Марко. Теперь она более чем когда-либо верила в то, что рукопись, виденная Вилларом три десятилетия назад, все еще остается неизвестной. Кроме того, «она должна представлять собой оригинал и обладать неизмеримой ценностью» [487, 2]. Что же сделать, чтобы спасти ее из забвения? По-

всюду были разсланы письменные запросы. И вот одна из нитей привела к почтенному Роберту Кёрзону, четырнадцатому барону Зуч; оказалось, что он-то и есть тот самый человек, которому в свое время был подарен манускрипт.

Роберт Кёрзон, четырнадцатый барон Зуч, уже известен нам как автор путевых очерков, в которых он живо описал свои посещения захиревших библиотек Леванта, где он обнаружил немало ценных рукописей. В своем имении в Сасексе он собрал коллекцию редких манускриптов, «иллюстрирующих историю искусства письма». Несомненно, мексиканский кодекс прекрасно дополнил бы собой это тематическое собрание. Кёрзон издал даже каталог своей коллекции, всего в пятидесяти экземплярах и неуклюже, но в соответствии с содержанием озаглавленный «Материалы для письма, ранняя письменность на табличках, камнях, свитых и прочих рукописях, книги и восточные манускрипты в библиотеке почт. Роберта Кёрзона». Каталог был опубликован в Лондоне в 1849 г., но если Кёрзон действительно приобрел мексиканский кодекс, это должно было произойти позднее и кодекс не мог быть отражен в каталоге. Прямое обращение к наследнику, пятнадцатому барону Зуч, развеяло все сомнения Зелии Наттол: «Только в этой среде на протяжении трети столетия кодекс мог остаться непотревоженным и настолько быть скрытым от взоров, что даже слух о его существовании не достигал внешнего мира» [487, 3].

Владелец сразу дал разрешение изучить и опубликовать редкое сокровище. В июне 1898 г. в Британском музее перед Зелией Наттол наконец лежал этот кодекс: она нетерпеливо развернула сложенную оленью кожу. Испанские примечания, добавленные позднее к несомненно доколумбову документу, не были столь пространными, как она надеялась, и не давали перевода, но сам кодекс далеко превзошел ее ожидания. Он был в прекрасной сохранности, краски были свежи и непревзойденны по качеству. Зелия Наттол сочла его «самым великолепным образцом» древней рукописи подобного рода из всего, что ей приходилось видеть. Дальнейшее изучение убедило ее в том, что по богатству деталей он превосходил близкородственный ему «Кодекс Виндобоненсис» («Венский кодекс»), который, как полагали, был первым, отосланным Кортесом в Европу. А не мог ли и новонайденный кодекс быть отослан вместе с ним? Одна из надписей в кодексе содержала дату: 1 акатль («год»), 1 чипектли («день»), что, как по

случайному совпадению еще четыре года назад доказала г-жа Наттол, означало день весеннего равноденствия, соответствовавший 12 марта 1512 г. по юлианскому календарю.

Теперь началась долгая и не сулившая особого успеха работа по «прочтению» мексиканской рукописи в порядке подготовки ее к изданию. К концу 90-х годов прошлого века в дешифровке мексиканских кодексов был достигнут некоторый существенный прогресс. Представление о характере мексиканских иероглифов с тех пор, как их изучал Гумбольдт, изменилось незначительно, и никто так и не предложил всеобъемлющего метода перевода. Принимая во внимание пережиточный и гибридный характер этой использовавшейся всеми мексиканцами, кроме майя, квазиписьменности, представлялось маловероятным, что это вообще когда-нибудь удастся сделать. Зато теперь терпеливо и шаг за шагом начали применять к делу неуклонно возрастающую сумму знаний не только о хронологии, но также о мексиканских обычаях вообще, о специфических ритуалах, общественных институтах, ремеслах, божествах, астрономии, астрологии и магии. Мало-помалу удалось понять и рисуночные изображения, и условные символы (идеограммы) этих предметов и понятий, а также их значения в определенных контекстах и последовательностях. Все эти открытия основывались на изучении трудов описательного характера, созданных в период, непосредственно следовавший за завоеванием, особенно работы Саагуна, и послеколумбовых кодексов, таких, как «Кодекс Мендосы» и «Кодекс Мальябекки» Зелии Наттол, в которых содержится великолепный живописный реестр характерных сцен из повседневной и религиозной жизни Мексики. В некоторых из этих рукописей имелись примечания на испанском. Уяснить значение рисованных знаков помогли, кроме того, всевозможные произведения мексиканского ремесла и искусства, а также сведения о культуре и обычаях индейских народов за пределами Мексики. Обен и другие предложили чтение ряда дополняющих чисто рисуночное письмо элементов, строящихся по принципу ребуса. Величайшие успехи были достигнуты в результате сопоставлений, экстраполяций, пробных постановок к рисункам известных значений и смыслов, сделанных на основе богатейшего фонда информации, почерпнутой из археологической, исторической и антропологической литературы. Необходимым предварительным условием для такой работы было прекрасное знание мексикан-

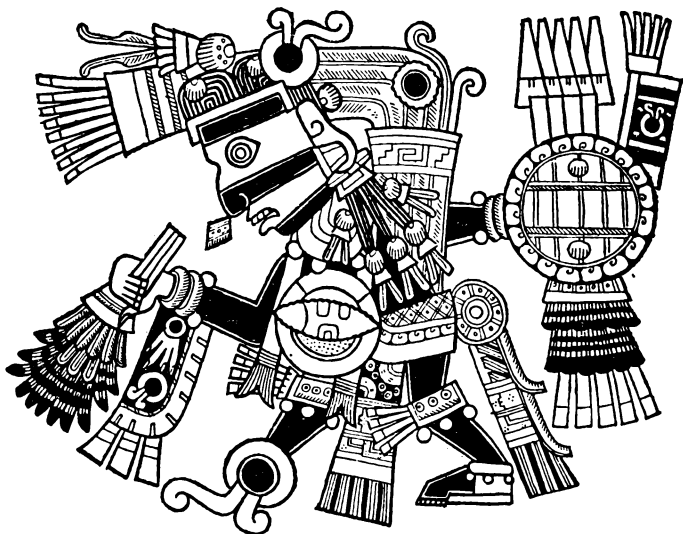
ских языков, географических названий и множества данных по смежной тематике. Наиболее значительный вклад внесли такие беззаветно преданные своему делу мексиканисты, как, например, Эдуард Зелер.

Эдуард Зелер (1849—1922), прежде чем стать одним из отцов — основателей современной мексиканской археологии, служил преподавателем ботаники в одной из берлинских гимназий. В 1887 г., чтобы поправить здоровье, ему пришлось ехать в Мексику. Много раз с тех пор он возвращался туда для ведения раскопок и изучения древних цивилизаций. На новом поприще он преуспел настолько, что стал директором берлинского Музея этнологии. Специальностью его были мексиканские языки и тексты, и он первым снабдил некоторые кодексы обширными комментариями. Эти его издания субсидировал французский герцог де Луба, принявший от Кингсборо эстафету в качестве знатного покровителя мексиканских рукописей.

Основным объектом исследований Зелера были шесть тесно связанных друг с другом рукописей доколумбовой эпохи, которые он — по самому великолепному и ценному из них — окрестил «группой Борджиа». Все они были явно религиозно-магического характера и касались священного календаря и сопредельных тем, таких, как цикл Венеры, гадание, счастливые и несчастные дни, магические числа, ритуалы и представления о богах. Кроме этой серии кодексов выделялась и другая их группа, явно отличная от первой и превосходящая ее однородностью как стиля, так, очевидно, и тематики. Но с интерпретацией их ученые справились далеко не так успешно, как с интерпретацией «рукописей Борджиа». Их яркие рисунки, своим формализованным характером и последовательностью изображений сильно напоминающие современный комикс, по-прежнему оставались загадкой. Каково было содержание рукописей этой группы? Обычный интерес к течению времени, числовой магии и движению небесных тел отходил в них, казалось, на второй план, зато они содержали данные о ритуалах, даже о человеческом жертвоприношении, и о сверхъестественных силах. Зелер и его немецкие коллеги утверждали, что кодексы этой группы также были религиозного характера и, возможно, касались мифологических тем.

Именно к этой группе рукописей и относилась новейшая находка Зелии Наттол. Казалось, манускрипт написан едва

ли не той же самой рукой, что и «Кодекс Виндобоненсис», до того считавшийся наиболее важным документом этой группы. В Вене хранились еще два фрагмента того же рода: «Беккер I» и «Беккер II», названные по имени немца, незадолго до того вывезшего их из Мексики. Находящийся в

Мексиканский бог войны Тексатлипока («Дымящее зеркало») в своих пышных регалиях, как он изображен в «Кодексе Борджиа»; вместо правой ступни у него зеркало. Этот американский Марс выступал противником миролюбивого Кетсалькоатля, которому он нанес поражение. Перерисовка Мигеля Ко-варрубиаса

Мехико «Кодекс Коломбино», или «Доренберг», вероятно, составлял некогда часть рукописи «Беккер I». Англия повезло не меньше, чем Вене: в Бодлеанской библиотеке Оксфорда имелись кодексы «Селден» и «Бодлей», а Британский музей в конце концов приобрел-таки рукопись «Наттол» (или «Зуч»). Мексиканский археолог Альфонсо Касо, ставший к середине XX в. непререкаемым авторитетом в области изучения доколумбовых кодексов Мексики, дал этой группе название «Миштека» — по месту ее происхождения, которое теперь известно нам вполне достоверно. Следует помнить, что

«кодексы Борджиа» также принадлежат культуре миштеков или, говоря точнее, культуре Тлашкала-Пуэбла.

Но когда Зелия Наттол приступила к работе над кодексом в Англии, сперва в Британском музее, а затем в Бодлеане, ей пришлось все начинать практически с нуля. И, по-видимому, интуитивная хватка женщины-ученого вполне оправдала себя там, где до того систематические усилия приносили лишь весьма скромные результаты. Предварительная работа по разбору соотносимых между собой дат, этнонимов и топонимов была в общем-то делом привычным и не выявила ничего существенно нового. Однако «дополнительно проведенное тщательное изучение» позволило г-же Наттол подметить некоторые выделяющиеся из общего числа элементы, которые как будто бы повторялись, особенно там, где текст содержал личные имена. Что они обозначали? Нельзя ли привести их в систему? Наконец на многокрасочном фоне выделился ряд четко очерченных персонажей с некоторыми указаниями на их статус, возраст и родовые связи. «Данный кодекс, — осознала Зелия Наттол, — знакомит нас с цепью событий из жизни нескольких персонажей, демонстрирует многообразие нарядов и знаков отличия, которые эти лица сменяли по мере того, как повышались в ранге или совершали обрядовые церемонии» [487, 20]. Затем г-жа Наттол взялась проследить эти нити индивидуальных карьер, в результате чего ей удалось ощутить в последовательности рисунков некоторое поступательное развитие или эволюцию. В некоторых случаях она смогла проследовать за тем или иным персонажем «по всему извилистому и тесному тексту на лицевой стороне рукописи». Теперь она знала: содержание кодекса было историческим.

В том разделе рукописи, который казался ей наиболее важным, она проследила историю одной ранее неизвестной личности, завоевателя, носившего имя «Восемь-Олень» или «Коготь ягуара». Ближайшим его сподвижником был «Двенадцать-Оллин»⁴, или «Голова ягуара». При первом появлении «Восемь-Оленя» его наряд и раскраска тела свидетельствуют о том, что он является жрецом. Позднее он пускается в военные предприятия и изображен принимающим участие в совете племенных вождей. Как это, должно быть, случалось с весьма многими мексиканскими героями, его в конце концов приносят в жертву и вырывают из груди еще трепещущее сердце. Удалось также опознать и проследить в

общих чертах биографии других лиц, в том числе одной дамы по имени «Три-Кремень». Зелия Наттол первой указала на ту выдающуюся роль, которую играли женщины в древней Мексике, несмотря на то что это было общество воинов. В нескольких случаях они выступают как военные вожди, стоящие во главе того, что она называла «гинеократиями».

«Восемь-Олень», миштекский завоеватель, судьбу которого удалось воссоздать по рукописям доколумбовой эпохи. Шлем в виде головы животного из семейства кошачьих знаком одновременно культурам древней Америки и древнего Китая. По «Кодексу Наттол», перерисовка Мигеля Коваррубиаса

Если принять во внимание все данные, которые мы теперь можем «вычитать» в этом кодексе, то работа Зелии Наттол была только началом. Но она установила исторический характер манускрипта, указала другим путь и добыла немало существенных сведений о нравах и общественных институтах древней Мексики. Она также первой указала на то, что большинство лиц в дополнение к их официальным име-

нам, тождественным дате их рождения, имело также вторые имена, или прозвища. Г-жа Наттол мудро предостерегала, что кодекс такого рода нельзя рассматривать как связный письменный текст в привычном для нас понимании. Она придерживалась гипотезы, по которой древний мексиканец мог читать ее кодекс, «декламируя прекрасным слогом и метризованными стихами — его собственным сочинением или плодом устной традиции, — перечень местных героев, деяния которых изображались рисуночно в сопровождении иероглифов, передающих только имена персонажей и названия местностей» [487, 21]. Согласно этому не столь уж новому представлению о мексиканских рукописях кодексы служили барду, хранителю местных анналов или жрецу скорее мнемоническим средством, нежели знаковой передачей фиксированного текста. Можно предположить, что местные историки XVI в. (независимо от того, писали они на испанском или науатль), такие, как Иштилшочитль, а в какой-то мере и Саагун, попросту переводили эти рисуночные «стенограммы», воссоздавая по ним связное повествование при помощи устной традиции. Саагун писал: «Все собранные мною сведения они сообщили мне посредством своих рисунков» [492, 17].

В последующие годы выдвинутые Зелией Наттол новые взгляды на исторические рисованные манускрипты были развиты многими английскими и американскими учеными. Другие, в особенности немцы, долгое время отказывались признать ее правоту. Даже и в 1929 г. Вальтер Леман в своем комментарии к «Венскому кодексу» по-прежнему отвергал все попытки исторического истолкования. Он считал, что время от времени встречающиеся даты относятся к астрономическим явлениям, что упоминаемые персонажи — это не люди, а боги; по его утверждению, все кодексы, принадлежащие к той же группе, что «Виндобоненсис» и «Наттол», посвящены исключительно астрологической и теологической тематике. Однако уже в 1912 г. точка зрения мисс Наттол была подтверждена и развита британским майором Джеймсом Купером Кларком в его «Истории „Восемь-Олень” по „Кодексу Коломбино”». Купер Кларк обнаружил, что «Восемь-Олень» упомянут еще в нескольких рукописях, и вот, взяв за основу «Кодекс Коломбино», он восстановил в поразительных подробностях события всей — от колыбели до жертвенной плахи — жизни этого героя и завоевателя доколумбовой эпохи. 627

Сделанный Купером Кларком акцент на выявление параллелей и согласование данных по различным кодексам принес ему немалый успех.

Еще более значительные результаты дало повторное обследование «Кодекса Наттол», произведенное другим английским американистом — Ричардом С. Э. Лонгом в 1926 г. [478, 239—58]. Лонг, как утверждает Альфонсо Касо, сделал ряд крупных открытий. Он выделил внутри данного кодекса пять разделов, относящихся к соответствующим династическим линиям, и предложил всю хронологию для кодексов этой группы. «Кодекс Наттол», по его мнению, охватывал период в четыреста семьдесят восемь лет. Но в силу специфического характера мексиканского календаря, который, подобно тибетскому, не имеет фиксированной точки отсчета, но состоит из повторяющихся циклов, временная шкала Лонга была только относительной.

Вслед за ним с краткой статьей «Индийские рукописи Южной Мексики», помещенной в «Отчете Института Смита за 1933 год», год смерти Зелии Наттол, на сцену выступил ученый из США Герберт Дж. Спинден, известный в основном своими исследованиями культуры майя. Изучение рукописей Бодлеанской библиотеки дало ему в руки неожиданное свидетельство, которым, как он полагал, «раз и навсегда устанавливается тот факт, что основной темой этих древних хроник были люди и их мирские дела» [502, 432]. В «Кодексе Селдена» он заметил, что где бы ни появлялась впервые пиктограмма, обозначающая лицо, она соединена извилистой линией со знаком года. Спинден предположил, что волнистая линия изображает пуповину, которая, связывая человека со знаком года, говорит о годе его рождения. Обозначенный тут же день рождения персонажа сообщает и его официальное имя. Спинден привел впечатляющий перечень событий из жизни нескольких лиц, которые должны были играть ведущую роль в доколумбовой истории Южной Мексики. Он проследил жизнь персонажа по имени «Один-Обезьяна» на протяжении всех его шестидесяти пяти лет. Удалось получить также любопытные сведения о брачных обычаях, церемониях посвящения в рыцарские ордены, убийствах ради престолонаследия, браках между братьями и сестрами, политических союзах, завоеваниях и ритуальных войнах с целью добывания жертв в угоду каннибальским аппетитам планеты Венера. Историческая хроника щедро насыщена мифо-

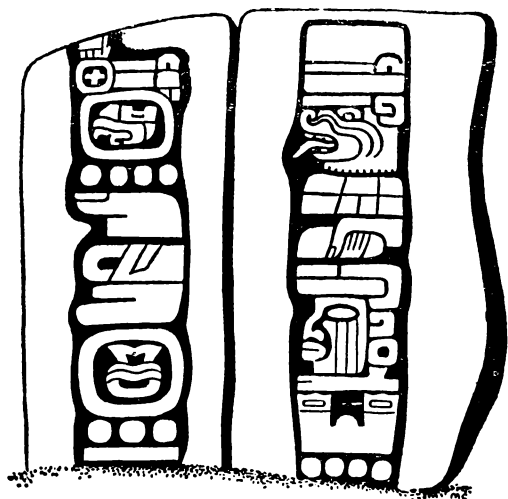
логией. В одной чудовищной сцене «Восемь-Олень», которого Спинден характеризует как «наиболее основательно освещенную в документах личность» в этой части Мексики, изображен исполняющим обязанности жреца при ритуальном принесении в жертву его собственного брата.

В числе героев «Кодекса Селдена» есть и симпатичная принцесса «Шесть-Обезьяна», пережившая трех своих братьев и силой проложившая себе дорогу к трону. По Спиндену, эта миштекская Хатшепсут⁵ была поистине «царицей-амазонкой». Жизнь дамы «Шесть-Обезьяна», пространно описанная в «Селдене», отражена также в кодексах «Бодлей» и «Наттол». Она наглядно свидетельствует о «воинствующем феминизме» женщин Южной Мексики и об их положении в обществе. Зелия Наттол оказалась права, утверждая, что они обладали большой властью и влиянием. Спинден был поражен ловкостью и властью, с какими госпожа «Шесть-Обезьяна» «решала и военные и матримониальные проблемы». Мы видим ее ведущей войско в битву и обрушивающей страшные кары на мятежные города. Подобно королеве Елизавете I, она не спешит с выбором супруга и извлекает из промедления политические выгоды. Значительно продвинувшись вперед по сравнению с более ограниченным по материалу исследованием Ричарда С. Э. Лонга, Спинден составил по всем имеющимся кодексам сводные генеалогии нескольких выдающихся семей. В ходе этой работы он пришел к выводу, что ведение хроник начато было примерно в первой четверти XIII в. и что охватывают они около десяти поколений.

Гипотетический характер всех этих построений наглядно проявился, когда Альфонсо Касо показал, что началом упоминаемых в рисуночных книгах династий был VII, а не XIII в. н. э. Дж. Купер Кларк полагал, что завоеватель «Восемь-Олень» родился в 1439 г.; Альфонсо Касо определил даты его жизни как 1011—1063 гг.

Альфонсо Касо стал ведущим мексиканским археологом с тех самых пор, как он приступил к исследованию Монте-Альбана — древнего центра сапотеко-миштекской культуры. Интерес к этой культуре пробудили в нем присущие ей иероглифические надписи на стелах, которые, как он полагал, могут пролить свет на темный период мексиканской истории, предшествовавший появлению ацтеков. Дальнейшее исследование надписей убедило его в наличии значительно-

го сходства между системами письма ацтеков и майя. Тогда Касо решился начать настоящие раскопки, надеясь таким образом больше узнать о сапотекско-миштекской культуре и определить ее историческую роль во всем среднеамериканском культурном комплексе [465, 9]. В ходе успешных раскопок Монте-Альбана он сумел решить все поставленные за-

Резная стела из Монте-Альбана, которую относят к древнейшему («ольмекскому»?) периоду развития этого сапотекско-миштекского центра на юге Мексики. Столбики недешифрованных знаков содержат, возможно, обозначения дат

дачи. Археологические находки самым поразительным образом подтвердили и дополнили выводы, к которым привело его изучение кодексов. Но сперва на долю ему выпала редчайшая археологическая удача, сравнимая с удачей Л. Вулли при раскопках Ура. Речь идет о нашумевшем открытии Касо в 1931 г. ныне знаменитой «Гробницы VII», содержащей великолепные ювелирные и золотые изделия.

Доктор Касо в течение долгого времени был профессором Университета Мехико и директором Мексиканского национального института по делам индейцев; кроме того, это был известный ученый, всегда особо интересовавшийся мексикан-

скими иероглифами и кодексами. Именно он впервые установил, что две основные группы доколумбовых манускриптов являются миштекскими по их сходству с миштекской керамикой. Серию Борджиа он отнес к районам Пуэблы и Тлашкалы из-за их близкого сходства с рисунками Тицатлана в Тлашкале. Другая группа, как он установил, происходила из двух древних миштекских столиц — Тилантонго и Теоцакоалько; со временем он также доказал, что в этих рукописях говорилось о правящих династиях двух данных центров. Для такого рода генеалогических записей у миштеков существовал даже специальный термин — «тониндейе», или «наандейе» [458, 13]. Зелия Наттол придерживалась мнения, что они принадлежали либо ацтекам, либо их соседям и родичам, властителям Тешкоко, в то время как Купер Кларк, будучи ближе к истине, считал их сапотекскими.

Определение Альфонсо Касо было подтверждено его раскопками в Монте-Альбане. Обнаруженные в «Гробнице VII» кости с надписями содержали исторические даты, записанные тем же способом, что и даты в кодексах. А не существовало ли некоей связи между царскими и жреческими усыпальницами и рукописями?

Четыре года спустя, в 1935 г., Касо приступил к исчерпывающему анализу генеалогических рисуночных текстов, задавшись целью составить нечто вроде биографического словаря всех упоминаемых здесь миштекских персонажей. В течение ряда лет ему не удавалось добиться сколько-нибудь значительных успехов, но затем на историческом конгрессе, проводившемся в 1944 г. в Гвадалахаре, его коллега Хименес Морено обратил внимание Касо на «карту» города Теоцакоалько в Оахаке, являвшуюся собственностью Техасского университета в Остине. Этот документ послеколумбовой эпохи был исполнен в индейском стиле, но снабжен примечаниями на испанском. Считали, что он был создан в ходе работы по составлению отчетов и переписей, проводившейся по приказу Филиппа II в 1580 г. На его полях располагался вертикальный столбец человеческих фигур, организованный наподобие зарисовки гигантского тотемного столба.

Изучая эту карту, Касо с удивлением обнаружил, что фигуры и вертикальные столбцы «орнамента» содержат имена, сильно напоминающие имена в изучаемых им миштекских рукописях. А не окажется ли случайно, что они соотносимы друг с другом? Разумеется, так оно и оказалось: име-

на частично совпадали. Благодаря обозначенным на карте датам христианского летосчисления можно было теперь соотнести с ним хронологию всех кодексов. Из необычайно счастливого открытия Касо явствовало, что упомянутые на карте царственные персонажи доколумбовой эпохи в рукописях появлялись вновь среди более пространных династических повествований.

Хотя карта Теоцакоалько в еще меньшей степени, чем «Сообщение» Ланда, могла служить ключом к неизвестной письменности, она все же по заслугам была названа Касо Розеттским камнем миштекских исторических кодексов [459, 145]. С ее помощью теперь можно было осуществить более или менее полный «перевод», в ходе которого была бы разработана хронология, подтвержден исторический характер документов, а династические линии были бы соотнесены с преданиями миштекских центров Тилантонго и Теоцакоалько. Одно испанское примечание даже сообщало имена живших в то время прямых потомков четвертой династии Теоцакоалько, основанной принцем из Тилантонго. Все это с полной очевидностью свидетельствовало: кодексы были историческими; упомянутые в них люди были, говоря словами Касо, «реальными и земными», хотя, как это обычно бывает в хрониках древних народов, правители считались ведущими происхождение в конечном счете от богов. Здесь, как в «Фаусте», обязательно должен был быть свой «Пролог на небесах». Но каковы бы ни были, впрочем, религиозные воззрения миштеков, их «писатели» обладали весьма развитым чувством истории, а свои царские анналы вели исключительно тщательно и логически последовательно. Кроме того, сообщаемые ими данные, несмотря на странный и неудобный способ передачи, были поразительно богаты подробностями, как это и предвидел в свое время Гумбольдт. Они запечатали в себе неожиданно широкую картину жизни и традиций древней Мексики. Правда, и теперь большая часть этих данных допускала еще различные толкования.

Из горстки кодексов, чудом избежавших гибели и в свое время рассматривавшихся преимущественно как варварские диалектики, ученым удалось извлечь поразительно богатую информацию. Доколумбова Мексика, столь близкая хронологически, но в то же время столь далекая эпохе исторического пробуждения европейского Запада, ранее объявлялась «доисторической» и непознаваемой. «Предания чичиме-

ков, колуа и нахуаков, — писал англо-германский ориенталист XIX в. Макс Мюллер, — не лучше, чем греческие предания о пеласагах, этолийцах и ионийцах; было бы пустой тратой времени создавать из таких элементов систематическую историю только для того, чтобы рано или поздно она была опять разрушена каким-нибудь Нибуром⁶, Гротом⁷ или Льюисом⁸» [484, 327]. Все, что предшествовало единственной установленной дате — основанию в 1325 г. Теночтитлана, считалось навеки недостижимым для историков. Ученые уныло созерцали пробел в несколько столетий, зияющий между упадком Теотиуакана и приходом ацтеков. К истории Юкатана и Центральной Америки некий ключик был уже найден с расшифровкой хронологической системы майя, но соотнесение ее с европейским летосчислением встречало значительные трудности, главным образом потому, что все даты майя, которыми мы тогда располагали, относились к периоду древней империи, были разрозненны и не сопровождались ссылками на конкретные исторические факты.

Миштецкие хроники в отличие от «начальных рядов» на стелах майя помогли нам все же заполнить пробелы в истории Средней Америки. Здесь мы черпали данные непосредственно из документов аборигенов, а не из переводов или тенденциозных повествований христианских миссионеров. Правда, по общему мнению, дешифровка не исключает полностью других гипотез, а некоторые ученые заявляют, что ее вряд ли можно считать окончательной [465, 9]. И все же благодаря настойчивым поискам, терпеливым сопоставлениям, вдохновенным догадкам и счастливым открытиям символика рисованных книг шаг за шагом была-таки сведена к набору вполне вразумительных данных. Большинство американистов согласны с тем, что, вообще говоря, мы теперь можем почти в полном смысле слова читать мексиканские исторические документы. Здесь, так же как в Рас-Шамре и Ниневии, забытая письменность и утерянные книги буквально «сделали историю».

Что важнее всего, мы в данном случае проникли в прошлое не столько ацтеков, которые в конечном счете были здесь недавними пришельцами, сколько одной из древнейших и наиболее развитых цивилизаций Мексики. Наиболее ранняя, вполне надежная дата, содержащаяся в «Кодексе Бодлея» — 692 г. н. э., отмечает начало непрерывного исторического периода протяженностью почти в восемь столетий. 633

Когда к материалам добавился еще один кодекс, созданный уже после конкисты, то рисованная хроника миштеков оказалась продлена до 1642 г., охватывая почти тысячелетний период времени. Столь долгая историческая традиция, равняться с которой могут традиции лишь немногих древних народов Старого Света, наглядно доказала эффективность применявшихся в Новом Свете графических средств, а также мастерство и точность ее передатчиков-писцов.

Начало всему положила выдающаяся женщина-исследователь, открывшая редкий доколумбов кодекс; теперь же благодаря венчающим дело трудам Альфонсо Касо самые необычные исторические анналы мира были уже на грани полной дешифровки. Загадочные рисованные свитки почти стали открытыми книгами. Но хотя скудные остатки некогда огромного числа мексиканских рисуночных книг и открыли нам так много нового, нашу радость при этом не может, однако, не омрачать мысль о том, сколь многое навсегда потеряно для нас с гибелью остального.

ЭПИЛОГ

Итак, увлеченные поиски заставили наших исследователей-романтиков обойти по кругу почти весь земной шар — от Италии до Египта и Ближнего Востока, от Центральной Азии до Средней Америки. Но подлинный горизонт, который они все более расширяли своими открытиями, лежал не в пространстве, а во времени.

Каждое открытие давно забытого текста, будь он выдающимся или же будничным по своему содержанию, помогало отодвинуть дальше в глубь времен ту завесу, за которой вся человеческая деятельность представляется нам тусклой и непонятной. Каждое открытие сообщает нам нечто новое о нашем прошлом, о том, как мы стали тем, что мы есть. Вот почему поиски ученых-романтиков были столь целеустремленными и почему они будут продолжаться: ведь предстоит сделать еще так много!

Завтрашний или послезавтрашний день может принести нам новые неожиданные находки, хотя никто заранее не предскажет, откуда именно их следует ожидать. Явятся ли они из заброшенных раннехристианских монастырей на Синае, из песчаных пустынь Северной Африки, из переплета какой-нибудь средневековой рукописи в европейском собрании или из потаенной библиотеки русского царя Ивана? Мы можем быть уверены только в том, что впереди нас ждет еще множество открытий. Опыт свидетельствует, что и почва Геркуланума, и тем более древние земли Египта, Палестины, Сирии и Месопотамии раскрыли перед нами далеко не все погребенные в них документы. У нас нет причины категорически исключать вероятность находок в будущем где бы то ни было — даже в местах с самым неподходящим для их сохранения климатом, как, скажем, в джунглях Центральной Америки, — новых письменных текстов.

Таким образом, перспектива на будущее остается благоприятной. Размышляя над судьбой библиотек Александрии, Гиббон писал: «Когда я объективно суммирую всю безмерность прошедших столетий, весь ущерб, причиненный невежеством, и все печальные последствия войн, то я поражаюсь не нашим потерям, а скорее тому, что мы все же обладаем такими сокровищами» [15, V, 455].

Но ведь Гиббон в конце XVIII в. мог знать лишь о малой доле удивительных находок, описанных в этой книге. С тоской о прошлом взирая на византийцев той поры, когда на них еще не обрушились с запада их крестоносные христианские собратья, он замечал: «Наслаждаемся мы или пренебрегаем нашими нынешними богатствами — все равно мы можем только позавидовать тому поколению, которое еще могло читать историю Феопомпа, речи Гиперида, комедии Менандра и оды Алкея и Сапфо» [15, VI, 106]. Во времена Гиббона знали лишь имена этих писателей; и все же, каким бы чудом это ни казалось, ученым и археологам нового времени удалось обнаружить те или иные сочинения, принадлежащие практически каждому из них.

Что же говорить о целых литературах, исчезнувших с лица земли, например литературе этрусков, или кхмеров Камбоджи, или финикийцев Тира и Сидона? Что говорить о карфагенянах, книги которых были отданы римлянами своим нумидийским союзникам и сгинули вместе с ними? Народ, из среды которого римляне взяли молодого раба, ставшего прославленным Теренцием, превосходным латинским драматургом, — этот народ должен был обладать незаурядным литературным талантом. И, кто знает, может быть, мы найдем когда-нибудь сочинения карфагенян? Ведь полтора столетия назад литература египтян и жителей Месопотамии казалась нам в такой же мере недостижимой. И все же теперь у нас есть и «Гильгамеш», и «Папирус Райнд», и гимн Эхнатона, не говоря о бесценных документах юридического, социального и исторического содержания, найденных на Ближнем Востоке.

Разумеется, если бы ученые начиная с эпохи раннего Возрождения расстались с надеждой добавить что-нибудь к скудным остаткам древней литературы, они, возможно, никогда и не устремились бы навстречу приключениям, а нам остались бы неведомы волнения и триумфы, сопровождающие непрерывный поиск завещанного временем.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

¹ Джеймс Босвелл (1740—1795 гг.) — английский литератор и журналист, известный главным образом как автор опубликованного в 1791 г. жизнеописания своего друга и современника, выдающегося писателя, критика и лексикографа, «литературного диктатора» Англии второй половины XVIII в. Сэмюэля Джонсона (1709—1784 гг.).

² Арман-Огюст Луи де Коленкур (1772—1827 гг.) — французский дипломат наполеоновской эпохи. Его подлинные мемуары о Наполеоне были опубликованы только в 1933 г.

I

¹ Иоанн Солсберийский — английский богослов и писатель XII в.

² Герберт (папа Сильвестр II) — знаменитый математик и астроном конца X в., в работах которого сказывается знакомство с античными и арабскими авторами.

³ Петр Абеляр (1079—1142 гг.) — выдающийся французский философ, представитель доктрины «номинализма»; преследовался католической церковью.

⁴ Эвандр — герой итальянских сказаний, почитавшийся римлянами как полубожественный «культурный герой», распространивший в Италии греческую религию и культуру. Алкид — другое имя Геракла.

⁵ Катулл (ок. 87—54 гг. до н. э.) — выдающийся древнеримский поэт-лирик.

⁶ Теренций Варрон (116—28 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, писатель, ученый и философ.

⁷ Тит Ливий (59 г. до н. э.—17 г. н. э.) — знаменитый римский историк.

⁸ Квинтилиан — прославленный римский оратор I в. н. э.

⁹ Гораций Флакк Квинт (65—8 гг. до н. э.) — выдающийся римский поэт.

¹⁰ Петроний — римский писатель I в. н. э., автор романа «Сатирикон».

II

¹ Юбилейный год у католиков — каждый 25-й год, когда паломникам в Риме давалось отпущение грехов. — *Примеч. пер.*

² Петр Дамиан (Дамнани) — итальянский церковный деятель и богослов XI в.

³ Из письма Бруни к Никколи, цитируемого в [42, 225].— *Примеч. авт.*

⁴ Квинт (ум. в 43 г. до н. э.) — младший брат Цицерона.

⁵ Тит Помпоний Аттик (109—32 гг. до н. э.) — римский писатель, друг Цицерона.

⁶ Марк Юний Брут (79—42 гг. до н. э.) — видный римский политический деятель, один из организаторов заговора против Цезаря. Его обширная переписка с Цицероном полностью сохранилась.

⁷ Порций Катон Старший (234—149 гг. до н. э.) — римский государственный деятель, историк, оратор, автор руководств по различным видам практической деятельности. Его сочинение «О земледелии» — древнейший сохранившийся памятник латинской прозы.

⁸ Фурий Камилл — римский полководец, неоднократно избиравшийся диктатором. В 390 г. до н. э. он отразил нашествие галлов, чем заслужил славу спасителя Рима.

III

¹ Констанцкий собор продолжался с 5 ноября 1414 г. по 21 апреля 1418 г.

² Валерий Флакк (год рождения неизвестен — ум. ок. 90 г. н. э.) — автор историко-мифологической поэмы «Аргонавтика»; в своем творчестве подражал Вергилию.

³ Асконий Педиан — римский писатель I в. н. э., автор нескольких комментариев к речам Цицерона.

⁴ Аммиан Марцеллин (ок. 330 — конец IV в. н. э.) — позднеантичный историк, современник и летописец правления Юлиана Отступника.

⁵ Ammianus Marcellinus.— The Oxford Classical Dictionary. 1949, с. 43.— *Примеч. авт.*

⁶ Силий Италик — римский поэт I в. н. э.; по образцу Вергилиевой «Энеиды» создал эпическую поэму «Пуника» в 17 книгах, воспевавшую подвиги римлян в их борьбе с Карфагеном.

⁷ Гай — римский юрист II в. н. э. Его «Институции» (руководство по римскому праву) были широко использованы при составлении одноименного раздела в знаменитом Своде гражданского права, созданного в Византии при императоре Юстиниане I (527—565 гг.).

IV

¹ Лапилли — маленькие кусочки лавы, выбрасываемые вулканом.— *Примеч. пер.*

² Граффити (мн. число от итал. «граффито») — процарапанные настенные надписи и рисунки.

³ Диадохи (букв. «преемники») — сподвижники и полководцы Александра Македонского, после его смерти разделившие между собой его империю.

⁴ Эпикур (341—270 гг. до н. э.) — выдающийся греческий философ, основоположник эпикуреизма — материалистического философского учения, весьма популярного в древнем Риме вплоть до конца античности.

⁵ Демосфен (384—332 гг. до н. э.) — знаменитый греческий оратор и политический деятель.

⁶ Зенон Сидонский (II в. до н. э.) — греческий философ-эпикурец, ученик Аполлодора. Фрагменты его сочинений известны только по работам Филодема и Цицерона.

⁷ Гермарх — философ, ученик Эпикура.

⁸ Сэр Галахад — один из рыцарей короля Артура, олицетворяющий беззаветную преданность своему делу. — *Примеч. пер.*

⁹ Уильям Гамильтон (1730—1803 гг.), британский посланник в Неаполе в 1764—1800 гг., прославившийся как знаток древностей и покровитель искусств, был мужем леди Гамильтон (урожд. Э. Лайонс), известной своим участием в политических интригах и шокировавшей британское аристократическое общество откровенностью любовной связи с адмиралом Нельсоном.

¹⁰ Миралья (итал. *Mirgalia*) — букв. «творящий чудеса, чудотворец». — *Примеч. пер.*

¹¹ Филодем — поэт и философ-эпикурец, современник Цицерона и друг Пизона. Его философское наследие известно главным образом по фрагментам, найденным на вилле Пизона в Геркулануме.

¹² Антипатр (ок. 400—319 гг. до н. э.) — один из полководцев Александра Македонского; по смерти последнего сосредоточил в своих руках власть над европейской частью империи. С 321 по 319 г. являлся формальным правителем всей Македонской державы.

¹³ Хрисипп Солский (ок. 280 — ок. 206 г. до н. э.) — философ-стоик; его учение известно в основном по упоминаниям у Плутарха и других авторов.

¹⁴ Компендий, компендии (от лат. *compendium* — сокращение) — сокращенное изложение основных положений какой-либо науки, исследования и т. п. — *Примеч. пер.*

¹⁵ Джон Стюарт Милль (1806—1873 гг.) — английский философ-позитивист.

¹⁶ Анней Сенека Младший, Луций (ок. 4 г. до н. э. — 65 г. н. э.) — римский писатель и философ-стоик, политический деятель, воспитатель императора Нерона.

¹⁷ Диоген Лаэртский (1-я пол. III в. н. э.) — античный историк греческой философии, автор сочинения «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» в 10 книгах, которое представляет собой единственную в своем роде античную «историю философии». Сам Диоген склонялся к взглядам эпикурейцев.

¹⁸ Корнелий Веррес, Гай — наместник Сицилии в 73—71 гг. до н. э. В 70 г. до н. э. Цицерон выступил против него с рядом речей.

V

¹ Точнее датировать время правления I династии началом III тысячелетия до н. э.

² Ксеркс — персидский царь (486—465 гг. до н. э.) из династии Ахеменидов. Предпринял поход в Грецию в 480 г. до н. э.

³ Эмиль Людвиг (1881—1948 гг.) — немецкий писатель, автор ряда биографических романов (о Наполеоне, Бетховене, Шлимане, Гете и др.).

⁴ Имеется в виду знаменитая фраза Наполеона («Солдаты! Сорок веков смотрят на вас сегодня с высоты этих пирамид!») из его обращения к армии перед боем с войсками мамелюков 20 июля 1798 г. Во время египетской кампании Наполеон демонстративно подчеркивал свое уважение и интерес к древней культуре Египта. Его сопровождали в походе многие выдающиеся французские ученые, труды которых внесли впоследствии огромный вклад в развитие египтологии.

⁵ Розеттский камень — найденная в 1799 г. близ Розетта французским военным инженером Бушаром плита из темного базальта с высеченной на ней надписью на древнеегипетском и греческом языках. Исследование розеттской билингвы (двуязычного параллельного текста) дало ключ к дешифровке древнеегипетской письменности, осуществленной французским ученым Франсуа Шампольоном.

⁶ Аналогия с выражениями Фрэнсиса Бэкона в «Новом органоне» — «призраки пещеры», «призраки рынка» и др. — *Примеч. пер.*

⁷ Гиперид (390—322 гг. до н. э.) — греческий оратор, ученик Исократы и Платона, сторонник Демосфена. Наследие его составляют речи, значительная часть которых была найдена во фрагментах при археологических раскопках в Египте.

⁸ Алкман — лирический поэт VII в. до н. э.

⁹ Каллимах (ок. 310—235 гг. до н. э.) — выдающийся поэт, прозаик и критик эллинистического периода, глава александрийской поэтической школы.

VI

¹ XVIII династия более точно датируется 1580—1314 гг. до н. э.

² Имеется в виду, очевидно, автор найденного в 1554 г. трактата «О возвышенном», которого долгое время отождествляли с Дионисием Кассием Лонгином, ритором и философом III в. н. э. В действительности трактат является памятником эстетической и литературно-критической мысли эпохи ранней римской империи. Вопрос об его авторстве остается открытым.

VII

¹ Герод (Геронд) — греческий драматург III в. до н. э. В 1889 г. был открыт папирусный сборник его произведений — «Мимиямбы» (не «Мимы»!), представляющие собой короткие комические сценки из повседневного быта.

² Вакхилид (Бакхилид) — греческий поэт V в. до н. э., автор разнообразных по форме произведений. До открытия в 1896 г. папирусного сборника, содержащего 17 полных его произведений и ряд фрагментов, творчество Вакхилида было известно лишь по отдельным небольшим отрывкам.

³ Дракон — древнегреческий законодатель, составивший в 621 г. до н. э. первый писанный свод законов Афинской республики.

⁴ Пифийские игры — общегреческое празднество в честь Аполлона, в «программу» которого входили различные состязания.

⁵ Симонид (556—468 гг. до н. э.) — уроженец о-ва Кеос, дядя Вакхилида. Выдающийся греческий поэт, мастер торжественной лирики. Произведения Симонида дошли до нас лишь в незначительных отрывках.

⁶ Ламийская война — война греков против македонского владычества после смерти Александра (323—321 гг. до н. э.), закончившаяся полным подчинением Греции Македонии.

⁷ В 338 г. до н. э. в битве при Херонее греки были разбиты армией македонского царя Филиппа, что привело к установлению над Грецией гегемонии Македонии.

VIII

¹ Автор убежден (что проявляется и в других местах книги) в историчности Иисуса Христа, разделяя, таким образом, точку зрения исторической, или рационалистической, школы в изучении раннего христианства. Следует отметить, что в науке существуют и иные мнения. Давнюю традицию имеет так называемая мифологическая школа, отрицающая историчность Иисуса; ее точка зрения безраздельно господствовала, в частности, в советской исторической науке с 20-х по 50-е годы. По мнению современных советских историков-марксистов, реальность исторического существования Христа при том объеме конкретных фактов, которыми располагает сейчас наука, не может быть ни опровергнута, ни доказана (см. Я. А. Ленцман. Сравнивая евангелия. М., 1967, с. 179—188; М. М. Кубланов. Новый завет. Поиски и находки, М., 1968, с. 147). Позиция «мифологов», исходивших из того, что все упоминания о Христе у античных авторов являются христианскими фальсификациями, существенно подорвана недавним доказательством частичной подлинности известного места в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия (современника первых христиан; Флавий родился в Иерусалиме в 37 г. н.э.), где Иисус упоминается как реальный вероучитель, осужденный на распятие Пилатом (подробнее об этом см.: М. М. Кубланов. Возникновение христианства. Эпоха. Иден. Искания. М., 1974, с. 66—69).

² В настоящее время большинством исследователей христианства принята концепция «двух источников», согласно которой Евангелия Матфея и Луки основываются на Евангелии Марка и источнике Q, представлявшем собой, вероятно, сборник речений Иисуса на греческом языке. Кроме того, оба евангелиста пользовались и другими недошедшими до нас источниками (М. М. Кубланов. Новый завет. М., 1968, с. 78—86).

³ «Логии» рассматриваются сейчас как греческая версия апокрифического «Евангелия от Фомы», обнаруженного в числе гностических книг Наг-Хаммади (см. Предисловие).

IX

¹ Алкей (конец VII — начало VI в. до н.э.) — выдающийся греческий лирик, уроженец Лесбоса, современник Сапфо. Его стихи сохранились только в немногочисленных фрагментах.

² Ибик (Ивик) — греческий поэт-лирик VI в. до н.э., уроженец Регия в Южной Италии. Из его наследия до нас дошли лишь немногие отрывки.

³ Сатир — ученый и писатель II в. до н.э.

⁴ Софрон — писатель V в. до н.э. из Сицилии, основатель литературного жанра мима (комической бытовой сценки). Произведения Софрона, за исключением одного фрагмента, не сохранились.

⁵ Фукидид (ок. 470—460 — ок. 400 гг. до н.э.) — знаменитый греческий историк, описавший в своем фундаментальном труде («История») события Пелопонесской войны.

⁶ Ксенофонт (ок. 440 — ок. 350 гг. до н.э.) — выдающийся историк, автор ряда крупных исторических трудов («Анабасис», «Воспоминания о Сократе», «Греческая история», «Киропедия») и многих мелких произведений.

⁷ Эфор — историк IV в. до н.э.

⁸ Тимофей Милетский (ум. в 357 г. до н. э.) — греческий поэт периода перехода от классики к эллинизму. Упоминаемое стихотворение «Персы» (написано в 419—416 гг. до н. э.) относится к жанру «нома».

⁹ Исократ (436—338 гг. до н. э.) — выдающийся древнегреческий оратор и публицист.

¹⁰ Лисий (ок. 459 — ок. 380 гг. до н. э.) — один из наиболее крупных ораторов древней Греции.

¹¹ Эсхин (390—314 гг. до н. э.) — талантливый оратор, соперник и политический противник Демосфена.

¹² Гекатей Милетский (конец VI — начало V в. до н. э.) — древнегреческий историк, крупнейший из предшественников Геродота. Его сочинения сохранились лишь в немногих отрывках, цитируемых более поздними авторами.

¹³ Феопомп — историк второй половины IV в. до н. э. с о-ва Хиос. В характеристике уцелевшей части его наследия Л. Дойель допускает неточность: от одного лишь его сочинения «История Филиппа Македонского» сохранилось 250 фрагментов; известны также отдельные отрывки из других работ Феопомпа — «Истории Греции» и «Сокращения „Истории“ Геродота». Оксиринхский исторический текст обычно атрибутируется не Феопомпу и не Эфору (о чем несколько ранее пишет Л. Дойель), а неизвестному автору, так называемому оксиринхскому историку.

¹⁴ Орфические — относящиеся к мистическому тайному учению орфиков, возникшему в VIII в. до н. э.

Х

¹ Майкл Вентрис (1922—1956 гг.) — выдающийся английский дешифровщик (архитектор по образованию и профессии), разработавший в 1952—1956 гг. метод чтения до тех пор недешифрованного крито-микенского письма («линейного Б»). О пути, которым М. Вентрис пришел к своему открытию, подробно рассказывается в книге его сотрудника Дж. Чэдуика «Дешифровка линейного письма Б» (русский перевод — в сб. «Тайны древних письмен. Проблемы дешифровки». М., 1976, с. 109—250).

² «Септуагинта» — греческий перевод Библии, выполненный «семьюдесятью толковниками» в Александрии в III в. н. э.

³ Койне — греческий диалект, развившийся из аттического и бытовавший в Восточном Средиземноморье в эллинистическую и византийскую эпохи.

⁴ Плиний Младший (61/62 — ок. 114 г. н. э.) — римский писатель и государственный деятель. Сохранилось собрание его писем в 10 книгах, адресованных видным деятелям эпохи (в частности, историку Тациту и императору Траяну). Письма Плиния представляют собой замечательный образец латинской прозы и исключительно ценны как исторический источник.

⁵ Филип Дормер Стенхоп Честерфилд (1694 — 1773 гг.) — английский писатель, государственный деятель и дипломат. Его «Письма к сыну» вошли в историю английской литературы как классическое произведение эпистолярной прозы XVIII в. и трогательный человеческий документ.

⁶ Райнер-Мария Рильке (1875—1926 гг.) — великий австрийский поэт, письма которого считаются одной из вершин эпистолярного мастерства в немецкой словесности XX в.

⁷ См. примеч. 1 к гл. VIII.

⁸ Гностицизм неправомерно определять только как «христианскую ересь», поскольку это религиозное учение отчасти предшествовало христианству (см. Предисловие, с. 14).

⁹ Юлий Цезарь Германик — племянник и приемный сын императора Тиберия (14—37 гг. н.э.), удачливый молодой полководец, пользовавшийся огромной популярностью в народе. Умер в 19 г. н.э. (современники подозревали, что он был отравлен по тайному приказу Тиберия).

¹⁰ Антонин Каракалла — римский император (211—217 гг. н.э.). Его известный эдикт 212 г. даровал римское гражданство отнюдь не всем жителям империи, а только свободным, за вычетом некоей категории «дидитицев» (возможно, под ними понимались не приписанные к городским территориям племена или определенные разряды вольноотпущенников).

¹¹ Диоклетиан — римский император (284—305 гг. н.э.). В его правление были проведены административная, военная и ряд финансовых (новый порядок взимания налогов, эдикт о максимальных ценах и др.) реформ.

¹² Согласно концепции К. Юнга (1875—1961 гг.), швейцарского психолога и философа, в созданиях человеческой культуры неизменно проявляются некие архетипы, «первообразы», т. е. мотивы или схемы, постоянно присутствующие в «бессознательном» как отдельного индивида, так и всего человечества.

¹³ Томас Карлейль (1795—1881 гг.) — английский публицист, историк, философ.

¹⁴ Страбон (63 г. до н.э.—19 г. н.э.) — греческий историк и географ. В последней, XVII книге его основного труда «География» содержатся обильные сведения о географии и истории Египта.

¹⁵ Диодор Сицилийский (ок. 90—21 гг. до н.э.) — историк, автор энциклопедической «Исторической библиотеки» в 40 книгах (до нас дошло 15). Сочинение это представляет собой всеобщую историю народов Средиземноморья с мифических времен до смерти Юлия Цезаря.

¹⁶ Плутарх Херонейский (ок. 46—ок. 127 гг.) — греческий писатель и философ времен Римской империи, автор «Параллельных жизнеописаний» известных эллинов и римлян.

XI

¹ Фалес (ок. 624—574 гг. до н.э.) — древнейший греческий мыслитель, основатель милетской школы «фисиологов», философ, математик, физик и астроном. Заимствовал ряд важных математических и астрономических сведений из египетской традиции. Сочинения Фалеса не сохранились.

² Сейчас XIX династию датируют 1314—1200 гг. до н.э.

³ Демотическое («народное») письмо, разновидность курсива, в котором несколько знаков подчас сливаются в один, появилось в VIII в. до н.э., т. е. за несколько сот лет до «эры Птолемеев» (см., например, М. А. Коростовцев. Язык и письмо древних египтян. — Культура древнего Египта. М., 1976, с. 303).

⁴ Здесь неточность. Повесть о путешествии Ун-Амуна в Библ сохранилась не полностью; рассказ о нелегком пути героя на родину оборван на середине. Нет оснований называть эту повесть «одним из самых популярных произведений египетской светской литературы», если имеется в виду ее популярность у древних египтян, а не у египтологов. Сохранился лишь один ее список, возможно даже — оригинал. Он хранится в Государ-

ственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве. Уникальность «Путешествия Ун-Амуна» и подлинная популярность его в наши дни обусловлены тем, что это практически единственное вполне реалистическое произведение древнеегипетской литературы, художественно отображающее реальные события, лишенное мифологических мотивов и сказочной фантастики.

⁵ В. С. Голенищев (1856—1947 гг.) — русский египтолог, ассириолог и семитолог. В течение ряда лет проводил самостоятельные археологические исследования в Египте, собрал огромную коллекцию египетских и переднеазиатских древностей.

⁶ Английский перевод Джеймса Г. Брэстеда [212, 207], приводимый автором, существенно устарел. Данный перевод основывается на новом прочтении гимна, сообщенном канд. ист. наук Е. С. Богословским, которому переводчик выражает глубокую признательность. Учен также новейший английский перевод в книге: Miriam Lichtheim. *Ancient Egyptian Literature*. Berkeley — Los Angeles — London, 1975, с. 199—200.

⁷ V и VI династии датируются сейчас 2563—2263 гг. до н. э.

⁸ *Passe partout* (фр.) — букв. «проходи всюду», ключ к любым замкам. — *Примеч. пер.*

⁹ Болтовня Полония — имеются в виду многословные назидания Полония Лаэрту и Офелии в III явлении II действия трагедии Шекспира «Гамлет».

¹⁰ Послеэхнатоновское время — период, непосредственно последовавший за правлением Аменхотепа IV (Эхнатона). Этот фараон совершил религиозный «переворот», утвердив в государстве монотеистический культ солнечного божества Атона. Хотя реформа Эхнатона и не пережила его семнадцатилетнего царствования, последующая эпоха характеризуется заметным ростом монотеистических тенденций.

¹¹ Тексты из «Поучения Ахтоя» приводятся в переводе О. Д. Берлева (Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963, с. 55—59).

¹² Автор следует устаревшей, давно отвергнутой интерпретации данного текста. Сейчас преобладающим является мнение, что в цитируемом отрывке бросается упрек богу Солнца, который, как творец мира, ответствен за описываемые Ипувером бедствия. В древнеегипетской литературе известны «пророческие» тексты, отчасти даже с мессианистскими мотивами, но «Речение Ипувера» таковым (что общепризнанно) не является, а потому аналогично с библейскими пророками вряд ли можно признать удачной.

¹³ Обераммергау — селение в Баварии, известное тем, что здесь через каждые десять лет разыгрывались (в память чумы 1634 г.) фольклорно-религиозные мистерии.

¹⁴ Потифар (библ. Пентефрий) — египетский вельможа, надзирателем за хозяйством которого служил, по преданию, библейский Иосиф, проданный братьями в рабство в Египет. Когда жене Потифара не удалось склонить Иосифа к прелюбодеянию, она обвинила его перед мужем в попытке овладеть ею и добилась его наказания (Бытие, 39).

XII

¹ Артур Эванс (1851—1941 гг.) — выдающийся английский археолог, которому принадлежит честь открытия крито-микенской цивилизации.

² По новейшим данным, Угарит погиб в результате стихийной катастрофы: землетрясения и пожара. «Народы моря» в своем движении обошли его стороной, а при ассирийцах города уже не существовало.

³ Синайская письменность середины II тысячелетия до н. э. была открыта Ф. Петри зимой 1904—1905 гг. (не следует смешивать это «протосинайское» письмо с более поздним «синайским», которое является связующим звеном между набатейской и арабской письменностью). О протосинайском письме и других семитских слоговых системах см.: И. Гельб. Западное семитские силлабарии.— Тайны древних письмен. М., 1976, с. 263—300.

⁴ Было бы правильнее сказать, что до логического завершения принципа алфавитного письма довели только греки, дополнившие его отдельными буквенными знаками для передачи гласных.

⁵ Цафон или Цапуну — древнее название реальной горы в окрестностях Угарита, мыслившейся местопребыванием Баала.

⁶ Бык — эпитет бога Эла.

⁷ Здесь и далее приводятся переводы В. А. Якобсона, заимствованные нами из книги «Мифологии древнего мира». М., 1977. Там же (с. 199—232) см. более подробное изложение ханаанских мифов.

⁸ Ямм — «море». Через другой вариант имени — Яву — этого бога иногда соотносят с библским Иево и библейским Яхве.

⁹ Мот — ханаанский бог смерти; так же, как и Ямм, — противник Баала. Но если Ямм — это древний царь богов, некогда свергнутый Баалом, то конфликт Баала с Мотом ханааняне представляли себе постоянно возобновляющимся.

¹⁰ Амфитрион — мифический царь Тиринфа. Согласно преданию, Зевс, приняв облик Амфитриона, явился к супруге царя Алкмене, которая родила от него великого героя Геракла.

¹¹ В середине 70-х годов появились сообщения об открытии в пункте Тель-Мардих (древняя Эбла) огромной библиотеки и архива на местном ханаанском и староаккадском языках. Тексты датируются концом III тысячелетия до н. э. Таким образом, можно ожидать вскоре открытия и публикации новых литературных материалов из Северной Сирии, которые, вероятно, существенно пополнят наши знания об истории древней словесности этого района.

XIII

¹ Историю продажи «Синайского кодекса» Л. Дойель излагает довольно тенденциозно. Подробнее см. Предисловие, с. 10—11.

² См. Предисловие, с. 10—11.

³ Абельяр — см. примеч. 3 к гл. I.

⁴ Бенедикт Спиноза (1632—1677 гг.) — выдающийся голландский философ, пантеист и рационалист; один из основоположников исторической критики Ветхого завета.

⁵ Ориген (ок. 185—253/254 гг. н. э.) — христианский теолог, философ и ученый, вооруживший христианскую апологетику высшими достижениями античной философской и научной мысли. Ориген разработал доктрину о трех уровнях смысла и интерпретации библейских текстов (буквальном, моральном и философско-мистическом), которая легла в основу средневековой традиции аллегоризма и символизма.

⁶ Иероним (342—420 гг.) — последователь Оригена, теолог и ученый, один из «отцов» западной церкви.

⁷ Юлиус Вельгаузен (1844—1918 гг.) — немецкий ориенталист и библеист. В 1878 г. опубликовал свой классический труд «История Израиля», в котором дал историко-хронологическую схему происхождения основных элементов Шестидневия.

⁸ Левант — восточное Средиземноморье.

⁹ Равенна — итальянский город, в раннее средневековье бывший под властью Византии. Здесь сохранились замечательные памятники византийской архитектуры и искусства.

¹⁰ Из статьи Курта Вейцманна («Time», 3.IV.1959, с. 88). — *Примеч. авт.*

¹¹ См. примеч. 2 к гл. X.

XIV

¹ Прунер-бей — Ф. Прунер, придворный врач египетского наместника Мухаммеда Али-паши, немец по происхождению, знаток арабского языка, собиратель восточных рукописей. См. о нем: И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. Т. V. М. — Л., 1958, с. 252.

² Л. Дойель имеет в виду Порфирия Успенского. См. Предисловие, с. 9.

³ Слова Г. О. Кокса из его «Отчета правительству ее величества о греческих рукописях, хранящихся в библиотеках Леванта» (Л., 1858), цитируемые Тишендорфом в [330]. — *Примеч. авт.*

⁴ Хедив — официальный титул вице-короля Египта, введенный, однако, только в 1867 г.; в описываемое время правитель Египта считался наместником султана.

⁵ А. С. Норов (1795—1869 гг.) — русский государственный деятель, писатель, ученый-лингвист, собиратель рукописей. С 1851 г. действительный член Академии наук. Министр народного просвещения в 1854—1858 гг. Пять томов «Путешествий» А. С. Норова (по странам Восточного Средиземноморья) изданы в Петербурге в 1854 г.

⁶ Точнее, согласно христианской традиции, семьдесятю двумя переводчиками, работавшими в Александрии в III в. н. э.

⁷ Кохинур, или Кохинор (от персидского «кох-и-нур» — «гора света») — знаменитый алмаз (до обработки — $186\frac{1}{16}$ карата, после — $106\frac{1}{16}$), сменивший многих царственных владельцев и в конце концов захваченный у пенджабского правителя Ранджит Сингха англичанами, поместившими его в сокровищницу британской короны.

⁸ Экзегетическая — т. е. относящаяся к области экзегезы — истолкования, раскрытия глубинного смысла сакрального текста.

⁹ Аламо — форт в г. Сан-Антонио, штат Техас, гарнизон которого был полностью уничтожен мексиканцами в 1836 гг., во время войны между Мексикой и Техасом. Слова «Помни об Аламо!» стали с тех пор боевым девизом техасцев, а в дальнейшем перешли в арсенал североамериканского шовинизма.

¹⁰ Эльзас-Лотарингия — историческая область Франции, граничащая с Бельгией и ФРГ. Вошла в состав Франции в 1648 г. В XIX—XX вв. являлась постоянным объектом претензий германского империализма. В ходе войны 1871 г. была отторгнута Германией. После первой мировой войны по Версальскому договору Эльзас-Лотарингия была возвращена Франции. В 1940 г. вторично захвачена Германией и возвращена в состав Франции после разгрома фашизма.

¹¹ S. P. Tregelles. An Introduction to the Critical Study and Knowledge of the Holy Scripture. L., 1856. Цитируется в [330, 80]. — *Примеч. авт.*

¹² Имеются в виду памятники античной скульптуры, удаленные варварскими методами из афинского Парфенона и вывезенные в 1803 г. в Англию послом в Константинополе лордом Элджином.

XV

¹ «The Times». 21.V.1881. — *Примеч. авт.*

² Василианские — т. е. следующие монашеским правилам, установленным Василием Кесарийским (ок. 330—379 гг.), ранневизантийским церковным деятелем, одним из важнейших «святителей» восточной церкви.

³ В применении к Иисусу как сыну Марии.

XVI

¹ Юстин Мученик (или Философ; ум. ок. 165 г.) — раннехристианский философ и писатель, уроженец Палестины.

² О современном состоянии «синоптической проблемы» см.: М. М. Кубланов. Новый завет. Поиски и находки. М., 1968, с. 78—86.

³ Пресвитер Иоанн — по средневековым легендам, мифический царь-первосвященник, правящий могущественным христианским государством где-то в глубинах Азии.

⁴ Тюбингенская школа, основанная либеральным протестантским теологом, профессором Тюбингенского университета Фердинандом Христианом Бауром (1792—1860 гг.), применяла гегелевский диалектический метод к исследованию Нового завета, подвергала евангельские тексты рационалистической критике. Подробнее см.: Г. М. Лившиц. Очерки историографии Библии и раннего христианства. Минск, 1970, с. 127 и сл.

⁵ «Варлаам и Иоасаф» — памятник византийской литературы (VII—IX вв.), повествующий об обращении язычников в христианство. Основной сюжет романа занесен из Индии и представляет собой христианскую переработку легендарной биографии Будды.

XVII

¹ Рыцарское достоинство — личное, не наследственное дворянство, даваемое подданным Великобритании как особая награда за заслуги или вместе с некоторыми из высших орденов. Дает право на ношение перед именем (но не перед фамилией) титула «сэр». В иерархии дворянских рангов стоит ниже низшего наследственного звания — баронета.

² Впоследствии стало общепринятым составлять кодекс из тетрадей по четыре согнутых пополам листа в каждой (итого 16 страниц), откуда и слово «тетрадь» (от греческого «тетрадион», производного от числительного «четыре»). (См.: В. Г. Бороухович. В мире античных свитков. Саратов, 1976, с. 116).

³ В дальнейшем такая единица структуры кодекса получила латинское название «бинион» (производное от числительного «два»). (См.: В. Г. Бороухович. В мире античных свитков. Саратов, 1976, с. 116.)

⁴ Бодмеровское «Евангелие от Иоанна» датируют первой половиной III в. (См.: М. М. Кубланов. Новый завет, с. 91).

⁵ Имеется в виду так называемый Папирус Эджертон, содержащий фрагменты неизвестного, неканонического евангелия. Список датируется первой половиной II в.

XVIII

¹ Здесь автор допустил ошибку. Приведенная им фраза — не из Талмуда, а из Псалма 118 (117), 22. — *Примеч. пер.*

² Неточность. Первоначальное значение слова «гениза» — «сокровищница».

³ Здесь у читателя может создаться впечатление, будто Библия была впервые кодифицирована масоретами. В действительности канонический текст Библии был утвержден в 92 г. н. э. Через 500 лет редакторы-масореты приступили к уточнению и исправлению канонического текста.

⁴ Диаспора (греч. «рассеяние») — термин, обозначающий совокупность еврейских общин, живших в период возникновения христианства за пределами Палестины.

⁵ Характеристика, даваемая автором деятельности А. С. Фирковича, неверна. Подробнее см. Предисловие.

⁶ Последние фразы абзаца, а также подпись под фрагментом рукописи «Кодекса Пророков» содержат целый ряд неточностей.

⁷ См. примеч. 1 к Предисловию автора.

⁸ Дополнение к трактату «Абот», приписываемое раввину Натану Вавилонскому. Обе дошедшие версии изданы в 1887 г. С. Шехтером.

⁹ Произведение, известное на Западе под названием «Экклесиастик» (не путать с «Экклесиастом» Библии!), в православной традиции обычно именуется «Премудрость Иисуса, сына Сирахова».

¹⁰ Сомнительное утверждение. См. Предисловие.

¹¹ Основные находки текста Бен Сиры были сделаны — о чем автор, видимо, во время написания книги еще не знал — при раскопках в Масаде, тоже в Иудейской пустыне, в середине 60-х годов.

¹² Аквила (II в.) — иудей-прозелит, родом из Синопа Понтического; известен переводом Ветхого завета с древнееврейского языка на греческий.

¹³ Теперь имеются посвященные рукописям генизы работы: S. D. Goitein. A Mediterranean Society. The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza. Vol. I—II. Berkeley — Los Angeles, 1967—1971. Он же. Letters of Medieval Jewish Traders. Princeton, 1973.

¹⁴ «Папирус Нэша» относится ко II—I вв. до н. э.

¹⁵ Знаменитый «Кодекс Пророков» был найден А. С. Фирковичем не в Крыму, а в окрестностях Дербента.

¹⁶ Chansons de geste («Песни о деяниях») — героические поэмы, составляющие в совокупности старофранцузский эпос. Наиболее известной из их числа является «Песнь о Роланде».

¹⁷ Гаон — титул, который носили главы двух еврейских «академий», действовавших на территории Вавилонии, — сурской и пумбедитской.

¹⁸ Моисей Маймонид (1135—1204 гг.) — выдающийся испано-еврейский философ, теолог и врач.

¹⁹ Йехуда Галеви (1080/1086 — ок. 1142 гг.) — знаменитый еврейский поэт и философ.

²⁰ Филон Александрийский (21 или 28 г. до н. э. — 41 или 49 г. н. э.) — иудейско-греческий философ, применивший достижения философии платонизма к интерпретации библейских текстов.

²¹ Это не единичный пример рационалистической критики Ветхого завета в рамках иудейской традиции. Ср., например, деятельность жившего в VIII в. известного комментатора Библии Хиви Гавалки (о нем: Г. М. Лившиц. Очерки историографии Библии и раннего христианства, Минск, 1970, с. 9—11).

²² Фарисеи — религиозно-общественное течение, пользовавшееся большим влиянием в Иудее в первые века до и после начала н. э.

²³ Селевкиды, правители могущественнейшего из эллинистических государств, владели Иудеей в III—II в. до н. э. Окончательное отделение Иудеи, которому начиная со 171 г. предшествовал ряд антиселевкидских восстаний, произошло в 129 г. до н. э.

²⁴ Хасмонен (Маккавеи) — династия, правившая Иудеей в 152—37 гг. до н. э.

XIX

¹ Согласно библейскому преданию, израильский царь Саул дважды преследовал с войском в пустыне бежавшего от него героя Давида, который был ранее оруженосцем Саула и развлекал его игрой на гуслях.

² Иерусалимский храм — национальная святыня Иудеи — был разрушен римлянами после подавления антиримского восстания, в 70 г. н. э.

³ В еврейско-хазарской переписке X в. действительно фигурирует предание о находке в пещере древних священных книг. Хазары уверяют, что это открытие было сделано их предками на их родине (в Дагестане?), а испанский корреспондент хазарского царя Иосифа Хасдай ибн Шафрут сообщает сходную легенду, события которой происходили в Эдоме, пустынной стране к юго-востоку от Палестины. Видимо, в X в. эта легенда имела широкое распространение у евреев различных областей, а толчком к ее возникновению могла послужить действительная находка в Палестине около 800 г., о которой рассказывает Л. Дойель. (См. П. К. Коковцев. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932; М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, с. 270—273.)

⁴ Ошибка. Мухаммад ад-Диб нашел только семь свитков.

⁵ Для I кумранской пещеры эти цифры явно завышены.

⁶ Схизматические — раскольнические, сектантские.

⁷ Зелоты — представители общественно-религиозного движения, возникшего в Иудее в конце I в. до н. э. По мировоззрению зелоты были близки фарисеям, но отличались от них «чрезвычайным радикализмом в своих социально-политических устремлениях и в общественной практике» (М. М. Кубланов. Возникновение христианства, с. 57).

⁸ Как мы уже указывали, важнейшие находки текста «Экклесиастика» были сделаны в середине 60-х годов в Масаде.

⁹ В действительности — семь.

¹⁰ Подробнее об этом см.: Дж. Марко Аллегро. Сокровища медного свитка. М., 1967 [пер. с англ.].

XX

¹ Перевод выполнен О. Румером. Омар Хаям. М., 1922.

² «The New York Times». 28.XII.1956, с. 14. — *Примеч. авт.*

³ «Пилтдаунский человек» — как предполагали, отличный от неандертальца предок Homo Sapiens, останками которого считался найденный коллекционером Даусоном в 1912 г. в Пилтдауне (графство Сассекс, Англия) череп, вмещавший в себе ряд черт человека и обезьяны. Сторонники подлинности находки дали новому существу имя «эоантроп Даусона». Только в 1953 г. удалось неопровержимо доказать, что пилтдаунский череп был искусной подделкой. Наиболее подробно история пилтдаунской подделки освещена в книге: J. S. Weiner. The Piltdown Forgery. L., 1955.

⁴ В некоторых протестантских церквях так называются члены женских орденов, основную обязанность которых составляет уход за больными и помощь беднякам.

⁵ Моавский камень был найден в середине прошлого века. Надпись на нем датируется серединой IX в. до н.э. и долгое время (до открытия в 1923 г. надписи на саркофаге Ахирама Библского, XIII в. до н.э.) считалась древнейшей семитской надписью, выполненной «алфавитным» письмом. Содержание надписи составляет восхваление побед моавского царя Меши над Израилем и его строительной деятельности.

⁶ Силоамская надпись открыта в 1880 г. на стене туннеля, соединяющего так называемый источник Девы Марии с Силоамским прудом. Датруется концом VIII — началом VII в. до н.э. Русский перевод в книге: Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963, с. 302—303.

⁷ «Athenaeum», 8.IX.1883, с. 304—305.— *Примеч. авт.*

⁸ «Times Weekly Edition». 22.X.1883, с. 12.— *Примеч. авт.*

⁹ Свидетельству Шарля Клермон-Ганно можно теперь не придавать никакого значения. Даже сейчас самый компетентный специалист не возьмет на себя смелость визуально определить подлинность или подложность рукописи, лежащей в застекленной витрине; такому заключению должна предшествовать длительная кабинетная и лабораторная работа. Во времена же Клермон-Ганно древнееврейская палеография пребывала еще в колыбели. Кроме того, Клермон-Ганно был специалистом в области эпиграфики, но отнюдь не палеографии.

¹⁰ «The Times». 21.X.1883.— *Примеч. авт.*

¹¹ «The Times». 27.X.1883.— *Примеч. авт.*

¹² «Athenaeum». 4.X.1883.— *Примеч. авт.*

¹³ Катехизис — здесь изложение основных положений вероучения.

¹⁴ Автор отмечает, что книга Дж. Марко Аллегро «Дело Шапиры» («The Shapira Affair». N. Y., 1965) была опубликована уже после того, как он завершил работу над своей книгой.

XXI

¹ Речь идет, разумеется, только о рукописях. Древнейшими дошедшими до нас письменными памятниками Индии (если не считать текстов на печатях хараппской цивилизации, до сих пор еще не дешифрованных) являются наскальные надписи императора Ашоки (III в. до н.э.).

² Центр добычи лазурита в древности находился не в Восточном Туркестане, а в Бадахшане и на Памире.

³ Чарлз Леонард Вулли (1880—1960 гг.) — выдающийся английский археолог.

⁴ Аджанта — комплекс пещерных монастырей в центральной Индии, сооружавшийся постепенно, с I в. до н.э. до VII в. н.э. Аджанта всемирно известна своими высокохудожественными стенными росписями.

⁵ Дхарма — здесь учение Будды, мировой закон, открытый Буддой, и вытекающие из него нравственные правила.

⁶ Для обеих великих индийских религий — индуизма и буддизма характерен принцип ахинсы — непричинения вреда живым существам. У индуистов, помимо того, корова считается священным животным.

⁷ Памятники «орхоно-енисейской», тюркской «рунической» письменности VII—VIII вв. распространены в некоторых районах МНР, а в СССР — на территории Тувы и Минусинской котловины. Возможно, что «руникой»

пользовались тюркоязычные племена и более западных областей. Близость к «орхоно-енисейскому» письму обнаруживают остатки письма хазар, обитавших в северном Прикаспии; согласно газетному сообщению («Правда», 15.X.1978), «руническая» надпись на каменной плите найдена недавно в Башкирии. Об «орхоно-енисейской» письменности см. также Предисловие.

⁸ Кушанская империя, основанная племенем кушан, обитавшим в Бактрии, на севере Афганистана (их этническая принадлежность пока точно не установлена), в I—II вв. н. э. распространялась на ряд областей Средней Азии, территории современных Афганистана, Пакистана, Северной и Центральной Индии и вела борьбу с Китаем за Восточный Туркестан. В период Кушанской империи имело место широкое распространение буддизма за пределами Индии. Хотя дата возникновения Кушанского государства остается спорной, относить его проникновение в Восточный Туркестан ко времени «до начала нашей эры», как это делает Л. Дойель, нет оснований.

⁹ Неточность. Тохарские языки (тохарский А и тохарский Б) отнюдь не близки хотанскому (хотано-сакскому, действительно одному из иранских), но представляют самостоятельную ветвь индо-европейской языковой семьи.

XXII

¹ Фиваида — пустынная область в Египте, один из первых очагов христианского аскетизма и монашества.

² Татхагата — «[первые] ушедший тем [путем]», т. е. достигший нирваны, — эпитет Будды.

³ Первым компонентом слова «сериндийский» является латинское название китайцев «серы».

⁴ Эта фраза вызывает недоумение. Можно подумать, что автор просто не осведомлен о существовании в Ленинграде Дуньхуанского фонда АН СССР, насчитывающего около 12000 рукописей и являющегося одним из крупнейших в мире дуньхуанских собраний, а также Пекинского фонда, превосходящего по общему числу рукописей и английскую, и французскую коллекции.

⁵ Си-ся — тангуты, создавшие в 30-е годы XI в. на западных границах Китая мощное государство Си-ся, которое просуществовало до 1227 г. О культуре и литературе тангутов см. Предисловие.

XXIII

¹ Конкистадоры — участники испанского завоевания Центральной и Южной Америки в XVI в. (от испанского «конкиста» — «завоевание»).

² Эрнандо Кортес (1485—1547 гг.) — испанский авантюрист, во главе отряда конкистадоров разгромивший в 1519—1521 гг. мексиканскую империю ацтеков и тем положивший начало испанскому завоеванию Америки.

³ Томас Джефферсон (1743—1826 гг.) — выдающийся североамериканский политический деятель, один из лидеров борьбы за независимость, автор «Декларации независимости», принятие которой конгрессом ознаменовало возникновение США.

⁴ Симон Боливар (1783—1830 гг.) — национальный герой Латинской Америки, выдающийся государственный деятель и полководец эпохи войн за освобождение от испанского владычества.

⁵ По традиции, идущей от Колумба, считавшего, что земли, открытые им, относятся к Индии или соседствуют с ней, испанцы называли «Индия-

ми» (или «Западными Индиями») свои колоннальные владения в Америке.

⁶ Собственно, один гобелен длиной 231 фут и шириной в 20 дюймов, состоящий из 72 (первоначально 76) отдельных сцен, изображающих последовательные события завоевания Англии норманнами, хранится во французском городе Байе.

⁷ Существуют различные чтения и передачи этого имени: Мутесума, Моктесума, Мотекухсома и т. д.

⁸ Артур Рембо (1854—1891 гг.) — выдающийся французский поэт. В знаменитом сонете «Гласные» выразил мысль о соответствии между звуками и цветами.

⁹ «Желтая книга» — английский иллюстрированный журнал, выходивший раз в три месяца с 1894 по 1897 г. В нем сотрудничали многие известные писатели и художники.

¹⁰ Дэвид Юм (1711—1776 гг.) — английский философ, историк, экономист и публицист.

¹¹ S. Austain Allibone. Kingsborough, Rt. Hon. Edward King, viscount.— A Critical Dictionary of English Literature (Philadelphia, 1871).— *Примеч. авт.*

¹² См. предыдущее примеч.

¹³ Знаменитый закон 1832 г. о парламентской реформе, расширивший ряд дворянских привилегий на другие слои общества.

XXIV

¹ Эпистемология (в западноевропейской философской терминологии) — теория познания.

² «Нихонги» — сборник древних японских мифов, песен и сказаний (VIII в.).

³ Существует русский перевод этой книги: Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. М.— Л., 1959.

⁴ Уже к 1955 г., за десять лет до выхода книги Л. Дойеля, изданий и переводов было по меньшей мере десять, включая русский перевод Ю. В. Кнорозова (Диэго де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.— Л., 1955).

⁵ В 1973 г., после выхода в свет книги Л. Дойеля, известный американский археолог Майкл Д. Ко опубликовал еще один фрагмент на языке майя, так называемую Рукопись Гролье, хранящуюся в частном собрании в Нью-Йорке.

XXV

¹ Никколо Маккьявелли (1469—1527 гг.) — выдающийся итальянский политический деятель, мыслитель и писатель эпохи Возрождения.

² Джироламо Савонарола (ум. в 1498 г.) — итальянский религиозный реформатор, стоявший во главе демократического религиозно-общественного движения во Флоренции в 1494—1498 гг.

³ Джованни Фра Анджелико (1387—1455 гг.) — выдающийся итальянский живописец, большую часть жизни работавший в городке Фьезан, неподалеку от Флоренции, и в самой Флоренции, в монастыре при церкви св. Марка.

⁴ «Двенадцать-Оллин» так же как «Восемь-Олень» — официальные имена, передающие даты рождения. «Оллин» — ацтекское название одного из дней 20-дневного месяца, обозначающее «землетрясение».

⁵ Хатшепсут — царица, правившая Египтом двадцать лет, приблизительно с 1500 г. до н. э.

⁶ Бартольд Георг Нибур (1776—1831 гг.) — немецкий историк.

⁷ Джордж Грот (1794—1871 гг.) — английский историк и политический деятель, автор монументальной истории Греции.

⁸ Джордж Льюис (1806—1863 гг.) — английский государственный деятель и ученый, историк античности.

БИБЛИОГРАФИЯ

Следующий ниже перечень книг и статей, организованный в соответствии с основными разделами этой книги, отнюдь не является исчерпывающим. Он просто представляет определенную подборку материалов, которые я счел наиболее полезными в процессе подготовки моей книги — работы, которая сама по себе посвящена отдельным сторонам почти неисчерпаемого предмета и охватывает много веков и цивилизаций.

Как уже упоминалось в предисловии, мне неизвестна какая-либо иная книга на столь обширную тему, если не считать очень небольшой книжки Фредерика Дж. Кеньона «Древние книги и современные открытия», представляющей собой сборник лекций, прочитанных им в 1927 г. в Кэкстон-клубе в Чикаго. Есть также сравнительно недавно появившаяся (1962) прекрасная журнальная статья известного ученого-классика Дж. Хайзта, посвященная нашей теме.

Нет нужды говорить, что я пользовался намного бóльшим числом источников, чем можно было здесь отметить, и среди них всякого рода журналами и библиографиями, а также такими обычными справочными пособиями, как «Энциклопедия по древней истории» Паули-Виссовой, «Оксфордский классический словарь», «Энциклопедия религий и этики», «Итальянская энциклопедия», «Национальный биографический словарь», и тьмой других. Довольно много книг, упомянутых ниже, снабжено, в свою очередь, библиографическими указателями.

Читателю, не желающему отставать от новых рукописных открытий, можно посоветовать внимательно знакомиться со специализированными журналами (например, «Журнал египетской археологии» и «Журнал библейской литературы»), ряд которых регулярно помещает на видном месте статьи или перечисления новейших находок. Различные национальные и международные палеографические и папирологические общества имеют свои собственные печатные органы. Просмотр докладов, читаемых на их конференциях, может предоставить особенно ценный материал. Что касается свитков Мертвого моря, а также всех связанных с ними вопросов, то мы имеем, в сущности, исчерпывающие библиографии, прежде всего библиографию Кристофа Бурхардта в «Приложении к журналу ветхозаветных исследований» (Берлин). Новости о рукописных открытиях в этом районе охотно публикуют непрофессиональные издания, а сведения о неожиданных находках, таких, как находка покрытых этрусскими надписями золотых табличек в Италии в 1964 г., попадают даже на страницы ежедневной прессы.

Источники, упомянутые здесь в одном разделе, не повторяются в других. Как правило, я включал в список то издание работы, к которому я обращался, и если мне было известно и доступно более солидное издание в

бумажной обложке, я отдавал предпочтение ему. Иногда я также включал в перечень переиздания и свежие, исправленные издания. Само собой разумеется, что такие «классические» работы XIX в., как труды Буркхардта, Прескотта и Симондса, неоднократно издавались ранее.

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА

1. Altik R. D. The Scholar Adventurers. N. Y., 1960.
2. Birt T. Die Buchrolle in der Kunst. Lpz., 1907.
3. Blumenthal W. H. Bookman's Bedlam of Literary Oddities. New Brunswick, 1955.
4. Ceram C. W. Gods, Graves, and Scholars. N. Y., 1951.
5. Ceram C. W. The March of Archaeology. N. Y., 1958.
6. Clark J. W. The Care of Books. Cambridge, 1901.
7. Cleator P. E. Lost Languages. N. Y., 1962.
8. Cramer F. H. Bookburning and Censorship in Ancient Rome.— «Journal of the History of Ideas». Vol. VI, 1955.
9. Curtis G. P. Some Lost Manuscript Treasures.— «Catholic World». Vol. LXXIII, 1901, July.
10. Daniel G. E. A Hundred Years of Archaeology. L., 1950.
11. Diringer D. The Hand-produced Book. L., 1953.
12. Doblhofer E. Voices in Stone. The Decipherment of Ancient Scripts. N. Y., 1961.
13. Edwards E. Memoirs of Libraries. Vol. I—II. L., 1859.
14. Gelb I. J. A Study of Writing. Ed. 2, rev. Chicago, 1963.
15. Gibbon E. The History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Vol. I—VII. Ed. 9. L., 1923—1932.
16. Hessel A. A History of Libraries. New Brunswick, 1955.
17. Hight G. The Wondrous Survival of Records.— «Horizon». Vol. V, 1962, № 2.
18. Jackson H. The Anatomy of Bibliomania. N. Y., 1932.
19. James M. R. The Wanderings and Homes of Manuscripts. N. Y., 1919.
20. Jensen H. Die Schrift in Vergangenheit und Gegenwart. Glückstadt — Hamburg, 1935. Ed. 2, 1958.
21. Kenyon F. G. Ancient Books and Modern Discoveries. Chicago, 1927.
22. Kenyon F. G. The Bible and Archaeology. L., 1940.
23. Kenyon F. G. Books and Readers in Ancient Greece and Rome. Ed. 2. Ox., 1951.
24. Kenyon F. G. Papyrus: Alte Bücher and Moderne Entdeckungen.— «Philobiblion». Jg. XI. H. 1, 1939.
25. Macaulay R. The Pleasure of Ruins. L., 1953.
26. McMurtrie D. C. The Book: The Story of Printing and Bookmaking. Ed. 3, rev. N. Y., 1943.
27. Madan F. Books in Manuscript. L., 1920.
28. Milkau F. [Hrsg.]. Handbuch der Bibliothekswissenschaft. Bd I—II. Wiesbaden, 1952; Aufl. 2 [Leyh G., Hrsg.]. Wiesbaden, 1955.
29. Moorhouse A. C. The Triumph of the Alphabet. N. Y., 1953.
30. Prescott W. H. History of the Conquest of Mexico; History of the Conquest of Peru. N. Y., [6. r.].
31. Recovery of Lost Writing.— «Edinburgh Review». Vol. III, 1828.
32. Sahl S. History of the Book. N. Y., 1958.
33. Schreiber H., Schreiber G. Vanished Cities. N. Y., 1957.

34. Targ W. [ed.]. Bouillabaisse for Bibliophiles. Cleveland, 1955.
35. Thompson J. W. Ancient Libraries. Berkeley, 1940.
36. Wooley L. History Unearthed. N. Y., [б. г.]; L., 1958.
37. Wooley L. Spadework in Archaeology. N. Y., 1953; L., 1953.

Книга I ПРЕЛЮДИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

38. Artz F. B. The Mind of the Middle Ages. Ed. 3, rev. N. Y., 1959.
39. Bolgar R. R. The Classical Heritage and its Beneficiaries. Cambridge, 1954; Cambridge, 1964.
40. Burckhardt J. The Civilization of the Renaissance in Italy. L., 1951; N. Y., 1954.
41. Clark A. C. The Literary Discoveries of Poggio.—«The Classical Review». Vol. XIII, 1899, c. 119—130.
42. Clark A. C. Sabbadini's «Finds of Latin and Greek Manuscripts».—«The Classical Review». Vol. XX, 1906, c. 224—229.
43. Clark A. C. The Trau Manuscript of Petronious.—«The Classical Review». Vol. XXII, 1908, c. 178—179.
44. Clark J. M. The Abbey of St. Gall as a Centre of Literature and Art. Cambridge, 1926.
45. Cosenza M. E. [tr.]. Petrarch's Letters to Classical Authors. Chicago, 1910.
46. Curtius E. R. European Literature and the Latin Middle Ages. N. Y., 1953.
47. D'Israeli I. Curiosities of Literature. Vol. I. N. Y., 1865.
48. Durant W. The Renaissance. N. Y., 1953.
49. Gilmore M. P. The World of Humanism: 1453—1517. N. Y., 1952; N. Y., 1962.
50. Gutkind C. S. Poggio Bracciolini's geistige Entwicklung.—«Die Vierteljahrsschrift für Literaturwissenschaft und Geistesgeschichte». Vol. X, 1932, c. 548—596.
51. Hallam H. Introduction to the Literature of Europe. Vol. I. L., 1873.
52. Harbison H. E. The Christian Scholar in the Age of the Reformation. N. Y., 1956; The Scribner Library, [б. г.].
53. Hutton E. Giovanni Boccaccio: A Biographical Study. L., 1910.
54. Jebb R. C. The Classical Renaissance.—Cambridge Medieval History. Vol. I. Cambridge, 1902.
55. Jerrold M. F. Francesco Petrarca. Poet and Humanist. L., 1909.
56. Koerting G. Boccaccio's Leben und Werke. Lpz., 1880.
57. Koerting G. Petrarca. Leben und Werke. Lpz., 1878.
58. Kristeller P. O. Renaissance Thought. N. Y., 1961.
59. Loewe E. A. The Unique Manuscript of Tacitus «Histories».—«Casinensia». Vol. I, 1929, c. 257—272.
60. Mac Manus F. Boccaccio. L., 1947.
61. Nolhac P. de. Petrarch and the Ancient World. Boston, 1907.
62. Robinson J. H., Rolfe H. W. [eds.]. Petrarch. The First Modern Scholar and Man of Letters. Ed. 2, rev. N. Y., 1914.
63. Roscoe W. The Life of Lorenzo de' Medici. Ed. 10. L., 1902.
64. Rubinstein N. An Unknown Letter by Jacopo di Poggio Bracciolini on Discoveries of Classical Texts.—«Italia Medioevale e Umanistica». Vol. I, 1958, c. 383—400.

65. Sabbadini R. Le Scoperte dei Codici Latini ed Greci ne' Secoli XIV ed. XV. Vol. I—II. Florence, 1905—1914.
66. Sandys J. E. Harvard Lectures on the Revival of Learning. Cambridge, Mass., 1905.
67. Sandys J. E. History of Classical Scholarship. Vol. II. Cambridge, 1908.
68. Schneider K. Die Bibliothek Petrarca und ihre Schicksale.—«Zeitschrift für Bücherkunde». N. S. Vol. I, 1909, c. 157—160.
69. Shepherd R. W. The Life of Poggio Bracciolini. Liverpool, 1802.
70. Symonds J. A. The Revival of Learning. Renaissance in Italy. Vol. II. N. Y., 1960.
71. Tatham E. H. R. Francesco Petrarca. The First Modern Man of Letters. Vol. I—II. L., 1925.
72. Thompson J. W. et al. The Medieval Libraries. Chicago, 1939.
73. Tièche E. Die Wiederentdeckung der antiken Bücher im Zeitalter der Renaissance.—«Bibliothek der Schweizer Bibliophilen». Ser. III. H. 7. Bern, 1936.
74. Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen. Vol. I. München, 1909.
75. Voigt G. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums. Ed. 4. Vol. I—II. B., 1960.
76. Walser E. Poggius Florentinus. Leben und Werke. Lpz., 1914.
77. Wilkins E. H. Life of Petrarch. Chicago, 1961.
78. Wilkinson L. P. [ed.]. Letters of Cicero. L., 1949.

Книга II ДОЛГОВЕЧНОСТЬ ПАПИРУСА И ГЛИНЫ

Классическая литература

79. Baikie J. A Century of Excavation in the Land of the Pharaohs. L., 1924.
80. Baikie J. Egyptian Antiquities in the Nile Valley. A Descriptive Handbook. L., 1932.
81. Baikie J. Egyptian Papyri and Papyrus-hunting. L., 1925.
82. Barker E. R. Buried Herculaneum. L., 1908.
83. Bell H. I. Arthur Surridge Hunt, 1871—1934.—«British Academy. Proceedings». Vol. XX, 1934, c. 323—333.
84. Bell H. I. Egypt. From Alexander to the Arab Conquest. Ox., 1948.
85. Bell H. I. The Historical Value of Greek Papyri.—«Journal of Egyptian Archaeology». Vol. VI, 1920, c. 234—246.
86. Bell H. I. Hunt, Arthur Surridge.—Dictionary of National Biography, 1931—1940. L., 1949.
87. Bell H. I. Papyrology in England.—«Chronique d'Égypte». Vol. VII, № 13/14, c. 134—136.
88. Bell H. I. Recent Discoveries of Biblical Papyri. Ox., 1937.
89. Bell H. I. Review of «Papiri greci e latini».—«Journal of Egyptian Archaeology». Vol. VI, 1920, c. 129.
90. Bell H. I. Sir Frederic Kenyon, 1863—1952.—«British Academy. Proceedings». Vol. XXXVIII, 1952, c. 269—294.
91. Bell H. I. Some Private Letters of the Roman Period.—«Revue Égyptologique». N. S. Vol. I, 1919, c. 199—209.

92. Beloch J. Campanien. Topographie, Geschichte and Leben der Umgebung Neapels im Altertum. B., 1870.
93. Belzoni G. Narrative of the Operations and Recent Discoveries within the Pyramids, Temples, Tombs, and Excavations in Egypt and Nubia... L., 1820.
94. Breasted C. Pioneer to the Past. The Story of James Henry Breasted. N. Y., 1943.
95. Brion M. Pompeii and Herculaneum. The Glory and the Grief. N. Y., 1960.
96. Budge E. A. W. By Nile and Tigris. Vol. I—II. L., 1920.
97. Černý J. Paper and Books in Ancient Egypt. L., 1952.
98. Comparetti D. «La Bibliothèque de Philodème» in «Mélanges Chataelain». P., 1910, c. 118—129.
99. Comparetti D., Petra G. de. La Villa Ercolanese dei Pisoni, i suoi Monumenti e la sua Biblioteca. Torino, 1883.
100. Corti E. C. C. The Destruction and Resurrection of Pompeii and Herculaneum. L., 1951.
101. Cottrell L. The Mountains of Pharaoh. N. Y., 1956.
102. Crönert W. Über die Erhaltung und die Behandlung der Herculaneischen Rollen.—«Neue Jahrbücher». Vol. V, 1900, c. 586—591.
103. David M., Groningen B. A. Papyrological Primer. Ed. 3. Leyden, 1952.
104. Deissmann A. Light from the Ancient East. The New Testament Illustrated by Recently Discovered Texts of the Graeco—Roman World. Rev. ed. L., 1937.
105. Denon D. V. Travels in Upper and Lower Egypt... Vol. I—II. N. Y., 1803.
106. Ebers G. The Papyrus Plant.—«Cosmopolitan». Vol. XV, 1893, c. 677—682.
107. Egypt Exploration Fund. Graeco—Roman Branch. «Archaeological Reports». 1904/5, 1905/6, 1906/7, etc.
108. Emery W. B. Archaic Egypt. Harmondsworth, 1961.
109. Erman A. Die Herkunft der Fayum Papyri.—«Hermes». Vol. XXVI, 1886, c. 585—589.
110. Finegan J. Light on the Ancient Past. Princeton, 1946; Ed. 2. Princeton, 1959.
111. Gallavotti C. La Libreria di una Villa Romana Ercolanese.—«Bollettino del R. Istituto di Patologia del Libro». Fasc. IV, 1941, c. 129—145.
112. Glanville S. R. K. [ed.]. The Legacy of Egypt. Ox., 1942.
113. Gomperz H. [Hrsg.]. Theodor Gomperz: Briefe und Aufzeichnungen. Vol. I. Wien, 1936.
114. Goodspeed E. J. Papyrus Digging with Grenfell and Hunt.—«Independent». Vol. LVII, 1904, c. 1066—1070.
115. Grenfell B. P. The Oldest Record of Christ's Life. The First Complete Account of the «Saying of Our Lord», with an Introduction by F. G. Kenyon.—«McClure's». Vol. IX, 1897, c. 1022—1030.
116. Grenfell B. P. The Present Position of Papyrology.—«John Rylands Library. Bulletin». Vol. VI, 1921, c. 142—162.
117. Grenfell B. P. The Value of Papyri for the Textual Criticism of Extant Greek Authors.—«Journal of Hellenic Studies». Vol. XXXIX, 1919, c. 16—36.

118. Grenfell B. P., Hunt A. S. Excavations at Oxyrhynchus.—«Archaeological Reports» of Egypt Exploration Fund. Graeco—Roman Branch. 1904/5, 1905/6.
119. Grenfell B. P. A Large Find of Papyri.—«The Athenaeum». № 3785, 1900, May, c. 600—601.
120. Grenfell B. P. The Oxyrhynchus Papyri. Vol. I—XXV. L., 1898—1959 (Egypt Exploration Fund. Graeco-Roman Branch).
121. Grenfell B. P., Smyly J. G. [eds.]. The Tebtunis Papyri. Vol. I—III. L., 1902—1938. (University of California Publications. Graeco-Roman Archaeology. I—IV.)
122. Grenfell B. P., Hunt A. S., Hogarth D. G., Milne J. G. Fayum Towns and Their Papyri. L., 1900.
123. Hadass M. Ancilla to Classical Reading. N. Y., 1961.
124. Headlam C. The Story of Naples. L., 1927.
125. Highet G. The Classical Tradition. N. Y., 1957.
126. Highet G. «The Dyskolos» of Menander.—«Horizon». Vol. I, 1959, № 6, c. 78—89.
127. Howorth H. H. Literary Discoveries in Egypt.—«Quarterly Review». Vol. 176, 1893, April, c. 344—372.
128. Hunt A. S. «B. P. Grenfell».—«Aegyptus». Vol. VIII, 1927, c. 114—116.
129. Hunt A. S. Bernard Pyne Grenfell, 1869—1926.—«British Academy. Proceedings». Vol. XII, 1926, c. 357—364.
130. Hunt A. S. J. P. Mahaffy.—«Aegyptus». Vol. I, 1920, c. 217—221.
131. Hunt A. S. The Oxyrhynchus Papyri.—«The Classical Review». Vol. XII, 1898, c. 34—35.
132. Hunt A. S. Papyri and Papyrology.—«Journal of Egyptian Archaeology». Vol. I, 1914, c. 81—92.
133. Hunt A. S. Twenty-five Years of Papyrology.—«Journal of Egyptian Archaeology». Vol. VIII, 1922, c. 121—128.
134. Hunt A. S., Edgar C. C. [eds.]. Select Papyri. Vol. I—II. Cambridge, Mass., 1923.
135. Jacobs E. Winckelmann and Bianconi.—«Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Institutes. Beiblatt». Bd 47, 1932, c. 563—597.
136. Jensen C. Die Bibliothek von Herculaneum.—«Bonner Jahrbücher». H. 135, 1930, c. 49—61.
137. Johnson J. Antinoë and its Papyri...—«Journal of Egyptian Archaeology». Vol. I, 1914, c. 168—181.
138. Justi C. Winckelmann und seine Zeitgenossen. Bd 11. Aufl. 5. Konstanz, 1956.
139. Kenyon F. G. Aristotle's Treatise on the Constitution of Athens.—«Review of Reviews». Vol. III, 1891, February, c. 175—177.
140. Kenyon F. G. Fifty Years of Papyrology.—«Actes du V Congrès International de Papyrologie». Bruxelles, 1938.
141. Kenyon F. G. Greek Papyri and Their Contribution to Classical Literature.—«Journal of Hellenic Studies». Vol. XXXIX, 1919, c. 1—13.
142. Kenyon F. G. Greek Papyri and Recent Discoveries.—«Quarterly Review». Vol. 208, 1908, c. 333—352.
143. Kenyon F. G. Hyperides.—«Quarterly Review». Vol. 178, 1894, c. 531—552.
144. Kenyon F. G. The Library of an Oxyrhynchite.—«Journal of Egyptian Archaeology». Vol. VIII, 1922, c. 3—4, 129—138.
145. Kenyon F. G. The Poems of Bacchylides... L., 1897.

146. Kenyon F. G. [ed.]. *Classical Texts from Papyri in the British Museum...* L., 1891.
147. Liebig W. Aus der Arbeit an den Papyri von Herculaneum.—«Deutsche Akademie der Wissenschaften. Wissenschaftliche Annalen». Jg. II, 1953, c. 304—313.
148. Ludwig E. *The Nile*. N. Y., 1963.
149. MacKendrick P. *The Mute Stones Speak. The Story of Archeology in Italy*. N. Y., 1960.
150. Mahaffy J. P. Further Gleanings from the Papyri.—«New Review». Vol. IX, 1893, c. 526—535.
151. Mahaffy J. P. On the Flinders Petrie Papyri.—«Cunningham Memoirs». Vol. VIII, IX, XI. Dublin, 1891, 1893, 1905.
152. Mahaffy J. P. The Petrie Papyri.—«New Review». Vol. VII, 1892, c. 549—561.
153. Maiuri A. *Herculaneum*. Roma, 1956. («Guide Books to Museums and Monuments of Italy's Ministerio della Pubblica Istruzione», № 53.)
154. Makarónas H. The Dherveni Crater.—«Greek Heritage». Vol. I, 1963, № 1, c. 5—8.
155. Martin V. [ed.]. *Papyrus Bodmer IV. Ménandre. Le Dyscolos*. Cologny — Genève, 1958.
156. Mason E. G. Greek Papyri in Egyptian Tombs.—«The Dial». Vol. XIII, 1892, June, c. 49—50.
157. Maupassant G. de. *The Collected Works*. Vol. XII. *La Vie Errante*. N. Y.—L., 1903.
158. Mitteis L., Wilcken U. *Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde*. Bd I—II. Lpz., 1912.
159. Murray M. A. William Matthew Flinders Petrie.—«Religions». Vol. XLI, 1942, October, c. 21—24.
160. Newberry P. E. William Matthew Flinders Petrie...—«Journal of Egyptian Archaeology», Vol. XXIX, 1934, December, c. 67—70.
161. Oldfather C. H. *The Greek Literary Texts from Graeco-Roman Egypt*. Madison, 1923. («University of Wisconsin Studies», № IX.)
162. Partsch J. *Papyrusforschung*. Lpz., 1914.
163. Petrie W. M. F. *Hawara, Biahmu, and Arsinoe*. L., 1889.
164. Petrie W. M. F. *Illahun, Kahun and Gurob*. 1889—1890. L., 1891.
165. Petrie W. M. F. *Methods and Aims in Archaeology*. L., 1904.
166. Petrie W. M. F. *Seventy Years in Archaeology*. L., 1931.
167. Petrie W. M. F. *Ten Years' Digging in Egypt, 1881—1891*. Ed. 2. L., 1893.
168. Powell J. U., Barber E. A. [eds.]. *New Chapters in the History of Greek Literature*. Ox., 1921, 1929, 1933.
169. Praz M. *Herculaneum and European Taste*.—«American Magazine of Art». Vol. XXXII, 1939, December, c. 684—693, 723.
170. Preisendanz K. L. *Abriss der Papyrskunde*.—Milkauf F. [Hrsg.]. *Handbuch der Bibliothekswissenschaft*. Bd I, c. 163—248.
171. Preisendanz K. L. *Papyrusfunde und Papyrusforschung*. Lpz., 1933.
172. Radice B. [ed.]. *The Letters of the Younger Pliny*. Harmondsworth, 1963.
173. Rehm W. [ed.]. *J. J. Winckelmann Briefe*. Bd. I—IV. B., 1952—1957.
174. Roberts C. H. *The Codex*.—«British Academy. Proceedings». Vol. XL, 1953, c. 169—204.

175. Roberts C. H. The Greek Papyri.—Glanville S. R. K. [ed.]. The Legacy of Egypt. Ox., 1942, c. 249—282.
176. Roberts C. H. An Unpublished Fragment of the Fourth Gospel. Manchester, 1935.
177. Rostovtzeff M. I. The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic Times.—«Journal of Egyptian Archaeology». Vol. VI, 1920, c. 161—178.
178. Rostovtzeff M. I. A Large Estate in Egypt in the Third Century B. C.: a Study in Economic History. Madison, 1922. («University of Wisconsin Studies in the Social Sciences and History», № VI.)
179. Rostovtzeff M. I. Out of the Past of Greece and Rome. New Haven, 1932.
180. Sayce A. H. The Greek Papyri.—Petrie W. M. F. Illahun, Kahun and Gurob. 1889—1890. L., 1891, c. 34—37.
181. Sayce A. H. Reminiscences. L., 1923.
182. Schmid W. Zur Geschichte der Herkulaneischen Studien.—«La Parola del Passato. Rivista di Studi Antichi». Fasc. XLIV, XLV. Napoli, 1955.
183. Schubart W. Das Alte Aegypten und seine Papyrus. B., 1921.
184. Schubart W. Einführung in die Papyruskunde. B., 1918.
185. Schubart W. Die Papyri als Zeugen Antiker Kultur. B., 1949.
186. Scott W. Fragmenta Herculensia... Ox., 1855.
187. Smith S. Sir Flinders Petrie.—«British Academy. Proceedings». Vol. XXVIII, 1942, c. 306—323.
188. Tarn W. W. Hellenistic Civilization. Ed. 3, rev., in collaboration with G. T. Griffith. Cleveland, 1961.
189. Thompson R. C. Ernest Alfred Wallis Budge.—«Journal of Egyptian Archaeology». Vol. XXI, 1935, September, c. 68—70.
190. Tyrell R. Y. The New Papyri.—«The Quarterly Review». Vol. CLXXII, 1891, c. 320—350. Reprinted in: Tyrell R. Y. Essays in Greek Literature. L., 1909.
191. Tyrell R. Y. The Poems of Bacchylides.—«The Quarterly Review». Vol. CLXXXVII, 1898, c. 422—427.
192. Waddell W. G. The Lighter Side of Greek Papyri. Newcastle, 1932.
193. Waddell W. G. Some Literary Papyri from Oxyrhynchus.—«Études de Papyrologie». Vol. I. 1932, c. 11—18.
194. Waddell W. G. A Teacher of Classics in Egypt.—«The Classical Journal». Vol. XXVIII, 1933, c. 489—496.
195. Waldstein (Walston) Ch., Shoobridge L. Herculaneum: Past, Present and Future. L., 1908.
196. Wheeler M. Flinders Petrie.—«Antiquity». Vol. XXVII, 1943, June, c. 91—92.
197. Winckelmann J. J. Critical Account of the Situation and Destruction by the First Eruptions of Mount Vesuvius, of Herculaneum, Pompeii and Stabiae... [«Sendschreiben»]. L., 1771.
198. Winckelmann J. J. Nachrichten von den Neuesten Herculanischen Entdeckungen an Heinrich Fuessli in Zurich (1764).—Fernow C. L. [Hrsg.]. Werke. Vol. II.
199. Winckelmann J. J. Werke. Fernow C. L. [Hrsg.]. Bd I—VIII. Dresden, 1808—1834.

200. Adams J. McKee. Ancient Records and the Bible. Nashville, 1946.
201. Albanèse L. Notes sur Ras Shamra.—«Syria». Vol. X, 1929, № 1 c. 16—20.
202. Albright W. F. The Archaeology of Palestine. Harmondsworth, 1951.
203. Albright W. F. From the Stone Age to Christianity. N. Y., 1957.
204. Albright W. F. New Light on Early Canaanite Language and Literature.—«Bulletin of the American Schools of Oriental Research». № 45, 1932, February, c. 15—20.
205. Albright W. F. The North-Canaanite Epic of 'Al'Eyan Ba'al and Mot.—«The Journal of the Palestine Oriental Society». Vol. XII, 1932, № 4, c. 185—208.
206. Bauer H. Das Alphabet von Ras Schamra.—«Vossische Zeitung». № 128, 1930, June.
207. Bauer H. Die Entzifferung des Keilschriftalphabet von Ras Schamra.—«Forschungen und Fortschritte». Vol. VI, 1930, c. 306—308.
208. Bauer H. Entzifferung der Keilschrifttafeln von Ras Schamra. Halle, 1930.
209. Birch S. [ed.]. Facsimiles of Two Papyri Found in a Tomb at Thebes (with account of discovery by A. Henry Rhind). L., 1863.
210. Birch S. Papyrus Harris № 1. L., 1876.
211. Breasted J. H. Ancient Records of Egypt... Vol. III. Chicago, 1905.
212. Breasted J. H. A History of Egypt. N. Y., 1937; N. Y., 1964.
213. British Museum. A General Introductory Guide to the Egyptian Collections... L., 1930.
214. British Museum. A Guide to the Babylonian and Assyrian Antiquities. Ed. 3, rev. L., 1922.
215. Budge E. A. W. The Book of the Dead. The Papyrus of Ani, Scribe and Treasurer of the Temples of Egypt about B. C. 1450. Vol. I—III. N. Y., 1913.
216. Budge E. A. W. The Rise and Progress of Archaeology. L., 1925.
217. Charles-Picard G., Charles-Picard C. Daily Life in Carthage at the Time of Hannibal. N. Y., 1961.
218. Chiera E. They Wrote on Clay. Chicago, 1956.
219. Childe G. V. New Light on the Most Ancient East. Ed. 2, rev. N. Y., [n. d.].
220. Driver G. R. Canaanite Myths and Legends. Old Testament Studies III. Edinburgh, 1956.
221. Driver G. R. Semitic Writing. From Pictograph to Alphabet. The Schweich Lectures of the British Academy, 1944. L., 1948; rev. ed. L., 1954.
222. Erman A. The Literature of the Ancient Egyptians. L., 1927.
223. Ferm V. [ed.]. Forgotten Religions. N. Y., 1950.
224. Frankfort H. Ancient Egyptian Religion. N. Y., 1961.
225. Frankfort H. The Birth of Civilization in the Near East. N. Y., 1956.
226. Friedrich J. Extinct Languages. N. Y., 1957.
227. Friedrich J. Ras Schamra. Ein Überblick über Funde und Forschungen. Lpz., 1933. («Der Alte Orient». Bd XXXIII, 1933, № 1—2.)
228. Gadd C. J. A New Script from Ancient Syria.—«Discovery». Vol. XII, 1931, c. 42—45.
229. Gardiner A. H. Egypt of the Pharaohs. Ox., 1961.

230. Gardiner A. H. New Literary Works from Ancient Egypt.— «Journal of Egyptian Archaeology». Vol. I, 1914, c. 20—36, 100—106.
231. Gardiner A. H. Writing and Literature.— Glanville S. R. K. [ed.]. The Legacy of Egypt.
232. Gaster Th. H. Thespis. Ed. 2, rev. N. Y., 1961.
233. Gordon C. H. Adventures in the Nearest East. Fair Lawn, 1957.
234. Gordon C. H. Introduction to Old Testament Times. Ventnor, 1953.
235. Gordon C. H. The Living Past. N. Y., 1941.
236. Gordon C. H. Ugaritic Literature. Rome, 1949.
237. Gray R. J. The Legacy of Canaan. Supplements to «Vetus Testamentum». Vol. V. Leyden, 1957.
238. Griffith F. L. [ed.]. The Petrie Papyri: Hieratic Papyri from Kahun and Gurob. L., 1898.
239. Griffith F. L., Griffith K. B. Egyptian Literature.— Warner C. D. [ed.]. Library of the World's Best Literature. Vol. XIII. N. Y., 1896.
240. Gunn B. The Instruction of Ptah-Hotep and the Instruction of Ke'gmeni: The Oldest Books in the World. L., 1918.
241. Hartleben H. Champollion. Sein Leben und Sein Werk. Bd I—II. B., 1906.
242. Hitti Ph. K. History of Syria. L., 1951.
243. Jirku A. Die Ausgrabungen in Palaestina und Syrien. Halle, 1956.
244. Kapelrud A. S. The Ras Shamra Discoveries and the Old Testament. Norman, 1963.
245. Keller W. The Bible as History. N. Y., 1956.
246. Kramer S. N. History Begins at Sumer. N. Y., 1959.
247. Kramer S. N. [ed.]. Mythologies of the World. N. Y., 1961.
248. Moscati S. Ancient Semitic Civilizations. L., 1957; L., 1960.
249. Moscati S. The Face of the Ancient Orient. N. Y., 1962.
250. Murray M. The Splendour That Was Egypt. A General Survey of Egyptian Culture and Civilisation. N. Y., 1949; rev. ed. N. Y., 1963.
251. Osgood H. The Oldest Book in the World.— «Bibliotheca Sacra». Vol. LV, 1888, c. 629—668.
252. Owen G. F. Archaeology and the Bible. Westwood, 1961.
253. Petrie W. M. F. Egyptian Tales Translated from the Papyri. Vol. I—II. L., 1895.
254. Pritchard J. B. [ed.]. Ancient Near Eastern Texts. Ed. 2. Princeton, 1955.
255. Schaeffer C. F.-A. The Cuneiform Texts of Ras Shamra—Ugarit. The Schweich Lectures of the British Academy, 1936. L., 1939.
256. Schaeffer C. F.-A. Discoveries at Ras Shamra...— «Illustrated London News». Vol. CLXXVII (1930, November 29), c. 968—972.
257. Schaeffer C. F.-A. Discoveries in Northern Syria.— «Illustrated London News». Vol. CLXXV (1929, November 2), c. 764—767, 784.
258. Schaeffer C. F.-A. Les Fouilles de Minet-el-Beida et de Ras Shamra.— «Syria». Vol. X, 1929, № 4, c. 285—297 (Additional «Note» by Dus-saud R., c. 297—303).
259. Schaeffer C. F.-A. A New Alphabet of the Ancients is Unearthed.— «National Geographic Magazine». Vol. LVIII, 1930, № 4, c. 476—516.
260. Schaeffer C. F.-A. Secrets from Syrian Hills.— «National Geographic Magazine». Vol. LXIV, 1933, № 1, c. 96—126.

261. Schaeffer C. F.-A., Chenet M. G. Des Tombeaux Royaux et un Palais du 2 Millénaire avant J.-C.—«L'Illustration», № 4519, 12.X.1929, c. 401—413.
262. Smith G. A Chaldean Account of the Deluge. Read 3rd December, 1872.—«Transactions of the Society of Biblical Archaeology». Vol. II. P. 1, 1873, July, c. 213—234.
263. Steindorff G., Seele K. C. When Egypt Ruled the East. Ed. 2. Chicago, 1957; Chicago, 1963.
264. Thomas D. W. [ed.]. Documents of Old Testament Times. N.Y., 1961.
265. Ungar M. F. Archaeology and the Bible. Grand Rapids, 1954.
266. Virolleaud Ch. Les Inscriptions Cunéiformes de Ras Shamra.—«Syria». Vol. X, 1929, № 4, c. 304—310 (followed by plates with transcripts).
267. Virolleaud C. La Légende Phénicienne de Danel. P., 1936.
268. Weigall A. E. P. B. The Treasury of Ancient Egypt. L., 1911.
269. Wiseman D. J. Illustrations from Biblical Archaeology. L., 1958.
270. Wright G. E. Biblical Archaeology. Abridged ed. Philadelphia, 1960.

Книга III ЭПОХА ПЕРГАМЕНА

Новый завет

271. Atiya A. S. The Arabic Manuscripts of Mount Sinai. Baltimore, 1955 (American Foundation for the Study of Man. Vol. I).
272. Atiya A. S. The Monastery of St. Catherine in Mount Sinai. Cairo, 1950.
273. Behrend H. Auf der Suche nach Schätzen. Aus dem Leben Constantin von Tischendorfs. Hrsg. 5. B., 1956.
274. Bensly R. L., Harris J. R., Burkitt F. C. [eds.]. The Four Gospels in Syriac Transcribed from the Sinaitic Palimpsest, with an introduction by Lewis A. S. Cambridge, 1894.
275. Bonner C. Biblical Papyri at the University of Michigan.—«The Harvard Theological Review». Vol. XXV, 1932, № 2, c. 205—206.
276. Bratton F. G. A History of the Bible. Boston, 1959.
277. British Museum. The Codex Sinaiticus and the Codex Alexandrinus, with a preface by Milne H. J. M. and Skeat J. C. Ed. 2, rev. L., 1955.
278. Bruce F. F. The Books and the Parchments. L., 1950.
279. Burkitt F. C. The Chester Beatty Papyri.—«Journal of Theological Studies». Vol. XXXIV, 1933, c. 363—368.
280. Clark K. W. Exploring the Manuscripts of Sinai and Jerusalem.—«Biblical Archaeologist». Vol. XVI, 1953, № 2, c. 22—42.
281. Codex Sinaiticus Goes to England.—«Christian Century». Vol. LI, 1934, January, c. 8.
282. Cureton W. Remains of a Very Ancient Recension of the Four Gospels... L., 1858.
283. Curzon H. R. (Baron of Zouche). Visit to the Monasteries in the Levant, with an Introduction by Hogarth D. G. L., 1916.
284. Enslin M. S. The Literature of the Christian Movement. N.Y., 1956.
285. Forsyth G. H. Island of Faith in the Sinai Wilderness.—«National Geographic Magazine». Vol. CXXV, 1964, № 1, c. 82—103.
286. Gibson M. D. How the Codex Was Found. A Narrative of Two Visits to Sinai, from Mrs. Lewis's Journals, 1892—1893, Cambridge, 1893.

287. Golding L. In the Steps of Moses the Lawgiver. L., [n. d.].
288. Goodspeed E. J. The Four Gospels and Shenute of Atri-pe.—«The Biblical World». N. S. Vol. XXXIII, 1909, c. 201—206.
289. Goodspeed E. J. How Came the Bible? Nashville, 1940; Apex Books, [n. d.].
290. Goodspeed E. J. Was the Codex Sinaiticus Stolen?—«Christian Century». Vol. LI, 1934, February, c. 197.
291. Goodspeed E. J. The World's Oldest Bible.—«Journal of Biblical Literature». Vol. LIV, P. II, 1935, c. 126.
292. The Greatest Book Purchase on Record.—«Literary Digest». Vol. CXVII, 1934, January, c. 39.
293. Harris J. R. The New Syriac Gospels.—«Contemporary Review». Vol. LXVI, 1894, c. 654—673.
294. Hayes R. J. The Chester Beatty Library.—«The Book Collector». Vol. VII, 1958, № 3, c. 253—264.
295. Herklots H. G. G. How Our Bible Came to Us. N. Y., 1957.
296. Howard W. F. The Romance of the Recovery of Early Christian Writings.—«London Quarterly Review». Vol. CLX, 1935, c. 1—16.
297. Hunt A. S. Codex Sinaiticus and Others.—«Spectator». Vol. CLII, 1934, c. 8.
298. Huxley A. Reflections on the Codex.—«London Mercury». Vol. XXIX, 1934, c. 302—305.
299. Johnson J. Written with the Archaeologist's Spade.—«Scientific American». Vol. CLVI, 1937, № 6, c. 374—377.
300. Kenyon F. G. The Chester Beatty Biblical Papyri. L., 1933—1936.
301. Kenyon F. G. Handbook of the Textual Criticism of the New Testament. Ed. 2, rev. Grand Rapids, 1953.
302. Kenyon F. G. New Light on the Text of the Bible.—«Discovery». Vol. XIV, 1933, November, c. 332—334.
303. Kenyon F. G. Our Bible and the Ancient Manuscripts, with an introduction by Driver C. R. Ed. 5, rev. L., 1958.
304. Kenyon F. G. Recent Developments in the Textual Criticism of the Greek Bible. The Schweich Lectures of the British Academy, 1932. L., 1933.
305. Kenyon F. G. The Story of the Bible. L., 1936.
306. Kenyon F. G. The Text of the Bible. A New Discovery.—«Times». 19.XI.1931, c. 13.
307. Kraeling C. H. A Greek Fragment of Tatian's Diatessaron from Dura. L., 1935.
308. Lewis A. S. Eastern Pilgrims. Travels of Three Ladies. L., 1870.
309. Lewis A. S. In the Shadow of Sinai. A Story of Travel and Research from 1895—1897. Cambridge, 1898.
310. Lewis A. S. Notes...—«Journal of the Royal Asiatic Society». N. S. Vol. LV, 1893, c. 647—649.
311. Lewis A. S. [ed.]. The Old Syriac Gospels or Evangelion Da-Mepharreshe... L., 1910.
312. McCown C. C. The Earliest Christian Books.—«Biblical Archaeologist». Vol. VI, 1943, № 2, c. 21—31.
313. Margoliouth D. S. Agnes Smith Lewis.—«Journal of the Royal Asiatic Society». 1926, April, c. 385—387.
314. Martin V. [ed.]. Bibliotheca Bodmeriana V: Evangile de Jean. Vol. I—II. Cologny — Genève, 1956—1958.

315. Metzger B. M. Recent Discoveries and Investigations of New Testament Manuscripts.—«Journal of Biblical Literature». Vol. LXXVIII, 1959, March, c. 13—20.
316. Metzger B. M. Recently Published Greek Papyri of the New Testament.—«Biblical Archaeologist». Vol. X, 1947, № 2, c. 25—44.
317. Milligan G. The New Testament and its Transmission. L., 1932.
318. Mould E. W. K. Essentials of Bible History. Rev. ed. N. Y., 1951.
319. The New English Bible. N. T. N. Y., 1961.
320. Oulton J. E. C. The Chester Beatty Biblical Papyri. Dublin, 1951.
321. Rau A. Bibliotheca Bodmeriana. P. I. Manuscripts.—«The Book Collector». Vol. VII, 1958, № 4, c. 380—395.
322. Rostovtzeff M. I. Caravan Cities. N. Y., 1932.
323. Rostovtzeff M. I. Dura-Europos and its Art. Ox., 1938.
324. Sanders H. A. [ed.]. A Third-Century Papyrus Codex of the Epistles of Paul.—«University of Michigan Studies». Humanities Series. Vol. XXXVIII, 1935.
325. Schlisske O. Der Schatz im Wüstenkloster. Aufl. 3. Stuttgart, 1957.
326. Schneller D. L. Tischendorf — Erinnerungen. Lahr-Dinlingen, Baden, 1957.
327. Schonfield H. J. A History of Biblical Literature. N. Y., 1962.
328. Scrivener F. H. A. A Plain Introduction to the Criticism of the New Testament for the Use of Biblical Students. Vol. I—II. Ed. 4. L., 1894.
329. Tischendorf C. von. Die Anfechtungen der Sinai-Bibel. Lpz., 1863.
330. Tischendorf C. von. Aus dem Heiligen Lande. Lpz., 1862.
331. Tischendorf C. von. Codex Sinaiticus... Tischendorf's Story and Argument Related by Himself. Aufl. 8. L., 1935.
332. Tischendorf C. von. Reise in den Orient. Bd I—II. Lpz., 1846.
333. Tischendorf C. von. Die Sinaibibel. Ihre Entdeckung, Herausgabe und Erwerbung. Lpz., 1871.
334. Vogels H. J. Die Altsyrischen Evangelien. Freiburg, 1911.
335. Vööbus A. Studies in the History of the Gospel Text in Syriac. Louvain, 1951.
336. Weitzmann K. Mount Sinai's Holy Treasures.—«National Geographic Magazine». Vol. CXXV, 1964, № 1, c. 109—127.
337. Wolf E., Fleming J. F. Rosenbach. Cleveland, 1960.

*Древнееврейские
священные тексты*

338. Adler E. N. ...The Ancient Synagogue Near Cairo.—«Jewish Quarterly Review». Vol. IX, 1897, c. 669—681.
339. Adler E. N. Genizah.—The Jewish Encyclopedia. Vol. V. N. Y., 1916, c. 612.
340. Allegro J. M. The Copper Scroll of Qumran: A Story of Hidden Treasure in a Dead Sea Scroll.—«Illustrated London News». Vol. CCXXXVIII, 1961, January, c. 16—19.
341. Allegro J. M. The Dead Sea Scrolls. Rev. ed. Harmondsworth, 1958.
342. Bentwich N. Solomon Schechter. L., 1931.
343. Bentwich N. Solomon Schechter. Philadelphia, 1938.
344. Bentwich N. Solomon Schechter.—Novek S. [ed.]. Great Jewish Personalities. N. Y., 1916.
- 666 345. Besant W. The Autobiography of Sir Walter Besant. N. Y., 1902.

346. Braun O. Ein Brief des Katholikos Timotheos I über Biblische Studien des 9. Jahrhunderts.—«Oriens Christianus». Vol. I, 1900, c. 299—313.
347. Brownlee W. H. Biblical Interpretations Among the Sectaries of the Dead Sea Scrolls.—«The Biblical Archaeologist». Vol. XIV, 1951, № 3, c. 54—76.
348. Brownlee W. H. A Comparison of the Covenanters of the Dead Sea Scrolls with pre-Christian Sects.—«The Biblical Archaeologist». Vol. XIII, 1950, № 3, c. 50—72.
349. Brownlee W. H. Muhammed ad-Deeb's Own Story of His Scroll Discovery.—«Journal of Near Eastern Studies». Vol. XVI, 1957, № 4, c. 236—239.
350. Burrows M. The Dead Sea Scrolls. N. Y., 1955.
351. Carter A. C. R. Let Me Tell You. L., 1940.
352. Clermont-Ganneau Ch. Les Fraudes Archéologiques en Palestine. P., 1885.
353. De Vaux R. O. P. Fouille au Khirbet Qumran.—«Revue Biblique». Vol. LX, 1953, c. 83—106.
354. De Vaux R. O. P. Les grottes de Murabba'at et leurs documents.—«Revue Biblique». Vol. LX, 1953, c. 245—267.
355. De Vaux R. O. P. A Propos des Manuscrits de la Mer Morte.—«Revue Biblique». Vol. LVII, 1950, c. 417—429.
356. Driver G. R. The Hebrew Scrolls. Ox., 1950.
357. Eissfeldt O. Der gegenwärtige Stand der Erforschung der in Palästina neugefundenen hebräischen Handschriften.—«Theologische Literaturzeitung». Bd LXXIV, 1949, October, c. 595—600.
358. Ginzberg L. Students, Scholars and Saints. Philadelphia, 1928.
359. Goitein D. S. From the Mediterranean to India.—«Speculum». Vol. XXIX, 1954, № 2, c. 181—197.
360. Goitein D. S. What Would Jewish and General History Benefit by a Systematic Publication of the Documentary Geniza Papers?—«American Academy for Jewish Research. Proceedings». Vol. XXIII, 1954, c. 29—39.
361. Gold N. Sixty Years of Genizah Research.—«Judaism». Vol. VI, 1957, № 1, c. 3—16.
362. Goodspeed E. J. The Story of the Apocrypha. Chicago, 1939.
363. Goshen-Gottstein M. H. The Shapira Forgery and the Qumran Studies.—«Journal of Jewish Studies». Vol. VII, 1956, № 3, c. 187—193.
364. Grégoire H. Les Gens de la Caverne, les Quaraites et les Khazares.—«Le Flambeau». Vol. XXXV, 1952, № 5, c. 477—485.
365. Harding G. L. The Dead Sea Scrolls.—«Palestine Exploration Quarterly». Vol. LXXXI, 1949, July—October, c. 112—116.
366. Harding G. L. The Dead Sea Scrolls: Excavations Which Establish the Authenticity and pre-Christian Date of the Oldest Bible Manuscripts.—«Illustrated London News». Vol. CCXV, 1949, October 1, c. 493—495.
367. Harding G. L. Khirbet Qumran and Wadi Murabba'at.—«Palestine Exploration Quarterly». Vol. LXXXIV, 1952, May—October, c. 104—109.
368. Harding G. L. Recent Discoveries in Jordan.—«Palestine Exploration Quarterly». Vol. XC, 1958, January—June, c. 7—18.
369. Harrison R. K. The Dead Sea Scrolls. An Introduction. N. Y., 1961.
370. Harry M. (Emile Perrault). La petite fille de Jérusalem. P., 1914 (The Little Daughter of Jerusalem. N. Y., 1919).

371. Hillaby J. American Revives the Biblical Scrolls Case.— «The New York Times», 13.VIII.1956, c. 1, 6.
372. Hyatt J. Ph. The Dead Sea Discoveries. Retrospect and Challenge.— «Journal of Biblical Literature». Vol. LXXVI, 1957, № 1, c. 1—12.
373. Jacobs J. A Romance in Scholarship.— «Fortnightly Review». Vol. LXXII. N. S. Vol. LXVI, 1899, c. 695—704.
374. Kahle P. E. The Cairo Geniza. Ed. 2. N. Y., 1960.
375. Kahle P. E. The Karaites and the Manuscripts from the Cave.— «Vetus Testamentum». Vol. CXI, 1953, January, c. 82—84.
376. Katz R. Seltsames Begräbnis.— «Vossische Zeitung», № 22, 14.I.1921 (abend), c. 2—3.
377. Kohler K. Dositheus, the Samaritan Heresiarch, and His Relations to Jewish and Christian Doctrines and Sects.— «The American Journal of Theology». Vol. XV, 1911, № 3, c. 404—435.
378. Kraeling C. H. A Dead Sea Scroll Jar at the Oriental Institute.— «Bulletin of the American Schools of Oriental Research». № 125, 1952, February, c. 6.
379. Lewis A. S., Gibson M. D. Palestinian Syriac Texts from Palimpsest Fragments in the Taylor—Schechter Collection. L., 1910.
380. Lieberman S. Light on the Cave Scrolls from Rabbinic Sources.— «American Academy of Jewish Research. Proceedings». Vol. XX, 1951, c. 395—404.
381. Mann J. The Genizah. What It Means to Jewish Learning.— «Menorah Journal». Vol. VII, 1921, c. 298—308.
382. Mansoor M. The Case of Shapira's Dead Sea (Deuteronomy) Scrolls of 1853.— «Transactions of the Wisconsin Academy of Sciences, Arts and Letters». Vol. XLVII, 1958, c. 183—225.
383. Marcus R. Pharisees, Essenes and Gnostics.— «Journal of Biblical Literature». Vol. LXXIII. P. 3, 1954, c. 157—161.
384. Marx A. Essays in Jewish Biography. Philadelphia, 1948.
385. Marx A. Genizah.— Universal Jewish Encyclopedia. Vol. IV, 1948, c. 531—533.
386. Marx A. The Importance of the Genizah for Jewish History.— «American Academy for Jewish Research. Proceedings». Vol. XVI, 1947, c. 183—204.
387. Nemoj L. Al-Qirqisani's Account of the Jewish Sects and Christianity.— «Hebrew Union College Annual». Vol. VII, 1930, c. 317—397.
388. Rabinowicz O. K. The Shapira Forgery Mystery.— «Jewish Quarterly Review». Vol. XLVII, 1956, № 2, c. 170—182.
389. Reed W. L. The Qumran Caves Expedition of March 1952.— «Bulletin of the American Schools of Oriental Research». № 135, 1954, October, c. 8—13.
390. Roberts B. J. Some Observations on the Damascus Document and the Dead Sea Scrolls.— «John Rylands Library. Bulletin». Vol. XXXV, 1952/53, c. 366—387.
391. Rowley H. H. The Covenanters of Damascus and the Dead Sea Scrolls.— «John Rylands Library. Bulletin». Vol. XXXV, 1952/53, c. 111—154.
392. Rowley H. H. The Zadokite Fragments and the Dead Sea Scrolls. L., 1955.
393. Schechter S. Communications on Ecclesiasticus MSS.— «The Athenaeum». 1896, May 16; June 27.

394. Schechter S. Documents of Jewish Sectaries. Vol. I—II. Cambridge, 1910.
395. Schechter S. A Fragment of the Original Text of Ecclesiasticus.—«The Expositor». Ser. 5. Vol. IV, 1896, c. 1—15.
396. Schechter S. A Hoard of Hebrew Manuscripts. «Times», 7.VIII.1897, c. 13.
397. Schechter S. The Lewis — Gibson Hebrew Collection.— «The Jewish Quarterly Review». Vol. VIII, 1896, October, c. 115—121.
398. Schechter S. The Original Ecclesiasticus. «Times», 5.VII.1897.
399. Schechter S. Studies in Judaism. Ser. 2. L., 1908.
400. Schechter S., Taylor C. [eds.]. The Wisdom of Ben Sira... Cambridge, 1899.
401. Scholars Dispute Scrolls' Validity.— «The New York Times», 28.XII.1956, c. 14.
402. Schonfield H. J. Secrets of the Dead Sea Scrolls. N. Y., 1960.
403. Sellers O. R. Excavation of the «Manuscript» Cave at 'Ain Fashka.— «Bulletin of the American Schools of Oriental Research». № 114, 1949, c. 5—9.
404. Sonne I. The Newly Discovered Bar Kokaba Letters.— «American Academy for Jewish Research. Proceedings». Vol. XXIII, 1954, c. 75—108.
405. Strack H. L. Abraham Firkowitsch und der Wert seiner Entdeckungen.— «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft». Bd XXXIV, 1880, c. 163—165.
406. Sutcliffe E. F. The Monks of Qumran as Depicted in the Dead Sea Scrolls. Westminster, 1960.
407. Teicher J. L. The Genuineness of the Shapira Manuscripts.— «The Times Literary Supplement», 22.III.1957, c. 184.
408. Trever J. C. The Discovery of the Scrolls.— «The Biblical Archaeologist». Vol. XI, 1948, № 3, c. 46—57.
409. Van der Ploeg J. O. P. The Excavations at Qumran. L., 1958.
410. Vester B. S. Our Jerusalem. An American Family in the Holy City, 1881—1949. N. Y., 1950.
411. Vincent C.-H. O. P. Une grotte funéraire antique dans L'Ouady el-Tin.— «Revue Biblique». Vol. LIV, 1947, c. 269—282.
412. Wilson E. The Scrolls of the Dead Sea. N. Y., 1955.
413. Zeitlin S. The Dead Sea Scrolls. A Travesty on Scholarship.— «Jewish Quarterly Review». Vol. XLVII, 1956, № 1, c. 10—36.
414. Zeitlin S. Revealing Data on the So-called Discovery of the Dead Sea Scrolls.— «Jewish Quarterly Review». Vol. XLVII, 1956, № 2, c. 183—187.

Книга IV СОКРОВИЩА ШЕЛКА, ДРЕВЕСНОЙ КОРЫ И БУМАГИ

Центральная Азия

415. Andrews F. H. Sir Aurel Stein: The Man.— «Indian Art and Letters». N. S. Vol. XVIII, 1944, № 2, c. 65—74.
416. British Museum Guide to the Exhibition of Paintings, Manuscripts, and other Archaeological Objects Collected by Sir A. Stein in Chinese Turkestan. L., 1914.

417. Cable M., French F. The Gobi Desert. L., 1942.
418. Carter T. F. The Invention of Printing in China... Ed. 2, rev. by Godrich L. C. N. Y., 1955.
419. Chakravarti N. P. Sir A. M. Stein.—«The Journal of the Greater India Society». Vol. XI, 1944, № 1, c. 1—6.
420. Crum W. E. A «Manichaen» Fragment from Egypt.—«Journal of the Royal Asiatic Society». 1919, April, c. 207—208.
421. Cumming J. [ed.]. Revealing India's Past. L., 1939.
422. Dames L. M. Christian and Manichaean Manuscripts in Chinese Turkestan.—«Journal of the Royal Asiatic Society». 1907, c. 1055—1057.
423. Giles L. Six Centuries at Tunhuang. A Short Account of the Stein Collection of Chinese Manuscripts in the British Museum. China Society Sinological Series, № 2. L., 1944.
424. Hudson G. F. Europe and China: A Survey of Their Relations from the Earliest Times to 1800. L., 1913. Beacon paperback, 1961.
425. Le Coq A. von. Buried Treasures of Chinese Turkestan. L., 1928.
426. Luders H. Über die Literarischen Funde aus Ost-Turkestan.—«Internationale Monatsschrift». Bd VIII, 1914, c. 1439.
427. MacLagan E. Marc Aurel Stein.—«The Hungarian Quarterly». Vol. IV, 1938, № 2, c. 273—279.
428. Oldham C. E. A. W. Sir Aurel Stein.—«British Academy. Proceedings». Vol. XXIX, 1943, c. 329—348.
429. Parsons D. The Caves of the Thousand Buddhas. A Storehouse of T'ang Buddhist Painting...—«Illustrated London News». Vol. CLXXXVIII, 1936, May 30, c. 969—971.
430. Stefansson V. [ed.]. Great Adventures and Explorations. N. Y., 1947.
431. Stein A. On Ancient Central-Asian Tracks. L., 1933.
432. Stein A. On Ancient Tracks Past the Pamir.—«Himalayan Journal». Vol. IV, 1932, April, c. 1—24.
433. Stein A. Ruins of Desert Cathay. Personal Narrative of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. I—II. L., 1912.
434. Stein A. Sand-buried Ruins of Khotan. L., 1904.
435. Stein A. Serindia. Vol. I—V. Ox., 1951.
436. Sykes P. Aurel Stein.—«American Journal of Archaeology». Vol. XLVIII, 1944, April, c. 178—179.
437. Sykes P. A History of Exploration. N. Y., 1961.
438. Vincent I. V. The Sacred Oasis. Chicago, 1953.
439. Warner L. The Long Old Road in China. N. Y., 1926.

Новый Свет

440. Adams H. B. The Abbé de Bourbourg.—«American Antiquarian Society. Proceedings». Vol. VII, 1891, April, c. 274—290.
441. Bernal I. Mexico before Cortez: Art, History, Legend. N. Y., 1963.
442. Bitterling R. Alexander von Humboldts Amerikareise in zeitgenössischer Darstellung.—«Petermanns Geographische Mitteilungen». Bd XCVIII, 1954, № 3, c. 161—171.
443. Brandon W. The American Heritage Book of Indians. N. Y., 1961; Dell-Laurel ed., 1964.
444. Brasseur de Bourbourg Ch. É. Bibliothèque Mexico — Guatémaliennne. P., 1871.
445. Brasseur de Bourbourg Ch. É. Histoire des Nations Civilisées

- du Mexique et de l'Amérique Centrale, durant les Siècles Antérieures à Christophe Colomb, Écrite sur des Documents Originaux et entièrement inédits, Prises aux Anciennes Archives des Indigènes. Vol. I—IV. P., 1857.
446. Brasseur de Bourbourg Ch. É. Manuscrit Troano. Vol. I—II. P., 1869—1870.
 447. Brasseur de Bourbourg Ch. É. Notes d'un voyage dans l'Amérique Centrale.—«Nouvelles Annales des Voyages». Sér. 6. Vol. I, 1855, August, c. 129—158.
 448. Brasseur de Bourbourg Ch. É. Relation des Choses de Yucatan de Diego de Landa... P., 1864.
 449. Brinton D. G. The Abbé Brasseur de Bourbourg and His Labors.—«Lippincott's». Vol. I, 1868, № 1, c. 79—86.
 450. Brinton D. G. Essays of an Americanist. Philadelphia, 1890.
 451. Brinton D. G. A Notice of Some Manuscripts in Central American Languages.—«Historical Magazine». Ser. 2. Vol. V, 1869, May, c. 305—309.
 452. Brinton D. G. [ed.]. The Maya Chronicles. Philadelphia, 1882 (Brinton's Library of Aboriginal American Literature, № 1).
 453. Burland C. A. Art and Life in Ancient Mexico. Ox., 1948.
 454. Burland C. A. Magic Books from Mexico. Harmondsworth, 1953.
 455. Burland C. A. The Selden Roll. B., 1955.
 456. Caso A. The Aztecs. People of the Sun. Norman, 1950.
 457. Caso A. The Codices of Azoyu.—«Dyn». № 4—5, 1943, December, c. 3—6.
 458. Caso A. Interpretacion del Codice Bodley 2858. Mexico, 1960.
 459. Caso A. El Mapa de Teozacoalco.—«Cuadernos Americanos». Vol. VIII, 1949, № 5, c. 145—181.
 460. Charency H. de. Note sur M. l'Abbé Brasseur de Bourbourg.—«Société de Géographie. Bulletin». Vol. VIII, 1874, c. 508—510.
 461. Cornyn J. H. Finding a Lost Literature.—«Pan American Magazine». Vol. XLIII, 1930, August, c. 124—126.
 462. Covarrubias M. Indian Art of Mexico and Central America. N. Y., 1957.
 463. Covarrubias M. Mexico South. N. Y., 1946.
 464. Currier Ch. W. Discovery of Historic Manuscript of Mexico.—«Pan American Union. Bulletin». Vol. XXXV, 1912, c. 542—548.
 465. Dark Ph. Mixtec Ethnohistory. Ox., 1958.
 466. Diaz del Castillo B. The Discovery and Conquest of Mexico. 1519—1521. N.Y., 1956.
 467. Gallenkamp Ch. Maya. N. Y., 1963.
 468. Gates W. E. [ed.]. The Dresden Codex. Baltimore, 1932 (Maya Society Publications, № 2).
 469. Gates W. E. [ed.]. Yucatan before and after the Conquest, by Friar Diego de Landa... Baltimore, 1937 (Maya Society Publications, № 20).
 470. Gates W. E. [ed.]. The Madrid Codex. Baltimore, 1933 (Maya Society Publications, № 21).
 471. Hagen V. von. The Aztec: Man and Tribe. N. Y., 1958.
 472. Hagen V. von. World of the Maya. N. Y., 1960.
 473. Haven S. F. Note on Alexander von Humboldt and His Services to American Archaeology.—«American Antiquarian Society. Proceedings». № 70, 1878, c. 91—100.

474. Haven S. F. Report of the Librarian.— «American Antiquarian Society. Proceedings». № 55, 1870, October, c. 42—60.
475. Humboldt A. von. Researches Concerning the Institutions and Monuments of the Ancient Inhabitants of America, with Descriptions and Views of Some of the Most Striking Scenes in Cordilleras. Vol. I—II. L., 1814.
476. Jijón y Caamaño J. Edward King, Vizconde de Kingsborough, 1795—1837.— «Boletín de la Sociedad Ecuatoriana de Estudios Históricos Americanos». Vol. I, 1918 (Quito, 1919), c. 2—9.
477. Joyce T. A. Mexican Archaeology. N. Y., 1914.
478. Long R. C. E. The Zouche Codex.— «Journal of the Royal Anthropological Society». Vol. LVI, 1926, c. 239—258.
479. The Maya and Their Neighbours. N. Y., 1940. University of Utah Press Reprint, 1962.
480. Means Ph. A. Zelia Nuttall: An Appreciation.— «Hispanic American Historical Review». Vol. XIII, 1933, November, c. 487—489.
481. Molé Harvey E. The Abbé Brasseur de Bourbourg. Summit, 1945.
482. Morley S. G. The Ancient Maya. Stanford, 1946. Ed. 3, rev. by Brainerd G. W. Stanford, 1956.
483. Morley S. G. This Historical Value of the Books of Chilán Balaam.— «American Journal of Archaeology». Ser. 2. Vol. XV, 1911, № 2, c. 195—214.
484. Müller M. Chips from a German Workshop. Vol. I. N. Y., 1870.
485. Nowotny K. A. Tlacuilolli. Die Mexikanischen Bilderhandschriften. Stil und Inhalt. B., 1961. (Monumenta Americana, III.)
486. Nuttall Z. [ed.]. The Book of the Life of the Ancient Mexicans, Containing an Account of Their Rites and Superstitions (Codex Magliabecchi). Berkeley, 1903.
487. Nuttall Z. Codex Nuttall. Facsimile of an Ancient Mexican Codex Belonging to Lord Zouche of Harynworth, England. Cambridge, Mass., 1902.
488. Peterson F. Ancient Mexico. N. Y., 1962.
489. Proskouriakoff T. The Lords of the Maya Realm.— «Expedition». Vol. IV, 1961, № 1, c. 14—21.
490. Radin P. The Sources and Authenticity of the History of the Ancient Mexicans.— «University of California Publications in American Archaeology and Ethnology». Vol. XVII. Berkeley, 1920—1926.
491. Ramírez F. Cronología de Boturini.— «Anales del Museo Nacional». Vol. VII, 1903, c. 167—197.
492. Recinos A. [ed.]. Popol Vuh. The Sacred Book of the Ancient Quiché Maya. Norman, 1950.
493. Recinos A., Goetz D. [eds.]. The Annals of Cakchiquels. Norman, 1953.
494. Rivet P. Maya Cities. L., 1960.
495. Schellhas P. Fifty Years of Maya Research.— «Maya Research». Vol. III, 1936, № 2, c. 129—139.
496. Scuria H. Alexander von Humboldt. Sein Leben und Wirken. B., 1955.
497. Seler E. Gesammelte Abhandlungen zur Amerikanischen Sprach- und Altertumskunde. Vol. I—V. B., 1902—1923.
498. Seler E. [ed.]. Historische Hieroglyphen der Azteken im Jahr 1803 im Königreich Neu-Spanien Gesammelt von A. v. Humboldt. Bd I—II. B., 1893.

499. Spence L. The Civilisation of Ancient Mexico. N. Y., 1912.
500. Spence L. The Papyri of Central America.—«The Open Court». Vol. XLII, 1928, № 4, c. 193—207.
501. Spence L. The Popol Vuh: America's Oldest Book.—«The Open Court». Vol. XLII, 1928, № 11, c. 641—658.
502. Spinden H. J. Indian Manuscripts of Southern Mexico.—«The Smithsonian Report for 1933». Publ. 3279, c. 429—451. Wash., 1935.
503. Stoddard R. H. The Life of Alexander von Humboldt. N. Y., 1859.
504. Taylor J. [ed.]. Selections from the Works of Baron de Humboldt, Relating to... Mexico. L., 1824.
505. Terra H. de Humboldt. The Life and Times of A. v. H., 1769—1859. N. Y., 1955.
506. Thompson J. E. S. The Civilization of the Mayas. Ed. 6. Chicago, 1958 (Chicago Natural History Museum. Popular Series. Anthropology, № 25).
507. Thompson J. E. S. Maya Archaeologist. L., 1963.
508. Thompson J. E. S. Mexico Before Cortez. N. Y., 1933.
509. Thompson J. E. S. The Rise and Fall of Maya Civilization. Norman, 1954.
510. Tozzer A. M. [ed.]. Landa's Relación de las Cosas de Yucatan. Cambridge, Mass., 1941 (Peabody Museum Publication. Vol. XVIII).
511. Tozzer A. M. The Value of the Ancient Mexican Manuscripts in the Study of the General Development of Writing.—«American Antiquarian Society. Proceedings». Vol. XXI, 1911, April, c. 1—24.
512. Tozzer A. M. Zelia Nuttall.—«American Anthropologist». N. S. Vol. XXXV, 1933, September, c. 475—482.
513. Tröbner N. Central American Archaeology.—«The Athenaeum». № 1492, 1859, May 31, c. 683—685.
514. Tröbner N. The New Discoveries in Guatemala.—«The Athenaeum». № 1472, 1856, January 12, c. 42—43.
515. Vaillant G. C. The Aztecs of Mexico. Harmondsworth, 1960. Rev. ed. by Vaillant S. B., 1962.
516. Valentini Ph. J. J. Landa's Alphabet a Spanish Fabrication.—«American Antiquarian Society. Proceedings». № 75, 1880, April, c. 59—91.
517. Wauchope R. Lost Tribes & Sunken Continents: Myths and Method in the Study of American Indians. Chicago, 1962.
518. Winsor J. Narrative and Critical History of America. Vol. I. Boston, 1884.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ¹

- Аббот Э. 388
 Абеляр 45, 313, 435, 637 *
 Август, имп. 120
 Св. Августин 43, 544
 Авсоний 63
 Агафон 214, 216
 Адлер Э. Н. 412, 421, 424, 429, 431
 Адриан, имп. 157, 215
 Аквила 433, 648 *
 де Акоста Х. 599
 Акхат 303, 305
 Александр Македонский 126, 143, 216, 234, 242, 367, 376, 379, 488, 490, 638 *, 639 *, 640 *
 Александр II Романов 347, 348, 350
 Алексид 96
 Алкей 203, 636, 641 *
 Алкидамант 157
 Алкман 138, 197, 640 *
 Аллегро Дж. М. 457, 650 *
 де Альварато П. 589, 593, 617
 Альо А. 577
 Аменемопе 262
 Аменемхет III 143
 Аменхотеп IV (Эхнатон) 266, 295, 644 *
 Америго Веспуччи 66
 Аммиан Марцеллин 77, 638 *
 Анан бен Давид 440, 449
 д'Анастаси Дж. 248
 Антипатр 116, 639 *
 Антонин, архимандрит 412
 Антроп 205
 Аполлодор 638 *
 Аполлоний 230, 231
 Арден Дж. 177
 Аристоксен 198
 Аристотель 45, 89, 112, 128, 138, 160, 162, 167—169, 172—174, 196, 198, 205, 207, 209, 214, 216, 252, 261
 Аристофан 209, 215
 Асконий Педиан 76, 638 *
 Ассемани, Иосиф и Илья 321
 Аттик Тит Помпоний 65, 638 *
 Ауриспа Дж. 67, 91, 92
 Ахирам 286
 Бадж Э. А. Т. У. 161—172, 175, 180, 208, 262
 Бар Кохба (Шимон бен Косеба) 462, 463
 Барбаро Франческо 67
 Барди, семья 56
 Барух, пророк 446
 Баур Х. 387
 Бауэр Г. 289—293
 Безант У. 472, 475, 476
 Белл Г. 362, 375
 Бельцони Дж. 135, 136, 160, 248, 254, 422, 424
 Бенвенуто да Имола 60, 61
 Бенсли Р. Л. 369, 370
 Бентвич Н. 425, 442
 Бергк 173
 Беркитт Ф. К. 368—370, 428—430
 Берлев О. Д. 644 *
 Берналь Диас дель Кастильо 552
 Берроуз М. 457
 Берч С. 163, 164
 Бёрлэнд С. А. 576
 Битти А. Ч. 388, 394
 Бласс Фр. 173, 372
 Богословский Е. С. 644 *
 Бодмер М. 215
 Бойе, аббат 542
 Боккаччо Дж. 49, 55—64, 74, 84, 89, 163, 322
 Боккаччо ди Челлино 56
 Боливар С. 555
 Борджиа, семья 572
 Борджиа Стефано 123
 Борхардт Л. 210
 Ботурини Л. 559—561, 569, 579, 585
 Боуэр Л. Х. 492

Бофорт, герцог 79
 Брассёр де Бурбур Ш. Э. 138, 582—
 597, 606—610, 616, 617
 Браун О. 445
 Браун У. Дж. 321
 Браунинг Р. 123
 Браунли У. Х. 458, 459
 Браччолини Поджо 61, 65, 66,
 68—84, 91, 92, 118, 163, 322, 466
 Бринтон Д. Дж. 593
 Бругш Г. 358
 Бруни Л. 61, 65, 66, 70, 77, 89
 Брут 51, 65, 118, 638
 Брэстед Дж. Х. 279, 375—379
 Брэстед Ч. 145, 644 *
 Брюс Дж. 132, 398
 Бурбоны неаполитанские 99, 111
 Буркхардт 39
 Бэйки Дж. 135
 Бэкон Фр. 173, 640 *
 Бэнкрофт Х. Х. 595
 Бэнкс У. Дж. 137
 Ваххилид 160, 162, 171, 172, 176,
 205, 207, 211, 212, 216, 433,
 640 *
 Валла Л. 467
 де Вальдек Ж.-Ф. 577, 607
 Вальдштейн (Уолстон) Ч. 119
 Ван Дао-ши 528—541
 Варлам 58
 Варрон Теренций 52, 56, 63, 208,
 636, 637 *
 Василий Кесарийский 647 *
 Вебер 415
 Вейгэлл А. 271
 Вейцманн К. 646 *
 Вельнгаузен Ю. 276, 277, 313, 370,
 645 *
 Вентрис М. 219, 642 *
 Вергилий 43, 45, 77, 85, 638 *
 Веррес 118, 639 *
 Весткотт Б. Ф. 361, 372, 397
 Вивес Л. 618
 Виктор, епископ Капуанский 388
 Виктор II, папа 132
 Виллари П. 619, 620
 Винкельман И. И. 96, 101, 102,
 107, 111—114, 118, 121, 132
 Винклер Г. 415
 Виролло Ш. 277, 278, 283, 285,
 288—290, 292, 293, 296
 Вирхов 149

де Во Р. 455, 459, 460, 462
 де Вольней 132, 247
 Вольф Ф. А. 313
 «Восемь-Олень» 625—627, 629,
 652 *
 Вулл Л. 36, 182, 498, 540, 630,
 650 *
 Вэй, династия 528

Габсбурги 571
 Гаваррете Х. 589, 593
 Гай, историк 87, 638 *
 Галеви Йехуда 435, 437, 648 *
 Галилей 112
 де Гама В. 66
 Гамильтон У. 108, 639 *
 Гардинер А. Х. 262
 Гарнак 415
 Гаспарино да Барцизза 76
 Гедин С. 493, 501, 502, 512
 Гекатей 215, 642 *
 ван Гельдерн С. 410
 Георг IV 111
 Герберт (папа Сильвестр II) 45,
 637 *
 Германик 225, 226, 643 *
 Гермарх 101, 639 *
 Герод (Геронд) 160, 168, 174, 175,
 211, 640 *
 Геродот 130, 143, 174, 211, 212,
 215, 233, 234, 242, 258, 642 *
 Геснод 156
 Гёте И. В. 99, 242
 Гётте И. К. 571
 Гиббон Э. 69, 77, 90, 213, 636
 Гибсон М. Д. 362—368, 370, 412,
 413, 417, 418, 421, 424, 430
 Гинзберг Л. 441
 Гинзбург К. 471, 473, 478—482
 Гиперид 160, 176, 177—179, 210,
 211, 216
 Гладстон У. Э. 164, 471
 Гойтайн С. Д. 436, 437
 Голенищев В. С. 256, 644 *
 Гомер 45, 49, 52, 58, 156, 175, 211,
 212, 300, 312
 Гомперц Т. 108, 140
 Гор из Файюма 233, 234
 Гораций 52, 117, 637 *
 Гордиан III, имп. 377
 Гордон С. Х. 277, 300
 Гошен-Готштейн М. Х. 484
 Гренфелл Б. П. 161, 180—199, 675

200—208, 215, 216, 227, 232,
255, 374, 392, 405, 509

Григорий Великий, папа 43

Григорий XVI, папа 319

Григорий Турский 43

Гуарино да Верона 74, 91

Гудман Дж. Т. 603

Гудспид Э. Дж. 202

фон Гумбольдт А. 249, 314, 315,
340, 354, 549—580, 581, 584,
587, 596, 618, 622, 632

фон Гумбольдт В. 557

Гус Ян 72

Гуте Г. 474

Гутенберг И. 547

Дамиан (Дамиани) Петр 637 *

Даниил Праведный 305, 306, 307

Данте Алигьери 62, 64

Дарвин Г. Л. 310

«Двенадцать-Оллин» 625, 652 *

Дейссман А. 208, 217—221, 405

Делиль, аббат 137

Делич 415

Демокрит 215

Демосфен 101, 138, 158, 160, 176,
178, 211, 220, 638 *, 640 *,
642 *

Денон Д. В. 133—135, 248

Деций, имп. 224

Джаббани Л. 212

Джайлс Л. 542, 546

Джан Галеаццо Висконти 64, 86

Джебб Р. 172

Джелл У. 112

Джокондо Веронский 84

Джон Гентский 79

Джонсон Дж. 377, 381

Джустиниани, семья 572

Джхути 269

Диндорф В. 353, 354

Диоген Лаэртский 117, 639 *

Диодор Сицилийский 96, 242, 643 *

Диоклетиан, имп. 193, 226, 643 *

Дорм Э. 289, 290, 293

Дракон 174, 640 *

Дроветти Б. 135, 248, 250, 254

Дройзен И. Г. 137

Дэви Х. 109, 110

Дэвидсон И. 433

Дюссо Р. 277—280, 289, 291

Евпол 215

Еврипид 67, 96, 117, 155, 158, 203,
204, 207, 210—212, 214

Евсевий 125, 296, 356, 385, 387, 400

Ефрем Сирийский 318, 387, 388

Жомар Фр. 133, 248—250

Зелер Э. 561, 623

Зенобия 377

Зенон Сидонский 101, 638 *

Зенон Филадельфийский 230—232

Зулэй М. 433

Ибик (Ивик) 203, 211, 641 *

Ибрагим из Нии 507

Иеремия, пророк 446

Иероним Пражский 72

св. Иероним 313, 319, 356, 419,
645 *

Иисус Христос 144, 191, 218, 224,
317, 355, 368, 371, 386, 460,
641 *

Иоанн XXIII, антипапа 71, 73

Иоанн Креститель 460

Иоанн Солсберийский 45, 637 *

Иоганн саксонский 349

Иосиф, хазарский царь 649 *

Ипувер, пророк 265

Ириней 131, 386, 398

Исидор Севильский 44

Ислам Ахун 499—501, 504

Исхрат 211, 640, 642

де Иштилшочитль Ф. 627

Кабрера Ф. 590

Кагемна (Кагемни) 261

Какч, семья 593

Кале П. Э. 430, 448, 451

Каллимах 204, 290

Камилл Фурий 67, 638 *

Каракалла, имп. 226, 643 *

Каринелли 86, 87

Карл I 577

Карл V 551, 552, 616

Карлейль Т. 241, 643 *

Карлос III испанский (Карл IV,
король обеих Сицилий) 97, 106,
583

Картер А. С. Р. 216, 485

Касо А. 624, 628—632, 634

Кассиодор 132

Катервуд 596

Катон Старший 65, 638 *
 Катулл 51, 52, 64, 84, 117, 637 *
 Каули А. 520
 Кац Р. 408
 Квинт — см. Цицерон Квинт Тул-
 лий
 Квинтилиан 44, 52, 66, 67, 74,
 76, 77, 117, 637 *
 Кеньон К. 362
 Кеньон Фр. 138, 159, 167, 168,
 173, 174, 176, 207, 210—212,
 226, 311, 387, 393—395, 397,
 404, 461
 Кетсалькоатль 554, 580, 624
 Кёрзон Дж. Н. 493
 Кёрзон Р. (барон Зуч) 322, 323,
 358, 621
 Кингсборо Э. 574—580, 583, 584,
 616, 623
 Кирилл, библиотекарь 330—334,
 338, 343, 344, 346
 ал-Киркисани Якуб 449
 Кирхер А. 246
 Клавдий, имп. 216, 236
 Кларк Дж. К. 575, 627—629, 631
 Кларк Э. Д. 322
 Клермон-Ганно Ш. 471, 472, 477—
 479, 482, 650 *
 Кнорозов Ю. В. 652 *
 Ко М. Д. 652 *
 Коваррубиас М. 598, 624, 626
 Ковел Дж. 321
 Кокс Г. О. 646 *
 Колер К. 442
 Колумб Христофор 66, 651 *
 Коммод, имп. 123
 Компаретти Д. 119
 Конвенневоле 42, 54
 Кондер К. Р. 476
 Константин, архиепископ 346
 Константин Великий 400
 Константин (Романов), великий
 князь 341, 342, 348
 Коринна 211
 Кортес Э. 551, 554, 570, 595, 614,
 616, 618, 651 *
 Кратин 215
 Крелинг К. Х. 382
 Ксенофонт 207, 211, 641 *
 Ксеркс 128, 639
 Куаутемок 554
 Куоритч Б. 485
 Курциус 466

Кушаны 506, 507, 521, 651 *
 Кьюртон У. 324, 369
 Кэбот 66
 Кюмон Ф. 378, 379, 381

де Лагард П. 415
 Лагиды — см. Птолеми
 Лайфут Дж. Б. 220
 де Ланда Д. 597—606, 608, 611
 Лев III, иконоборец 329
 Лев Х (Джованни де Медичи),
 папа 67
 Леман В. 627
 де Леон-и-Гама А. 561, 562
 Лепсиус Р. 250, 354, 474
 Лефебр Г. 207
 фон Либих Ю. 110
 Ливий Тит 47, 52, 70, 82—84, 88,
 96, 130, 204, 215, 637 *
 Лисий 211, 642 *
 Лисипп 101
 Лод У. 575
 Лонг Р. С. Э. 628, 629
 Лонгин 155, 176—178, 640*
 Лоуи А. 479
 Лоуренс Т. Э. 182
 де Лочи Л. 525
 де Луба, герцог 623
 Лукреций Карр 77, 80, 114, 117
 Льюис А. С. 362—373, 412, 413,
 417, 418, 420, 421, 424, 427,
 430
 Льюис С. С. 363
 Лэйярд О. Г. 340
 Людвиг Э. 128, 639 *
 Людовик XIV 65

Мабильон Ж. 85
 Май А. 88, 250, 320
 Майер К. Ф. 68, 81
 Маймонид Моисей 419, 434, 435,
 648 *
 Макдональд Р. 311, 312,
 Маккавеи (Хасмонеи) 440, 481,
 649 *
 Максимилиан, мексиканский пра-
 витель 606, 607
 Мансур М. 464, 479—482, 484, 485
 Мануил II 91
 Мар Афанасий Иешуа Самуэль 458,
 468, 469
 Мариэтт О. 138, 258, 340
 Марк Антоний 120

Марре К. 110
 Мартин V, папа 79
 Марторелли 112, 113
 Марциал 63
 Масперо 258, 270
 Маффеи С. 84—87, 208
 Махаффи Дж. П. 154—159
 Махмуд ал-Аракат 473
 Маюри А. 101
 де Медичи Джованни (папа Лев X)
 84
 де Медичи Козимо 81, 82
 Мелеагр 117
 Менандр 96, 198, 207—211, 215, 216
 де Мендоса А. 575
 Менкауэр 272
 Менхес из Керкеосириса 232, 233
 Меренптах (Мернептах) 257, 273
 Меркати Дж. 430
 Меша, моавский царь 286, 650 *
 Милль Д. С. 116, 639 *
 Мимо Ж. Ф. 248
 Миралья 110, 639 *
 Мирван 449
 Мирон 205
 Моисей Таку 449
 Монтегю М. М. 99, 362
 Монтесума 551, 553, 554, 575, 652 *
 Монтехо II 597
 де Мопассан Г. 124
 Морено В. Х. 631
 Морли С. Г. 591, 605
 Мустоксидис 353
 Мухаммед, пророк 329
 Мухаммед Али-паша 646 *
 Мухаммед ад-Диб 449, 458, 649 *
 Мюллер М. 633
 Мюррей Г. 497

Навиль Э. 126
 Наполеон Бонапарт 111, 247, 639 *
 Наполеон III 606
 Наттол З. М. М. 615—628, 631, 634
 Нахавенди 449
 Нейбауэр А. 421, 477—479
 Нерон 61, 639
 Нибур Б.-Г. 87, 653 *
 де Никколи Н. 61, 67, 69, 73, 81,
 82, 89
 Николай V, папа 67, 81, 83, 92
 Николай Кузанский (Тирский)
 80—81, 467

Ницше Фр. 157, 219
 Норов А. С. 341, 356, 646 *

Обен Ж. М.-А. 587, 622
 Овидий 63, 117
 «Один-Обезьяна» 628
 Олбрайт У. Ф. 293, 295, 296, 463,
 468
 Олдфатер Ч. Г. 212
 д'Орбиней 254, 268
 Ориген 131, 313, 430, 645 *
 Орсини, семья 81
 Осман, халиф 436

Павел, апостол 371
 Падерни К. 94, 97, 99, 102—107,
 111
 Падилья М. 589
 Памфилий 96
 Парентучелли Т. (впоследствии
 папа Николай V) 81
 Пассалаква 135
 Пелаэс Ф. Г. 593, 594
 Пельо П. 540, 541
 Перикл 130
 Перчес С. 575
 де Петра Дж. 119
 Петрарка Франческо 39, 42—65,
 67, 69, 76, 80, 82, 84, 85, 88, 89
 Петрачко ди Паренцо 42—43
 Петри У. М. Ф. 141—159, 161, 180—
 182, 185, 187, 203, 208, 256,
 257, 270, 278, 285, 427, 580,
 618
 Петроний 53, 79, 80, 175, 637 *
 Петрус Мартир (д'Ангиера) 552
 Пизон Люций Кальпурний 78,
 117—119, 639 *
 Пилат Леонтий 58, 67
 Пилат Понтий 641 *
 Пинар А. Л. 616
 Пиндар 45, 96, 176, 204—207, 214
 Плавт 68, 81, 82, 208
 Платон 49, 89, 155, 156, 209—211,
 220, 246, 252, 367, 640 *
 Плиний Младший 97, 221, 642 *
 Плиний Старший 128
 Плутарх 173, 243, 639 *, 643 *
 Покок Р. 132
 Поло Марко 38, 490, 491, 498, 501,
 511, 512, 515, 517
 Понсе А. 554
 Поуэлл Дж. А. 208

Прескотт У. Х. 39, 556, 559, 560, 563, 569, 578—581, 596
 Присс д'Авеннь Э. 260
 Проперций 52, 64
 Проскурякова Т. 612
 Прунер-бей (Ф. Прунер) 338, 646 *
 Птах, жрец 272
 Птаххотеп 261
 Птолемен (Лагиды), династия 130, 152, 154, 225—227, 252, 254, 643 *
 Птолемей Сотер 227
 Птолемей II Филадельф 230, 231
 Пьяджо А. 102, 105—108, 111, 113, 116
 Пэк Р. А. 212
 Пьюэш А.-Ш. 193
 Рабинович О. К. 482, 484
 Радин П. 564
 Райлендс Дж. 405
 Райнд Х. А. 256
 Райнер Габсбургский 138, 139
 Рамессиды 272
 Рамсес II 252, 253, 257, 272, 273, 295
 Рамсес III 255
 Рамштейн Румо 73
 Ранке 416
 Рафаил бен Шимон 423
 Рейнак 152
 де Рен Д. 492
 дель Рио А. 583
 Рич О. 577
 Роберт Анжуйский 56
 Робертс К. Х. 405
 Робертсон У. 551, 575, 576
 Робинсон А. 387
 Розенбах А. С. В. 310, 311
 де Рони Л. 610
 Ростовцев М. И. 230, 243, 378—381, 389
 Роулинсон Г. 491
 де Руже Э. 268
 Рузвельт Т. 119
 де Саагун Б. 578, 609, 619, 622, 627
 Саадия бен Иосиф 419, 434, 461
 де Саласар С. 618
 Салутати К. 64—66, 68, 69, 76, 82, 84, 88
 Салье М. 253, 254
 Санхуниатон 297

Сапфо 96, 197, 198, 207, 211, 212, 214, 217, 636, 641 *
 Сасаниды 377
 Сатир 204, 641 *
 Сафир И. 410
 Сегал М. С. 429
 Сейс А. Г. 149, 150, 153—159, 412, 421
 Селден Дж. 575
 Селевк I Никатор 376
 Селевкиды 225, 376, 440, 649 *
 Селим I 329
 Сенека 117, 639 *
 Сергий, эламский митрополит 445
 Сети II 268
 Сетна (Сетме Хамуас) 272, 273
 Сётоку 548
 Сиклер 110
 Силий Италик 77, 638 *
 Симондс Дж. А. 69
 Симонид, поэт 176, 204, 640 *
 Симонид К. 351—355, 411, 468
 Сквайр Э. Дж. 527
 Скоу Н. (Нильс Иверсен) 123
 Сменд Р. 429
 Смит Дж. 163
 Солт Г. 248
 Софокл 67, 96, 176, 211, 212, 214
 Софрон 641
 Спинден Г. Дж. 628, 629
 Спиноза 313, 645 *
 де Сталь А.-Л.-Ж. 114
 Старк Ф. 362
 Стейн А. 243, 488—548
 Стефан (Робер Этьен) 391
 Стефенс Дж. Л. 556, 581, 592, 596
 Стобарт Х. 177
 Страбон 233, 242, 333, 643 *
 Стэнхоуп Э. 362
 Сукеник Е. Л. 459
 Сун, династия 527
 Суппилулиума 281
 Сутер А. 386
 Сэндвич 132
 Сюань-цзан 490—491, 498, 501, 506, 511, 533, 534, 538, 540
 Тан, династия 498, 505, 528, 532, 548
 Татан 383, 384, 386, 388, 389
 Тацит 61, 80, 81, 82, 97
 Теве А. 575
 Тейлор Ч. 422

Тейхер Дж. Л. 481, 482
 Теофраст 128
 Тестера Ж. 561
 Тиберий, имп. 61, 226, 643 *
 Тимофей Милетский 210, 211, 642 *
 Тимофей I, патриарх 445, 446, 448—451
 Тичер Дж. Л. 424
 Тишбейн 99
 Тишendorф Л. Ф. К. 312, 314—359, 361—363, 366, 387, 392, 396, 405, 416, 548, 646 *
 Тоззер А. М. 617
 Томпсон Дж. Э. С. 607, 613
 Томпсон Э. Х. 580, 601
 Томсен В. Л. П. 513
 Тораль Ф. 600, 601
 Торндайк Л. 39
 Траян, имп. 225, 377
 Тревер Дж. С. 468
 де Тро-и-Ортолано Х. 607, 608
 Турди 503, 506
 Тутмос III 269, 281
 Тэттем Г. 323, 369

У-ди 496, 497
 Уордсворт У. 120, 137, 176
 Успенский П. 355, 356, 358, 646 *

Фалес 246, 643 *
 Феопомп 96, 215, 636, 642 *
 Фёрстерман Э. 603
 Фидий 101
 Филельфо Франческо 91, 92
 Филипп Македонский 640
 Филодем 114, 116—119, 638 *, 639 *
 Филон из Библа 297
 Филон, иудей 423, 435, 648 *
 Фиркович А. 410, 411, 468, 648 *
 Флавий Иосиф 641 *
 Флакк Валерий 75, 638 *
 Фойгт 91, 92
 Форсайт Дж. Х. 356, 357
 Франц-Иосиф 349
 Фрир К. Л. 392
 Фробен И. 316
 Фронтин С. Ю. 69
 Фукидид 174, 207, 211, 400, 641 *
 Фуртвенглер А. 205, 466

Хайэтт Дж. Ф. 464
 Хаклут Р. 575
 Хант А. С. 138, 161, 180—208, 215,

216, 232, 255, 374, 392, 405, 509

Хантингтон Р. (впоследствии епископ Рафо) 321
 Хань, династия 496—498
 Хардинг Дж. Л. 457, 459, 460, 462
 Харри М. 482, 484
 Харрис А. К. 177, 254, 255
 Харрис Дж. Р. 365, 366, 370, 372, 387, 405
 Хасдай ибн Шафрут 649 *
 Хасмонеи — см. Маккавеи
 Хатшепсут 629, 653 *
 Хейтер Дж. 108, 109
 Херст Ф. А. 200
 Хёрнле А. Ф. Р. 492
 Хиви Гавалка 648 *
 Хименес Ф. 589, 590
 Хогарт Д. Дж. 181, 182, 322
 Хопкинс К. 379, 381, 382
 Хордедеф 272
 Хорт Ф. Дж. А. 361, 372, 397, 405
 Хризолор М. 65—66, 71, 89, 90
 Хрисипп Солский 116, 639 *
 Христос — см. Инсус Христос

Цезарь Юлий 78, 117, 132, 212, 600, 643 *

Цзян 528, 530—539, 541
 Цейтлин С. 457, 460, 464, 469, 470
 Цицерон Квинт Туллий 51, 65, 638 *
 Цицерон Марк Туллий 44—54, 56, 64, 66, 77, 80, 82, 88, 117—119, 176, 638 *, 639 *

Ченчи Агапито 73, 74
 Честер Г. 412

Шаванн Э. 516
 Шампольон Ж. Ф. 36, 133, 248—253, 259, 584, 596, 640 *
 Шане Ж. 279, 283, 294
 Шапира М. В. 464, 470—486
 Шапур 377
 Шахрастани 449
 Швейнфурт 149
 Шевченко И. 357
 Шерцер К. 590
 «Шесть-Обезьяна» 629
 Шеффер К. Ф.-А. 279—283, 286, 287, 289, 294
 Шехтер С. 407, 409, 413—443, 449, 452, 453, 648 *

Шимон бен Косеба — см. Бар Кох-
ба
Шлиман Г. 38, 149, 312, 466, 492,
595
Шлотман К. 473, 474, 485
Шмидт К. 395
Шнеллер Д. Л. 408
Шонфилд Х. Дж. 454
Шредер 474

Эванс А. 36, 151, 152, 278, 288—
289, 492, 644 *
Эвмен II 378
Эзоп 89
Эйсфельдт О. 445
д'Эльбёф 97
Эпикур 77, 114, 115, 638 *

Эразм Роттердамский 316, 391
Эрман А. 262, 264, 270
Эсхил 209, 211
Эсхин 211, 642 *
Эфор 96, 207, 641, 642 *

Юл Г. 491
Юлиан Отступник, имп. 176, 638 *
Юнг Т. 110, 643 *
Юрсенар М. 215
Юстин Мученик 383, 386, 647 *
Юстиниан I, имп. 87, 328, 638 *

Ябуки К. 545
Ядин И. 463
Якобсон В. А. 645 *
Яннай 433, 434

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абидос 266
Абиссиния 398
Абу-Сир 211
Авиньон 42, 47, 54, 59
Авроман 378
Аджанта 650 *
Адрианов вал 131
Азия 35, 490, 492—495, 497, 517,
520, 548, 549
Азия Внутренняя 493
 Восточная 495
 Западная 495
 Малая 67, 90, 216, 230, 231,
278, 321, 325, 406
 Средняя 651 *
 Центральная 130, 488, 490,
492, 496, 497, 502, 507, 510,
512—515, 518, 520, 523—
525, 527, 540, 544, 548, 635
 Юго-Восточная 127, 128, 563
 Юго-Западная 182
Айнзидельн 77
Акапулько 556, 557
Аккра 295
Аламо 357, 646 *
Александрия 113, 131, 213, 222,
225, 226, 231, 233, 234, 238,
248, 254, 255, 324, 353, 359,
381, 423, 642 *
Альпы 70—72, 77
Альтамира 455
Амазонка (Риу-Негру) 556, 557
Амакоцитлан 563
Америка 416, 429, 497, 551, 556,
575, 583, 584
 Северная 287, 555, 593
 Средняя 617, 633, 635
 Центральная 36, 582, 583, 586,
589, 591, 592, 596, 606, 611,
614, 617, 633, 635, 651 *
 Южная 556, 563, 651 *
Амударья 494, 498
Анатолия 288
Англия 49, 70, 79, 108, 109, 113,
154, 166, 196, 248, 287, 324,
338, 353, 354, 360, 364, 370,
413, 416, 427, 453, 475, 477,
491, 540, 541, 575, 576, 577,
578, 616, 620, 624
Антиохия 213, 371, 376
Аравийская пустыня 262
Аравия Южная 437
Ареццо 50, 68
Армения 321
Арсиноя (Крокодилополис) 139
Ассирия 283
Асуан 137, 363
Асьют 165, 168
Атлантида 558, 580
Атлантика, Атлантический океан
580, 584, 587
Аттика 143, 156
Афганистан 490, 526, 651 *
Афины 179, 213, 352, 363
Афон, гора 325, 352, 353
Африка 127, 563
 Восточная 437
 Северная 231
 Центральная 128
Афродитополь 207, 395
Багдад 375, 376
Базель 316, 319
Байкал, оз. 513
Бактрия 498, 490, 651
Бахр Юсуф 186
Башкирия 651 *
Бейрут 277, 283, 295
Белая Гавань — см. Минет-эль-Бей-
да
Берлин 137, 138, 173, 248, 249, 354,
413, 414, 474, 561

Бехнеса (Футух-эль-Бахнас) 186,
 187
 Библ (Гебал) 274, 286, 295
 Большие Антильские о-ва 610
 Бостон 592
 Босфор 128, 348
 Бреслау 324
 Британия 236
 Будапешт 491
 Бургундия 73
 Бухара 411, 517

 Вавилон 284, 544
 Вавилон египетский (Старый Ка-
 ир) 409
 Вавилония 283, 380
 Вади-Мураббаат 455, 462
 Вади-эль-Муджиб 437, 486
 Вади-эль-Тин 456
 Вакхия 143, 183, 236
 Ватикан 106, 250, 320, 570, 572,
 584, 587, 618
 Вашактун 605
 Везувий 97, 99, 106, 123, 128
 Вейнгартен 76
 Великая китайская стена 519
 Веллетри 570, 572
 Вена 138, 139, 349, 413, 414, 571,
 577, 616, 624
 Венгрия 45, 491, 574
 Венеция 47, 319, 324, 387
 Веракрус 551, 552, 560, 584, 605
 Верона 51, 52, 85, 86, 208
 Византия 65, 90, 91, 118, 129, 379,
 638 *, 646 *
 Вифлеем 224, 444, 455, 456
 Внутренняя Азия — см. Азия Внут-
 ренняя
 Восток 92, 163, 190, 221, 259, 260,
 285, 312, 320, 340, 341, 363,
 376, 383, 408, 488, 596, 548
 Восток Ближний 34, 61, 66, 133, 149,
 157, 161, 170, 209, 253, 262,
 263, 276, 281, 302, 307, 312,
 314, 324, 336, 340, 362, 375,
 378, 399, 410, 412, 435, 492,
 496, 517, 603, 635, 636
 Восток Дальний 130, 496, 548
 Высокая Порта 348

 Гавара 143, 148, 149, 150, 151
 Гадара 117

Галле 363
 Галлия 131
 Гандхара 490, 497
 Ганьсу 511, 519, 525
 Гваделупа 559
 Гватемала 581—583, 588—590, 592,
 593, 605
 Гебал 123; см. также Библ
 Гейдельберг 363
 Геркуланум 94, 96—100, 119, 120,
 160, 216, 252, 378, 380, 400,
 635
 Германия 48, 50, 70, 77, 84, 203,
 313, 353, 354, 415, 474, 555,
 561, 615, 646 *
 Герреро 614
 Гизэ 121, 144
 Гиндукуш 488, 494, 498
 Гоби 495, 519
 Голландия 485
 Гондурас 552, 581
 Грейтаун 588
 Греция 39, 49, 61, 90, 92, 118, 125,
 128, 129, 151, 156, 216, 263,
 320, 322, 352, 363, 366, 492,
 639 *, 640 *
 Греция Континентальная 90
 гробница в Ахмиме 398
 гробница VII в Монте-Альбано 630,
 631
 гробница Сети 422
 гробница Тутанхамона 36, 216
 гробницы Долины царей 247
 Гума 499
 Гуроб 151, 152, 156, 158, 180, 256

Дагестан 649
 Дамаск 448, 460
 Дамьетта 247
 Дандан-Уйлык 502, 503, 506, 507
 Дания 67
 Дербент 648 *
 Десбашех 187
 Джебель Муса 328
 Долина Мириадов будд 526
 Дрезден 341, 342, 577, 617
 Дублин 154, 364, 394, 579
 Дунай, р. 130
 Дуньхуан (Шачжоу) 502, 525, 526,
 528, 529, 533
 Дура-Европос, Дура 38, 376—389,
 514

Евгемерия 143
 Европа 111, 133, 135, 144, 216, 248,
 299, 320, 326, 337, 338, 341,
 349, 354, 422, 429, 438, 497,
 499, 548, 570, 571, 584, 587,
 594, 595, 615, 632
 Европа Западная 43, 45, 47, 50, 54,
 59, 66, 67, 89, 92, 126, 128,
 571
 Евфрат, р. 131, 375, 376
 Египет 35, 36, 38, 39, 121, 123—
 126, 128, 130—133, 138, 140,
 142, 144, 148, 150, 151, 160—
 162, 164, 167, 168, 174, 175,
 178—182, 195, 199, 201, 205,
 208—211, 215—217, 224—227,
 231, 233, 242, 243, 246, 247,
 249, 252, 260, 262—264, 271,
 276, 278, 281, 321, 322, 337,
 340, 342, 349, 363, 375, 378,
 402, 405, 409, 421, 422, 437,
 454, 523, 548, 580, 635
 Египет Верхний 126, 131, 168, 170,
 172, 182, 192, 213, 275
 Египет Нижний 126
 Египет Средний 213
 Египет Южный 137
 Женева 324
 Запад (Западная Европа) 92, 137,
 212, 215, 260, 285, 328, 376,
 496, 497, 510, 519, 525, 548
 Запад американский 135
 Западное полушарие 215, 549, 555,
 581, 588
 Иерихон 444
 Иерихонские пещеры 451
 Иерусалим 293, 348, 408, 412, 413,
 444, 445, 447, 448, 456, 457,
 472
 Иерусалимский храм 206, 649 *
 Израиль 39, 257, 300, 419, 557, 650 *
 Иллахун (Эль-Лакхун) 143
 Инд, р. 488, 528
 Индии (Западные Индии) 560, 599,
 600, 651 *, 652 *
 Индийский океан 166, 437
 Индия 228, 437, 488, 490, 492, 493,
 499—501, 504, 507, 510, 514,
 523, 525, 535, 537, 540, 651 *
 Индия Северная 521, 651 *

Индия Центральная 651 *
 Иоппа (древ. Яффа) 269
 Иордан, р. 127
 Иран 526
 Испания 43, 45, 49, 66, 436, 437,
 552, 560, 600, 601
 Италия 46, 49, 50, 56, 65, 72—74,
 84, 91, 92, 117, 120, 185, 229,
 239, 247, 250, 254, 416, 423,
 571, 615, 617, 635
 Италия Северная 51, 64, 319
 Италия Южная 58
 Иудейская пустыня 426, 442, 444,
 463, 526, 648 *
 Иудейские холмы 455
 Иудея 649 *
 Ицматитлан 563, 564
 Йемен 410, 472
 Йоткан 502
 Кабул 490
 Каир 141, 144, 149, 160, 168, 170,
 171, 186, 321, 324—327, 338,
 346, 348, 357, 364, 398, 409,
 412, 423, 437
 Каирская синагога 409, 410, 412,
 423—426, 436
 Калифорния 585
 Камбоджа 636
 Камино Реаль 588
 Кампания (обл.) 69
 Кампанья 119, 120
 Каранис (в Файюме) 239
 Карибское море 576, 588
 Кария 231
 Карнакский храм 128, 247
 Карфаген 77, 638 *
 Касикьяре, р. 556, 557
 катакомбы Рима 381
 Кахун 143, 256
 Кашгар 498, 499
 Кашмир 490, 498, 499
 Квебек 587
 Кембридж 319, 335, 362, 363, 368,
 370, 412, 416, 417, 428, 436,
 437
 Керия 506
 Керкеосирис 232
 Кесария (Палестина) 355, 359, 430
 Кёльн 77—79, 90, 118
 Кипр 363
 Китай 38, 272, 299, 490, 494, 496—

499, 501, 505, 509—511, 514,
519, 523, 525, 526, 534, 538,
539, 543, 544, 547, 548, 626,
651 *

Китай Западный 513

Киш, о-в 437

Клюни, аббатство 73

Кносс 151, 278, 492

Константинополь 67, 90—92, 129,
325, 337, 348, 353

Констанц 70—73, 76, 79

Копан 596, 609, 612

Корея 496

Красное море 166, 324

Крит 36, 151, 278

Крорайна — см. Лоулан

Крым 410, 411, 432, 648 *

Кулуакан 586

Куньлунь 494, 502

Кушанская империя 506

Куэрнавака 557

Ла Вента 605

«Лабиринт» Гавары в Файюме 143,
233

Лангр 77

Лаодикея 325

Латакия 279

Левант 340, 341, 353, 646 *

Левкос Лимен 278

Лейден 248

Лейпциг 331, 337, 339, 341, 349,
474

Ливийская пустыня 141

Ливорно 324

Лион 319

Лоб 502, 510, 512, 515, 517, 518,
524

Лобнор 506, 518

Лондон 168, 170, 177, 248, 319, 335,
470, 474, 475, 485

Лорш, аббатство 84

Лоулан (Крорайна) 502, 512, 515—
517

Луксорский храм 144

Лхаса 525

Льеж 50

Любек 82

Мадрид 596, 606, 607, 610, 618

Мазартагх 513

Македония 376, 640 *

Малая Азия — см. Азия Малая

Маллави 165, 167, 169

Мани 599—601

Мантуя 47, 50

Мари 295

Марна 77

Мар Саба 325

Марсель 319, 427

Масад 463, 648 *, 649 *

Мединет-Абу 255

Меир 169, 170

Мексика 128, 299, 552, 556, 557, 559,
560, 563, 570, 571, 574, 577—
579, 583, 584, 587, 591, 592,
595, 596, 606, 607, 609, 614,
616, 617, 622, 624, 632

Мексика Центральная 614

Мексика Южная 576

Мексиканский залив 552, 605

Мексиканское плато 591, 596

Мемфис 134, 138

Мерида (в Юкатане) 592, 597

Меридово озеро 142, 143

Месопотамия 35, 36, 38, 125, 127,
161, 162, 164, 167, 168, 246,
275, 278, 280, 340, 375, 379,
380, 422, 447, 523, 635

Месопотамия Северная 216, 295,
383

Мехико 557, 559—561, 584, 585,
590, 601, 607, 617, 624

Мертвое море 325, 444, 445, 448,
455, 463, 473

Милан 47, 64, 319

Минет-эль-Бейда («Белая Гавань»)
277—280, 289, 294

Миния 185

Минусинская котловина 650 *

Миран 512, 513, 524

Миссисипи 584

Модена 319

монастыри горы Афон 320, 323, 330,
352

монастыри Нитрийской Пустыни
321—324, 327

монастырь Каракала 322—323

Монте-Кассино 59, 60, 61, 63,
69, 70, 87

св. Галла — см. Санкт-Галлен

св. Екатерины в Каире 324,
325, 330

св. Екатерины на Синае 324,
328—336, 338, 340, 342, 343,

346, 354—357, 359, 363, 365,
367, 387, 424
св. Марии Дейпары (в Египте)
320, 369
Синайский в Каире 325, 346
Фульде 388
Хирбет 452
Монголия 495, 525, 544, 650 *
Монгольское плато 515
Монпелье 47
Монте-Альбан 629—631
Москва 320, 342, 356
Морелос 364
Мосул 167

Неаполитанский залив 97, 100
Неаполь 50, 56, 59, 60, 100, 102,
106, 108, 109, 111, 119, 155
Негев, пустыня 297, 463
«Нефритовые врата» 518
Нидерланды 50
Никарагуа 587, 588
Нил, р. 36, 121, 123, 125, 127, 131,
132, 137, 142, 146, 165, 168,
170, 174, 192, 234, 245, 270,
324, 395, 422, 523
Нильская долина 185, 245, 342
Ниневия 284, 633
Нитрия, Нитрийская пустыня 321—
323, 327, 369
Ния 502, 506, 507, 509, 511, 512,
515, 524
Новая Испания (Мексика) 551, 555,
559, 561, 575
Новый Свет 35, 552, 556, 581, 583,
595, 600, 609, 618, 634
Нью-Йорк 360, 416, 437, 439, 587,
652 *
Нью-Орлеан 584

Оахака 614, 631
Обераммергау 266, 644 *
Огайо 584
Одесса 353
Оксиринх 180, 186—196, 200—208,
210, 215, 216, 224, 236, 374,
392, 509
Оксфорд 154, 173, 180, 193, 196,
319, 491, 575—577
Ориноко 556

Падуя 47, 112
Пакистан 651 *

Паленке 578, 583, 596, 607, 609,
610, 612
Палермо 108, 109, 111
Палестина (Святая Земля) 117, 231,
271, 277, 278, 287, 301, 307,
321, 322, 337, 363, 427, 433,
436, 437, 453, 457, 470, 472,
635, 648 *, 649 *
Палестина Южная 216, 281, 297
Пальмира 377
Памир 494, 497, 498, 517, 650 *
Панама 616
Париж 50, 56, 79, 84, 177, 248—
250, 277, 283, 286, 315, 317—
320, 335, 378, 587
Парим 557
Парма 47
Парфенон афинский 358, 646 *
Парэм (Сассекс) 322
Патмос, о-в 322, 325, 348
Пекин 541
Пергам 378
Персидский залив 278, 437, 494
Персия 321, 379, 488, 583
Перу 551, 557, 617
Петен (в Гватемале) 596, 599, 605
Петра 365
пещеры Мертвого моря 422, 429,
526
пещеры Тысячи будд (Цянь-фо-дунь)
502, 525—539, 541
пирамида Аменемхета III 148
в Чолуле 551
Джосера 259
Хеопса (Хуфу) 258, 551
пирамиды Гизэ 148, 247, 258
Польша 414
Помпеи 96—98, 100, 106, 119, 203,
252, 380, 514
Портичи 97, 102, 106, 111
Порт-Саид 166
Португалия 80
Прикаспий 651 *
Пуэбла 614, 625, 631
Пуэрто-Барриас 605
Пьедрас-Неграс 612

Рабиналь 594
Равенна 57, 646 *
Рас-Шамра 38, 278—281, 283, 287—
289, 294—297, 307, 633
Рейн 77
Рейхенау 76

Ресина 97, 120
 Рим 50, 56, 59, 68, 69, 77, 79, 80,
 102, 213, 248, 312, 319, 335,
 384, 388, 389, 560, 577, 584,
 637 *
 Роскиле 82
 Россия 339, 342, 351, 410, 414, 499
 Русь 437
 Русь Южная 449
 Саис 131
 Саккара 258
 Салахийя (Салихийя) 375
 Салоники 216, 290
 Самарканд 517
 Санкт-Галлен, аббатство 73—77,
 338
 Санкт-Петербург 256, 341, 342, 349,
 350
 Санта-Томас-Чичикастенанго 589,
 590
 Сан-Франциско 585
 Сардиния 248, 250
 Себеннит 131
 Селевкия-на-Тигре 376
 Семпоала 552
 Серай (Сераль) в Константинополе
 325
 Серапеум 138, 236
 Сиам 563
 Сибирь 495
 Сибирь Южная 525
 Сива 234
 Сидон 295, 636
 Сиена (совр. Асуан) 234
 Симэ, о-в 352, 353
 Синай, Синайский п-ов 324, 325,
 328, 332, 337, 338, 340, 342,
 362, 365, 370, 412
 Синоп Понтийский 648 *
 Синьцзян 544
 Сирия 67, 225, 230, 231, 247, 255,
 271, 274, 276—281, 287, 289,
 295, 321, 322, 325, 337, 363,
 371, 376, 380, 389, 514, 519,
 635
 Сирия Восточная 375
 Сирия Северная 277, 294, 645
 Сицилия 45, 124, 127, 128, 151,
 271
 Скандинавия 45, 66
 Скандинавский п-ов 582
 Смирна 348

Соединенные Штаты Америки
 584, 617
 Сокнопэн-Незус 181
 Сорё, монастырь 82
 Средиземное море 67, 121, 239,
 274, 320, 437
 Средиземноморье 243, 278, 303,
 324, 353, 509, 548
 Средиземноморье Восточное 116,
 132, 150, 219, 263, 274, 278,
 642, 646 *
 Срединное царство 497
 Старый Свет 555, 570, 583, 595,
 609, 618, 634
 стена Рамессеума в Фивах 253
 стены Фемистокла в Афинах 382
 Страсбург 319
 Судан 164
 Су-ло, р. 517
 Тайесаль, о-в 599
 Такла-Макан 493, 494, 498
 Такско 557
 Танис 131, 146, 180, 184
 Тарим 494, 505, 512, 513
 Таримский бассейн 515, 517, 521,
 537, 542
 Теадельфия 143
 Тебтунис (Урум-эль-Барагат) 200,
 201, 232, 233, 235
 Тегеран 321
 Телль-Бейт-Мирсим 293
 Телль-Мардих 645 *
 Телль-эль-Амарна 165, 168
 Теночтитлан 557, 633
 Теотиуакан 606, 616, 633
 Теоцакоалько 631, 632
 Террануова 68
 Тескоко 561, 631
 Теуантепек 552, 596
 Тибет 494, 495, 525, 537
 Тигр, р. 376
 Тикаль 605
 Тилантонго 631, 632
 Тир 295, 305, 636
 Титикака, оз. 128
 Тихий океан 509, 517, 556, 563
 Глашкала 625, 631
 Трес Сапотес 605
 Трир (Треве) 80
 Троя 38, 248, 492, 495
 Тува 650 *
 Тула (Толлан) 570, 585, 586

Турин 248—250, 319
Туркестан 490, 493, 506, 525, 526,
529
Туркестан Восточный 38, 493, 495—
499, 509, 515, 520—523, 541,
543, 650 *
Турфан 544
Тянь-Шань 494, 496

Угарит 38, 294—297, 301, 376,
644*
Усумасинта, р. 594
Утрехт 80, 319

Файюм 121, 138—159, 180—183,
200, 227—232, 395, 548
Феррара 47
Фессалия 143
Фиваида 526, 651 *
фиванский некрополь 253—254, 424
Фивы 131, 186, 253, 255, 260, 270
Филадельфия в Америке 360
Филадельфия в Египте 143, 230,
231, 239
Финикия 278, 380
Флоренция 56—59, 63—66, 68, 70,
72, 73, 80, 83, 90, 92, 99, 229,
248, 250, 319, 570, 618, 620
Франкфурт 324
Франция 49, 70, 77, 99, 248, 250,
453, 587, 615, 646 *

Хайфа 271, 427
Ханаан 276, 277
Ханьчжоу 541
Хенобоскион (Наг-Хаммади) 192,
215
Хершфельд, монастырь 81
Хирбет-Кумран 460, 462
Хирбет-Мирд 462
Хотан 498—503, 506, 507, 510,
513, 515, 521, 536
храм Амона-Ра в Фивах 270
«Храм идолов» в Дандан-Уйлыке
503
храм Яхве в Иерусалиме 300
храмовой комплекс в Теночтит-
лане 553

Цапуну (Цафон) 295, 296, 645 *
Центральная Азия — см. Азия
Центральная
Центральная Америка — см. Аме-
рика Центральная
Центральная Африка — см. Афри-
ка Центральная
церковь коптская в Каире 364
Цюрих 338

Чарклык 512
Чертадьо 59
Чехия 70
Чьяпа де Чорсо 605
Чьяпас 583, 596, 605
Чимборасо 556
Чичен-Ица 580, 601
Чичикастенанго 590

Шаньси 533
Шачжоу — см. Дуньхуан
Швейцария 70, 338
Швеция 67, 248
Шотландия 519

Эдесса 383
Эдзин-гол 518
Эдом 649 *
Эквадор 556
Экс (в Провансе) 253
Элефантина 137
Эльзас-Лотарингия 357, 646*
Эль-Хибе 202, 203, 223, 255, 270
Эндере (Андаре) 501, 502, 510, 512
Эфес 213, 406
Эфиопия 231

Юго-Восточная Азия — см. Азия
Юго-Восточная
Юкатан 375, 552, 554, 577, 580—
582, 596, 597, 601, 602, 606,
607, 633

Япония 496
Яффа 348, 413

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- аккадцы 415
американцы (американские индейцы) 582, 586
амориты 281
англичане 79, 108, 162, 190, 203, 322, 327, 353, 354, 377, 474, 475, 478, 646 *
арабы 47, 89, 126, 177, 246, 255, 329, 375, 377, 399, 430, 437, 473, 586
арамейцы 283
армяне 387, 388
ассирийцы 35, 644 *
атланты (жители Атлантиды) 586
ацтеки 551, 554, 557, 558, 565, 567, 569, 581, 585, 586, 614, 629, 631, 633, 651 *
«ашкеназим» (германцы) 436
бедуины 144, 186, 187, 188, 328, 363, 422, 426, 455, 456, 459, 463, 473
вавилоняне 415, 496
византийцы 91, 636
галлы 600, 638 *
гватемальцы 595, 593
гиксосы 270
греки, эллины 42, 67, 89, 129, 130, 185, 186, 246, 267, 363, 594, 640 *, 643 *
греко-египтяне 227
гунны — см. хунну
гуроны 564
евреи 262, 276, 277, 283, 287, 297—299, 307, 380, 407, 410, 413, 415, 428, 436, 437, 442, 445, 446, 453, 455
европейцы 123, 133, 140, 188, 203, 247, 496, 551, 562, 570, 604
египтяне 35, 123, 127, 131, 135, 136, 140, 147, 150, 153, 209, 212, 225, 228, 234, 235, 246, 252, 264, 265, 267, 270, 272, 274, 285, 295, 563, 565, 586
зуньи 617
израильтяне 276, 299, 301, 328, 469
индейцы 551, 559, 560, 583, 584, 590, 597, 600, 601
индейцы Гватемалы 585, 594
индейцы мексиканские 551, 552
индейцы северо-американские 130, 564, 570
индийцы 493, 586
инки 581
ионийцы 130, 633
иранцы 377
ирокезы 564
испанцы 552, 554, 567, 570, 591—593, 596, 600, 609
итальянцы 55, 61, 71, 74, 119, 203
ица 599
какчикели 582, 593
караимы 410
карфагеняне 636
киприоты 288
китайцы 47, 496, 509, 511, 513, 516, 519, 544, 547, 569
киче 582, 590, 591, 593, 594
колуа 633
копты 165—167, 246, 327
кушаны 651
кхмеры 636
левантинцы 363
мая 564—566, 590—593, 596, 599, 602—608, 614, 615, 622, 630, 633
мая юкатанские 592, 607
македонцы 178

мексиканцы 551, 563, 564, 566,
568--570, 582, 590, 622, 646 *
мидийцы 377
микенцы 281
минойцы 281, 288
митанийцы 35, 288
миштеки 36, 565, 567, 614, 615, 631,
632

науатль 570
нахуаки 633
немцы 203, 353, 627
норманны 652

ольмеки 605, 606

парфяне 376, 377, 379
патаны 494
пеласги 633
персы 252, 377, 382
перуанцы 569

римляне, латиняне 43, 47, 50, 130,
132, 227, 245, 377, 497, 519,
563, 636, 638 *, 643 *
русские 343

сапотеки 606, 631
семитские народы 377
серы (китайцы) 651 *
си-ся (тангуты) 545, 651 *
сикхи 494
сирийцы 274
скифы 253
согдийцы 544

таамире 455, 456, 462
тангуты — см. си-ся
тибетцы 513, 514, 516
тольтеки 559, 582, 586, 591, 610,
614
тотонаки (тахин) 606
туркестанцы (Восточный Туркестан)
502
турки османы 92, 320, 358

уйгуры 521, 545

филистимляне 271, 281
финикийцы 276, 281, 283, 289, 296,
415, 586
франки 43
французы 132, 161, 248, 260, 279,
282, 378, 436

хазары 449, 649 *
ханаанеяне 35, 276, 281, 287, 289,
296, 298, 307, 308, 645 *
хетты 35, 253, 295
хунну (гунны) 496
хурриты 35

цутухиль 582

чичимеки 586, 614, 633

шумеры 35, 246, 496, 566, 605

этолийцы 633
этрусски 216

ПРЕДМЕТНО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Азбука слоговая 289, 566, 568
«академии» еврейские 434, 648 *
Академия Платона 115
аккадский язык 276, 283, 291,
294, 646 *
александрийский почерк 346
алфавит, алфавитное письмо 287—
289, 308, 433, 566, 568, 650 *
алфавит арамейский 544
греческий 246, 483
древнееврейский — см. алфа-
вит финикийско-еврейский
клинописный — см. клино-
пись алфавитная
«алфавит Ланда» 602, 606
латинский 591
маяя 582
«моавского камня» 286, 478,
483
согдийский 521
финикийско-еврейский 129,
286, 287, 483, 521
амарнские письма 295
«аматль» 553, 580
американистика 584
американо-индейская цивилиза-
ция — см. цивилизация аме-
риканско-индейская
аморитский язык 291
анатолийская культура — см. куль-
тура анатолийская
английский язык 330
англо-саксонская литература — см.
литература англо-саксонская
античное искусство — см. искус-
ство античное
апокрифы 223, 344, 408
апостолы 218, 317, 326, 368, 405,
406
арабская филология — см. фило-
логия арабская
арабская цивилизация — см. цивили-
зация арабская

арабские рукописи — см. рукописи
арабские
арабские философы 214
арабский язык 45, 139, 182, 244,
296, 321, 330, 334, 365, 409,
437
арабское вторжение, арабское вла-
дычество в Египте 184, 214,
227, 329, 410, 528
арамейский язык 218, 219, 221,
244, 245, 291, 315, 365, 371,
399, 438
арамейское письмо 517, 520
армянский язык 334, 387
археология 38, 98, 111, 142, 144,
162, 180, 188, 195, 216, 249,
398, 460, 533, 580
археология Азии 524, 531
археология американская 615, 616
археология библейская 293
археология древнего Ближнего
Востока 151, 166, 492, 616
Египта 164
Кумрана 459
Мексики 615, 618, 623
Палестины 463
Центральной Азии 493, 494,
524
архив Монтесумы 553, 554
архив Телль-Мардиха 645
архивы каирской генизы 437
архивы мексиканские 554, 555, 556
архивы сирийские 274, 605
архивы хеттов в Богазкёе 295
архитектура византийская 646
архитектура египетская 128
ассирийские тексты — см. тексты
ассирийские
ассирология 164
аттический диалект 218
аттический стиль (в искусстве) 101
ахейский греческий язык 288
ахинса 650 *

басни Эзопа 89
 бенеventинское письмо — см. минускульное южно-итальянское письмо
 библиеистика 275, 324, 374, 386, 392, 431
 «библейский греческий» — см. греческий язык Нового Завета
 библейский канон 460
 библиотека александрийская 212, 329, 636
 Боккаччо 61, 62
 Борджиа в Веллетри 572
 Геркуланума 103, 104, 114—119, 132
 гностиков в Хенобоскионе 192, 403, 641 *
 де Леон-и-Гама 561
 епископа Трансильвании 177
 Ивана Грозного 635
 Кумранской общины 442, 455
 Матяша Корвина 177, 325
 монастыря Монте-Кассино 60—64
 библиотека монастыря Сан-Марко 619, 620
 монастыря св. Галла 74
 монастыря св. Екатерины 331—335, 338
 Петrarки 64
 пещер Тысячи будд 535—541, 542, 543, 545
 Дж. Райлендса 405
 Сан-Грегорио 585
 св. Лоренца во Флоренции 63, 91, 619
 соборная в Вероне 51, 84—87
 соборная в Кёльне 77, 78
 Телль-Мардиха 645
 университета Сан-Карлос 58, 589
 храмовая в Карнаке 253
 храмовая Рас-Шамры 282—283, 289, 290
 храмовая ханаанская в Сирии 277
 библиотеки Т-синайские 365
 Библия, критика (текстологическая) 313, 314, 319, 326, 333, 338, 349, 361, 371, 393, 396, 461, 645 *, 648 *
 Библия, переводы 360, 362
 битва при Акции 233

битва при Херонее 178, 640 *
 боддхисаттвы 511, 527
 буддизм 496, 497, 512, 515, 520, 526, 533, 534, 540, 542, 548, 650 *, 651 *
 буддизм индийский 511, 526
 буддизм китайский 511, 526, 528, 540
 буддизм Центральной Азии 537
 буддийские миссионеры 496, 497
 буддийские монастыри — см. монастыри буддийские
 буддийские монахи 493
 буддийские тексты — см. тексты буддийские
 буддийские фрески 504
 буддийские храмы 510, 526
 буддийский канон 504, 537, 545
 буддийский канон китайский 545
 буддийское искусство — см. искусство буддийское
 бумага 274, 318, 367, 400, 417, 509, 516, 522, 548, 563, 564
 бумаги Ф. Дрейка 618

вавилонское пленение евреев 419, 446

«вампу» 570

веллум 149, 378, 398, 400, 401, 405, 424, 431

«Венера» финикийская из Гуроба 151

византийская цивилизация — см. цивилизация византийская

византийское искусство — см. искусство византийское

«вилла Пизона» («вилла папирусов») в Геркулануме 101—119, 639 *

Возрождение, эпоха Возрождения 34, 38, 39, 52, 54, 61, 65, 66, 68, 72, 80, 86, 89, 157, 163, 177, 232, 320, 325, 379, 636

войны Митридата с Римом 117

войны Цезаря 237

восковые таблички (пугиллярес) 399, 400

восстания евреев антиримские 225, 462, 649 *

гаон 434, 648 *

гебраистика 431, 464

гексаметр 197
 гениза 195, 407, 408, 411, 648 *
 гениза кайрская 409, 410, 421, 442, 451—454, 461, 543
 географические концепции древних египтян 147
 геральдика средневековая 568
 геркуланумские папирусы — см. папирусы геркуланумские
 германские языки 559, 582
 гипотеза о заселении Мексики евреями 578, 579, 580
 гностицизм 225, 384, 643 *
 gobелены из Байе 564, 652 *
 гомеровские тексты — см. тексты гомеровские
 гонения на христиан — см. римские гонения
 готские тексты — см. тексты готские
 граффити 85, 99, 380, 638 *
 греко-анатолийская цивилизация — см. цивилизация греко-анатолийская
 греко-иранская цивилизация — см. цивилизация греко-иранская
 греко-семитская цивилизация — см. цивилизация греко-семитская
 греко-буддийское искусство — см. искусство греко-буддийское
 греческая драма 209, 210, 214
 греческая история 172, 174, 198
 греческая классика 50
 греческая литература — см. литература греческая
 греческая мифология 298, 301, 302
 греческая скоропись 137, 172, 190, 202
 греческая комедия 215
 греческая трагедия 214
 греческие географы 278
 греческие папирусы — см. папирусы греческие
 греческий язык 43, 49, 68, 65, 69, 87, 89, 90, 132, 208, 214, 219, 220, 227, 252, 315, 316, 327, 330, 331, 334, 363, 367, 378, 384, 389, 395, 404, 409, 418, 430, 559, 640 *
 греческий догомеровский язык 219
 греческий язык Нового Завета («библейский», «новозавет-

ный», «древнееврейский греческий») 218, 219, 220
 греческое «линейное Б» письмо (крито-микенское) 219, 288, 642 *
 грузинский язык 334, 409
 «группа (мексиканских рукописей) Борджиа» 623, 624
 «группа (мексиканских рукописей) Миштека» 624
 гуманизм, эпоха гуманизма 46, 47, 52, 57, 59, 66, 84, 89
 гуманисты 52, 54, 55—67, 92, 163
 «гуптское» письмо 493
 гуситская ересь 70
 даосизм 497
 даосский канон 545
 «дедитиции» 643 *
 дешифровка египетских иероглифов 133, 249, 252, 253, 258, 277, 640
 клинописи Рас-Шамры 288—294
 мексиканских кодексов 622
 диадохи 101, 638
 диалоги Платона 129, 155, 209
 диаспора 409, 648 *
 дидактическая литература Ближнего Востока 546
 дидактическая литература египетская 261—263
 дидактическая проза Филодема 117
 дипинти 380
 доминиканцы 589
 древнееврейская литература — см. литература древнееврейская
 древнееврейская палеография — см. палеография древнееврейская
 древнееврейский язык 163, 244, 245, 262, 291, 293, 296, 298, 315, 365, 409, 413, 419, 421, 437, 439, 445, 460, 462, 479, 543
 «древнееврейский греческий» — см. греческий язык Нового Завета
 древнеегипетская литература — см. литература древнеегипетская
 древнесирийские рукописи — см. рукописи древнесирийские
 дхарма буддийская 504, 650 *

евангелисты 219, 326, 372
 Евангелия 129, 191, 192, 223, 314, 317, 326, 366
 Евангелия апокрифические 192
 канонические 192
 утраченные 205, 223
 евангельские тексты — см. тексты евангельские
 еврейские «академии» — см. «академии» еврейские
 Египет византийский 125, 139, 146, 184, 205, 211
 Египет додинастический 246, 257
 Египет Древнего царства 257, 261, 262, 265
 Египет Нового царства 151, 200, 255, 256, 258, 263, 268, 278, 281, 282
 Египет Птолемея 126, 152, 184, 209, 226, 229, 233, 435
 Египет римский 125, 146, 152, 184, 205, 211, 212, 225, 226, 242, 435
 Египет Среднего царства 151, 200, 249, 256, 260, 269, 271
 Египет эллинистический 125, 152, 210, 222, 225, 227, 228, 242, 243
 египетская драма 266
 египетская религия 171, 234, 235, 258
 египетская художественная литература 269, 271
 египетская цивилизация — см. цивилизация египетская
 египетские карикатуры 252
 египетский эпос 266
 египетский язык 246, 249, 250, 257, 285, 640*
 египтология 132, 144, 145, 148, 164, 203, 258, 268, 639*
 ереси христианские — см. христианские ереси
 еретическая литература — см. литература христианская еретическая
 эссеи, эссены 442, 452
 живопись греко-римская в Египте (портреты на саркофагах) 148

живопись еврейская 381
 живопись Помпей и Геркуланума 112; см. также фрески Геркуланума
 завоевание Англии норманнами 652*
 завоевание Египта арабами 126
 западный семитский диалект (язык Рас-Шамры) 290—294, 296
 зелоты 452, 649*
 идеограммы майя 602, 603
 мексиканские 566, 622
 идеографическое письмо 565
 идиоматика византийская 208
 иератические папирусы — см. папирусы иератические
 иероглифы египетские 147, 223, 246, 249, 254, 269, 277, 564
 майя 602, 604, 607, 610, 612
 мексиканские 562, 564, 568, 573, 582, 607, 609, 622, 627, 631
 изготовление бумаги в Южной Америке 563, 564
 изготовление мексиканских книг 562
 изготовление папирусной бумаги в Египте 128—130
 изображения Будды 491
 иконография византийская 568
 иконография раннехристианская 514
 имперские тексты из Равенны 132
 индийская культура — см. культура индийская
 индуизм 650*
 иранские языки 548
 искусство античное 161
 Ближнего Востока 376
 буддийское 496, 505
 византийское 646*
 гандхарское 511, 512, 514, 515, 528
 греко-буддийское 512, 514
 индийское 525, 528
 китайское 528, 532
 майя 612
 сериндийское (китайско-индийское) 537
 ислам 139, 327, 329, 379, 527

испанский язык 586, 620, 627, 631
 история византийская 341
 евреев 437
 Египта 250, 252, 268, 583
 израильтян 297
 мая 599, 604, 612
 итальянский язык 330
 иудаизм 298, 307, 328, 443, 449, 497
 иудеи 34, 225, 401, 409, 410, 432, 439, 440, 443
 иудеи ортодоксальные 454
 иудейские религиозные гимны 203, 430, 450
 иудейские секты 339, 414, 438, 439, 440—442, 449, 451—453
 иудейские тексты — см. тексты иудейские
 иудейские церемонии очищения 206
 иудео-христианство, иудейско-христианская традиция 37, 308, 396, 457, 482
 иудейское богослужение 412, 433
 какчикель, язык 593
 «календарный камень» ацтеков 557, 569
 календарь григорианский 603, 604
 китайский 559, 628
 мая 603, 604
 мексиканский 557, 559, 569, 570, 628
 сектантский древнееврейский 447, 448
 тибетский 559
 караимские тексты — см. тексты караимские
 караимы, секта 410, 440, 441, 447—449, 453
 каролингские переписчики 45
 «картонажи» Петри 152, 153, 201
 квадратное еврейское письмо 470
 кечуа язык 556
 китайская цивилизация — см. цивилизация китайская
 китайские документы 515, 516, 519
 китайские пограничные валы 518, 519, 542
 китайские хроники 497, 498, 505, 517, 540
 китайский календарь — см. календарь китайский

китайский язык 291, 533, 536, 539, 545
 киче язык 585, 589, 593, 595
 клинописные таблички Абу-Хаббы и Дера 167
 Куюнджика 163, 167
 Рас-Шамры 282, 283—289, 307
 Тель-эль-Амарны 36, 164, 165, 168, 278, 282, 283, 295
 клинопись алфавитная 285, 286, 290, 292—294
 ассирийская 285
 вавилонская 284, 288
 месопотамская 277
 слоговая 285
 шумерская 285
 книга 130, 261, 399, 400; см. также эволюция книги
 китайская печатная 547, 548
 китайская рукописная 522
 папирусная 191
 книги Дальнего Востока 470, 563
 доколумбовой Мексики 470, 549, 554, 561, 562—564
 рисуночные мексиканские 552, 554, 555, 560, 564, 569, 570, 587, 599, 609, 611, 633
 книгопечатание в Европе 37, 401, 548
 на Ближнем Востоке 424
 на Дальнем Востоке 547, 548
 книгопроизводство в Китае (до изобретения бумаги) 522
 кодекс (книга) 399, 400—403
 папирусный 401—404
 пергаменный 400—402
 кодексы Ботурини 587
 доколумбовой Мексики 555, 561, 574, 576—578, 615, 623, 624, 626, 631
 мая 555, 564
 послеколумбовой эпохи 575, 622, 631
 «койне» 219, 243, 642*
 коллекция Ч. Битти 399, 402
 М. Бодмера (библиотека Бодмерiana) 403—404
 Ботурини 560, 561
 икон монастыря св. Екатерины 329
 папирусов Райнера Габсбургского 138, 139

рукописей Р. Кёрзона 322
 А. Стейна 540, 541, 542—548
 Тейлора — Шехтера 427
 комедии Менандра 207—210, 217,
 404, 636
 Плавта 68, 81, 207, 208
 компендии Филодема 116, 639
 конкиста 551, 554, 559, 561, 575,
 583, 585, 592, 618, 634, 651*
 Константи́нский собор 70—72, 638*
 конфуцианство 497
 коптская филология — см. фило-
 логия коптская
 коптская церковь — см. церковь
 коптская
 коптские рукописи — см. рукописи
 коптские
 коптский язык 139, 244, 246, 315,
 321, 409
 крестовые походы 436, 437
 критика Евангелия 386
 критская цивилизация — см. ци-
 вилизация критская
 критские глиняные таблички 288
 культ Атона 644
 Митры 283
 священных крокодилов 143,
 186, 200—202, 228
 Яхве 299
 культура азиатская 379
 арабская 379
 Ближнего Востока 376
 буддийская 511
 культура греческая 377, 379
 европейская 379
 Египта 250, 639
 индийская 601
 индийская 379, 504
 майя 599, 628
 македонская 379
 мексиканская архаическая 618
 миштеков, сапотек-миштек-
 ская 625, 629, 630
 пальмирская 379
 парфянская 379
 римская 379
 средиземноморская 263
 тангутская 651*
 кумранская секта — см. община
 кумранская
 кумранские свитки 431, 448, 462,
 481, 545

из I кумранской пещеры (Кум-
 ран I) 447, 449—451, 455,
 457, 459, 462, 476, 649*
 из III кумранской пещеры
 (Кумран II) 420
 из II и IV кумранских пещер
 (Кумран III и IV) 452, 455,
 462
 кумранские псалмы благодарения
 451
 кумранские сектанты 116, 399, 451,
 452, 455
 кумранские тексты — см. тексты
 кумранские
 кучинское наречие 543
 Ламийская война 177, 640*
 «лапидарное» письмо 210
 латинские документы римских пап
 132
 латинские папирусы — см. папи-
 русы латинские
 латинский язык, латынь 52, 58,
 64, 69, 90, 92, 108, 131, 132,
 315, 316
 Лейденская нефритовая таблица из
 Гватемалы 605
 ливийский язык 244
 литература англо-саксонская 34
 буддийская 536
 византийская 647
 гомеровская 298
 греческая 37, 89, 90, 92, 114,
 130, 131, 157, 169, 179, 198,
 205, 212, 213, 341
 древнееврейская 298, 408,
 414, 420, 446
 древнеегипетская 246, 249,
 255—257, 266, 268, 269, 271,
 273, 297, 636, 643*, 644*
 итальянская 55
 караимская 447
 карфагенян 65, 636
 классическая 43, 61, 62, 72,
 112, 113, 137, 158, 172, 190,
 216, 218
 кхмеров 636
 латинская, римская 37, 84,
 114, 131, 215, 399
 майя 599, 610
 манихейская 544, 548
 мексиканская 578, 589
 месопотамская 297, 636

раввинская 419, 422, 447
 саддукеев 448
 сектантская (еврейская) 440, 452
 согдийская 543
 тибетская 513
 угаритская 296—298, 301, 303
 финикийская 636
 ханаанская 307, 308
 христианская 223, 383, 387, 399, 400, 402
 христианская еретическая 193
 этрусков 636
 литургия 301, 332
 «ломбардское» книжное письмо 85
 Лоренцианская библиотека — см. библиотека св. Лоренца
 «люди книги» 408
 «люди пещер» (магарий) 449
 магические тексты ассирийские 164
 магические тексты классические 222
 майя язык 589, 602, 608, 652
 македонская держава 639
 македонская культура — см. культура македонская
 малайский язык 291
 манихейская литература — см. литература манихейская
 манихейство 225, 378, 497, 544
 манускрипты Геркуланума — см. тексты Геркуланума
 масоретские тексты — см. тексты масоретские
 масореты 461, 648*
 махаянская ветвь буддизма 504
 маюскульное письмо 82
 мексиканские рукописи — см. рукописи мексиканские
 мексиканский календарь — см. календарь мексиканский
 мексиканский язык 593, 623
 месопотамские тексты — см. тексты месопотамские
 микенские сооружения 278
 «микенский» греческий язык 289
 мим, жанр 172, 174
 минойско-кипрские сооружения 278
 минускульное греческое письмо 82, 208, 371

минускульное каролингское письмо 85
 минускульное южно-итальянское (бенеventицкое) письмо 63
 миф о Кетсалькоатле 554, 580, 624
 мифология майя и мексиканцев 590, 591
 мифы орфические 216, 642*
 миштецкие рукописи — см. рукописи миштецкие
 «моавские идолы», «моавские монстры» 472, 473
 «моавский камень» 288, 470, 472, 479, 650*
 мозаика монастыря св. Екатерины 329
 мозаики Палестины 381
 Палестрины 185
 Равенны 329
 монастыри бенедиктинские 72
 Ближнего Востока 187, 320—322, 341, 358, 635
 буддийские 504
 василианские 363, 647*
 греческие 92, 358, 366
 европейские 45, 59, 317
 египетские 322
 Леванта 358
 монашество в христианстве 225, 643*
 монеты китайские 505, 515, 523
 Маккавеев 480
 фатимидские 436
 хотанские 507
 «мраморы Элджина» 358, 646*
 Музей Борджиа в Веллетри 123
 мусульмане 328, 329, 503
 мусульманская цивилизация — см. цивилизация мусульманская
 надписи Ашоки 503
 египетские настенные 246
 на руинах Центральной Америки 596, 607—609, 611, 633
 орхонские 513
 пирамид (египетских) 257—259
 синайские 285, 287
 надпись на саркофаге Ахирара Библиского 286, 650*
 «народы моря» 281, 295, 644*

науатль язык 556, 578, 585, 614,
616, 627
немецкий язык 330
«непохуатлцицин» 570
несторианское христианство 497
«новозаветный греческий» — см.
греческий язык Нового За-
вета
«нома», жанр 642*
«номинализм» 637
номы египетские 154, 186

община еврейская Каира 423, 427,
432
караимская Иерусалима 448
кумранская 442, 452, 453,
460, 482
общины еврейские 381, 409; см.
также диаспора
христианские 381, 385
осский язык 112
оссуарии 331
охота за папирусами 208, 211
охота за рукописями 35, 47, 66,
364, 390

падение Римской империи 132
палеография 38, 154, 156, 157, 202,
320, 353, 460, 467, 650*
греческая 335
древнееврейская 460, 650*
латинская 182

«палеоеврейское» письмо 470
«палетка Нармера» 566
палимпсест 87, 88, 317, 318, 320,
337, 353, 367, 368, 371, 429,
433, 463

пальмирская культура — см. куль-
тура пальмирская
пантеон майя 590
папирология 114, 126, 137, 151,
177, 180, 182, 188, 193, 216,
244, 247, 249, 393

папирология юридическая 227
папирус, папирусная бумага 123,
124—141, 205, 208, 245, 246,
257, 260, 271, 274, 276, 374,
379, 395, 400, 401; см.
также изготовление папи-
русной бумаги, сорта папи-
руса

папирусная книга — см. книга па-
пирусная

папирусы арабские 463
Ч. Битти 394—406
византийские из Файюма 151
Гавары 151
геркуланумские 96, 102—110,
116, 117, 126, 132, 154, 163,
250
греческие 126, 132, 137, 150,
158, 169, 182, 193, 208,
215, 227, 244, 259, 339, 381,
391, 463
египетские 247, 248, 249, 250,
253, 254, 259
Зенона, архив Зенона 229, 230,
232, 235
иератические 130, 256, 268,
339
иероглифические египетские
167
демотические 339
классические 184, 254
коптские 339
латинские 126, 132, 244
«магические» из Египта 165,
167
нелитературные из Египта
217—221, 224, 226, 228, 229,
241
Оксиринха 196, 212, 222, 223,
235
Салоник 216
Тебтуниса 232, 233
параллели между библейскими и
мексиканскими преданиями
580
парфянская культура — см. куль-
тура парфянская
Пелопонесская война 641*
пергамен 125, 130, 205, 274, 317,
323, 325, 327, 334, 335, 338,
341, 345, 352, 353, 358, 367,
374, 378, 382, 384, 400,
401, 427, 563
пергамен (фрагмент) из Дуры 382,
383, 388, 389
пергамены арабские 339
греческие 341, 391
сирийские 339
Фрира 394
переписка Брута с Цицероном 638*
еврейско-хазарская 449, 649
Плиния Младшего с Траяном
84, 642*

из Телль-эль-Амарны 281
фараонов 276
персидский язык 543, 559
«Песни о деяниях» (старофранцуз-
ский эпос) 434, 648*
петроглифы Бразилии 557
пехлеви (среднеперсидский) языки
244, 378
печати из Абу-Хаббы и Дера 167
из Нии 508
из Рас-Шамры 278, 281
пиктограммы 246, 530, 566
пирамиды египетские 145, 148, 208
письма Хаммурапи 295
письма Цицерона 51, 52, 65, 638*
письменность германская 244
египетская 246—249
демотическая письмо 223, 246, 247,
248, 254, 272, 643*
иератическая 133, 246, 248, 253
иероглифическая 133, 248
индийская (брахми) 502—505,
514, 536
кипрская 285
китайская 521, 529, 530, 565
кхароштки 506—509, 512, 514,
520, 521, 542
мая 602, 603
мексиканская 564, 565, 567,
628
набатейская 645*
руническая, «орхоно-енисей-
ская» 650*, 651*
семитская «консонантная» 421,
433
синаяская (протосинайская)
285, 291, 645*
синаяская (поздняя) 645*
сирийская (эстрангело) 365,
366, 367, 368
финикийская (финикийско-ев-
рейская) курсивная 462,
465, 470, 480, 481, 484, 515
хазар 651*
Пифийские игры 175, 640*
погребальный ритуал древних
египтян 150, 152, 153, 250
подделка рукописей 467, 470,
500—501
«полууническое» письмо 85
«потхи» 493, 504
поэзия греческая 172, 174, 176,
206, 211, 212, 214

древнееврейская светская 433,
434
египетская 257, 267
итальянская 59
поэмы, оды Вакхилида 160, 171,
172, 176
правила симметрии Памфилия 96
праkrit 521, 543
проза латинская 638*, 642*
«пропагандистские» египетские тек-
сты 263

раввинская литература — см. ли-
тература раввинская
раввинская школа вавилонская 419
раввинские евреи 410
равнины 408, 423, 438, 447, 448,
453, 460
разворачивание геркуланумских
свитков 105—111
раскопки У. Баджа в Судане 198
Геркуланума 94—103, 119
Караниса 183, 195
Каркемиша 182
Коптоса 182
Масады 648*
Монте-Альбана 629—631
Оксиринха 186—196, 200—208
Петри в Файюме 141—158
раскопки Рас-Шамры 278—287,
294
Ура 36, 630
религия древнего Египта — см.
египетская религия
речи Гиперида 138, 160, 177, 178,
636
Цицерона 73, 77, 78
«решетчатое» письмо 433
Рим, Римская империя 43, 46, 51,
53, 61, 117, 125, 129, 131,
132, 193, 221, 233, 234, 243,
377, 497, 514
римская администрация в Египте
132, 243
римские гонения на христиан 193,
224, 328
римские переписи населения 224
римские цезари 242
рисунки Тицатлана в Тлашкале
631
рисуночное мексиканское письмо
552, 561, 562, 564, 622, 629

Розеттский камень 132, 249, 569, 597, 640*
 романское книжное письмо 78
 рукописи арабские 167, 327, 349, 368, 388
 библейские 335, 362, 391—393, 432
 буддийские 541
 греческие 169, 172, 323, 335, 349, 372
 древнееврейские 410, 413, 416, 431, 432, 445, 460
 древнесирийские 167
 рукописи китайские 542, 545
 коптские 322, 327, 349
 латинские 106, 182, 208
 мая 571, 582, 611
 мексиканские 561—563, 570, 571, 573, 577, 613, 623, 627
 Мертвого моря 36, 116, 192; см. также свитки Мертвого моря
 миштекские 615, 631, 623
 Нового Завета 187, 316, 317, 319, 320, 372, 391, 392
 санскритские 510, 514
 сирийские 349, 367, 368
 тибетские 537
 христианские 194
 Шапиры 464, 465, 470, 485
 «рунический» тюркский язык 543, 545
 саддукеи 440, 442, 447, 448, 449, 453
 санскрит 521, 537, 543, 559
 «сатиловские драмы» 203, 204
 свитки Геркуланума — см. папирусы геркуланумские
 свитки Мертвого моря 151, 295, 297, 394, 399, 411, 431, 432, 445, 446, 450—452, 457—460, 463, 468—472, 475, 476, 482, 611; см. также кумранские свитки
 свитки погребальные египетские 259
 Священное писание 34, 219, 313, 361, 374, 404, 408, 409, 421, 439, 449, 451, 460, 480, 492, 546
 «семитизмы» в языке Нового Завета 221
 семитология 421

семитская семья (группа) языков 291, 296
 сериндийское искусство — см. искусство сериндийское
 «силоамская надпись» 472, 479, 483, 650*
 синаяские надписи — см. надписи синаяские
 синод Ямнии 453
 сирийская филология — см. филология сирийская
 сирийские рукописи — см. рукописи сирийские
 сирийский (сирский, сиро-арамейский) язык 244, 245, 315, 321, 334, 365, 370, 371, 378, 384, 409, 430
 скандинавские языки 582
 скульптура Дуньхуана 526, 527
 словари языков киче и какчикель 593
 словарь языка мая 586
 согдийская литература — см. литература согдийская
 согдийский язык 517, 520, 521, 543
 согдийское письмо 544
 сорта папирусной бумаги 131
 сочинения св. Григория на арабском языке 321
 средиземноморская культура — см. культура средиземноморская
 средневековые, средние века в Европе 44, 54, 62, 73, 89, 399, 646*
 старославянский язык 334
 статуэтка из Туштлы 605
 Стоя (школа стоиков) 115, 116
 султан 646*
 суфизм 430
 схоластика, схоласты 45, 46, 214
 «табличка рабов» из Паленке 598
 талмудизм 437
 талмудические тексты — см. тексты талмудические
 тангутская культура — см. культура тангутская
 текстовые семейства Нового Завета 372, 396, 397, 461
 текстология библейская 362, 388, 399
 текстология гомеровская 149

тексты арабские 337, 455,
 ассирийские 164
 библейские 212, 312, 313, 368,
 431, 433
 буддийские 490, 491, 510, 534,
 536, 539, 544
 гомеровские 137
 готские 132, 244, 316
 греческие 327, 337
 грузинские 337
 древнееврейские 300, 450, 461,
 472
 евангельские 314, 317, 323, 371,
 385
 египетские на пирамидах 257—
 260
 египетские на саркофагах 257,
 260
 иудейские 203
 караимские 399, 447, 448
 китайские 505, 536, 537, 543,
 545
 коптские 193, 337
 кумранские 453, 480, 481
 литургические 333, 334, 433
 майя 602
 манихейские 545
 масоретские 408, 460, 464
 мексиканские 559, 608, 623
 месопотамские 163
 патристические 212, 333, 334
 рунические тюркские 513, 545,
 650, 651 *
 санскритские 504, 545
 сирийские 203, 327, 337, 365,
 412
 старославянские 454
 талмудические 416
 тибетские 545
 ханаанские 297, 299—302
 хотанские 521
 христианские (на греческом
 яз.) 187, 193, 204, 205, 212,
 321, 332, 391, 400, 404
 цадокитские 448, 451, 452
 шумерские 283—284
 эпикурейские 115
 теология 45, 313, 315
 «тетрадь» 402, 403, 647 *
 тибето-бирманские языки 543
 тибетские документы из Мирана 513
 тибетские рукописи — см. рукописи
 тибетские

тибетский календарь — см. кален-
 дарь тибетский
 тибетский язык 510, 513, 543
 тосканское наречие 55, 90, 617
 «тохарские» языки 521, 651 *
 трагедии Софокла 91
 Эсхила 91
 турецкое владычество в Греции 92,
 329
 туринские списки египетских ца-
 рей 252, 253
 угаритология 296
 угаритская версия мифа о Баале 302
 угаритская литература — см. ли-
 тература угаритская
 мифология 296, 297, 299, 301,
 307
 поэзия 299
 филология 296
 эпиграфика — см. эпиграфика
 угаритская
 угаритские глиняные таблички 297
 угаритский эпос 303
 угаритский язык 296
 уйгурский язык 521, 543, 545
 унциальное письмо греческих ру-
 кописей 149, 169, 172, 191,
 208, 318, 329, 333—335, 343,
 345, 350, 355, 371, 463
 учение орфиков 642 *
 фарисеи 439, 440, 441, 442, 449,
 453, 648 *
 феллахи 121, 135, 138, 140, 146,
 161, 181, 186, 188, 232, 247,
 254, 255, 260, 422, 454
 филология арабская 323
 греческая 220
 классическая 37, 220
 коптская 322, 323
 сирийская 322, 365
 философия греческая 215
 майя 603
 Эпикура 77, 101, 117
 финикийские божества 293
 «флорентийская триада» 64
 фонетическая письменность 565—
 566
 францисканцы 589, 597, 598
 французский язык 330, 409, 586,
 593, 609

фрески Аджанты 503—504, 650 *
Геркуланума 106, 148
Дуры 375, 377, 380, 514
Мирана 514, 515
Пещер Тысячи будд 525—528,
530, 531, 536, 538

ханаанская литература — см. ли-
тература ханаанская
мифология, мифы 297, 298,
301—303, 307, 645
поэзия 297, 301
религия, культы 297, 299—302,
307

ханаанские тексты — см. тексты
ханаанские
ханаанский язык 291, 645
ханаанско-финикийские поселения
288, 295

хараппская цивилизация — см. ци-
вилизация хараппская

хасиден, хасиды 414, 453

хедив 340, 646

хеттология 149

хеттские надписи 182

хеттский язык 285

хотанский (хотано-сакский) язык
510, 521, 543

христиане 221, 329, 385, 399 —
403, 446, 449, 641 *

христианская история 191, 192

литература — см. литература

христианская

реформация 440

ученость 320

христианские ереси 225

христианство 34, 84, 187, 212, 213,
218, 219, 224, 380, 391, 401,
405, 415, 448, 459, 460, 497,
523, 641 *, 643 *, 648 *

апостольское 371

раннее 130, 187, 221, 223, 316,
324, 334, 351, 374

в Римской империи 193, 224

хронология майя 603, 605

хурритские боги 294

хурритский язык 285, 287

цадокитские тексты — см. тексты
цадокитские

цадокиты 440—442, 447, 448, 454

царство пресвитера Иоанна 386,

647 *

церковь греческая православная
336, 341, 348

коптская 171, 246, 388

ранняя христианская 219, 351

цивилизация американо-индейская,

доколумбова 549, 556, 586,

590, 596, 605, 610

арабская 329, 409, 436

буддийская 543

византийская 434

Гватемалы и Юкатана 587, 588

греко-анатолийская 380

греко-иранская 379

греко-римская 496

греко-семитская 379—380

египетская 125, 143, 245, 248,

250, 254, 272

индийская 496

китайская 495, 496

критская, крито-микенская 151,
644 *

майя 582, 596, 600, 605, 606,
611

Мексика 265, 578, 583, 633

Месопотамия 265, 283

Минийская 36

мусульманская 45, 434

персидская 496

ханаанская 301

хараппская 650 *

шумерский язык 284

эбиониты 482

эволюция греческого письма 208

еврейской молитвенной книги
433

еврейской религии 438

египетских иероглифов 251

египетской религии 258

книги 402, 403

украшений мумий в Египте 152

«эгейские» изделия 151, 278

эгейские (минойские) сооружения
151

экспедиция Араго в Мексику 587

Наполеона в Египет 132, 133,
639 *

эллинизм 130, 137, 230, 242, 243

эллинистическая эпоха в Египте
121, 211, 214

эллинистическое право 202

эпиграфика 285, 650
 мая 613
 Туркестана 506, 517
 угаритская 296
эпикуреизм, эпикурейцы 115, 116,
 117, 638 *
эпикурейская философская школа
 101, 115, 117
эпикурейские общины 116
эпикурейские тексты — см. тексты
 эпикурейские

эпистолярный жанр, стиль 48, 52,
 53
эпоха фараонов в Египте 181, 184,
 200
эссены — см. ессени
эфиопские документы 327
эфиопский язык 244

«юбилейный год» 56, 637 *

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ СОЧИНЕНИЙ

- «Аббот» папирус 255
«Абот де рабби Натана» 416, 648 *
«Агрикола» Тацита 81
«Александрийский кодекс» — см. Новый Завет
«Алмазная сутра» 47
«Анабасис» Ксенофонта 641 *
«Андромаха» Еврипида 463
«Анналы» Тацита 61, 63, 84, 466
«Анналы какчикелей» («Хроника Тешпан-Атитлана») 593
«Анналы Куаутилана» — см. «Кодекс Чимальпопока»
«Антиопа» Еврипида 155, 156
«Апокалипсис» 323, 361
«Апокалипсис Авраама» 454
«Апология» Саади бен Иосифа 435
«Апология Аристиды» 365
«Арабский кодекс» — см. Новый Завет
«Аргонавтика» Валерия Флакка 75, 638 *
«Аргонавты» Аполлония Родосского 91
«Афинская полития» Аристотеля 138, 160, 167, 172—174, 182, 207, 208
«Африка» Петрарки 46

«Беккер I», «Беккер II» 624
Библия 220, 259, 262, 298, 299, 301, 311—313, 333, 343, 361 385, 413, 417, 418, 420, 430, 333, 434, 440
Библия Алкунна 85
Библия, армянская версия 392
Библия греческая 345, 396
Библия иудейская 411, 463
Библия караимская 433
«Библия короля Якова» («Утвержденная версия») 361, 362, 419

Библия тольтекская — см. «Тео-амоштли»
«Библия упрощенная» 433
Библия, эфиопская версия 392
Биография Будды 647 *
Биография Еврипида 204
«Божественная комедия» Данте 57
«Большой Харрис» («Харрис I») 129, 254, 255

«Варлаам и Иоасаф» 387, 647 *
«Ватиканский кодекс» библейский — см. Новый Завет
«Ватиканский кодекс» мексиканский 584
«Венский кодекс» — см. «Кодекс Виндобоненсис»
«Веронский кодекс» — см. «Письма Цицерона»
«Верчеллианский кодекс» — см. «Письма» Цицерона
Ветхий Завет 261, 296—299, 301, 307, 313, 334, 335, 339, 374, 381, 385, 393, 395, 404, 413, 415, 446, 460, 463
Ветхий Завет греческий 334, 339, 398
древнееврейский 374, 408
масоретский текст 460, 461, 648 *
перевод Аквилы 428, 429, 648 *
«В защиту Евксениппы» Гиперида 160, 177
«В защиту Ликофора» Гиперида 177
«В защиту Фрины» Гиперида 178
«Видение Исая» 454
«Византийский кодекс» — см. Новый Завет
«Ворчун» Менандра 215
«Воспоминания о Сократе» Ксенофонта 641 *
«Восьмеричный путь» Будды 260

«В память о павших на Ламийской войне» Гиперида 177
«Вторая книга Ездры» 399
«Второзаконие» 366, 402, 404, 405, 470, 472, 473, 475, 476, 478, 479, 480, 484—486
«Вульгата» 388, 394

«Гамбургская рукопись» 561
«Гекала» Каллимаха 140
«Гексапла» 430, 433
«География» Страбона 643 *
«Германия» Тацита 81
«Герой Рабиняля» 595
гимн Сезострису III 256
гимн Унаса 257
гимн Эхнатона 266, 636
«Гипсипила» Еврипида 207
«Главы раввина Елиезера» — см. «Изречения раввина Елиезера»
«Горгий» Платона 155
«Греческая история» Ксенофонта 641 *

«Дамасский документ» («Фрагменты цадокитского сочинения») 438—442, 447—449, 451—454
«Дао дэ цзин» 467
«Декамерон» Боккаччо 55, 63
«Десять заповедей» библ. 480, 561
«Десять заповедей» Будды 260
«Деяния апостолов» 224, 323, 395, 398
«Диалоги» Тацита 81
«Диатессарон» 366, 368, 371, 374, 383—390, 398, 419
«Дрезденский кодекс» 561, 571—573, 609, 611, 617

Евангелие Двенадцати 192
«Евангелие евреев» 192, 387
Евангелие — «Кьюртоновская сирийская рукопись», «Сирийский Кьюртон» 324, 369, 370, 385, 392
«Евангелие от Иоанна» 386, 395, 404, 406, 647 *
«Евангелие от Луки» 224, 356, 368, 372, 385, 641 *
«Евангелие от Марка» 351, 356, 368, 369, 372, 383, 385, 392, 395, 641 *

«Евангелие от Матфея» 193, 221, 325, 372, 385, 395, 641 *
«Евангелие Петра» 192, 387
«Евангелие от Фомы» 641 *
Евангелия 191, 192, 220, 344, 366, 367—370, 374, 383—386, 389, 398, 400, 402, 405, 561
Евангелия, «рукопись W» 392
Евангелия сирийские 369—371, 385, 388, 389
«Естественная история» Плиния Старшего 50, 51

«Жалоба госпожи Цинь» 546
«Женские мимы Софрона» 204
«Жизнь Адама и Евы» 454
«Житие Петра Дамиана» 57, 58

«Забота о хозяйстве» Цицерона 53
«Заветы двенадцати патриархов» 438, 454
«Законы Хаммурапи» 284
«Золотой осел» Апулея 63

«Ибис» 63
«Изречения раввина Елиезера» 438
«Илиада» Гомера 45, 49, 129, 137, 149, 150, 157, 167, 211, 259, 266, 298
«Институции» Гая 87, 638 *
«Исповедь» Ж.-Ж. Руссо 52
«Исправленный Ветхий Завет» 361, 362
«Исправленный Новый Завет» 360, 361
«Историческая библиотека» Диодора 643 *
«История» Ливия 70
«История Греции» Феоппа 642 *
«История Синухе (Синухета)» 271
«История» Тацита 61, 63
«История» Фукидида 641 *
«История Филиппа Македонского» Феоппа 642 *
«Иудейская война» Иосифа Флавия 641 *

«Каирский кодекс» 210
«Канцоньер» Петрарки 46
«Киропедия» Ксенофонта 641 *
«Китаб ал-анвар» («Книга светочей») ал-Киркисани 451

«Книга Бытия» 339
 «Книга Даниила» 398, 399
 «Книга Еноха» 395, 398, 399
 Книга Иова 297
 «Книга мертвых» 129, 135, 150, 168, 250, 258—260, 272
 «Книга (Кодекс) Пророков» 297, 396, 411, 648 *
 «Книга тайн Еноха» 454
 «Книга Цадока» 449—451
 «Книга Царств» 163
 «Книга юбилеев» 448, 637 *
 «Книга Яшера» 34
 «Кодекс Бодлей» 577, 624, 629, 633
 «Кодекс Борбоникус» 555
 «Кодекс Борджиа» 571—573, 584, 623, 624
 «Кодекс Виндобоненсис» («Венский кодекс») 621, 624, 627
 «Кодекс Кингсборо» 574
 «Кодекс Коломбино» («Доренберг») 624
 «Кодекс Лода» 575
 «Кодекс Мальябекки XIII—3» («Книга жизни древних мексиканцев») 619, 622
 «Кодекс Медичи» 91
 «Кодекс Менандра» 214
 «Кодекс Мендосы» 562, 574, 575, 622
 «Кодекс Наттол» 567, 618, 623—627, 628, 629
 «Кодекс Падиля» 589
 «Кодекс Палатинус» 85
 «Кодекс Переснанус» («Парижский кодекс») 610—611
 «Кодекс Селден» 624, 628, 629
 «Кодекс Тацита» («Рукопись Ме-
дицеус II») 63
 «Кодекс Троано» 608—612
 «Кодекс Фридриха-Августа» 337, 343; см. также «Септуагинта»
 «Кодекс Чимальпопока» («Анналы Куаутитлана») 585
 «Кодекс Юстиниана» 87, 638 *
 «Комментарии» Аскония Педяна к речам Цицерона 75, 76
 Комментарии к «Диатессарону» св. Ефрема 387, 388
 «Комментарии к псалмам» св. Августина 57

Комментарии Маймонида к «Мидрашу» 472
 «Комментарии Хаваккука» 450, 451
 Коран 379, 413, 430

Легенда о Керете угаритская 303—305

«Лейденский папирус I» 265
 «Ленинградский кодекс» 411, 432
 «Логии», или «Речения Христа» 180, 191—194, 198, 203, 374, 392, 402, 641 *

«Мадридский кодекс» («Мексиканская рукопись № 2») 609, 611

«Мелнамбы» Керкида 207
 «Мидраш» 414, 450
 «Мимы» (прав. «Мимиямбы») Герода 160, 174, 175, 640 *
 «Музейон» Алкидаманта 157

«Наказы» Апана 440
 «Налоговый папирус» 226
 «Негативная исповедь» 260
 «Нихонги» 590

Новый Завет 191, 193, 206, 210, 218—220, 224, 312, 314, 317, 334, 335, 343, 358, 360, 361, 372, 382, 383, 386, 393, 395—398, 402, 404, 419, 446, 463

Новый Завет, «Александрийский кодекс» 319, 344, 345
 «Арабский кодекс» 371
 «Ватиканский кодекс» 149, 192, 312, 319, 320, 335, 344, 345, 372, 400, 405

версия Лютера 316
 версия Якова I (Джеймса I) 316
 «Византийский кодекс» 316
 греческий 335, 369
 издание Весткотта и Хорта 361
 издание Тишендорфа 315, 338, 340, 342, 343, 361
 издание Эразма Роттердамского 316, 391

«Кларомонтанский кодекс» 317, 319

«Кодекс Ефрема (Сирина)» 317, 318

на арабском языке 321

на готском языке 316

на коптском языке 316

«Синайский кодекс» 149, 192, 311, 312, 345, 349, 350, 351, 354—357, 359, 361, 372, 385, 393, 394, 397, 399, 400, 404—406, 544, 645 *
 сирийский, «Пешитта» 366, 370, 371, 384, 388

«О возвышенном» 640 *
 «О государстве» Цицерона 320
 «О земледелии» Катона Старшего 638
 «О сельском хозяйстве» Катона Старшего 65
 «О природе вещей» Лукреция Карра 77
 «О славе» Цицерона 53, 54
 «О смерти» Филодема 109
 «О страстях господних» Мелитона 395
 «О искусстве войны» Цицерона 53
 «Об ораторском искусстве» Цицерона 78
 «Об утешении» Цицерона 53
 «Обреченный царевич» 269, 270
 «Ода Дельфам» 207
 «Одиссея» Гомера 129, 137
 «Ольента» («Ольентай») 594
 «Оправдание Аристиды» 387
 «Отеческие наставления» 546
 «Откровения святого Иоанна» 395

«Папирус Нэша» 374, 398, 432, 468, 648 *
 папирус д'Орбиной — см. «Сказка о двух братьях»
 «Папирус Петри» 149
 «Папирус Присс» 260, 261
 «Папирус пророчеств» 138
 Папирус Райлендса 405, 406
 «Папирус Райнд» 256, 636
 «Папирус Салье I» 270
 Папирус Эджертон 647
 «Параллельные жизнеописания» Плутарха 643 *
 «Парижский кодекс» — см. «Кодекс Переснанус»
 «Пастырь» Гермы 345
 «Пастырь» Гермы, манихейская версия 544
 «Пеаны» Пиндара 207
 «Первая книга Моисеева» 339

«Первое послание к римлянам» 345
 «Персы» Тимофея Милетского 210, 642 *
 «Песнь о Роланде» 648 *
 «Песнь песней» 267
 «Пешитта» — см. Новый Завет сирийский
 «Пир» Платона 214
 «Письма к Аттику» Цицерона 51
 «Письма к Цицерону» Петрарки 52, 53
 «Письма Цицерона» (Веронский кодекс) 64, 65
 «Письма Цицерона» (Верчеллианский кодекс) 65
 «Пополь-Вух» («Книга народа») 589—593, 610
 «Послание Варнавы» 344, 345, 355, 399
 «Послание Иуды» 398
 «Послания» апостола Павла 385, 394—396, 466
 «Поучения Ахтоя» 263, 264, 644 *
 «Похвала философии» Цицерона 53
 Поэма о битве при Кадеше (неправ. «Поэма Пентаура») 253, 264, 266, 294
 «Премудрость Иисуса, сына Сирахова» — см. «Экклесиастик» Иисуса бен Сиры
 «Приапея» 63
 «Притчи Соломоновы» 261, 262, 428
 «Против Афиногена» Гиперида 178
 «Против Демосфена» Гиперида 177
 «Против Никократа» Исократ 150
 «Псалмы» 297, 419, 420, 446, 451
 «Псалтырь» 432
 «Пуника» Силия Италика 77, 638 *
 «Путешествие Ун-Амуна в Библ», египетский папирус 255, 270, 271, 276, 643 *, 644 *
 «Пятикнижие» 396, 413, 414, 432, 434, 461, 476, 480, 590

«Раздельные Евангелия» 386
 «Рай» Данте 60
 «Республика» Цицерона 53, 88
 «Речение Ипувера» 644 *
 «Речения Моисея» 480
 «Речения Христа» — см. «Логии»
 «Ригведа» 589
 «Риторика» Цицерона 43

рукопись Боуэра 492, 493
 «Рукопись Гролье» 652 *
 «Рукопись Медицеус II» — см.
 «Кодекс Тацита»
 «Сатира на ремесла» 263
 «Сатирикон» Петрония 637 *
 свиток Ани 168
 свиток Борджиа 123
 свиток Исая 463
 «Свиток Селдена» 576, 577
 «Седер Элийяху» 438
 «Септуагинта» 219, 334—336, 338,
 339, 343, 396, 398, 404, 428,
 461, 642 *
 «Синайская Библия» 349; см. также
 Новый Завет, «Синайский ко-
 декс»
 «Синайский кодекс» — см. Новый
 Завет
 «Синайский сирийский» («Сирий-
 ский палимпсест», «Сирус
 Синаитикус») 368—370, 372.
 «Сирийский Кьюртон» 369, 370, 385
 «Сирийский палимпсест» — см.
 «Синайский сирийский»
 «Сирус Синаитикус» — см. «Синай-
 ский сирийский»
 Сказание об Ахкате («Эпос Дани-
 ила») 303, 305—307
 «Сказание о Гильгамеше» 266, 298,
 305, 636
 «Сказка о двух братьях» 254, 268,
 469
 «Следопыты» Софокла 203
 «Словарь из Мотуля» 607
 «Сокращение «Истории» Геродота»
 Феопомпа 642 *
 Талмуд 381, 410, 413, 414, 416, 417,
 434
 «Тексты пирамид» 257, 260
 «Теоамощли» 570, 579—580, 610
 «Тимей» Платона 89
 «Тольтекская история» 585
 трактат Аменемопе 262
 «Тысяча и одна ночь» 267
 «Утерянное Евангелие» 404
 «Учитель праведности» 448
 «Федон» Платона 155, 156
 «Флорентийский кодекс» 553

«Фрагменты цадокитского сочи-
 нения» см. «Дамасский до-
 кумент»
 «Харрис I» — см. «Большой Хар-
 рис»
 «Харрис 500» 255, 267, 269
 «Хроника Тешпан-Атитлана» —
 см. «Анналы какчикелей»
 «Цзи-цзю-чжан» 519
 «Чилам Балам» 592
 «Числа» 398, 402
 «Шахох-Тун» 594
 Шестикнижие 645 *
 «Эдда» 589
 «Экклесиаст» библ. 648 *
 «Экклесиастик» Иисуса бен Сиры
 (Сираха) («Премудрость
 Иисуса, сына Сирахова») 261,
 263, 416—421, 428, 429, 431,
 438, 439, 440, 441, 454, 648 *,
 649 *
 «Энеида» Вергилия 43, 77, 307, 638 *
 «Эней» Еврипида 203
 «Эпос Даниила» — см. «Сказание об
 Ахкате»
 «Ad Familiares» («К близким») Ци-
 церона 65
 «Aliscans» 434
 Carta Borgiana 138, 144, 220, 247
 «Constitutio Antoniana» 226
 «De differentia» 65
 «De gloria» Цицерона — см. «О сла-
 ве»
 «De republica» — см. «Республика»
 Цицерона
 «De vita solitaria» («Жизнь в одино-
 честве») Петрарки 57
 «Oratio in L. Pisonem» Цицерона 78
 «Oxyrhynchia Hellenica» 207
 «Pro Archia» («В защиту Архия»)
 Цицерона 50
 «Pro Caecina» («В защиту Цецина»)
 Цицерона 77
 «Pro Murena» («В защиту Мурены»)
 Цицерона 73
 «Pro Sexto Roscio» («В защиту Сек-
 ста Росция») Цицерона 73

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Фото 1. Египетская мумия из Дейр-эль-Бахри близ Фив. После того как археологи извлекли ее из саркофага и частично развернули, на ней был обнаружен папирусный свиток; рука мумии как будто еще продолжает сжимать его.

Фото 2. Опечатанный арамейский папирус с Элефантины, острова на Ниле близ Асуана.

Фото 3. Пролежавший в земле более двух тысяч лет и затем заточенный в подвалах музея арамейский папирус с Элефантины наконец-то развернут руками специалиста с помощью тонкой лабораторной техники.

Фото 4. Египетский папирус значительной длины, сфотографированный перед тем, как он был развернут и помещен под стекло. Текст на его внешней стороне выполнен изящными знаками иератического письма. Этот папирус находится в библиотеке Честера Битти в Дублине.

Фото 5. Деталь погребального папируса XXI династии (1090—945 гг. до н. э.), найденного экспедицией Ньюйоркского музея искусств «Метрополитэн» при раскопках в Дейр-эль-Бахри, в окрестностях Фив. Здесь изображена Хенттове, предстающая с приношениями перед Осирисом, богом мертвых.

Фото 6. Сорбонские папирологи при помощи зонда и шпателя клочок за клочком снимают с папирусного картонажа слой, содержащий текст. Данный фрагмент находился в грудной части мумии III в. до н. э.; оболочку сначала обработали соляной кислотой для того, чтобы смыть грунтовку, а затем пропарили в паровой бане.

Фото 7. Древние письменные принадлежности времени XII династии или Среднего царства; впрочем, на протяжении трех тысячелетий истории цивилизации Нильской долины они не претерпели существенных изменений. Продолговатые предметы справа и слева — так называемые палетки, изготовлявшиеся из дерева и служившие пеналами для тростниковых перьев и писчих кисточек. Обсидиановая чаша в центре предназначалась для воды, в которой разводили чернила. Деревянная коробочка справа — чернильница. Деревянным молотком отбивали папирус, чтобы слои его плотнее прилегали друг к другу. В центре — письмо жреца, исполнявшего погребальные обряды; оно написано вертикальными столбцами иератикой периода XI династии.

Фото 8. Глиняные клинописные документы разнообразной формы. Шестиугольный предмет слева — знаменитая «Призма Синаххериба» из Ниневии, ныне хранящаяся в Институте востоковедения Чикагского университета. Два бочкообразных цилиндра меньших размеров датируются временами Навуходоносора (605—561 гг. до н. э.) и Саргона II (722—705 гг. до н. э.).

Фото 9. Лист пергамена из «Синайского кодекса», укрепленный на растяжках в Британском музее перед тем, как рукопись был сделан новый переплет.

Фото 10. Так писали на глиняных табличках. Современная реконструкция.

Фото 11. Вид монастыря св. Екатерины у подножия горы Синай на Синайском полуострове.

Фото 12. Снятая в инфракрасных лучах фотография трудной для прочтения рукописи V в. «Кодекс Ефрема (Сирина)», пергаменного палимпсеста, хранящегося в Национальной библиотеке в Париже. Поверх старого текста написан выполненный в XII в. греческий перевод сочинения св. Ефрема, сирийского богослова.

Фото 13. Гностические рукописи из Хенобоскиона (Египет), найденные почти одновременно со свитками Мертвого моря, представляют собой, по существу, целую библиотеку древних книг исключительно хорошей сохранности.

Фото 14. Фрагмент «Диатессарона» на веллуме, найденный при раскопках Дура-Европос, эллинистическо-римского аванпоста на Евфрате. Этот крошечный фрагмент считается древнейшим имеющимся новозаветным текстом на веллуме.

Фото 15. Вид с птичьего полета частично раскопанных монастырских строений Хирбет-Кумрана, приютившихся над крутыми откосами вادي Кумрана в Иудейских холмах. На переднем плане видны несколько входных отверстий пещер.

Фото 16. Один из свитков Мертвого моря, разворачиваемый ученым из Еврейского университета в Иерусалиме.

Фото 17. Два медных свитка на месте их находки в кумранской пещере III. Сильно поврежденные окислением, свитки прежде могли составлять один цельный лист. Чтобы раскрыть их, ученым пришлось решить ряд сложных технических проблем.

Фото 18. Аурул Стейн (1862—1943 гг.). Рисунок Уильяма Ротенштейна.

Фото 19. Члены международной группы специалистов по Ветхому завету за работой над фрагментами свитков Мертвого моря в так называемом свиткохранилище Музея археологии Палестины в Иерусалиме.

Фото 20. Вид крупным планом части Пещер Тысячи будд близ Дуньхуана, на дальнем западе Китая. Большинство преддверий вследствие эрозии мягкой породы оказалось разрушенным, но во внутренних галереях еще уцелели большие святилища, иногда украшенные чудесными древними фресками и впечатляющими известняковыми статуями Будды.

Фото 21. Некитайские документы из замурованной библиотеки в Пещерах Тысячи будд. Среди этих древних рукописей: 1 — санскритский религиозный текст на пальмовых листьях; 2 — бумажный свиток с манихейским «Покаянием» на древнетюркском языке; 3 — книга на тюркском руническом; 4, 6 — уйгурские тексты, также имеющие форму книг; 5 — потхи (просверленные продолговатые листы бумаги, по форме подражающие пальмовым листьям), написанные курсивным центральноазиатским брахми; 7 — свиток, также в курсивном брахми, написанный на оборотной стороне китайского текста; 8 — согдийский свиток; 9 — лист потхи из тибетского буддийского текста.

Фото 22. Стела с надписью из Копана, зарисованная Фредериком Казервудом для книги Дж. Л. Стефенса «Приключения во время путешествия в Центральную Америку, Чьяпас и Юкатан» (1841 г.). Майя воздвигали подобные монументы с иероглифами через регулярные интервалы для того, чтобы отмечать течение времени.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фото 1

Фото 2

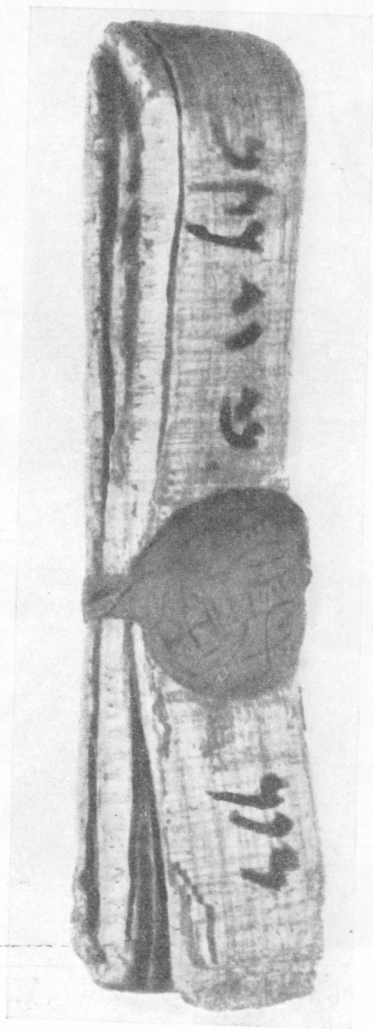
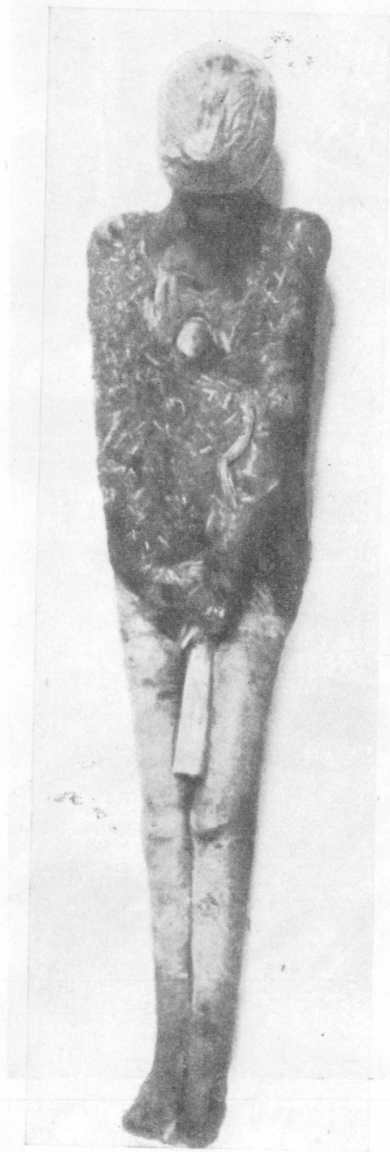

Фото 3

Фото 4

Фото 5

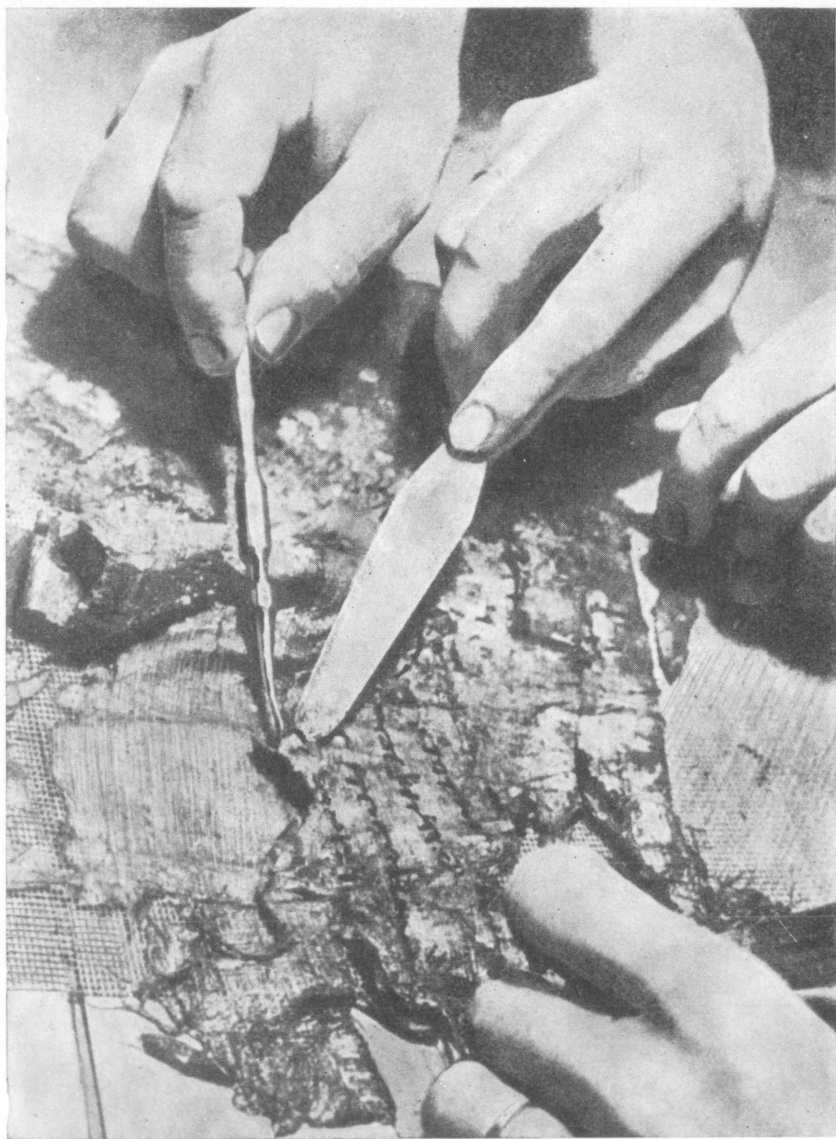

Фото 6

Фото 7

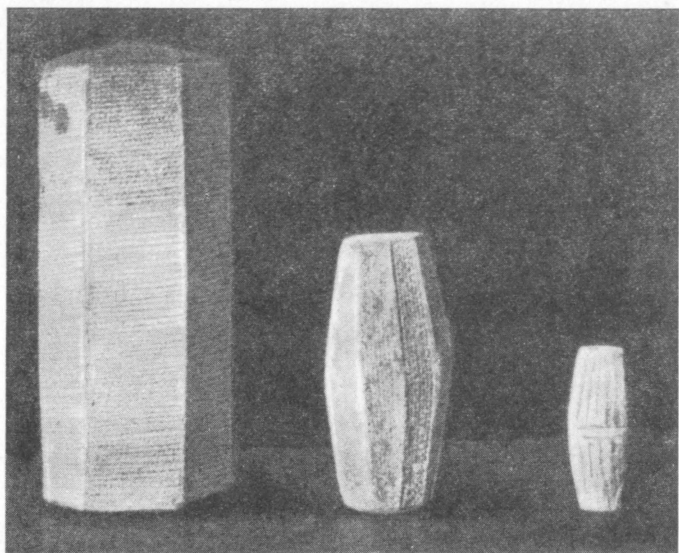
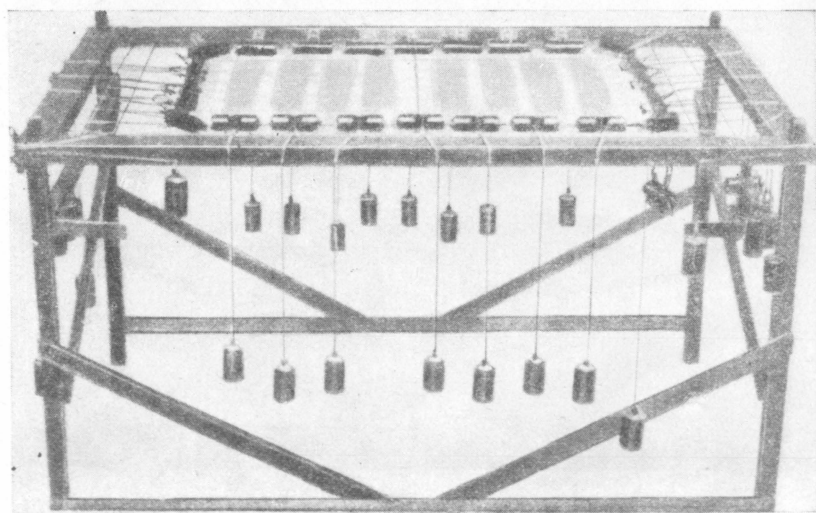

Фото 8

Фото 9

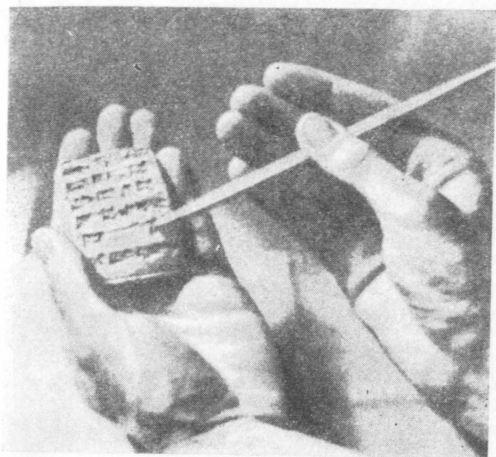

Фото 10

Фото 11

Фото 12

Фото 13

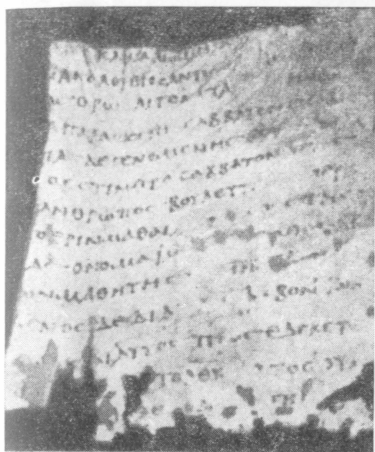

Фото 14

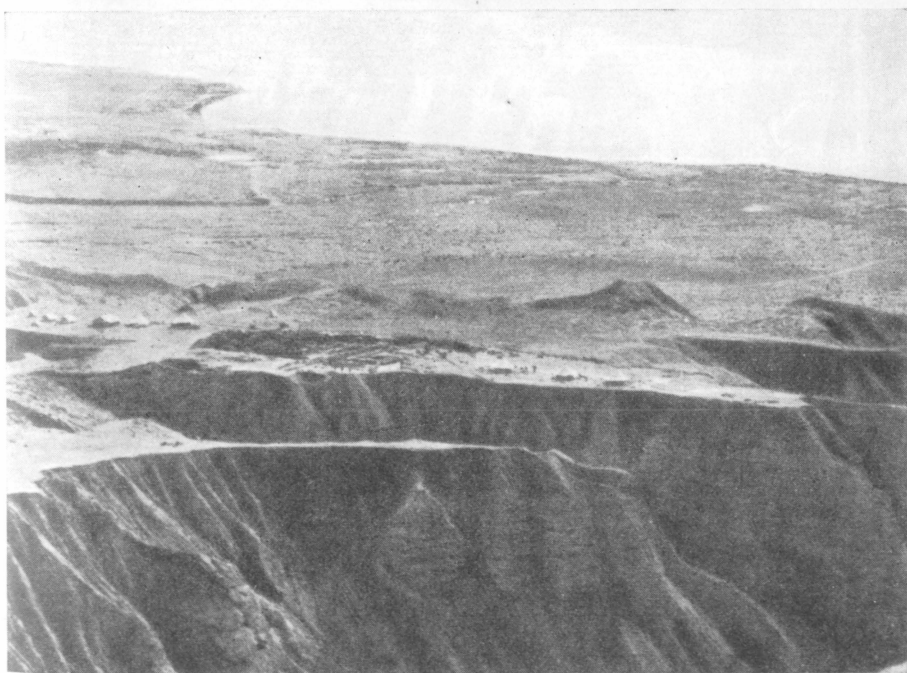

Фото 15

Фото 16

Фото 17

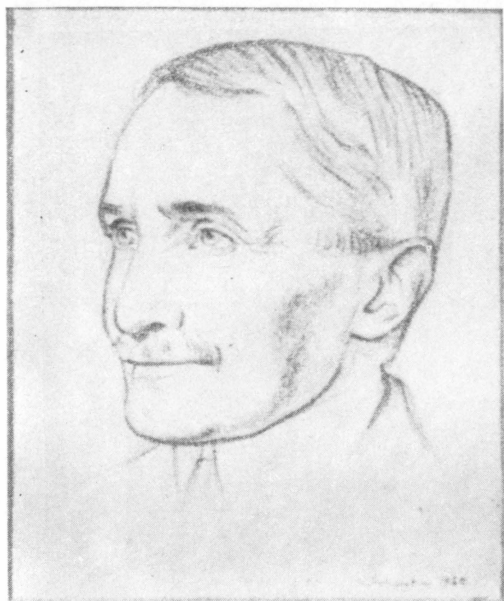
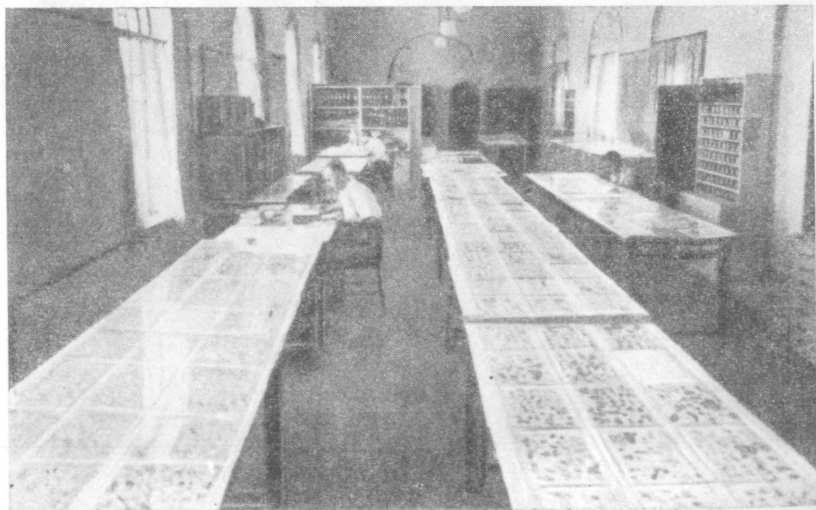

Фото 18

Фото 19

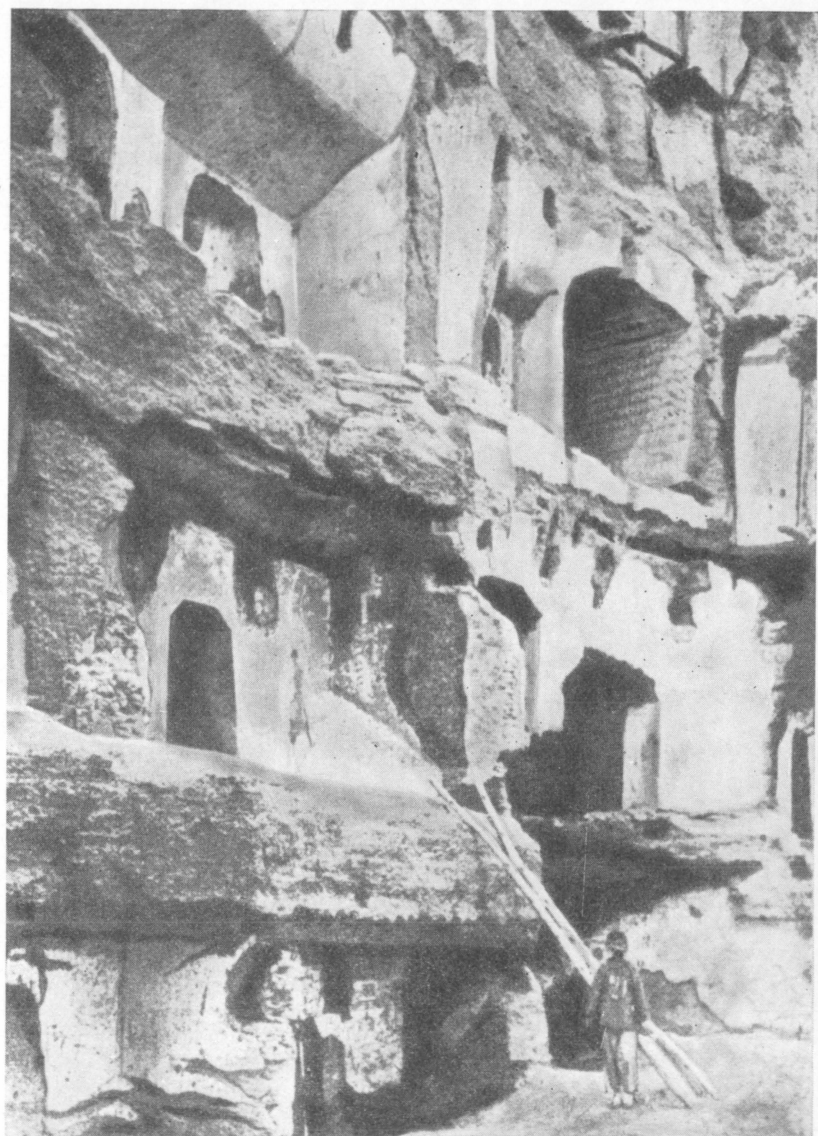

Фото 20

Фото 22

ОГЛАВЛЕНИЕ

Я. В. Васильков. Предисловие	5
Предисловие автора	34

Книга I ПРЕЛЮДИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ

I. Поиски Цицерона. Петрарка	42
II. Гуманисты в действии. Боккаччо и Салутати	55
III. Страстный книголюб. Поджо Браччолини	68

Книга II ДОЛГОВЕЧНОСТЬ ПАПИРУСА И ГЛИНЫ

Классическая литература

IV. Свитки и вилла	94
V. Папирус Египта	121
VI. О чем рассказали саркофаги Флиндерс Петри в Файюме	142
VII. Торговля папирусами. Уоллис Бадж	159
VIII. Жемчужины в кучах мусора. Гренфелл и Хант	180
IX. Снова в Оксирихе	200
X. Книга без обложек	217
<i>Древний Ближний Восток</i>	
XI. Древнейшие книги мира	244
XII. Библия ханаанеян	274

Книга III ЭПОХА ПЕРГАМЕНА

Новый завет

XIII. Тишендорф в поисках «подлинного» Нового завета	310
XIV. «Синайский кодекс»	337
XV. Две ученые дамы в Леванте	360
XVI. Неуловимый «Диатессарон»	374
XVII. Новые данные о Новом завете	391

Древнееврейские священные тексты

XVIII. Каирская гениза	407
XIX. Пещеры в Иудейской пустыне	444
XX. Загадка Шапиры	464

Книга IV
СОКРОВИЩА ШЕЛКА,
ДРЕВЕСНОЙ КОРЫ И БУМАГИ

Центральная Азия

XXI. По стопам Марко Поло. Аурел Стейн	488
XXII. У Тысячи будд	525

Новый Свет

XXIII. Волшебство мексиканских рисованных книг. От Гумбольдта до Кингсборо	549
XXIV. Брассёр открывает Диэго де Ланда и допотопное человечество	581
XXV. Изгнанный дьявол. От Зелии Наттол до Альфонсо Касо	614
Эпилог	635
Примечания	637
Библиография	654
Указатель имен	674
Указатель географических и топографических названий	682
Указатель этнических названий	689
Предметно-терминологический указатель	691
Указатель названий сочинений	704
Список иллюстраций	709

ЛЕО ДОЙЕЛЬ
ЗАВЕЩАННОЕ ВРЕМЕНЕМ
Поиски памятников письменности

*Утверждено к печати Редакцией серии
«Культура народов Востока»*

Редактор *И. Л. Елевич* Младший редактор *Р. М. Аветисова* Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор *Б. Л. Резников* Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 13804

Сдано в набор 07.03.79. Подписано к печати 11.10.79. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 2. Полутоновые илл. отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. л. 42,32. Уч.-изд. л. 42,1.
Тираж 15 000 экз. Зак. 1627. Цена 3 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
2-я типография изд-ва «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10.
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1